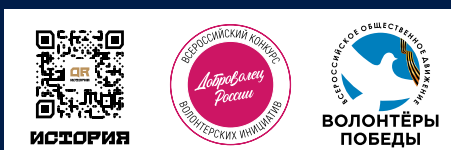

Александр Малов родился в октябре 1926 года в деревне Старые Курбаши Кайбицкого района. На фронт был мобилизован в 1943 году. В составе 57-го отдельного танкового полка 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко воевал механиком-водителем бронетранспортера. Участвовал в шести крупных боевых операциях 1-го Украинского фронта, освобождал Украину, Польшу, Германию, Чехословакию, имел боевое ранение.

Многие годы проработал в средствах массовой информации Татарстана. Член Союза журналистов СССР с 1959 года. Научный работник. Под его научным руководством разработаны рекомендации по организации производства и труда для буровых предприятий: «Татнефть», «Башнефть», «Удмуртнефть», «Куйбышевнефть», «Саратовнефтегаз» и «Мегионнефтегазгеология». Написал множество очерков, рассказов, фельетонов, ряд повестей, более 30-ти научных работ, опубликованных в Казани, Тюмени, Москве. Один из авторов книги о Героях СССР Татарстана.

Представленный сборник «Слово пахарей войны» содержит истории и размышления участников Великой Отечественной войны, отдельные очерки о ветеранах, опубликованные в ведомственных газетах предприятий Татарстана, где они трудились после окончания войны. Отдельная глава посвящена мобилизованным из Татарии солдатам и офицерам, представленным к званию Героя Советского Союза, но не получившим его.

Александр Малов

Слово пахарей войны

Я хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают «винтиками» государственного механизма, но без которых мы все – маршалы и командующие фронтами – говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо «винтик» разладился – и кончено.

Я поднимаю тост за людей простых, обычных, скромных, за «винтики», которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Это десятки миллионов людей. Никто о них не напишет, званий у них нет, чинов мало, но это – люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей.

Иосиф Сталин

Прием в честь участников Парада Победы
24 июня 1945 года

СЛОВО ПАХАРЕЙ ВОЙНЫ

УДК 355.292.3
ББК 63.3(2)622.78+68
С

Издание осуществлено по инициативе республиканского проекта «Наставление, опаленное войной» на грантовые средства Всероссийского конкурса «Доброволец России»

Автор проекта: А.Малов

Авторы-составители: А. Малов, Р. Гараев

С **Слово пахарей войны:** сборник / авт.-сост.: А. Малов, Р. Гараев, – Казань: ООО «Мир без границ», 2022. – 232 с.
ISBN 978-5-6046375-1-7

Книга «Слово пахарей войны» представляет собой бесценный источник информации для исследователей и тех, кто интересуется событиями Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Издание содержит воспоминания фронтовиков – уроженцев Татарстана, сражавшихся за Родину и внесших свой вклад в разгром смертельного врага.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-6046375-1-7

УДК 355.292.3
ББК 63.3(2)622.78+68

© Малов А.М.
© ООО «Мир без границ»

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	6
Парад, вселивший веру в Победу. <i>Е. Ильин</i>	7
Первые бомбы я сбросил на Берлин. <i>С. Ишимбитов</i>	8
Незаживающие зарубки. <i>А. Козин</i>	8
Слово штурмана «рус фанеры». <i>М. Сидоров</i>	11
Верю в мистическую силу в бою. <i>М. Ярочкин</i>	17
Всегда на стыке с противником. <i>Н. Шагалин</i>	20
По тылам врага в составе армейской части. <i>Я. Круглов</i>	21
На передовой и за ее чертой. <i>Н. Мошков</i>	22
То в боях, то в госпиталях. <i>К. Яхиев</i>	29
Будни санитарки полевого госпиталя. <i>Н. Королева</i>	31
С шашкой наголо – на броню Рура? <i>В. Пилипенко</i>	33
Устойчивая связь – важная составляющая боя. <i>Т. Гарбуз</i>	34
Исповедь зенитчицы. <i>Ф. Яхина</i>	35
За два года через три страны. <i>А. Николаев</i>	37
Я заглянул смерти прямо в глаза. <i>Г. Никишин</i>	38
«Летающий танк» был грозой для врага. <i>В. Смирнов</i>	40
Я врага штурмовал с неба. <i>С. Доломанов</i>	41
Волгарю довелось форсировать иноземные реки. <i>А. Заказников</i>	43
Будни артиллеристов. <i>В. Даутов</i>	44
С первого до последнего дня. <i>Х. Зарипов</i>	50
К мирной жизни через ад. <i>М. Салимов</i>	51
Через две войны. <i>И. Сидоров</i>	54

Фронтальная дружба на всю жизнь. <i>К. Храмов</i>	55
Невыдуманная история. <i>О. Шейнер</i>	58
Опередили американцев. <i>И. Халаманов</i>	61
Записки парторга роты. <i>К. Ераполов</i>	62
Незащищенная броня (мнение солдата-фронтовика). <i>К. Ераполов</i>	76
Рядовой хатирэлэре (на татарском языке). <i>А. Малов</i>	78
Глава 2. ДОБРОЕ СЛОВО О ПАХАРЯХ ВОЙНЫ.....	178
Мастер ночных боевых операций. <i>Л. Иванова</i>	179
Из рукопашного – живым, но без зубов. <i>В. Климов</i>	180
Большой жизнелюб. <i>Л. Иванова</i>	181
Кто говорит, что на войне не страшно... <i>Л. Иванова</i>	183
«Я помню по именам весь батальон». <i>Л. Иванова</i>	183
Без претензий на славу. <i>Л. Иванова</i>	185
Отзвук Сталинграда из писем. <i>Р. Гараев, Э. Сафронова</i>	186
Из последнего призыва войны. <i>М. Салимзянова</i>	188
В боях жестоких уже после Победы. <i>Л. Иванова</i>	190
Отважно защищал Родину. <i>Р. Гараев</i>	191
Отстоял страну, подался на новостройку. <i>Н. Киселев</i>	193
Умело воевал, ныне успешно готовит в школе воинов. <i>Н. Степанов</i>	194
Воевал и работал на совесть. <i>Л. Глебова</i>	195
Сопровождал союзнические караваны. <i>В. Ваганов</i>	196
Мы были сильные духом... <i>Л. Иванова</i>	197

Глава 3. СЛОВО О ПАРТИЗАНАХ И ПОДПОЛЬЩИКАХ	198
Результативный мститель. <i>Р. Гараев</i>	199
Дважды ранен, трижды славен. <i>А. Иванов</i>	200
За Родину с благородной яростью. <i>Д. Гараев</i>	202
Завтра была война. <i>Ю. Попов</i>	207
Раиса – дочь Родины. <i>В. Музыкаченко</i>	209
Диверсант из нашей глубинки. <i>Р. Загирова</i>	211
Эшелоны врага катились... под откос. <i>С. Афанасьев</i>	214
Юная партизанка. <i>А. Веселова</i>	215
Прожил жизнь честно и достойно. <i>Р. Лаишевская</i>	217
Герой Франции, мсье Серж... Камалов. <i>В. Музыкаченко</i>	218
Глава 4. УДОСТОЕНЫ ИНЫХ НАГРАД.....	220
Некоронованные Герои Советского Союза. <i>М. Черепанов</i>	221

Ссылка на документальные кадры:
генерал-полковник П.С. Рыбалко на награждении бойцов
57-го отдельного гвардейского танкового полка и на испытаниях
фаустпатронов на танковом полигоне.

Из первых уст

Собрать воспоминания фронтовиков было задумано в канун 70-летия Победы. То есть с непростительно большим опозданием. Когда большинство выживших на войне, особенно старшего поколения фронтовиков, уже оказалось в мире ином. А 96-летних живых (столько ныне самому молодому фронтовику) волнуют в основном проблемы здоровья, а не военное прошлое. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Не спохватись составители тогда, не было бы и этого скудного перечня выступающих с воспоминаниями. Ибо сегодня уже нет в живых большинства авторов, выступающих здесь от первого лица.

Еще в недавнем прошлом, из ложного понимания патриотизма, не принято было вспоминать о «неудобных» аспектах войны, о поражениях и потерях по вине неумелых, бездарных и недобросовестных командиров, а говорить о вине высшего командования – тем более.

В сборнике, за редким исключением, нет материала о «коронованных» героях. По двум причинам. Их подвиги уже неоднократно воспевали. Надо, наконец, дать слово простым «пахарям» войны. Писать только о героическом, ориентируясь на конечный итог войны, – значит давать о ней искаженное представление молодым. «Вот, мол, мы какие! Было много упущений, но нам все по плечу!» А такое однобокое толкование событий не даст ничего хорошего для будущего.

Диверсии, предательства, беспечность, бездарное командование – ой как много нехорошего было в армии и стране в первый год войны! Поэтому, чтоб остудить пыл сторонников шапкозакидательства и ура-патриотизма, нелишне напомнить сегодня данные историков-аналитиков войны. «С 22 июня по 10 октября было задержано 637 тысяч 364 дезертира. За первые полгода войны попало в плен, осталось за линией фронта и пропало без вести 2 миллиона 335 тысяч человек». (Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993, С. 146.)

Печальная статистика. Горько вспоминать. Но нельзя и забывать. Было такое.

Не дает оснований для упоения былой победой сегодня и геополитическая ситуация. За океаном и в Европе появилось много охотников оболгать, извратить, принизить всемирно-историческое значение нашей Победы.

В сборнике, из-за изложенных выше причин, маловато критически осмысленных воспоминаний о боях и ситуациях времен войны. Немногие все же поднялись до критической оценки исторических событий того времени. И все же, в назидание молодым, уже четвертому послевоенному поколению, считаем, полезно выслушать от фронтовиков не только рассказы об их личном вкладе в дело Победы, но и самую неприглядную, горькую правду о событиях тех лет.

Парад, вселивший веру в Победу

Е. Ильин

Страна отметила 75-летие битвы под Москвой. На Красной площади 7 ноября 1941 года состоялся традиционный парад, откуда войска сразу шли на фронт, что находился тогда в 27 км от столицы. В том знаменитом параде принимал участие наш земляк Евгений Петрович Ильин, красноармеец Отдельной мотострелковой бригады особого назначения.

С конца сентября 1941-го на подступах к столице начались ожесточенные бои.

Гитлеровцы развернули генеральное наступление на Москву. В этой грозной обстановке в ночь с 15 на 16 октября части нашей бригады, занимавшие оборону в районе станций Клязьма, Кратово, подняли по тревоге и на электричках доставили в столицу. Нам выделили сектора обороны – в основном окрестности Кремля и правительственные здания. Части бригады энергично взялись за организацию противотанковых заграждений – ежей, баррикад и других оборонительных сооружений, несли патрульную службу. По ночам ходили в разведку, совершали диверсионные вылазки и налеты в тылу противника.

Одной из славных страниц в летописи бригады стало участие в историческом военном параде на Красной площади, и мы справедливо считаем себя причастными к событию мирового значения. С конца октября в нашем полку отобрали высоких бойцов (у меня рост был 178 см) и освободили от всяких нарядов, заставили – в трех шагах от фронта! – заниматься строевой подготовкой. Мы не ведали – к чему это? Лучше бы готовились к бою...

А 7 ноября нас подняли в четыре утра и после усиленного завтрака построили при полной боевой экипировке. Погода в то утро была отвратительной: шел мокрый снег, дул сильный ветер. До Красной площади пришлось идти по скользкой мостовой. Наши три батальона стояли в общем строю в ожидания начала парада.

В восемь утра из ворот Спасской башни на коне выехал Семен Буденный, которому командующий парадом генерал Артемьев доложил о построении участников парада. Потом Буденный и Артемьев объехали выстроенные части, Буденный поздравил нас с 24-й годовщиной Октября. Мы закричали «Ура!»

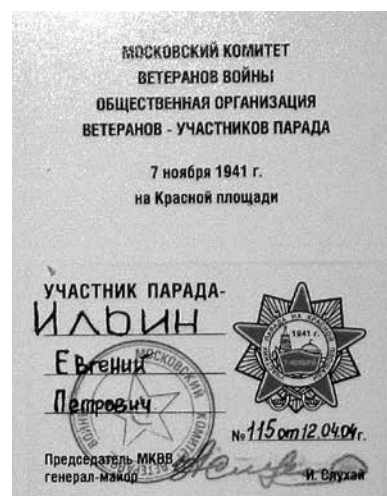
Любопытно отметить, что к началу выступления с трибуны И.В. Сталина снегопад прекратился и вождя нам хорошо стало видно. По команде «К торжественному маршу, побатальонно...» с винтовками наперевес наши «коробки» двинулись в сторону мавзолея

В.И. Ленина. Парад длился около часа. А сколько было пережито за это время!

С Красной площади мы ушли уверенные, что скоро погоним врага от Москвы. Контрнаступление наших войск под Москвой началось 6 декабря и стало предвестником Великой Победы над фашистской Германией.

Ильин
Евгений Петрович

Первые бомбы я сбросил на Берлин

С. Ишимбитов

Я служил в Ленинградском военном округе борттехником на бомбардировщике ТБ-3. В выходной день собирался поехать в Ленинград, была мечта посмотреть новый фильм в кинотеатре, что-нибудь для себя купить. Утром проснулся – команда – срочно всем на аэродром, началась война.

Подготовили самолеты к полету: опробовал моторы, проверил управление, заправил самолет топливом под пробки. Смотрю, оружейники везут бомбы. Подвесили их, поставили на воздушную чеку, зарядили пулеметы боекомплектом. Старший механик по вооружению доложил о готовности самолета.

Поехали на обед, было много разговоров, высказывали разные версии, куда полетим. Одни говорили – на фронт немцев бомбить, другие – меняем место дислокации, на новый аэродром, но никто ничего точно не знал.

После обеда все ждали команды. На ужин нас не повезли, а доставили к самолетам. Кто прикорнул в бытовке, кто у самолета на травке, все были взволнованы и ожидали чего-то. Из штаба прибыл посыльный: «Командира эскадрильи срочно к командиру полка в штаб!» После возвращения он собрал личный состав, разъяснил поставленную задачу: полетим сегодня, с 22 на 23 июня бомбить Берлин, всем находиться у самолетов, никому никуда не отлучаться.

Наступил вечер. Поступила команда занять свои места в самолетах по готовности №1. Взлетела ракета, наш запуск, я запускаю моторы, прогреваю, пробую, докладываю командиру о готовности и убираю обороты на малый газ.

Взлетела вторая ракета, наш взлет, вырливаем на взлетную полосу, командир докладывает о готовности,

и мы пошли на взлет. Оторвались от земли. На высоте тысяча метров собралась вся эскадрилья и взяла курс на Берлин. Стояла тишина, только гудели моторы – все было нормально. Шли на предельной высоте, штурман сообщает, под нами Берлин. Командир дает команду: всем приготовиться, идем на бомбежку. Самолет разворачивается и идет на цель, бросаем бомбы.

На земле паника. Охраны воздушного пространства Берлина не было, немцы не ожидали такой дерзости. На свою базу все самолеты вернулись нормально. За этот полет весь экипаж был награжден орденами. Я был награжден орденом Красной Звезды.

После демобилизации устроился работать контрольным мастером в цех №30 вертолетного завода. Отработал до пенсии и ушел на заслуженный отдых.

Незаживающие зарубки

А. Козин

Под окнами моего отчего дома и поныне стоят деревья: березы, черемуха и тополя. Стоят они многие годы, будто всматриваются вдаль, ожидают кого-то из далекой военной поры. Когда-то их посадили мои братья – Николай и Василий. Навсегда их запомнил веселыми, жизнерадостными. Оба хорошо пели, танцевали. Особенно задумчиво братья играли на гитаре, гармошке. От них я перенял большую любовь к искусству музыки, впервые приобщился к широкому миру – солнечному и удивительному.

В июньские дни войны братья тревожно прощались со мной и печально говорили:

– Ну, брат, расти счастливо и будь здоровым и честным...

Тяжелыми шагами они шли к порогу и уходили в ожесточенный ад войны с фашистами.

Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года.

Уже через недели-месяцы войны в наш дом, на нашу улицу одно за другим пришли те страшные известия, с которыми не сразу решался зайти почтальон. Хотел, наверное, отсрочить горе...

В год войны мне пошел восемнадцатый. Учился я в десятом классе 5-й железнодорожной школы города Калинина. Ныне он называется Тверью. Многое пришлось пережить в годы войны будучи солдатом первого военного призыва. Но самое сильное впечатление на всю жизнь оставили у меня первые дни, месяцы войны. Об этом я и хочу рассказать.

Ох, как давно это было! В сентябре, как обычно, мы пришли в класс. Но уроков не было. Немецкие самолеты совершали очередной налет на город. На крыши многих домов посыпались зажигательные бомбы. Мы кинулись туда, всеми средствами стали сбрасывать эти «зажигалки» на землю. Многие страшно обожглись.

Налеты немецкой авиации становились все чаще. Фронт подходил к воротам города. 15 октября мы с отцом решили оставить свой дом в Калинине и направиться на восток – к Москве. В 110 км северо-западнее столицы была наша кровная родина – село Федоровское Корчевского уезда, а ныне Конаковского района Тверской области. Туда-то мы и решили держать путь. С нами вместе в Калинине жила Анна – жена брата Василия, который женился незадолго до войны. У Анны была трехмесячная девочка. И когда возник разговор о нашем уходе из города, Анна наотрез отказалась покинуть дом.

– Куда я пойду с ребенком, – резонно возражала она, – останусь здесь, будь что будет, да и немцы-то, надеюсь, не звери...

Рядом с домом солдаты установили пушку, когда она выстреливала, в комнате все дрожало, как в лихорадке, падала и разбивалась посуда. Мы с отцом спешно собрали немудреные пожитки, запихали их в вещевые мешки и, простившись со снохой, вышли на улицу.

Со всех сторон в направлении Московского шоссе торопливо шли люди, нагруженные разнообразной поклажей. Долгое время рядом с нами тяжело шагала уже немолодая женщина, на плечах она тащила огромный узел, перевязанный простыней.

Словно ручейки вливались в большую реку, так мы и вышли, наконец, на широкое Московское шоссе. Отчетливо запомнился верстовой столб с цифрой 163. Это означало расстояние до Москвы.

Невообразимо плотной толпой шагали на восток люди. Все смешалось в этом потоке. Двигались грузовики – в их кузовах находились мрачные солдаты с винтовками на ремне. Тут же находились различные повозки с каким-то военным имуществом. Усталые лошади

тащили несколько пушек. И все это перемешивалось с людским потоком, настороженно рвущимся вперед. Шоссе не вмещало всех идущих и многие шли по обочинам дороги. Жуткое это было зрелище. Я уже много раз наблюдал за нашей невольной спутницей. Она все чаще останавливалась, отсыпала из узла на дорогу муку. Перевязав поклажу, она снова устремлялась вперед. Ошалевшая, напуганная толпа все дальше и дальше уходила от города, ставшего фронтовым.

Но вот в небе послышался приближающийся гул вражеских самолетов. Вскоре звено фашистских истребителей появилось над шоссе. Немецкие ястребы один за другим снижались над забитой до отказа дорогой и на бреющем полете расстреливали безумевшую людскую толпу. Расстреляв боевой запас, самолет отваливал в сторону, а его место над шоссе занимал другой.

Трудно словами передать, что творилось с толпой. Раненые стонали, зывали о помощи. Но одичавшие люди шагали по телам раненых и убитых. Не повезло и нашей случайной соседке. Пуля пробилась ей спину и грудь. Она, судорожно сжимая узелок с мукой, опустилась на колени. Напиравшие беженцы сзади смяли женщину, затоптали ее ногами.

Помню, что на все происходящее вначале я смотрел без особого страха, словно это было в кино. И только спустя некоторое время меня охватил невероятный испуг. С плачем я предложил отцу выбраться из толпы и шагать к Волге. В этом месте шоссе проходило параллельно реке. С трудом мы карабкались на обочину и направились к Волге, долго шли по берегу, наконец, нам повстречалась полузатопленная плоскодонная лодка. Вдвоем вытащили ее на берег, откачали воду. Вместо весел приспособили колышек. Оттолкнувшись, поплыли по течению, стараясь направлять посудину к другому берегу, заросшему хвойным лесом. К нашему ужасу, в лодке оказались трещины, быстро набиралась вода. Начали откачивать шапками, так как под руками ничего другого не оказалось.

С большим трудом добрались до берега, в лодке в это время набралось полно воды. Лесом идти было спокойнее: с воздуха не видно, не так заметно, как движение многочисленных беженцев.

Переночевав в одном из приволжских сел, мы добрались до города Конакова, а там было рукой подать до отчего дома.

На всю жизнь мне запомнилось это бегство от фашистской нечисти. Но мои злоключения в то страшное время не кончились.

В начале января 1942 года Красная Армия выбила немцев из города. Мы с отцом на лошади отправи-

лись в освобожденный от врага Калинин. Дни стояли морозные. Всюду по дороге были видны следы сражений. Помню, с каким злорадством рассматривал трупы немецких вояк, сложенные в огромные штабеля по обочинам Московского шоссе.

На третий день добрались до города. У дома нас встретила сноха, заплаканная, притихшая и какая-то странная в своем поведении. В доме меня поразила необычная тишина.

– А где же малышка – племянница? – с тревогой спросил я. Вместо ответа сноха залилась горькими слезами. Мы с отцом успокаивали ее как могли. Рыдая и всхлипывая, Нюра рассказала нам страшную историю.

В начале декабря к ней в дом заявили два немца, вооруженные автоматами.

«Матка, снимай валенки, шнель, шнель – быстро, быстро», – потребовали фашисты. Женщина начала было сопротивляться. Но немцы насильно усадили ее на стул, и один из них пытался сдернуть с ноги перепуганной снохи валяный сапог. Другой крепко держал бедную женщину за плечи. В этот миг за занавеской раздался плач трехмесячной девочки. Мать, вырываясь из рук палачей, пыталась кинуться к дочке. Но ее загородил гитлеровец. Он сдернул занавеску и прикладом автомата ударил ребенка. Крик затих, а мать рухнула на пол, потеряв сознание. Очнувшись, она бросилась к кроватке. Но дочка лежала мертвой. Немцев уже в доме не было.

Сноха похоронила малышку в подвале. От потрясений она впала в тихое помешательство. Мы с отцом от такого злодеяния фашистов пережили тяжелое душевное потрясение.

Утром стали собираться в обратный путь, но сноха ехать с нами наотрез отказалась.

– Здесь осталась моя дочурка, от нее никуда не уйду, – заявила она.

Вернувшись в родной край, я продолжил учебу в Конаковской средней школе №1. В июне 1942 года сдал экзамены за десятилетку, получил аттестат зрелости. 3 июля в школе был выпускной бал, а через два дня

я получил повестку для призыва в Красную Армию. 28 сентября, будучи курсантом 2-й отдельной учебной бригады, я принял военную присягу. Так началась армейская служба в условиях войны, полная тягот и лишений.

За годы войны, проведенные в рядах Красной Армии, пришлось испытать много лишений и невзгод. Но самым незабываемым и тяжелым остались переживания первых месяцев Великой Отечественной войны.

Прошло столько лет с Великой Победы над темными силами немецкого фашизма... Но и поныне меня постоянно гложет мысль о том, что те два палача – гитлеровцы – остались живыми и невредимыми. Все это время они спокойно и обеспеченно живут в своем фатерлянде.

Их не мучают угрызения совести. Да и какая может быть совесть, душа у фашистских извергов? Возмездие их не коснулось.

Я живу с мыслью о том, что все фашисты должны понести суровое наказание. Должна же когда-то восторжествовать справедливость! Не могу допустить, чтобы любые убийцы ушли от возмездия. Суровая, седая память о злодеяниях не должна никогда стареть. Иначе без этого ослепнет душа народа, умрут добрые слова и надежды, увянут ясные взгляды на день завтрашний.

Человек живет сегодняшним. Но он неразрывен и с прошлым, задумывается и о будущем. У каждого из нас есть свое завтра: замыслы, дела, мечты. Из малых и незаметных, больших и весомых дел и складывается жизнь, вырастает будущее... Прошлое нам уже не изменить, настоящее уходит и становится прошлым. А будущее от мгновений до десятилетий во многом в руках людей. Из маленьких штрихов настоящего создается общий портрет грядущего. Поэтому, сверяя свои сегодняшние дела, мы должны отчетливо понимать, что дадут они будущему. Каждый хочет не только знать, но и решить свою судьбу, а значит, судьбу всей страны, ее будущих поколений. Здесь нет места фашистам. Любому из нас, ветеранов, безразлично – пойдет ли Россия по пути прогресса или по темному пути разрушения государственности, развала, превращаясь в сырьевой придаток США и Европы, где властвует дух наживы и спекуляции.

Но надо надеяться на лучшее. Лучшая надежда, как хорошая песня, всегда впереди у человека. И если он не успевает осуществить ее сам, то обязательно оставит ее другим: детям, родственникам, друзьям. Для этого надо и стоит жить даже в наше смутное и коварное время. Стоит жить собранно, устремленно, трудолюбиво. Чтобы труд и заботы определялись мерой чувства к добрым людям, отчему краю, Родине. Без памяти о предках, об истоках прошлого ослепнет душа, умрут слова и надежды.

Слово штурмана «рус фанеры»

М. Сидоров

**Сидоров
Михаил
Ефросимович**

Родился я 28 мая 1921 года в деревне Пастухово Исетского района Тюменской области. Окончил среднюю школу. В октябре 1939 года призвали в ряды Красной Армии. Сталинским райвоенкоматом города Свердловска был направлен на учебу в авиационное летное училище в город Чкалов (ныне Оренбург). Выпущен из училища в апреле 1941 года с присвоением воинского звания «сержант» и направлен в Киевский особый военный округ, в 242-й скоростной бомбардировочный полк.

В конце мая 1941 года сформировали его личный состав из 60 экипажей. Но на весь полк получили лишь пять самолетов СБ, из них три боевых и два учебных – для тренировочных полетов. Было у нас пять эскадрилий, досталось каждой по одному. Находились мы на аэродроме «Судников», в районе Шепетовки, на старой границе СССР. 22 июня 1941 года нас подняли по тревоге и всех – на аэродром. Самолеты растащили, попрятали в укрытие. Пришел приказ перегнать машины на аэродром Узин, что под Киевом. Там нас вооружили винтовками старого образца, и пошли мы строем до аэродрома. Здесь погрузили в транспортные самолеты Ли-2 и отправили в Липецк на переформирование.

В июле 1941-го мы переучились на самолеты По-2. Сформировали полки 2-х эскадрильного состава. Сформировали полк из офицеров и отправили на фронт, а нас, сержантов, в сторону. Мы несли на аэродроме караульную службу. Позже сержантов собрали и отправили в Алатырь, в 46-й запасной авиационный полк. Сформировали полк ночных бомбардировщиков на самолетах У-2.

В июне 1942 года я был направлен на Брянский фронт, в 715-й авиационный полк. Люди прибывали, а самолете-

тов все еще не было. Расселили в казармы, стали мы приглядываться к своим командирам экипажей.

Наш командир полка майор Мухин уже тогда знал, что именно потребуется от нас на фронте, что мы сможем сделать на нашем «небесном тихоходе». Благодаря его настойчивости мы упорно занимались, летали на разные учебные задания. Это, пожалуй, явилось одной из причин того, что на фронте мы быстро вошли в строй.

Полк временно расположился на полевым аэродроме «Воронец» под городом Елец. Через несколько дней, в пасмурную погоду, на малой высоте перелетели на полевой аэродром «Россошное», что в трех десятках километрах от линии фронта. Наш полк вошел в состав 208-й ночной ближнебомбардировочной авиадивизии, командовал ею полковник В.П. Котляр.

Брянский фронт в это время вел оборонительные бои, прикрывал своим правым крылом направление на Тулу, Москву, а левым – направление на Воронеж. Особенно тяжелые бои шли на этом направлении. Наступил день, когда собрали весь летный состав, поставили боевую задачу эскадрильям, экипажи получили задания и конкретные цели. Штурман эскадрильи проверил готовность каждого летчика, посмотрел расчеты и прокладку маршрута.

30 июня 1942 года нам вручили личное оружие, мне дали наган и к нему два патрона, гранаты лимонки. Вид у всех стал воинственный. С наступлением темноты проверили подвеску к самолетам бомб и зарядку пулеметов, стали вырывать из укрытий. На наше первое боевое задание – бомбить танки недалеко от населенного пункта Сетуха – мы полетели с Игнатовым.

Какой-то экипаж над опушкой леса повесил САБ, которая хорошо освещала цель. Мы отбомбились и без потерь вернулись домой. В эту ночь мы сделали лишь один боевой вылет.

Постепенно втягивались в боевую работу. Достаточно сказать, что за первые пятнадцать ночей, а летали каждую ночь, мы с Игнатовым совершили 29 боевых вылетов, налетали около 40 часов.

Нет, наверное, летчика нашего поколения, который с любовью и уважением не вспоминал бы скромный самолет У-2. Ставший после модернизации По-2, он имел такие летные данные: максимальная скорость – 148, крейсерская – 120 км/час, практический потолок – 3 100 м, разбег при взлете и пробег при посадке был немногим больше 100 м, посадочная скорость – 65 км/час, бомбовая нагрузка – 200-220 кг. На самолете было шесть балочных держателей бомб на восемь замков. Сзади кабины штурмана устанавливались два ведра с крышками внизу, которые открывались из кабины штурмана и летчика. В эти ведра ставились мелкие осколочные бомбы со взрывателями вверх. На бомбодержатели под плоскостями можно было подвесить две кассеты с мелкоосколочными бомбами. Сзади кабины штурмана устанавливался спаренный пулемет Дегтярева, а позже пулемет ШКАС.

Привычный распорядок дня у нас был полностью перестроен: ночью летали, утром завтракали, днем спали. После обеда готовились к полетам, а вечером получали очередное задание и с наступлением темноты вылетали. И так почти каждые сутки. Даже в короткую июньскую ночь успевали сделать по три вылета.

Через пять дней нашего пребывания на фронте, командование решило провести экспериментальный полет: послали наше звено строем на бомбежку скопления врага в одном довольно большом населенном пункте.

Стали вырывать, впереди Кардонов, за ним Гузников и замыкал звено экипаж Игнатова, то есть наш. Собрались в круг и в плотном строю «клином» пошли по намеченному маршруту. Ведущий дал команду миганием лампочки в кабине: «Подходим к цели, быть внимательным». Бомбили с ходу, по сигналу ведущего. И только когда на земле разорвались бомбы, по небу стали шарить два прожектора в поиске нас, но было уже поздно. Это был первый и почему то единственный полет строем, хотя он был выполнен без потерь с нашей стороны. Наша задача тогда сводилась к тому, чтобы и по ночам держать противника в напряжении.

Летом 1942 года немцы начали наступление на Сталинград и Северный Кавказ. Линия фронта на 28 июня проходила по реке Дон. Оборонительные операции вели здесь войска Брянского и вновь образованного Воронежского фронтов.

На обслуживание их потребностей 16 июля нас перебросили на аэродром «Анна», расположенный на опуш-

ке леса. Самолеты замаскировали, себе сделали шалаши. С этого аэродрома каждую ночь летали на бомбежку противника. Линия фронта проходила от аэродрома далековато, примерно в 90 км, это почти два часа в полете. Поэтому перелетели ближе к Воронежу, в деревню Морозовка, в 30 км от линии фронта. Это позволяло не тратить лишнее время на полет и за счет сэкономленного времени совершать дополнительный боевой вылет. Летали на бомбежку передовой линии, мест сосредоточения войск и техники, переправ через Дон. Особенно много – на бомбежку железнодорожных перегонов, станций и составов на дороге Касторное – Воронеж.

Стояло жаркое лето. Не менее жаркой была наша работа. За короткие летние ночи мы успевали делать по несколько боевых вылетов. В августе 6-я армия нашего фронта начала наступление против 2-й венгерской армии. Наземные части форсировали Дон южнее Воронежа. Наша задача – помогать передовым частям нашей армии. С 6 по 17 августа мы каждую ночь делали по 4-6 боевых вылетов. За успешные боевые действия в оказании помощи наземным войскам мы все получили благодарности от командующего фронтом.

Это была первая благодарность на фронте. В августе за 23 ночи наш экипаж сбросил на головы противника более 17 000 кг бомб разных калибров, сделал 76 боевых вылетов.

Расскажу случай из нашей летной жизни. Собрал нас командир полка, поставил задачу: отбомбить передовую линию противника сегодня днем. Стояла низкая облачность, моросил дождь. Мы с Игнатовым взлетели первыми, идем под кромкой облачности на высоте 400 метров. Заметили: идет колонна немцев в плотном строю, не замечая нас. Мы скрылись в облака, развернулись и с запада зашли на колонну солдат. Сбросили бомбы в колонну. Позже я открыл кассету и увидел, что крупные бомбы угодили в центр колонны солдат. Пошла паника. Они нас не ждали, тем более, что мы налетели с запада.

В начале сентября 1942-го у нас сменили командира и штурмана полка. Командиром назначили майора Замятина, штурманом – капитана Орובהа.

Пришел приказ – срочно бомбить войска противника в пункте Приколотное. Наступал рассвет. Экипажи спешили использовать темное время. А мне командир полка сказал:

– А вы, Сидоров, полетите со мной, готовьтесь, как только подвезут бомбы, взлетим.

Пока собирались, проверяли готовность самолета, наступил рассвет. Взлетели, набрали высоту 500 метров. Бомбить врага днем на нашем тихоходе – занятие не из приятных... В этот день не все вернулись с боя, не досчи-

тались двух экипажей.

Вблизи линии фронта разведка обнаружила аэродром, с которого немцы по ночам совершали налеты на боевые порядки наших войск. Нам приказано разбомбить аэродром. Он был прикрыт прожекторами и зенитными установками.

Как только стемнело, груженные бомбами У-2 один за другим поднялись в воздух. Самолеты заходили на аэродром одновременно с разных сторон так, что зенитчики засуетились, повели беспорядочный огонь. Появившись над взлетной полосой противника, мы с Морозовым сбросили светящуюся бомбу. Как раз в этом месте стоял вражеский самолет, готовый к взлету. Мы угодили прямо в него, остальными бомбами заставили замолчать зенитные установки. Все экипажи, участвовавшие в полете, благополучно вернулись домой.

Очередная задача – бомбить эшелоны на станции Семилуки. Подошли к цели, решив зайти с запада и уходить на северо-восток. Прицелился, сбросил бомбы, и, как только они засвистели, нас сразу осветили три прожектора, затем слева еще два уцепились и еще один справа. Почти десяток прожекторов «схватил» наш самолет, а это было уже немало для одного самолета. В кабине стало светло, как в солнечный день. Как только прожектора повели, в нас полетели трассы снарядов мелкокалиберных пушек – эрликонов и зенитных пулеметов. Причем трассы пулеметов шли веером: это пулеметчики нащупывали нас, поворачивая пулеметы по оси прицеливания. Трассы шли слева, справа, сзади, спереди. Треск от разрывов снарядов заглушал работу мотора. Я даю команды Игнатову: влево, вправо, чтобы как-нибудь уклониться от трасс. Резко теряем высоту, делаем горки. Состояние было такое, что я инстинктивно сжался, голова ушла в плечи, и была только одна мысль – скорее бы все кончилось. Игнатов вспоминал: сначала он пытался как-то маневрировать, делать развороты, но потом начал просто резко отдавать ручку управления от себя и также резко брать на себя, чтобы уйти от прицельного огня. Прекратил он экивоки только после моей команды «высота».

Трудно описать, как мы летели или кувыркались, не нарисовать траекторию нашего полета. Когда ушли из зоны огня, посмотрел на указатель высоты. Эге, что-то около 100 метров! Мелькнула мысль: превышение правого берега Дона большое, следовательно, до земли осталось не так много. Увлечись мы еще снижением, неминуемо врезались бы в берег. Если немцы и не сбили нас, то вогнали бы в воду. Когда Игнатов вывел самолет в горизонтальный полет, мы были над серединой реки. Некоторое время шли почти на бреющем полете, затем развернулись и с набором высоты пошли на свой аэродром.

Если бы мы вышли на берег, превышение которого было значительным, мы врезались бы в него. На аэродроме, когда почувствовали твердую почву под ногами, молча пожали друг другу руки. Игнатов сказал: «Считай, сегодня родились заново». Авиамеханик Тищенко осмотрел самолет – ни одной царапины. Ну, просто чудо...

В начале ноября полк перебазировали в тыл, правда, близкий, в 90 км от передовой. А нашу эскадрилью через десять дней перебазировали на юг, в Краснофлотское, на стыке Воронежского и Юго-Западного фронтов. Так мы оказались вблизи Сталинграда, в двух десятках километрах от Дона. Летали на бомбежку железнодорожных станций, скоплений войск и техники врага, вели разведку. 9 декабря наша эскадрилья перебазировалась из Краснофлотского и влилась в состав полка. В середине декабря 1942-го началось наступление наших на стыке двух фронтов. Удар наносился во фланг группировки Манштейна, идущей на помощь окруженной армии Паулюса в районе Сталинграда. Это было стремительное наступление.

За время наступления мы сделали несколько десятков боевых вылетов, сбросили большое количество бомб на головы фашистов.

Итог 1942 года такой: все мы заметно повзрослели, возмужали, многому научились. Уже не были теми зелеными юнцами, которые робко начинали ночные полеты. Летный состав полка за это время совершил около пяти тысяч боевых вылетов, поддерживая наступление наших войск. Мы с Игнатовым за эти полгода совершили 248 боевых вылетов, сбросив на врага 2 255 бомб. Для одного экипажа на У-2 это, пожалуй, не так мало. 10 января 1943 года Игнатову и мне вручили ордена Красной Звезды – за 248 наших боевых вылетов. Вручал их командир полка майор Замятин.

...В полк прибыл заместитель командующего 2-й воздушной армии генерал-майор авиации Изотов. На моей карте генерал обвел карандашом пространство – эллипс в длину более 20 км. Где-то там затерялись наши танки, надо их разыскать. Та же задача была поставлена еще несколькими нашим экипажам. Лететь я должен был в экипаже лейтенанта Алексея Прохорова. Взлетели, направились в предполагаемый район на высоте 400 метров, вдоль дороги, смотрим – внизу черные квадраты, похоже, танки. Держа дорогу слева, мы полетели вдоль этих квадратов.

Привели они нас к населенному пункту, на окраине которого шел бой. Дошли до середины колонны. Я говорю: «Алексей, разворачивайся на 180, полетим к пункту, в котором идет бой, посмотрим, есть ли колонна с той стороны».

Развернулись, снова оказались над полем боя, прошли населенный пункт в одну улицу и на дороге также обнаружили колонну танков и автомашин. Теперь нужно было определить: где наши, где немцы? Ночь была безлунная, темная, развернулись и решили посмотреть внимательно ту колонну, которую обнаружили первой. Внутренний голос подсказывал, что наши те, которых обнаружили первыми. Снизилась до минимальной высоты, сделали круги над танками. Никто не стреляет. Летели буквально над головами – не стреляют, значит, наши. Решили сесть у дороги. Все же настораживала неизвестность. Развернулись, еще раз осмотрели площадку, держа колонну слева, стали планировать на посадку. Вот лыжи коснулись снега. Остановились. Нас окружили солдаты, спрашиваю: «Кто тут старший?» Подвели старшего лейтенанта, он повел вдоль колонны танков к крытой машине. Сидевший там подполковник потребовал предъявить документы. Убедился, что все нормально, а на прощание сказал: «Ну ты, летун, молодец! Не каждый бы решился садиться в твоём положении».

Обратный полет мы совершили быстро. Результаты доложили лично генералу Изотову. В ту ночь мы с Прохоровым совершили три таких полета. Из всех летевших по таким заданиям мы первыми совершили посадку в тылу врага, у наших передовых частей. Потом такие посадки стали совершать другие экипажи, выполнявшие подобные задания.

В одну из ночей, выполняя задание по связи со штабом 15-го танкового корпуса 3-й танковой армии, мы совершили десять посадок на разных площадках: на дороге, возле дороги, на огороде, на улицах деревни, дома которой еще горели после недавнего боя... Выполняя одно из таких заданий, мы сели у хвоста длинной колонны автомашин. Решили узнать, кто это – свои или немцы? Оставив Алексея, я пошел к колонне. Людей не было видно, я стал кричать, звать. Вижу, люди перебегают от машины к машине, приближаясь к хвосту колонны, дали автоматную очередь в мою сторону. Со всех ног рванул к самолету, влез в кабину, и мы взлетели. Вслед летели трассы ручного пулемета. Подобные ситуации случались с нами не раз.

Наступление сталинградцев шло успешно, мы поддерживали с ними связь.

...Приятно, что наши усилия были замечены и высоко оценены наземными войсками. «Сообщаю, что приказом по войскам 3-й танковой армии от 23 января 1943 года по 715 А.П. награждены следующие:

1. Пилот Прохоров Алексей Хрисанфович – орденом Отечественной войны 1-й степени;
2. Стрелок-бомбардир Сидоров Михаил Ефросинович – орденом Отечественной войны 2-й степени».

Зачитывая текст приказа, наш генерал тепло поздравил всех награжденных.

В середине февраля 1943 года наши войска вели бои под Харьковом. Мы перебазировались ближе к линии фронта в пункт Гнилицы. Утром 16 февраля получили приказ: организовать доставку боеприпасов самолетами частям 6-го гвардейского Кавказского корпуса, действовавшим южнее Харькова. Это окруженным немцами нашим частям, значит.

В феврале весна на Украине была уже довольно активной, а снег влажный, липкий. Лыжи при рулении и взлете отрывались с трудом. Мы с Игнатовым тяжело загрузились, взлетели еле-еле. К району посадки шли на малой высоте как обычно, внимательно наблюдая за воздухом. Площадка была на опушке леса. Нам с земли показали место посадки, мы сели, разгрузились и сразу взлетели.

В боях под Харьковом немцы, как известно, хорошо отыгрались за Сталинград. Потери в нашем полку тоже были ощутимыми. Экипажи, имевшие самолеты, перелетели к Белгороду. А «безлошадные» до места нового базирования полка добивались своим ходом. Мой летчик Игнатов заболел, и самолета у нас уже не было. После отъезда штаба мы, оставшаяся небольшая группа, начали пеший переход Харьков – Белгород. Весь свой солдатский скарб я загрузил на санки, сверху привязал трофейный автомат. Поучи-

тельный был этот переход. Я увидел войну такой, какая она есть на земле, во всем ее отвратительном величии.

Вышли мы в два часа ночи, было совсем темно. Если бы вышли позднее, утром, то немецкие танки отрезали бы нам дорогу. Шли мы остаток ночи, весь день и к вечеру сильно устали. Остановились на ночлег в одном селе. Немцы всю ночь бомбили дорогу Харьков – Белгород. Нас подобрала попутная машина, и мы поехали в Белгород.

14 марта враг полностью завершил окружение города. Части 3-й танковой армии с боями выходили из окружения, в тот день город был оставлен. А 15 марта ночью наши «тихоходы» летали бомбить оставленный врагу город. Таковы превратности войны.

К концу марта наш фронт относительно стабилизировался. Наступление врага было остановлено. В это время мы выполняли задачи по разведке, бомбили железнодорожные станции, места скопления войск противника. Много раз летали на бомбежку аэродромов Харьковского аэроузла, тех аэродромов, с которых мы недавно летали.

Захваченный врагом Харьков имел сильную противовоздушную оборону. Было более 40 прожекторов, зенитные орудия всех калибров, зенитные пулеметы. Прорваться к цели было очень трудно, особенно на наших самолетах. Была в дивизии эскадрилья ночников на самолетах СБ, они успешнее уходили от прожекторов, ибо скорость их более чем двухкратно превосходила скорость наших У-2. Ночь на 20 марта для нашего экипажа оказалась самой напряженной: пять боевых вылетов за ночь – рекордное число за весь месяц.

В марте 1943 года мне присвоили звание «младший лейтенант», назначили штурманом звена Алексея Прохорова, с которым много раз летал на специальные задания. Через некоторое время нашу эскадрилью перебазировали ближе к штабу фронта для обеспечения связи с боевыми частями.

По поводу годовщины пребывания полка на фронте было торжественное собрание. Майор Замятин сделал доклад о боевой работе за год. Я подал заявление о приеме кандидатом в члены ВКП(б). Партийное собрание эскадрильи единогласно решило: принять. В битве на Курской дуге принимал участие уже как коммунист. Своей боевой работой, поведением я не подвел рекомендателей.

Однажды возвращаемся с четвертого вылета над линией фронта, а пехотинцы с земли настойчиво пытаются обратить наше внимание на какую-то цель, посылают ракеты в сторону противника. На аэродроме доложи-

ли об этом командиру. Инициатива поистине наказуема: обнаружить и уничтожить эту цель послали наш экипаж. Полетели. За линией фронта зенитчики сразу открыли заградительный огонь. Значит, наша цель, охраняемая ими, где-то поблизости. Сбросили светящуюся бомбу. Однако внизу ничего не было кроме одинокого сарая.

Когда наша артиллерия подавила зенитные точки противника, я спланировал к сараю, а штурман сбросил бомбу. Внизу раздался сильный взрыв. Огненный столб взметнулся кверху, озарив всю местность. Это был склад с горючим! После этой удачной вылазки в ту ночь мы совершили еще два вылета. А утром я вручил парторгу лейтенанту Н. Собынину заявление о приеме в члены партии...

...В полк прибыли молодые летчики и штурманы, которые или совсем не летали ночью, или летали очень мало. Для вывозки молодых летчиков и штурманов инструктором назначили Прохорова, а меня – штурманом. Перелетели на запасную площадку и здесь начали натаскивать новичков. Полеты по кругу, потом в зону и полеты по маршруту. Всю группу мы вывезли успешно, без происшествий, и они приняли активное участие в боевых вылетах жаркого лета 1943-го над Курской дугой.

С 5 на 6 июля наш экипаж совершил два боевых вылета. В дни Курского сражения почти каждую ночь делали по 3-4 вылета. В июле совершили 48 боевых вылетов, за август – 53.

Полк перебазировался в район Мирополье. Здесь мы летали в несколько необычных условиях. Находились как бы на «полуострове», окруженные с трех сторон врагом. Летали на бомбежку передовой, не давали им сосредоточиться для атаки. После разгрома врага на Курской дуге наши войска пошли в наступление, освобождая Украину. Мы перелетели в Сумскую область, в пункт Угроеды.

Эпизод. Стояло жаркое лето. Ночь была душной. Метеослужба предупредила, что по маршруту может быть гроза, будьте внимательными. Мы с Прохоровым взлетели позже других. Сразу после взлета окунулись в темноту. С набором высоты пошли по маршруту. Наша задача – бомбить скопление танков около леса. Подошли ближе, на земле видны разрывы бомб. Три прожектора с разных сторон осветили один самолет, стали к нему приближаться многочисленные трассы из пулеметов с земли. Тут на выручку товарища подоспели другие самолеты, стали бомбить прожектора и зенитные установки. Успешным оказался маневр нашего экипажа со сбрасыванием мелких осколочных бомб, а их в комплекте до семидесяти штук. Прожектор погас. Развернулись,

набрали высоту и сбросили бомбы на цели. Однако угодили под лучи другого прожектора, и потянулись к самолету трассы из пулемета. Я командовал летчику снижаться и разворачиваться на прожектор, приготовил пулемет с правого борта. Не доходя до цели, командовал разворот влево, из-под плоскости стало видно зеркало прожектора. Высота 600 метров. Прицелился и дал длинную очередь. Прожектор погас. Довольные тем, что в критической ситуации нам помогли, и мы помогли другим, полетели назад. Велика цена взаимной выручки в бою!

Ноябрь, 1943 год. Ожесточенные бои за плацдармы на правом берегу Днепра. Линия фронта – по Днепру и площадка, с которой мы взлетали, – находилась в 15 км от него. Так близко к линии фронта мы еще не стояли. Летали на боевое задание через реку. Да, чуден Днепр при тихой погоде, даже ночью при взгляде с воздуха...

В результате быстрого наступления наших войск мы перебазировались на запад километров на двести, а через два дня еще на шестьдесят, и осели почти в тридцати километрах от Киева.

Во второй половине октября много летали на помощь группам, захватившим плацдарм на правом берегу Днепра, у пункта Великий Букрин, что южнее Киева.

Вечером 5 ноября получили приказ бомбить отходящие войска противника. А если конкретнее, цель – идущие по дорогам южнее города.

Войска шли по дорогам с зажженными фарами, так что цели легко было отыскать. В эту ночь наш экипаж совершил, казалось, обычный боевой вылет, но он оказался десятитысячной операцией нашего полка. По этому случаю после боевой ночи собрались в столовой на завтрак. На столах перед каждым уже расставлены по сто грамм, ждем только команду старшего. Тут в столовую влетает штурман лейтенант Шрубов с криком: «Наши войска взяли Киев!».

Наконец, кто-то догадался крикнуть: «Братцы, а сто грамм тут как нельзя кстати. Ура!» Все вскочили с мест: «Ура!»

7 ноября 1943 года был для нас праздником вдвойне, а для меня и того больше. Зачитали приказ о присвоении мне звания «лейтенант». А через несколько дней назначили штурманом звена, в этом качестве я пробыл семь месяцев. Назначили штурманом к командиру 2-й эскадрильи старшему лейтенанту Семенушенкову. Было трудно на новой должности, но благодаря помощи штурмана полка капитана Оробова я вошел в курс дела, и все встало на свои места.

Получили боевую задачу: контроль шоссе западнее Житомира, по которому немцы перебрасывали к

фронту танки и мотопехоту. Взлетели, стала попадаться низкая рваная облачность слоисто-кучевых форм. К цели подошли на высоте 600 метров: внизу машины перемигиваются светом фар. Зашли на боевой курс, прицелился, сбросил бомбы, разрывы наблюдал на дороге, фары погасли.

Стоило доложить на КП о проделанном, тут же получили приказ повторить операцию. Летим тем же курсом. Время к полуночи. Рассчитал быть над целью к этому времени. В одном из населенных пунктов на площади – движение автомашин и танков с зажженными фарами. Командовал на боевой курс, прицелился и в 24:00 сбросил бомбы. С Новым годом, фрицы!

Такое поздравление им понравилось не очень, открыли огонь из малокалиберной пушки, но мы благополучно ушли.

Мы со старшим лейтенантом Родченковым, летчиком, поздравили друг друга с Новым годом. Пройдя линию фронта, в честь Нового года дал серию цветных ракет. Такие же наблюдал слева и справа – это салютовали друзья.

Праздник праздником, а поблажек никаких! В эту новогоднюю ночь экипаж сделал пять боевых вылетов.

Продолжаем продвигаться на запад. На стыке 1-го и 2-го Украинских фронтов осталась окруженная группировка врага, пытавшаяся отрезать наши войска, наступающие от Киева, на запад. Это был знаменитый Корсунь-Шевченковский «котел», в котором оказалась не одна немецкая дивизия.

Эскадрилью перебазировали в местечко Езерное. Совершаем налеты на танковые части немцев, пытавшихся деблокировать окруженные войска из района Умани. Но у них ничего не вышло, окруженные были уничтожены или пленены. Двигаясь по Украине на запад, мы подошли к нашей старой границе, проходившей по реке Збруч. Здесь мы расположились в пункте Фридриховка.

12 апреля 1944-го полк подняли по тревоге. Зачитали приказ: совершить дневной налет на осаденный гарнизон Тарнополя. Мы с Семенушенковым взлетели в 16:15. Самолеты шли парами, полк вытянулся почти от аэродрома до цели. Такой же приказ получили все полки дивизии. У каждого полка была своя цель. В воздух одновременно было поднято более двухсот самолетов. На цель зашли под самой нижней кромкой облаков, пошел дождь с градом, из кабины нельзя носа высунуть. Но отбомбили мы результативно.

В конце апреля перебазировались в пункт Гушниска, около Тербовля, в западной Украине. Это был последний пункт базирования 715-го авиаполка на 1-м Украинском фронте.

Верю в мистическую силу в бою*М. Ярочкин*

В начале мая директивой Генерального штаба 715-й полк перевели в тыл для переучивания на новые самолеты. Встал вопрос: как быть? Уходить с полком в тыл не хотелось, а на Ил-2 штурманы не нужны. Предложили остаться пока в резерве дивизии. Согласился. 4 мая покинул ставший мне родным 715-й авиационный полк навсегда.

При штабе 208-й авиадивизии стал стажироваться в оперативном отделе, затем назначили помощником начальника оперативного отдела. В конце августа вызвал полковник Прошляков, начальник штаба дивизии:

– Товарищ Сидоров, нужно слетать за дополнительным боевым заданием, как сообщили из штаба армии. Сорокин ждет вас у самолета.

Взлетели. Идем на бреющем полете.

Вот село Рудна Волька, на окраине – небольшая посадочная площадка. Сели, я пошел в оперативный отдел штаба армии, доложил о прибытии. Направили к командующему армией генерал-полковнику Красовскому, показали дом, где он находится. На скамейке сидели он и генерал-лейтенант пехоты, обсуждая что-то. Доложил, что прибыл за боевой задачей для частей 208-й дивизии. Красовский выслушал, велел развернуть карту двухкилометровку и стал очерчивать карандашом районы реки Опатув, по которой шла линия фронта на севере Сандомирского плацдарма. Очертив несколько районов, сказал:

– Здесь расположены дальнобойные орудия немцев, обстреливающие наши передовые аэродромы подскока истребительной авиации. Как только на них садятся истребители, ночью их обстреливают из орудий. Обнаружить и уничтожить. На выполнение задачи выделить полк или два, по усмотрению командира дивизии.

Вернувшись, я доложил о поставленной задаче полковнику Прошлякову. Тут же она была переведена на язык боевого распоряжения и отправлена в один из полков дивизии.

Одновременно с ведением интенсивной работы в летние месяцы 1944 года часть летного состава 646-го авиаполка выполняла специальные задания по связи с партизанами. Победу я встретил в составе этого полка. Мой бывший 715-й авиаполк перепрофилировался на самолеты Ли-2 и был передан 3-му Украинскому фронту...

После войны окончил высшую школу штурманов. Накануне отъезда за границу друг пригласил на свадьбу. Там, в застолье, встретил свою будущую жену Евгению. Вскоре тоже сыграли свадьбу и отбыли к месту службы. Служил в оккупационных войсках на территории Германии. Вернувшись, служил в Подмосковье.

**Ярочкин
Михаил
Александрович**

В марте 1942 года, погрузив в телячьи вагоны, повезли нас на Дальний Восток. Составы шли на запад – для фронта! А нас заталкивали в тупик, пропуская тех, что шли на запад.

До Дальнего Востока мы добирались целый месяц, развели вшей. По прибытии на место нас отправили в баню, отмыли и обмундировали во все военное. Прошли курс молодого бойца и приняли присягу.

Однажды подняли по тревоге, прозвучала команда: по вагонам! И поехали обратно на запад. Эшелон был сформирован преимущественно выходцами из Татарии. Солдаты мечтали по прибытии в Казань, пока стоит поезд, повидать родных. Слух дошел до начальника эшелона, наш маршрут изменили. Солдаты удивлялись: что-то долго нет Казани, а проснувшись, увидели Москву. Далее состав пошел в Пензенскую область, на станцию Инза. В течение четырех месяцев полк осваивал минометы 50, 82 и 120 мм. Сдали экзамены, и мне было присвоено воинское звание «младший сержант».

После окончания учебы полк был брошен на внешнее кольцо окружения армии фельдмаршала Паулюса. Армия Гудериана рвалась на прорыв кольца.

Наш минометный полк встал на пути немцев как заноза. Мы стали изматывать их, но и нас потрепали изрядно. Немцы отошли на новые рубежи и закрепились. На наши позиции пришла свежая дивизия, мы влились в ее состав. Прорвали немецкую оборону и на вражеских плечах пошли вперед.

Дошли до Киева. На вокзале отбивались от немцев. Лежу я за рельсами, строчу из автомата и слышу женский голос: «Миша, уходи!» Бросил стрелять – тишина, ничего не слышу. Опять женский голос: «Миша, уходи быстрее!»

Приподнялся, прыгнул в сторону, скатился за укрытие, и в этот момент в то место ударил снаряд. Потом я понял, что это был голос моей матери. Хотите – верьте, хотите – нет, но это истинная правда...

Наша дивизия взяла Борисовичи. Меня перевели в 229-й отдельный заградительный отряд, подчинявшийся непосредственно Рокоссовскому. Дивизию повернули на Брест – Ковель – река Буг. Я попал на «Царскую крепость». В ней засели немцы и их не могли выбить. Командир приказал мне подорвать стену крепости.

Ночью нагрузил на себя десять килограмм тола и по-пластунски пополз к стене. Тихо, без шума, вырыл яму в один метр, там – стена. Углубил еще на метр, заложил тол и на рассвете подорвал. Стена не рухнула, только немного подвинулась. Появился проход, в это пространство стали бить минометы и артиллерия, а стене хоть бы что, лишь царапины остаются. Командование вызвало самолеты, они отбомбились, но стены остались целыми! Немцев выбить не смогли. Привезли какой-то баллон, sprиснули из него в крепость, и примерно через час немцы с поднятыми руками вышли наружу. За этот бой я был награжден медалью «За отвагу».

Наши отошли от «Царской крепости» километров на пятнадцать и закрепились. Мы не успели на их плечах прорваться вперед. Завязался бой, бросили вперед войска, но прорвать оборону не смогли, только несли потери. Ночью старшина поднял нас в атаку, а пулеметчиков задержал. Пошли вперед – сзади нас застрочил пулемет, люди стали падать, упал и я, но осознаю, что жив. Вскочил, побежал вперед, чувствую боль в ноге, упал. Оказалось, что старшина убил наших пулеметчиков и стал нас в спину расстреливать. Кто-то из командиров его пристрелил. Бывало и такое...

Я был отправлен в село, где располагался медсанбат. Село Сарны – гнездо бандеровцев. Нас, раненых, группами распределили по домам. Днем лечили, а на ночь увозили по квартирам. Переодетые в нашу форму бандеровцы ночью занимали дома и уничтожали раненых солдат. Поэтому командование было вынуждено нас всех вооружить, и мы стали дежурить.

Там я провалялся целый месяц, пока не вылезился. Начальник госпиталя дал мне адрес моего 229-го отдельного заградотряда, он находился недалеко от госпиталя. На машине я добрался быстро, ребята меня встретили с распростертыми руками. И я опять зашагал по фронтовой дороге с однополчанами.

Взяли ребята однажды меня в разведку, шли брать «языка». Началась артподготовка, и мы, пять человек, проскользнули в тыл врага. Вышли на дорогу, я заложил мину и отвел провод в сторону, в укрытие, поста-

вил вертушку, стал ждать. Один разведчик ушел вперед по дороге, один назад, двое залегли здесь с автоматами. Выдвинувшийся вперед боец сообщает: идет легковая машина без прикрытия. Получив подтверждение, что кругом тихо, я приготовился. Подходит машина, спешу, не упустить бы момент. Кручу вертушку, взрыв, двое сразу набрасываются на офицера. Посторонних убираем, офицеру руки назад, в рот кляп, в задницу штык и бегом километра два. Все собираемся в условленном месте, отдохнули, ночью без потерь перешли линию фронта.

...Форсировали реку Висла зимой, подошли к Варшаве. Польские патриоты организовали восстание. Немцы окружили Варшаву. Фашисты стали уничтожать восставших. Подошли наши войска и взяли город в кольцо. Бомбить и применять «катюши» нельзя, погибнет много поляков. Войска шли в атаку с автоматами и гранатами. За освобождение Варшавы погибло много наших солдат и офицеров. После ее взятия мы целую неделю хоронили своих солдат в братских могилах. Столько там погибло, что и сейчас порой бегут мурашки по телу, когда видишь весь этот ужас во сне.

Наш отряд бросили на форсирование Одера. Вызвал меня командир роты и говорит:

– Младший сержант Ярочкин, вот нейтральная полоса, ночью проберись туда и наблюдай за берегом Одера. Выбери место, где будешь форсировать реку. Через десять дней переправишься и закрепишься на том берегу.

Прополз я в нейтральную полосу, вырыл окоп, замаскировал, отвел ход в сторону. Установил перископ и стал наблюдать за берегом. Семь дней жил в этом окопе. Облюбовал место прохода, где меньше немцев. Вечером вызывает командир:

– Давай готовься, сегодня поплывешь на тот берег. Подбери себе человека понадежнее.

Взял с собой Николая из Карелии. Он говорил по-немецки и был мощного телосложения. Вечером загрузили лодку и поплыли. Николай греб, а я разматывал трос. До берега еще далеко, а трос кончился. Вернулись назад. Доложил командиру о промашке, заменили трос и на следующий день поплыли обратно. Опять не хватило. Командир по этому поводу отчитал меня матом. Я ему тоже грубо ответил, что на этом корыте я никогда не доберусь до берега, течение сносит. Неподалеку стоял генерал, он все слышал, по его распоряжению сразу принесли лодку-челнок. Это был генерал Рокоссовский.

Загрузили с Николаем лодку и поплыли. До берега осталось два метра, Николай прыгнул и стал подтягивать лодку к себе. Я просил:

– Давай, Коля, давай, иначе нас с тобой расстреляют за невыполнение задания.

Николай подтянул лодку к берегу и вытащил ее. Я вкопал столб, натянул трос. Доложил о готовности, и мы стали ждать. Услышали немецкую речь. Николай перевел: идет немецкая разведывательная группа в составе шести человек. Подготовились, решили подпустить вплотную и по сигналу открыть огонь. Немцы вышли на нас вплотную. Оставалось несколько метров, и мы открыли огонь. Всех уложили, я взял кинжал и сделал всем контрольный смертельный укол. На рассвете увидели лодку, груженную людьми, за ней – следующая. Я беспокоился: большая нагрузка на столб, сорвет трос, тогда – труба. Пошел и врыл еще один столб, поглубже и с уклоном. Пришла лодка, спрашивают: кто Ярочкин? Срочно к командиру на тот берег!

Командир дал указание переправить на тот берег 76 мм противотанковые пушки. Дали плот из толстой фанеры, середина обита толстой резиной, загрузили пушку и прислугу. По тросу я переправил пушку на тот берег, потом следующую. Началась стрельба, волной плот опрокинуло, и все полетело в воду. Утопил я первую пушку и половину людей. На мне была одета надувная резиновая фуфайка, но за меня уцепились люди и мы стали вместе тонуть. Сбросил с себя фуфайку и раздетый доплыл до берега.

В тот раз я переправил на тот берег двадцать пушек, четыре раза сам тонул и утопил восемь пушек.

Вечером меня вызвал командир и сообщил: меня срочно вызывает Чуйков. По тросу я прибыл к доту генерала, часовой остановил, проверил документы, пропустил. Генерал стоял, облокотившись у стола. Я доложил о себе. Генерал спросил, сколько я переправил орудий, доложил: двадцать переправил и восемь утопил.

– За двадцать орудий тебе присваиваю звание Героя Советского Союза, а за восемь утопленных прикажу расстрелять.

Говорил это генерал, а сам смотрел на мои руки: кожа содрана, кровь. Вызвал медсестру, она промыла раны спиртом и перевязала. Генерал приказал накормить меня и дать выспаться. Офицер налил мне полкружки спирта и дал кусок говядины. Я выпил, закусил и сразу уснул. Утром прихожу в часть, докладываю командиру. А он:

– Где был, Ярочкин? Мы тебя записали в дезертиры. Я ему грубо ответил:

– Сними трубку и позвони генералу Чуйкову, он скажет, где я был.

На следующее утро был приказ, меня наградили орденом Красного Знамени за выполненную операцию.

Как-то раз посылают нас, группу из пяти человек, за «языком». Пытаемся пройти линию фронта. Немцы при-

жали нас огнем, мы отползли назад. Пытаемся пройти в другом месте, но не получается, мы были вынуждены вернуться назад. Докладываю командиру, он принимает решение поднять батальон в атаку. Идет артподготовка, и мы в этот момент проскакиваем линию огня. Батальон возвращается на свои позиции, а мы уходим в тыл врага. Разыскиваем штаб, надо захватить работника штаба. Начинаем дежурить, следить за штабными работниками. Один майор отошел от штаба в сторону, и мы сразу на него набросились – в рот кляп, руки назад связали, нож в задницу – и бегом, подальше от штаба. Обсудили путь движения к передовой и как ее пройти, не потеряв «языка», он был очень нужен командованию. Подошли к передовой, и я послал в разведку человека. Ночью сделали проход и тихо проскользнули мимо немецких траншей. «Язык» оказался очень ценным, всей группе была объявлена благодарность. Так я с группой ходил в тыл врага восемь раз.

Один раз взяли «языка»-полковника, оперативного работника штаба корпуса. За эту вылазку нас всех должны были наградить, но отдельный 229-й заградотряд был переброшен под Кенигсберг. Влились в другую дивизию, и наши награды затерялись.

...Шли ожесточенные бои, мы несли большие потери в технике и живой силе. Стоял сплошной гул: стреляли все типы орудий, сбрасывали свой груз бомбардировщики, ИЛы атаковали эрсами танки противника. Сколько было техники, все двигалось, грохотало, сотрясалось... Настоящий ад!

В один из дней на подступах к Кенигсбергу приземлился самолет, подрулил, остановился где-то метрах в двухстах от нас. Вышли военные и группа в штатском, я насчитал восемь человек. Выстроились, сняли головные уборы, руки держали на животе, что именно держали, мне было не видно. Постояли немного и направились в сторону города. Стояла адская стрельба. Вдруг наступила тишина и наши пошли в атаку. Когда я вбежал в крепость, то увидел невероятное: кругом слева и справа бушевало красное пламя. Немцы бросали оружие и пачками выходили из крепости с поднятыми руками, шли тысячи.

Всем этим событиям я был очевидец, а вот как об этом рассказано в одном календаре издательства «Феникс»:

Битва за Кенигсберг. Наши войска уже совсем выдохлись, потери были огромные, мы могли потерпеть страшное поражение. Вдруг приехал командующий фронтом, офицеры и священники с иконой. Многие стали шутить: «Вот попов привезли – сейчас они нам помогут». Но командующий прекратил шутки и приказал построиться, снять головные

уборы. Приехавшие отслужили молебен и пошли с иконой к передовой. Все смотрели: куда они идут в полный рост? Их же всех перебьют!

От немцев стрельба действительно шла огненной стеной. Но священники спокойно шли в огонь. И вдруг стрельба прекратилась. Тогда начался штурм Кенигсберга. Произошло невероятное: немцы гибли тысячами и тысячами сдавались в плен. Как потом в один голос рассказывали пленные, перед самым русским штурмом в небе появился лик Мадонны, которая была видна всей немецкой армии. И у всех абсолютно отказало оружие – они не смогли сделать ни одного выстрела. Во время этого явления немцы падали на колени: они поняли, кто помог русским.

Закончились бои в Кенигсберге, наш отряд перебросили в 79-ю дивизию, входившую в 8-ю гвардейскую армию Чуйкова.

27 апреля 1945 года мы оказались в берлинском метро. Утром туда стала поступать вода, метро затопило. Находившиеся там женщины и дети пытались выплыть. Три дня мы боролись со стихией, спасая ни в чем не повинных людей. На третий день вода начала сходить и мы смогли принять участие во взятии рейхстага.

Немецкая армия сдавалась, а юнцы оказывали упорное сопротивление. С ними пришлось повозиться.

9 мая 1945 года окончилась война, а мы все еще воевали. Нас перебросили на границу с американской зоной оккупации. Окопались, вырыли траншеи и стали встречать немецкие войска, которые шли с полным вооружением в американскую зону. Началась бойня. Но через какое-то время немцы поняли, что сопротивление бесполезно, и стали сдаваться. Для меня война закончилась только 16 мая.

С нашего 229-го отдельного заградотряда отобрали 16 человек. Посадили нас в самолет, и полетели мы в Москву. В гостинице одели нас во все новое и дали несколько дней отдохнуть. Перед Днем Парада два дня занимались строевой подготовкой.

24 июня 1945 года мы выстроились в колонны по фронтам. Проехал маршал Жуков в сопровождении маршала Рокоссовского, поздоровались с каждой колонной. Когда закончился этот торжественный объезд, Рокоссовский дал команду, и колонны фронтов пошли по Красной площади. Это осталось в моей памяти навсегда. Я прошагал по площади в колонне 1-го Белорусского фронта. После парада вернулся в свою часть в Германию, служил в оккупационных войсках.

В 1947 году демобилизовали, приехал в Казань. Устроился на работу в аэроклуб, занимался ремонтом моторов М-11. Проработал в аэроклубе семь лет. Приехал к нам однажды в мастерскую начальник отдела кадров

Казанского вертолетного завода С.А. Тарасов, подошел и спрашивает: «Хочешь работать на вертолетном заводе? Приходи завтра в отдел кадров, я подпишу тебе заявление».

Так я устроился на Казанский вертолетный завод. Отработал до пенсии и ушел на заслуженный отдых.

В рассказе автора об увиденном перед штурмом Кенигсберга составители не увидели ничего невозможного. А в приведенной оценке событий издательством «Феникс», похоже, просматривается мистический перебор. Составители, однако, решили сохранить отрезок в доказательство того, что эпизод не причудился ветерану, он был замечен и другими.

Всегда на стыке с противником

Н. Шагалин

В феврале 1943 года меня призвали в ряды Красной Армии. Сформировали группу и отправили всех в город Сергач в разведшколу. Обучали владеть всеми видами оружия: автоматом, снайперской винтовкой, пулеметом. Изучали отечественное оружие и оружие противника. Обучали владеть любой техникой: мотоциклом, машиной, танком, самоходными орудиями. Обучение длилось два месяца. Кормили плохо, все рвались – быстрее бы на фронт!

Приехал майор из части, отобрал 50 человек отличников, я попал в это число. Нас зачислили в 12-й отдельный мотоциклетный разведбатальон. Посылали в разведку по 9-12 человек на трех-четыре мотоциклах. При возвращении в часть из рейдов по тылам противника нередко натыкались на немцев, завязывался неравный бой, многие погибали. И так каждый раз. Из батальона оставалась половина личного состава.

Месяц находились на передовой, на месяц уходили в тыл на отдых. Там пополнялись личным составом и боеприпасами.

В феврале 1944 года под Курском был ранен. Операцию делали в полевых условиях без наркоза, лечение проходил в медсанбате части. Через полтора месяца закончил лечение, вернулся в часть.

...Роте дали задание проверить наличие немцев в одной деревне. При подъезде мы заметили немецкую охрану, сняли часовых, заскочили в дом. Немцы обедали. Мы всех обезоружили, семь человек во главе с офицером привезли в свою часть. Это произошло между Брестом и Варшавой. За эту операцию я был награжден медалью «За боевые заслуги».

Наша часть шла вперед, мы шли в авангарде, в раз-

ведке. В районе города Познань мы получили в поддержку бронетранспортер. На нем служили два родных брата. При обстреле бронетранспортер подбили, оба брата были ранены. Нас спасло то, что соседняя часть пошла в наступление. Одного брата я вывез в госпиталь на мотоцикле, когда приехал за другим, он был уже мертв. Пришлось его похоронить на местном сельском кладбище.

За освобождение Варшавы я был награжден медалью. Дивизия шла вперед, мы в авангарде разведывали ей путь.

Наша 1-я гвардейская танковая армия водрузила на Рейхстаг свой флаг. Этот флаг, пробитый пулями, сейчас находится в Центральном музее Вооруженных Сил РФ в Москве.

В момент подписания капитуляции Берлина наша танковая бригада проходила мимо Рейхстага, по ней недобитые фашисты открыли огонь из фаустпатронов. В последний день войны в столице Германии погибло более 50 человек. За участие в штурме города я был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «За взятие Берлина».

По тылам врага в составе армейской части

Я. Круглов

...Под Орлом приняли первый и, увы, неудачный бой. Нас разбили, отрезали от своих, и мы отступали разрозненными группами. Командир эскадрона старший лейтенант Морозов и политрук погибли. Группу возглавил лейтенант Кузьмин, он водил нас в атаки по тылам врага.

Разрозненными группами дивизия вышла на Украину, где тоже пришлось принять бой. Командование части дало мне задание снять связь части. С напарником мы сматывали провод, дошли до конюшен и увидели там немецкий танк. Бросили катушку с проводом – и потихоньку в лес. Стали догонять своих. Отступали на Курск.

В Курске удалось помыться в бане, отдохнуть. При отходе от города немцы перекрыли нам пути к отступлению.

По приказу командования наша 14-я дивизия ушла обратно в тыл врага. Остановились в лесу, разведка стала искать место для прорыва к нашим войскам. Пошли на прорыв и уперлись в болота, часть людей прошла, остальные вернулись на прежние позиции.

Вышли к своим уже около города Липецка. Нас всех влили в 55-ю кавалерийскую дивизию, а командный состав оставили на формирование новой дивизии.

И опять мы отступали, сдерживая врага, несли большие потери.

Когда нет четкой линии фронта, воинскому подразделению тяжело вести военные действия и даже просто передвигаться. Однажды при отступлении мы наткнулись на солдат, которые махали нам, давайте, мол, идите быстрее. Сначала мы приняли их за своих. Но когда сообразили, что это были немцы, стали быстро отходить к лесу.

...На разных берегах оврага наша часть вела перестрелку с неприятелем. Отходили вглубь леса, где было наше спасение. Послали разведку, смогли выйти в состав своей дивизии. И так при отступлении мы постоянно оказывались то в тылу врага, то на передовой своей обороны.

С боями медленно уходили вглубь страны. Вышли к Туле, где заняли оборону. Осенью 1941 года держали вторую линию обороны Тулы. Когда немцев отбросили от Москвы, то и под Тулой обстановка улучшилась.

По приказу вышестоящего командования, дивизию опять отправили в рейд по тылам врага, где мы, если и не наводили ужас, то неприятностей причиняли много. Например, немцам из фатерлянд слали новогодние подарки, а мы их перехватывали. Как-то зашли в одну деревню, немецкая разведка засекла нас. Завязался бой, нас крепко потрепали. Погибло много солдат и офицеров. Это происходило в районе Донбасса. В конце концов, нас окружили, предложили сдаться, но мы смогли выйти отдельными группами к своим.

...Наша часть вышла на Кременную – большой населенный пункт типа районного центра. Командира дивизии полковника Якунина забрали на повышение. Принял дивизию полковник Фиксель, нас перебросили под Воронеж. Здесь мы закрепились и встретили врага. Немцы наседали на нас свежими силами.

В очередной раз нашу дивизию направили в тыл врага в направлении на Мозер, в Белоруссии. Для кавалерии, как наиболее маневренного рода войск, который не требует пополнения в виде горючего, в тот период войны такие десанты по тылам были типичны. Здесь нас немцы сильно прижали и мы стали отходить. При выборе прохода части полковник Фиксель погиб, снаряд попал прямо в него. Принял дивизию генерал Коблев. Дивизия и далее шла по тылам врага, нарушая его коммуникации.

Мы все дальше уходили к немцам в тыл. По приказу командования переместились на Украину.

Когда шли освобождать одну деревню, половина которой была занята нашими войсками, а другая – немцами, отказала рация. Командир приказал мне заменить

станцию связи. Мы с другом загрузили станцию и стали выходить к деревне, но оказались как раз со стороны немцев. К счастью, удалось вовремя повернуть и незаметно уйти к своим. Заменяли станцию, благополучно вернулись в часть, доложили о том командиру. За эту операцию я был награжден медалью «За отвагу».

Нас перебросили на Кубань, чтобы сдерживать немцев, рвущихся к бакинской нефти. Командира эскадрона забрали на повышение, дали другого – капитана Конобеева. Весь 1942 год дивизия сумела удерживать врага на прежних позициях. За защиту Кубани ее переименовали в 14-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию, которой командовал генерал Коблов.

Когда завершилась Сталинградская битва, войска пошли на Харьков, немцы стали отступать и мы их стали теснить. Когда шли в наступление, объезжая пойму Дона, моя лошадь на крутом спуске поскользнулась, я ушел в воду. Это было осенью. Слил воду из сапог, отжал брюки, хорошо, что было не глубоко. Всю ночь проходил в сыром обмундировании, согревало тепло лошади.

...Дивизию опять перебросили в тыл врага – в Белоруссию, под Витебск. За Витебскую операцию наша дивизия получила орден Красного Знамени. Освободив Белоруссию, вступили на территорию Польши. Стали готовиться к форсированию Вислы. А за освобождение Варшавы в январе 1945 года дивизию наградили орденом Суворова 1-й степени.

В Прибалтике мы участвовали в разгроме немецкой группировки на Землановском полуострове. За участие в боях по освобождению города Ротаново я был награжден орденом Красной Звезды. Кроме названных, имею орден Отечественной войны 2-й степени и юбилейные медали Советского Союза.

На передовой и за ее чертой

Н. Мошков

Мошков
Николай Иванович

Воспоминания о войне приходят как зубная боль. Перед мысленным взором мелькают события: в скольких районах мы дезорганизовали гитлеровский оккупационный режим? Сколько разгромлено нашим отрядом немецких гарнизонов, волостных управ, лесопильных, маслозаводов? Сотни боев и стычек с противником... Десятки взорванных рельс и спущенных под откос вражеских воинских эшелонов, подорванные и разбитые автомашины, уничтоженные склады с оружием и боеприпасами, горючим, мосты, выведенные из строя многие километры телефонно-телеграфных линий связи, большие и малые рейды по вражеским тылам, освобожденные из неволи сотни советских граждан... Да разве все упомнишь?..

Осенью 1941 года меня направили на учебу в лагерь, которые находились недалеко от Казани. После трех месяцев обучения я стал инструктором истребителей танков. Вновь прибыл на завод и уже там обучал других этому военному делу. 5 мая 1942 года по призыву комсомольской организации и обкома партии в составе группы из десяти человек отправился учиться в Москву в специальную школу для минеров-разведчиков.

28 августа того же года нашу группу из пятнадцати человек в районе города Велижа Смоленской области при помощи армейской разведки переправили за линию фронта для диверсионных работ в оккупированной врагом Белоруссии, в Могилевской области. Так началась моя партизанская жизнь, полная тревог и опасностей. После перехода железной дороги Полоцк – Витебск и Западной Двины четыре разведгруппы разъединились и пошли каждая своим маршрутом. В состав нашей диверсионно-разведывательной группы входили три коммуниста, девять комсомольцев и трое беспартийных.

Навсегда я запомнил их имена и фамилии: Владимир Лебедев, Анатолий Зиборов, Сергей Расщупкин, Николай Грачев, Владимир Купавых (все из города Елец), москвичка Мария Ночевная, саратовец Валентин Цыганов, украинец Иван Ященков, туляк комсорг Федор Александров, минчанин Николай Шаблыко, Александр Тимошков из Клима, командир группы Степан Мурашко из Витебска, комиссар Татьяна Гиндина из села Кричева и я – Николай Мошков из Казани.

Первое боевое крещение группа получила в середине сентября 1942 года при переходе железной дороги у станции Бычиха. В этом месте разведчики соединились с партизанским отрядом и вместе переходили «железку». В ночь с 1 на 2 ноября группа нарвалась на засаду в районе села Волинцы Гомельской области. Стоял теплый солнечный день. Чтобы запутать следы шли болотом, вязли ноги, засасывала трясина. Высоко над головой несли снаряжение, ощупывали дно шестами. Наконец, вошли в лес. До еды не дотронулись, сильно хотелось спать. Это был первый отдых после встречи с партизанами. Первый и последний. Засыпая, мы не знали, что за нами идет погоня. Пока группа отдыхала, командиры решили никого не беспокоить и лично проверить местность. Далеко не ушли, их догнала Мария Ночевная: «Товарищ командир, там немцы подходят к лесу». «Объявить тревогу, – командует Мурашко. – Всем отходить вглубь леса». Бой нарастал, трещали автоматы, лаяли собаки. Неожиданно впереди командиров появились немцы. Предупрежденные провокатором, они точно определили расположение группы. К тому же собаки указывали направление. Каратели брали партизан в кольцо, тесня разведчиков к болоту, там пряталась засада. Александров метнул гранату, стрелять нельзя, можно попасть в своих. Командиры начали отходить в противоположную сторону от основной группы. В это время возле Мурашко взорвалась граната. Он вскрикнул от боли и рухнул на землю. К нему бросилась Гиндина, за ней Тимошков. «Отходить, – крикнула Таня. – Александров, прикрывай!» На основную группу каратели напали с трех сторон. Юноши отважно держались. Автоматная очередь брызгами взорвала кору с ели, за которой стоял Купавных. Он пошатнулся, обхватил дерево руками и стал сползать к земле, с виска струйкой стекала кровь. Смолк автомат Расщупкина, а сам он распластался на горке пожелтевших листьев. Мошков и Грачев подхватили тела погибших друзей и стали отходить к болоту. Ночевная, которая все же перебралась к группе, отступала последней, поливая врагов свинцовым градом. Ее поддерживали огнем Зиборов, Ященков, Цыганов и Шаблыко. К счастью, в это время пошел густой, холодный

с градом дождь. Черная туча повисла над лесом. Стало темно – это спасло группу. Каратели отстали.

Командиров немцы окружили со всех сторон. Они решили их взять в плен живыми, поэтому интенсивность обстрела уменьшили. Воспользовавшись этим, разведчики предприняли попытку вырваться из окружения. И им это удалось. В то время был ранен Тимошков. Осколком гранаты ему снесло левую бровь, лицо залило кровью, но он продолжал стрелять из автомата, поминутно ладонью смахивая кровь с лица.

Пришел в сознание Мурашко и, преодолевая боль в правом плече, двумя руками вскидывал пистолет и стрелял в тени, маячившие в надвигающейся темноте. Отходили почти бегом, с темнотой опасность миновала. Но в одном месте, где лежала большая куча сухого валежника, начался пожар. Там группа распалась на две части. Основная стала отходить к болоту, повернула в лес, затем оторвалась от преследователей и на второй день влилась в отряд «Победа». Другой группе встретился партизанский разведчик, который привел их в отряд Иванова. Здесь, пока Мурашко и Тимошков выздоравливали, Гиндина и Александров вместе с партизанами ходили на боевые операции.

Когда Мурашко подлечился, было принято решение идти на соединение с группой в Краснопольский район. Утром 14 ноября 1942 года четверо разведчиков подошли к поселку Воронеж. Постучали в крайнюю избу. На беду, хозяин Егор Сауленко оказался предателем. Но самого его дома не было, дежурил в Веприне. Его жена Александра приняла гостей настороженно. Найдя повод, она выбежала на улицу к соседке Пелагее Волчковой, ее муж тоже служил гестаповцам, и рассказала о партизанах. Пелагея бросилась в сарай, вывела лошадь и поскакала в Веприн, где стоял отряд карателей. Разведчики догадались о предательстве и стали отходить к лесу. На снегу четко обозначились их следы. Мурашко все время отставал, загноилась рана. Федя помогал ему. А тут еще Тимошков оступился и подвернул ногу. Каратели шли за ним по пятам, поливая свинцом орешник. «Идите вперед, я вас прикрою», – сказала Таня. Враги приближались. Таня залегла за выворотнем и приняла неравный бой: десятки вооруженных до зубов карателей против одной женщины. Пули свистели вокруг, дробя молодые деревца, вздымая вихри снежной пыли. «Выродки, – шепчет она. – Сейчас вы у меня попляшете». И взяла на мушку идущего впереди толстого полицая.

Меткие очереди следовали одна за другой. Наступающие залегли. Тогда Таня быстро вскочила и перебежала к следующему дереву. Снова огонь ее автомата при-

жимают врагов к земле. Опомившись и видя, что огонь ведет один человек, каратели пошли в обход, открыли бешеную стрельбу, не позволяя Тане делать новые перебежки. Вдруг что-то тяжелое ударило ее по голове, теряя сознание, она упала на снег. Полицаи схватили разведчицу, сорвали с нее сапоги, бушлат, гимнастерку, скрутили веревкой руки и начали бить. Полицай Тихон Мазуров узнал Татьяну. Он был бригадиром, когда она работала на тракторе. Рад был и полицай Егор Сауленко. «Где остальные?» – допытывался Микола Барсуков и с силой ударил партизанку. «Выродок... гад ползучий...» – тихо прошептала Таня. «Ничего, в гестапо заговоришь», – усмехнулся Данила Волчков. На сани положили убитых в бою полицаев, привязали Таню к оглобле и поехали в село Лесань. Босая, полуголая шла она, ноги посинели от холода, из ран сочилась кровь... «Успели ли товарищи уйти в лес?» – эта мысль не давала ей покоя.

17 ноября 1942 года жители города Чериков стали свидетелями зверской расправы, какой гестаповцы подвергли отважную партизанку. В этот день стоял сильный мороз, снег скрипел под ногами. Полицейские ходили по хатам и сгоняли всех на площадь. Повсюду стояли отряды гитлеровцев. Таню вели на площадь в разорванной и окровавленной сорочке. На груди у нее на листе фанеры фашисты крупными буквами написали «партизанка». Двое полицаев шли позади, несли в ведрах воду, зачерпывали кружкой и лили на нее. Гитлеровский офицер фотографировал эту картину. Таня шла высоко подняв голову. Многие жители узнали в ней кричевскую трактористку Татьяну Гиндину. Собрав остатки сил, она закричала: «Товарищи! Беритесь за оружие, бейте эту погань. Идите в партизаны, Красная Армия близко, она...» Палачи не дали ей договорить, быстро набросили на шею патриотки петлю. Так фашисты оборвали молодую жизнь верной дочери белорусского народа Татьяны Михайловны Гиндиной.

Мурашко и Тимошкову все же удалось уйти от преследователей. Они снова попали к партизанам. В одном из боев были ранены и оказались в плену. Тимошкову удалось бежать. После воссоединения с Красной Армией он еще воевал на фронте, а после войны демобилизовался. Мурашко отправили в Освенцим. В Польше он бежал из плена и создал партизанский отряд.

Забегая вперед, расскажу о том, что с ними стало. 15 ноября Владимир Лебедев, находясь в разведке и будучи тяжело раненым, был схвачен карателями и после пыток казнен в Славгороде. 19 ноября возле города Чериков погиб туляк Федор Александров.

21 декабря в бою возле хутора Шпаков Краснопольского района Анатолий Зиборов получил тяжелое ране-

ние и попал в лапы карателей. После мучительных пыток фашисты привязали его к хвосту лошади и пустили ее по полю.

Николай Шаблыко погиб в бою у села Добрянка, умер у меня на руках.

Вражеская пуля нашла Валентина Цыганова в то время, когда он воевал в рядах Красной Армии. Иван Ященко умер в 1949 году в поселке Краснополье, где занимал пост председателя колхоза, от ран, полученных еще в партизанских сражениях. Николай Грачев, Мария Ночевная и я после соединения с армией воевали на фронте, были ранены, вернулись в родные края.

...В ноябре 1942 года наша группа соединилась со спецотрядом №47, который пересек линию фронта ранее. Постепенно численность отряда выросла до шестисот человек, и он получил название «Победа». Командиром стал старший лейтенант Михаил Титович Перепечкин. Позднее, в октябре 1943 года, ему было присвоено звание подполковника.

Люди в формировании были разные: местные жители, бойцы, бежавшие из плена. Одеты кто во что.

Командир отличался строгостью. Иногда выстраивал новобранцев и проводил беседу, давал наказ: «Помните, не забываете! Мы не тряпчонки, мы бойцы! Наша задача – уничтожить врага, не давать ему покоя ни днем ни ночью. Воюем насмерть – или мы их, или они нас. Третьего нет и быть не может. Пришел в лес, значит, принял присягу. Ни один человек не может остаться вне борьбы, переждать, пересидеть, покуда враг топчет нашу родную землю. Только трус всю жизнь на коленях ползает».

Грозной силой стали лесные солдаты. Со страхом и ненавистью косились захватчики на партизанские леса, пытались их прочесывать, но мы забирались в самые непроходимые болота, проваливались в густую, тягучую грязь по колено, по пояс, выбирались, хватаясь за ближайшие ветки. Палками находили дно. Казалось, жить долго в таком напряжении невозможно.

В тылу мы продвигались с опаской, потаенными тропами, часто брали проводников из местных жителей. Они показывали, где лучше перейти брод или железную дорогу, чтобы остаться незамеченными. Подсказывали, где поставить мину, взять лодку для переправы, а где убрать ненавистных предателей Родины. Не одну сотню километров прошел отряд по белорусской земле. Простые белорусские люди поили и кормили нас, укрывали от фашистов. Однажды мы обедали у одной крестьянки. И вдруг в деревню ворвался отряд карателей. Храбрая женщина провела нас огородом в баню, спрятала, сохранив нам жизнь.

В каждом селе нам помогали, и это делало нас неуловимыми. Через шоссе и железную дорогу Москва – Минск пришлось проходить с боями вместе с местным отрядом. Мы поставили засады и мины со стороны станции Бычиха. Подошедший на помощь врагу бронепоезд подорвался на mine и прекратил нас обстреливать. Мы спокойно переправились в глубину леса.

Через дорогу Рогачев – Быхов нас согласился сопровождать мальчик лет четырнадцати с условием, что мы поставим на путях мину. Его желание мы выполнили и, не пройдя и километра, услышали, как на этой самой mine подорвался немецкий поезд, подошедший со стороны Рогачева.

В походе нам часто приходилось ночевать в лесу, спали, прижавшись спинами друг к другу и укрывшись плащ-палатками, кочевали как цыганский табор – сегодня здесь, а завтра уже за десятки километров.

Помню, когда я был в отделении капитана Александра Свеженцева, наше отделение из восьми человек находилось в разъезде на двух подводах. В полночь прибыли на хутор Гацкевич. Хозяин одной из хат постелил нам на пол соломы, и мы крепко уснули. Рано утром нас разбудил крестьянин, сообщивший, что по селам разъезжают на санках агент и два полица, собирают налог с крестьян. Капитан послал меня, Грачева и Демиденко на их поиски, которые длились недолго. Разоружив, привели налогосборщиков в партизанский лагерь. После допроса всех расстреляли. Вчетвером возвращались из разведки, шли по грунтовой дороге, видим: впереди недалеко от Краснополя через речку деревянный мост. Саша Сулов предложил заминировать его. Так мы и поступили. На следующий день по мосту проезжала машина, в которой сидели восемь полицаев и немецкий офицер. Автомобиль наскочил на мину. Взрыв – и обломки искореженного металла и человеческие останки взлетели в воздух. Четыре полица убиты, два ранены, офицер скончался от ран.

Одно время наш отряд стоял на хуторе Ферма. Разведка доложила, что из Кричева в Краснополье движется немецкий обоз с оружием и продовольствием. Мы организовали засаду и напали на него. После недолгого боя повозки оказались в наших руках. Много фашистов нашли здесь свою смерть. В плен взяли пятерых немцев и двадцать мадьяр. Немцев расстреляли, а мадьяры остались в нашем отряде и стали партизанами.

В трехстах метрах от Краснополя – Пропойска проходит грунтовая дорога. Двое наблюдали за обстановкой, я с товарищем приступил к минированию. Финским ножом режем часть грунта со следами покрышек, земля отделяется целым пластом, откладываем его в сторо-

ну, выкапываем яму, закладываем заряд, ставим взрыватель, поднятый пласт осторожно кладем на место, лишнюю землю уносим с собой на плащ-палатке. Утром мина сработала, вражеская машина перевернулась. Тяжелые ранения получили шофер и немецкий офицер – директор образцового хозяйства. Особой группе дали задание поджечь все его строения.

На следующий день из Черикова в Краснополье врагу прибыло подкрепление с артиллерией. Долгое время немцы обстреливали из пушек лес вокруг райцентра. «Теперь ни один партизан не осмелится приблизиться к Краснополью на десять километров», – самонадеянно заявил комендант.

...Партизаны со временем стали большой единой силой. Из разрозненных отдельных групп превратились в хорошо организованную и отлаженную структуру. Все отряды подчинялись единому командованию. Зима – трудный период для партизан, она сковывает боевые действия, ограничивает маневренность. Но мы не сидели сложа руки, а работали, вели разведку, подрывали эшелоны и железнодорожное полотно. В марте отряд пять раз принимал с Большой земли оружие и боеприпасы. Два раза в наш лагерь наведывались каратели, но, не выдержав боя с партизанами, отступали.

В зимнем лагере в Графских лесах поддерживался строгий порядок несения караульной службы в соответствии с армейским уставом. Проводили политические и военные занятия. Организовали школу подрывников. Свободные от караульной службы собирались в большой землянке и устраивали самодеятельные концерты. Благодаря четкой работе разведки ежедневно обновлялись сведения о численности личного состава противника в гарнизонах вокруг нашего леса. Высылались группы на диверсии и подрывы эшелонов.

27 января 1943 года я, Саша Сулов, Владимир Цыганов во главе со старшиной Федором Павловичем Липкиным подорвали вражеский эшелон с военной техникой в районе железнодорожной станции Коммунары. Под откос слетели вагоны и платформы с военным грузом и танками. А шестью днями ранее группа сожгла мост на дороге Краснополье – Чериков. На нашей mine подорвалась машина с полицаями и немецким офицером, на шоссе мы также подорвали автомашину, погибло много немецких солдат.

После боя в зимнем лагере в Графских лесах прошла неделя. Партизаны отрядов №47 и №3 построили новый лагерь в лесу в десяти километрах от Краснополя. Март 1943 года выдался теплым, часть народных мстителей жила в землянках, другие в шалашах из еловых веток. Разведка и связные доложили о существовании в полу-

километре от Краснополя образцового имения, которым руководит немецкий офицер. В хозяйстве имелись породистые лошади, крупный рогатый скот и молодняк. Много откормленных свиней, птицеферма, пасека, продукты на складах. Охраны там не было. Хозяин, как и другие его служащие, на ночь уходил в Краснополье. Ночную тишину там нарушали короткие пулеметные очереди, да рвали небо осветительные ракеты – так немцы отпугивали партизан. Лунной ночью, в субботу, отряды скрытно подошли к имению и расположились в километре от опушки леса. Операция началась ровно в полночь. Постучали в квартиру кассира. Он оделся и пошел в канцелярию. В кассе оказалось 15 тысяч рублей советских денег, их изъяли. С конюшни вынесли упряжь, вывели лошадей, запрягли их в сани, погрузили продукты. Трофеи оказались весомыми.

...Однажды в мае 1943 года я и Суслов возвращались из конной разведки. Уже миновали Малые Кемки и Светиловичи, остановились в перелеске и увидели: в метрах двухстах по грунтовой дороге идет колонна гражданских лиц. Впереди и сзади по одному конвоиру. Суслов сказал: «На станцию ведут, потом в Германию отправят».

Сделали так: долиной мы незаметно проскочили до кустов, а в метрах ста до дороги с интервалом открыли огонь из автоматов поверх колонны, за бугор бросили по гранате, не слезая с коней. Наше появление, взрывы и автоматные очереди привели к тому, что конвоиры растерялись. Девушки и парни бросились в разные стороны в лесистую местность. Охранники ускакали, опомнившись, открыли беспорядочную стрельбу. Однако люди успели разбежаться. Дело сделано, мы стали отходить.

...В июле 1943 года отряд, возвращаясь с боевого задания, передвигался вдоль опушки леса. Нас заметили с немецкого самолета «рамы». Летчики сделали разворот и сбросили две бомбы.

Послышалась команда «Огонь!», за ней последовал дружный залп. Самолет качнулся и, завывая мотором, пошел на снижение. Затем вой перешел в басовый и гневный рев, а потом внезапно смолк. Слышались лишь стреляющие звуки. Раздался короткий, глухо хрустящий удар. Мы прибежали на место падения машины через несколько минут, самолет уже догорал. Раненые летчики спаслись бегством. Прочесали камыши, но поиски ничего не дали.

...Командование отряда решило разгромить оккупантов волости Ушаки. Партизаны установили и наладили взаимодействие с подпольщиками, добывали сведения. Вскоре, когда была установлена связь с Мо-

сковой и белорусским штабом партизанского движения, отряд стал получать неоценимую помощь с Большой земли. На парашютах сбрасывали для нас оружие, боеприпасы, взрывчатку и другое снаряжение. Мощь нашего отряда крепла. Создание подпольных организаций в Краснополье, Черикове, Кричеве значительно облегчило борьбу с оккупантами. Командование отряда стало регулярно получать ценную информацию о передвижении противника. В Ушаках смело действовала подпольная группа, а затем и полицейский гарнизон почти полностью перешел на сторону партизан.

Очень сложной была операция «Пильня». Партизаны не раз пытались атаковать гарнизон. Немцы засели в казарме, обнесенной земляным валом. Вокруг стояли доты и дзоты. Вечерело. Наш отряд стоял по другую сторону реки. Пулеметы, минометы, 45-миллиметровая пушка методично обстреливали вражеские укрепления. Бой длился час. Я подтаскивал снаряды к пушке и ленты для пулемета «максим». Кругом цокали пули, рвались мины. От осветительных ракет стало светло как днем. Раненых отправляли в тыл, в санитарные пункты. Но вот вспыхнула казарма, поднялась сигнальная ракета, и партизаны пошли в атаку. Враг разбит, казарма сгорела. Мост обложили соломой, облили керосином и подожгли. Спилили наблюдательные вышки, немцев и предателей расстреляли. Выполнили и продовольственную операцию: собрали богатые трофеи и благополучно вернулись на свою базу. На следующий день из Черикова прибыло подкрепление и немцы целый день обстреливали из пушек леса вокруг райцентра. Но артиллерийский обстрел не напугал партизан.

Когда 12 июля 1943 года Красная Армия перешла в контрнаступление в районе Курской дуги и погнала фашистов назад, была получена срочная секретная директива белорусского штаба партизанского движения о проведении операции «Рельсовая война». Первый организованный выход на железнодорожную магистраль был осуществлен в ночь со 2 на 3 августа.

Отряд №47 «Победа» вместе с другими в районе станции Михевичи под Кричевом взорвал на протяжении 4 км все рельсы, разгромил станцию, уничтожил два эшелона товарняка, бункеры и пулеметные точки противника. Далее отряду предстояло совершить рейд вглубь оккупированной территории на 80-100 км. Из лагеря вышли 30 июля. Дорога усиленно охранялась. На каждом километре пути построены доты в 250-300 метров друг от друга, в промежутках выставлены секреты, велось патрулирование. Лес по обеим сторонам магистрали вырублен. В открытую к полотну не подойдешь,

да и местность простреливалась из дотов. Поэтому действия партизан тщательно продумывались, каждый выполнял предписанную ему роль. И 17 августа 1943 года на железнодорожной станции Климовичи наша группа пустила под откос вражеский эшелон с военной техникой.

Бывало и такое. В середине сентября 1943 года меня и Якушевского послали на лошадях в разведку. Мой напарник хорошо знал окрестную местность, сам был из села Якушевка, где и проживала его семья. Мы побывали в его доме. Повторно решили проехать по селу Новая Ельня, помня, что ранее там никого из немцев не было. И вдруг, видим – все село забито армейскими частями, обозами и машинами. Это фашисты готовились к отступлению. Тихо пробрались по нижней улице и свернули на проезжую дорогу, вступили на мостик, неожиданно услышали окрик «Halt!». Пришпорив лошадей, помчались галопом. Сзади нас раздались выстрелы. У Якушевского ворона упала, а сам он отлетел в сторону, еле встал и, прихрамывая, пошел влево от тракта. Я проскакал еще километра три и свернул в сторону леса. На пути протекала речушка, и мне показалось, что преодолеть ее можно одним махом. Лошадь прыгнула, споткнулась и упала на колени. Для меня это закончилось плачевно. Перелетев вперед, я ударился головой о берег. Очнулся, когда стало светать. Открыв глаза, с изумлением увидел, что моя ездовая спокойно ходила по лужайке и щипала траву. Я приехал в лагерь под вечер, напарник – затемно. Хорошую тогда порку мы получили от партизанского командира...

Разведчики из нашего отряда №47 Федор Липкин и Михаил Ильенков встретили у хутора Шпаково под Краснопольем незнакомого человека, привели его в штаб. Говорил, что сбежал из Кричевского лагеря смерти, много рассказывал про издевательства и пытки гитлеровцев, рвался в бой, чтобы отомстить фашистам за муки. Решили его проверить, связные подтвердили – действительно, разыскивают военнопленного. При тщательном обыске в его лохмотьях обнаружили отравляющие вещества. Предложили ему выпить стакан воды с разведенным порошком – отказался. Решил дать показания. Из них следовало, что в лагере он никогда не был, по национальности немец, ранее жил в Советском Союзе и хорошо знал русский язык, воинское звание гауптман. Должен был отравить командный состав, в первую очередь командира диверсионно-разведывательного отряда №47 «Победа» Перепечкина.

...Деревня Сметаничи в Могилевской области ничем не выделялась от соседних. На запад от нее текла речка Сметанка, вдоль нее рос лес. Здесь, после оккупации

территории врагом, зародились партизанские отряды, образовавшие впоследствии бригаду «Чекист», которая действовала на территории Шкловского района. И все же, в Сметаничах нашлось несколько человек, поступивших на службу к фашистам. Они сообщали им о связях населения с подпольщиками и партизанами. Однако большинство жителей, несмотря на угрозы немцев, продолжали всеми силами помогать здешним партизанам продовольствием, передавали ценнейшие сведения о планах оккупантов, неоднократно совершали диверсии. Захватчики решили установить в деревне строжайший контроль и прислали сюда карательные отряды. По дороге в Сметаничи их атаковали партизаны. Но силы были неравные, каратели имели численное превосходство. После коротких перестрелок партизанам пришлось уйти вглубь лесного массива. Немцы стали прочесывать лес «Березовка», однако им не удалось найти народных мстителей. Вернувшись в деревню, каратели пытались добыть сведения о партизанах у местных жителей, но им никто существенного ничего не сказал. В порыве бессильной ярости перед стойкостью советских людей изверги собрали стариков, женщин и детей в один сарай, облили его бензином и сожгли. В огне сгорели 47 человек. Цветущую деревню фашисты стерли с лица земли. Сегодня на месте, где произошла трагедия, стоитobelisk. На гранитной плите высечены имена погибших героев.

...Суслов (старший), Якушевский, Хазанович, Трифонов и я в 12 часов ночи подошли к железнодорожному перегону Климовичи – Коммунары. Расставив охрану, мы вдвоем с Сусловым поднялись на высокую насыпь. Между шпалами под рельсом выкопали яму, заложили взрывчатку, пакет с восьмью килограммами тола, а сверху решили установить мину ненажимного действия и 400-граммовую шашку тола, в отверстие которой вставили ударный механизм от противопехотной мины с капсюлем. Приготовились привести все это в действие методом «удочки». К чеке привязали шнур

длиной 40 метров. Его и место минирования тщательно замаскировали песком, лишнюю землю отнесли в сторону, отползли от полотна. Вдали послышались пулеметные очереди, в небе повисли осветительные ракеты. Это немцы готовились к осмотру дороги. Вот показались патрули, медленно прошагали мимо нас, за ними прошла дрезина, а за ней – товарный порожняк. Затем на большой скорости стал быстро приближаться идущий к фронту эшелон. Гитлеровцы были уверены, что путь свободен. Я и Сулов натянули на себя шнур, мина взорвалась под паровозом. Блеснула огненная вспышка, одновременно раздался сильный взрыв, за ним послышался грохот и лязг металла. Утром связисты доложили, что под откос вместе с паровозом полетели и 13 платформ с тяжелыми танками, которые потом долго валялись у дороги: один на боку, другие вверх гусеницами. Это произошло 9 июля 1943 года.

Много дел на счету нашего отряда. Наравне с мужчинами воевали и женщины-партизанки: Маша Ночевная, Люся Сверкунова, Даша Макарова, Таня Гиндина, Полина Криниченко, Надя Парфененко, Мария Зуборева и другие. Они ухаживали за ранеными, ходили в разведку, трудились на кухне.

В октябре 1943 года Красная Армия начала освобождать Белоруссию от фашистских захватчиков. Мы, партизаны, помогали освободителям гнать гитлеровцев до реки Сож. После четырехдневного отдыха по приказу командования 3-го Белорусского фронта бойцов партизанского отряда зачислили в 260-й стрелковый полк 186-й стрелковой дивизии. А я попал в пулеметный расчет «максим» первым номером. Неделю обучались и готовились к наступлению. 15 октября рано утром началась артиллерийская подготовка. Снаряды реактивных установок огненным смерчем обрушились на врага. Не верилось, что кто-то может уцелеть в этом аду. Но вот в небо взмыла ракета, послышался

приказ идти в атаку. Внимание напряжено до предела, всюду кружится густая пыль, перемешанная с гарью и дымом.

Оборона противника смята. По временной переправе пошла пехота, танки, тягачи и трактора, таща за собой орудия. Пулеметчики катили свои «максимы», переправлялись и другие подразделения.

Фашисты, не считаясь с потерями, пытались организовать контратаку.

В одном бою за населенный пункт отказал мой «максим», бывает и такое на войне. Мы затащили его в крайнюю избу, быстро разобрали, прочистили, смазали и собрали. Скрытно переместились на позицию и вступили в бой. Освобождаем село Журавичи, дома почти все разбиты или сожжены.

Наш боевой расчет остановился покурить. Откуда-то подошли две старушки и принесли в кринке попить молока. «Голубчики наши, вот радость-то какая, фрица гоните, а то ироды разорили нас совсем», – запричитали они. «Где живете-то?» – спрашиваем. «Мы-то, вона, в погребе, – показывает одна рукой на разваленную крышу. – Избу окаянные сожгли, все забрали, вещей никаких нет, остались лишь собака да кошка». Общение с несчастными нам прибавило ненависти к захватчикам.

Дальше продвигаться становилось еще труднее, враг яростно сопротивлялся. После барражирования над нами разведовательной «рамы» немцы усилили артобстрел. Пришлось нам рыть ячейки. Ноябрь заканчивается, а снега нет, земля мерзлая, тяжело поддается саперной лопатке, да еще снаряды рвутся. А вот и «юнкерсы» появились, поливая наших солдат пулеметными очередями.

Кругом все гремит и клокочет, бомбы взрываются спереди и сзади окопчиков. Наши ряды редеют на глазах: вот один упал, второй, третий принял пулю на вздохе. «Мама родная! Зачем ты меня родила?» – с ужасом подумал я. Методично раздается скрипучий вой, как у ишака, шестиствольного реактивного немецкого миномета. Рядом с нами окопался сосед с противотанковым ружьем, выставив длинный ствол на бруствер. Вдруг взметнулся столб земли, гляжу, он замотал головой, крик издает, широко открыл глаза и рот. А голос звучит, как туго натянутая струна, глубоко вздохнул и выдохнул с такой силой, будто в груди его был кузнечный мех, и смолк...

Бой продолжался, видно было как вырисовывается вражеская пехота, полусогнутые фигуры неотвратимо приближались. Я сверил прорезь прицела пулемета и плавно нажал на гашетку. Звук очереди слился воеди-

но с выстрелами автоматов, ПТРов и пушек. Над нами пролетели «илюши». Откуда-то сзади заиграла «катюша», из лощины на помощь нам выползали тридцатьчетверки. Атака врага захлебнулась. Но и мне досталось. От разрыва снаряда пулемет и автомат отбросило в сторону, а на меня обрушилась земля. С испугу вскрикнул: «Прощайте, хлопцы, я умираю», – и потерял сознание. Осколки впелись в спину, шею и один пробил правую ладонь. Спасибо санитарам: они вытащили и увезли меня в санчасть, а очнулся я уже в полевом госпитале.

После излечения нас, нескольких человек, отправили учиться в Челябинскую танковую школу. После ее окончания я воевал наводчиком на самоходке ИСУ-152 в 343-м гвардейском тяжелом артиллерийском Житомирском Краснознаменном ордена Богдана Хмельницкого полку. Однажды в непрерывных боях были восемь суток. Нервы и тело – сжатая пружина, сон не брал. Но не страшна смерть, когда знаешь, за что воюешь. Огонь, грохот – на трансмиссии взорвалась мина. Осколки ужалили в голову, шею. Срочно сделали перевязку, и всех раненых на бронетранспортере переправили в санчасть. Хирург, вытащив осколки, облегченно сказал: «Ничего солдат, ты еще повоюешь». И в тот же день я возвратился в свой экипаж.

Однажды мы нарвались на засаду. Вспыхнули одна, вторая, третья самоходки. Борт подставлять нельзя, приходится пятиться назад, чтобы выйти из-под огня. Мой командир, земляк из Казани Камиль Музаффаров, вышел из самоходки и стал показывать водителю путь. Тут же ударил снаряд и земля ушла у него из-под ног. Я выскочил из машины, собрал останки его тела, завернул в плащ-палатку и положил на броню. После боя мы похоронили нашего товарища в братской могиле.

Освободив прибалтийские республики, части Красной Армии с боями вступили в Восточную Пруссию. В конце января 343-й самоходный полк под командовани-

ем полковника Куликова штурмовал Кенигсберг.

Гарнизон крепости насчитывал, говорили, 130 тысяч человек. Перед нами пока стояла задача: вести разведку в направлении укрепленного района Понарт, засекают огневые точки, блиндажи, доты и дзоты в полосе наступления. К городу были стянуты танки и артиллерия. К 6 апреля земля освободилась от снега, началась длительная артиллерийская подготовка, дым от взрывов закрывал солнце. Огнемётчики выжигали фрицев из укреплений. На третий день непрерывных боев немцы с белым флагом вышли сдаваться. Утром 9 апреля город еще был в пламени пожаров, по улицам тянулась бесконечная колонна немецких пленнх. Город-крепость был взят нашими войсками за четверо суток. За участие во взятии Кенигсберга меня наградили медалью «За отвагу». В бою за город Гульбинек наш экипаж уничтожил два немецких танка и два дота. За это я был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. С окончанием боевых действий в Восточной Пруссии и падения морской крепости Пилау наш полк перебросили в город Слуцк. Оттуда в ноябре 1946 года я демобилизовался и приехал к родителям.

Работал электриком в МТС (*прим. – машинно-тракторной станции*). На пенсию ушел в 1982 году. С супругой Анастасией Семеновной прожили более 50 лет, вырастили четверых детей.

Многое выстрадал наш народ, погибли миллионы людей. Погибая, солдаты завещали оставшимся быть достойными их подвига. Пусть подвиг защитников нашей Родины не сотрется из памяти благодарных потомков.

То в боях, то в госпиталях

К. Яхиев

Вторая ударная армия должна была прорвать немецкую оборону в районе Мясного Бора и выйти к станции Любань, соединившись с Ленинградским фронтом. Наш только что сформированный артиллерийский полк занял огневые позиции по восточному берегу реки Волхов. Утром 15 декабря 1941 года началась артиллерийская подготовка.

Первый залп, выстрел, а стволы орудий встали в заднем положении, не срабатывает система отката – застыло масло. Комиссар кричит на нас:

– Вы – вредители, отдам под трибунал, срываете наступление войск!

Командир батареи старший лейтенант Панченко нашел выход: всем отделением стали толкать ствол орудия в исходное положение, примерно через пять выстрелов

масло прогрелось и орудия стали работать хорошо.

На следующий день, 16 декабря, нас выводят на прямую наводку. Не доходя примерно километра до передовой, увидели – на нас мчится тройка обезумевших лошадей. Необходимо было предотвратить столкновение лошадей с батареей. Наша батарея была на конной тяге, а в ней 24 лошади и 12 ездовых. Мы отстегнули орудия, и наши лошади пошли навстречу обезумевшей тройке. Лошадей отвели в сторону, они успокоились, возможная беда была предотвращена. Огневые точки заняты в назначенное время.

После мощного артогна по передовой линии, обработки глубины обороны противника, дивизия пошла в атаку, форсировала реку и закрепилась на другом берегу. Немцы отошли на новые рубежи. Наша пехота пошла в наступление на станцию Любань. Перед станцией закрепились, ночью вырубали деревья, мешающие орудиям стрелять по огневым точкам противника. Пехотинцы несколько раз ходили в атаку, но прорвать оборону мы не смогли. Несли потери, а подкрепления не было.

С октября 1941 по май 1942 года дивизия стояла на своих позициях. Зимой несколько раз безуспешно ходили в атаку. Не хватало снарядов, не было продовольствия. Лошади погибли от голода, дивизия несла потери. В мае 1942 года пришел приказ: дивизии отойти на старый рубеж обороны у реки Волхов, откуда и начинали поход на станцию Любань. Пушки пришлось тащить солдатам. За зимние бои мне вручили орден Красной Звезды, присвоили звание «лейтенант» и назначили заместителем командира батареи.

Дела на нашем участке фронта только ухудшались. Нас отрезали, и мы остались в окружении. Артиллеристов перевели в пехоту, вооружили автоматами. Меня назначили командиром роты.

Пошли в атаку на прорыв, но наткнулись на сильный огонь противника. Мы многих потеряли в этом бою, меня ранило в ногу. Я собрал оставшихся в группу и повел в атаку. До передовой оставалось несколько метров, но немцы открыли ураганный минометный огонь и почти всех перебили. Со мной оставался наводчик – он работал до войны лесником – сумел вывести меня в полевой госпиталь. Здесь я подлечился.

В июне 1942-го меня вызвал начальник госпиталя, дал двадцать выздоровевших солдат, я должен был вывести их к своим. Мы вышли на старый рубеж и на стыке нашей 2-й ударной и 57-й армии стали переходить линию фронта. Немцы огнем заставили нас вернуться назад. Я объявил, что надо идти на прорыв, когда немцы начнут обедать.

Цепочкой по одному, без шума прошли заградитель-

ную полосу немцев. Вышли в лесок на стыке передовой линии немцев, дальше шло чистое поле. Около леса стояли немецкие танки, оттуда нас заметили и открыли огонь. Мы перебежками, скрытно стали уходить к своим. Когда пересекли чистое поле, увидели на окраине леса землянку, я заскочил в нее. Оказалась, это передовая 57-й армии. Нам дали по куску хлеба и показали направление куда идти.

Когда вышли в свой тыл, там нас накормили. Раненых, в том числе и меня, положили в госпиталь. После лечения я был отправлен в свою часть – полк все же вышел из окружения. Но его расформировали и всех ввели в новый 188-й минометный полк. Сразу вступили в бой. Здесь мне присвоили звание старшего лейтенанта и назначили командиром батареи. На Синявинском направлении под Ленинградом мы несколько раз пытались прорвать блокаду, но не хватало сил, отступали на свои позиции.

Мою батарею перебросили в 835-й арtpолк 285-й стрелковой дивизии. Это было зимой 1943 года.

Под Новгородом наша дивизия перешла в наступление. Освободили Новгород. В этих боях я был ранен и попал в госпиталь. Меня наградили орденом Отечественной войны 2-й степени и повысили в звании. После выздоровления попал на Ленинградский фронт в 96-ю гаубичную артбригаду Резерва Главного Командования фронта, назначили командиром батареи. Батарея, которой я командовал, зимой 1943 года 17 раз выходила на прямую наводку. В результате было уничтожено много живой силы противника и техники. Восемь раз поддерживал огнем дивизионную разведку, идущую в тыл врага. Многие за это были награждены орденами и медалями, я – орденом Отечественной войны 1-й степени.

Участвовал в штурме Карельского перешейка, три дня «долбил» старую линию Маннергейма. Прорвали оборону противника, вышли к Выборгу, закрепились. Мою батарею перебросили на Нарвский плацдарм, на эстонскую границу. Была поставлена задача – окружить немецкую группировку.

Молоденький рядовой Никифоров из прибывшего пополнения был назначен разведчиком на наблюдательном пункте (НП). По пути на пост юноша погиб, его смерть нас как-то особо тронула, мы решили отомстить. Я залез на елку НП и стал смотреть через стереотрубу. По передовой шли два немецких офицера, я дал команду открыть огонь. Снаряд угодил первому прямо в ноги, к нему подбежали помочь, мы послали туда второй снаряд. Так что вполне отомстили за смерть своего товарища.

Бригада вела огонь по укреплениям противника. Я корректировал огонь батареи. Засекли с танков и стали обстреливать. Разрывом снаряда меня отбросило и ранило в голову. Отправили лечиться в госпиталь в Ленинград.

После выздоровления оказался в запасном полку под Москвой, затем перевели на 2-й Украинский фронт в 53-ю гвардейскую дивизию. Она шла с боями вперед, освобождая города Венгрии от немцев. Вступили на территорию Австрии, освободили Вену, перешли границу Чехословакии, освободили город Словаки, здесь нам пришлось вести серьезные бои: немцы бежали в американскую зону с полным вооружением. Нам приказано было их не пускать. Поэтому война для меня закончилась только 20 мая 1945 года.

В 1946 году меня демобилизовали и я вернулся в Дрожжановский район, где преподавал в школе военное дело. Получил воинское звание «майор».

Будни санитарки полевого госпиталя

Н. Королева

**Королева
Надежда Павловна**

Начну с того, что к 1941 году моя семья состояла из грамотных и очень «воинственных» членов.

Старший мой брат Григорий (1910 года рождения) успел повоевать с белофиннами. А с июля 1941-го уже был на фронте Отечественной.

Второй брат Филипп (1919 года рождения) в нашей семилетней школе был одним из лучших учеников. После ее окончания поехал в Узбекскую ССР, к брату, окончил педагогический рабфак, стал учительствовать. Он в 38-м году был призван в ряды РККА и вернулся домой только в 1946 году.

Я родилась в 1923-м. Напомню: в 33-м в Поволжье был неурожай и, как следствие, голод. И меня, десятилетнюю,

мама отдала в одну интеллигентную семью нянчить их одиннадцатимесячную дочку. По сути, на прокорм. И в надежде авось подарят платице. С их дитятей я возилась с 11-ти до 9-ти вечера. Кормили один раз. Пронянчилась я месяц. А платице, конечно, не подарили. Когда пришли за мной еще раз, мама им вежливо отказала.

Стала помогать маме. Я уже умела прясть, вязать, нянчилась с сестренкой и братиком, поливала огород. Повзрослев, в каникулы работала в колхозе: на прополке проса, пшеницы, уборке сена.

Училась я охотно и очень хорошо. К началу войны уже окончила 9 классов. Мечтала: вот получу аттестат зрелости – а тогда это еще была редкость – и я вольная птица, поеду работать куда хочу.

...В это утро мы с подругами собирались на луга. На мосту нас должны были встретить наши мальчишки. Вдруг на улице заговорило радио и мы с первых слов диктора поняли: случилось что-то ужасное. Война! Вылазка в луга была отменена – все мы побежали в военкомат. Тут уже было много мужчин и плачущих женщин, провожающих на войну братьев, отцов, мужей и сыновей...

Все лето и сентябрь работали на уборке урожая. Старшие классы начали заниматься с октября. Возникли материальные трудности: не стало тетрадей, бумаги. Стали писать на газетах и ненужных бумагах. Учителя призывного возраста ушли на фронт. С декабря 41 года на селе организовали курсы трактористов и нас через военкомат обязали изучать трактор. С утра шли на курсы, а с 2-х часов – в школу на занятия. И так до вечера. В мае 1942 года мы получили «права» тракториста.

Сдали школьные выпускные экзамены, получили аттестаты, и тут же нас направили в различные тракторные бригады.

27 июля 1942 года мы были в поле. Видим, скачет к нам всадник. Мой напарник Зуфар говорит: «Наверное, это за мной...», а я: «Нет Зуфар, это за мной». И действительно, привезли повестку мне – с утра 28 июля явиться в райвоенкомат. Из нашей деревни и с соседних много было девчат с повестками. Со мной были призваны мои подруги из деревни: Зоя, Катя, Аня, Надя, Тоня, Вера. Провожало нас очень много народа.

Помню, как при прощании мама, плача, села на землю – ведь уходил из семьи третий ее член. До сих пор в ушах ее последние стенания... До деревни Дмитрова рядом со мной шла тетя Нюра Карпова, жена дяди. Из Челнов на барже нас отправили в Казань, где погрузили на поезд (мы впервые его увидели) и отправили через Саратов в пункт назначения. При подъезде к станции Ясная Поляна наш состав разбомбили.

Вот тут мы поняли, что такое война.

От станции пошли пешком. Помню, шел сильный дождь. Шли долго, пришли в разрушенное село. Расположились в саду разрушенной школы. Дразнил запах пищи – варили кашу. Видимо, нас хотели накормить, но тут началась бомбежка. Все разбежались. Мы, односельчане, держались своей кучкой. Когда стали отправлять по воинским частям, мы стали просить офицера-распределителя, чтобы нас отправили в одну часть. Он взял список и наши фамилии заключил в фигурные скобки. Помню хорошо, что нас всех вместе направили в хирургический полевой подвижный госпиталь №473, расположенный в селе Марково Тульской области.

Нас построили, подошел начальник госпиталя, высокий, уже немолодой полковник Айзенштау. Помню его слова: «Я ждал солдат, а мне привезли детсад». С этого дня началась солдатская жизнь. В первый же день нас направили в палаты, где стояли стоны, крики, просьбы о помощи... Было страшно. Не знали мы, как подавать судно или утку раненым, пока не научила нас медсестра. В этот же вечер, вернее ночь, стали эвакуировать раненых, и нам, девочкам, пришлось выносить их на носилках и грузить на машины. Раненых куда-то увезли, госпиталь свернули. Развернулись в селе Горбуново, простояли там какое-то время, передислоцировались в деревню Магуленцы.

Войска готовились к битве на Курской дуге, мы тоже переехали в г. Льгов в 20 км от Курска. Позднее разворачивались в Белоруссии: в городах Пинск, Калинковичи, Плехово, Хейники. Здесь было очень много раненых.

В этом городе я оказалась в затруднительном положении. В один из дней меня вызвали в штаб и приказали сопровождать раненых, погруженных на телеги по два человека. Лошади были собраны из близлежащих деревень, возчиками, соответственно, хозяева – мужики. Так как был уже ноябрь, раненых всех укутали теплыми одеялами. На станцию Хейники прибыли под вечер. Когда все тяжелораненые были сданы на санитарный поезд, я обнаружила, что все подводы уехали, осталась только одна, без возницы. Пришлось отправляться в госпиталь на ней. Вскоре стемнело и я сбилась с пути. Проезжая по лесу слышу: «Стой! Кто идет? Буду стрелять!» Я поняла, что в лесу стоит воинская часть, как потом оказалось, связисты.

Боялась одного – оказаться в немецком плену. Далее подъехала к какой-то деревне, в одной избе увидела свет. Постучала, вышел капитан. «Кто такая?» Рассказала, объяснила. Говорю: «До утра отсюда никуда не уйду». Притащила в избу все одеяла из подводы и легла. Солдаты напоили, накормили лошадь, утром хозяйка накормила и меня. Это было как раз 7 ноября 1943 года.

Утром запрягли лошадь и я поехала искать деревню Петруши, где был развернут наш госпиталь. Доехала только к вечеру. Здесь меня уже «ждали». Поставив утром перед строем, начальство потребовало от меня объяснений. Я рассказала все, как было. Полковник сказал, что мне придется отвечать перед военным трибуналом за растрату казенного имущества (не хватало нескольких одеял). Видимо, меня пожалели, и ограничились лишь вычетом из моей зарплаты двадцати рублей.

А мои подружки очень переживали за меня. Как бы ни было, я до конца войны служила в госпитале №473. Из города Хейники мы переехали в Прибалтику в Шауляй, где нам впервые пришлось стирать бинты. Причина: машина аптечного хозяйства отстала и прибыла только через месяц. Позже госпиталь переехал в Кенигсберг, далее в Польшу, в город Цнин. Это было уже в феврале 1945 года. Здесь мы впервые сфотографировались и отослали фото домой.

Город запомнился мне еще тем, что здесь оказался хозяин аптеки, сносно говорящий по-русски. Оказывается, он до революции учился в Казани, окончил Казанский университет. Из Цнина госпиталь переехал в город Нойруппин. Это уже близко к логову врага, к Берлину.

В канун 1-го мая мы уже знали: еще чуть-чуть и будет долгожданная Победа. 8-го мая я должна была с 12 ночи идти на пост. И вдруг, сквозь сон, слышу плачь. Очень напугалась – что-то случилось! Проснувшись, увидела радостные, счастливые лица подруг, услышала стрельбу, громкое «Ура!» и без слов поняла: конец войне, конец страданиям советских людей. Мы все плакали, что-то кричали, это уже от радости.

9-го мая все собрались в каком-то саду, там были солдаты и офицеры какой-то части и как одна семья отпраздновали эту долгожданную победу. Правительство издало указ о демобилизации мужчин старших возрастов, а мы, девочки, отправились домой только после 15 августа. Дома мы увидели ужасные последствия войны – голод (был только хлеб с лебедой), хотя мой отец был председателем колхоза.

А сейчас «хозяева жизни» приедут на своих машинах и не заметят старика или старуху, спасших мир, восстановивших страну из разрухи, даже не подвезут до больницы. Не понимают: не победи тогда советский народ, не ездить бы им на «мерседесах».

После войны за одно лето я экстерном окончила Елабужское педагогическое училище по специальности «учитель начальных классов». Получила направление в Сармановский район в деревню Александровка, где проработала семь лет. С сентября 1956 года меня назначили

заведующей начальной школой в деревне Языково, где проработала до замужества в 1959-м году.

За 25 лет совместной жизни с мужем было, наверное, всякое, но гораздо больше хорошего. Жили мы небогато, построили дом, народили детей. Дети учились, а дома им тоже приходилось помогать родителям. Мы старались их одевать не хуже других.

Когда уже нет Васи, и я состарилась, начала задумываться, дала ли Вале и Вове той материнской ласки, которой они лишились после смерти родной матери. Как бы там ни было, все дети получили среднее специальное образование, завели семьи. Мы старались их воспитать честными, трудолюбивыми. Рада, что они выросли такими.

У меня есть внуки, правнуки. Оглядываясь на прошлое, считаю: жизнь удалась, коль на земле остается наше продолжение.

С шашкой наголо – на броню Рура?

В. Пилипенко

**Пилипенко
Василий
Дмитриевич**

После Сталинграда, когда Верховное Командование уверилось, что Япония не станет объявлять нам войну, кавалерийскую дивизию из дальнего Востока перебросили под Смоленск. Нас, троих связистов, передали частям этой дивизии. Полк, куда попал я, сразу ввели в глубокий рейд на территории Украины, занятую врагом. А партизанское соединение Ковпака двинулось дальше, вглубь тылов врага.

Самое яркое мое воспоминание первого дня, попавшего на фронт из учебного полка, – солдатский паек в действующей армии: спрессованная в пакеты пшенка и свиная тушенка. Наголодавшийся в учебке на пайке третьей категории, я, новоиспеченный фронтовик, умял все это за милую душу. Сыт. Повеселел и радуюсь жизни. Не знаю, как это было организовано, но линию фронта мы прошли без

единого выстрела, прошли вглубь километров шестьдесят, и тогда только прозвучала команда: «Занять оборону!». Заняли. А противника как не было, так и нет. Тихо. К утру появляются 15 танков. С востока.

Дело в том, что 1-й Украинский фронт начал наступление. Немцы под напором наших войск двинулись на запад, а мы должны были ударить им в спину. Однако удара не получилось. Командир полка и штаб не позаботились об организации специфической борьбы против бронированного противника. А махать сверкающей саблей по примеру буденновцев в Гражданскую, в Отечественной, против брони Рура, должного результата не было. Короче, танки без особых потерь с их стороны, за час или полтора, перемяли весь мой эскадрон. Половина полка погибла, не причинив врагу почти никакого вреда. Командир полка с двумя девицами на тачанке первым ускакал с поля боя. Сбежал и весь штаб, управление боем не было организовано. Я же выжил в этом бою потому, что связисту необязательно находиться в боевых порядках – позиция моя была в стороне.

Забегая вперед, скажу, что майора, командира полка, естественно, предали суду военного трибунала, потом расстреляли, ибо уже действовал приказ №227. А ребята, весь мой эскадрон, погибли исключительно из-за беспечности своего командования. Прощать такое нельзя...

Положение наше спасли тогда уже имеющие боевой опыт партизаны. Они ударили по танкам из 76 мм пушек. Танки отстали от нас и потянулись на запад...

...На рассвете форсируем реку. Я в составе разведроты. Часть моя на плотках переплывает какую-то (забыл) реку. Пока тихо. Вижу – ракета, потом шквальной огонь от немцев. Плот мой опрокинулся то ли от снаряда, то ли от поднятой ими волны. Я – в воду. Выбрался на берег, выкинул антенну. Рация молчит, зараза! Взмокли, разрядились батарейки. Вижу – из леса выходит немецкая пехота. А у нас, только что форсировавших реку, одно оружие – стрелковое. Много не навоеешь. Тут подбегает ко мне капитан из форсировавшей части нашей пехоты: «Дай связь!» Говорю: «Нет связи!» Приставляет пистолет к виску: «Дай связь, сопляк!» К счастью, вижу: переправившись, наши раскатали телефонную связь. Капитан туда. Туда и я. Связался с артиллеристами, они и выручили. После удачного беглого огня артиллерии подошел капитан: «Молодец! Извини, коли что было не так...» Говорю: «Все нормально. Я же понимаю – ситуация...»

Еще эпизод. При наступлении занимаем новую позицию. Надо установить связь. Дали мне помощника. Говорю ему: «Закинь антенну вон на ту березку». «Ты что раскомандовался, ефрейтор? Я старший лейтенант! Командовал танком». «Ладно, говорю. Помоги без командования. Тебя

же дали мне в помощь. А как ты попал в помощники к ефрейтору, командир танка?»

Уже освободившись от душившего его обиды и гонора, помощник рассказал свою невеселую историю.

«Надо было взять одну высотку. Подъезжает командир на «виллисе», показывает на высотку: «Вперед!» Говорю ему, что невыгодная позиция, нельзя тут в лоб. А он: «Сказано тебе, вперед – выполняй!» А я послушался, отказался выполнять заведомо неверное, губительное решение. И вот я здесь. Самодуры, увы, не перевелись еще и на третьем году войны. Тебе еще не доводилось встречаться с такими? Счастливчик!»

За годы службы и позже мне тоже довелось побывать под началом всяких командиров. Сегодня, по истечении многих лет, с горечью и негодованием вспоминаю, сколько жизнью можно было сохранить, будь в армии только профессионально грамотные, мудрые, а еще и честные командиры. Не зря, видно, так высоко ценилась честь офицеров в старой русской армии...

Устойчивая связь – важная составляющая боя

Т. Гарбуз

Под Сталинградом наша армия удерживала южные подступы к городу. Полк связи всегда на виду. Прерывалась связь, и мы ползли искать обрыв провода, соединяли, восстанавливали связь с подразделениями. Попадали под обстрел, гибли мои подруги, а когда возвращались с задания целые, радовались как дети.

Армия Паулюса была окружена и разбита. Наша часть снималась со своей позиции на новое место дислокации. Мы сматывали провод на катушки. Весна, кругом грязь. Спустились к Волге помыть руки, зачерпнули воды, а она красная. Оттаивала почва, все текло в Волгу вперемешку с солдатской кровью.

Сколько полегло там людей, страшно подумать!

Под Брянском уже, будучи в составе 2-го Белорусского фронта, наш полк попал в окружение. Ушли в брянские леса, находились там двадцать дней. Затем полк вышел, а мы, двадцать девушек, остались в лесу. Немцы нас отрезали от своих, когда мы сматывали провода на катушки.

Остались без пищи и воды, искали заячью траву и ели, воду пили из луж. Двигались к передовой, натыкались на немецкие заслоны, снова уходили в лес. У немцев на передовой было затишье, и к нам прополз связной мальчик. Ночью он вывел нас из окружения, вернулись в свой полк. Сколько было радости, что все остались живы!

На Курской дуге наш полк находился на Орловском направлении, здесь командовал генерал Рокоссовский. Мы, связистки, особенно здесь поняли, насколько наша работа ответственна, ведь связь нужно было держать между всеми подразделениями, особенно перед контрнаступлением.

За Курскую битву я была награждена орденом Отечественной войны 1-й степени, как записано в наградном листе: за мужество, храбрость и стойкость в борьбе с немецкими захватчиками.

После Курской битвы наш полк был перебросен на 2-й Белорусский фронт, которым командовал генерал Рокоссовский. Шел 1944 год, мы стояли на подступах к Витебску, шла подготовка к разгрому Бобруйско-Витебской группировки немцев. Наше подразделение расположилось на опушке леса пообедать. Смотрим, едет машина, из нее вышел Рокоссовский, подошел к нам. Мы вытянулись по стойке смирно, он с нами поздоровался, видя, что одни девушки, пошутил, пригласил бы, мол, к обеду. Пока ремонтировали его машину, пообедал с нами, поблагодарил за гостеприимство. Вел себя так, как будто мы давно знакомы.

Эта человеческая простота и обходительность навсегда остались в моей памяти.

Война не пощадила меня – была контужена, восемь раз направлялась на лечение в ППП №4381. 2 августа 1944-го получила тяжелую контузию, лечилась в госпитале. Из госпиталя отправилась в Казань, была уже слепая. Сделали три операции, но все равно глаза не видели. Поэтому в июне 1945-го, прямо из казанского госпиталя, меня демобилизовали.

Исповедь зенитчицы

Ф. Яхина

Яхина
Фатима
Яхиновна

С сентября 1941 по декабрь 1942 года работала секретарем сельсовета. За это время отправила на фронт сотни своих односельчан, в том числе своих близких: двух дядь, папу, старшую сестру. Потом начала сама проситься на фронт. К сожалению, меня не отпускали, мотивируя тем, что я по совместительству являлась начальником военно-учетного стола (ВУС).

Настойчиво добивалась своего: по выходным ходила на курсы молодого бойца, оказания первой помощи, разбирала и собирала винтовку закрытыми глазами, стреляла в десятку, прошла ночные марш-броски, рытье окопов и траншей.

И снова пошла к военкому, на этот раз повезло: прошла медицинскую комиссию, и на другой день – отправка. Мама, конечно, была против, но она была мудрой женщиной, поняла меня.

Итак, 5-го июля 1943 года нас, нескольких девушек, тоже добровольцев, на подводах отправили в Казань, до Набережных Челнов. Там нас встретили, постригли под мальчишек, а вечером отправили на пароходе. На пристани плач, слезы, вопли, одним словом, столпотворение. Когда пароход отчалил, кто-то запел «Прощай, любимый город...» и ее подхватили все, кто находился на палубе.

В Татвоенкомате нас распределили кого куда, а я и моя подруга попали в войска ПВО. Разместили в Соцгороде на карантин. После карантина нас распределили по батареям, я попала в четвертую, а подруга – в шестую 2-го дивизиона. К 1 августа полк полностью был укомплектован личным составом: 1 720 человек, из них 790 девушек со всеми профильными видами вооружения. Основная масса мужчин прибыла из Ростовской области, освобожденной от оккупации.

С этого дня полк стал на оборону промышленных объектов Казани. Наша 4-я батарея заняла позицию в районе Караваева, рядом с авиационным заводом, который выпускал пикирующие бомбардировщики Пе-2. Эти самолеты прямо с завода улетали на фронт. Вот на них мы тренировались и учились мастерству. А вражеские самолеты изучали по силуэтам, что позволило нам на фронте различать их быстро и безошибочно даже по звукам.

В Соцгороде была баня этого завода, куда мы ездили мыться на трамвае №9. А рядом находился дом, в подвальном этаже которого, в казарме, жил мой отец с другими рабочими авиационного завода. Отца из-за возраста (старше пятидесяти лет) оставили работать на 22-м заводе.

Я быстренько помоюсь и бегом на минутку к папе на встречу. В день нашего отъезда на фронт папа приехал сам. От Караваева до вокзала мы шли строем и с песней... «Прощай, любимый город...» Нас провожала Казань. Женщины плакали.

...В Белоруссии готовилась наступательная операция под кодовым названием «Багратион».

Войскам ПВО, в том числе и нашему 1872-му полку, поручалось надежно прикрывать перегруппировку войск, а также важные железнодорожные узлы, мосты и другие объекты. К такому объекту относился и город Коростень. Этот крупный узел, разветвляющийся в пяти направлениях, имел большое стратегическое значение: обеспечивал 1-й Украинский и 1-й Белорусский фронты всем необходимым для ведения боевых операций. Налеты авиации противника здесь приходилось отражать почти каждую ночь. Днем были лишь усиленные разведывательные полеты. Особо массированные налеты были с 30 апреля по 2 мая и с 28 на 29 мая, с 3 на 4 июля, с 8 по 10 июля. В эти дни в каждом налете участвовали от 80 до 150 самолетов, а иногда и более. За время боев по защите Коростеня сбили 15 самолетов противника. Мне особенно запомнился налет с 30 апреля на 1 мая. Это было первое наше боевое крещение.

Было так. Первая группа самолетов подбросила осветительные бомбы. Вокруг стало светло, ярче, чем днем. Мы стали стрелять, чтобы погасить эти «фонари». Как стемнело, стал слышен гул самолетов, которые подлетали к обороняемым нами объектам. Мы открыли огонь по самолетам на подходе, их нельзя подпустить, иначе они окажутся над нами, т.е. над объектами. Они сбросили свои бомбы где-то за городом, на пустыре. На следующий день узнали, что ни одна бомба не упала на цели и город. Хотя это был наш первый бой, мы сделали все так, как нас учили, никто не струсил, не испугал-

ся. Конечно, в горячке мы еще не осознали всю сложность того, что произошло. Первый налет мы отразили достойно, а дальше человек становится совсем другим. Это потом только доходит, а во время бомбежки об этом думать некогда.

Вражеская авиация активизировалась в предшествии наступательной операции «Багратион». Каждый день, вернее ночь – налеты с небольшим интервалом по несколько заходов. Одни отбомбятся – подлетает другая группа и так далее, не одна сотня бомбардировщиков «Юнкерс-87», «Юнкерс-88», «Хейнкель-111», «Хейнкель-113».

Мы свою задачу выполнили с честью. За операцию «Багратион» командующий Рокоссовский всему лично составу, в том числе и нам, объявил благодарность.

Потом передислокация: Обруч, Яново, река Припять. На реке начали возводить мост, и мы стали на его оборону. Каждый день налеты – успевай только отражать. Места здесь болотистые, проклятая мошकारа съедала всю зелень, даже кусты и деревья голые. Они летают роем, как черная туча. Здесь все черные – и суп, и чай, их выловить невозможно. Когда пожирают всю зелень, куда-то исчезают. Но не только зелень, еще и людей искупают: лицо и все тело становятся как у прокаженной, даже страшно смотреть.

Правда, мне всего этого досталось меньше – я заболела малярией и была отправлена в дивизионную медсанчасть. Так как меня каждый день трясла малярия, отправили в полковой лазарет в город Коростень. Через неделю выписали.

Наш 2-й дивизион дислоцировался в 100 км от Коростеня, где находился также штаб полка. Старшина раз в неделю приезжал за довольствием для нашей части. После выписки из лазарета он должен был заехать и за мной, но почему-то уехал без меня. Начало быстро темнеть, пришлось искать место для ночлега. В лазарет идти было бесполезно, так как на ночь больных вывозили за город, спасая от налетов авиации. Зашла в сени одного разрушенного дома, постелив шинель, легла спать под сирену воздушной тревоги и гул вражеских самолетов.

Проснулась от окрика солдата, который попытывался: кто я такая? Рассказала ему всю историю своего приключения. Он мне и говорит: «Дура ты бестолковая!» Выяснилось, что он часовой парка с боевой техникой нашего полка, и через этот дом каждую ночь бандеровцы совершают нападение на их батарею. Повел меня к комбату, после проверки (связались с нашей частью) меня поставили на довольствие. Так я дождалась приезда нашего старшины. А через неделю, когда возвращались

в часть, нас обстреляли из-за кустов. Но наш шофер был опытный, мы благополучно добрались до позиции.

Мост достроили, уже шли друг за другом военные эшелоны, мы продолжали отражать налеты авиации.

К осени снова в путь-дорогу...

В день погрузки на эшелоны погибла наша любимица – Лиза Сосновская из Заинского района. Хоронить некогда, пока ребята грузились на эшелон, я и Замиля Латыпова сидели на опушке леса у Лизы. Ребята, погрузив на эшелон боевую технику, в 12 часов ночи нас подменили. Хотя мы были целый день без крошки во рту, есть не могли – перед глазами нелепая смерть Лизы. Утром, похоронив ее со всеми воинскими почестями, отправились на запад, на новое место дислокации.

На новом месте на разгрузке приборов и орудий и приведении техники в боевую готовность так устали, что, несмотря на ноябрьский холод, улеглись у орудий и сладко заснули. Утром просыпаемся – нас занесло первым снегом.

Фронт быстрыми темпами двигался на запад. Вот мы уже обороняем город Люблин, где расположилось новое польское правительство. Начали привыкать к частым налетам, научились быстро обустроиваться. Белорус Миколайчук подтопку смастерил, и мы уже спали в теплой землянке. Ему было уже за пятьдесят, все девочки почитали его за отца.

Самое противное на фронте – копать: оборудовать позицию, себе землянку, маскировать орудия. Девчатам такое давалось тяжело, мы не смогли к этому привыкнуть.

В феврале 45-го стали у города Демблин, недалеко от Варшавы. Задача – оборона моста через Вислу. Обстановка, в принципе, спокойная, только время от времени нас обстреливало из стрелкового оружия с того берега войско Краево (польские бандеровцы). Но после нескольких выстрелов из наших орудий отвадились это делать.

Еще в 1944-м я вступила в ряды ВКП(б), как коммунист вела пропагандистскую работу, читала в боевых расчетах сводки Совинформбюро.

9 мая выбегает подруга из землянки и кричит: «Фатима! Победа! Победа!» Тут все выбежали и начали стрелять в воздух из своего личного оружия. Это было незабываемое зрелище!

За время активных боевых действий нашим полком сбито 19 самолетов противника, а сколько бомб не попало в цель?! Может, это и было главное? О моем личном вкладе упоминается в оценке начальника штаба полка Арнольда Ведермана: «На 4-й батарее благодаря умелому руководству боем командира батареи старшего лей-

тенанта тов. Васюкова К.В. и отличной работы командира приборного отделения Орловой И.П. и наводчика ПУАЗО Яхиной Ф.Я. сбито два самолета».

После войны проработала в Муслимовском райкоме и Альметьевском горкоме КПСС. Будучи уже на пенсии, с 1979 по 2013 год продолжала трудиться в Совете ветеранов города. Являюсь почетным ветераном Альметьевского района, лауреатом номинаций «Женщина года» и «У войны не женское лицо».

За два года через три страны

А. Николаев

В мае 1943 года я окончил учебу в Житомирском пехотном училище. В составе сформированной из 500 человек группы был отправлен в Москву, а далее в войсковую часть.

Прибыли ночью на станцию Козельская. Разместили нас в лесу.

Формировалась 26-я гвардейская дивизия, и нас распределили по ее полкам. Я попал в 75-й гвардейский полк, в роту автоматчиков.

В первых числах июня 1943 года наша часть прибыла на передовую. Перед полком поставлена задача: взять населенный пункт под Козельском. Рано утром прошла артподготовка и мы пошли в атаку. Населенный пункт был взят, мы закрепились на окраине села. Сдерживая врага, стали ждать подхода основных сил части. Немцы пытались нас выбить с позиций, в течение трех дней мы держали рубежи. В конце третьего дня подошло подкрепление и нас отвели во второй эшелон для комплектования личного состава и ремонта техники.

Позднее полк перебросили на новый участок, роту автоматчиков передали танковой бригаде.

Под Брянском наша часть была брошена на прорыв передовой линии противника. Заняли один населенный

пункт, при взятии второго я был ранен в обе ноги. Попал в полевую госпиталь, где мне оказали первичную помощь и отправили в тыл в Тулу. Там сделали операцию и отправили в Свердловск. По дороге наш вагон вышел из строя, всех выгрузили в Казани, распределили по госпиталям. Я попал в госпиталь, в котором сейчас находится педагогический институт. Лечился до 7 марта 1944 года. После выздоровления отправили в запасной полк (вторые лагерь Казани).

Сформировали и отправили нас на 2-й Украинский фронт под город Ровно. Я попал в 920-й стрелковый полк 247-й стрелковой дивизии, которую перебросили на реку Турья. Сменили стоявшую там дивизию, понесшую большие потери.

Пошли в наступление, прорвали оборону противника, стали теснить немцев. Они отступали, на их хвосте мы дошли до Вислы, закрепились и стали готовиться к наступлению на Варшаву.

Плацдарм за рекой Висла наша дивизия расширила вглубь на 20 км, там мы закрепились и стали приводить себя в порядок.

14 января 1945 года началось наступление по всему фронту. Прорвав оборону немцев, заняли город Радом. Танковые колонны шли по пятам противника, мы, пехота, ползли за ними, едва поспевали.

Пройдя с боями 400 км, в том числе и через всю Польшу, в конце января мы подошли к границе Германии. 4 февраля были на берегу Одера.

Пришел приказ готовиться к форсированию реки. Полк стоял в лесу, в 10 км от реки. Сооружали плоты из бревен, смолили лодки, набивали соломой плащпалатки. Без артподготовки скрытно переплыли Одер. Это позволило сходу захватить переднюю линию обороны врага. Немцы отошли на вторую линию и открыли огонь из артиллерии, обнаружив этим место своих огневых точек.

Наши открыли по ним огонь, и мы пошли в атаку, но пришлось отойти на свои рубежи. Немцы напирали, старались сбросить нас в реку, но мы держались, хотя и несли большие потери.

Стояла плохая погода, шел мокрый снег, ничего не видно, но мы начали форсирование Одера. Плохая погода была нам на руку.

Вступили в город Лебц, где началось ожесточенное сражение. Приходилось с боем брать каждый дом. Из-за плохой погоды немцы не могли бомбить нашу переправу, благодаря чему через реку сумели переправить танки и артиллерию и нам стало легче.

Мое отделение ворвалось в подвал, где было около десятка фрицев и корректировщик артиллерии с раци-

ей. Всех уничтожили. Немцы продолжали обстрел города, не давая возможности продвигаться нашим танкам. Их авиация бомбила дома в надежде уничтожить нашу пехоту. Продвигались по городу с трудом, кругом развалины, мины. А ведь надо ходить в тыл за боеприпасами.

Однажды с четверкой солдат я собрался с этой целью в тыл, немцы начали бомбить. Мы забежали в дом, спустились в подвал. Бомба упала прямо над головами, нас завалило. Откопали через два дня. Были убитые, меня контузило, ничего не слышал и плохо видел, потому отправили в полевой госпиталь, где лечился до 10 апреля 1945 года.

Вернулся в свой полк, когда тот готовился к наступлению. С нашей стороны было сконцентрировано много техники: орудия, «катюши», танки и прожектора. Началась артподготовка, пошли танки, включили прожектора, было светло как днем. Немцы были ошарашены. Наша дивизия вклинилась на территорию противника на глубину 3-5 км. Противник оказывал ожесточенное сопротивление, мы несли потери.

Когда построили переправу для техники, мы ожили. Под прикрытием штурмовиков Ил-2, «катюш», наших танков, пошли в атаку. Прорвать оборону немцев не смогли, пришлось отступить в свои окопы. На поле боя оставались раненые, ночью их отыскивали, выносили и отправляли в госпиталь. Мне поручили с группой солдат найти раненого командира батальона и вынести его. Под пулеметным огнем противника пришлось ползти по-пластунски, прикрываясь каждой кочкой. Нашли командира, положили на плащ-палатку и стали уходить. Немцы нас заметили и открыли кинжальный огонь. Ранили одного, второго солдата. До своих осталось всего несколько метров, пришлось тащить мне одному. За вынос с поля боя раненого командира меня и всех, оставшихся в живых, наградили орденом Славы 3-й степени.

20 апреля нашу дивизию отвели на пополнение. В течение двух дней получили подкрепление и нас передали в 5-ю ударную армию, в составе которой начали наступление на Берлин.

Бои были очень ожесточенными, немцы дрались за каждый дом. Их приходилось выбивать не только силой пехоты, но и с помощью артиллерии прямой наводкой. Из подвалов выкуривали при помощи ранцевых огнеметов. 2 мая Берлин был взят. За участие в боях за Берлин я был награжден орденом Красной Звезды.

К вечеру 2 мая бои в Берлине прекратились, но от выстрелов фанатиков продолжали гибнуть люди. Мы ходили по разрушенному городу, собирали капитулировавших солдат. Некоторые сами выходили из подвалов с поднятыми руками и без оружия. Всех отправляли в

специальные сборные пункты.

Наша 5-я ударная армия была оставлена в Берлине, а ее командующий генерал Н.Э. Берзарин был назначен его комендантом. Армия расположилась в пригороде, в городе Потсдам. Оттуда выезжали в Берлин, чтобы вести совместное патрулирование с английскими и американскими войсками.

Затем отправились на север Германии охранять берега Балтийского моря, остров Рюген.

Я заглянул смерти прямо в глаза

Г. Никишин

Никишин
Григорий Иванович

Ветеран Великой Отечественной войны, кавалер двух орденов Славы, двух орденов Красной Звезды, трех орденов Отечественной войны, медалей «За отвагу» и «За трудовое отличие», участник двух парадов Победы на Красной площади, бессменный военрук средней школы №6, организатор пришкольного Музея боевой славы Григорий Иванович Никишин вспоминает всего лишь один ярчайший эпизод из своей фронтовой эпопеи.

...На передовую я попал, проучившись всего полгода в Московском военно-пехотном училище. Определили, как и хотел, в разведроту. Курсанты училища влились в состав почти полностью разбитой 101-й отдельной национальной стрелковой казахской бригады. Несколько месяцев, до июня 1943 года, находились в резерве, потом нас перебросили совсем близко к линии фронта и дали участок обороны – от Ржева до Селезней Смоленской области.

Декабрь 1943 года. По заданию штаба мы, разведгруппа из 18 человек, переходим линию фронта. Цель – взорвать в намеченном квадрате деревянный

мост, связывающий большак от Полоцка к Ленинграду. В эти дни активно готовилась деблокация северной столицы и немцы по этой трассе гнали к Неве свою технику и войска, чтобы помешать прорыву кольца.

Вместе с сотней белорусских партизан в арьергарде осторожно продвигаемся по намеченному маршруту. За несколько километров до реки Дрисы попали в перестрелку, один товарищ был ранен, но переправились благополучно.

До партизанской зоны оставалось, как говорится, всего ничего, когда мы попали в «котел». Оказывается, на огромной территории Витебской области немцы аккурат к нашему приходу развернули карательную экспедицию, в которой были задействованы тысячи вооруженных до зубов человек. И это кольцо с каждым днем сжималось. Мы с партизанами разделились, надеясь прорваться из «котла» малыми группами, но все наши четыре попытки были тщетными – четверых разведчиков потеряли, угробили радиостанцию да утопили пулемет.

В этой крайне сложной ситуации командир принимает решение: пробиваться еще более мелкими отрядами, по три-четыре человека. Наша четверка вскоре воевала вместе с этими отрядами. В одну из таких вылазок мы набрели на хутор, избы которого были битком набиты больными брюшным тифом. Тяжелое состояние людей усугублялось страхом оказаться беспомощными перед карателями, которые могли нагрнуть в любой момент. Вот почему мы с ребятами, презрев опасность подхватить заразу, ходили от одной лежанки к другой, самым своим видом – белыми дубленками, шапками со звездой – подбадривая хворых, поднимая им дух. «Кадровики пришли!» – шелестело по цепочке, и мы ощущали себя кем-то вроде ангелов-хранителей.

Надо ли говорить, что вскоре я свалился с тифом? Отряд ушел на задание без меня, я без сознания, весь в жару, не понял, что меня и еще одиннадцать таких же бедолаг перевезли с основной базы в домики, отдельно стоящие в лесу.

Очнулся – стреляют. Вокруг никого. Подполз к окну – лежит рядом с избой убитый, еще кровь не застыла. Похоже, думаю, медсестра вывела всех, кто мог передвигаться. Нашел дубленку, шапку, но ни сапог, ни рукавиц не обнаружил. Двинулся по-пластунски – куда-нибудь подальше от пуль. Залез в последний дом, закатился под нары, глядь – там чулки из овчины. Только натянул – слышу, лошадь фыркает совсем рядом. В избу заскакивает мужик, хватает меня, бросает в сани. Ну, екает сердце, попался ты, Гриня! Слава богу, оказалось свой, посланец из партизанского отряда. Доставил он меня к

нашим. Там обрадовались, а потом стали размышлять, что дальше со мной делать. Вариант, собственно, был один. На маленьком острове среди болот, который называли Барсучком, была тщательно замаскированная землянка – партизанский склад зерна. Сейчас она пустовала и вполне могла приютить нескольких больных. Двинулись мы туда двумя подводками, и вскоре услышали немецкую речь, а за этим крик: «Стой, руки вверх!» – и без паузы автоматная очередь. Лошадь, ездового и больного с другой подводки убили сразу, а мой конь успел убежать, он свернул на просеку и резво понесся по твердому насту. Потом встал.

Ночь была светлая, хоть иголки собирай. Я скатился с саней, пополз к елкам и там, затаившись, стал ждать смерти. Скоро появились немцы, подошли к лошади. Понимаю, о чем говорят: ездоки где-то близко, не могли далеко убежать. И пошли прямо на меня. Я обмер и мысленно попрощался с жизнью. Но судьба меня хранила. Оказалось, они заметили в ельнике моего ездового. Тот понял, что не убежать, и вышел с поднятыми руками. Немцы его увели, я остался.

Вытащил из саней одеяло и подушку, снова отполз на обочину и стал ждать своей участи. Услышал чьи-то шаги – о, радость, это оказались свои! Партизаны, услышав перестрелку, отправили группу посмотреть, что к чему. Они и отвезли меня на Барсучок, который, как оказалось, был совсем рядом. И вот такая, полумистическая деталь: человека, который меня доставил в потайное убежище, звали Иван Кузьмич Лапковский. В партизанском отряде он был старшиной. И когда тридцать лет спустя мы с ребятами приехали на этот самый Барсучок и дошли до развилки, где я заглянул смерти прямо в глаза, мы увидели одинокую могилу. И надпись на камне: «Иван Кузьмич Лапковский». Выяснилось, что через три дня после того случая мой спаситель на этом же месте попал в засаду и погиб. Лошадь, на которой он ехал, трое суток стояла у тела – по ней партизаны и нашли своего боевого товарища.

«Летающий танк» был грозой для врага

В. Смирнов

Как имеющего среднее образование, призывная комиссия направила меня во Второе летное училище имени В.П. Чкалова, находившееся в Перми. Учился хорошо. Первые полеты делали на У-2. Освоил технику пилотирования, в скором времени выпустили в самостоятельный полет. Ушел в зону, стал делать виражи, фигуры высшего пилотажа, старался делать все, как учили.

...Закончил программу, сел, прирулил на стоянку. Выхожу из кабины, иду докладывать инструктору о своем полете, жду замечаний. Инструктор подошел, похлопал по плечу и сказал: «Молодец, скоро будем летать на самолетах Ил-2. Это будет твоя основная летная работа. Освой теоретически, в управлении он строг, поблажек не дает, не даром его немцы прозвали «летающий танк». Будешь летать в штурмовой авиации».

Когда подходил первый раз к самолету Ил-2, он мне казался каким-то особенным. Сел первый раз в кабину. Настроил себя: главное – не растеряться, чтобы инструктор мог допустить к дальнейшей практической работе. Запустил мотор, прогрел, опробовал работу мотора, охладил и выключил. Вышел из кабины, доложил инструктору все параметры работы мотора. Инструктор выслушал мой доклад, одобрил все действия и добавил: скоро полетим на Ил-2.

Наш выпуск подгоняли, фронт требовал летчиков-штурмовиков. Получив удостоверения летчиков, стали ждать разнарядки на фронт: куда попадешь, где будешь воевать? Прошел слух, что нашу группу направляют на 2-й Белорусский фронт, которым командовал маршал Рокоссовский.

Шел 1942 год, войска едва сдерживали немецкие полчища. 6-я немецкая армия под командованием фельдмаршала Паулюса подошла к Сталинграду. Наши войска держали оборону города, не подпуская немцев к Волге. Мы, молодые пилоты, мечтали туда попасть, но пришел приказ, и всю нашу группу направили на 2-й Белорусский фронт, в дважды Краснознаменную орден Суворова 1-й степени дивизию штурмовиков.

Я с другом Мишей попал в одну эскадрилью. Познакомился со своим самолетом, механик доложил о готовности машины к полетам. На нас, новичков, смотрели с недоверием. Утром собрал нас командир эскадрильи, поставил задачу: бомбить переправу немцев. Я был зачислен ведомым к командиру первого звена эскадрильи, который был бывалым воякой.

На Калининском направлении нашей задачей было

прорвать рубежи коммуникации и дать нашим войскам возможность закрепиться.

Иду в бой первый раз, немного не по себе. Занял место в кабине, все проверил, ждем ракеты на запуск. Взлетела ракета, запустил мотор, прогрел, дал обороты, самолет присел, готовясь взлететь. Взлетела вторая ракета, наш взлет. Самолет командира звена, набирая скорость, пошел вперед, я за ним. Взлетел, пристроился к командиру, и парами все пошли на переправу. Смотрю, на нас идут «мессеры», их встречают наши Як-9. Один пикирует на моего командира, стрелок строчит из пулемета, потом затих. Бросаю на переправу бомбы и бью из пушек по пехоте. Ложимся на обратный курс, идем на свой аэродром. Так я получил первое крещение.

Конец 1942 года, немцев окружили под Сталинградом. Наша задача – сковать их войска на Центральном фронте. Взлетаем эскадрильей, поручено поддержать наступление наших войск. После артподготовки пошли танки. Наши Илы заходят на цели, бьют зрсами по немецким танкам и из пушек – по пехоте. Эскадрилья явно напугала немцев. Тогда наши войска продвинулись вперед и закрепились. За эту вылазку я был награжден орденом Славы 3-й степени. Вечером обмыли первую награду.

На Ленинградском направлении наши войска пошли в наступление, мы их поддерживали. Заходим, бьем по танкам, из пушек бьем пехоту, немцы бегут. Снаряды у меня кончились, и я иду на бреющем полете над пехотой. Спускаюсь до двух метров над землей, рублю винтом. Прилетели на аэродром, сели, все нормально. Командир эскадрильи вызвал меня к себе, отчитал, почему нарушаю летную инструкцию. Отстранил меня от полетов и объявил пять дней домашнего ареста. Вечером с «губы» меня забрал посыльный из штаба. По прибытии в штаб я узнал, что меня наградили вторым орденом Славы 2-й степени. Командир поздравил, вечером обмыва-

ли вручение второго ордена.

1943 год. Немцы бежали, мы их били и в хвост и в гриву. Готовился прорыв блокады Ленинграда, наша часть была брошена на поддержание основных сил. Под плоскости подвесили эрэсы, зарядили пушки. Стрелку к этому времени поставили крупнокалиберные пулеметы.

Взлетели, прошли передовую, отгрохотала артиллерия, пошли танки. Наши Ил-2 на бреющем стали уничтожать танки и пехоту. Немцы, завидев наши Ил-2, бросали все, прятались в щели.

Отработав, эскадрилья уходила на свой аэродром. Заправлялись топливом, пополняли боекомплект, и самолеты вновь шли на передовую. За участие при прорыве блокады я был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. К тому времени я имел боевой опыт, учил молодых, вновь прибывших в часть. Боевые будни пополнялись все новыми подвигами. На Илах летчики летали смело, даже дерзко. Теряли боевых товарищей, особенно стрелков в начале войны. На вооружении был пулемет ШКАС – никакой защиты, просто висел на лямках. После задания прилетали – на лямках висит раненый или мертвый стрелок.

В боях за Прибалтику я был награжден вторым орденом Отечественной войны.

Война подходила к концу, но враг оставался изощренным. Приходилось рассчитывать на летные особенности самолета и с тем бить немцев нещадно. Подходили к Кенигсбергу. Полк бросили на прорыв укрепления. В день делали несколько вылетов. Люди уставали, но никто не роптал, всегда были в боевой готовности. За взятие Кенигсберга я был награжден орденом Красного Знамени, позже – медалью «За взятие Кенигсберга».

Чувствовалось по всему, что до капитуляции Германии остаются считанные дни. Было особенно жалко в это время терять людей.

После войны я был направлен на завод летчиком-испытателем, испытывал «дугласы». Поднял в воздух «раму» в ЛИИ Москвы. Генерал Самарин присвоил мне звание «летчик-испытатель».

На вертолеты летчики шли неохотно, эта машина не внушала доверия. После облета «рамы» Миль рекомендовал меня направить в Казань для испытания вертолета Ми-1. Потом в Саратове испытывал первый двухроторный вертолет Яковлева. Эти вертолеты в серийное производство не пошли. Саратов стал выпускать Ми-4, но там закрыли производство этих машин, перевели в Казань. Я демобилизовался, приехал в Казань, устроился на наш завод летчиком-испытателем. Работал на заводе до ухода на пенсию.

Я врага штурмовал с неба

С. Долманов

...В школе воздушных стрелков в городе Каменск-Белинский Пензенской области после курса теоретической подготовки началась практическая учеба: стрельба в тире из пулемета. Создавалась обстановка, приближенная к боевой: шумовой фон, имитирующий звук приближающегося прямо на тебя «мессера». И в такой обстановке нужно было стрелять. Некоторые не выдерживали, прятались. Когда к психологическому воздействию привыкли и прошел постоянный страх, стали поражать «цель».

Сделал несколько вылетов на самолете Ил-2 стрелком. По окончании учебы сдал экзамены. Присвоили воинское звание сержанта. С этого момента я стал воздушным стрелком, ждал отправку в войсковую воздушную часть.

В начале марта нас всех распределили по полкам штурмовой авиации. Из нашего выпуска группа в пятнадцать человек была направлена в 816-й штурмовой полк, я попал во 2-ю эскадрилью на самолеты Ил-2.

Полк стоял под Полтавой, аэродром располагался на станции Карповка. Здесь мы стояли недолго, перебросили на аэродром Чарталызск.

С этого аэродрома я впервые вылетел на задание – уничтожение немецких танков. В люки подвешивали четыре бронебойные бомбы, под плоскостью – четыре эрэса с каждой стороны. При заходе на танк бросали бронебойные бомбы, они пробивали броню, цель вспыхивала и горела. Повторный заход – стрельба эрэсами по танкам и живой силе. Уцелевшие бежали и прятались.

При выходе со второго захода появились «мессеры», открыли шквальный огонь по нашим Ил-2. Многих тог-

да стрелков не досчитались. Подоспели наши истребители Як-9, отогнали немецкие самолеты. Наш экипаж благополучно вернулся на свой аэродром.

После выключения моторов я обнаружил на броне спинки летчика шесть отметин. Так что жив я остался случайно, пули прошли мимо меня на расстоянии нескольких миллиметров. Вот такое было мое боевое крещение. За этот вылет мне была объявлена благодарность за подписью Сталина.

На аэродроме Черкизова неприятель бомбил нас несколько раз, но жертв и потерь техники не было. Рассредоточивали самолеты по окраинам аэродрома и маскировали. С этого аэродрома мы сделали шесть боевых вылетов на уничтожение танков противника. На шестом вылете при возвращении с задания, попали под мощный зенитный обстрел. Снаряд попал в масляный радиатор, масло вытекло, мотор заклинило. Летчик посадил самолет нормально. Так мы потеряли первую машину. Нас отправили в медсанбат, обследовали и вернули в свою часть.

Полк перебросили на 1-й Белорусский фронт, на границу с Польшей. Первый раз вышли на задание для поддержки наземных войск при прорыве линии обороны противника. Били с эрсов по живой силе, немцы бежали, прятались, кто куда мог. Они как черт ладана боялись Ил-2, не зря дали нашему самолету прозвище «черная смерть». Но мы и сами при возвращении с задания попали под мощный зенитный обстрел. Когда вернулись на аэродром, я насчитал несколько пробоин на фюзеляже и плоскостях.

Сделали десять боевых вылетов на уничтожение танков и прорыв передовой линии немцев. Если кончались снаряды, наши летчики шли на низкой высоте, рублили винтом.

Под Варшавой вышли на задание – помочь наземным войскам прорвать линию обороны немцев. При возвращении попали под зенитный огонь, я был ранен осколком снаряда в ногу и затылок, потерял сознание. Меня вытащили из кабины, разрезали унт, сделали перевязку и отправили в армейский госпиталь.

Был награжден медалью «За освобождение Варшавы». После выздоровления в начале марта вернулся в свою часть. И началась обычная работа – вылеты на передовую для поддержания наступления наших наземных войск.

...Взлетела эскадрилья, и машины парами стали заходить на передовую линию противника. При первом заходе отбомбились по дзотам, при втором – эрэсами били по живой силе противника. При выходе со второго захода попали под обстрел зениток. Снаряд

угодил в мотор, летчик посадил самолет на нейтральной полосе, ближе к своей линии обороны. Прибежали наши солдаты, помогли выбраться нам из самолета и отправили в медсанбат. Так мы потеряли второй Ил-2. Сами неделю пролежали в медсанбате и вернулись в свою часть.

Поступили новые Ил-2 цельнометаллической конструкции. Мой экипаж получил новую машину, на ней и отлетал до конца войны.

Наши войска вступили на немецкую землю и шли неудержимо вперед. У нас продолжалась обычная работа – поддерживали прорывы наземных войск с воздуха. Летали на уничтожение танков. Немцы, завидев наши самолеты, бросали все, бежали прятаться.

...Полк нацелили на стык двух фронтов западнее Берлина. Когда сомкнулось внешнее кольцо окружения Берлина, началось уничтожение немецкой армии, которая оказывала упорное сопротивление. Ил-2 шли на низкой высоте, наводили страх на врага.

Столица Германии пала. Полк переориентировали на действия у американской зоны оккупации. Ибо немецкие войска, вырвавшиеся из Франкфуртско-Губенского «котла», отступали от Берлина и рвались в американскую зону, чтобы им сдаться. Они добрые. Нам нельзя было допустить этого. И тут началась бойня, наши самолеты взлетали по несколько раз в день. Били мы врага нещадно. Командование немецкой армии поняло: это их крах, стали сдаваться.

Война для меня окончилась только 14 мая 1945 года. Из прибывших в полк из «учебки» пятнадцати человек в живых осталось только трое.

После войны в городе Вальтенштрассе я пробыл год, обучал летчиков из ГДР управлять самолетами Ил-2.

Затем нас перебросили в Армению, а технику оставили в ГДР. В Армении получили новое поколение штурмовиков Ил-10. Началась обычная работа, по программе полка летали днем и ночью. Проработал в Армении на самолетах Ил-10 два года.

В 1948 году штурмовую авиацию расформировали. Нас, стрелков, отправили учиться в ШМАС. Я окончил курс по вооружению.

После окончания направили в ПАРМ-1, где я получил специальность техника. Потом меня перебросили в истребительный полк, где я и прослужил до демобилизации в 1951 году.

Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью Жукова, многими юбилейными медалями Советского Союза.

Волгарю довелось форсировать иноземные реки

А. Заказников

До мобилизации в армии я три сезона успел поработать судомехаником на теплоходе «Байкал», а зимой – слесарем на автотранспортном предприятии в Тетюшах.

В январе 1942-го был призван и направлен в Саранское пулеметно-минометное училище. В сентябре 1942 года окончил училище, получил «младшего лейтенанта». Весь наш выпуск направили в Подмосковьё.

Я попал в 20-ю армию, 60-й стрелковый полк, командиром пулеметного взвода на Волоколамском направлении. Под Волоколамском был ранен. После выздоровления меня направили под Сталинград в 62-ю армию. В феврале 1943-го участвовал в боях под Калачом. Когда Сталинградский «котел» был ликвидирован, наша дивизия вышла на Северный Донец. Заняли Залиманский плацдарм в районе Савенска и с ходу форсировали Северный Донец. После этих сражений дивизия была переименована в «гвардейскую». Против нас воевали немцы, потом их сменили власовцы. В обороне мы стояли до июня 1943 года. Пошла болезнь «куриная слепота», нас сняли с этого плацдарма, подлечили и бросили под Изюм. На данном направлении предстояло вторично с группой бойцов форсировать реку Донец.

...Было сделано три переправы, начали форсировать по первой – не получилось. Пошли на вторую, а по пути нам повстречался командир батальона, говорит: «Заказников, ты волгарь, давай собери группу и сделай бросок вплавь». Нас собралось одиннадцать человек. Сняли обувь, я забрал автомат у связного, мы бросились в воду. Переплыли четверо – остальные не умели плавать. Я стал осматривать берег, он был напичкан противопехотными минами, пришлось ожидать минеров. Внезапно появились до 70-ти самолетов противника, стали бомбить

наши тылы, сделали три захода. Невзирая на бомбежку, наши солдаты стремились форсировать реку кто на чем мог: на бревне, связках досок, вплавь. Наша артиллерия усилила огонь. Стали спускать лодки, на плотках переправлять пушки, минометы. Немцы отступали, мы на их плечах шли вперед, заняли первую линию обороны. Дальше начинались поля с посевами, наши расчеты сумели там затеряться. Я со связным пошел разыскивать свой расчет. Нас заметили, открыли огонь, меня ранило в левое предплечье, угодил в госпиталь. Находился в армейском госпитале до полного излечения. За переправу Донца был награжден медалью «За боевые заслуги». После выздоровления направили в 236-й стрелковый полк 8-й гвардейской армии.

За бои на плацдарме Днестра 74-я гвардейская дивизия, входящая в состав этой армии, была переименована в «Нижнеднепропетровскую» и награждена орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени. Некоторое время я находился при штабе армии, которая потом вошла в состав 3-го Украинского фронта. Она вступила в бой в районе Пятихатки и, форсировав реку Южный Буг, вышла к Одессе. Дивизия наша вышла на реку Днестр. Здесь проходили сильные бои. Я был легко ранен в спину, лечение проходил в медсанчасти.

17 июля 1944-го дивизию перебросили на 1-й Белорусский фронт, под город Ковель. После его освобождения вышли на границу Польши. Пошли с боями по ее территории. 13 августа я получил ранение в грудную клетку, отправили в госпиталь Новочеркаска Ростовской области. Не закончив лечение, выписался с остеомиелитом ребер в Дом отдыха, а оттуда – в часть Северо-Кавказского военного округа в Ростове.

Через двенадцать дней прибыли представители из 8-й гвардейской армии 74-й дивизии (покупатели). Я дал согласие поехать в свою дивизию, в 236-й полк. Был награжден медалью «За освобождение Варшавы».

В феврале 1945 года вышли на Познань. За форсирование реки Одер был награжден орденом Красной Звезды. Наша 74-я гвардейская Щорская дивизия вышла на Потсдам, отрезав южную группировку немцев.

2 мая Берлин был взят. Я был награжден медалью «За взятие Берлина» и получил звание «старший лейтенант». Нашу дивизию направили на демаркационную линию «Тюрингия», линию раздела с американцами.

Пока воевал, был четыре раза ранен, в части дважды «хоронили», но я остался жив, с остеомиелитом ребер вернулся домой.

И сегодня мое пожелание молодому поколению: берегите мир, он хорош, и даже нам, старикам, еще хочется пожить.

Будни артиллеристов

В. Даутов

**Даутов
Валентин
Михайлович**

Ухожу в армию

В середине октября 1943 года явился в Енисейский райвоенкомат. Явился без вызова и спросил: «Почему не присылаете повестку? Моим друзьям 1926 года рождения уже прислали. Мой друг и сосед Федоров Павел уже неделя как получил повестку». Я очень боялся, что меня не возьмут в армию, ибо весил всего 49 кг и 149 см ростом. Председатель комиссии, однако, сказал: «...Мальчик, раз пришел – становись на комиссию!» После заявил: «Ничего, в автоматчики пойдешь».

На 500 подводах, по три человека в каждой, повезли нас в Красноярск. Здесь началось распределение по воинским частям. Я попал в 73-й запасной артиллерийский полк, в учебный дивизион, во взвод топографических вычислителей. Интересная деталь: перед распределением по частям нас водили несколько дней в баню. После бани отобрали 156 или 176 человек новобранцев (точное число не помню), без всякого обучения определили в «маршевую роту».

Говорили, что в бане выяснилось, что отобранные новобранцы не 1926 года рождения, а старше.

13 ноября наш запасной артиллерийский полк прибыл к месту своей дислокации в город Ачинск. 9 января 1944 года я принял военную присягу. Очень запомнились здешние холодные обеды. Дело в том, что когда мы, голодные, уставшие от занятий, строем шли в столовую, в бывший клуб льнокомбината, нас заставляли запевать строевую песню. Поскольку никто не хотел петь, шли на обед молча, а старшина перед самой столовой всякий раз давал команду: «Правое плечо вперед!».

Иногда так по кругу строй шел несколько раз. Стар-

шина же всегда добивался своего: строй, наконец, приходил в столовую с песней... на холодный обед.

Весной 1944 года (дату не помню, но снег уже почти растаял) наш полк сменил дислокацию на город Канск.

Однако нас не стали размещать в казармах, а сразу повезли в летние лагеря и разместили в брезентовых палатках. Спали мы на земляном полу, замерзали, но не сдавались. В 6 часов утра подъем и бегом на реку Кан (1,5 км). Это была утренняя зарядка.

В конце мая 1944 года учеба наша, по-видимому, закончилась. Никаких званий никому не дали. Определили нас в «маршевую роту» для отправки на фронт. Но некоторым, обычно отличникам учебы, давали звание сержанта и оставляли в тылу обучать следующих новобранцев. В нашем взводе перед отправкой на фронт произошел трагический случай с солдатом по фамилии, кажется, Буренко. Он был кандидатом на оставление в тылу для обучения новобранцев. Стройный, высокий, отличник учебы. Но узнав, что он зачислен в «маршевую роту», прострелил себе ногу. Умышленное членовредительство было доказано, и военный трибунал присудил ему расстрел.

На фронт

Солдатам «маршевой роты» товарный поезд с нарами в три яруса на несколько дней оказался жилищем. Я имел место в среднем ярусе. Перед отправкой поезда нас, голодных, очень хорошо покормили в ресторане Красноярска. Столь же хорошо кормили в ресторанах других городов, областных центров, куда наш поезд приходил обычно к обеду. Запомнились своими роскошными обедами рестораны Новосибирска и Омска.

В Омске запомнился еще один случай. У нас во взводе был солдат по фамилии Слуцкий. Учился он хорошо, был на виду, возможно даже мечтал о продолжении службы в тылу по обучению других новобранцев. Запомнился еще тем, что часто повторял: «Скорей бы на фронт!». Продолжал эту фразу повторять, попав уже в «маршевую роту» и в Красноярске, и в Новосибирске. Когда же отъехали от Омска, в вагоне, в котором ехал Слуцкий, его нигде не оказалось. Поиски ни к чему не привели.

Во Владимире (точнее, в военном городке) мы остановились почти на месяц. До военного городка мы шли пешком километров сорок. Очень и очень устали. Командиры не разрешали нам даже присесть. Видимо, знали, что если мы присядем, то уже не встанем.

Но вот заиграл духовой оркестр, и мы неизвестно как, скинув усталость, бодро дошли до места назначения.

В начале июля 1944-го наш эшелон с «маршевой ротой» солдат 1926 года рождения прибыл в Псков. Эшелон наш тут уже «ждали». Не успел поезд остановиться, как

нас стали бомбить. Слышны были крики «Мама!»

Тот, кто скатился в овраг и успел «нырнуть» в лес, остался жив. Командиры говорили: около двухсот человек остались лежать на земле. Так мы расстались со своим поездом. А до передовой оставалось еще почти 200 км. Эти километры мы шли по ночам, лесом. Днем же спали в лесу. Немецкие самолеты-разведчики нас искали.

Найти, однако, не удалось, и мы благополучно, без новых потерь, добрались до передовой. Удаче, на мой взгляд, способствовала железная воинская дисциплина, порядок в армии, умение маскироваться и хранить секреты.

В середине июля на широкой поляне у опушки леса распределили по частям 33-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии. Первым «покупателем» был майор Овчаренко (позднее выяснилось – заместитель командира 44-го артиллерийского полка по строевой части). Он отобрал не всех артиллеристов, а только сорок человек. Принцип отбора: два шага вперед, сначала наиболее крупные и здоровые, затем имеющие 9-10 классов образования. Так я оказался в артиллерийском полку стрелковой дивизии.

Прибалтика

Сначала я оказался в штабе полка. Поручили выполнить какой-то чертеж. С заданием я не справился. Черчение было моим слабым местом: в школе по этому предмету мне незаслуженно ставили «четыре» лишь потому, что по всем остальным предметам имел сплошные «пять». Назначили разведчиком во 2-ю батарею 1-го дивизиона. Фамилию командира батареи не помню. Это был кадровый военный, лейтенант, высококлассный специалист, профессионал своего дела, эрудированный и хорошо воспитанный, умеющий работать с людьми.

Первый бой принял недалеко от Тарту примерно 20-22 июля. Наблюдательный пункт был выбран на красивом холме, покрытом лесом, командиром дивизиона, майором, только что назначенным к нам.

Когда по поводу выбора места для наблюдательного пункта наш командир батареи высказал свои соображения: «Холм очень удобен для наблюдательного пункта, но единственный в ближайшей округе и может быть пристрелян врагом», майор крикнул на лейтенанта: «Выполняйте приказ!».

Так на этом холме оказались наблюдательные пункты как батареи, так и первого дивизиона. Результат: лес на холме полностью скошен, наблюдательные пункты уничтожены, лейтенант, майор и почти все солдаты и сержанты наблюдательных пунктов убиты, раненых мало. Мой ров был под корнем огромной сосны, в глубине. В этом же рве у выхода находился связист Алабурда, получивший легкое ранение в руку. Я же остался нетронутым. Сослу-

живцы рассказывали, что три дня я ходил бледный, как полотно.

Вскоре один из наводчиков нашей батареи был тяжело ранен и направлен в госпиталь. На его место назначили меня. Это была 76 мм пушка 1939 года УСВ, тяжелая, высокая. На прямую наводку нас не посылали, пока не заменили на более современные, низкие и легкие ЗИС-3.

В Прибалтике я участвовал в освобождении Тарту, Риги, Даугавпилса, других городов и хуторов в составе 1-го и 3-го Прибалтийских фронтов.

Когда гитлеровские войска были зажаты между Тукумсом и Либавой, в декабре нашу 3-ю ударную армию в полном составе погрузили на эшелоны и перебросили через Минск под Варшаву. Так я со своим полком оказался в составе 1-го Белорусского фронта, которым командовал маршал Жуков.

Огневые позиции наших пушек находились на правом берегу Вислы. Стояли очень сильные морозы для этих мест. Поляки говорили, что русские принесли им страшные морозы. Земля была насквозь промерзлая. Рыть окопы и блиндажи было очень трудно.

Противник предпринимал постоянные бомбежки и артиллерийские обстрелы. После одного из обстрелов «ишака» (так называли у нас шестиствольный немецкий миномет), не досчитались в батарее меня и сержанта Мигина. Это случилось 5 или 6 января 1945 года. После лечения узнал: найдя в одном месте засыпанную траншею, нас откопали – сначала меня, восемнадцатилетнего, вторым сержанта, тридцатипятилетнего. Оба неживые. Увезли в дивизионный медсанбат.

Наутро я пришел в себя. На сержанта ушла домой «похоронка». Позднее медсестра поведала мне: начальник медсанбата, подполковник, врач-хирург, якобы воскликнул по моему адресу: «...Из небытия пришел!» и добавил: «Удивительно крепкое здоровье у этого молодого человека!».

Через неделю молодой человек почувствовал себя излечившимся и совсем здоровым. В один из дней с каким-то поручением в медсанбат прибыла автомашина со знакомым шофером Малыгиным. Спросил я у него: «Наши огневые позиции не изменились?» – «Пушки стоят на месте, скоро артподготовка и наступление, однако, у твоей пушки все еще нет наводчика». – «Я поеду с тобой!»

Осторожно, по договоренности с ребятами из палаты, открыл окно, выпрыгнул в одном халате в кабину автомашины и был таков. На батарее были чрезвычайно рады, сняли халат и тапочки, одели, обули, и стал я снова солдатом-наводчиком. Однако лишился документов о моем пребывании в медсанбате.

14 января 1945 года была сильнейшая артподготов-

ка. Она длилась больше часа, ствол пушки стал горячим, откат более медленным, а с наблюдательного пункта все звучит команда: «10-15 снарядов, беглым огнем!».

Наконец, закончилась артподготовка. Однако вечером нас известили, что прорыв танков не увенчался успехом из-за отсутствия переправы через небольшую речушку.

15 января была еще одна артподготовка, более длительная и мощная. В этот день расчет израсходовал около 200 снарядов. Результат: удачный проход танков и моторизированной пехоты. А вслед за ними и мы, артиллеристы, с новыми пушками ЗИС-3.

17 января освободили столицу Польши Варшаву. Наши батареи прошли через юго-восточную окраину города почти без боя. Город был сильно разрушен. За Варшавой мы вышли на оперативный простор. Еле успевали за танками и мотопехотой.

Проходили в день по 40 км. Лишь иногда приходилось разворачивать орудия и стрелять прямой наводкой по оказывающим сопротивление отдельным группам фашистов.

Как встречали нас поляки? Я бы сказал, хорошо, радушно. Горячим кофе, какао, молоком, ошметками сала и удивительно вкусными, крупными, круглыми каравами хлеба, видимо, из муки крупчатки.

Я поделился своими впечатлениями о гостеприимной встрече с заряжающим, заключив восторженной оценкой – «какие поляки хорошие!», но старый (по моим понятиям) солдат, бывший председатель колхоза из Алтайского края Уланов, выслушав меня, сказал: «Если бы ты знал, как эти поляки провожали нас в 1941-м... С подвалов и чердаков многих домов строчил пулемет по нашим спинам».

Вскоре мы со своими пушками на американских автомобилях-тягачах «Додж $\frac{3}{4}$ » добрались до города Бромберг, до старой польско-немецкой границы. Польское название города – Быдгощ. Перед Быдгощем довелось увидеть незабываемое.

Недалеко от дороги, по которой двигались мы, а до нас танкисты и мотопехота, находились большие ангары, а в них – около десятка 50-ти кубовых цистерн со спиртом. Цистерна, к которой мы подошли, видимо, была сильно опорожнена; спирт из нее через большой верхний люк доставали котелками, флягами, ведрами, привязав к двум соединенным ремням – брючным и поясным. Внизу большой кран тоже был слегка приоткрыт. Наши батарейцы заполнили спиртом все имеющиеся емкости: котелки, фляги, канистры, кухонные котлы, некоторые даже бензобаки. Я лично ничего не заполнял, ибо спирт мне был не нужен. Даже боевые сто грамм от-

давал бойцам своего расчета. Заполнив все, что можно было, спиртом, мы приготовились к движению. Вдруг услышали громкий крик бойца на верхнем люке: «Братцы, там на дне лежит солдат!». Нам разрешили задержаться и посмотреть на заспиртованного солдата. Видимо, задохнулся от паров спирта и перевалился через большой люк. Удручающее и поучительное зрелище...

Поехали. Но через пару километров у опушки леса нас остановили. «Строиться с вещмешками и всем имеющимся багажом!» Командир дивизиона вместе с парторгом лично следил за выливанием спирта из всех емкостей, в том числе из канистр и бензобаков, из трех котлов походной кухни. Остались мы не только без спирта, но и без обеда.

Налегке двинулись вперед. Вскоре, однако, стали замечать, что шофер Малыгин, возивший походную кухню на ЗИС-5, почти всегда под хмельком и веселый такой. Оказался он хитрее всех: заполнил радиатор автомашины спиртом. На остановках «подправляет» водяной насос, подняв левый капот. У водяного насоса есть краник и рядом, в закутке, кружечка маленькая. «Подправил» машину и поехал дальше. По мере же убывания жидкости в радиаторе доликает чистую воду.

Слухи дошли до командира батареи.

Что решил комбат? Вылить спирт из радиатора? Как бы ни так! Пересел в кабину к Малыгину и находился там всю дорогу.

Разящие лучи

Помнится, как в ночь на 14 апреля, оставив тягачи-автомшины на правом берегу, мы на конной тяге переправлялись на левый берег реки Одер, на Кюстринский плацдарм. Переправа была очень трудная. Мост понтонный, «жидкий», ходит ходуном. Это, во-первых. Во-вторых, переправу бомбили и круглосуточно обстреливали «бризантными» снарядами, которые на заданной высоте по графику взрываются, и множество осколков поражают живую силу. Нас очень торопили. «Живей, живей, не останавливаться!» Видел на мосту истекающего кровью бойца без обеих ног и кричащего в отчаянии: «Пристрелите меня!». Наша колонна тоже попала под «бризантный» обстрел почти у самого берега. Не обошлось без жертв. У ездового на передних лошадях по фамилии Бабер осколок «бризантный», пробив голову, вышел из нижней челюсти. Но каким-то чудом солдат доехал до берега, не свалившись с лошади. Не стало товарища, над которым мы в свое время шутили: «...Бабер – термос попер!». Спустя десятилетия с ужасом вспоминаю и свое неправильное размещение во время переправы: ехал я на станине орудия, обхватив ствол пушки

обеими руками. Голова же моя под стволом. Пораженная осколком рука автоматически свалила бы меня на понтон, а то и прямо в реку.

Переправившись на левый берег Одера, заняли позиции на Кюстринском плацдарме.

А вскоре по другим понтонным мостам форсировали реку и автомашины-тягачи, машины со снарядами, наш Малыгин с кухней, а также тяжелая техника. Личный состав войск и техника «зарылись в землю» и ждали своего часа.

Час пробил, и огнедышащий «кюстринский вулкан» взорвался.

Как в той песне: «...Из сотен тысяч батарей за слезы наших матерей, за нашу Родину – огонь! Огонь!»

Было еще темно, когда загрохотали тысячи орудий и минометов. Снаряды из моей пушки также явились частицей небывалого шквала огня, обрушившегося на позиции врага на Зееловских высотах.

Стреляли беспрерывно в течение 20-25 минут. Плотность артиллерийского огня была столь велика, что откат ствола пушки становился более тяжелым и медленным, а со ствола местами отлетала краска от перегрева.

Примерно в 3 часа 30 минут по берлинскому времени мы заметили вертикальный луч прожектора и тут же мощнейший поток света, направленный в сторону врага. Это было какое-то чудо, что-то сверхъестественное. Вначале мы даже перепугались, приняв это за представление конца света. Видел: некоторые начали креститься, хотя все мы считались в ту пору безбожниками.

Как тут не растеряться! Свет был такой сильный и яркий, что хоть иголки собирай, позиции врага как на ладони. Через минуту мы вышли из оцепенения, поняв, в чем дело. Оказывается, впервые в истории войн был применен такой метод успешной боевой операции, как свет.

И действительно, случилось чудо: разящие, направленные на вражеские окопы яркие лучи мощных зенитных прожекторов (потом мы узнали, что их было 140) деморализовали и подавили гитлеровцев на передовых позициях. А на ярко освещенные вражеские позиции двинулись танки и пехота, артиллеристы же перенесли огонь своих орудий вглубь, на вторые позиции. Залпы тысяч орудий, «катюш» и других минометов были столь сильны, что сметали все живое с передних позиций врага.

Когда закончился бой и десятка два-три военнопленных немцев проходили мимо расположения батарей 1-го дивизиона, нам удалось задержать их на несколько минут и выслушать ответы на наши вопросы. В дивизионе был офицер, прилично владевший немецким

языком. Мне же, слабо владеющему языком врага, также разрешили присутствовать на допросе.

Вот что мы слышали от них. Вздрагивая и заикаясь, они говорили:

– Огонь вашей артиллерии был так силен, что в первые же минуты в окопах нашей передней линии была перебита вся живая сила. Снаряды перепахали все, что было приспособлено к обороне!

– Наша оборона не могла выдержать такого адского огня. Мы были ослеплены вашим новым оружием!

– Разящие лучи – о, это страшнее «катюш»! – признавались пленные солдаты.

Через день нам на политинформации зачитали перехваченное радиосообщение о том, что эта ночная атака при свете 140 прожекторов в стане врага произвела ошеломляющее впечатление.

Командир фашистской дивизии, занимавшей оборону западнее Кюстрина, сообщал по радио в штаб 9-й армии: «По нашим позициям открыт адский огонь. Связь с полками потеряна. Во многих местах полыхает непонятный мощный свет. Миллиарды свечей. Что такое – объяснить невозможно. Может быть, это новый вид советского оружия...»

Мы были очень рады таким сообщениям.

В Берлине

Конечно, огонь при свете прожекторов «перепахал» все, и на Зееловском переднем крае противник организованного сопротивления не оказал. Но нам не удалось окончательно сломить врага и разрушить полностью их оборону. Немцы – отличные вояки, профессионалы, хорошо вооруженные и умело владеющие своим оружием. Они сумели оправиться от потрясения и стали драться с ожесточением. Начались упорные и кровопролитные бои. Но ничто и никто не мог уже остановить наше наступление на Берлин. В тяжелых кровопролитных боях, преодолевая ожесточенное сопротивление фанатично настроенных гитлеровцев и неся значительные потери в живой силе и технике, мы продвигались к Берлину.

На рассвете 21 апреля я вместе с другими бойцами 3-й ударной армии вошел в Берлин, на его северо-восточную окраину.

Это были первые советские войска, появившиеся в Берлине. Их было очень много. Множество танков, самоходок, автомашин и другой техники вызывало у немцев удивление и потрясение. Гражданское население, преимущественно женщины, спрашивали нас: откуда столько техники? Это вам американцы дали?

Итак, мы в Берлине. Где-то, может быть, не так далеко, в Рейхканцелярии находится сам Гитлер, развя-

завший войну и причинивший столь тяжкие страдания народам мира и прежде всего советскому народу. Он не жалеет и свой народ, своих солдат, приказывая им сражаться до последнего патрона и последнего солдата.

В Берлине мы ведем тяжелые бои и несем большие потери. Я видел, как горят наши автомашины ГАЗ-АА, подожженные зажигательными пулями. Конструкция этой машины была такова, что поджечь ее было нетрудно. Бензобак – на передней части капота, почти перед лицом шофера. Поджигая бензобак, враг нередко поджигал и самого шофера, обливая его бензином из вспыхнувшего бака. Горящих «газиков» я видел много.

Большое поражение наносили снайперы в гражданской форме, засевшие на чердаках и у окон домов. Перебежать улицу было почти невозможно.

Наша батарея потеряла командира огневого взвода лейтенанта Белоуса. Он воевал с 1941 года и очень хотел дожить до Победы. Был осторожен, продвигался вперед вдоль стен, плотно прижавшись к ним. Но однажды вынужден был пересекать улицу. Снайперская пуля поразила его в голову у самого бордюра тротуара...

По улице уже прошли танки, машины, стрелковые подразделения. Казалась, она была очищена полностью. А когда через некоторое время по ней пошли солдаты (видимо, второго эшелона) почти строем, они были обстреляны фольксштурмовцами и понесли большие потери. Наши бойцы схватили фольксштурмовцев, одному из них было не больше пятнадцати лет...

Наш 9-й особый сектор

С описываемых событий конца апреля 1945-го года, когда я оказался в центре Берлина, недалеко от Рейхстага и Рейхсканцелярии, прошло 70 лет¹.

Несмотря на это, помню Берлин тех дней: едкий и мглистый от гари и каменной пыли воздух, хруст песка на зубах. Чем ближе к центру, тем плотнее воздух. Кругом разрушенные дома.

Мы приближаемся к особому, девятому сектору обороны Берлина – правительственному кварталу. Теперь все чаще мертвые кварталы сплошных руин.

На уцелевших стенах домов видим броские, написанные крупным шрифтом, категорические заверения Геббельса, что русские не войдут в Берлин. А мы не только вошли, а добираемся уже до самого Геббельса.

Пыль и дым застилали нам свет. Здесь на каждом шагу подстерегала пуля или минометно-артиллерийский осколок. Бои не стихают ни на минуту. Кругом грохочет, свистит и воет, стоит кромешный ад. Все смешалось, понятия день и ночь слились. Бойцы смертельно устали и засыпали прямо у своих орудий, когда немного стихало.

Не помню, отходил ли я за эти двенадцать дней от своей пушки. Здесь же у пушки дневал и ночевал, дремал, когда удавалось, положив голову на станину или на земле, положив вещмешок под голову. Не помню также, где, когда и что ел.

Мы уж перестали верить, что такой грохот, свист и вой когда-нибудь кончатся. Однако поздно вечером 1 мая на нашем участке прекратился огонь. Установилась тишина. Тишина, в которую трудно было поверить. Если бы сегодня меня спросили, можно ли такое выдержать в течение двенадцати дней, я бы ответил – нет, человеческий организм такое испытание не может осилить.

Мы же осилили и победили.

В ночь на 2 мая наша первая батарея продвинулась на два квартала и заняла позиции на Паризер-платц. Это была последняя огневая позиция моей пушки на этой проклятой войне. Недалеко, как выяснилось позднее, находилась большая площадь перед Бранденбургскими воротами и знаменитая улица Унтер-ден-Линден, где не раз проходили пышные парады и шумные оргии.

...Не спалось в эту короткую майскую ночь. Люди на батарее думали о конце войны, о скорой встрече с родными и близкими, о весне и празднике Первомая. Некоторые обменивались адресами.

1. Написано 7 лет назад. Автор ушел из жизни в 2015 году.

Забрезжил рассвет, поднималось чудесное утро второго дня мая. Правда, некоторое время, с утра, накрапывал мелкий дождь. Но вскоре он кончился и засветило солнце.

В четвертом часу утра мы вдруг заметили группу немцев, человек до ста. Одеты в гражданские плащи и бесшумно, прижимаясь к стенам домов по обеим сторонам улицы, идут к нам. Павел Кравченко, наш балагур и весельчак, заметил у одного из них торчавший из-под плаща ствол автомата. Присмотрелись внимательно: все они были вооружены. Нас сорок-сорок два, а немцев не менее ста. Положение усугублялось еще тем, что, продвинувшись ночью на два квартала, мы не заметили впереди себя пехоту, которую артиллеристы всегда поддерживают огнем и колесами.

Мы встали у орудий, а немцы идут. Расстояние между нами сокращается: 200, 150, 120 метров... Фашисты решили, что батарея спит. И в тот самый момент, когда люди в плащах бросились к пушкам, наш «огневой» (так мы звали старшего лейтенанта Петра Синельникова, который исполнял обязанности командира батареи в связи с выбытием прежнего комбата в госпиталь) командовал: «Картечью огонь!». Все три орудия «выплюнули» смертоносный металл, полетели гранаты. Немцы явно не ожидали такого поворота событий. Оставив лежать на перекрестке до тридцати человек, фашисты откатились.

Но опасность не миновала: враг получил подкрепление (уже без плащей) и стал нас окружать. Одно орудие пришлось повернуть туда, где, казалось, были свои.

Отбили одну атаку, вторую, третью. Немцы стали прорываться в боковой дом напротив наших пушек. Пустить в этот дом врага – значит бросить орудия.

В.М. Даутов. 2000-е годы.

Получаем приказ: «С автоматами и гранатами – все на защиту дома!». У пушек остаются лишь по два человека – наводчик и заряжающий. У двух подъездов дома разгорелся ближний бой: пошли в ход не только автоматы и гранаты, но и приклады, стулья и кулаки. Но силы неравные. Вот пал сраженный любимец батареи Кравченко, нет уже в живых радиста Юрченко, истекает кровью богатырь «Кузя», который подносил тяжелые ящики со снарядами, как корзины с грибами. С яростью отбивается с горсточкой солдат от нападающих фашистов мой командир орудия Николай Стародубцев. Вцепившись зубами в немца, сжав его горло, вместе с ним упал еще один наш, второй, третий...

Убит наводчик второго орудия, находящегося на той же стороне улицы, что и дом. Получил ранение (к счастью, легкое) и наш «огневой» Синельников.

Именно в эти минуты со второго подъезда дома появилась немецкая радистка с большой рацией. Правда, она была тут же сражена автоматной очередью. После боя в рации у немецкой девушки мы обнаружили 60 штук швейцарских часов.

А пока продолжался смертельный бой. За углом послышался лязг гусениц: на наши орудия шел танк со свастикой и самоходка серо-зеленого цвета.

Старший лейтенант Синельников сам встал у второго орудия. У прицела первого, на другой стороне улицы, стоял я.

Танк выскочил на перекресток в ста шагах от нас и не сразу заметил наши орудия, стоящие между колонн в подъездах домов. Бронебойных и подкалиберных снарядов у нас не было. Искать смотровые щели, моторную группу и целиться в них, как нас учили в запасном полку, тоже некогда. Главное – не промазать! И по команде «Фугасным огонь!» посылаю снаряд, затем второй, для верности, и третий. Второе орудие делает то же самое. Смотрим, танк закружился на месте, вдруг из него повалил густой дым, а затем пламя огромной высоты. Самоходка же, заметив это, не решилась выскочить на перекресток.

Немецкий танк горит. Мы было немножко успокоились. Вдруг длинная автоматная очередь из-за горящего танка. Пули, как горох, застучали по броневому щиту моей пушки. Одна пуля ранила в руку моего заряжающего Уланова, другая попала в смотровую щель и отбила отражатель панорамы, третья прожгла мою гимнастерку и прошла под погоном правого плеча, а четвертая сбила пилотку, чуть «пригладив» мои кудри. Благодаря своему маленькому росту я почти полностью скрывался за броневым щитом своей пушки. Именно это спасло меня от автоматной очереди фашистского танкиста в последнем бою. Бросив гранату, старший лейтенант сразил танкиста-автоматчика.

Немецкий танк продолжает гореть, а гул нарастает уже с другой стороны улицы, где у нас только одна пушка. Гул все ближе и громче. То идут танки: один, второй, третий, пятый... Все решили умереть, но не сдаваться.

Раздалась команда: приготовить гранаты и связки гранат, фугасные снаряды для единственной пушки.

На этот раз смерть миновала нас. За секунду до команды «Фугасными беглый огонь!» заметили на первом танке маленькую красную звездочку. Она становилась все ярче, больше. То шли танки Т-34. Не останавливаясь, они прошли вперед мимо наших орудий, стреляя на ходу. Через час начали сдаваться немцы, ибо в 6 часов 30 минут утра 2 мая командующий зоной обороны Берлина Вейдлинг сдался в плен и отдал приказ сложить оружие всем защитникам города.

Они заполнили все улицы, ведущие к перекрестку. Возле сгоревшего танка росла куча из немецких автоматов, карабинов, винтовок, гранат и фаустпатронов.

А стены близлежащих домов становились белыми: чуть не из каждого окна дома и на всех этажах вывешивались белые флаги, простыни, наволочки, полотенца и просто белые тряпки. Это было удивительное зрелище, которое в своей жизни я видел в первый и единственный раз.

Мы стояли у своих орудий, заряженных и направленных стволами в сторону уже безоружных немцев.

Но толпа безоружных немцев волновала и даже пугала нас больше, чем открыто идущий в атаку враг. Там страх подавляется начавшимся боем, а перед несколькими сотнями безоружных немцев, стоящих почти рядом, страх не подавляется, а усиливается. И мы чувствовали себя в эти минуты очень и очень некомфортно.

Волнение и страх долго не покидали нас, нервы напряжены до предела. И только после того, как увели пленных, мы стали успокаиваться и приходиться в норму.

Впервые рассмотрели, почувствовали всем сердцем, что стоит чудесный, солнечный майский день, и вспомнили нашу Родину и праздник Первомая.

Ура! Мы победили!

Однако Победа досталась нам ценою невероятных усилий и потерь личного состава батареи, причем, немало жертв 2 мая 1945 года, в последний день войны в Берлине. Мы потеряли лучших, некоторые из них воевали чуть ли не с первых дней войны. Они не дожили до Победы всего несколько часов.

Нас осталось двенадцать человек. В том числе наш командир, Петр Андреевич Синельников, ставший Героем Советского Союза.

С первого до последнего дня

Х. Зарипов

Когда началась война, я находился в рядах Красной Армии. Оставался в ней с первого до последнего дня Великой Отечественной. Принимал участие в ряде крупных боевых операций: на Курской дуге, в форсировании Днепра, освобождении Киева и правобережной Украины, Корсунь-Шевченковской боевой операции, принимал участие в освобождении Польши, в стратегическом наступлении на Берлин. После форсирования Одера, когда до Берлина оставалось 60 км, нас в составе 13-й армии 1-го Украинского фронта нацелили на помощь восставшей Праге. Войну закончил в Чехословакии.

Особенно глубоко врезались в память бои на Курской дуге. Участники этой битвы вправе гордиться в этом истинно грандиозном сражении двух воюющих армий. На Курскую дугу мы пришли в составе Воронежского фронта, когда на Белгородском направлении немцы пытались прорвать нашу оборону. Основной удар по немецким войскам нанесли танки и артиллерия, в том числе 3-я гвардейская артиллерийская бригада Резерва Главного Командования (РГК).

Я служил командиром топовычислительного отделения. На отдельных участках немцам удалось прорвать нашу оборону. Но в конечном счете планы немцев провалились.

После Белгорода и Орла немцы пытались взять реванш, окружив наши войска в районе Ахтырки (под Харьковом). Для спасения положения на этот участок была направлена наша 3-я гвардейская пушечно-артиллерийская бригада РГК. Поставленная задача была успешно выполнена.

В декабре 1945 года демобилизовался как специалист сельского хозяйства. Работал главным агрономом, директором Чубуклинской МТС, председателем Заинского райисполкома. После реорганизации Заинского района – председателем колхоза. С этой должности ушел на заслуженный отдых с персональной пенсией.

За участие на фронтах имею награды: ордена Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медаль «За боевые заслуги», более десяти благодарностей Верховного Главного Командования за подписью товарища И. Сталина.

К мирной жизни через ад

М. Салимов

**Салимов
Масалим
Салимович**

Служить я начал в 1940 году пограничником в Гауданской пограничной комендатуре, на границе с Ираном, на заставе Гаудан. Там мы усиленно тренировались. Патрулировали на лошадях границу.

С началом Великой Отечественной войны, 3 июля 1941 года в составе отдельного пограничного полка добровольцем был направлен на Западный фронт. Наш полк вошел в состав 250-й стрелковой дивизии. Мне очень тяжело говорить о войне. Шли непрерывные жестокие бои. Немцы прорвали фронт и двинулись к Москве. Наша дивизия прикрывала правый фланг обороны Москвы (Калининградский фронт, Тверь.)

Наш эшелон с добровольцами остановили на передовой, все грохотало, стреляли, шум, дым! Разделили нас по ротам, взводам. Дали на взвод два пулемета, каждому по трехлинейной винтовке, две гранаты, немного патронов и бросили против немцев. Немцы прорвали фронт. Мы лежали на голой местности. Лопаток, чтобы вырыть окопы, у нас не было. Против нас шли танки. Земля дрожала. Я насчитал 26 танков. Мы лежали, как на ладони. Они сразу расстреляли наши пулеметы... Танки двигались не очень быстро, видимо боялись мин. За ними шла пехота с автоматами. Все грохотало. Для необстрелянных солдат это была тяжелая психологическая атака. Почти всех перебили.

Я потерял много друзей. Нас бомбили с самолетов. Был ад. Немцы прорвали оборону, вышли к Волге. Мы остались в окружении. Ночью собирались и как могли шли к своим. Я с несколькими бойцами прошел через села и деревни. Женщины нас кормили, плакали, просили остаться, но мы боялись оставаться в окружении. Шли по ночам лесами. Вышли к Волге. Все мосты через реку были взорваны, только один цел, но и его захва-

тили фашисты. Из танка стреляли в тех, кто пытался переправиться на лодке, вплавь или держась за дерево. Расстреливали из автоматов. Мы с ребятами решили пойти выше, где нет переправ, и переплыть ночью. Шли целый день. Немцы еще не подтянули свои войска. Только автоматчики стреляли по нам. Дождавшись ночи, мы переплыли реку и примкнули к своим.

Зима 1941 года была очень холодная (минус 30-40 градусов). Немцы были одеты легко во френчах и летних сапогах. Они думали, что за лето возьмут Россию. Мы тоже были плохо одеты, но как разведчикам нам дали валенки и фуфайки. Мы приноровились, забирали автоматы убитых немцев, обороняться стало легче.

Шли бои за одну деревню. Там остался только один дом, но ни мы, ни немцы этот дом не разрушали. Мороз минус 40 градусов. Этот дом за одну ночь переходил несколько раз от немцев к нам и обратно. Грелись. Мы отбросим немцев – греемся, немцы мерзнут. Нас отбрасывают – они греются. Теперь мы лежим на снегу. Эх, все равно пропадать! Опять их отбрасываем. Так и остался этот дом цел. А жители – в погребках, ямах и землянках. Мы их кормили, чем могли. Утром мы все же выбили немцев из этой «деревни».

...После артиллерийской подготовки пошли в наступление. Самолеты сбрасывали бомбы, затем шли танки по живым и раненым, превращая все в месиво. Тысячами лежали раненые, наши и немцы, а по ним шли танки. Люди кричали и плакали. Этот крик до сих пор в моих ушах. Потом пошли мы – пехота. Раненых никто не подбирал. Шли жестокие бои, не на жизнь, а на смерть. Иногда шли врукопашную друг на друга. Тяжело убивать, глядя в глаза противнику. Разве нормально, когда человек в человека стреляет? Но ничего не поделаешь. Кто

кого, кто сильнее, проворнее, тот и одолеет. Мне помогло, что я из деревни, вырос крепким, плавал и тренировался на границе. Это мне очень пригодилось и в жизни, и на войне.

В 1941-м, пока я был на войне, умер мой папа. А 29 декабря ранило в левое бедро меня. Сквозное осколочное ранение размером 14 см.

Нас, раненых, отнесли в церковь. В ней ни окон, ни дверей. Идет сражение, пули свистят, мороз минус 40 градусов. Многие умерли от переохлаждения, у иных началась гангрена. У меня почернели и отпали ногти на ногах. Полтора суток мы лежали в этой церкви, пока за нами не пришла «полупортка». Загрузили всех живых, а по дороге кончился бензин. Раненые кричали, стонали и умирали. Видя все это, шофер заплакал, побежал искать людей. Вернулся с женщинами и детьми. Они нас тащили, кто на одеялах, кто на себе. Отнесли в деревню, где тоже уцелел один дом. Нас 36 человек. Повернуться негде. Все лежали вповалку, но стало тепло. Немножко согрелись. Утром машина увезла нас в Тверь. Город в руинах, все разрушено, в госпитале окна без стекол, тепла нет. Сделали нам перевязки. Хирург спрашивает, какого я года рождения. Говорю: «1921-го». Молоденькая сестричка засмеялась – я выглядел на все сорок лет! Обросший и вшивый, немывтый и небритый, с длинной бородой. Четыре с половиной месяца же безвылазно на передовой!

Вдруг началась бомбежка. Раненых вынесли на улицу. Тех, кто выжил, отвезли на станцию. Поезд шел медленно. Пропускал составы с солдатами, которые ехали на фронт. Нас отвезли в тыл – в госпиталь города Кольчугино Ивановской области. Я двое суток спал беспробудно.

В апреле 1942 года вернулся на передовую. На этот раз воевал разведчиком в составе 178-й стрелковой дивизии Калининского фронта. Шли непрерывные ожесточенные бои.

Мы ходили за линию фронта в тыл к немцам. На переднем крае нам организовывали «проход», уходили по 3-5 человек за «языками», узнавали, где что у них сосредоточено – танки, артиллерия, пехота. Особенно это было нужно перед наступлением. Однажды мы пошли за «языком», нужно было добыть и их карты для штаба. Проползли линию фронта, пошли глубоко в тыл, подползли к деревне. Немцы всегда жили в самой хорошей избе. Подползли с наветренной стороны, чтобы собаки не учуяли нас. Свет в доме горит. Часового сняли, забежали в избу – там офицеры, кто спит, кто сидит. Быстро с ними расправились, забрали одного с документами и картами – и назад. За нами кинулись с собаками. Мы на

лыжах в маскировочных халатах. Буран. Стали они нас догонять. Тогда мы решили разбежаться в разные стороны, чтобы кто-нибудь остался жив и «языка» доставил с картами. Вперед ушел один из наших с «языком», немного погодя другой и чуть позже я, чтоб мой запах овчарки почуяли. Немцы с собаками погнались за мной. Я бежал и упал в силосную яму. Немцы туда не прыгнули, обстреляли яму из автомата и ушли. Видимо, запах силоса перебил мой запах, собаки не учуяли. Пули прошли около моих ног. Я настолько устал, что уснул, потом пополз к своим.

В другой раз мы пошли за «языком», пересекли линию фронта, доползли до деревни, лежим, ждем у штаба. Немцы народ «культурный», выйдут по нужде и идут до туалета. Вышел один – свистит какую-то мелодию, на офицера не похож, его не тронули. Идет другой – на боку планшет – офицер. Мы его связали, рот заткнули кляпом и пошли к Волге. Наступило утро. На элеваторе сидит немецкий снайпер и бьет каждого, кто направляется к берегу.

Одного из разведчиков снайпер убил, второго ранил. Что делать? Как «языка» переправить? Ведь в штабе ждут. Среди нас был смысленный сибиряк. Он положил «языка» себе на спину и пополз. Снайпер в своего стрелять не стал, так они и вышли на другой берег. Мы остались на немецкой стороне, спрятались под бревнами. Смотрим, один наш раненый ползет. Кричим: «Иди к нам, а то убьют». Спрятали его, сделали перевязку. Узнав от переправившегося наше место, с того берега начали стрелять по элеватору, началась перестрелка. Мы лежим под бревнами. Немцы вышли из элеватора, стали стрелять по нам. «Прошили» автоматной очередью полу моей шинели. Ночью мы сползли на лед. Немцы кидают осветительные ракеты – мы лежим, потухнет – ползем! Наконец, добрались до своего берега. А сколько трупов было на льду! Ужас!

За это время нашего рейда в тыл врага штаб передислоцировался. Пока я раненого сдал в медсанбат, пока нашел своих, прошло двое суток. В штабе решили, что я погиб, и послали маме извещение. Узнав об этом, я сразу написал письмо ей, Магире и брату, что жив. Как они, наверное, обрадовались!

Письма с фронта:

Татарская АССР, Куйбышевская ж/д ст. Бузульма, Альметьевский район, Каськинский сельсовет, пос. Булгар 2. Камалееву Салиму.

Действующая Красная Армия. Полевая почтовая станция 8113270/Р.Р. Салимов М.С.

«Дорогие папа, мама и родные. С фронта посылаю вам сердечный привет и желаю вам доброй жизни. Ме-

ня перевели опять на новое место. Видно у меня счастье такое, и на границе меня переводили с заставы на заставу. Здесь тоже побывал на нескольких местах. Сейчас я в разведке. Собираем сведения о противнике. Много времени провожу во вражеском тылу. Линия фронта близко – 150-200 км. На днях мы снова должны идти в тыл. Так тяжело. Терплю, стиснув зубы. Все снаряжение в два пуда (32 кг) надо тащить на себе. Я радуюсь, что у вас тихо. Здешние женщины, дети, старики копают окопы. Их тысячами привозят из городов. На этом заканчиваю письмо. Желаю вам здоровья. Ваш сын Масалим. 24 июля 1941 года».

«Так и не смог вам отправить письмо. Теперь узнал адрес [части], и можно будет получать письма. Теперь мы рядом с фронтом в лесу. Женщины, дети и старики непрерывно роют окопы. Мы укрепляем оборону. Себя чувствую хорошо. От вас уже несколько месяцев нет писем. Сейчас у меня новый адрес: Действующая Армия, Полевая почтовая станция 811 О. Р. Б. (прим. – *отдельный разведывательный батальон*). Кого взяли в армию? Обо всех подробно напишите. Как здоровье папы? Скучаю. М. Салимов. 29 июля 1941 г.».

«Мой адрес тот же. О том, что происходит на фронте, узнавайте по газетам. Я на Смоленском направлении. Тоскую. Жду ваших писем. М. Салимов. 13 августа 1941 года».

За три года я получил всего несколько писем.

В 1943-м начало поступать вооружение, теплая одежда и питание. Второй раз был ранен 2 мая 1943 года в грудную клетку: разрывная пуля прошла через легкое, раздробила лопатку, порвала нервные связки правой руки. Я не мог дышать. В госпитале сделали укол, прочистили и зашили. Нас, раненых, собрали около передовой, прилетел санитарный самолет, но он брал только двух легкораненых, потому что не все выдерживали полет. Я сказал, что мне лучше, и меня взяли. Полетели, мне стало совсем плохо, но я терпел. Самолет вывез нас в тыл, нам сделали перевязку и отвезли на станцию. Пока ждали поезд, нас положили около березовой посадки. Вижу, ходит один, всех разглядывает. Присмотрелся, а это Зиннур абый из нашей деревни. Я его окликнул. Он тут охранял самолеты. Сытно накормил и напоил, помог положить меня на полку в поезде. Нас отправили в тыл в город Кунгур Пермской области. Я лежал в палате с обожженными ранеными танкистами. Очень больно смотреть на их мучения и страдания. Они умирали от заражения крови.

Мне дали вторую группу инвалидности.

Правая рука висела как плеть. Отправили домой. Приехал в Бугульму 23 августа 1943 года. Пошел пешком,

до дома 80 км. Вижу, женщины везут на лошадях зерно на элеватор. Я спросил, из какой они деревни, оказалось, из Кудашево. Я спросил, а нет ли моей сестры Галимы среди них. Оказалось, есть! Мы встретились, поехали к ней в Кудашево и я там переночевал. Утром она дала мне два кренделя и литр молока. Больше из съедобного у нее ничего не было. Она опять поехала в Бугульму, а я пошел домой. На полях работали женщины и дети. Все бегут с расспросами о своих детях, мужьях и скоро ли война закончится?

Вышел на дорогу Тайсуганово, перешел Зай, дошел до Абдрахманово, деревни моей любимой Магиры. Сел около пожарной каланчи. Стесняюсь зайти: а что подумают ее родители?

Смотрю, на тарантасе подъезжает молодой парень, зашел к ним во двор, а через некоторое время вышел и уехал. Так тяжело мне стало... Подумал: что я здесь сижу? Нужно уходить! И вдруг понял, пройдя чистилище войны, мне бояться нечего и некого. Все-таки четыре года прошло, может она меня и разлюбила. Зайду, решил я, поговорю. Открыл калитку, Магира из сарая выходит, во рту помидор. Увидев меня – остолбенела, а потом бросилась ко мне на шею и заплакала. Я все понял, и у меня от души отлегло. Пригласила в дом, поставила самовар, а есть нечего. Пришла соседка, принесла калиновый бэлеш. Какой он был вкусный! Мы долго говорили, а потом Магира пошла меня провожать. Следом на лошади мчится ее мама и кричит: «Магира, кайт, Магира, кайт!». Она подумала, что я ее совсем увожу. Я дошел до Альметьевска, зашел к Сахаб абый и пошел домой. Ночь была темная, шел через лес Поташной поляны, очень устал. В Поташной поляне три дома, в одном горел свет, постучал, попросился переночевать, пустили. Утром пошел в Булгар. Мамы дома нет, она была в Каськах. Послали за ней лошадь. Так она быстрее лошади примчалась.

В сентябре 1943 года я стал работать военруком в деревне Абдрахманово, потом в Альметьевске в своей родной школе №1. Жил на квартире. Там же жили еще три девочки. Я был серьезным парнем, ни на одну из них не смотрел. В выходной шел в Абдрахманово увидеть Магиру, в другую неделю она приходила в Альметьевск. Я с гордостью говорил всем: «Моя Магира пришла». В ноябре 1944 года мы поженились. Магира ждала меня пять лет!

В 1945 году меня избрали председателем колхоза «Кызыл Байрак». Невзирая на большие трудности, смог поставить отстающий колхоз на ноги, выполнял Госплан сдачи зерна и людей не оставлял голодными. До сих пор люди, уже их внуки, узнают меня и благодарят. За то, что выдал колхозникам зерна больше нормы, а не

стал перевыполнять план. Меня самого тогда за это едва не посадили в тюрьму. Женщины, которые работали на ферме после войны, говорили: «С фермы идем, несем в карманах зерно, фураж. Масалим Салимович идет навстречу, отворачивается и проходит, как бы не замечая нас». После войны за горсть зерна сажали. Как я мог осуждать вдов, ведь дома их ждут дети! Их кормить надо. Я все видел, но не показывал вида. На собраниях ругал за кражу в общем, не называя конкретных лиц. Ведь война разорила деревню. Из нее ушли 42 здоровых парня, а вернулись 22 раненых, искалеченных солдат. Тут понимать надо было.

Будучи председателем, я объезжал все деревни. В деревне Каськи увидел женщину, купающую ребенка в печи. В деревне не было ни одной бани. В первую очередь построили три бани вдоль речки. В основном в колхозе работали женщины и дети, мужчин было мало, многие не вернулись с войны или вернулись калеками. В 1946 году случилась засуха. С апреля по июль не выпало ни капли дождя. Все посевы высохли. Но 30 июля прошел такой дождь, которого я не видел за всю свою жизнь. Дождь лил всю ночь потоками. Все смыло, но было тепло, сразу поднялась трава и уродилась картошка. Урожая зерна не было, но для скота травы и сена хватило, а людям картошки.

В 1952 году меня назначили директором Старо-Михайловской школы. 320 детей и 24 учителя. Школа была в аварийном состоянии. Пришлось построить новую. Строили «всем миром». Но поработать в ней не получилось. На общем собрании колхозники меня избрали председателем колхоза «Дружба» (бывший «Кызыл Байрак»). В 1956 году он объединил десять деревень. За период моей работы колхоз стал «миллионером».

В 1968 году по состоянию здоровья написал заявление об уходе. Собрание проводилось в деревне Каськи.

Колхозники не отпускали. Собрались еще раз. Я категорически настаивал на переизбрании, долго убеждал, и люди согласились. Столько было слез и благодарных слов, что я и сам заплакал. Колхозники решили подарить мне корову (она стоила очень дорого) и путевку в санаторий на Черном море. В этом же году мы переехали в Альметьевск. Я устроился работать учителем математики в ШРМ №3, где обучались заключенные (*прим. – школа рабочей молодежи*). Было не просто находить общий язык с таким контингентом, однако меня уважали.

В 1978 году я вышел на пенсию с трудовым стажем 45 лет.

Люди! Берегите мир, любите друг друга, жизнь коротка. Я прошел ад войны, это страшно. Мое поколение отвоевало вам свободу ценой своих жизней и тяжелым трудом. Так будьте же их достойны!

Через две войны

И. Сидоров

...В 5-м воздушном десантном полку прошел курс молодого бойца, принял присягу, сдал экзамены и получил звание стрелка. Начались занятия, приближенные к боевым. Нас, будущих бойцов, забрасывали в «тыл врага», имитируя военные действия. Возможно, это хорошо, что к началу войны за два года срочной службы я получил основательную подготовку.

Уже в 1936 году меня назначили помощником командира взвода 5-го десантного полка. На этой должности прослужил до февраля 1937-го. В декабре уволили в запас. Приступил к мирной жизни. Но ненадолго. В 1939-м призвали на финскую войну, где воевал с ноября 1939 по май 1940 года.

На Великую Отечественную призвали в 1942 году, направили в 367-й отдельный истребительный батальон, на должность командира отделения. Перебросили нас под Сталинград, где шли жестокие бои.

Тогда был один лозунг: «За Волгой для нас земли нет». Цеплялись за каждый выступ, за каждый дом. Уничтожали немцев как только могли.

Моему отделению была поставлена задача – уничтожить дот, который не давал нашей пехоте поднять головы. Половина отделения отвлекала пулемет на себя, а с другой половиной я проник в первую зону огня пулемета. Двоих послал на пулемет, а сам с остальными проник к двери. Бросил гранату в дверь, дверь приоткрылась, мои солдаты кинули туда еще пару гранат. Все затихло, путь пехоте был открыт, высоту взяли. За этот бой я был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. После освобождения Сталинграда – медалью «За оборо-

ну Сталинграда», присвоили звание «старший сержант».

В 1943 году полк перебросили в 60-ю дивизию на Орловско-Курскую дугу. Участвовал в освобождении Орла. Затем дивизию перевели на 2-й Белорусский фронт.

При освобождении города Жлобин я был ранен в бедро. Отправили в госпиталь в Кировскую область. После излечения попал в 32-е отдельное танковое училище, в котором с апреля 1944 по январь 1945 года прошел подготовку на управление легким танком. До августа 1945 года служил командиром отделения по ремонту танков.

Фронтная дружба на всю жизнь

К. Храмов

Храмов К.

Можно сказать, наша дружба началась еще в Прибалтике. Война подходила к концу. Ощущалось это не только на настроении бывалых солдат, почти четыре года несших на своих плечах невзгоды фронтной жизни, но и на настроении молодых, уже понюхавших порох настоящей войны. Все мечтали об одном – скорее бы закончилась это проклятая и ненавистная война.

7 января 1945 года, накануне штурма последнего опорного пункта немцев, возле крепости Мемель командир взвода, молодой лейтенант, привел вечером в нашу землянку новичка, назначив его вторым номером пулеметного расчета. Звали его Леонид Катаев, парень был моим ровесником и примерно одного же роста. У него были спокойные манеры, неторопливая речь, умное выразительное лицо с печальными глазами, что не могло не вызвать симпатию и в моей душе.

Новичок оказался уже бывалым солдатом. Когда Леонид расстегнул шинель, на гимнастерке блеснули сразу две медали «За отвагу» и «Партизану Отечественной войны».

С первых дней войны Леонид был разведчиком в партизанском отряде, которым командовал его отец. Мать и

две маленькие сестренки успели эвакуироваться далеко за фронт. В 1943-м отец погиб, а Леню призвали в армию. Связь с матерью была потеряна. Видимо, этими обстоятельствами и была вызвана печаль в его глазах.

8 января нам удалось штурмом овладеть городом и тем самым как бы поставить точку в освобождении Прибалтики. Впереди нас ожидали нелегкие бои в Восточной Пруссии. Она тоже ждала освобождения от немецко-фашистских захватчиков.

Положительное решение этого вопроса имело важное политическое и военное значение. Необходимо было именно здесь положить конец фашистскому режиму Германии. Пополнив солдатские ряды, поредевшие во время последнего штурма, и укрепившись военной техникой, мы направились в Восточную Пруссию к городу Тильзит (ныне Советск). Отсюда и начался наш поход на Кенигсберг.

Пруссия первоначально произвела более приятное впечатление по сравнению с Прибалтикой, с ее влажным и сырым климатом, ветрами и непрерывными дождями. Поражали взор красиво и ровно возделанные поля, ухоженные дороги, леса, луга, окруженные фруктовыми садами поместья с аккуратными домиками, покрытыми красной черепицей, и маленькие зеркальные озера. Но чувство восторга быстро сменилось на мрачные мысли о том, что же им, немцам, живущим в такой благодати, не хватает?! Чем вызвано желание захватить чужое, обрекая народ, и немецкий в том числе на страдания и лишения?..

Мы, молодежь, еще по учебнику истории Восточную Пруссию принимали как агрессора, несущего на славянские земли разорения, угрозу потери их самостоятельности. Так было еще со времен Александра Невского. Нередко на эту тему рассуждали и с Леонидом. Наши взгляды совпадали. И что интересно, события прошлого совпадали с сегодняшней явью. Мы стали участниками современных событий.

На пути к Кенигсбергу каждый дом, каждое строение представляли маленькую крепость, которую приходилось брать с боем. Опоясанный вокруг на протяжении десятков километров двухметровыми стенами, сложенными из природных камней, рвами, заполненными водой, каналами, разделяющими узкие улицы друг от друга разводными мостами, оставшимися от средневековья, – этот город еще раз подтверждал, что Пруссия всегда была готова к войне.

Два месяца подвергался Кенигсберг непрерывной бомбардировке. Подобного адского зрелища мы не могли себе представить даже в мыслях. Один из красивейших городов Европы лежал теперь в сплош-

ных руинах. Он представлял собой большой котел с бушующим пламенем огня. Черный дым, повисший над городом, не пропускал даже солнечных лучей.

Гарнизон крепости состоял из 130 тысяч отборных эсесовцев, поклявшихся Гитлеру стоять насмерть, и из 50 тысяч временно укрывшихся здесь мирных жителей. Советское командование распорядилось, чтобы последние имели возможность выйти из крепости и отправиться на территорию Германии.

Наша рота сопровождала колонну немцев, состоящую из стариков и детей. Мы им сочувствовали, но виновными в их участи себя не считали. Кто мог, делился с ними своими скудными продуктовыми запасами, кормили их и горячей пищей.

Наутро 5 апреля за два часа до рассвета начался штурм Кенигсберга уже по всей линии фронта. Несмотря на то, что планы командования держались в строгом секрете, мы свои задачи знали четко. Летчики, артиллеристы, танкисты, моряки свое дело уже сделали. Пехоте предстояло выполнить самую ответственную операцию по освобождению крепости от немецко-фашистских захватчиков.

Поеживаясь от утреннего холода, солдаты быстро ополоснули лицо такой же прохладной водой и побежали в походную кухню за кашей. Досыта наевшись, стали готовиться к бою. Надели теплые бушлаты, на голову – железные каски, а мешки наполнили боевыми гранатами и запасными дисками для автоматов.

Колонну солдат, отправившихся по направлению к крепостным стенам, возглавили политрук роты и парторг. Наконец, заняли исходную позицию. Всех нас, несомненно, настораживала и пугала неизвестность, которая ожидала за крепостной стеной. Мы плохо себе представляли тактику ведения уличной войны в условиях средневекового города, с его узкими улицами и толстостенными каменными домами, каким являлся Кенигсберг.

Начало светать. Моросил мелкий дождь. Стихли звуки первых отдельных выстрелов, установилась зловещая тишина. Сердце отчетливо выстукивало напряженный ритм, прислушиваясь и выжидая боевую команду.

И вот тишина взорвалась мощным многоголосым ревом: *«Ура-а-а! Вперед!»*

Молниеносно все пришло в движение. В сторону немцев стремительно полетели снаряды.

Вот передо мной проскочил солдат и стал взбираться на лестницу, чтобы перемахнуть на сторону противника. Вдруг резко схватился руками за грудь и упал замертво. Тут я увидел, как вскочил на ноги политрук и взмахом руки призывал нас двигаться вперед. Вслед за

ним также стремительно двинулись через пролом еще двое солдат. Но не успели они добежать до цели, как застрочил крупнокалиберный пулемет, и все, как подкошенные, рухнули наземь.

Здесь я увидел командира роты. Оценив серьезность ситуации, он предпринял срочные боевые действия. Схватив противотанковые гранаты, командир вместе с солдатами перебрался на сторону противника и пополз к доту, укрываясь от пулеметных очередей.

Спустя несколько минут, разорвавшиеся гранаты, брошенные солдатами в цель, заставили пулемет замолчать.

Оставшиеся в живых немцы побежали к другому укрытию. А мы по команде командира роты двинулись по направлению к пролому. Не успели проскочить его, как на наши головы сверху обрушился поток камней. Что произошло в этот момент, я, конечно, как и многие солдаты, не понял. Оказавшись под грудой камней, несколько часов я был без сознания. Это уже потом мы узнали от одного старого пленного немца, защищавшего крепость, как все это было. Оказывается, пролом был немцами заминирован. Решили, первый поток наступающих солдат пропустить внутрь крепости, а второй отсечь взрывом.

Но, как бы ни было велико коварство немцев, наша рота сделала все возможное, чтобы к вечеру форт полностью очистить от противника. В сознание я пришел уже в полевом госпитале. Весь был закован в гипс. Врачи сказали, что у меня трещина правого бедра, сломаны ребра и много различных ушибов, к счастью, не опасных для жизни. Уверенность, что я не останусь калекой, меня взбодрила и придала силы для скорейшего выздоровления и возвращения в строй.

Много солдат погибло в этом бою, много было потерь техники, но я радовался, что друг мой Леня остался жив.

18 апреля в день капитуляции Кенигсберга он пришел навестить меня в госпиталь и сообщил приятные новости. Леня неплохо владел немецким, и ему было поручено сопровождать одного старого немца, которому мы сохранили жизнь. Благодаря его помощи все оставшиеся в крепости немцы сдались в плен. Да и жизни многих наших солдат были спасены от гибели.

День Победы я встретил, к сожалению, на больничной койке. Хотя мне уже сняли гипс, двигался я еще неуверенно, осторожно. Но настроение было великолепным. Радостная весть придавала всем солдатам силы, а также надежду на скорое возвращение домой.

15 мая заглянул в госпиталь Леня, приехал проститься. На его груди блестел орден Славы 3-й степени, медаль «За взятие Кенигсберга». Я был рад за него. А самому захотелось быстрее вернуться в строй. Через полтора

месяца так и случилось. Служба в Прибалтике для меня продолжалась еще целых шесть лет.

В первых числах июля после госпиталя меня отправили в свою дивизию, которая располагалась в Риге. Мы снова оказались вместе с Леонидом. Обучались на шестимесячных курсах радистов. Затем отправились в Таллин для прохождения дальнейшей службы в одном из радиодивизионов Прибалтийского военного округа. Разместили нас на берегу моря, в одном из хуторов на окраине города. Хозяева хутора еще до нашего прихода эвакуировались в Швецию. Наша служба заключалась в дежурстве на пеленгаторной радиостанции. И несли мы ее исправно.

Нас было человек тридцать. Старый состав солдат демобилизовали. А среди новичков только мы с Леонидом были фронтовиками. Командир дивизиона майор Андрей Филиппенко к нам относился особенно душевно. А с Леонидом они были даже близкие друзья, возможно потому, что в их жизни было немало общего. Оба начали воевать с первых дней войны, оба чувствовали себя одиночками, только в конце войны Андрей Витальевич узнал о судьбе своих близких: жена и две дочери погибли при бомбежке. Очень любил командир наблюдать, как мы с Леонидом сражаемся в шахматы.

Однажды, в первых числах января 1946 года мы также сидели вечером с фронтовым другом за шахматной доской. Вдруг в проеме двери возникла огромная фигура нашего майора, только хотели встать, но Андрей Витальевич нас остановил, придерживая Леонида за плечи. «Срочно к старшине! – сказал он ему взволнованно. – Тебя там ждут...» В голове Леонида пронеслись разные мысли.

О счастливом миге долгожданной встречи с матерью и родными сестренками он даже не думал. И вот напряженную тишину нарушил голос самого близкого на земле Человека: «Сынок!» – вскрикнула мама, стараясь прижаться крепче к его груди, перед ней стоял не тот паренек, который уходил из дома на фронт. Это был возмужавший, крепко сложенный молодой солдат, уже понюхавший порох войны и повидавший людское горе.

Мать Леонида, Анастасия Аполлоновна, после окончания войны вернулась с детьми в родные края. Узнала о расстреле мужа и о том, что на месте родного дома осталось только пепелище. Но была надежда найти сына живым и невредимым.

Выяснив через военкомат, где служит Леонид, Анастасия Аполлоновна решила поехать к нему в Эстонию. Как она решилась на такое, не имея никаких средств? Трудно даже представить. Но пасовать перед трудностями, похоже, Анастасия Аполлоновна не при-

выкла. Будучи из сословия дворян, она в совершенстве владела французским. Вместе с мужем они в свое время служили в органах госбезопасности. За выполнение спецзадания за рубежом она уже тогда была награждена орденом и медалью «Почетный чекист». Образованность, сила воли, характер, умение расположить к себе людей, наконец, любовь к сыну помогли ей отправиться в дорогу.

В минуту долгожданной встречи мать и сестренки выглядели несколько удручающе. Исхудавшие и закутанные в разное тряпье, они были похожи на жалких нищенок. Девочки, немного напуганные незнакомой обстановкой, жались к матери. А Анастасия Аполлоновна держалась с большим достоинством, вызывая глубокое уважение.

Андрей Витальевич дал указание старшине не только подготовить комнату для близких Леонида, но и согреть для них воду, поставить на довольствие.

Вот так в нашу солдатскую жизнь на некоторое время вошла Анастасия Аполлоновна со своими детьми. Их присутствие невольно изменило наш распорядок дня, заставило весь состав дивизиона как-то стать более подтянутым.

У Леонида, в первые дни особенно, с лица не сходила сияющая улыбка. Оно и понятно!.. Наконец-то увидел своих близких. На душе стало легко и спокойно. Но ненадолго. Все прекрасно понимали, что вопрос о дальнейшей судьбе и местожительстве Анастасии Аполлоновны придется рано или поздно решать. Девочкам необходимо учиться.

Леонид предлагал вернуться во Владимирскую область. Я же чувствовал и понимал, видя их состояние, что возвращаться туда, где все напоминает о трагедии, не стоит. К лету 1946 года наш дивизион был переправлен в Ригу. А Леонида да и меня не покидала мысль об устройстве дальнейшего местожительства его матери.

Однажды ночью, перешептываясь с ним перед сном, я предложил переехать Анастасии Аполлоновне вместе с дочерьми ко мне на родину, в Татарию. Там был мой отчий дом, два брата, которые могли бы гостеприимно принять их у себя. Там бы решился вопрос и с работой, и с учебой девочек.

Позднее это предложение мы обсудили с майором и самой Анастасией Аполлоновной. Написали письмо моим братьям в Казань. После положительного ответа было принято окончательное решение. Волновались все, и я, как человек, принявший ответственность за судьбу троих людей, и Леонид, и его мама. Мы думали об одном: как там все сложится. И, конечно, верили и надеялись, что все будет хорошо.

Андрей Витальевич позаботился о провизии на дорогу и небольшой сумме денег, без которой первое время не обойтись. Потеряв свою семью, он заботился об Анастасии Аполлоновне, как о собственной матери. Чувствовалось, что это облегчало его одиночество.

Скоро из Казани в часть стали приходить письма. В них Анастасия Аполлоновна рассказывала о своем житье-бытье. Не сразу, но выхлопотали ей земельной участок для строительства дома в поселке Дружба. Мои братья и родственники помогли его построить.

К демобилизации у Леонида крыша над головой уже была. Сестренки Муза и Ада учились в школе. Да и сам Леня решил наверстать упущенное. Пока я служил, он уже закончил 8-й класс вечерней школы. 9-й заканчивали вместе. Вместе начинали трудиться на заводе. Вечерами учились в авиационном институте. После окончания дороги наши чуть разошлись. Леонид ушел трудиться в «Электрон». А я остался на КМЗ. Но в праздники всегда были вместе. Вскоре Леонид женился. Появились на свет сын и дочь. Изменилась судьба и у старшей сестры. Муза в 18 лет вышла замуж за белоруса и уехала в Минск.

Все удачно складывалась и у Анастасии Аполлоновны. Определился круг знакомых для общения. Частенько ей предлагали выступать в школах перед учениками. Ей эта общественная жизнь нравилась.

Но годы брали свое.

Как-то я стал замечать, что у Леонида появились проблемы со здоровьем, он стал жаловаться на сердце. Поначалу я этому особого значения не придавал. Думал, нет еще и пятидесяти, рано сдаваться. И не такое видали на фронте. Но сердечные приступы беспокоили друга все чаще. Врачи, осматривавшие его, ничего утешительного сказать не могли.

Грустно становилось на душе. Казалось бы, нам сейчас только жить да радоваться. Ан нет!..

Однажды, предчувствуя свою близкую кончину, Леонид подозвал меня и попросил, чтобы я не переставал заботиться о его матери. Это были наши прощальные минуты.

Тридцать один год длилась эта дружба. А память о друге и его матери жива и поныне. Я действительно заботился об Анастасии Аполлоновне до самой ее смерти. Похоронил ее рядом с сыном спустя пять лет. Ей было тогда восемьдесят. Могилы навещаю не только я, но и внук Игорь, дочери Муза и Ада, приезжающие изредка из далеких краев. Оба достойны того, чтобы их могилы всегда украшали, как и прежде, живые цветы. В знак верности и памяти.

Невыдуманная история

О. Шейнер

Шейнер
Олег Григорьевич

Отец и мать

Родился я на Дону, в городе Миллерово, в казарме 38-го Терского казачьего полка, в котором отец командовал службой связи. Народ в полку был боевой. Даже у моей матушки, кубанской казачки Марии Ивановны Лубенец, над койкой висел карабин, а я вместо кубиков играл обломком сабельной рукоятки и наганом – без барабана и курка.

ЗАГСа в Миллерове не было, поэтому командир выдал родителям бумагу: «15 марта 1926 года в полку родился мальчик, нареченный Олегом Шейнером». И подпись: «Командир полка Иванов». Мы с матерью считали эту справку настоящей. Но в 1942 году подошло время получать паспорт – справку метрикой не признали. Я прошел с ней по жизни до 1951 года, жалею, что выбросил потом. В дальнейшем чиновники выбились из сил делать запросы и дали мне новые метрику и паспорт.

О своем отце могу рассказывать много. Он участвовал в штурме Зимнего дворца, укрощал Кронштадский мятеж, брал Перекоп, был ранен и контужен, служил в Первой конной у Буденного, окончил школу имени С.С. Каменева. В 1930 году мы прибыли в Казань, отец стал начальником связи 1-й Казанской дивизии. Командиром ее был Чанышев. Все военные ездили верхом, мой батя тоже, потому что с машинами было негусто. По заданию командования отец на несколько лет исчезал из нашей жизни. Вернулся в 1936-м, был назначен начальником связи по городу Казани, затем руководил капитальным строительством на заводе имени Серго Орджоникидзе. Как кадровый военный участвовал в польской кампании, три месяца воевал с финнами, вернулся весь обмороженный, привез мне финку, которую шпана быстро отняла.

Лето мы проводили в лагерях за Кабаном. Матушка, еще в 1912 году оставшись без отца, была отдана в швейную мастерскую в Ростове. С 1933 года начала работать в единственном в Казани ателье высшего разряда, а я с этого времени начал учиться в школе.

Лето 1941 года

В семейном альбоме сохранился снимок от 10 июня 1941 года – отец, тогда майор по званию, с однополчанами. Их батальон специального назначения входил в состав 21-й армии. Я приехал 12 июня на станцию Инза, под Ульяновском, где батальон стоял в летнем лагере. Шла загрузка двух эшелонов. Отец сказал: «Вечером, сынок, поедешь обратно домой. У нас начинаются маневры». Я сразу догадался обо всем. Какие же могут быть маневры весной, перед посевной? Но приказ есть приказ.

Отец подарил мне кожаную планшетку, новую портупею (живы до сих пор!). Вечером я уехал в Казань. После этого ни мама, ни я отца уже не видели. Успела прийти телеграмма от 12 августа 1941 года: «Идем в бой».

Рано утром 22 июня я поехал в лес за грибами в Дербышки. Возвращаюсь – на улице народ толпится. Война. Идет запись добровольцев в армию. Надеюсь, что война на несколько месяцев. Все еще жили примерами Халкин-Гола, Хасана, были уверены, что расколошматим немца в два счета. А понадобилось четыре года.

Маму отправили на один месяц на рытье окопов, а пробыла она там фактически четыре месяца. Я жил один, изредка присматривала за мной родная сестра матери тетя Варя. Я в то время мог сам готовить еду. Учился, правда, плохо. Бывший сослуживец отца Имангулов устроил меня в мастерскую КХТИ учеником токаря. День в школе, вечером – на работу в мастерскую. Но пришла разнарядка на ФЗО 16-го завода. Там нас три раза в день кормили, обучали, потом я попал в 35-й инструментальный цех, в сложнорежущую группу. Мне сразу стали доверять, так как я до этого токарил.

От дома с улицы Кирова на работу приходилось ходить пешком, сесть в трамвай было сложно. Столбы электрических опор стояли между трамвайными путями. Мы висели гроздьями на подножках. Просунешь руку в оконную раму, зацепишься и висишь всю дорогу. Если голову высунешь, забудешься – запросто можно стукнуться головой об столб. Вот поэтому вся наша группа, человек восемнадцать, ходила на завод пешком.

По Волге на бывшем «Гаврииле»

На 16-ом заводе я проработал с 1942 по весну 1943 года. В проходной вывесили объявления: у кого есть семь

классов образования, могут перейти в техникум.

С детства я мечтал о флоте, прочел много книг о морских путешествиях и мореплавателях, о парусниках. И вот появилась надежда попасть после речного техникума служить на флоте. Или, в крайнем случае, в конной армии, коль уж родился в кавалерийском полку.

Одним словом, я рискнул и сразу попал на практику на колесный пароход «25 лет ВКП(б)», бывший «Гавриил». Ходили по маршруту Пермь – Астрахань, перевозили боеприпасы, пассажиров, почту, поэтому часто причаливали к берегу. Капитан – старик, команда – пожилые женщины. Всего один молодой матрос, которого в любой момент могли забрать в армию, и лоцман. На верхней палубе четыре пулемета, расчеты их – девчонки. Пароход замаскирован ветками, сверху и не разберешь, что это. Из Астрахани пароход шел груженный солью и вяленой рыбой.

В Саратове сутки стояли на размагничивании, еще через километров пятьдесят останавливались, чтобы перед нами успели протралить фарватер, немцы ночью кидали мины. По всей Волге в пределах видимости стояли вышки, на них дежурные засекали, где падали в воду бомбы, затем моряки подрывали их.

У меня до сих пор сохранилась почетная грамота от капитана за хорошую работу на пароходе. По натуре своей я работающий, не уваливал ни от погрузочно-разгрузочных, ни от каких других дел. В рубке рулевым стоял по четыре часа и больше.

В первом походе в Сталинград я убедился, что весь наш речной флот действительно остался здесь. На подходе к городу мы лавировали, вырли между затонувшими корпусами. Все русло, как кладбище судов, было усеяно затонувшими рубками, корабельными носами, кормами. Приходилось причаливать без пристаней непосредственно к берегу. Колеса поднимали со дна муть, песок, порой всплывали такие трупы – уже не разобрать, наши или немецкие. Какими нечеловеческими силами держалась там наша армия: под берегом, чуть ли не в норах, а немцы – на высоте! Там я своими глазами видел знаменитый дом Павлова. Натаскал на пароход кучи сломанного оружия. Капитан почуял неладное и заокал:

– Че-то ты, Олег, бегаешь туда-сюда? Дай-ка посмотрю, че ты натаскал... О, дружок, так не пойдет...

И выкинул весь мой «арсенал» в воду.

Осенью, в конце ноября, пришел домой. Жили мы с матушкой тогда напротив Колхозного рынка. Привез рыбы, соли. Вскоре в дверь постучали: откройте, милиция! Оказывается, завершилось действие постановления о возможности перехода с завода в речной техникум.

Пошел в военкомат и написал заявление, что добровольно хочу пойти в армию. Пошел пешком до Чистополя.

Я хотел во флот, а военный комиссар направил в авиацию. В Чистополе базировался учебно-тренировочный авиаполк. Мой спутник когда-то проехал с отцом на лошади из Чистополя в Казань. Запомнил этот путь. Мы вышли из военкомата в пять утра. Я даже с матерью не успел попрощаться. Декабрь, снега выше колен, дорога угадывалась только по столбам. В первый день осилили около 30 км, во второй – уже больше. Ночевать нас пускали в дома без долгих разговоров, кормили тем, что было на столе, а мы хозяев угощали хлебом. На четвертый день к вечеру дошли до Чистополя. Это 140 км.

Учебно-тренировочный полк

В школе младших авиационных специалистов собралось сто призывников – будущих мотористов и оружейников. После трехмесячного обучения их и летчиков в железнодорожных составах отправляли в Кировоград. А двухмоторные бомбардировщики казанского производства для них улетали с завода туда же своим ходом. Пе-2 на фронте стал массовой машиной. Позже появился более совершенный, лучший в мире фронтовой бомбардировщик Ту-2.

Задачей нашего полка было обучить летчиков воевать. Я был оружейником. Отвечал за то, чтобы оружие работало безотказно, чтобы все бомбы были сброшены.

В 1945 году отпраздновали Победу. На 9 мая дали нам по сто грамм...

После Победы полк почти в том же составе, с теми же функциями перебазировался в город Энгельс, к авиационному училищу летчиков имени майора Марины Расковой. Там мы по-прежнему обучали летчиков стрельбе по конусам, хождению самолетов строями, выходу на цель, бомбометанию и др. В 1951 году я демобилизовался.

Возвращение к мирной жизни

Райком комсомола направил меня в ДОСААФ, но через два года я ушел на Казанский вертолетный завод. Работал в цехе сборки, четыре с половиной года возглавлял бригаду, работающую по единому наряду. В качестве сотрудника цеха №32 я побывал в спецкомандировках. Двенадцать лет – с 1982 по 1994 годы – отработал в правительственном авиационном отряде. Отвечал за безопасность полетов. Благодаря такому месту работы мне посчастливилось встретиться с авиаконструктором Антоновым, здороваться за руку с руководителем Югославии Броз Тито.

Роза

Мы с женой одногодки. С лета 1941 года ее судьба, как и моя, и большинства советских людей, определялась событиями войны.

До наступления глубокой осени основные предприятия родного ее города Торжка были эвакуированы вместе с работниками и членами их семей. Мама Розы работала вышивальщицей в артели, поэтому семья осталась в городе. У каждого в их семье был припасен узелок. На случай бомбежки знали, где в доме бомбоубежище. И все-таки, когда это случилось впервые, было очень страшно. Авиационный налет продолжался всю ночь, казалось, этому не будет конца. Когда же все стихло, на улицу страшно было выйти: трупы людей, лошадей, воронки, разбомбленные дома...

С наступлением холодов мать решила вести семью до Горького пешком, не на чем было ехать. Где бы ни просились на ночлег, люди ей, беженке с детьми, не отказывали. Накормят, спать уложат, утром с собой дадут что-нибудь в дорогу. От Горького до Казани добирались по Волге.

В Адмиралтейской слободе, в Журавлевских казармах со своим мужем-военным жила родственница. Пожили у нее несколько дней, затем сняли комнату в насыпном домике в Игумново. Мать сразу пошла работать на завод №387. Роза устроилась туда же в апреле 1942 года, когда ей исполнилось полных шестнадцать. Начала с ученика столяра-сборщика, потом пошла учиться без отрыва от производства.

Пришла в вечернюю школу, в классе только одно свободное место, рядом с молодым человеком. Так началось наше знакомство, которое перешло в супружество, длящееся почти шесть десятков лет.

После окончания финансово-экономического института Роза Александровна работала бухгалтером, экономистом – и все время в цехе окончательной сборки.

Наш сын и его жена – химики по образованию. Так получилось, что Клим перешел работать в милицию, дослужился до подполковника, сейчас на пенсии. Остальная часть семьи связана с заводом. Дочка Наталья работала на жгутовом участке цеха №10. Внучка Юлия Гостева работает мастером в цехе №42. Хочу привести на завод и правнучку Дашу, но пока девочка учится в пятом классе².

2. Написано в 2015 году.

Опередили американцев

И. Халаманов

Мне было шесть лет, когда во время аварии погиб мой отец. Мы жили на Украине. Шел 1932 год, люди тысячами умирали от голода. У матери не хватило сил все это пережить, и мы с братом остались круглыми сиротами. Мы не выжили бы, если бы нас не приютил дядя, брат отца. Мой старший брат поступил в военное училище, там его застала война. Училище эвакуировали в Подмоскowie. Получив в училище офицерское звание, брат оказался на фронте, защищал Москву, был тяжело ранен. Отправили его в госпиталь города Казани, здесь вылечили, но здоровье полностью восстановить не удалось, комиссовали. Остался жить в Татарии.

А у меня судьба сложилась иначе. В 1941 году окончил 7 классов, готовился поступать в техникум. Но пришлось бежать от немцев с семьей своей классной руководительницы, оказались в Луганской области, однако, от немецкой оккупации так и не спаслись. Вернулись на родину в Винницкую область, село Колебань, когда немцев прогнали. В 1944 году, в возрасте восемнадцати лет был призван в ряды Красной Армии. Прошел первоначальную подготовку и сразу угодил на передовую. Участвовал в первых боях под Киевом, освобождал города Фастов, Житомир. Попал в знаменитую 3-ю гвардейскую танковую армию, которой командовал генерал Рыбалко. Талантливый военачальник, но очень жесткий. Помню, на Львовщине понесли мы очень большие потери. Освобождение главного города Западной Украины досталось нам непросто. В бригаде осталось 10-15 танков. Нас вывели на формирование, прислали пополнение. Когда мы собрались с силами и уже готовились к прорыву на Сандомирском направлении, приехал Рыбалко, произнес перед нами речь, сказал так: «Пусть там, где пройдет 3-я гвардейская танковая армия, одна только черная земля останется!».

В Польше мы старались не следовать грозному приказу командующего. По мере возможности берегли города и села. Но когда перешли германскую границу, после нас и вправду оставалась черная земля. Что было, то было. Правда, примерно до Нейса в немецких городах мы не встречали ни одной живой души: все население, уstraшенное пропагандой Геббельса, убежало вглубь страны.

Мы пришли в Германию, чтобы уничтожить фашизм, воевали с теми, кто его защищал. Бои были очень упорные. Несмотря на близость краха гитлеровской Германии, ее командование хорошо организовало оборону. Каждый дом приходилось вырывать с кровью, нашей и

противника. Наступил момент, когда бежать стало некуда, железные дороги были перегружены, а кое-где парализованы. Немцы оставались в своих домах, прятались, кто где мог. Когда заканчивалась стрельба, они выходили. Нас стали меньше бояться. Нередко мы делились с ними продовольствием.

Самые тяжелые и жестокие бои были под Берлином и особенно в городе. Он огромный, и чуть ли не каждый дом был превращен в крепость. Сколько людей полегло с обеих сторон?! Пальба стояла оглушительная, трещали и рушились стены домов и крыши. Танки рвались к центру города, за ними короткими перебежками – солдаты. Улицы заполнились клубами дыма, в дыму, случалось, своих не узнавали.

2 мая Берлин пал. Мы-то думали, что все, отвоевались, но нет, перебросили нас южнее, к Дрездену. Взять Дрезден, не пустить туда американцев – этим было озабочено наше руководство. Американцы поняли, что не успевают, напустили на город (а там шедевры архитектуры, университет, всемирно известная картинная галерея) свои летающие крепости – гигантские бомбардировщики. Они шли на город волна за волной, все внизу уничтожая. Сколько было ненужных жертв?!

После взятия Дрездена наша танковая армия устремилась на Прагу. В столице Чехословакии восстание, нужно помочь. Чехи вышли к нам как друзья, благодарили за помощь. Наши танки украшали гирляндами цветов. Ночью в Чехословакии и узнали о Победе.

Никто не спал, все ждали этого известия, и оно, наконец, пришло. Радовались, что остались живые, стреляли в воздух.

Некоторое время мы стояли в Австрии, около Кремса. Хотели нас поселить в бараках концлагеря для военнопленных. Прежде чем поселить, там все вымыли, тем не менее, никто из наших солдат и офицеров в лагерных бараках жить не захотел. Спали в машинах и под открытым небом. Перевели в небольшой городок Корнейбург близ Вены. А потом вернулись в Германию, город Виттенберг на Эльбе.

В 1950 году демобилизовался, вернулся в Казань, здесь лежал в госпитале мой брат.

Награжден медалями: «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «Победа над Германией», юбилейными медалями Советского Союза.

Записки парторга роты

К. Ераполов

Ераполов
Константин
Федорович

*По подвигам сверя совесть
Свою, товарищей, друзей,
Я перелистываю повесть
Военных лет, ночей и дней.
Идет, идет моя пехота
За шагом шаг, все тяжелей.
Идут, идут за ротой рота
– Солдаты совести моей.
И я шагаю вместе с ними...*

Вл. Фирсов

К. Ераполов с супругой. 1945 год.

О некоторых трудных преградах на пути к победе

Перебирая старые бумаги в личном архиве, я обнаружил вырезку из центральной газеты с воспоминанием о войне одного сержанта – артиллерийского разведчика: «... Атаку на село Раковка я запомнил на всю жизнь еще и потому, что впервые, а по счастью, единственный раз, на войне довелось быть пехотинцем. Вряд ли что есть опаснее и страшнее, чем идти в атаку в пехотной цепи. Только случай может спасти тебя от гибели. Самое удачное – отделаться ранением. И так каждый день, а то и по несколько раз в день...»

И думалось мне тогда, какое счастье тебе привалило, сержант, что ты понюхал дух атаки на той большой войне только один раз и тот оставил память на всю жизнь. Завидую тебе и многим-многим другим, кто сумел избежать свирепого взгляда немецкого солдата в минуту схватки. Ведь многие живущие среди нас фронтовики остались за порогами рукопашных сражений так и не увидя, как стреляют немецкие автоматчики, как бросают в тебя ручные гранаты, нацеливают фаустпатрон. И невольно рождается чувство зависти к тем, кто малой кровью или вообще бескровно прошел или проездил всю войну, возвратясь домой с увешенными на груди орденами.

И чем же я провинился перед судьбой, что она бросила меня в адское пекло войны?

Перед отправкой на фронт у меня тоже была сравнительно неплохая перспектива. Но военная судьба повернулась ко мне спиной, и попал я в ту самую пехоту, о которой упомянул в своих воспоминаниях сержант. И попал не один раз, не на один день, а на все время до окончательной победы. А как выжил – может знать только всезнающий всевышний.

Пехотинцы не любят вспоминать о войне. Пехота – это самое последнее звено в войсках. На встречах в школе, училищах, техникумах учащиеся не интересуются пехотой – им подавай летчиков, танкистов, ракетчиков, артиллеристов, кавалеристов. А между тем, без пехоты войны не бывает ни в старые времена, ни сегодня. Не всегда и не каждый живущий на земле представляет, что на пехоту направлен весь арсенал войны: винтовки, автоматы, пулеметы, пистолеты, противопехотные и минометные мины, орудия, танки, самолеты. Все пули, осколки от мин, снарядов и бомб предназначены в первую очередь пехоте.

Спасение от них одно – траншея, окоп или щель в земле и то, только тогда, когда пехота стоит в обороне. А в наступлении? Боец открыт со всех сторон – он идет, бежит, ползет навстречу автоматным и пулеметным очередям порой по заминированному полю. Но это не все. Почему-

то не пишут, что наш боец чувствует себя и в окопе весьма неуютно. Вдумайтесь – это на протяжении всей войны: у немцев – короткий автомат, у нас – длинная винтовка, да еще со штыком. Пока развернешься в узкой траншее, пока прицелишься, враг успеет очередями трижды перерезать бойца пополам. Потому и жертвы большие при каждой атаке. «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне», – писала фронтовая санитарка Юлия Друнина.

Я начал учиться быть бойцом Красной Армии в апреле 1942 года в Серпуховских военных лагерях, где формировалась 64-я стрелковая дивизия. Здесь я стал топографом в 1-м дивизионе 1029-го артиллерийского полка. В августе дивизия прибыла на Сталинградский фронт и не выходила из боев до ликвидации окруженной группировки. Затем беспрестанные бои на Западном фронте зимой и летом 1943 года, включая Курскую дугу и освобождение Смоленской области.

Немалый путь как по времени, так и по расстоянию, да еще в самых горячих точках советско-германского фронта.

А я рядовой, ниже которого разве что солдат штрафного батальона. А рядового можно посылать куда угодно и когда угодно, хоть на целый день, и не куда-нибудь, а где в данный момент всего нужнее да поближе к передовой. А по ночам непременно на посту часовым стоять. На усталость не жаловаться, на мороз не сваливать, на тяжелую ношу не роптать. Хватанул солдатскую жизнь под самую завязку, два лета и зиму перенес, два раза контузию получил и лежал по неделе под присмотром дивизионного санитаря.

На реке Проня близ города Чаусы встали на оборону. Здесь я вступил в партию, а летом 1944 года при общем наступлении мы форсировали Днепр, освободили Могилев, а вскоре меня вызвали в политотдел, присвоили звание сержанта и назначили парторгом 1-й роты 1-го батальона 451-го стрелкового полка той же 64-й дивизии. Так я из артиллериста превратился в пехотинца.

Командир роты встретил меня доброжелательно, тем более что я оказался в роте единственным, кто был на Сталинградском фронте. Прежде всего ротный старшина заменил мне обмотки с ботинками на кирзовые сапоги, а вместо карабина выдал рожковый автомат. Ротный с гордостью представлял меня командирам взводов, а те в свою очередь своему составу. На меня смотрели как на опытного труженика войны, побывавшего в великом сражении на Волге. А это вынуждало меня быть примером на отдыхе и в бою. Здесь уже показывать трусость и страх, кланяться каждому выстрелу я не мог. Обстоятельства принуждали меня держаться выше человеческой боязни на войне.

Соприкосновение с противником не заставило долго ждать. Это был период, когда советские войска с трех сторон – с востока, севера и юга – начали окружать группу армий «Центр» восточнее Минска.

Наша дивизия шла по южному фасу, и немцы, понимая, что им грозит второй Сталинград, большими и малыми группами старались вырваться из мешка, шли на пролом. Здесь не нужно было водить бойцов в атаку, а нужно удерживать свои позиции, не давая немцам вырваться и уметь брать в плен. Окапываться было некогда, все время в движении.

А стычки, порой жестокие, происходили и на левом, и на правом фланге роты, и в центре ее. И среди 57 600 военнопленных из Минского «котла», которые 17 апреля прошагали по Москве, была частичка и плененных нашей 1-й ротой.

В этих повседневных стычках даже по ночам укреплялся боевой дух парторга. Он привыкал быть рядом с врагом, учился принимать мгновенные решения. Для него это были азы пехотных действий в различных ситуациях. Пока он был как бы в тени, не проявлял себя. Ротный не посылал его на рожон, пока обходились без призывов парторга... Эти первые уроки очень помогли ему в дальнейших боевых действиях.

После ликвидации Минского «котла» роту повернули на запад и долгое время она шла как бы по нейтральной полосе – ни своих, ни чужих войск не встречала. И, кажется, только Неман остановил беспрепятственный путь. На другом берегу окопались немцы.

До сих пор форсировать реку, в смысле переплыть, мне не приходилось. Все реки я переходил или переезжал по наведенным саперами мостам. Теперь я понял, что отошла коту масленица, саперов впереди роты нет, никто тебе строить мост не будет, придется пересекать реку на чем попало или вплавь.

Я умел плавать, по плаванью сдавал нормы на значок ГТО. А солдаты? Держаться на воде – это мало, тут надо плыть, да с военной амуницией на горбу. Реку преодолеть – это тебе не окоп перемахнуть. Вон она какая, с километр, если не больше. В реке – не в поле, где раненого можно перевязать, оттащить в укромное место и спасти.

Для парторга река стала первой тяжелой преградой на пути. Опыт форсирования у командиров роты был, и мне оставалось только перенимать этот опыт.

В тот раз форсировали Неман ночью, а вечером долго молотила тот берег наша артиллерия. Я переплывал вместе с ротным и его ординарцем на маленьком плотике из нескольких связанных бревен. А гребли саперными лопатками.

При высадке в ночное время трудно было что-либо видеть, люди стреляли, кричали и особого сопротивления враг не оказал. Очень легко отделались, говорили после командиры.

Память оставила смутный след о первых позиционных стычках с врагом. Они, эти стычки, почти не отличались по своему накалу. И только по особенностям местности можно кое-что вспомнить и о боях. Так что, где была моя первая атака после Минского «котла», припомнить не могу.

После Немана память начинает стабилизироваться, я вошел в привычную колею, и уже в битве за город Новогрудок я владел собой в полной мере.

Помнится, враг окопался на возвышенности за вязким болотом. Перед наступлением наша авиация долго долбила передний край, а при артподготовке рота сумела преодолеть вязкую низину и подойти к рубежу атаки. И пока немцы не очнулись от артогня, по сигналу ракеты рота рванулась вперед и ворвалась во вражескую траншею. Немцы даже трупы от бомбежки и артогня не успели убрать, сопротивлялись немногие и стали сдаваться.

Сыграл ли я ведущую роль в этой атаке – не припомню, но знаю, что в подобных случаях бойцы ходили цепью наравне с командирами отделений, помкомвзводами и командирами взводов. Парторг, конечно же, бежал рядом с ними обычно в центре наступления.

Более яркий след в памяти оставил город Новогрудок, который немцы, к нашему удивлению, почти не тронули. Рота за дозорными прошла его насквозь по одной улице. Город на равнине, застроен одно- и двухэтажными кирпичными, окрашенными в белый цвет домами. Кое-где только разрушено.

Это был, пожалуй, первый крупный не сожжен-

ный населенный пункт на нашем пути. Ни до, ни после такого больше не встречалось, потому, видно, и запомнилось.

На всем пути по Белоруссии от самого Днепра отдыхать нам не давали. Дивизия шла в авангарде 49-й армии по отведенному ей сектору фронта. Смены не было, пополнение вливалось в ходе наступления.

Вот и сейчас после Новогрудка немцы стали чаще, как мне кажется сейчас, останавливаться на рубежах обороны с окопами и огневыми точками, даже иногда с вкопанными по башню танками. Отдыхать после перехода почти не приходилось. Тогда как немцы, пока держат оборону, загодя успевали новый рубеж подготовить – и траншею вырыть, и пулеметы с минометами установить. Так что непрерывно гнать немцев не удавалось.

В Белоруссии много лесов, много рек и болот, а стало быть, много железнодорожных и шоссейных насыпей. Все это затрудняло вводить в бой танки. Поэтому рота почти всегда ходила в бой без танкового сопровождения.

Но попадались на пути сухие и просторные участки, и тогда роте придавалось несколько танков.

Конечно, танки придавали силу, уверенность и большую безопасность бойцам, подавляли страх перед вступлением в бой, загоразивали их от пуль. Но, откровенно скажу, они нас ни разу до окопов не доводили. Это в кино показывают, как наши танки утюжат окопы противника. На самом деле танкисты боялись окопов, потому что немцы стали применять в Белоруссии фаустпатроны. Танки останавливались метров за сто до окопов. Видимо, они уже знали, не могли не знать, как сразу за Днепром у городка Речица, лавина наших танков попала под обстрел только что принятых на вооружение противо-

Встреча ветеранов. 2014 год.

танковых ручных фаустпатронов и вся колонна погибла.

Прицельная дальность фаустпатронов всего 25 метров, но болванка от него может поразить танк и на 50 метров. Поэтому танкисты не хотели умирать и до окопов не доезжали на моих глазах ни разу.

Что касается немецких танков, то по тем же причинам они на нашем пути встречались редко, в основном у границы с Польшей. Однако встреча с ними наводила на бойцов неопиcуемый страх. Тем более, что не всегда оказывались под рукой противотанковые средства кроме ружей. Спасало то, что танки не ходили в атаку на нашем участке, а сдерживали наше наступление, создавая своим тылам организованный отход.

Забегая вперед, отмечу, что в Польше и Германии за Одером танки перед ротой были всегда. Там низких и вязких мест почти не встречалось. Пехота не успевала бежать за своими танками и останавливалась только на заранее подготовленных немецких рубежах. В Берлине же, наоборот, рота не видела ни одного своего танка, кроме подбитых, пробиваясь вперед сквозь стены зданий с помощью все тех же фаустпатронов.

Рота умела владеть этим страшным противотанковым оружием. Еще на территории Польши в роту привели пленного инструктора и заставили его обучать стрельбе из этой легкой трубки каждого командира и бойца вплоть до повара. Мне нравился этот патрон – легкий, удобный и очень простой в обращении.

...Встречаясь с учениками школ, мне ни разу не задавали вопрос, а страшно ли на войне? Видно хорошо понимали, что на войне без страха не бывает. Но я задумался, что я могу ответить, если такой вопрос вдруг зададут? Ведь встречи мои со школьниками продолжаются.

На одной из таких встреч в гимназии №5 один парнишка с учительницей попросили меня рассказать об участии на Сталинградском фронте. Они намеревались написать реферат и отправить его в Москву на конкурс. Через полгода мне сообщили, что парнишка получил хорошую оценку и приз на том конкурсе. Завидно стало его одноклассникам, и вот недавно стучат в дверь две девочки и говорят, что одна из них захотела написать на конкурс реферат о войне...

Жизнь ветерана продолжается.

Но вернемся к теме о страхе на войне. Тут двумя-тремя словами не отделаться. Да и поймут ли мой рассказ о страхе, если сами слушатели не испытали его на себе. Ведь страх – понятие абстрактное, его не пощупаешь руками, не понюхаешь, не увидишь глазами как картинку на стене. Его надо прочувствовать самому всем своим нутром.

На войне страх у пехотинца постоянный. В любую минуту может прилететь мина или снаряд и разорваться рядом. Страх не покидает солдата ни днем, ни ночью. Даже ложится спать под страхом, думая, что утром может не проснуться.

Я не берусь раскрывать природу страха вообще, сегодня попробую на своем опыте рассказать о страхе при атаке.

Прежде всего надо понять, что истоки страха у командира и бойца разные. У командира боязнь и тревога за солдат, у парторга – за успехи в атаке, у бойца – за свою жизнь. Тревожное состояние каждого из них начинается с информации о дате и времени наступления.

У командира приказ, он готовит всю материальную часть бойцов, чтоб они были сыты, одеты, обуты и в полном боевом снаряжении. Парторг приказать не может, он ходит по взводам своей роты и вникает в душу бойцов, убеждает их не бояться смерти, избегать ее, дружно врываясь в траншею, орать, не жалея глотку, пугать фашистов не только штыком, но и голосом. Немцы страшно боятся дружного русского «Ура!», нервы их не выдерживают и они или убегают, или сдаются. Не отставать, выручать соседа, не думать о смерти, а думать о победе своего взвода. Вы видите, что немцы оставляют после себя, видите, как ходим по пеплу сожженных деревень, кто отомстит им за все это? Бодрее дух и вперед, смерть боится смелых. Запомните это и думайте только о том, как поскорее вышибить врага из траншеи.

Я не помню сейчас, какими еще словами убеждал бойцов не думать о смерти, а смело идти на врага. Каждый раз приходилось искать новые слова, использовать газетную информацию о победах на других участках фронта, о подвигах и героях войны.

Солдаты слушали, но в душу им не влезешь. А представляя себя на их месте, я бы думал о своем сокровенном – как остаться живым, а не о том, в чем так усердно убеждает парторг. Возможно, я ошибаюсь.

Не могу давать оценку, как у меня получалось, насколько убедительно я говорил, и как мой разговор доходил до сознания солдат. Но командирам нравилось, может быть, и потому, что до моего прихода в роту никто с солдатами по душам не говорил. Есть приказ – и вперед.

Не думаю также, что говорил впустую, хоть и на такую весьма деликатную тему, как не бояться смерти, игнорировать автоматную и пулеметную трескотню. Возможно, не хватало убедительности словом, зато искренне старался подтверждать свои слова делом, не искал места на задворках, а во всех атаках был рядом с бойцами и, как правило, вырывался вперед.

Да и я не свалился с небес, а был в какой-то мере подготовлен к работе с людьми. Еще в школе ФЗУ (*прим. – фабрично-заводского ученичества*) я на год избирался комсоргом, а в дивизионе меня назначили группкомсоргом взвода управления, куда входили разведчики, связисты и топографы. Комсорг дивизиона и комиссар требовали, и мне приходилось собирать газетную информацию и передавать новости с фронтов и тыла на комсомольских собраниях. Не часто такое случалось, но я ломал язык и мне хотелось выглядеть более знающим, чем мои двенадцать комсомольцев.

Здесь же в роте я чувствовал себя более уверенно и не трусил ходить по взводам, тем более что принимали меня там весьма благожелательно. Я не рисовался, не ставил себя выше других, не прятался в кусты, старался быть равным со всеми бойцами. Они видели во мне не командира с грубым окриком и строгим взглядом, а своего парня, и шли в бой наравне со мной, не отставая.

Разговорами с бойцами и подготовкой их к бою прелюдия страха (боязнь, тревога) не заканчивается, а в полной мере возникает перед броском из своей траншеи. Вот тут пик страха – момент броска из траншеи на бруствер и два-три быстрых шага вперед. Тут сердце готово разорваться, дыхательные пути сжимаются, нервы натянуты струной. И все!!! Зона высшего напряжения через доли секунды ослабевает и остается позади. Сразу же невольно раскрывается рот и во всю глотку начинаешь орать: «За мной, ребята! Вперееед!» Тут мысли полностью переключаются на бег, страх как бы отодвигается в сторону, хоть и держит бойца в глубоком напряжении. Подтвердить это может любой пехотный командир, включая ротного.

Во весь рост с автоматом в руке я бегу и зыркаю глазами по сторонам: а вся ли рота или взвод покинули траншею? Все внимание, все мысли направлены сюда: одновременно бежать и кричать, отпугивать страх от себя. И вот уже страха нет и в помине, он погас при переключении на энергичные физические действия.

Всегда ли слаженно получалось? Нет. Кто-то из новичков или малообстрелянных то остановится и начнет обмотку перематывать, то вдруг споткнется и упадет, то пилотку у него ветром сдует. Но все эти уловки парторг не замечает, он назад не оглядывается, а устремлен вперед. На таких направлен взгляд и голос взводного или командира роты, который тоже бежит, но как бы замыкающим двигающейся цепи.

А бегущий парторг смотрит вперед, перекидывает взгляд с одного участка немецкой обороны на другой, одновременно выискивая место на пути, где можно укрыться в случае обстрела. Ему может и страшно, но

думать о себе некогда. Ведь главная цель – приблизиться к укреплению противника, закидать его ручными гранатами вплоть до прыжка в траншею, а там уж по-суворовски: пуля – дура, штык – молодец!

При подходе к цели осознанный страх самовольно переходит в другое состояние – в бесстрашие, что равносильно страху неосознанному, пик которого наступает при броске в траншею.

Многие участники войны в своих воспоминаниях пишут и рассказывают, как ходили в бой с возгласами «За Родину!», «За Сталина!». Может, где-то такое и было, но я водил роту в бой с другими, более близкими солдату призывами, и не помню, чтобы из уст моих вырывался такой высокопарный клич. Я и тогда, и сейчас питаю глубокое уважение к Верховному Главнокомандующему, а не звал бойцов вперед именем вождя потому, что считал тогда такие призывы слишком высокопарными. Очень уж мизерной была ротная полоса огромного советско-германского фронта. Не сочетались малюсенькие ротные рубежи с высокими призывными словами.

Да и бойцы вряд ли бы поняли меня, думая только о том, как бы выжить в этом бою, куда спрятать голову, если вдруг начнет строчить вражеский пулемет и станут рваться мины. Тогда я знал и чувствовал, что бойцам нужен не высокий глас всесоюзного масштаба, а близкое душевное убедительное слово – возбудить бодрость и не отставать от других.

Возможно, я ошибаюсь, но что было, то было. Потому и слышался постоянно голос взводного: такой-то, подтянись, такой-то, не отставай. А перед броском в траншею с раскатистым криком «Ура!» все кидают ручные гранаты перед собой в укрытие врага и рвутся во всю прыть в окопы. Тут уж все знают, что наша возьмет и немцы не выдержат – или убегут, или побросают автоматы и сдадутся.

Не забуду случай в одной из таких атак.

Как обычно на бегу, приблизившись к окопам, бросаем перед собой каждый ручные гранаты и с криком «Ура!» врываемся в траншею. Этот массовый дружный рев шокирует врага, даже свой страх на время гаснет. Вот почему наши далекие предки придумали и передали по наследству такое действенное средство на войне.

В тот раз я спрыгнул в траншею и побежал по ней вправо. Сразу же на моем пути наш молодой боец на моих глазах вонзил штык в грудь прижавшемуся к стенке окопа с поднятыми руками немцу. Его автомат лежал под ногами. Я перепрыгнул через автомат, пролез за спиной нашего бойца и побежал дальше.

После боя я рассказал командиру роты об увиденном и выразил желание провести с бойцами беседу о том, в

каких случаях надо убивать, а в каких – брать врага в плен. Мы, говорил я, не имеем права по международной конвенции убивать пленных. А в данном случае немец прекратил борьбу, бросил оружие и сдался.

Командир роты бросил на меня зверский взгляд да как рявкнет:

– А ты как думал!!! Мы на войне, и нас сюда прислали, чтобы убивать!

Я осмелился и попытался возразить, напомнив известное и ходкое тогда изречение, что если враг не сдается – его уничтожают. А тут враг сдался.

Обругал меня ротный, и я больше об этом не заикался. А вскоре, когда выдался случай, я спросил того бойца, как он мог убить безоружного с поднятыми руками немца: «Ты что, не знаешь, что в таких случаях в плен берут, а не убивают?».

Он опустил глаза и повинным голосом сказал, что не помнит, как такое случилось. Руки сами действовали по привычке: «Очнулся я, когда увидел, что немец рухнул на дно траншеи...»

Я много думал об этом, узнал, откуда этот боец, когда прибыл в роту. Он из белорусских партизан, повидал, что творили немцы на его земле, и мои мысли раздвоились. Почему-то я только тогда начал вникать в происходящее с человеком в окопном бою. Как будто проснулся и явь обнаружил впервые. Да, примерно такое происходило и со мной неоднократно, но как-то сразу после боя уходило в тень. Ни разу не сделал анализ, ни разу не проследил действия последовательно одно за другим.

И только тут я сделал для себя открытие, подсказанное тем белорусским бойцом: в окопном бою любым человеком овладевает неосознанный страх, и он, этот человек, не контролирует себя и свои действия, все происходит инертно, инстинктивно, как бы по привычке, неосознанно, без управления человеческим мозгом. Мозги отключаются в данный момент, осознанные действия парализуются, уступая место неуправляемым, таинственным, врожденным силам самосохранения. Внутреннее инстинктивное чутье берет вверх над человеком и всеми его неконтролируемыми действиями.

Боец не помнит себя. Он не понимает, а чувствует всем нутром своим, что смерть рядом. Она через дуло автомата смотрит в его глаза и протягивает костлявую руку, чтобы схватить его за воротник. Доли секунды, даже мгновения отделяют его от этих цепких лап, и за эти мгновения он должен отвести от себя эту протянутую к нему руку, опередить врага, пока он не нажал на спусковой крючок автомата.

Настолько это происходит молниеносно, что даже

мысли бойца отстают от его действий. И не мудрено, потому что тут граница между жизнью и смертью. И эта граница такой мизерной величины, что не поддается никаким измерениям. Где ж в такой ситуации думать о конвенциях да о правилах на войне, когда всеми силами и средствами отбиваешься от смерти. Тут могут и волосы на голове встать дыбом.

А схватку в окопе осознаешь только после боя, да и то не сразу. Подумаешь и не верится, какое действие произошло только что с тобой. Как будто очнулся после сновидения и обрадовался, что живой. И так каждый раз.

Вот тогда и подумалось: а может прав ротный? Он бывалый воин и знает, какой ценой дается победа.

А я пока начинающий, и каждый бой для меня наука, как переходный учебный класс – чем дальше, тем больше узнаешь.

Я не берусь обсуждать состояние солдата при отступлении. В Белоруссии, Польше и Германии нашей роте отступать не приходилось. Задержки были, неудачи тоже, порой топтались на месте из-за неприступной обороны и обходили с флангов, но никогда не отступали ни на шаг.

Надо иметь в виду, что немец в Белоруссии был не тот, что рвался к Москве в сорок первом или в начальный период Сталинградской битвы. После Москвы, Сталинграда, Курской дуги и Минского «котла» его дух был сломлен, он не вперед смотрел, а по сторонам, боясь сталинградско-минского повтора.

Немцы на нашем участке знали, что перед ними Сталинградская дивизия, и их пыл к сопротивлению иссякал. Это мы ощущали и по сопротивлению, и по признанию пленных. Держались они только благодаря жесткой военной дисциплине. Пропаганда не действовала, они сами убедились, что Москвы им больше не видать, и войска вермахта повсеместно катятся назад. А это на войне очень важный фактор.

Мы имели моральное превосходство над немцами, и в том, что ОН был захватчиком, а Я освободителем. Я на своей земле, а ОН на чужой, Я на своем огороде, ОН на чужом, Я в своей избе, ОН в чужой. Представьте себя сейчас на его месте, и вы почувствуете разницу огромного размера. У нас разные понятия о целях войны, у нас стремлений стало больше, чем у них.

У нас остались позади Сталинград и Курская дуга, они же довольствовались только видом на Москву да и то видели в бинокль кремлевский кукиш.

А что сейчас виделось в перспективе? Победный салют у нас и «Гитлер капут» для всего Третьего рейха у них.

Все это витало над головами солдат уже сейчас в западной части Белоруссии по обе стороны барьера. Каждый воин понимал, что живет не в сказке, а в реальном мире, где каждый день события меняются одно за другим, в лучшую сторону для одних и в худшую для других. А громкое «Ура!» каждый раз приближало развязку.

Одна надежда оставалась у немецкого солдата – русский Иван дойдет до границы и угомонится. Но пока и до границы далеко, и до угомона не близко. А нам надо гнать и бить врага, пока он огрызается.

У меня в бою было превосходство над немецким солдатом. Помимо вышесказанного у меня тоже был автомат и даже трофейный парабеллум. Он заменял автомат, когда в нем кончались патроны.

И много значила физическая подготовка. Меня учил Осоавиахим еще в школьные годы быстро бегать, выше прыгать, крутиться на турнике, поднимать гири, бросать в очерченный круг макет гранаты, долго держаться на воде, спускаться с гор на лыжах – сдавал все жесткие нормы на значки БГТО и ГТО. Все это помогало мне воевать, может потому и уцелел, опережая немца нажать на спусковой крючок автомата. Других объяснений у меня нет.

Приходилось проводить и ночные атаки, когда условия местности не позволяли выходить из укрытия днем. Это страшнее, чем в светлое время суток, осветительные ракеты не всегда давали полную ясность о позициях противника. Да и контроль за ходом атаки не удавался. Ночью всегда делалось на авось, а однажды вообще попали под обстрел своей артиллерии.

Но немцы боялись ночных боев больше, чем мы. Они вообще избегали их.

В тот вечер ротный вернулся из штаба полка поздно и принес новую топографическую карту. Развернул ее, и мне сразу бросилась в глаза жирная синяя полоса, разрезающая всю карту с севера на юг. Екнуло мое сердце – опять река!

– Какая? – спрашиваю.

– Неман, – спокойно ответил ротный.

– Как Неман? Да мы его...

– То было, когда Неман протекал на север. Потом он сделал зигзаг и повернул на юг. Так что не другой, а тот самый.

Примерно такова была моя реакция на вторичный подход к Неману.

Ротный созвал командиров взводов и дал задание с утра всем составом идти к саперам и помогать резать бревна для плотов.

Весь день ушел на подготовку плавсредств, а к сумеркам всем составом подтаскивали бревна к реке и саперы

стали связывать их канатами и проволокой. Все сохраняли тишину, топорами не стучали.

Стою я у реки, вдоль берега стена высоких сосен, вода темная, а на той стороне сплошная темнота.

Вся рота разместилась на плотках широким фронтом и по тихой команде, передаваемой по цепочке, оторвалась от берега. Все пулеметы в боевой готовности, разговоры вполголоса. Гребли, как и первый раз, саперными лопатами. Была ли авиационная обработка того берега – не помню, но артподготовки не было, это точно. Видно, было решено форсировать Неман на нашем участке втихаря.

Жуткая ночная тишина. Разговоры прекратились, каждый тревожно вслушивался в ночную темень. Слышен только всплеск воды от саперных лопаток. Впереди – темная стена, там тоже густой лес вдоль берега. Ни ракет, ни стрельбы. Ждут нас немцы или нет?

А время идет, плоты плывут, бойцы молча гребут, пулеметчики лежат, готовые по сигналу мгновенно нажать на гашетку.

Плоты подошли дружно, и бойцы стали прыгивать на берег. Громкое «Ура!» разбудило тишину, взвилась осветительная ракета, и вскоре застрочили пулеметы с огневых точек. Туда полетели гранаты, и огонь стих. Рота углубилась в лес и, не встречая сопротивления, остановилась. Сколько-то бойцов погибло при высадке, сколько-то было ранено, но в целом форсирование удалось с малыми потерями.

Какую-то особую роль при переправе парторг не сыграл, если не считать, что он также бросал гранаты при высадке и среди первых бежал в лес вдогонку убегающим немцам.

Я не ставил перед собой задачу, будучи парторгом стрелковой роты, последовательно, в хронологическом порядке описывать ситуации, происходившие со мной на пути к победе. Это слишком объемно даже в коротком изложении. Я скупно останавливаюсь на основных видах препятствий на нашем пути, и как я учился быть и стал пехотинцем в жестокой Отечественной войне.

Мы вернемся сюда на этот сухопутный участок земли и продолжим путь на запад, а сейчас сделаем гигантский шаг и ступим на берег следующей реки на пути нашей роты. Эта река называлась... Неман.

Удивлены? Я больше был удивлен, когда узнал об этом. И вся рота была в недоумении. Сглаживалось это недоумение надеждой, как и в прошлые два раза, на удачное форсирование, но надежда эта рухнула даже при подходе к берегу.

Тогда, помнится, долго шли по лесной дороге. Дозорные доложили, что впереди деревня на широкой поляне. Рота остановилась. Командиры с биноклями вышли вперед и на выходе из леса стали всматриваться в окна, двери, чердаки домов. Ни людей, ни собак, ни кошек. Даже кур не видно. Значит, люди ушли в лес или их угнали.

Пока думали как прочесать деревню, через которую надо проходить, из некоторых окон посыпались пулеметные очереди. Ротному пробило руку, взводному прострелило ухо, но все они попрятались за деревья и уползли к роте. Здесь решили послать в обход два взвода и ударить немцам в спину. Немецкий заслон пытался уйти из деревни, но при отходе был уничтожен.

Задержка в пути существенно отразилась на переправе через Неман. Мы опоздали к раннему утру, когда плоты были спущены на воду и по берегу велся артиллерийский огонь. Внезапность пропала вместе с темнотой. Мы даже не спали и ели на ходу, все равно не успели.

Роту остановили на выходе из леса. Ротный с перевязанной рукой бегал вдоль уставших рядов, разъяснял сигналы, бодрил людей, объяснял, что каждому отделению выделен свой плот, и грести надо, не отставая от правофлангового плота.

Звучит сигнал к броску на берег и посадку на плоты. Я бегу, озираюсь по сторонам и вижу бегущих ровной полосой солдат, шумя небрежно положенными котелками в вещмешках. Люди, боясь попасть под снаряд, спешили, прыгали на плот и без команды отчаливали от берега.

Я с разбегу прыгнул на отведенный для меня плот и, присев на колено, принялся как и все бойцы грести саперной лопаткой. Мне хотелось поскорее отплыть от берега, потому что по нему все еще били пушки. С разницей в секунды все плоты уже плыли по воде. Слышались какие-то команды, стоящий во весь рост ротный на соседнем плоту махал руками и что-то кому-то показывал. А стало уже совсем светло, и четче обозначился покрытый лесом противоположный берег.

Неожиданно с нашей стороны загремела артиллерия и на том берегу стали видны сплошные вспышки разрывов. Вдохновленные поддержкой, гребцы усилили натиск на лопатки. А я даже испугался: а вдруг мы сами при

выходе на берег попадем под снаряды своих пушек, как однажды уже случилось. Но тут эхом отозвался гром пушек с другой стороны и на наши ряды плотов посыпались снаряды и мины.

Мы на плоту настолько растерялись, что невольно перестали грести, не понимая, кто же бьет по плотам – свои или чужие. Эхом отдается с той стороны или там переверли обстрел берега на плоты.

Я растерялся еще и потому, что впервые попал в такой переплет. Не то, чтобы приказывать, я сам стал повторять то, что делали люди рядом – спасаться, не утонуть. Взрывы поднимали воду фонтаном, плоты перевертывались, люди, сброшенные в воду, вполне осознавали, что помощи ждать неоткуда. А пушки гремели с обеих сторон, заглушая взрывы на воде и крики тонущих.

Тут бы и конец пришел нашей роте, если бы кто-то не дал двойной осветительной ракетой сигнал отбоя. Я увидел, как весь ряд передних плотов стал поворачиваться назад. С трудом повернулся и наш плот. Но тут же рядом разорвался снаряд, и огромная волна подняла на дыбы одну сторону плота, бойцы интуитивно все бросились на вершину и мертвой хваткой вцепились, кто за край, кто друг за друга. Плот лег на воду, и никого не смыло.

Здесь уместно сказать, что саперы по всем сторонам над площадкой плота делали оградку по одному бревну, она-то и не давала смыть бойцов в воду, к тому же создавала упор для ног при маневрировании. Уроки войны приспособливали саперов совершенствовать плавсредства.

А вода в реке кипела и пенилась... Пересказать такое невозможно. А трагедия продолжалась.

Повторный случай с плотом произошел спустя пару минут, когда от взрыва плот даже в воздух приподняло. Волна опять накренила плот, и все гребцы сдвинулись к краю. И опять вцепились друг за друга и никому не дали скатиться в реку. Меня также мотало, как и всех, я тоже за кого-то держался, и за меня не стеснялись держаться. Армада плотов не стояла на месте, их уносило течением вниз. И хоть снаряды преследовали нас, солдаты кто как мог стремились к своему берегу: кто держался за край плота и бил ногами по воде, чтоб не утонуть, кто на оторванном от плота бревне, кто вплавь.

Эта катастрофа для нас кончилась тем, что на большой полосе берега причалила часть плотов и как попало доплыло большинство ротного состава. Люди боялись утонуть и все силы бросили на свое спасение. Все остальное унесло вниз по воде или поглотил Неман.

На берегу не оказалось командира второго взвода. Говорили тогда, что на его плоту разорвался снаряд, плот рассыпался, и всех сбросило в воду. Ушло на дно и почти

все тяжелое стрелковое оружие – пулеметы и противотанковые ружья. Кое-кто из бойцов вернулся на берег даже без винтовок. По уставу их должны были судить, но почему-то не тронули.

И все-таки и на этот раз нам повезло. Отчали от берега минут на пять раньше – всего на пять минут – мы доплыли бы до середины реки, и тогда вряд ли бы кто из нас смог вернуться обратно. Немцы и тут поторопились открыть по нашим плотам артиллерийско-минометный огонь.

Насквозь промокшие бойцы группировались в кучки, не зная, что делать. Постепенно на берегу появились командиры, строились по взводам и уходили в лес. Там на кострах пообсохли, пообедали и колонной двинулись снова к Неману. Без хлопот перешли его по зыбкому мосту.

Мне думалось тогда, что вот тут бойцы сумели пораньше подойти к рубежу переправы и ночью форсировать Неман, а мы опоздали и потерпели крах.

И только через много лет, когда я стал читать шеститомное издание истории Великой Отечественной войны, на страницах 188 и 189 четвертого тома увидел такие строки: «...При форсировании Немана 14 июля в районе Луны исключительную стойкость и мужество проявили бойцы второго стрелкового батальона 433-го стрелкового полка 64-й стрелковой дивизии 49-й армии».

И далее описывалось как это происходило всего около 40 км от Гродно. Вот тут и проявилась в моей голове вся эта картина с форсированием Немана в третий раз. Нас выставили на приманку, чтобы немцы стянули огневые средства на наш участок, оголив тем самым основное направление переправы. Это как в кинофильме «Батальоны просят огня», когда стрелковый полк был брошен на растерзание, чтобы прорвать оборону в другом месте.

Прочитал эти строки, и у меня почти все восстановилось в памяти.

Не вдаваясь в подробности, скажу, что до конца войны кроме белорусских рек мне пришлось форсировать с великими трудностями и опасностями Вислу в разгаре ее оттепели, три раза польскую Варту и Одер. И я понял, что преодоление рек с боями – это целая наука. Добраться до берега, сойти на него под огнем пулеметов, удержать плацдарм способны только обученные морские пехотинцы, а просто стрелковой роте или батальону это все равно, что идти на крепость со штыком.

Не потому ли перед летним наступлением 1944 года Ставка Верховного Командования приняла решение: всем, кто сумеет форсировать Днепр и удержать заня-

тый плацдарм на том берегу, присваивать звания Героев Советского Союза. Многие бойцы и командиры, включая и нашего командира 64-й стрелковой дивизии генерала Шкрылева, получили это высокое звание.

Уместно сказать, что форсирование больших и малых рек в годы войны поглотило уйму людей, попавших в категорию без вести пропавших. Это тоже одна из нераскрытых тайн войны.

Однако вернемся на сухопутье. Надо было занять большую железнодорожную станцию с разъездами и тупиками в долине за деревней. Поручили это второму взводу, куда послали и меня. Остальные должны были отсечь резервы врага.

Опускаю подробности, как мы ночью зашли на огороды, как занимали деревню на горке, чудом оставшаяся несожженной, как широким фронтом пошли с горы в атаку и как вели бой за станцию. Начну с того, что помощником командира взвода был старший сержант Чавадзе, которого по его просьбе все звали Чавой.

Это был высокий энергичный грузин родом из Гори, того самого городка, где родился Сталин. И когда мне приходилось бывать во втором взводе, я любил слушать рассказы Чавы о родине Сталина. Словом, привязался я к Чаве, да и тот всегда был рад видеть меня.

Когда захватили станцию и саперы обследовали ее, Чава привел меня в дежурное помещение и попросил никуда не уходить, даже приставил ко мне бойца в качестве охранника на всякий случай, а сам убежал расставлять посты.

Вернулся Чава в дежурку с корзиной яиц, разыскал на кухне сковородку, усадил меня за стол, очень проворно все подготовил и, смахивая пот с лица, проговорил:

– Все! Закуска есть, дело за бутылкой! Станцию обмыть полагается, иначе других не взять, – и поставил на стол бутылку.

– Откуда? – не выдержал я.

– Я тебя, парторг, как в Грузии угощу. Не часто нам немцы яйца оставляют целехонькими, обычно кожа да куриные перышки.

Чава поставил на стол кипящую сковородку, похлопал в ладоши и начал разливать содержимое бутылки по кружкам, приговаривая:

– В честь взятия станции. Такая удача не каждый день бывает. Завтра все газеты об этой станции оповестят, весь народ прочитает. Давай, парторг, чтоб до конца войны дойти. Только вот что, выпьешь – не дыши, запей из фляжки, а уж потом выдохни и закусывай.

– Это что, грузинский обычай такой?

– Обычай, только делай как я, – и медленно осушил железную кружку. Потом с шумом выдохнул и стал, не

спеша, запивать водой. Я последовал за ним.

– А теперь признаюсь, – заговорил он. – Это не спирт, а очищенный денатурат. Не бойся, не отравимся, я в нем толк знаю.

Я моментально отрезвел, но не подал виду, что испугался. И яичница с пылу с жару показалась мне травой. Но когда Чава предложил мне повторить, я отказался.

...Это был, пожалуй, единственный случай на войне, когда я позволил себе расслабиться и перешагнуть порог дозволенности. Я считал солдата безупречным, выдержанным существом, свято исполняющего устав армейской жизни: что может солдат и что ему не положено.

Тем более я, как представитель партии, боялся шагу шагнуть в сторону от указанного партией курса. Я не искал удовольствий, пока был в армейской форме, даже забыл о них, считая, что они не для меня.

Иногда приходилось видеть, занимая несожженную деревню или хутор, как бабушка выходила из дома с кринкой молока или с чугуном горячей картошки и угощала освободителей. Мне тоже очень хотелось попробовать домашнее, но не помню, когда мне что-то доставалось. Я не мог идти в кучу или протянуть руку, когда другие рвались к угощению. Мне тоже хотелось, как и всем, но я каждый раз уступал бойцам, боясь, как бы не подумали плохо о парторге.

И мундира парторга я не запачкал. Он чистеньким остался до конца войны. Моя совесть перед партией и армией чиста.

На войне пехоте без атак не обходится. По дорогам Белоруссии им счета нет. Там, где немцы держат оборону, без атаки они не уйдут. Особенно там, где для них выгодная позиция. И каждая атака у меня оставляла резаную рану на сердце. Не верилось, что выходил из боя живым. Смерть в атаке всегда рядом. Атаки шли одна за другой, и сейчас в голове все перемешалось.

Но кроме рубежей обороны с окопами и траншеями немцы использовали еще и тактику заслонов. Эти заслоны они ставили почти при каждом отступлении. О них не пишут, но эти заслоны очень сдерживали наше наступление вперед.

Выбирают они удачное место на нашем пути – высотку, овраг, берег у болота, опушку леса – оставляют здесь по два-три человека с пулеметами и мотоциклом. Они окапываются, маскируются и ждут нашего появления.

Ротные дозоры обнаруживают их, рота останавливается, и решается вопрос: как и какими силами этот заслон убрать. На это уходит время, которое немцы используют для постепенного и организованного отхода: уничтожают все, что горит, ломается и разрушается.

А заслон или берется в плен, или уничтожается, а иногда успевают скрыться на мотоцикле, догоняя своих.

Было несколько случаев на нашем пути, когда немцы оставляли в заслоне власовцев.

Помнится, как на железнодорожной насыпи окопался такой заслон, и при появлении наших дозорных открыли стрельбу и тут же высунули на палке белую тряпку. А потом вышли с поднятыми руками и закричали вразнобой:

– Мы стреляли вверх! Мы сдаемся!

Подвели их к ротному, и я стал свидетелем примерно такого диалога:

– Есть еще заслоны поблизости?

– Есть вон там и там. Но они тоже сдадутся.

– Откуда вам известно?

– Мы договорились.

– Вас много на этом участке?

– Много, но у нас два выбора – плен или смерть от СС.

– Откуда вы знаете, что мы вас не расстреляем?

– Знаем, слухам верим. В Сибирь на каторгу и все.

Много хуже по сравнению с заслоном, когда наткнешься на засаду. Здесь сосредоточено больше живой силы и огневых средств, даже с применением танков. Засаду устраивали в лесу, деревне, овраге, где непременно должны были пройти наши войска.

Их, этих засад, тоже было немало на нашем пути, но расскажу об одной, самой последней и самой страшной на территории Белоруссии...

Рота, пройдя вброд через речку, еле-еле дотянула по песчаному подъему до березовой рощи и остановилась на привал. Надо было узнать, что за бугром, до которого по чистому полю с полкилометра.

Добровольцев не оказалось, все размотали обмотки, разулись, разделись, чтоб обсушиться. Ротный взглянул на меня, и я понял, что это приказ. Взял с собой паренка и вдоль невысокой насыпи с обеих сторон поползли к бугру.

Немного оставалось, как услышали резкий рев танкового мотора позади. Я обернулся и увидел, как из сарая вышел танк и сходу стал стрелять по роще. Одновременно с другой стороны рощи подошел еще один танк. Я замер, понимая, что рота гибнет. Даже убежать из рощи не успеет.

Ушли танки тогда, когда израсходовали все снаряды.

Не дойдя до бугра мы возвратились. Перед нами открылась страшная картина – трупы, покрытые скошенными березками. Глазами искали признаки жизни у лежащих. Нашли командира роты с разбитой головой, наткнулись на раненого взводного лейтенанта Данилова, перевязали ему голову, руки, подняли его,

вместе нашли еще четверых или пятерых, перевязали, но идти никто не мог. Да и куда идти?

Неожиданно появился комбат с группой бойцов. Потом прибыла повозка или две, и увезли нас во вторую роту. Что стало с остальными – не знаю. Здесь, в погубленной роще, остался убитым мой первый ротный командир. А белорусская роща оказалась для нас последним рубежом на подступах к Восточной Пруссии.

Второго я хоронил в Польше. Там, в маленьком городке, наша рота проходила колонной, впереди которой ехали на конях рядом ротный и комбат. Вдруг из чердака двухэтажного дома прозвучали один за другим два выстрела, и оба командира замертво свалились с коней. Дом обыскали, а снайперов не нашли.

Третий мой ротный подорвался на mine, когда бежал по берлинской набережной канала. Кроме них наша рота потеряла убитыми и ранеными на разных участках двенадцать командиров взводов, в том числе и лейтенанта Данилова, который каждый раз исполнял обязанности командира роты.

Очень скоро наш батальон повернул назад. Поступил приказ направить всю дивизию пешим порядком в польский город Люблин. Там первую роту сформировали вновь.

Отсюда она с боями прошла всю Польшу, где погиб второй ротный командир, форсировала Одер, вступила на территорию Германии южнее Франкфурта. Здесь, после девятидневных непрерывных боев, окружив две немецкие армии южнее Берлина, нашу дивизию в составе 38-го стрелкового корпуса направили в столицу немецкого рейха на помощь штурмующей Рейхстаг 3-й ударной армии.

И здесь уже совсем другие условия войны, городские, а не полевые, где без фаустпатрона не сделаешь ни шагу. Пробивались сквозь стены зданий, где по настоянию ротного командира Мочалова парторгу всегда предназначалось идти впереди вместе с ним.

Тут в Берлине и закончилась моя фронтовая дорога. Вечером 30 апреля винтовочная пуля из подвала дома врезалась в мою грудь и свалила на тротуар.

По статистике из каждых ста фронтовиков 1923 года рождения домой вернулось только трое, да и те пробитые пулями да минными осколками. Я, к примеру, дважды контужен, дважды ранен, лежал в трех заграничных госпиталях (Берлин, Фюрстенвальде и Лодзи). Спасибо советской медицине, которая сумела не только вырвать меня из цепких лап смерти, но и поставила на ноги, дала возможность проработать до пенсии и дожить до седых волос.

Перед партией и армией моя совесть чиста, чего не

могу сказать о партии и армии передо мной.

Перед офицерами, сержантами и солдатами роты я не потерял достоинства парторга, не прятался за спины бойцов, а всегда был в первых рядах, показывая пример коммуниста и в боях, и на отдыхе, и в дороге. Да иначе и быть не могло, я всегда ощущал на себе взгляды людей, чувствовал за собой ответственность как представителя партии в роте. Это чувство представителя партии я берег пуще всего, боясь, как бы случайно его не замарать.

Не знаю, были ли такие чувства ответственности у парторгов батальона и полка, у офицеров политотдела дивизии. Я их видел всего один раз за всю войну: они «воевали», сидя в домах да в глубоких погребках, имея при себе ординарцев для обслуживания и личной охраны. И передвигались не на своих двоих.

Я лично знаю одного ныне живущего полковника, видел его фотографию в газете. Он был комсоргом дивизии в звании лейтенанта, который всю битву на Курской дуге безвылазно просидел в блиндаже под трехслойным накатом. И ждал, когда наши двинутся вперед. А на фотографии обе стороны груди увешаны медалями да орденами.

Пишу эти строки для размышления перед тем, как перейти к моим дальнейшим откровениям.

После войны, когда отгремели фанфары Победы, на моей груди было две медали – «За оборону Сталинграда» и «За отвагу». Вот и вся моя заслуга, оцененная партией и армией за пребывание на переднем крае от Волги до Шпрее лицом к лицу с врагом, где каждый метр земли приходилось брать с боями...

После излечения в госпитале меня, как и многих других раненых, направили в оздоровительный батальон, а оттуда в строевую запасную часть. В сентябре 1945 года сюда приехал комендант из Берлина и нас, человек пятнадцать, выбрал для охраны Силезского вокзала. Там выстроили нас и стали распределять по сменам. Справа стоял тоже сержант с двумя орденами и рядом боевых медалей. Слева – рядовой, тоже с рядом медалей. Оказалось, что один командовал орудийным расчетом, другой был связным штаба полка. Мне было стыдно стоять в ряду с награжденными. Позже я снял свою пару медалей и больше не одевал, идя на патрулирование.

Почти никто из моих сослуживцев даже не был ранен, а попал в запасной полк после расформирования частей.

Меня замполит подробно расспрашивал о наградах, когда ставил на партийный учет. Тогда только год прошел, как у меня в сентябре 1944 года был самый разгар боевых действий, в памяти все сохранилось еще до мелочей.

От ротного писаря я узнал, что между ним и командиром были разговоры о моем награждении. Оказывается, у ротного командира не было права представлять к награде своего парторга. Такое право было у парторга батальона, парторга полка и политотдела дивизии. Парторги рот, батальонов, полков были как бы прикомандированы партией к воинским подразделениям и частям на период ведения военных действий.

Ротный же мог временно в боевой обстановке назначить парторга командиром отделения и даже командиром взвода. Он мог написать рапорт комбату о несоответствии парторга своему назначению и просить замену. Мог просить и о награждении, но просил или нет – до меня не доходило. Парторга батальона я видел всего один раз в глубоком погребке при направлении в роту.

Насколько мне известно, наградами занимались на отдыхе, в дни передышки, при уходе в резерв, но никогда при наступлении. А я как прибыл в роту, не знал передышки, все время в боях и преследованиях. Это одно. Другое – я никогда не видел в роте никого с наградами. Это в кино показывают бой с наградами на груди. На самом деле никогда такого не было. А если кто и имел медаль, то прятал ее в кармане. Я только один раз видел командира дивизии при вступлении в Берлин с одной звездой Героя. Не принято было показывать свою удачу через награды.

И еще. О наградах думать или разговаривать с ротными не приходилось даже тогда, когда они приглашали отведать вместе офицерский паек. Каждый раз, идя в бой, витают мысли в голове, что может быть, это последний бой. О каких наградах может человек думать, когда он знает, что не сейчас, так через час, что не сегодня-завтра его убьют. Тут не о медалях думаешь, а как уберечься от пуль и осколков.

А в Люблине, где рота формировалась вновь, вызвали меня в штаб полка и вручили первую и, оказалось, последнюю боевую медаль. Я не знаю, за какую отвагу меня поощрили, я никакой отваги не совершал, разве что чудом остался в живых при танковой засаде. Я просто исполнял свой воинский долг, как и все бойцы и командиры роты: ходил в атаку, бросал в траншеи ручные гранаты, стрелял из автомата, расчищал себе дорогу вперед. Может и была здесь отвага, но не только моя, а вместе со всеми.

А кто писал наградной лист и что писали – я не знаю. Вот и вся моя заслуга на большой войне. Зато удостоверение к медали подписал сам Горкин.

А впереди было четыре полных месяца очень напряженных и исключительно опасных боев от восточных до

западных границ Польши, восточной части Германии и в Берлине вплоть до тяжелого пулевого ранения. Но за этот путь награды меня миновали, хоть пришлось с глазу на глаз сходить с танком, вышибать из амбразуры засевшего пулеметчика, выбивать с насыпи зенитные орудия, прорываться сквозь окопавшиеся в лесу засады, сдерживать напор пробивавшегося на запад из Франкфурта гарнизона, брать в плен группу старших офицеров, пробираться по трупам на мосту через канал сквозь ливень пулеметных очередей.

Эти и другие факты ротный писарь описывал в донесениях и отправлял в штаб первого батальона 451-го стрелкового полка. В архивах должны быть донесения о боевом пути первой роты.

В последний день апреля, когда уже реяло победное знамя над Рейхстагом, меня уже в роте не было. А я уверен, что если бы оставался в роте, награду получил бы. Но, увы! Такому сбыться было не суждено. Судьба и тут не опоздала, а позаботилась свалить меня с ног, убрать с дороги, чтобы я и на этот раз боевую награду не получил.

Да что там боевая награда! Медаль «За взятие Берлина», которую в те дни получил весь личный состав дивизии, мне вручили аж через... двадцать лет! Да и то пришлось изрядно похлопотать.

После демобилизации я, уже из Казани, дважды писал в наградной отдел министерства обороны, но ответа не получил. И только когда началась подготовка к двадцатилетию Победы, я не выдержал и пошел в райвоенкомат. Дежурный офицер выслушал меня, что-то записал, а через два месяца пришла домой повестка. Тогда-то военком и вручил мне медаль «За взятие Берлина» и, к моему удивлению, даже «За освобождение Варшавы». Через двадцать лет!

А если говорить вообще о наградах в армии, то можно безошибочно сказать, что пехоту наградами не баловали. Зачем пехотинцу давать медаль и тем более орден, если он и недели не проживет, лучше дать эту награду приехавшему в штаб дивизии артисту.

Такое мнение разошлось в народе и даже в творчестве больших поэтов нашло отражение. Вот строки у Расула Гамзатова:

*Не на маневрах я, а на войне,
Где нет ни отпусков, ни увольнений.
Я рядовой, а рядовому мне
Наград досталось меньше, чем ранений.*

Вспоминается публикация в газете «Правда» за 14 декабря 1994 года, где один журналист рассказывает, как однажды маршал Василевский прибыл в артбригаду и на построении людей увидел одного солдата без на-

град на груди. Подошел, спросил почему, а тот прямо ответил: был в пехоте, ранят – в госпиталь отправят, оттуда – опять в пехоту, и опять ранят. Так пять раз.

Маршал велел адъютанту принести орден Красного Знамени, приколот его на грудь солдату и отдал ему воинскую честь.

На моем пути не встретился такой маршал. Наверное, подобные ему генералы и офицеры были, только не в нашем батальоне и не в нашем полку.

Зато были примеры другого рода.

Вспоминается случай, когда меня ранней весной 1943 года в оттепель в валенках отправил начальник штаба дивизиона в штаб полка за приказом. В штабе сказали, что приказ на подписи у командира, жившего в отдельном доме. Вышел на крыльцо дома сытый, в начищенных кирзовых сапогах ординарец с двумя серебряными медалями на груди. А я в промокших валенках. Ординарец небрежно вскинул на меня взгляд и велел подождать.

Вы считаете, что я что-то неладное подумал об этом ординарце? Нет! Тогда я был настолько наивен, что в моих глазах он стал героем, может быть, заслонивший собой своего командира или вытащивший его с поля боя. Я верил в честность командиров, у меня и в мыслях не возникло, что тут могла быть какая-то афера.

Я не забуду и случай из газеты «Правда», когда за десять дней до конца войны один генерал наградил своего слугу орденами Славы всех трех степеней. Знаю так же, как спешно писались через три дня наградные листы на него. При этом второпях перепутали город, где он «совершал подвиг», назвав город Магдебургом на западном берегу Эльбы, который был занят американцами еще в начале 1945 года. Я с возмущением написал в «Правду» письмо, на которое пришел оправдательный ответ, но поправку в газете не дали. Возможно, подумали, что не все внимательно читают и знают, когда и кто занял Магдебург.

Есть у Константина Симонова стихотворение, строки которого далеко не каждый «фронтовик» понимает и осознает всю глубину их содержания. Вот они:

*...Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы...*

Вникните в них, они написаны поэтом не для рифмы. На самом деле так – не верится! Вышел из каждой атаки, боя, бомбежки, обстрела из разнокалиберных пушек и минометов и самому себе удивляешься, что живой остался. А пройти от Сталинграда до Берлина и чуть ли не везде с боями, это не до Соцгорода добежать. Как я это

выдержал, до сих пор ума не приложу. Как будто судьба дорогу показывала, за ручку вела, чтобы бежать тут, а не в шаге слева или справа. И вот что сейчас подумалось, прочитав строки Симонова: кто-то даже не поймет их сути. Потому что не для них они написаны.

Поймет их летчик, который много раз сходилась лоб в лоб с «мессершмиттом», или летчик, много раз летавший на бомбежку, уводя машину из зоны зенитного обстрела; танкист, не раз выходивший из дуэли с «пантерой» или «тигром»; артиллерист противотанковой пушки или прямой наводки; подводник с торпедной установки; разведчик, постоянно ходивший за «языком» или постоянно думавший, что вот-вот схватит его рука гестапо; узник концлагеря; партизан, ходивший до ночам взрывать железные дороги и пускать вражеские вагоны под откос; сапер, рискующий каждую секунду быть подорванным на мине; десантник с воздуха или с корабля. И вся окопная пехота вместе с ее командирами.

Все они не раз смотрели смерти в лицо, чувствовали ее дыхание, всегда с трудом понимали, как им удавалось выходить победителями из смертельного поединка. И тот, кто сумел выжить сегодня, завтра может вздохнуть последний раз.

Такие мысли преследовали по пятам каждого истинного фронтовика всю войну.

Но не поймут строки поэта всякого рода кладовщики и охранники, многочисленная рать денщиков, свившие себе уютные гнездышки у ног генералов и полковников, штабистов и комиссаров.

Не поймут и ныне живущие среди нас полковники и майоры, «доблестно сражавшиеся» с нашим братом в особых отделах, в секретных службах СМЕРШа и заградотрядов. Сейчас они скрывают свою личину, но пехота помнит их беспощадно карающую власть.

Снайпер считал своих попавших на мушку фрицев и

на своей винтовке делал зарубки; летчик-истребитель рисовал звездочки на своем фюзеляже о сбитых фашистских стервятниках. А эта категория армейских карателей вела секретный счет своим расстрелянным или сосланным в ГУЛАГ жертвам из числа бежавших из плена, освобожденных из фашистских лагерей и мнимых «самострелов».

Им-то на войне жилось вольготнее всех, да орденами их не обделяли. Мне думается, что многие из них сожалеют, что окончилась война.

Меня могут упрекнуть, что и такие службы нужны были в армии, что их утверждали в Ставке или в Генштабе, и не твоего ума дело тыкать пальцем на их существование.

Да, согласен, я рядовой солдат, и не мое дело судить да рядить, что замышляет власть военная или гражданская; мое дело исполнять и подчиняться. Я же говорю о льготах в армии такого рода службам, которые жрали дополнительные офицерские пайки, пользовались услугами своих личных денщиков и считают себя победителями. Никто из них из автоматов и пушек не стрелял, а иные из них лезут в первые ряды победителей и кричат, что и они на фронте воевали. Неправда это! Не было их на фронте, они ехали за фронтом и жили в свое полное удовольствие...

Обидно! До слез обидно, что после войны всех сравняли, поставили рядом и окрестили победителями – пехотинца и прокурора, начфина и денщика.

Когда меня назначили редактором заводской многотиражки, я запросил у начальников БТЗ цехов и отделов списки всех участников войны. Из этих списков я выбирал фронтовиков, ударно трудившихся на своих рабочих местах. В списках были указаны звания, военные специальности, награды и названия фронтов.

И кого только не было в списках! Начфин, начос (особый отдел), радист штаба армии, охранник штаба командарма, сотрудники интендантской, ветеринарной, химической служб, даже подавальщики учебных пособий в военных училищах. Они твердо знали, что завтра, через месяц, через год и до окончания войны им смерть не страшна, для них война – это всего навсего военная прогулка. Некоторые из них ни разу не видели немецкого самолета, не видели, как взрывается снаряд, а их приравнивали к фронтовикам и выдали знаки.

В списках много было и артиллеристов, один из которых запомнился особо. Фамилия его забылась, но он работал конструктором в ОКСП и весь фронт прошел в тяжелой гвардейской артбригаде РГК. Запомнился тем, что имел шесть орденов и столько же боевых медалей. Он откровенно признался мне, что при каждом прорыве обороны противника сразу награждали половину личного состава бригады, а при следующем прорыве – дру-

гую половину. При этом награды чередовали – сегодня медаль, а в следующий раз орден. Он не был офицером, не имел ни одного ранения, находился километров за двадцать от линии фронта, питался гвардейским пайком и передвигался в кузове гусеничного трактора.

Вот такие вышеназванные и многие неназванные не провоевали, а прошли и проехали всю войну, были на фронте по форме, а не по содержанию. Они слышали войну, а не видели ее. Где уж таким понять, в чем смысл поэзии Симонова.

А вот еще один разительный пример.

Попал я однажды в двухместную палату больницы №9 с Барабановым. Он работал у нас на заводе начальником юридического отдела.

Когда в разговорах дошло дело до войны, я рассказал ему о своем участии и попросил рассказать о его. Он нехотя был вынужден кое-что рассказать о себе: был майором, служил в штабе дивизии начальником особого отдела.

То, что он рассказал, поразило меня, но Барабанов просил не распространяться. У нас получился разговор доверительный, и я не могу передать все, что он мне поведал.

А поведал – уму не постижимо! Сплошной разврат. Военный трибунал. Штрафные роты. Очередность наград: начштаб, начфин, начос, начхим, начпрод, начвет, начохр, интендант, начсвязь, комендант, начполитотдел, кто-то еще, и у всех были помощники, их тоже негоже обойти. Да ординарцы, шоферы, повара, охранники...

По статусу орден давали за что-то конкретное. А тут – сегодня я, завтра ты, послезавтра он по винтовой лестнице, а написать можно было что угодно.

Такая система в армии началась после того, как право награждать орденами получил командир дивизии. Так и пошло-поехало – кто поближе под рукой, тот и герой. Где уж тут думать о пехоте!

Я не могу утверждать, что эта ржавчина въелась во всю армию. Нет и еще раз нет! Я пользовался только рассказами свидетелей да тем, что видел сам. Поэтому то, что знаю я, это мизер.

Творилось ли такое в других дивизиях, бригадах и корпусах я, естественно, знать не мог, но надо думать, что не везде нарушали порядок. Хороших командиров и комиссаров было больше, чем плохих, думающих о себе, а не о солдатах.

А это довлело над состоянием боеспособности воинских частей и соединений. Вот только я попал не в ту струю, где прозрачно и чисто. А таких не так уж велико.

Участников войны на заводе работало не одна тысяча. Только в цехе №7 их было более ста человек.

И очень мало из всех их числилось пехотинцами, в основном, призыва последнего года войны, хотя пехота была основная часть армии, самая массовая из всех видов войск. Миллионы ее солдат не дошли до Победы, остались лежать в братских могилах да на дне многочисленных рек и болот.

70 лет³ истекает, как закончилась Отечественная война, а пехота-матушка преследует меня и поныне, и не только по ночам. Она давит грудь, терзает память, вызывает сомнения в истинных свершениях: а было ли то, что было? А была ли вообще такая война? И только мой левый бок без двух ребер опровергает такие сомнения.

Вскоре после войны я увидел фильм о Сталинграде, прочитал пару мемуаров и воспоминаний фронтовиков и... разочаровался. Я не увидел в них фронтовую правду и перестал читать, слушать радио и смотреть фильмы о войне. До меня тогда не доходило, что солдат и артист, изображающий солдата, далеко не одно и то же.

Может из-за этого разочарования, а всего вернее, из-за военной травмы души, я в течение двух первых десятилетий после войны не мог ничего говорить о своем в ней участии. Даже за праздничным столом, когда разговор доходил до войны и меня просили рассказать, я не мог и пару слов вымолвить: к горлу подкатывал комок, язык мертвел, и люди, понимая мое состояние, тут же прерывали разговор, поднимая тост.

Помню и другие подобные случаи.

Однажды в вечерней школе на урок не пришел учитель. И девчата решили провести час воспоминаний о войне. В классе училась добрая половина фронтовиков. Выступали радист, ракетчик, артиллерист и не просто артиллерист, а РКК – Резерва Главного Командования, один из БАО по подготовке самолетов к вылету.

Настала очередь моя, а мне стыдно сказать, что я из пехоты, которая котировалась в умах людей как последняя инстанция в армии, как подсобная ее часть.

И в самом деле, кто пополнял пехотные ряды? Деревня. Тот, кто до службы пахал и сеял, кто рулил конскими вожжами, плугом да бороной, кто не переступал порога средней школы. Вот и посылали его рыть окопы, возить в землю.

Городской житель на голову выше деревенского. Он и учится дольше, и работает на машинах и станках, во дворцах и клубах повышает свой интеллект. Вот ему и поручают в армии управлять моторами да тракторами и прочими механизмами.

Это видно из всех видов средств массовой информации, где обращалось внимание главным образом на 3. Написано в 2015 году.

авиацию, ракетчиков, т.е. на механизированные виды войск. Прошло то время, когда оружием на войне было копье да стрела. Ведущее место в современной войне заняли механизированные части. У пехоты осталось ружье да голос...

Но я, подавив стыд, вышел и сразу же поперхнулся: глаза повлажнели, горло сперло и смог только вымолвить: «Извините, не могу».

Подобное случилось и когда работал в газете, на городском семинаре редакторов многотиражек. Там тоже образовался свободный час, и решили провести его в воспоминаниях фронтовиков. Выступил пограничник, военкор фронтовой газеты, а я вышел к трибуне и опять осекся. На семинаре, по работе отвечал как все, а о войне – ну не получается. Это как на кипятке, на котором если обжегся, то вырабатывается иммунитет, и каждый раз неосознанно ты сторонись, избегаешь к нему притронуться.

Я злился на себя, не хотел быть белой вороной, но ничего с собой поделывать не мог, так глубоко был проникнут в душу тревожный осадок от пребывания в пехоте.

И только когда стали отмечать 20-летие Победы, я впервые с трибуны зачитал, именно зачитал свое выступление как участник войны, да и то о том, как закончилась битва на Волге.

С тех пор стала отходить во мне эта подавленность. Не сразу, но я стал много читать, писать и рассказывать. Не зря в народе говорят: время – лучший лекарь.

Незащищенная броня (мнение солдата-фронтовика)

К. Ераполов

Перед вступлением в Берлин наш заметно поредевший после непрерывных боев 451-й стрелковый полк выстроился ротными колоннами на опушке хвойного леса. Раннее утро оказалось хмурым: над строем завис густой туман с примесью едкой гари. После ночного марша солдаты еле держались на ногах.

Подъехал «виллис» и перед строем появился командир нашей 64-й стрелковой дивизии генерал Шкрылев с «Золотой Звездой» Героя на гимнастерке.

Я стоял рядом с командиром роты впереди своей колонны и зорко следил за всеми действиями высокого, стройного генерала и чутко вслушивался в его слова. После уставных формальностей генерал дал напутствие полку и уехал в другую часть.

Командир роты получил топографическую карту и задание идти по определенным улицам, на смену сражавшимся в глубине города подразделению наших

войск.

Здесь следует пояснить, что наша стрелковая рота, форсировав Одер, действовала в районе Франкфурта, окружая оказавшиеся южнее Берлина две немецкие армии. Но когда части 3-й ударной армии с севера стали подходить к Рейхстагу, командование фронта решило дать ей подкрепление. Вот тогда наш 83-й стрелковый корпус, в состав которого входила и 64-я дивизия, сняли с боевого участка у Франкфурта, перевели в 7-й сектор Берлина и между 79-м и 12-м гвардейскими корпусами 3-й ударной армии направили на юг к реке Шпрее, на другом берегу которой стоял Рейхстаг.

Если посмотреть на стенную карту «Операция в Берлине, 1945 год», то можно увидеть, как стрелы 83-го корпуса нацелены на перерез группе вражеских войск из 8-го сектора слева, намеривавшей прорваться к мосту Мольтке, по которому части 79-го стрелкового корпуса проникли к Рейхстагу.

Так что наша рота подошла к Берлину 27 или 28-го апреля, когда основные бои в Берлине сконцентрировались в 9-м центральном секторе, где расположены центральные учреждения рейха.

...В тот день в небе стояла тишина. Пройдя вдоль изгородей коллективного сада с одноэтажными дачами, рота вступила в пределы города, и сразу перед ней встали высокие дома. Во дворах копошились наши с ездовыми повозками, стояли санитарные машины. Навстречу роте попадались грузовые автомашины, где-то далеко впереди бухали орудия.

Когда и где мы останавливались на отдых пообедать или поужинать, не помню, мое внимание было всецело занято постройками впереди и по сторонам. Уже в первый час продвижения вглубь города нам стали попадаться наши подбитые пушки, танки, самоходки, машины. Это нас не удивляло, картина знакомая. Но когда вышли на небольшую площадь в перекрестке улиц, то увидели среди наших и немецкий легкий танк. Он произвел на нас впечатление тем, что был кругом обтянут проволоочной сеткой. Естественно, кто был поблизости, окружили его, стали трогать сетку. Это были стальные стержни, диаметром 8-9 или 10 мм, приваренные концами вдоль и поперек к броне. Отдельно на башне, чтобы она могла вращаться вместе с сеткой, и отдельно на корпусе, закрывая даже катки гусениц. Вокруг танка образовывалась квадратная сетка примерно 40х40 или 50х50 мм. На расстоянии 40-50, а возможно, и чуть больше от брони.

Потом встречали еще и еще, что ни танк со свастикой на борту, то непременно в сетке. Раньше, до Берлина, нам такие не попадались. Для чего сетки? Мы теря-

лись в догадках. Всего скорее, чтобы сохранить танк от фаустпатрона. К такому выводу пришли тогда ротный и командиры взводов. Фаустпатрон – гроза не только советских танков, он с таким же успехом подобиет и немецкий, если патрон окажется в руках советского солдата. Патроны эти штабелями были припрятаны на всех углах улиц и перекрестков и могли оказаться в руках не только немцев.

Попадая в танк, такой фаустпатрон взрывается при первом же соприкосновении, разрывает в этом месте сетку, а броня остается невредимой. Поэтому танку в сетке фаустпатрон не гроза.

Первый такой танк на нашем пути осел на бок, его катки с одной стороны были разбиты. Сетка же на танке была нетронутой.

Это то, что хорошо запомнилось и дало повод для размышлений.

Много лет прошло с тех пор, но немецкие танки, одетые в стальные сетки, нет-нет да всплывут в памяти. И когда я узнал из литературы, что в берлинской операции наши войска потеряли 2 156 (!!!) танков и самоходных орудий, большинство из которых от фаустпатронов, мне стало плохо. Из 6 300 танков и САУ, введенных в сражение в скоротечную кампанию за три недели! Это же более чем каждый третий! Выходит, подставили под фаустпатрон без малого две танковые армии!

К тому же мы там потеряли 1 220 орудий и минометов, на которые фаустники тоже небезуспешно охотились. Происходило такое и на моих глазах.

Все эти цифры приведены на странице 290 пятого тома шеститомного издания «История Великой Отечественной войны Советского Союза», изд. 1963 г. Эти же цифры упомянуты еще в одном академическом издании «Последний штурм», подготовленном и изданном

Институтом военной истории Министерства обороны СССР в 1970 году. На странице 434 этой книги упомянуто 6 300 танков и САУ, а на странице 435 – 2 156 танков и САУ и 1 220 орудий.

Дополнительно к этому на странице 419 приведен пример со 2-й гвардейской танковой армией, которая с 25 апреля по 2 мая потеряла в Берлине 204 танка или 64 процента всех имеющихся в ее составе. «При этом, – говорится в книге, – 50 процентов танков были подбиты фаустпатронами».

И тут возник у меня другой вопрос: а можно было уменьшить наши потери? По моему разумению – могли бы. И вот почему: из военной литературы я узнал, что немцы применили фаустпатроны в районе Речицы, что на правом берегу Днепра. Там подбили десятки наших танков, точная цифра не показана.

Наши танкисты знали эту угрозу. Когда они сопровождали нас в атаку, то останавливались до вражеской позиции метров за сто или больше и не утжили окопы, как это показывают в кино. Видимо, боялись фаустпатрона, прицельная дальность которого 25 метров. А мы, пехота, – и в Белоруссии, и в Польше, и в Германии – от поражающего расстояния фаустпатрона рывок к траншеям врага делали уже без танков, со штыком и гранатами.

Возник и третий вопрос: почему наше славное командование, генералы и маршалы, академики-металлурги, начальники штабов, включая генерального, не позаботились о защите от фаустпатрона? Они же не могли не знать, что немцы стали применять его еще в середине 1944 года.

Добавим к этому, что берлинская операция готовилась долго, всесторонне, и высшее начальство не могло не знать, что столицу рейха будут защищать не только солдаты, но и подростки и штурмовики с фаустпатроном в руках. Так что при штурме Берлина из каждого окна мог вылететь фаустпатрон.

На мой, может быть, ошибочный взгляд, для оснащения танков противофаустной сеткой не требовалось строить грандиозных сооружений и вкладывать большие деньги. Каждая, даже походная мастерская располагала сварочными аппаратами, достаточно было снабдить ее металлическими прутками и все! Почему же ни шагу не было сделано, чтобы помочь нашим славным танкистам? Ведь можно было избежать стольких потерь! Обидно...

Рядовой хатирэлэре *

А. Малов

Малов
Александр
Михайлович

Унжиде яшлеклэр кулына корал.

Ул еллардагы укыту полкы яңа гына хәрби хезмәткә алынучы дип аталган «эшкәртелмәгән материал»дан эшкә сәләтле сугышчы житештерү өчен конвейер ролен үтәде. Алты ай өйрәтү – һәм син эзер! Яңа төркем жыела. Өйрәтү дөвәмлылыгы укыту программасыннан да бигрәк, «материалны физиологик кондициягә житекерү» кирәклегенә карап билгеләнә. Яңа гына хәрби хезмәткә алынганнарға кыска гына вакыт эчендә сугышта кирәк булчак белем һәм күнекмәләрне өйрәтү – командование бурычы. Ул, булдыра алганча тырышып, ярты көн дәресләргә – уставлар, матди өлешне өйрәнүгә, стройда йөрүгә, тактик һәм сугышчан эзерлек, сәяси эзерлеккә бирелә; хәрби машиналарны йөртү, аларны төзәтүгә хәзерлек үткәрелә. Аннары курсантны 7 сәгатькә танк брезенты белән капланган ике катлы сәкеләргә озаталар – әлегә үк программа белән иртәгәге көнгә көч жыйсын өчен. Тагын ике сәгать иртәнге гимнастика, шәхси гигиена, өч тапкыр ашауга бүленә – бу 21 сәгать дигән сүз инде.

Калган өч сәгатьтә армиягә чакырылучы ял итә – казармадан хәрби машиналар паркына кадәр бара, ашханәгә бара, аннан кире кайта, кичке тикшерүдән соң, йоклар алдыннан, жырлап, майдан буйлап уза.

Газеталар, китаплар, кино һәм башка мавыгулары калып тора, алары артык: тәүлектә нибары егерме дүрт сәгать.

Кыска гына итеп әйткәндә, безнең укыту полкында барысы да бер һәм бердәнбер максатка буйсындырылган: полк хезмәткә чакырылучыдан солдат ясый, ә солдат исә фронтта Ватан өчен Жиңу яулашырга тиеш.

* См. ссылку на русскую версию книги А. Малова «Юность моя опаленная» на стр. 176.

* * *

Сугышчан яшьлек чорындагы күп нәрсәләр онытылды инде. Бары тик чын-чынлап тирән уелганнары гына хәтердә саклана. Хронология буенча барсаң, Рязань шәһәрәндәге укыту-танк полкында булып узган вакыйгаларга тукталу кирәк.

1943 ел. Полк мәктәбе курсантларының күбесе Рязань өлкәсеннән һәм Татарстаннан чакырылган 17дәге яшьжилкенчәкләр иде. Арабызда Казанны да, Рязаньны да беркайчан да күрмәгәннәр булса да, кыскалык һәм рифма өчен без «мин Рязаньнан, яисә мин Казаннан» дия торган идек.

Полкның беренче, икенче һәм өченче батальоннарында командирлар, механик-машина йөртүчеләр, союзниклардан – Бөекбританиядән һәм асылда АКШтан китерелгән танкларга каршы торырылык бронетанк техникасы өчен артиллеристлар эзерли. Бишенче батальон маршта исәпләнә: анда экипажлар туплыйлар; Дашково һәм башка авыллар аша 30 чакрымлы маршрут буенча атналык танышу-өйрәнү маршрутларында йөртеп, 10ар – 15әр экипаждан торучы зур булмаган партияләр белән фронтка озаталар.

Дүртенче батальон «терелеп килүчеләр батальоны» дип атала һәм үзенң барлыгы белән генә дә укыту полкындагы хезмәт итүчеләр составының социаль-икътисади тормышын тасвирларга мөмкинлек бирә алуы күзгә ташлана. Ул Евгения Гинзбургның «Текә маршрут»ында сүрәтләнәндән бик аз аерыла. «Дүртенче батальонда яралыларны дөвалаганнар» дип уйлаучылар нык ялгыша. Аның казармалары да безнең казармалар кебек үк: 12 сәгатьлек дәрәсләр, 3-нче, тыл категорияле паек. Ләкин, болай да житәр-житмәс, анысы да урланыла торган паектан нык хәлсезләнгән яшьүсмерләргә, биредә ул паек тулырак житкәндер.

Кайчакта кар даласы буйлап «почмак белән алга» яисә «киртләнчәк сулга» сугышчан һөжүмгә баручы ротага (дәрәсләрдә жәяүле дүрт курсант танкны сүрәтләп күрсәтәләр) карыйсың да, уйлыйсың: солдатлармы болар – солдатлар, хәрәкәтләнәләр, бик үк елгыр түгелләр түгелен. Ә менә плацта (мәйданда) «смирно» командасы буенча тезелгәч, 3 секундтан соң – шап! – берү сафтан егыла, аннан икенчесе, өченчесе...

Унжиде яшьтә кеше әле үсә. Ә безнең туклану рационы хәтта дәрәсләрдә чыккан энергияне капларга да житми иде, күрәсең. Ачыктан егылу, «тавык күзе», хәлсезлек тә шуннан.

Мондыйларны башка подразделениеләрдән шул терелеп килүчеләр батальонына жиберәләр. Әлеге батальонда яхшы ашаталар дип уйлау дәрәсләр булмас. Алай булса, аңа симулянтлар кереп тулар иде. Күрәсең, бу батальон-

да паекның барысы да сугышчыга барып житүне ныграк күзәтәләр, курсантларны, безнең кебек каты салкында да өйрәнү -дәрәсләргә кумыйлар, каравылга да жибермиләр. Эңгер-меңгер төшүгә берни күрмәгән кеше нинди сакчы була инде ул? Аларның дәрәсләре дә 12 сәгать түгел, йокы сәгатьләре дә безнекеннән берәр сәгатькә артыграк булгандыр, мөгаен. Моны кистереп әйтә алмыйм, анда булмадым, алла саклады.

Ничек мин дүртенче батальонга эләкми калдым, дип уйлыйм да, моның өчен аллага рәхмәт уку гына аз дип табам, чөнки жирдәге башка сәбәпләрне дә истән чыгарырга ярамый.

Даими өстәмә туклану турында сүз дә була алмый. Иртәнге 200 граммлы икмәк паегы полк базарында 20 сум, төшке ашныкы 250-300 сум тора. Ә безгә аена 11 сум «хезмәт хагы» түләнә. Шулай да...

Мин тәмәке тартмый, солдатка тиешле махорканы шикәргә алыштыра идем. Тартучылар аны көн саен киндер янчыкка жыеп бара, ә мин атнага бер тапкыр өстәмә паек алам.

Аннан соң хәрби хезмәткә чакырылганчы механизаторлар арасында эшләп, яхшырак тукланганмын, күрәсең. Безнең трактор бригадасы янәшәдәге биш колхоз кырына хезмәт күрсәтә иде – колхозларда ирләр кулы да,⁴ ат көче дә житми иде. Ниндидер афәт аркасында бөтен атларның барысы да диярлек кырылып беткән. Шунлыктан колхоз рәисләре чөчүне вакытында төгәлләү өчен безгә хәтта соңгы тәкәләрен суеп ашатырга да эзер иде. Сөт, йомырка, ит һәм бал белән кызыктырып, безне үзләренә тартырга тырышалар иде. Бригадирыбыз Кашшаф, тумыштан «куян иренле» булу аркасында армияга чакырылмый калган астыртын һәм хәйләкәр кеше, моннан бик оста файдалана иде, шуңа да без колхозларда начар тукланмадык.

Тракторчыларның авыр физик хезмәт белән мәшгуль булып, яхшы сыйфатлы туклануы, күрәсең, организмны шундый хәлгә китергән: мин ярты ел буе ярымач хәлдә яшәсәм дә, дүртенче батальонга эләкмәдәм.

Өченчесе. Ихтимал, минем организм туклыклы матдәләр житәрлек кермәүгә әкрәнләп жайлашты, кирәккеләрен нәтижәле алырга, азга канәгать булырга гадәтләнә. Бу фараз үз күзәтүләремнән: без, казанлыклар, юк-юк дигәндә дә туганнары килеп ашатып йөргән рязаньныкыларга караганда, ачыктан азрак интектек һәм дүртенче батальонга да сирәгрәк эләктек. Кыскасы, без яшәвен яшәдек, ә яратырга теләк юк иде инде...

Батальоннар нигездә унжиде яшьлек яшүсмерләрдән тора иде, дидем. Роталарда бик сирәк кенә – 100-200

4 * Сүз МТСларның трактор отрядлары турында бара.

кешегә бер – «картлар» да очраштыра. Госпитальләрдән чыгып, командование тарафыннан жибәрелгәннәр дә, комендатура тотып алган шомарганраклар – остарып, айлар буге «бер хәрби частытан икенчесенә бару юлында» йөрүчеләр дә юк түгел. Бездән аермалы буларак, болар инде шомарган, дөнья күргән, еш кына дары исен иснәгән халык. Араларында шәп яшәүче аферистлар, караклар да була иде. Әле дә хәтеремдә: шундыйлардан берәү газета төпләмәсен, юка гына мануфактура тасма белән урап, тукыма төргөгә ясаган, аны базарда саткан дип сөйләгәннәр иде. Кайберәүләр, табышларынан рота командирына да өлеш чыгарып, еллар буге тылда ята.

Дөнья күргәннәр арасында, «югары квалификацияле солдатлар» да очраштыргалый иде. Аларның кайберләре хезмәткә яңа чакырылганнарда дөньяга караш формалаштыруда һәм тәртипкә өйрәтүдә зур роль уйнады. Шулар турында сөйләргә теләм.

Мондыйларның берсе безнең бүлек командиры кече сержант Поликарпов иде. Карап торышка килбәтсез генә: ни гәүдәсе, ни командирларча тавышы, ни сугышчан бүләкләре юк. ГАЗ-АА полуторкасында йөртүче сыйфатында үзе катнашкан фин кампаниясе хакындагы хикәятләре генә үзенә бертөрле. Сөйләвенә караганда, ул юлның миналанган урыннарын шундый тизлек белән узган – мина машина артында гына шартлап калган. Бәлки чынлап та Финляндия суыкларында шартлау механизмы соңгарып эшләгәндер? Булуы ихтимал...

Хәзер ул безне сугышчан машиналар йөртергә өйрәтә. Ул бик шәп йөртүче, без аны хөрмәт итәбез, сөйләгәннәренә дә чын күңелдән ышанабыз...

Аның турында без ясаган тәжрибәле фронтовик абруеннан тыш, аны ул принципиаль кыю гамәлләре белән дә саклай белә иде.

Безнең белән бергә, взводта, бронетанк гаскәрләре маршалы Федоренко бертуганының улы, яшьтәшебез дә укыды... Фамилиясе шулай ук идеме – хәтерләмим. Әмма ул безгә иш түгеллеген аңлай, үзен аерымрак тота,

ротада дуслары да юк. Дөрәс, аның тирәсендә берничә куштан курсант йөри, мөгаен, ул аларга вакыт-вакыт, эткә сөяк ыргыткандай, кайбер ашамлыклардан өлеш чыгаргандыр. Без полк мәктәбенең тулы курсын узганда ул өч мәртәбә Мәскәүгә абыйсы янына барып кайтты. Әлеге сәфәрләре өчен аңа махсус баштан-аяк өр-яңа киём бирелде: итек, бүрек һәм шинель. Безнең өстә – бушлат, шлем-буденновка, 2 метрлы чолгау белән киелә торган ботинкалар. Китәр алдыннан аның киём-салымын «штейн» ижегенә бетә һәм авыр истә кала торган фамилияле рота командиры үзе тикшерә иде. Без аны «Ви» дип йөртә торган идек, ник дигәндә, ул бөтен кешегә дә «Вы» дип дәшә, тик аның бу сүзә «Ви» булып чыга иде.

Пөхтә, яше һәм чинына туры килми торган түгәрәк корсаклы зат (бу ачлык хөкем сөргән тылда!) буларак, ул, әлбәттә, үзенә чины буенча үтәргә тиешле авыр фронт эшенә сәләтле түгел иде. Аңа сугышта исән калу кыен булчак иде. Шуңа күрә безнең итагатыла өлкән лейтенант тылдагы жылы вазифасын югалтудан бик курка. Моның өчен ул теләсә нинди түбәнлеккә төшәргә һәм хәтта эшкеләккә дә әзер; маршалның маңка туганы алдында ялагайланудан да тайчынмый иде.

Уткен «туган», моны сизеп, вазифасы буенча рота командирынан түбәнрәк торучы, шулай ук фронтка бару теләкләре бик үк булмаган командирлар белән дә артык хисаплашып тормый. Әмма язмыш шаяруының безнең Поликарпов белән беренче тапкыр сүзгә килүе аңа кыйммәткә төште.

Ул көнне Поликарпов рота буенча дежурный иде. Отбойдан соң, гадәттәгечә, батальон буенча дежурный роталарны йөрәп чыкты. Поликарпов аны казарма буйлап, кайбер караватларның ни өчен буш булуын аңлатып, (дневальный, наряд, лазарет һ.б.), озатып йөрдә. Рота, әлбәттә, әле йокламый, ләкин йоклаган кыяфәттә иде. Казармада отбойдан соң булырга тиеш тынлык хөкем сөрә. Карап йөрүчеләр маршал туганы караваты янына житүгә, әлеге оятсыз, мөгаен, эчен казна ризыгы белән генә тутырмагандыр, юрган астынан бөтен казармага ишетелерлек шартлатып жибәрә. Ә үзе тынын да чыгармый, – йоклай. Янәсе, йоклай. Тик күршеләре түзми, мөдәргә капланып, пырхылдап көлеп жибәрә. Батальон буенча дежурный берни дә булмаган кыяфәт белән алга үтә. Өстәвенә ул моны кем эшләвен дә аңламый кала.

Поликарповка исә өлкән командир алдында уңайсыз. Ул бу хәлнең үзеннән-үзе түгел, махсус эшләнүен чамалый. Тик начар ният белән кылынган тәртисезлек өчен жәза бирергә нигез юк. Батальон буенча дежурный чыгып китүгә, казармада шаркылдап көлү ишетелә. Ә «мәзәкче» барысыннан да кычкырыбрак көлә. Инде кече сержантның маршал туганын званиесе буен-

ча өлкәнрәкнең түбәнрәктәгеләр алдында алдан уйлап дәрәжәсен төшерүдә, ротаның көн тәртибен бозуда гаепләргә нигезе бар. Ул жинаятчы янына килә һәм команда бирә:

– Кызылармеец Федоренко (кабатыйым, аның бу фамилияне йөртүенә шикләнәм), подъем!

Теге тормый, рота буенча кизү әмеренә буйсынмый. Поликарпов, озак уйламыйча, аның өстеннән юрганын тартып ала да, аягыннан тотып, бөтен казарманы уятырлык тавыш белән:

– Торырга! – дип кычыра.

«Туган» дежурныйга буйсынган булса, эш бәлки казарма идәннен кырып юарга мәжбүр итү белән беткән дә булыр иде. Әмма югарыда яклау табарына нык ышанган тискәре курсант һаман киреләнә һәм укуту полкында гомергә күрелмәгән кыргыйлык! – дежурныйның кулына тибеп жибәрә. Чалгы ташны тапты, дигәндәй, хәзер бөтен рота вакыйганың дэвамын көтә. Кем кемне?

Ротадагы башка командирлардан аермалы буларак, Поликарпов фронтка жибәрүләреннән курка торганнан түгел иде. Командир намусы һәм абруе ачык күрүгән бу мизгелдә ул мәсьәләне тиз һәм нәтижәле хәл итте. Коралланган дневальный белән бергә ул тискәрене урыныннан тартып төшерде һәм эчке киёмнән, яланаякка киелгән ботинкаларда маршал туганын төн буге сак астында бастырып тотты. Иртән, рота юыну эшләрен төгәлләгәч, ул аны мичкәләрдәге суларны (безнең казармада канализация юк иде) чиләк белән ташып, юынтык су чокырына түгәргә мәжбүр итте. Гадәттә бу эшне дневальныйлар башкара иде. Шуңа күрә алар кече сержант күрсәтмәсенә төгәл үтөлешен бик теләп күзәттеләр. Без дә шулай ук кече сержант яклы идек, чөнки «туган»ны беркем дә яратмый иде.

Иртәгесен, төнге хәл турында рапортны ишеткәч, «Ви»ның коты очты. Әгәр малай-шалай шаяртуынан башланган инцидент турындагы хәбәр бронетанк гаскәрләре маршалына барып ирешсә? Бу бит аның карье-

расына «сугачак», һәм, бик ихтимал, бөтен язмышына? «Ви» тәртип бозучы белән сөйләшкән, Поликарповның тупаслыгы өчен гафу үтенгән һәм әлеге фактны йомып калдырырга бик тә тырышкан икән, дип сөйләделәр. Тик «туган», күрәсен, үзе дә булып узган хәлне онытырга кирәк дип тапты.

Өйрәнүләр тәмамланганнан соң аны Мәскәүгә чакыртып алдылар, һәм мин аның турында башка берни дә ишетмәдем.

«Ви»ның язмышында әлеге хәлнең йогынтысы сизелмәде: безне фронтка жибәргәндә ул 20-нче укуту полкында калды.

...Инде күз алдына китерегез: әгәр безнең яраткан Поликарповыбыз өстендә взвод командиры, аннары рота, батальон командирлары, ә батальонныкыннан өстә полк командованиесе, шул исәптән гвардия подполковнигы званиесендәге штаб начальнигы тора икән. Безгә, сары томшыкларга, полк штабы начальнигы нинди ярымалла булып тоелырга тиеш!

«Гвардия» сүзе безнең өчен серле көчкә ия, чөнки ул гади кешеләр өчен буй житмәслек булып тоелган ниндидер элитага кергәнлекне дәлил ите. Без ул вакытта легендар дан һәм шундый ук калын яшеренлек пәрдәсе белән уратып алынган гвардия минометлары – «катушчалар» турында ишеттек. Мөгаен, безгә андый частыкка эләккәнче дөягә энә күзенә керү жиңелрәк булгандыр. «Гвардиячелек»кә үтүгә аз гына өметләнү өчен дә өч буын туганнарының «тормады», «жәлеп ителмәде», «булмады», «яшәмәде» һ.б. шикелле фиғыльләр белән тутырылган анкета мәгълүматлары булырга тиеш иде. Мин, мәсәлән, ул вакытта андый иләктән уза алмас идем. Минем ике туганнан туган абыйларым, авылда бердәнбер югары белемле укутучылар – ул заман өчен бик сирәк күренеш – халык дошманы буларак репрессияләнделәр. Әлеге «дошманнар»ның икесе дә үз вакытында КДУның биофагын тәмамлаганнар һәм укутучылар мәжлесендә бөек галим һәм ялгышмаучы юлбашчы Иосиф Сталин яклавында булган академик Т. Лысенко турында бер-ике мезәк сөйләгәннәр.

Штаб начальнигының минем күзалларында кул житмәс югарылыкта торуы тагын шуңа күрә иде – полкта булган ярты ел эчендә мин аны ике генә тапкыр күрдәм. Кеше никадәр азрак күзгә ташланса, ул шулкадәр бөегрәк булып тоела, чөнки аның карамагындагылар аның кешелек сыйфатларын күрү һәм аларга бәя бирү мөмкинлегеннән ерак тора.

Менә бервакыт гвардия подполковнигы Воскобойников фигурасы тирәсендәге нурлы алка (фамилиясен дә хәтерлим – бу минем өчен шулкадәр истә калырлык вакыйга булды) кинәт сүнде. Моңы исә бронетанк

гаскэрлэре маршалы, я булмаса башка югары житэкче түгел, ә гади, дөрес, дөнья күргәннәр арасыннан, кызылармияче эшләде.

Бервакыт кышкы чатнама суыкта (шагыйрьнекендәге кебек диярлек) гвардия подполковнигы Воскобойников эчкән килеш полк урнашкан урынга якынлашып килә. Шәһәр үзәгеннән түгел, кирпеч заводында эшлөүче хатын-кызлар яши торган бараклар ягыннан, бистәдән килә. Әлеге баракларга офицерларга (алар гаиләләре белән яшиләр) караганда, безнең турыдан-туры командирларыбыз – кече комсостав «көтүгә» йөри иде. Сукмак бирегә Иран аша кайтарыла торган Америка сугыш техникасы белән тулы булган чокырлар буйлап – өске яктан бара.

Караңгы төшә. Әче жилле суык үзәккә үтә. Спирт һәм хәрәкәт итеп жылынган гвардия подполковнигы исә әлегә бик үк изаланмый. Эмма чокыр кырые буйлап үтеп-сүтеп йөрүче сакчыга рәхәт түгел. Шуңа да ул, күрәсен, чокырга төшөп, машиналар арасына кереп утырган.

«Броняда утыра, эт жан, жылыда, – дип уйлый гвардия подполковнигы. – Бик ихтимал: жылынгандыр да йокымсырап киткәндер. Ә бәлки кирпечче хатын-кызлар янына киткәндер? Паркны саклаучысыз калдыргандыр?»

Әлеге вариантларның телсә кайсысы постта торганда тыела. Штаб начальнигы шундый күзгә бәрелеп тора торган башбаштаклык яныннан болай гына үзып китә алмый ич инде!

– Часовой! – дип кычкыра гвардия подполковнигы. – Әй, часовой! Жавап бир!

Тынлык. Штаб начальнигы күңеленә корт керә башлай: «Алып китмәделәр микән аны? Диверсантлар?»

Америкадан кайтарылган машиналар ягулык һәм сугыш кирәк-яраклары белән тээмин итү тулы комплектыннан тыш, экипаж әгъзалары өчен «НЗ» (кагылгысыз запас) белән дә китереләләр иде. Әлеге пакетларда йөзем, дүңгыз итеннән тушенка, коры печенье, шоколад була. Моннан тыш – безнең сәнгәт ирешә алмаган бик тә якты кесә электр фонарьлары. Боларның һәммәсе ниндидер юллар белән Рязанның кара базарларына үтеп керә һәм анда югары бәяләнә.

Часовойның дәшмәве подполковникны сагайтып жибәрә. Кирәк була калса дип, ул пистолетын чыгара һәм чокырга төшөп китә. Яңадан:

– Часовой! – дип кычкыра. – Син, эт жан, кая качтың?

Шул вакыт якындагы машинадан винтовкасын алга төзәгән часовой күренә. «Тегендиләрдән», дөнья күргәннәрдән. Гвардия подполковнигы кызып китеп аңа ташлана: «Инде ярты сәгать сине эзлим! Йоклыйсыңмы, оятсыз, я...»

Эмма солдат, үзенә таныш булмаган офицерны,

житмәсә кулында пистолет белән күрөп, бик тиз карарга килә. Өйрәнелгән алым ярдәмендә мылтык түтәсе белән кулына китереп суга – пистолет төшөп китә. Офицер пистолетына үрелүгә, часовой, мылтык белән аның муенына кундырып, карга ега һәм тревога күтәрә. Бик тиз килеп житкән наряд коралсызландырылган штаб начальнигын кулга алып, каравылчы йортына алып китә.

Салмыш «гвардияченә» мондый «сизгерлегә» ничек булып беткәндер, миңа белгесез. Мондый хәлләр хакында рядовойларга хисап бирмиләр. Шулай да әлеге вакытгадан соң гвардия тирәсендәге «нурлы божра» юкка чыкты.

Кешегә һәрвакыт мөстәкыйльлеккә, бәйсезлеккә омтылу хас, еш кына ул, аеруча яшь вакытта, кайгылы, хәтта фажигалә хәлләргә китерә. Иерархия системасындагы армия тормышы өчен, бигрәк тә сугыш елларында, мөстәкыйльлеккә, мондый ирекке омтылыш катгый чикләнгән иде. Безнең һәр адымыбызга, гамәлебезгә, хәтта фикерләү рәвешезгә дә Эчке хезмәт уставы параграфлары һәм кече командирлар юнәлеш бирә һәм күзәтчек итә иде. «Яхшымы бу яки начармы?» дигән сорауга мин бүген дә китереп жавап бирергә ашыкмас идем. Сүз бит кулларына корал алырга тиешле яшь кешеләрнең әле ныгып житмәгән рухи егәрә хакында бара. Онытырга ярамый: званиесе буенча кечерәкнең өлкәнрәккә буйсынуыннан башка – армия булмый һәм була да алмый. Моңа кайчак бик тә кырыс чаралар ярдәмендә ирешәләр.

Теләкләренә ирешүдә бәйлә булу тойгысы, рядовойлар өчен вакытлы, узып китә торган гына булса да, вакыт-вакыт житәкчекнең дуамаллыгы һәм башбаштаклыгы белән көчәйтәлеп, каршылыктар китереп чыгара, гәүдәне турайту һәм үз өстеннән хакимлекне алып ташлау теләге, мөстәкыйль һәм ирекле булу хисләре тудыра. Армиядә рядовойга андый мөмкинлек бары ике очракта – сугышта һәм каравыл хезмәте үтәгәндә генә элгә.

Икенче очракның мөмкинлекләрен без Бывалый дип атап йөрткән иптәш бик оста чынга ашырды. Чынлап та, без, яшьләр, теориядә генә белгәнне ул гамәлдә эшләп күрсәтте. Безнең Бывалыйның кыланмышларына карата уңай мөнәсәбәтебез һәм аны яклавыбыз да шуннан иде булса кирәк.

Эмма чамасын белгәндә генә бар да яхшы була. Малайлар күңелә исә яхшы һәм начарны үлчәү чамасын билгеләргә һәрвакытта да сәләтле түгел. Чаманы югалту фажигагә китерә.

...Төнлә белән әйбер склады янында часовой кеше атып үтерә.

Бу хәл гыйнвар аенда, яңа чакырылуучылар өченче ай хезмәт иткәндә була. Фронтларда көн саен меңәрләгән

кеше һәлак булганда, кемнедер үлеме әлләни шақка-тыргыч та, гаҗәп тә булып тоелмады. Шуңа да часовой бит инде ул – объектны сакларга, кирәк булганда атарга да тиеш. Тик биредә, тылда, Устав таләпләрен үтәү өчен кеше тормышы белән түләү кирәк булдымы икән? Агач баракта берәр төрле кыйммәтле хәрби мөлкәт булдымы икән? Полкка килгәндә без киеп килгән «гражданский» киёмнәр тутырылган капчыкларның анда саклануын белә идек. Хәрби форма кигәч, безне: бөтен әйберегез өйләрегеzegә, гаиләрегеzegә жибереләчәк дип, ышандырдылар. Әмма әлеге мәшәкәтьле эш белән беркем дә шөгыйльләнмәгәндер дип уйлыйм – һәрхәлдә, минем ата-анам полктан жиберелгән берни дә алмады.

Безнең иске-москы, нигездә, хәрби машиналар сөртү өчен чүпрәк сыйфатында файдаланырга паркларга жиберелә иде. Яхшырак әйберләргә кайбер хәйләкәр интендантның базарда ризыкка яисә спирты эчемлеккә алмаштыру ихтималын да кире кага алмыйм. Барыннан да бигрәк, биредә пост куеп, командование бары укыту максатларын гына күздә тоткан булса кирәк – «салагалар»ны каравыл хезмәтенә өйрәткән.

Бу урында мин аңлы рәвештә проблеманы гадиләштерәм: мондый «югары» дәүләти мәсьәләләр һәм максатларның, аларга ирешү өчен корбан ителгән кеше тормышы белән чагыштырганда, никадәр әһәмиятсез булып калуын күрсәтәсем килә.

Аткан кешене мин шәхсән белми идем, ләкин мин аннан нык аерылып торганмындыр дип уйламыйм.

Мәктәп елларыннан ук безне, безнең буынны сугышка әзерләделәр. Безнең авыл мәктәбәндә, мәсәлән, ДОСААФның күптән түгел генә булып узган чорындагы кебек түгел, ә чын-чынлап ГТО һәм ГСО түгәрәкләре эшләп килде. Без ул түгәрәкләрдә дәрестән тыш вакытта шөгыйльләндек, нормативлар тапшырдык. Хезмәткә һәм Оборонага, санитар оборонага әзерлегебезне раслаган значокларны горуруланып тагып йөрдөк. Борауланган казенниклы өйрәнү винтовкасын саклык белән кулыбызга алып һәм бик тырышып «мелкашка»дан (кечкенә калибрлы винтовкадан) атарга өйрәнә идек.

Без, «Чапаев», «Парень из нашего города» кебек киноларны карап, «если завтра война, если завтра в поход, будь к походу сегодня готов!» дип, жырылап үстөк.

15 яшемдә искереп беткән тәгәрмәчле тракторда эшләргә мәҗбүр булганга күрә мин үзем белән янәшәдә генә чылбырлы СХТЗ – НАТИда эшләүче Николай Дядиннан бик тә көнләшә идем. Ул еллардагы иң яхшы трактор булганы өчен генә түгел. Сәбәбе: йөреш өлеше белән ул экраннарда ниндидер жиберелгән испан күпере аркылы, үз юлларында һәммә нәрсәне таптап, меңьяшәр наратлар һәм кедрларны аударып, тыелгы-

сыз рәвештә Ерак Көнчыгыштагы дошман ягына таба элдерткән легендар танкларга бик тә охшаш иде.

Сугыш техникасына бала чактан салынган мэхәббәт миндә соңыннан да юкка чыкмады. Мин Америка бронетранспортерларына, аларның әкрен генә, музыкаль гөрелдәү тавышы чыгарып, ярымчылбырлы – резиналы йөрешенә гашыйк идем. Парлы-парлы 4 эре калибрлы «браунинглар» белән бердәм электр кабызгычлы җайланма куелганы турында әйтәсе дә юк! Хәтта фронтта да, каршы як коралының куәтен җитәрлек татыгач та, мин аларның эшләвенә соклана идем. Аеруча тәэсирле күренеш – җайланмадан бөркелгән ут, аеруча төнлә белән, дошман якны ныграк куркыту өчен яктыртып очучу пулялар белән корылганда шундый була иде.

Шундый бронетранспортер бирсәләргә, ниндидер Мумба-юмба кебек Африка дәүләтенә жиберсәләр, без аны «эһ» дигәнче яулап алыр идек тә аның халкын, белми ничә ел буге, куркытып-буйсындырып тотар идек! – без, малай-шалай, ул вакытта шулай уйлый идек.

Укыту полкында үзөбезнең илдә җитештерелгән ату коралларының, танкларга каршы коралларның барлык төрләре һәм системаларының диярлек матди өлешен, тактик-техник үзенчәлекләрен үзләштердек, өйрәндөк. Моннан тыш Бренн системасына караган британ пулеметларын, Бойсс ПТРын, 7,62 һәм 12,7 мм калибрлы америка браунингларын, матур, алтынланган патроннары белән әсир итә торган һәм катлаулы, ләкин механизмы сугыш өчен уңайлы көйләнмәгән Томпсон системасы пулемет-пистолетларын да өйрәндөк. Без каршы якның «манлихер», «шмайссер», «вальтер» кебек кораллары барлыгын да белә идек.

Әмма, кызганыч, аларның берсеннән дә безгә атып карарга туры килмәде. Без, II батальонда тәрбияләнүчеләр, гомумән, үзөбездәге кораллардан булса да атып карадыкмы-юкмы, хәтерләмим. Мин укыту полкының ату кыры кайдалыгын озак хәтеремә төшерергә тырышып карадым, искә төшерә алмадым.

Без – механиклар-машина йөртүчеләрнең коралы – сугыш шартларында тоткарсыз эшләп торган техника. Ләкин теоретик белемнәр белән коралны гамәлдә кулланы арасындагы коточкыч зур аермага юл кую, атуга малайларга хас көчле теләк-омтылышны бик аз гына булса да канәгатьләндерү, мөгаен, педагогларча түгелдер. Ә хәзер, әйтелгәннәргә өстәп, күз алдына китерегез: яңа чакырылучы тормышының кырыс тәртибеннән кисәк кенә беркем дә чикләмәгән, баш әйләнерлек хакимлеккә күчерү! Хакимият белән сынауны хәтта кешелекнең бөөк акыл ияләре дә күтәрә алмады. Ә монда малайларның зәгыйфь җилкәсенә кинәт шундый йөк!

Ул хәтәр төндә Бывалый, безнең ротага госпитальдән

килгән бердәнбер кеше, отбойдан соң, кече хажәтен үтәргә дип казармадан чыга. Койма буендагы полк территориясен кисеп үтүче такта корылмага ук барасы килми. Барак янына, ягъни әйбер склады янына килә. Шулвакыт әлеге «хәрби» объект артыннан часовой килеп чыга, янтыгына штык тери һәм «Кулларыңны күтәр!» дип, команда бирә.

Бывалый ашыкмый, куллары буш булмаганга гына түгел: фронтта өзгәртү торышына карап хәрәкәт итәргә күнеккәнчә, бу очракта часовойга да, ул саклаган объектка да куркыныч янамый, дип исәпли. Тәртип бозучы, ягъни ул үзе, тыелган арага якынлашып, «жинаять булган урыннан» куып жибәрелергә тиеш, ләбаса! Ахыр чиктә – аркасына мылтык түтәсе белән кундыру. Мин үзем шуның белән генә чикләнер идем.

Әмма хезмәткә яңа чакырылганнар әлеге хәлдә башкача уйлый: каравылда торганда сизгерлегә белән мактанасы килү, иптәшләре, командиры алдында үзен күрсәтәсе килү, бер сәгатлек хакимлегеннән файдаланып, көперәю. Гади итеп әйткәндә, болар аның уйламый-нитми, Уставның асылын түгел, аның хәрәфен үтәргә өйрәтелгән булуыннан.

– Руки! – дип кычкыра ул. – Руки вверх!

Тегесе приказны үтәргә ашыкмый: кулларын күтәрер иде – шинеле шуып төшәчәк, һәм ул чатнама гыйнвар салкынында эчке киёмнән, яланаякка кигән ботинкаларда калачак. Әлеге яшь ахмак аны шул хәлдә күпме торырга мәжбүр итәр икән? Бу инде аның дуамаллыгына бәйле: үзе башкалардан күргәннәре-кимсетелүләре өчен үч алырга теләсә, озаграк тотар. Яхшы күнелләрек, акыллырак булса, шунда ук тревога күтәрер, наряд чакыртыр. Әмма бу очракта да – каравыл килеп житкәнче, полк территориясенә икенче ягындагы каравыл йортына барганчы тунып үләрсең!

– Жибәр, солдат! – дип үтенә Бывалый. – Син нәрсә? Минем нигә монда икәнлекне күрмисеңмени?

– Часовой белән сөйләшмәскә! – Усал солдат үз сүзендә нык тора. – Кулларыңны күтәр, алайса атам! – Һәм ул күкрәк турындагы штыгына тотына.

– Ах, син, хәерсез! – ди ачулы Бывалый. – Кемгә корал күтәрәсең? Мин әле яңа гына фронттан... Яраларым да төзелмәгән.

Төмам чыгырыннан чыккан Бывалый, ярысып, штыгын ала һәм шулай итеп үз язмышын хәл итә...

Өенә, үтерелгән солдатның ата-анасын юатып, ул еллардагы гадәт буенча, мөгаен, бер үк сүзләргә язып жибәргәннәрдер: «фажигалә төстә һәлак булды». Бывалыйга ул вакытта нибары 23 яшь тирәсе иде.

Ә яшь солдат – «көн батыры» рота строе алдында шул еллар өчен гадәти булган мактау сүзләре ишет-

те: «Каравыл хезмәтен сизгер үтәгән өчен». Аның күңелендә үз жинаятенә карата үкенү хисе, я булма-са намус рәвешендәгә нәрсә уяндымы икән? Кем белә. Әмма солдат Устав таләпләрен берсүзсез үтәү рухында тәрбияләнгән иде шул.

* * *

44-нең апрель ахыры. Дәрәсләр төгәлләнде. «Прощание славянки» маршын уйнап, 20-нче танк полкы көн саен үзәндә тәрбияләнгән солдатларны фронтка озата.

Бүген унбиш экипаждан торган безнең төркем хөрмәтенә музыка яңгырый. Иван Коротин, Вася Бочаров, Иван Федотов, Иван Пересыпкин, Зәки Фәтхуллин хөрмәтенә, минем хөрмәткә. Беренче, һәм, кем белә, бәлки гомердә соңгы тапкырдыр. Музыка килчәктәгә казаньшларга аванс буларак уйный: полк безгә, унжиде яшьлекләргә ышана!

Такта стеналар арасындагы кирпич баганаларың белән сау бул, барак! Цемент идәнле һәм ике катлы сәкеләрең, мышгылдаган борчаларың белән тулы казарма, хуш!

Музыка безнең тынгысыз жаннарны телгәли, капка артында колоннаны көтеп торучы Рязань хатынкызларының сөйләшүләре безне төмам чыгырдан чыгара:

– Ай, аллам, шулкадәр яшьләргә кая куалар инде? – Коткар һәм сакла аларны, мескенкәйләрне!

«Интер»ларыбыз гөбәрдә акрынлап полк оркестры тавышын басып китүеннән без айныйбыз, күңелләребез катылана, әрсезләнәбез. Без хәзер ирекле, коралланган кешеләр, үзәбезгә сәңдерелгән кыйммәтләргә кырыс, тиз һәм яңабаштан бәялибез. Көчкә төяләшеп – ярый әле без Рязань жирендә түгел, безгә күрше юлда торучы азык-төлек вагонын таларга да озак сорап тормыйбыз.

– Ә часовой? – дип сорарсыз. Ул вагон өчен җавап

бирмимени?

Часовой берүзе безнең утыз пулеметка каршы нишли ала? Пулеметларның яртысы эре калибрлы, тимер ярымвагонның ике бортын да шундук тишеп чыгара. Моңы аңлаган часовой тыныч кына состав артына кача.

Безне буйсындыручы юк, хакимият юк, без беркемнән дә курыкмыйбыз! Ә хакимияттән башка көч – куркыныч һәм хәтәр нәрсә.

Теләсә кайсы хакимияткә корал көчен кулдан ычкындырмаска насып булсын! Ныклы әхлак нигезләре булмаган очракта бу көч күп хәвеф-хәтәрләр китереп чыгарырга мөмкин.

Эшкә яқынаю

Формалаштыру пункты – укыту полкы белән хәрәкәттәге армия частьлары арасындагы урын. Ул укыту полкларының эзер продукциясен кабул итә һәм аны сугышларда йөрөп таушалган часть һәм берләшмәләргә жибәрә торган склад кебек жыелма.

Формировкага жибәрелгән танк частьларында гамәлдәге сугыш техникасы булмый. Әгәр операция ахырына бер-ике танк яки башка техника калса, аны фронтта калдыралар – алыштырган частька.

Сугыш тәҗрибәсе туплаган хезмәттәге составка килгәндә, командование аны югары бөяли, саклый, чөнки ул булачак сугышчан берләшмәнең сыйфатын һәм традицияләрен саклауга нигез булачак. Формировкаларда төп нигезгә өле сугышта булмаган яшьләр, таратылган частьлар сугышчылары яисә госпитальдән чыккан сугышчылар өстәлә.

Формировкада уздырылган көннәр үзе бер хозурлык. Яшьләр өчен бу жан һәм тән тынычлыгы көннәре, гәрчә беренче категория фронт паегыннан тыл паегына күчү аларда артык сөенү тудырмаса да. Әмма тылда ял итүнең беренче көннәрендә ашау – икенче планда, синең хәзергә исән, һәм, аллага шөкер, хәтта сәламәт.

Икенчеләр өчен монда ардыра торган дәрәсләр, каты – тимер – дисциплина булмавы әйбәт. Званиесе түбәнрәк югарырак званиедәге алдында кыл кебек тартылмый. Кешеләр арасындагы мөнәсәбәтләр укыту полкындагы кебек үк ясалма, формаль түгел, жылырак, кешелекләрәк һәм, әгәр шулай әйтергә яраса, эшлекләрәк, чөнки һәммәсе дә аңлап тора: алда уртак житди эш, аны башкару өчен үзара аңлашу әһәмиятле. Ә икенче категорияле паекка күчү аларның күптәнне теләкләре үтәләше булып кабул ителә.

...Тарихка уңышлы буларак кереп калган Россось – Валуиск операциясеннән соң Тула янында 3-нче гвардия танк армиясе яраларын төзәтте: аның частьлары һәм кушылмалары майда жанлы көч һәм техника белән

тулыландырылды.

Рязаньнан китеп, бер атналык юл үткәннән соң без, Теснический формалаштыру пунктына килдек. Сугышка кадәр биредә Тула шәһәренең пионер лагерьлары, ял базалары урнашкан булган.

* * *

Укыту полкында безгә 15 тәүлеккә житәрлек коры паек һәм документлар бирделәр. Алар үзезнең полктан билгеләнгән берзүгә тапшырылды.

Житәкчелек эшен шундый кешегә тапшыргач, укыган жирдә кешеләрне начар белгәннәр, диясем килә. Бурычлылык тою хисе дә, ышаныч белдергән кешеләр өчен дә, аларның мөлкәте өчен дә жаваплылык тою аңа ят нәрсә иде. Ул актив, дөресрәге, кыбырсык: һаман житәкчеләр безнең башлык тирәсендә бөтерелә, «теле белән тегермән тарта» иде. Бу эшкә аны сайлау шуның белән аңлатыла иде булса кирәк.

Әлбәттә, бу дәрәжә житәкчегә зур бурычлар йөкләми, житәкчелек бары азык-төлек аттестатлары, полк мәктәбен тәмамлау һәм званиеләр бирү турындагы аттестатларның аның кулында булуы белән чикләнә иде. Алардан башка без беркая да кача алмыйбыз һәм безнең турыда кайгыртасы да юк иде.

«Курыкмагыз, егетләр!» – дип, безгә ярага тырышып, эчкерсез кеше булып кылана иде ул. – Туйганчы ашагыз! Ун тәүлек эчендә безне полкларга таратачаклар. Алданрак таратсалар – ха-ха-ха! – азык-төлек аттестатларын мин «югалтам...»

Мондый «коткы салу»дан без биш тәүлек эчендә алынган паекның яртысын ашап бетердек. Берәүләр станцияләрдә каяндыр табылган кайнар су эчә-эчә концентратлы ботка ашый. Икенчеләре тукталышлар вакытында котелокларда ботканы пешерү жаен таба. Шул сәбәпле безнең машина командиры белән беренче мәртәбә ара бозылды.

Командирны, эти-әниләрне кебек үк, аның кул астындагылар сайлап алмый. Аны ничек бар, шундый итеп, кем әйтмешли сыйфатына дөгъва итми кабул итәсең. Минем машинага командир итеп Буа районнан якташым Зәки Фәтхуллинны, холкы белән искиткеч сабыр һәм, шунысы гажәп, бик таза гәүдәле егетне куйдылар (безнең ашау белән соң!).

Ул елларда фронтка баручы хәрби эшелоннарда гына «яшел урам» бирелә иде. Безне исә, расписаниедән тыш, ачыклыктарга кертеп алып барганнар булса кирәк. Шуңа да тукталышларда күпме тора чагыбызны берәү дә белми. Шулар арада ничек ботка пешерергә? Башлылар табылды. «Осталар»дан берәү вагоннан котелок белән сикереп төшә дә, үз вагоны буксаларыннан сальникны

тартып чыгара һәм котелок астына куя. Ул тиз кабына, котелок андый ягулыктан шулай ук тиз кайнап та чыга. Ботка эзер, һәм бер мәшәкәтсез. Ә мае калмаган вагон скатларының киләсе станциягә кадәр үк сафтан чыгасына уйлап табучының исе дә китми.

Тукталышларның берсендә, вагонга кайнар су алып килгән чагымда, үземнең командирның нәкъ шул шөгылә вакытына туры килдем.

– Син нишлисең, Зәки! – дип ачуланып кычкырдым мин. Техник яктан хәзерлекле кеше буларак, минем теләсә нинди машинага карата андый мөнәсәбәтне жөнөм сөйми.

– Син бит утырган ботагыңны кисәсең, юләр! Ун километр узгач, вагонны ычкындыралар һәм ташлап калдыралар. Син шуны аңлайсыңмы?

– Син нигә борчыласың? ди, – Зәки тыныч кына. – Берни дә булмый. Мин беренче түгел...

Гомумән, мин командирдан «уңдым». Машинист безнең вәхшилектән сүгенә-сүгенә, һәр тукталышта тасма буйлап йөгереп, кыргыйларның котелокларын тибеп очыра иде. Эмма моннан ни файда: майланган сальниклардан учаклар һаман кабынып торды. Безнең аң дәрәжәбез шундый иде шул.

Александр Малов.
1945 год.

Немецларда, сонрак билгеле булганча, моңа охшаш нәрсәләргә тәрбия белән генә түгел, гаскәрләренә алдан уйлап тәэмин итү белән дә юл куелмаган. Солдатларга портсигар кадәр генә зурлыктагы бик кечкенә коры спиртлы спиртовкалар бирелгән, ул моңа охшаш очракларда проблеманы тулысынча хәл иткән.

Ничек булса булды, эмма безне Тула янындагы билгеләнгән станциягә кадәр китереп житкерделәр. Без ботканы дача йортлары һәм төрле төстөгә такталы челтәрле беседкалар тирәсендә пешерә башладык.

Бервакыт безнең янга ике «сатып алучы» килде – озын буйлы, киң жылкәле старшина һәм уртачарак гәүдәле сержант. Сораштыра башладылар: каян, мобилизациягә кадәр кем булып эшләдегез? Безнең төркем экипажларында җаваплар бертөрләрәк була иде: Рязаньнан яисә Казаннан, механик-машина йөртүчеләр, элек тракторчы булып эшлэгәннәр, ә командирлар – колхозда (совхозда) төрле эштә яисә заводта (фабрикада) хезмәт куйганнар.

Эгәр дә сатып алучылар өчен сайлап алу критерие кешеләр түгел, техника булса, бу очракта сайлау тагын да бертөрләрәк була торган иде. Ул «инәдән генә төшкән» хәлдә җыелган, без, механик-машина йөртүчеләр, техниканы әле чит ил төргәгендә алган килеш тотабыз һәм әлегә эштән чыгарырга өлгермәдек.

«Сатып алучыларның» сораштырулары формаль, күз буяу өчен генә иде ахры. Тик безгә аларның демократик булуы ошады: безне болай гына алмадылар (югыйсә: «кабыз, чык, бу юл белән бар!» дия алалар иде бит), ә нәкъ менә аларның данлы полкына керергә инандырдылар. Шунысы да әһәмиятле иде: теге яисә бу полкны тәкъдим итеп, алар безгә нинди дә булса сайлау мөмкинлеге калдырдылар.

Без Иван Коротин белән алдан ук, билгеләнгәндә бергә булырбыз дип, килешеп куйган идек. Аның белән укуы полкында ук дуслашып киттек. Тормышның күп кенә мәсьәләләренә карата безнең аның белән, Рязань төбәгенең Сасовский районы егете белән, карашларыбыз туры килә иде. Мордваларга хас булганча, Иван киң яңаклы, тыныч, карарларында катгый, кайберәүләр кебек житәкчеләр күзенә керергә тырышмый, беркем алдында да куштанланмый. Ягъни нинди булып күренә, шундый иде. Ваняның авыр вакытта мине ташламайчагына, хыянәт итмәячегенә иманым камил иде, һәм сонрак, фронтта мин моңа күп мәртәбәләр ышандым.

Безгә Вася Бочаров, каланча кебек ябык һәм озын гәүдәсенә бик үк туры килми торган чәрелдек тавышлы Рязань егете тартыла иде. Командирлар: Иван Коротинныкы – Иван Пересыпкин, Рязаньнан; Вася Бочаровныкы – минем якташым Иван Федотов.

«Сатып алучыларга», старшина Крутицкийга, өч эки-

паж бүлөп бирелде, шул исәптән бездән икәү.

Полк штабында гвардия өлкән лейтенанты, полк начфины Доброквашин кизү тора иде.

– Тәртип буенча үзегез белән таныштырыгыз, – диде ул, язарга әзерләнеп. – Кемнәр буласыз?

– Кече сержант Фәтхуллин, машина командиры.

– Сержант Малов, бронетранспортерда механик-йөртүче.

– Документлар! – диде начфин. – Документларыгызны бирегез!

Без дәшмәдек.

– Документлар югалды, – дип, һәммәбез өчен дә Крутицкий җавап бирде.

Биредә искә төшерү урынлы булыр: звание бирелү турындагы приказны безгә нәкъ китәр алдыннан укыдылар, һәм без аның билгеләрен киёмгә гытегәргә дә өлгермәдек. Ә тышкы кыяфәтебез, әлбәттә, әйткәннәргә ышандырырлык түгел иде. Начфин фикеренчә, безгә сержант булырга иртәрәк иде әле.

– Сездән нинди сержантлар? – диде ул мыскыллап. – Рядовойлар булып хезмәт итегез. Менә шул.

Без дәшми генә аның хөкемен «йоттык». Бер уйлап карасаң, сугышка нинди званидә барсаң да барыбер түгелмени?

Икенче яктан, ниндидер начфин ихтияры белән рядовойга дәрәжәсенә төшерелү белән дә килешәсе килми. Мин бит сержант булуга үземә тапшырылган техниканы бик яхшы белүем аркасында ирешкән идем. Комиссия алдында имтихан тотып, званигә тәкъдим ителдем. Хәзер инде берәүне дә гаепләп булмый – шаярма, егеткәй!

...Әнә шулай 57 нче аерым гвардия Полтава Кызыл Байраклы авыр танк полкы хәрби составы исемлегендә тагын алты рядовой кызылармияче барлыкка килде.

Безне саперлар взводына яздылар. Аның командиры гвардия лейтенанты Рогулин, килүебез турындагы рапортны кабул итеп, иң элек:

– Сез кичке ашны ашадыгызмы әле? – дип сорады.

Без «юк» дип, җавап бирдек.

– Золотарев, яңаларны ашханәгә озат!

Землянкадан безнең яшьләрдәге, бәлки берәз өлкәнрәктәдер, урта буйлы, аксыл чөчле, моңсу зәңгәр күзле егет чыкты. Күкрәгендә сугышчан медаль. Караңгылана башлаган урман буйлап ул безне балчык өйгә алып килде, мөгаен, ул сугышка хәтле жәйге лагерь сезонунда терлекчеләргә хезмәт иткәндер. Поварга:

– Миша, ашат аларны! Алар хәзер безнекеләр, – диде.

Кечкенә квадрат тәрәзәне эчке яктан ак башлыклы алсу чырай каплады:

– Ә алар тәэмин итү исемлегендә торами?

– Аларның аттестаты юк. Югалттык, диләр. Взводный җайларга вәгдә итте. Бәлки ашарга нәрсә дә булса калгандыр, рәхимле бул!

Миша исемлесе безгә сынаулы караш ташлап, теләр-теләмәс кенә: «Андыйларны туйдырып буламыни?» – дип куйды.

Ярты еллык өченче категория ризыгы, уку полкындагы ундүртәр сәгать дәрәсләр белән киптерелгән, ябык, озын хәлдә – гимнастеркаларыбыз элгечтәге кебек асылынып тора – без аның өчен бик үк теләп алган клиентлар түгел идек. Ул хаклы иде: без, чынлап та, күпме һәм нәрсә булса шуны ашарга әзер идек.

Хәзер менә Сергей Золотарев тырышлыгы белән безнең котелокларга борчак концентратыннан пешерелгән салкын аш салдылар. Әмма ипи бирмәделәр. Анысына да рәхмәт!

Инде бөтенләй караңгыланды. Күңелләребез күтәрелеп, без үрелгән,читән койма артыннан чыктык, Сергей Золотарев, без ашарга утырганда әдәплелек күрсәтеп, шунда чыгып торды. Вася хәтта үзенең чәрелдек тавышы белән:

– Безне хәзер сугышка алып бар, безнең Золотарь! – дип, җырлап ук җибәрде.

Әмма ул вакыттагы популяр җыр җаена яраклаштырылган бу ахмак шаяруны юлдашыбыз игътибарсыз калдырды. Түмгәктә утырган көенә, басынкы һәм берәз югалып калган тавыш белән ул:

– Егетләр, мин бернәрсә дә күрмим. Кайсыгыз булса да кулыгызны бирегез. Ярый, минем белән ... шулай булгалый, караңгы төшкәндә. Бик начар ашаталар монда. Тизрәк фронтка җибәрсеннәр иде!...

Күңелләребез күтәрәнкелеге мизгел эчендә төтен кебек таралды.

... Яшеллек. Алан. Хәлне ала торган май кояшы. Һәм тынлык. Аны бары кошлар җыры һәм анда-санда урман һәм ерак булганга йотыла торган танк десанты автоматчылары ротасы командирлары тавышлары гына боза. Аларда взвод, рота командирлары, иерархия. Һәм тәртип.

Ә без ятабыз. Урман кырыена рәхәтләнеп таралыштык та, юа, кузгалак, тагын ниндидер үлән, мин үләннән исемен дә белмим – Сергей китерде – чөйнибез.

Бөтенесе хәлдән тайган, кузгалырга да иренәләр, ә ул торган, урманда йөргән, бер пилотка үлән җыйган:

– Тамак ялгап алыгыз, егетләр, без мондыйлар балачакта ук ашый торган идек.

– Тузбаш елан күк шуыш, анаңны! Артыңны күтәрмә! Алайса нәкъ ансыз гына әниңә кайтырсың – очередь белән кырып алырлар, – дигән тавышлар ишетелде урманнан.

...Пехота өйрәнүләр үтә. Билгеле ки, өйрәнгәндә күбрәк тир түксән, сугышта азрак кан түгәрсең.

Без дә өйрәнүләрдә. Без – саперлар, бер үк вакытта минерлар, полк разведчиклары, ике бронетранспортер экипажы (өченче машинаны танк десантына бирделәр) – барысы унсигез кеше.

Тыныч, төпле Ломакин. Кама аръягы Кызыл Чапчак авылыннан минем тынгысыз якташым Ибраһимов. Кечкенә, зәһәр Божокин, Золотарев һәм старшина Шигалиев. Болар Калинин тирәсендә сугыш чыныгуын узганнар, бүләкләре бар. Сержант Закурдаев һәм Кара Сәидов армиягә сугышка хәтле үк чакырылганнар, шунан бирле формаларын салганнары юк. Поздняков һәм Фидря шулай ук сугыш чыныгуы алганнар. Кузнецов һәм Сафонов кырыкның аръягында. Беренчесенең кызы минем яштышем икәннән беләм (хатыны хатларында: тыңламый башлады, дип зарлана), икенчесенең өч баласы бар.

Алар өйрәнүләрдән туйган. Уставларны ятлап бетергән. Осталыклары сугышларда тикшерелгән. Яңалар алтау гына. Аларның дүртесе – бронетранспортер экипажлары; шөгылләнә калсак, безгә матди өлеш яисә бездән башка беркем белмәгән америка пулеметлары. Безнең уставларыбыз да үзебезнеке – бронетанк гаскәрләренеке. Ә ике яңа кеше – саперлар Сидоров һәм Губочкин аркасында картларны куып йөрү килешерме икән?

Старшина, мөгаен, килешмәс дип хәл иткәндер. Безне полк урнашкан урыннан ераккарак алып китте дә перекурға жибәрде. Үзе бармаклары бер-берсенә үрелгән кулларын баш астына куеп ята, күзләрен йомган һәм перекурны өзәргә дә жыенмый сыман.

Старшина кызык кеше үзе. Тәбәнәк, түгәрәк кенә, пышылдабрак әкерен генә сөйләшә, хәтта строй алдында да. Өлкәнрәкләр, аеруча дөнья күргәннәр белән исәпләшә. Безнең кебек яшьләр белән үзен укучы укучыла-

Иван Ломакин

ры белән сөйләшкән кебегрәк тотта. Кешеләрне нарядка билгеләгәндә, колхоз бригадиры эш бүлгәндәге кебек, боерык бирү урынына жайлап күндерә. Бер сүз белән әйткәндә, ул тышкы кыяфәте белән дә, үз-үзен тотышы белән дә яман аты чыккан армия старшинасы тибына якын да килми. Уставларны төгәл үтәүне таләп итеп тә аптыратмый. Әлеге очракта бу безне бик үк борчымый. Ятабыз. Көч жыябыз.

– Нинди рәхәт! – дип, буыннары шыгырдаганчы сүзылып, күзләрен йомып хозурлана Сидоров. – Күктә болытның әсәре дә юк!

– Әйе-е, күк чип-чиста. Шулай да, Вася, исеңдә тот: ул һәрвакытта да андый түгел һәм һәркемгә дә рәхәтлек китерми, – дип уйчан гына әйтеп куя Ломакин.

– Фронтта шушы минутта кем дә булса мондый күкне каргый торгандыр, мөгаен. Узган ел, шундый ук һава иде, Орлов тирәсендә безнең өскә утызлап «хейнкель» ташланды.

Без, әле дары исе иснәмәгән яшьләр, колакларыбызны торгызабыз. Дөнья күргән кайсыбер солдатның хикәятеннән бер генә Уставта да таба алмаганыңны белергә мөмкинсең. Ә Ломакинның ике еллык сугышчан тәҗрибәсе, ике медале бар, өстәвенә, исән-сау, бары бер мәртәбә генә яраланган. Әлбәттә, аның сөйләвен тыңласаң да була.

– Алар безнең зениткаларны бастырдылар да, өйрәнү полигонында йөргән кебек, безнең өстә йөриләр. Берсе артыннан икенчесе тигез вакыт аралыгы белән өзлексез карусель ясадылар, кабәхәтләр. Эш начар, бу женле карусельдән тизрәк котылырга кирәк, дип уйлыйм. Янәшәдә минер Микишкин ята, башын да күтәрми. «Сеня, дим, алга йөгери! Күрәсеңме, нинди колея сузалар? Бетәчәкбез бит». – «Ят, тиле, күтәрелә күрмә!» Күрәм, аны окоптан куптарып булмый. Вакытны чамалап, алга атылдым. һәм, чираттагы «горбыль» бомба ташлаганчы, әле шартлаудан төтенләп торган воронкага сикердем. Воронка тирән, кыйпылчыклар миңа кадәр килеп житмәячәк, турылап кабат атмаячакларын мин инде беләм.

– Ә ни өчен? – дип гажәпләнеп сорый Губочкин.

– Бер ноктага ике тапкыр тидермиләр. Син, мәсәлән, 50 метрдан булса да бер ноктага ике пуля туры китерә аласыңмы? Юк шул...

– Кызык, – ди, уйланып кына Губочкин, – ничек соң бу минем башыма килмәгән?

– Бомбага тоттылар, киттеләр. Мин үзебезнең окопка кайттым һәм ...

– Ыштанымны юарга киттем, – дип кинәт генә кыстырып куя Божокин.

Барысы да көлә.

– Мин кайттым, – дип, Божокинның сүзләренә ил-

тифат тимичә дэвам итә Ломакин, – күрәм: стабилизатор Сеняның баш сөяген чәрәкләгән. Менә сиңа, Вася, сәйран..

Ошый миңа Ломакин. Тыныч холыклы, яхшы күңелле. Нәрсә турында сорасаң да, аңлатыр, ни белгәнән сөйләр – Божокин сыман керделе-чыктылы сүз уйнатып утырмас.

Гомумән, ышанычлы. Тагын бер шундый зат бар – Сергей Золотарев. Авыр чакта аларга таянырга мөмкин кебек тоела миңа. Шуңа да мин аларга тартылам, һәм күреп торам, мин генә дә түгел.

Кояш әкрән генә югары күтәрелә. Сережа алып килгән үлән, юа һәм кузгалак шул арада икенче төрле нәтижәгә китерә: болай да яхшы аппетитыбызны тагын да ныграк кыздырып жиберә.

– Тыныч вакытта, – ди Ломакин, кояшка карап, – хәзер безне ворошиловча иртәнге ашка дәшәрләр иде.

– Анысы нәрсә тагын?

– Ну, икенче иртәнге аш. Беренчесе, бездәге кебек үк, торгач бер сәгатътән соң. Салкын кабымлыкка балык кисәге, сыр яисә йөз грамм каймак. Аннары котлет белән карабодай боткасы яисә селедка белән төйгән бәрәңге. Ак май салынган. Һәм маринадланган кыяр кисәге.

– Иван, тукта! – ди Николай Божокин.

– Һәм, әлбәттә, чәй. Чәй эчмәсәң – ничек көч булсын! Дөрөсмә, Сәидов?

Ә ворошиловча иртәнге ашка күмәч һәм бер стакан сөт яисә парлары чыгып торган какао...

– Иван, пластинканы алыштыр!

– Ул чагында биш мәртәбә ашаталар иде: ике иртәнге аш, төшке аш, полдник һәм кичке аш. – Ломакин берни булмагандай дэвам итә.

Чынлап та дөрөс микән? Әллә Ломакин боларны Божокинның ачуын чыгару өчен генә уйлап чыгарамы? Биш тапкыр! Әйтмә дә генә...

Шулай да Ломакин алдамас. Фидряга яисә Божокинга мин ышанмас та идем: беренчесе мактаньрга ярата, ә икенчесе шаяртырга оста. Ул иң кечкенәсе, тик безнең арада иң үткене һәм бик хәйләкәр, чыгышы белән Көнбатыш Украинадан булган, корсагы салынып төшкән кырык яшьләрдәге Рибкадан гына калышадыр. Аннан барысында да көтәргә була. Кичә, мәсәлән, Сафонов белән имән кисәкләре (алар авырлыгы белән туры килә) кисеп, өстенә юка гына итеп кер сабыны сылап, бер крәстиан хатынның бәрәңге котлетларына алмашкан. Һәм бүген Божокин ашказаны авыртудан башкаларга караганда ныграк жәфалана.

Һаман шулай инде: паекка гына яшәсәң – ач икәнәңне тоясың, тик түзәсең. Ашказаныңны өстәмә ризык белән узындырсаң, түзеп булмый башлый. Лома-

кин Божокинның кичәге хикмәтләреннән хәбәрдар, аны хупламый һәм хәзер, белә торып, украин борщының өстенлекләре, майлы «шрапнель» хакында шундый тәмле итеп сөйли, хәтта сабыр Сергей да, төкереген йотып, авыр сулап куя:

– Әх, кайчан фронтка жиберәләр инде? Бер туйганчы ашар идек!

Божокин авыр теманы үзгәртәргә жай чыгуга куана:

– Сергей Петрович, азын, Россось тирәсендә, син бөтенләй башкача әйтә идең кебек: «Әх, тизрәк тылга китәсе иде, – туйганчы йоклар идем хет!» Ник син шундый үзгәрүчән, ә? – дип сорый Божокин, үзенең итагатьле эндәшүе белән дустаның ничек тә жан күңелен кузгатасы килү теләген яшереп.

– Үзгәрмәссең монда, – дип килешә Сергей, кулларын каеш астына тыгып. – Күрәсеңме, эч аркага ябышты. Мондый туклану белән яшәвен яшәрсең, тик яратырга теләмәссең.

– Ай-яй-яй, Сергей Петрович, Ватан турында яхшы сөйләмисең син, ах, яхшы түгел! Ватанны аны шундый гына ризыклар булса да яратырга кирәк.

– Ватанны тынычлыкта калдыр. Мин Ватан турында түгел! Һәм Алла биргәнне күкәй төбәсе белән бутам!

– Ә сиңа хәзергә башка берәүне дә яратырга рөхсәт ителмәгән. Шулай булгач, халык, армия һәм иптәш Божокин каршында жавап бирүдән тайпылма, – дип һаман бәйләнә Божокин.

Бетмәс-төкәнмәс мәкерләргә оста ул, аеруча житди дөрөслек яратучы кыяфәтенә кереп, хәзер тыныч һәм эзлекле рәвештә мескен Сергейны тәмам чыгырыннан чыгарганчы тырышчак. Бары шул вакытта гына һәм секунд та иртәрәк түгел – моны инде без беләбез – Божокин йөзенең елмаю рәвеше чыгарып, хәтерә калып, кызып киткән Сергейның жылкәсеннән кагып, килешкән төсендә шулайрак әйтер:

– Әх, Сережа, бигрәк йомшак һәм жавапсыз инде син! Сугыш та сине бер дә чыныктырмаган, кырысландырмаган. Тынычлан без!

Һәм барысын да шаяруга әйләндерә. Бу юлы Сергейны тел көрәшендә жиңелүдән старшина командасы коткара:

– Перекур тәмам!

...Туп һәм пулеметлар атып инде прицел дөрөсләнгән һәм тикшергән. Полигонда иң яхшы нәтижәләргә ирешкән артиллерист Фәхретдиновка полк строе алдында гвардия майоры Богунов үз кулындагы сәгатен бүләк итеп, моның белән командир буларак чын өйрәнүләренә ничек югары бәяләвен күрсәтте.

– Бу бит полкның алтын фонды һәм өмете! – дип белдерде ул. – Барыгыз да шундый булса иде!

Моннан соң без полигоннан китәрбез, дип көткән идек инде, тик Мәскәү һәм Коломна митрополиты Крутицкий килгән, дип хәбәр иттеләр.

– Нидән бу? – дип юраштык без.

Сәбәбе бар икән: полктагы танкларның бер өлеше рус православие чиркәве иганәсенә төзелгән булып чыкты. Билгеле, әлеге акчалар теләсә нинди башка төр коралга да тотылырга мөмкин иде. Әмма иганәне сайлау хокукы ярдәм күрсәтүчегә бирелә. Ул вакытта чиркәү иң куәтле ИС-122 танкларын күрсәтә. Шулай итеп без, инануларыбыз буенча күпчелегебез атеистлар, көтмәгәндә чиркәүнең яраткан затлары булдык та куйдык.

Һәм менә экипажлап тезелгән полк каршынан вакарь белән һәм кукураеп, бөркегечен селеккәләп, ак монах бүреге кигән изге ата бара. Аның артынан – яланбашлы яраннары.

– Коткар, Ходам, үзеңнең кешеләреңне йә үзеңнең казанышларыңны ярлыка, – тыныч кына берәз көйләбрәк, тик аерымачык итеп әйтте митрополит һәрбер экипаж алдына туктап һәм изге су бөркеде, – дошманнарны жиң һәм мәрхәмәт кыл!

Безгә, көчле команда яисә каты митинг тавышы белән мөрәжәгать итүгә күнеккәннәргә, митрополитның әкрән тавышы ят булса да, аңлаешлы иде. Митингтагы ораторны тыңларга да, тыңламаска да мөмкин. Ә аны, син, ирешалмас зат каршында синең өчен нәрсәдер үтенеп, синең үк катнашыңда сүз салучыны тыңламаска мөмкин түгел.

Шундый мәртәбәле зат тарафыннан һәм гажәеп тантаналы рәвештә башкарылган изгеләндерү йоласы бездә чиктән тыш дини экстаз уятты дип, әйтә алмыйм. Ә менә вакытлыча уйланырга мәжбүр итте. Әлбәттә, ул, Алла юк – бу безгә билгеле. Әйе... Әгәр булса? Әгәр мин күңелем белән булса да аңа ышана калсам, нәрсә югалтам соң? Бу хакта беркем дә белмәячәк. Бәлки ярдәме тияр? Сугышка жыенабыз бит...

Һәм әлеге минутларда руханиларга карата бездә балачактан ук тәрбияләнгән мыскыллап карау инде юк; поп, поп хатыны һәм монашкалар турындагы төрле оятсыз мазәкләр дә урынсыз булып тоела.

Су белән изгеләндерү гыйбадәте тәмам. Югары изге зат коралның куәтен гамәлдә күрергә теләк белдерде. Теләк аңлашыла да: чиркәү аңа бер өем акча кертте! Ул чакта бер танк ярты миллион сум тора иде, ә аларның күпмесен чиркәү бүләк итте? Анысы барыбер табышмак булып калды.

Саратов колхозчысы Феропонт Головатый очкыч бүләк иткәч, аның бортына бу хакта аршынылы хәрефләр белән яздылар. Чиркәүнең Ватан алдындагы казанышларын күрсәтү гадәткә кермәгән иде шул.

Кунакның теләге – армиядә дә закон. Полк командиры приказы белән орудие командиры якташыбыз Фәхретдинов булган танк атакага ыргыла. Барган юлында, кыска тукталышлардан, өч мәртәбә ата. Хәрәкәт итүче танкны сурәтләгән киртәдән йомычкалар гына оча.

Митрополит канәгать. Күзәтү каланчасыннан төшә, үзенең бик зур, вагон хәтле лимузинына утыра, һәм барлык чиркәү яраннары полигоннан китеп бара.

Әмма полк өчен гадәти булмаган вакыйганың давамсы да бар иде: митрополит ата безнең өчен бик яхшы итеп төшке аш әзерләткән. Аш шушында, полигонда ук булды. Аякларыбызны махсус казылган траншеяларга асылындрып, жир-анабыз безгә өстәл дә, урындык та булып хезмәт итте, танкистлар һәм без ашау-эчүгә керештек.

Изге аталарның вәгазьләре безнең яшь, әмма шактый катыланган күңелләребездә артык яңгыраш тапмаса да (безнең өчтән беребез комсомоллар иде), ашказаннарыбызга дәшү белән алар бик тиз аңлау тапты. Беренчегә – итле токмач, икенчегә – итле караодай боткасы. Ә иң мөһиме, дүрт кешелек экипажга берәр шешә кагор!

Их, асылда кеше нинди көчсез! Изге зат маяларынан бер стакан шәраб – һәм руханиларга карата ялгыш мөнәсәбәт тә юк. Полк замполиты һәм комсоргына бу ошаганмы-юкмы икән белмим, тик төшке аш вакытында дини затлар файдасына берәз гына мәрхәмәтлешаян, ләкин безнең рәсми пропагандага туры килмәгән искәртмәләр ишетелә башлады:

– Ә нәрсә, егетләр, поп миңа ошады, эчкерсез. Һәр атна саен аңарда изгеләнергә риза!

– Дин әһеле дип атала. Ә күрәсезме, тормыш өчен әһәмиятле икмәк турында кайгырта. Бу нәрсәнедер аңлата.

– Сине жирләргә килгән ул, юләр! Ишеттеңме, нәрсә көйләде: мәрхәмәт ит, диде. Рогулин саперлары сине, әлбәттә, болай гына да күмеп куя алалар. Ләкин Колесниченко, синең кебек бозык кешене жир кабул итмәс. Ә үзең син Ходайдан сорарга сәләтле түгел. Синең өчен тырыштылар инде, аван белән.

– Авызыңнан жил алсын! Копыловтан күбрәк гонаһлы түгелмендер әле!

– Әй сөз, митрополит сөеклеләре! Үзегезнекеләр өчен яшь түгүдән туктагыз. Белмим инде, ул жаның «үтермә» принцибы белән ничек ярашадыр, ләкин ул безгә жиңу теләде!

– Һи! Митрополит теләгәнне замполит үк теләде! Ярый бу! Мин, егетләр, бик теләп аның экипажында хезмәт итәр идем! Машинасындагы тупны күрми калдым, аның каравы багажнигы – oho-ho! Анда чынлап та

нәрсәдер бар. Ротный гына жибәрмәс дип куркам.

Чиркәү шәрабы, көчле булмаса да, берәз башка китте. Күңелле, кайгысыз жайга көйләде. Ә нигә күңелсезләнәргә? Бу минутка реаль куркыныч күренми. Митрополитның Алла каршында яклавына без әлегә мохтаж түгел. Әле янадан, ут астында, инде беркемнән дә ярдәм көтеп булмаганда, без аны искә төшерербез һәм сорарбыз: «Йа Ходай, ярдәм ит һәм коткар!»

Хәер, бу ярдәм – шактый проблемалы нәрсә. Беренче кампаниядә үк без егерме бер машинадан унсыгезен югалттык, еш кына экипажлары белән бергә: өч бронетранспортерның берсен, берничә автомашинаны, аларга хезмәт итүчеләрнең якынча өчтән ике өлешен. Күрәсен, безнең таныш митрополит каршы якның лютеран руханиена караганда Аллаһы Тәгаләдән азрак үтенгәндер.

Алла бер – моны дөньядагы барлык диннәр таний. Әмма чишелеш мөмкин булмаган үтенечләре белән әле бер, әле икенче чабуыннан тартканда, ул нишләргә тиеш инде? Хәл, аңлавыбызча, катлаулы. Шуңа күрә Алла карарына ниндидер йогынты ясау өчен бер генә алым бар: «сакланганны алла саклар» дигән рәвештәге принцип буенча эш итәргә.

...Ике шеренга булып тезелгән полк фронты буйлап әкрән генә дәүләт комиссиясе атлый – полкның сугышларга әзерлеген тикшерә.

– Шикаятъләр? Дәгъвалар? – дип сорый комиссия рәисе һәркайсыбыздан.

Ә комиссия әгъзалары берәүнең шәхси коралын күрсәтүен, икенчесенең аяк киemen салуын, өченчесенең билгә кадәр чишенүен, ә кайберәүләрнең тагын да түбәнрәк чишенүен сорыйлар. Киём-салымны, шәхси коралны, противогазларның төзеклеген, солдат биштәренең эчендә ниләр барлыгын һәм сугышчыларның санитар торышын жентекләп тикшерәләр.

Комиссия намус белән эшли. Шулкадәр акрын кыймылдыйлар, хәтта без инде басып торып та ардык. Ниһаять, безнең подразделениегә «вольно» командасы бирелде. Барысы да аңлый: тиздән фронтка, шуңа да бик таләпчән һәм тантаналы халәт хөкем сөрә.

Кинәт шеренгалар каршында, бөтен солдат-офицерларның күз алдында, вакыйгаларга бай булмаган формиривка тормышында озак вакытларга эчкерсез «хөкем» һәм шаярту-көлү предметына әверелерлек хәл була.

...«Вольно» командасыннан соң, безнең Сергей Золотарев хәжәтен үтәп килергә рөхсәт ала. Һәм ирексездән аңа төбәлгән йөзләргә карашлар астында шеренгаларга перпендикуляр юнәлештә урманга, таныш такта будкага таба йөгәрә. Будкага барып житәргә берничә адым кал-

гач, әкрәнәйтәлеп төшерелгән кадрлардагы сыман, башта бер аягы, аннан икенчесе белән салмак кына жиргә ... бата башлый. Менә ул биленә кадәр төшә, аннары култык асларына кадәр бата, йөзгәндәге кебек, кулларын эшкә жигә. Ярга барып житкәч, көчәнеп-тырышып, өскә чыга һәм былтыргы яфракларны, үләннәрне үзенә жыеп-ябыштырып, жирдә тәгәри башлый. Шуннан соң бөтен полкның шаркылдап көлүе астында урманга, кырык беренче елдан калган бомба чокырлары янына йөгәрә.

Әлегә тарихта иң кызыгы шуннан гыйбарәт – Сергей, башка саперлар белән бергә, әлегә будканы тулган чокырдан яңа казылганына күчүдә үзе дә катнашты, әмма ул, күрәсен, бу хакта онытырга өлгергән. Хәер, жил дә яфрак- үләннәрне шул якка таба себереп, чокырны шул дәрәжәдә күмеп-маскировкалап куйган. – бичара Сергей чабып барган мәлгә берни дә күрә-шәйли алмаган.

Табиғатта белән чиста-пөхтә Сергей киёмнәрен башта күп тапкырлар бомба чокырында жыелган язгы суда, аннары кайнар су белән юды – старшина Злобин ул суны полк кухнясыннан берничә чиләк бирергә рөхсәт итте. Эчке киёмнәрен дә алыштыргач, ул үз тирәсендәге сугышчылардан күпкә чистарып-агарып калды. Ләкин Божокин һәм Фидря, чамадан тыш чиркану-жирәнү күрсәтеп, әле озак вакытлар стройда аның белән янәшә басудан баш тартты...

Ниһаять, дәүләт комиссиясе полктан китеп барды. Ачыкланган шикаятъләр һәм дәгъвалар – булсалар да – хәл ителде. Хәзер инде безне формиривкада тоткарлардай сәбәп юк. Югарыдан команда көтәсе генә калды. Тиздән ул команда бирелде.

Төн. Тревога! Безнең өчен ике эшелон бирелә. Саперлар взводы һәм без беренче эшелонда барабыз. Алга, Көнбатышка!

Башладык!

Ул көннөрдө генерал-полковник П.С. Рыбалко житәкчелегендөгө 3 нче гвардия танк армиясе 1-нче Украина фронты составында хәрәкәт итте. Армия составында өч корпус – 6-нчы һәм 7-нче танк корпуслары, 9-нчы механикалаштырылган корпус. Иң куәтле чорында армиядә 55 меңләп кеше исәпләнә иде. Армия Бөек Ватан сугышы тарихында якты эз калдырды. Сугышның соңгы елларында аның тарафыннан уздырылган операцияләр, хрестоматия мисалына әверелеп, Бронетанк гаскәрләре хәрби академиясендә өйрәнелә. Сугыш елларында илнең биш танк армиясендә 16 кеше ике тапкыр Советлар Союзы Герое исеменә лаек булды, шулардан 8 кеше – 3-нче гвардия армиясендә.

Безнең 57-нче авыр танклар полкы (аны искечә «өзү» полкы дип тә атып иделәр), турыдан туры командующийга буйсынып, бер корпус составына да кермәде. Сугыштагы вәзгыятькә карап һәм корпуслар алдына куелган бурычлардан чыгып, аны вакытлыча беренче яки икенче яисә өченче корпус карамагына тапшыралар иде. Сугышның соңгы елында ул өч корпусның да частьлары белән хәрәкәт итте.

Вакыты житкәнче полк һөжүм итүче гаскәрләрнең икенче эшелонында булды. Алданбаручылар эшнә башкара алмаганда яки оборонада булганда, дошманның көчле басымына каршы тору кирәклегенә килеп туган очракта, әйттик, танк һөжүме янаган юнәлешләрдә, аны беренче эшелонга күчәрәләр иде.

Армиядә тагын бер авыр танк полкы һәм САУ-152 (үзйөрешле артиллерия жайланмасы) полкы бар иде. Бу юлы без хәрәкәттәге армия белән Тернополь шәһәре яныннан күтәрелеп чыгарга тиеш идек.

...Югары тизлектә барабыз. Алда – алтын Украина... Балчык сыланган, агартылган өйләр, пирамидалы топольләр очрашалар – без күргән нәрсәләр түгел. Туктаган арада тиз генә жирле халык белән алыш-биреш итеп алу башлана. Сатарга дип, хәрбиләр төрле кирәк-яракларны, хәтта аяк чолгауларын да алып чыга. Бер тәвәккәле хәтта өстендәге шинелен дә сатып жиберде. Ул аңа нәрсәгә! Урамда – жәй, көзгә кадәр шинельсез дә йөрөп була. Ә көз житкәч... Нинди киём киясе билгесез – бәлки агач киёмдер... Ярминкәгә бармыйбыз бит. Исән калсаң, шинель проблема түгел, аны беренче үтерелгән солдаттан ук алып була...

Булган әйбер юк-бар бәягә китә, ешрак шәмәхә төстәге самогонга яисә берәр ашарлык нәрсәгә алыштырыла.

Алыш-бирешләрдә мин дә катнаштым. Әни, «сугышка баручы» улына дип, жылы йон оекбашлар бәйләргә жыенган иде. Өлгермәде. Ир-ат заты калмаган колхозда көз ахырына кадәр ул авыр ирләр эшен тартты. Кайта да кичке аштан соң урынга ава, өй мәшәкәтләренә вакыты калмый. Повестка килгәч, аякларына йон оекларын салып, «кыш алда, үземә бәйләрмен әле», дип, миңа бирде.

Озын кунучлы хатын-кыз оеклары яшь егеткә гаяр кыяфәт бирми-бирмәвен.

Нишлисең, кыш – кыш инде, мин старшинадан качынып, шул оекларны киеп йөрдем. Хәзер аларның кирәге калмады! Сугыш машинасында мин артык әйбер тотарга яратмый идем. Оекларны әнием яшендәге украин хатынына тәкъдим иттем. Ул моңсу гына минем чебешнекедәй муеныма, таякка элгән кебек асылынып торган гимнастеркага күз ташлады. Бәлки минем кебек үк читтә миһнәт кичерүче улын исәнә төшергәндер, миңа ярты тавык сузды:

– Миңа берни дә кирәкми, улым, мә, аша!

Мин болай булдыра алмадым, әлбәттә. Әниемне искә төшердем, уңайсызланып кына оекларны украин хатыны кулына тоттырдым һәм эшелонга таба ашыктым.

Ә алыш-бирешкә бернәрсәң дә булмаса?..

– Әй, чибәркәй! Яшь егет кирәкмиме? Күр, арзанга биреләм! Үкенмәссең!

Шаркылдап көлү...

Фронтның якында гына булуы сизелә. Кечкенә станцияләрдә кешеләр сирәгәя, фанера йолдыз куелган каберләр күбәя бара. Тимер юл буйлап сузылган, кышка силос сала торган траншея кебек озын чокырда – туганнар каберлеге: дошман авиациясенең уңышлы бомбага тотуы аркасында безнең ниндидер укчы часть корбаннарының соңгы сыену урыныдыр инде бу. Танк частьларында һәм механикалаштырылган частьларда аның кадәр кеше булмый. Безнең полкта, мәсәлән, 400 ләп кенә кеше иде.

Фронтка бару юлында бер-ике мәртәбә очраган бомбардировщиклар төркемнәре – рәхмәт төшкере! – әлегә безне читләтеп үтте. Күрәсең, бездән мөһимрәк нокталары булгандыр.

Тик һәммәсе дә хәвеф-хәтәрсез генә булмады. Кайсыдыр станциядә беренче эшелонга сиздермичә бандеровчылар утырган. Күтәрелешкә менгәндә алар танклар төялгән соңгы ике платформаны ычкындырганнар. Платформалар башта арткарар калды, соңрак тизләнә төшеп, артка төгәрәде. Ярый әле, алар артыннан килүче безнең икенче эшелонга зыян килмәде. Диверсия барып чыкмады.

...Менә алда поляк алпавытының зур жиләк-жимеш бакчасы. Черешня агачы төбөндә (инде жимешләре дә пешкән!) штаб полуторкасы урнашты. Тар гына арада – безнең эре калибрлы пулеметлары зенитка төбөлгән ике бронетранспортер урнашты. Читтәрәк полк кухнясыннан төтен чыга. Бакчада комендант взводы сугышчылары йөри, ара-тирә агачлар арасында бакчаның иң күркәм бизәге бакчачы кызының чөчәкле күлмәге күренеп китә. Саперлар алгы сызыкка киттеләр – полк командиры өчен КП төзиләр.

Штаб янында Нина исемле мөлаем гына медсестра әллә бәйләп, әллә чигү чигеп утыра. Нинага 18 яшь, ул минем якташ. Бу хакта ул үзе әйтте. Аңа үзенә генә күңелсез. Без Ваня Коротин белән аның янына үләнгә килеп утырдык. Ул безгә мазәк сөйли, мазәкләре рус сүзләрен кызык итеп татарча әйтүдән гыйбәрәт иде.

Ара-тирә Нина серле генә әле Иванга, әле миңа карап ала. Тик минем бу чибәркәйнең күзләренә карарга кыюлыгым житми. Оялам. Дөрөсрәге, куркам: ул бит полк командирының ППЖсы. Ул үз чибәрлегенең борын асты кипмәгән малайлар алдында тантана итүеннән рәхәтлек кичерә.

Командирны бәяләп бетермәгәнмен икән! Ул мин уйлаганнан күпкә елгыр булып чыкты.

Без Иван белән авызларыбызны ачып мазәк тыңлаган арада, ул «лампага керосин бирәм», дигән булып, «бакча бизәген» бронетранспортерга алдап алып кереп, үз теләген башкарган. Сүзендә торган бит юньсез, кызга бер канистр бензин биргән! Ә мин ул бензинны аны яшереп генә кулга төшереп, бөтен ранг командирларынан качырып, иң «кара көнгә» дип саклап тора идем. Саранлыгым үз-үземне саклау инстинкты белән бәйләп иде. Сандомир плацдармында немецлар безне Вислага куып төшермәкче булганда, РТода (техник тәминат ротасында), качып котылып өчен ягулыкны жиде ташланачак машинадан алып, бер машинага гына сала алдылар. Ә минем бензин тулы канистрым бар иде. Менә шундый очрак өчен дип саклаган идем мин бу канистрны!

Ачуым соңгы чиккә житкән иде: бу канистрны кулга төшерер өчен миңа никадәр көч куярга туры килде! Ә бу көжә тәкәсе аңа хужа булды, әле нинди максат өчен?

Зәкине бик нык сүктәм, тик моңа аның әлләни исе китмәде.

Бу бензинны лампага салырга ярамый, чөнки ул шундук шартлап, ә чибәр поляк кызы яначак, ким дигәндә, пешәчәк – Зәкинең кыланмышы шуның белән дә гафу ителмәслек иде. Командир, әлбәттә, моны белгән, тик үзе турында гына уйлаган.

Мондый командир белән ничек сугышырга соң?! Укучыга аңлаешлы булсын өчен, алгарак китеп,

беркадәр машинаның командиры дәрәжәсе, авыр танклар полкында бронетранспортерның урыны турында бәян итәм.

Америкалыларда әлеге бронетранспортер пехотаның хәрби машинасы сыйфатында кулланылган. Аның экипажы сигез кешедән – йөртүче-механиктан, дүрт пулеметчыдан, ике автоматчыдан һәм машина командирыннан торган. Ул радиотапшыргыч белән дә идарә ителгән.

Ләкин безнең авыр танклар полкы бу машиналар белән беренче тапкыр тулыландырылган, аларны ничек файдалану турында катгый күрсәтмә юк иде. Бездә алар, «тегүче дә, суктыручы да, курайчы да» буларак төрлө эш башкарды.

Полк командирының техника буенча урынбасары подполковник Эленгаупт, мыскыллап, безнең машиналарны «петрушка» дип атый иде. Бу исә полктагы төп «ризык»ның һәм теләсә кайсы «программаның» үзәге авыр танклардан торганлыгын аңлата иде. Төптән уйлаганда, гадел бәяләмә. Безнең бронетранспортерлар исә бу «ризык»ка өстәлә торган «тәмләткеч»кәнә. Тәмләткечне, белгәнәбезчә, беренче яки икенче ашка да, ашаучының зөвыгына һәм теләгенә карап та өстәргә мөмкин. Безнең белән дә шулай булды. Бочаров машинасын, мәсәлән, автоматчылар ротасына бирделәр, аның башлыгы да берәү генә иде – капитан Латышев. Кызыкмаслык түгел!

Минем машина һәм Коротин машинасы саперлар взводына беркетелде. Полк саперлары минерлар булып та хезмәт иттеләр. Шуңа күрә взвод мина – саперлык эшләрен башкарганда минем башлыгым лейтенант Рогулин булып, Зәкигә пулеметчы эше генә кала иде.

Танк роталары белән элементдә тору өчен бронетранспортер радиостанциясен файдалану, күрәсен, кыен булгандыр: танклардагы радиостанцияләр күчерелмәле кварц ешлыкларында эшләп, безнекеләрдә дулкынны эзләргә кирәк була иде. Икенчедән, безнең рацияләрне тиешенчә берәү дә өйрәнмәгән һәм берәү дә белми. Шулай да Львов операциясе вакытында, аеруча ул башланганда, полк радиостанциясе минем машинада урнаштырылды.

Сугыш барганда танк роталары янәшә позицияләрне сирәк били. Кагыйдә буларак аларны күп километрлар аера, башка частьларны танклар куркынычы янаган юнәлешләрдә ныгыту өчен бу роталарны жибәргәндә ул ара дистәләрчә километрларга сузыла иде.

Роталар белән радиоэлемент тотрыклы түгел иде. Еш кына, бигрәк тә сугыш барганда, танклардагы рацияләр сафтан чыга. Андый чакта БА-64кә утырып, рота элементә офицеры бара. Шундый броневтомобильләренә

берсендә йөртүче булып Назаров, командир булып Крутицкий (безне «сатып алучы»), икенчесендә Ижевскидан килгән Костя Кочуров хезмәт итте.

Һөжүм вакытында безнең ике бронетранспортер полк разведкасы максатларында, полкта БА-64 калмагач, танк роталары белән элемтә өчен файдаланылды. Кайбер чакта, полкта санитарлар машинасы булса да, рота позицияләрдән яралыларны алып чыга идек. Оборонада, маршта, формировкаларда шул үк бронетранспортерлар полк урынын һәм аның позицияләрен саклаучы зенит жайланмалары ролен башкарды. Моның белән генә дә чикләнмәделәр.

Корпус командованияесе дошманның оборонасын өзгәннән соң, аның оборонасы эчендәгә мөһим объектларны кулга төшерү өчен, кайвакыт «утыз дүртенче»ләрдән һәм бронетранспортерлардан вакытлы маневр отрядлары оештыра, ягъни мине һәм Коротинны башка часть карамагына бирә иде. Бу очракта экипажлар пехота хәрби машиналарындагы кебек була. Кыскача әйткәндә, нәкъ жырдагыча: «Белгечлек – кем кая жибәрә».

Разведкага, Иван Коротин белән чиратлашып, еш йөрдек. Шулай ук танк узу юлларын миналардан арындыру, кечкенә елгалар аша кичү урыннарын эзләү, дошманның чигенү юлларындагы күперләр һәм тимер юлларны шартлату өчен саперларны да күчереп йөртә идек. Бервакыт без Лаубаннан чигенгәндә аларны дошман яулаган территориядә калган үзебезнең танкны шартлату өчен дә алып барырга туры килде.

Һөжүмгә барган көннәрдә бронетранспортер йөртүчеләргә бигрәк тә авырга туры килә иде. Караңгылыктан файдаланып, дошманның бездән ераклашуы була – капитан Чигринец машинага сикереп менә дә, эмер дә бирә: «Киттек! Тизрәк дошман белән очрашырга кирәк!» Бу курку белмәс капитан, штаб башлыгының разведка буенча ярдәмчесе, фронтта ел дәвамында бергә булганда ике тапкыр яраланды. Беренче тапкыр Сандомир плацдармында иңбашы жиңелчә жәрәхәтләнде, икенчесендә Берлин янында касыгына яра алды. Икесендә дә минем белән разведкада булганда.

Разведкадан кайтып житәбез генә – машинага кысыла-кысыла полк командирының техника буенча урынбасары ярдәмчесе зур гәүдәле капитан Кицько керә. Боерыгы кыска: «Безнең танк күпер астына төшеп китте, әйдә, кузгал!» Саперларны шунда алып китәм.

Кайтабыз – безне штаб башлыгы майор Вербицкий үзе көтеп тора. Зинин ротасы алдындагы сугышчан бурыч кинәт үзгәрә, тик ул рота белән элемтә юк икән...

Шундый мәшәкатьләрнең иге-чиге юк. Командирлар чиратлашып алышына, ял итә, ә Коротин белән безне алыштырырга кеше юк – буш минут булганда йоклап

алабыз, аякларны көчкә сөйрибез. Кыскасы, эшебез – бурычларыбызның катгый билгеләнгән булмавы безнең өчен тәмам бәла иде.

Әмма башка ягы да бар: хәрби вәзгыять хакында без башкалардан күбрәк хәбәрдар. Ешрак машинабызга – әйтүләренчә ташкүмердән ясалган – шәмәхә төстәгә трофей бензин салабыз. Бездә коньяк, шоколад, консервлар бетеп тормый. Шикәр һәм спиртны рота танкистларына таратабыз. Бервакыт бер капчык акча «злотый» кулга төшердек, шукланып, бу акчаларны жылгә очырдык. Соңрак, Польша территориясендә булган чакта, безгә шул ук злоты белән түли башладылар! Шундырак хәл булды.

Ә хәзер әле саналган бурычларны үтәгәндә машина командиры ролен күз алдыгызга китерегез: ул я пулеметчы, я бронетранспортер командирының йомышчысы була.

Аның каравы командование кулыннан машинаны мин кабул итеп алдым. Мин аны төзек, сугышка эзер халәттә тоттым. Беренче мәртәбә, Брузендорф тирәсендә, бомбаларның коточкыч яңгыры астында Висланы кичкән чакта машина зарарланганда да, икенче һәм өченче очракларда – Лаубан шәһәре янында чолганыштан чыкканда иң өметсез минутларда да, утырып баручылар һәм командирлар машинадан атылып чыкканда баш киёмнәрен жуеп, качып котылган вакытларда да мин машина янында булырга тиеш идем. Чөнки, Устав буенча, сугыш кырында техниканы саклау жаваплылыгы тулысы белән йөртүче-механикка йөкләнгән. Машинаны коткарып, мин үземне дә коткардым. Бүген горурлык белән әйтә алам: сугышта бер генә мәртәбә дә да Уставның бер генә хәрәфен дә бозганым булмады.

Боларның барысы да үземне машинаның хужасы итеп хис итү хокукы бирде. Зәки исә лидерлыкка дөгъва дә белдерә алмады, чөнки ул моңа эзер түгел, рация янына кайсы яктан килергә икәнлеген дә белми иде. Львов-Сандомир операциясе вакытында үз-үзен тотышына караганда, аны 1-нче батальонда бронетранспортерны нинди дә булса сыйфатта файдаланырга өйрәтүләренә ышанып бетмим. Машинада эшләгәндә, аны ремонтлаганда ул ярдәмчә генә булды. Шундый командир белән хезмәт итәргә туры килде миңа.

Ил чиклэренэн куып чыгарырга

Полк танклары төялгән икенче эшелон бер тәүлеккә соңарып килде. Аны бушату урыны булган Тернопольне өзлексез бомбага тотканнар, станция янган. Эшелонны кире Збаражга тарттырганнар, тик анда бушату өчен платформа булмаган. Аны төзөп торырга вакыт юк, бомбардировщиклар анда да килеп чыгарга мөмкин. Әмма жаен таптылар: техниканы бушатканда танкны тимер юл платформасына перпендикуляр урнаштырдылар, башнясын тубы белән артка каратып борып, түбән тизлекне кабыздылар. Танк эшелоннан сикереп чыкканда платформа артка атылды. Ихтимал, юлга да зыян килгәндер, тик ул чакта аның кайгысы идеме соң?

Колакларны тондырып, ярыларын әрнетеп, бар калибрлы артиллерия системалары атудан, снаряд һәм миналар шартлаудан жир гүләп, ыңгырашканда полк Гонтовның көньяктагы урманлы сөзәк жирендә урнашкан иде. 1-нче Украина фронты артиллериясе, фронтын дүрт километрлы участогында бар куәтен эшкә жигеп, оборонаның өч полосасын кырык километрга кадәр үтеп кереп, «пешекләде». Сөгәт ярымнан артык дәвам иткән бу мәхшәрдән соң Колтово коридоры барлыкка килде. Без дошман оборонасына үтеп керә алдык. Киңлеге нибары 2-3 километрлы әлеге коридорда хәрәкәт итүчеләрне фланглардан автомат-мылтыктан атып та кырып була иде.

Миңа фронт артиллериясенәң жәһәннәмгә тиң утыннан соң жирнең шул участогында бер жан әсәре дә калмагандыр кебек тоелды. Әмма кеше исән калу жаен таба. Иван Ломакин белән чишмәгә суга киткәч, баш өстендә гитара кыллары сыман телеграф чыбыклары зыңлавын тойдым. Башымны күтәрәп, тирә-ягыма күз салдым: бу чыбыклар кайда икән? Яныма Иван йөгереп килеп житте дә, муенга берне «тамызып», жиргә екты.

– Нәрсә син! Акылдан яздыңмы әллә?! Бөтен суны түктең бит!

– Ахмак, агач артына шуыш! Аталар!

Күе урман эченнән снайпер – «күке» ата икән. Һәм безгә генә түгел. Тик беркем дә бу турыда уйлап тормый – тиз генә шушы коридордан чыгып өлгерергә кирәк. Соңыннан ачыкланганча, фланглардан каты контратака ясап, дошман коридорны кыса төшкән, тарайткан. Төнлә без артыбызда янгын кызыллыгын гына түгел, каты атышлар башланып китүен дә күрдек.

Солдатлар арасында куркыныч «чолганыш» сүзе дә ишетелә башлады. Ләкин командование нишлэгән белә иде: дошман оборонасының өченче полосасына ябырылып, алдагы частьлар иркенлеккә ыргылды.

Красное авылына кадәр без саперлар белән полкның сугышчан тәртибе составында бардык. Елга аша

кичү урыны, алдагы частьлар узгач, балчык измәсенә әверелгән иде, безнең ике танк, башняларына кадәр, шул измәгә чумды. Саперлар һәм полк тягачы белән без аларны сазлыктан чыгарырга дип калдык. Бу эшкә подполковник Эленгаупт житәкчелек итте.

Эш авыр барды: безгә ирекле «аучы» – «мессершмитт» эшләргә мөмкинлек бирмәде. Безне жинел табыш дип бәяләп (үзара «иэска» дип йөртелгән ИС-122 танкларыбызның ул вакытта зенит пулеметлары юк иде, үзебезнең пулеметны, уңайсыз позициядә торганга, Зәки файдалана алмады), биек яр артыннан кисәк кенә килеп чыга да, безгә пулеметтан сиптереп, шундук югала.

«Аучы»га да жаны кадерле иде бугай. Көчле зенит туплары саклаган төп гаскәрләр өстенә барырга кыюлыгы житмәде, ягулыгы, башка сугыш кирәк-яраклары беткәнчә безнең өстә әйләнде. Танкларга әлләни зыян китермәсә дә, аларның сугыш кырына чыгуын тоткарлады. Саперыбыз, зур гаилә атасы, кырык яшьләрдәге Сафоновның башына житте. Аны шунда ук, коры ярда жирләдек.

Бу операция беренче көннәреннән үк минем өчен уңышсыз башланды. Коеп яуган яңгырлардан һәм механикалаштырылган армада узганнан соң сазга әверелгән урман юлларыннан без арттарак калып бардык. Баткаклыкны узу өчен бронетранспортер бар көченә тырышып, полк артыннан шуышты. Ахырда машина түзмәде – арткы күпернең сателлиты таралды.

Подполковник: «Сезгә ремонтчылар килер», – диде дә, тягачка күчеп утырып, полкны куып житәргә китте.

Хәзер ашыгасы юк иде инде. Тамак ягын кайгырту артык булмас дип, уйлап куйдык. Соңгы ике тәүлектә сазлыкта интеккәндә бар ашаганыбыз фасоль булды – иртән дә фасоль, төшке ашка да, кичкә дә. Майсыз торып булса да, тоз булмау авыр! Фасольне бер полякның

иген суктыру сараенда юнөттөк, сарай безгә торак сыйфатында дошманнан калган иде. Хужа кеше безнең белән аралашмады. Аның янына тоз сорап баргач, күзән дә йоммыйча:

– Тозны немец алып китте, – дип, кире борды.

Бу – без мөрәжәгать иткән һәр поляк өчен уртак сылтау иде. Сөт, йомырка дисәң – аңлашыла. Ә менә тоз дигәндә – саранлыкның соңгы чигенә житәләр.

Алты мәртәбә тозсыз фасоль ашагач, күп еллар буюнча аны ашамас булдым. Тик менә хәзер фасоль да юк!

...Патрон әржәләре арасында жөнөм сөймәгән рюкзак аунап ята иде. Аны полк командиры адъютанты өлкән лейтенант Попов миңа көчлөп такты. Мин ничек кенә сугыш машинасын трофей чүп-чары белән тутыруга каршы килсәм дә, «бу полк командирының трофее» дип, Попов рюкзакка урын тапты, «кара аны, сакла!» – диде.

Хәзер аның безгә кирәге чыгарга тиеш иде. Саперлар, рюкзакны алып, яқындагы кордонга юнәлде. Полк командирының яраткан кешесенә нәрсә дияргә? Бу сорау ул чакта мине артык борчымады. Әле билгеле түгел: ул сөйләшүгә кадәр кем исән калыр? Алгарак китеп, әйтим: Мосты Велкиеда формовка вакытында Попов рюкзакын таптыра башлагач, әлләни вөждән газобы кичермәдем:

– Иптәш өлкән лейтенант, капчыгыгыз пулемет турелен томалаган иде, мин аны Сандомир плацдармында чыгырып ташладым! – дидем.

Аның каравы, саперлар нинди нигъмәтләр алып кайтты! Зур чиләктә – токмач, ике тавык... Аннан... зур түгәрәк ипи, горилка! Беркайчан да моннан да тәмлерәк сый күрмәдем ахыры мин!

Ничек кенә булмасын, тормыш – гажәеп нәрсә! Хәзер полк кайда икән? Алгы сызык кайдан үтә? Минем бронетранспортерны кайда ремонтлыйлар? Жае чыккан икән – кояшта кызын әйдә!

Полк тылын куып життек. Ремонт белән мәшгульбез. Полк командиры будкасыннан гармун тавышлары һәм Николай Калачов җырлаганы ишетелә. Николай – полкта күренекле шәхес. Гармунчы һәм типтерүче, кайчандыр Горькийдагы югары разрядлы ресторанда пешекче булган, полк командиры өчен ризыкны ул аерым эзерли иде. Элеккеге һөнәри гадәте буюнча төшке аш алдыннан берәр рюмка төшерергә ияләшкән. «Сугышчан йөз грамм» рядовойларга кышкы чорда гына бирелгәнлектән Николай, оялып-нитеп тормый, кайчак полк командирының шәхси запасыннан да авыз итә. Моның өчен аны берничә тапкыр автоматчылар янына да, танк десантына да куып жибереп карадылар.

Николай, үзеннән 22 яшькә яшрәк кызын үзе белән яшәргә мәжбүр иткән Богуновтан да, моңа яраклашканы өчен Нинадан да чиркана иде. Икесе дә – командир да, рядовой да, бер-берсен күрәлмәйлар, тик бер-берсеннән башка яши дә алмыйлар. Буш көннәр гадәттә күңел ачулардан һәм Николайның үзешчән концертларыннан башлана иде. Андый көннәрдә ул гармунын күтәрәп чыга да үзе уйлап чыгарган такмак – частушканын җырлый. Такмакларда еш кына фронттагы вакыйгалар баян ителә.

Бүген дә Николайны тыңлыйбыз:

*Девушки платья там новые шьют –
Ждут нас во Львове...*

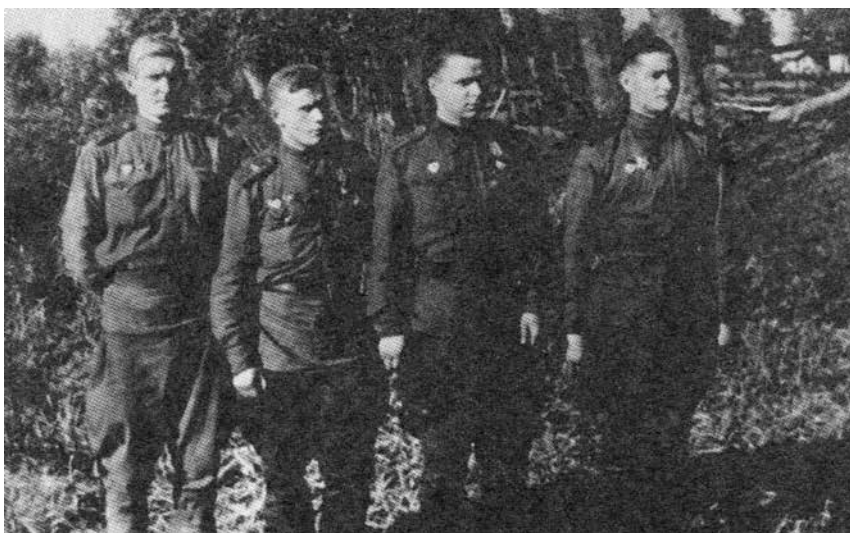
Нина килеп чыгуга Николай фронт тәэсиреннән лирик куплетларга күчә:

*Под березою, под беленькой
На... ся, спит, мой миленький...*

Нина кызара, буйсынулы кыяфәттә елмая. Николай исә җырга үз шуклыгын да өстәп жиберә:

*Под березкою, под белою,
Приду домой – отделаю...*

Кызылармияче Калачов куркусыз кеше. Ул рядовой-

Вениамин Луканин, Михаил Михайлов,
Сергей Арефьев, Андрей Гуртовенко.
Сентябрь 1944 года.

лар арасында полк командирыннан курыкмаган, аңа төлинкә тотмаган бердәнбер кеше булгандыр, ахыры.

Дошман Львов юнөлешендә чигенә. Полкка аны эзәрлекләргә боерык бирелде. Беренче рота аның үкчәсенә басып диярлек барды, икенче рота – уң яктан, ягъни төньяктарак юнөлештә, лейтенант Ляхов житәкчелегендәге рота чигенүче дошман колонналарының сул ягыннан хәрәкәт итте.

Приказ буенча Ляхов ротасы Львовны көньяк тарафта әйләнәп үтеп, төньякка борылды һәм чигенүче дошман гаскәрләренә сул як флангына килеп чыкты. Командир ротаны куркыныч астына куймас өчен лейтенант Тарасов взводуна юлда очраган чираттагы озын чокыр янына чыгарга, хәлне ачыкларга һәм аңа житкерергә боерды. Километр чамасы алга чыгып, Тарасов:

– Фриц берничә параллель колонна булып чигенә. Юлларда – автомашиналар һәм пехота. Юл кырыларында, аларны ике яктан саклап, танклар, пушкалар тагылган таягачлар тезелгән. Чигенүчеләргә кадәр дистанция – 1700 метр, – дип, хәбәр итте.

Ляхов чокыр кырына бөтен ротаны чыгарырга карар кылды һәм «Алга!» дип команда бирде. Лейтенант Тарасов взвод бу команданы үзенә дә кагыла дип кабул итеп, сугышка ыргылды.

Менә, мөхтәрәм укучы, «сугышта вак-төяк булмый» дигән хакыйкәткә шундый бик ачык мисал. Ляхов командасы аның экипажына гына исәпләнгән иде. Ыгы-зыгыда ротный ТПУ (танк-сөйләшү жайланмасы) тумблерын күчерергә оныткан икән! Шулай итеп Ляхов командасы эфирга чыкты. Ул барыбызга да бик кыйммәткә төште...

Беренчедән, рота танкларына атакага барырга кирәк түгел иде: «иэска»ларның еракка атучы тупларыннан ут ачып, үзеңне куркыныч астына куймыйча, чокыр кырында торып та чигенүче дошманны кырып, юк итеп була иде. Икенчедән, сугыш кыры һәм дошманның көче өйрәнелмәгән иде. Чокыр артындагы куркынычсыз позициядән чыгу үзеңне юк итүгә дучар итү дигән сүз иде.

Немецлар «иэска»ларны алты йөз метрлап ераклыктан узганда күрәп алды. Атакага безнең өч танк барды, ә дошман танклары – утызлап! Хәер, аларның барысы да яңа түгел, араларында искергән үрнәктәге Т-IIIләр дә бар иде.

Дошман берара аптырашта калды. Безнекеләр, көпшәк кырда житәрлек тизлек жыя алмаганга, бу хәлдән файдаланырга өлгермәде. Шуннан соң дошман танкларын, тупларын безгә каршы борды да, өермәдәй ут ачты. Уң флангта һөжүм иткән Клочнев машинасы беренче булып ут ачты һәм үзен дошманның көчле уты-

на дучар итте. «Пантера»дан очып килгән болванка алгы броняны тиште, йөртүче-механик белән лейтенант Фәхретдиновны каты яралады. Икенче снаряд тигәч, танк яна башлады. Командир йөртүчене коткарырга ташланды, әмма алар икесе дә утта һәлак булды.

Артиллерист белән коручы вакытында чыгып калырга өлгерде һәм исән калды. Әмма корылган туп алардан башка да атты, чөнки аңа да ут капкан иде. Тупның чигенүче колонна дистанциясенә төзәлгән соңгы снаряды сугыш кирәк-яраклары төялгән зур йөк машинасын чәлпәрәмә китерде. Бу фаталь фактны рәсми пропаганда безнең танкистларның югары мораль рухы белән аңлатты һәм яхшылап рекламалады. Аңа армия командующие үзе дә кушылды һәм операцияне тикшергәндә:

– Мин 57-нче гвардиячеләренә бәяне беләм. Алар яңсалар да дошманга атуларын дәвам итә! – диде.

Взвод уртасында һөжүм итүче лейтенант Тарасов танкы биш метрлап тирәнлектәге чокыр янына килеп чыкты. Йөртүче-механик аны күрмәде һәм соңгы чиктә, кинәт танк алдында пәйда булган пехотачы ишарәсенә буйсынып, танкны уңга борды. Танк чокыр аша чыга алмый иде, сакланмаган ян-якларны дошман хозурына калдырып, чокырны әйләнәп узду – үз-үзеңне үлемгә дучар итүгә тиң. Бер тапкыр да атмыйча танк борылды һәм чокыр төбенә сикерде. Шулу рәвешле йөртүче-механик экипажны һәм машинаны мәгънәсез һәлакәттән коткарып калды.

Танктан чыккач та экипаж үз машинасын танымады. Танкистлар атака вакытында танкка берничә тапкыр снаряд тиюне сизсәләр дә, шулкадәр зыян килер дип башларына да китермәгәннәр иде: башнядагы люк кронштейннары белән куптарылган, вентиляторның бронеколпагы тишелгән, шулу чакта төзәүче һәм командир яраланган. Ут өермәсе белән чылбырны каплаган канатлар, тышкы ягулык баклары йолкып алынган. Берничә минутлык бәрелештә броня өстендә урнаштырылган фаралар, запас трактлар, башнядагы тоткалар һәм автоматчыларның дискалары салынып, шулу тоткаларга эленгән сумкалар юкка чыккан.

Бу төптән уйланылмаган атакада лейтенант Луканинның экипажы барысыннан да уңышлырак хәрәкәт итте. Хәлне дөрәс бәяләп, Луканин танкы сулгарак юнәлдә һәм зур тизлек белән Дзибулки авылына бәрәп керде. Андагы немецларның, өсләренә ябырылып килгән куркынычны дә шәйләмичә, котелоклар тотып, төшке ашны бүлешкән, өйдән-өйгә йөрәп ризык эзләп чабышкан вакытлары иде. Танк озакка сузмый олауларны, поход кухнясын сытып-изеп, ата-ата пехотаны туздырып, авылдан чыгып та китте.

Дошманның сугышка эзерленеп урнаштырылган танкистары һәм тупчылары күздән югалган танкны тиз генә барлый алмады, шуңа күрә утны калган ике танкка юнәлттеләр. Тарасов машинасы чокырга чумгач, ут өөрмәсе Клочнев экипажына күчерелде, шуңа Луканин экипажы зыян күрмәде, котылды.

Перемышль. Сан елгасы. Бу елга буйлап СССРның Дәүләт чиге уза. Дошманны Ватаныбыз чикләреннән бәрәп чыгардык бит! Без батырлар түгелмени!

...Уф-ф! Койган яңгырлардан соң кояш нык кыздыра башлады.

Без – тыйнак халык. Без үз хезмәтебез өчен шампан шәрабы таләп итмибез, тик менә мондый кызуда сырадан баш тартмас идек. Югыйсә, юл буенда ук диарлек, кичүгә төшү урыны янында, жимерелмәгән сыра заводына юлыктык. Фрицлар монда сыйланып киткәннәр инде. Эмма бездә дә тамак юк түгел!

Сыра заводы подвалының ишекләре янында умарта кортлары тормышындагыча хәрәкәт кайный. Сугышчылар ашыгып керәләр, канәгать елмашып чыгалар. Һәркем нәрсә бар, шуны тоткан: котелок, танк мичкәләре, каскалар – барысы да эшкә ярый. Пехотаны каскадан аермасын инде!

Без дә аптырап калмадык. Киң муенлы америка канистралары бар иде бездә. Чиста су өчен дип мин андый канистраларның берсен һәрчак чиста итеп тоттым. Шунны алып, серле подвалга юнәлдек. Анда караңгы. Төрле жирдә кесә фонарьлары, кәгазь факеллар яктырта, халык мәш килә.

Ике катлы дача биеклегендәге имән мичкә янында чират юк. Чиратка басасы килмәгән пехотачы автоматын эшкә жигә. Кыскагына ату тавышы – һәм яңа краннар эзер. Нәтижәсе – күз алдында: цемент идәндә жыелган сыра тубыктан да югарырак, кечерәк мичкәләр йөзеп йөри, сугышчылар аларны артык көчәнмигән генә чыгу юлына этә.

Без дә мичкә күтәрәп мәшәкатьләнмәскә булдык. Бу кызуда канистра белән вакланып тормыйча, бер мичкәне эләктердек тә, якты якка, чыгу ягына тәгәрәтә башладык. Эмма ялгыштык! Мичкәдә үсемлек мае булып чыкты!

Ярар инде, канистра булуга шөкер итәсе калды. Подвалдан чыктык та, кысылып-сузылып, машина янына киттек. Ләззәтләнеп сыра чөмергәндә фәлсәфә корабыз:

– Сүз дә юк, дошманны үз өнендә дөмектерәчәкбез. Үзөбезнең Дәүләт чиген чыктык, ә анда инде күз күрер...

Хәзер менә Перемышльдә утырабыз. Чәй эчәргә дә, тартып алырга да була.

... Гаскәр белән дөнья тулды, Сабан туге диярсен! Дошман авиациясе ябырыла калса, монда зур уңышка ирешер иде.

Төрле техника тупланган жирдән кысылып үтеп, кичү янындагы калкулыкка кинәт «виллис» күтәрелә. Аннан базык гәүдәле, таякка таянган, комбинезон кигән хәрби чыга. Командарм! Шундук аның янында мәш килә башладылар, адъютант, элементчеләр, кичүдәге комендант – барысы да йөгәрешәләр. Рыбалко кичү каршында кемнең «иэска»лары туктаган һәм ни өчен туктаган дип сорап тормый. Ул барысын да бик яхшы белә. Кичекмәстән безнең полк командирын чакыртып алды.

Командирыбыз йөгәрәп килде дә, шактый ара калдырып, башлады:

– Иптәш генерал-полковник...

Рыбалко аны бармак белән ымлап чакырды:

– Якына кил!

Безнең Богунов бер адым атлады да, янә кулын козырекка куйды.

– Тагын да якына кил!

Богунов тагын бер адым ясады. Командующий таягы Богуновных аркасында бер-ике мәртәбә булгалады да, каршы яктагы ярга ымлады.

Аларның ни хакында сөйләшкәннәрен, әлбәттә, мин

Генерал-полковник П.С. Рыбалко на награждении бойцов 57-го отд. гвард. танкового полка

П.С. Рыбалко на испытании фаустпатронов на танковом полигоне

ишетмәдем. Әмма бу очрашу шулкадәр мәгънәле һәм аңлаешлы тоелды - мин аны шәрехләү өчен сүзләр дә таптым.

Механикаләшкән гаскәрләр кузгала, шуыша башлады. Ярты сәгатъләп вакыт уздымы – юкмы – бөке таралып бетте, гаскәрләрнең хәрәкәте җайга салынды.

Бернинди сүгенү дә, бернинди янау да, бернинди трибунал да юк – фәкать таяк кына. Югалтулар, фажига дә юк, нәтижә исә уңышлы булып чыкты һәм озак көттермәде.

...Фронтның бер участогыннан икенчесенә күчкән чак. Дошман снарядлары килеп җитмәс урында кинәт танк яна башлый. Шуннан соң коточкыч шартлау танкның башнясын куптарып ата. Могҗиза белән танктан чыгып өлгергән экипаж әгъзаларын плащ-палаткаларга салып алып киләләр. Аларга тетрәнмичә карау мөмкин түгел – туктаусыз ыңгырашу һәм янган-пешкән ит кисәкләре. Ләкин особистның моңа исә китми, ул шунда ук алардан сорау ала башлый.

Менә нәрсә була... Алгы сызыктагы экипаж атуга әзерләнә. Тик төбәлгән цель китеп бара, караңгы төшү аркасындамы, әллә төтен пәрдәсе куелгангамы – экипаж атымый кала.

Аңлашылсын өчен шуны искәртик: ИС-122 ләрдә бердәй булмаган снарядлар кулланыла иде. Ягъни иң элек казенникка снаряд тыгалар, аннары мастика салынган катыргы түгәрәктән арындырып, зарядлы гильза урнаштыралар. Броня тишә торган снарядлар белән атканда гильзага кечкенә генә ефәк капчыкларга салынган өстәмә дары заряды тугыралар.

Кыскасы, ачылган дарылы гильза кул астында була. Мәгълүм булганча, алгы сызыктан артка күчерелгәч, сугыш киеренкелегенән бушаган кеше берәз ял итеп алырга ниятли һәм тәмәке кабыза. Ә төпчекне кая куярга? Гильзага...

Тәмәке тартуның зыянлы икәнән аңлатып тормыйм. Докторлар сафсатасы дип исәплисең икән – синең эш. Агулана бир. Тик әйләнә-тирәдәгеләр өчен дә моның зыяны булмаган җирдә. Бар тәмәке тартырга ярамаган җирләр. Тарту катгый тыелган урыннар бар. Танкта, мәсәлән. Бу Бронетанк гаскәрләре уставында язылган. Ә уставларда, әйтергә кирәк, бик кыйммәт бәя белән түләнгән тәҗрибә беркетелгән. Кызганычка каршы, бу тәҗрибә һәрвакытта да сабак булмый шул.

Кайберәүләр өчен һәртөрле тыюларны бозу – иптәшләре алдында абруй казану чарасы, ягъни кыюлык һәм батырлык билгесе. Башкалар өчен хакимияткә буйсынмау дәрәжәле шөхәскә хас сыйфат буларак кабул ителә. Андыйлар минем тыюларны үтәргә киңәш итүемә, өндәүләремә көлеп карарлар, бәлки.

Инструкцияләрнең, уставларның пунктлары, хәтта

аларның һәр хәрәфе катгый рәвештә немец төгәллеге белән (рус тәртипсезлеге белән түгел) башкарылырга тиешле эшчәнлек өлкәләре бар. Моңа өйрәнергә вакыт.

Бүген армиядә, флотта һәм халык хужалыгында коточкыч һәм искиткеч зур куәтләр файдаланылган шартларда, «тисә – тиенгә, тимәсә – ботакка» дип, эш йөртү, кечкенә генә төгәлсезлек тә Чернобыль афәте кабатлануына китерергә, яисә тагын да яманрак хәвәфкә дучар итәргә мөмкин.

Висла ярында

Висла елгасын кичү, аның көнбатыш ярында плацдарм яулау зур стратегик әһәмияткә ия иде. Дошман отышлы оборона сызыгынан куылды, ә һөҗүмгә баручылар өчен Көнъяк Польшага һәм Силезиягә юл ачылды.

Плацдармдагы совет гаскәрләрен юк итү өчен дошман ашыгыч чаралар күрдә. Бирегә Румыниядән танк дивизиясе һәм берничә штурм туплары бригадасы, пехота бригадалары, шулай ук Германиядән күп кенә артиллерия һәм истребитель – танкка каршы ата торган частьлар китерелде.

Безнең гаскәрләр Тернопольдән соң 400 километрлап ара уздылар. Тимер юл коммуникацияләренең җимерелүе аркасында аларны тәэмин итү авырлашты. Һөҗүмгә отылыш бетүгә йөз тотты.

Дошман исә, киресенчә, кысылган пружина эффектын туплый барды. Алга таба да һөҗүмгә бару хәлебездән килми иде инде. Безнең фронт участогында бу пружинаның терәге Опатув шәһәре булды. Анда танкларны ремонтлаучы мастерскойлар урнашкан иде. Остаханәләр үз танкларын гына түгел, сафтан чыгарылган яисә үзләре кулга төшергән совет танкларын да төзекләндерәләр иде.

Сугышта уңыш үлчәве тибрәлә башлап, аның кире якка басуы ихтималы тугач, дошман белән очрашу кырына безнең 57-нче полк танклары килеп чыкты.

...Менә поляк Иделе – Висла. Мул сулы киң елга. Сулы һәм көчле каршылык сызыгы. Безнең өчен һәлакәтле, чигенүчеләр өчен коткаручы елга. Су коенгандагы кебек чумып, аргы ярға чыгасы иде. Дошман аңына килгәнче. Тик без пехота түгел шул. Безгә кичү корырга кирәк.

Баранув шәһәре янында, ике яр буйлап биек туфрақ урлар күренә. Анда күпме халық тир түктә икән? Шуларны өю өчен ничә ел сарыф ителде икән? Мисырлылар хезмәте!

Ә нигә мисырлылар хезмәте дияргә әле? Европалылар һәм азиялеләр дә начар казымый. Әнә, елгага килү урынында никадәр аерым ерганаклар казылган, бәлки ниндидер санаулы минутлар эчендәдер. Кайсы пехота казыды икән – немецларныкымы, әллә безнекеме?

Чигринец команда бирә:

– Үргә күтәрел! Менә бу урын җайлы. Әйдә, туктап торма, тиз бул!

Сөзәклекнең текә урынында тизлекне арттырам да, бер мизгелгә җирне күздән югалтам. Үрә баскан машина беркадәр горизонталь хәлгә килгәч, аның сулга янтаюын сизәм.

Күрәм: алгы сул көпчәк белән пехота чокырына төшкәнбез. Юк, чыгып булмас. Тягач кирәк, я казырга туры килер. Ләкин безнең запаста мәңгелек юк...

Чигринец:

– Монда озак утырырга ярамый! Чыгыгыз, арырак барып туктагыз. Ә без биредә эзләп карыйк, күзәтик, – дип кычкыра һәм ике разведчик белән өянкеләр ышыгындагы яр буйлап китеп бара.

Рәхмәт, капитан, акыл бирдең! Ә без, тилеләр, белмәгәнбез дә...

Ломакин мыгырдана:

– Менә, үзебезне китереп тә куйдык, курва его мати!

Чит илдә солдат иң элек чит телдә сүгенергә өйрәнә, бу – табигый хәл.

Теге ярдан да безне берәр капитан күзәтәдер бәлкем. Машинаны үр артында калдырып, җәяүләп тә күзәтеп була бит...

Без немецларны кызыксындырмыйбыз бугай. Аннаны автомат-мылтыктан атып тидереп тә булмый, артиллерия исә башка цельләргә дөмбәсли. Елга янына чыгучылар без генә түгел.

Әмма без бөтен көчезгә тырышабыз. Чокырдан чыгабыз да Фидря һәм Божокин белән капитанны эзләп табабыз.

Чигринецка эзләп тору да кирәкми: «утыз дүртенче»ләр бригадасы саперлары җайлы урын тапканнар да понтон күпер - паром әзерлиләр, төшә торган урынның текәлеген кырып алалар.

– Безнекеләрне шушында җибәрербез. Безнең изскалар әр килеп житкәндә «утыздүртенче» теге ярда булыр. Ә пехота исә куптән анда, – ди Чигринец, күзәтүләрен төгәлләп.

Без хәзергә полк штабына кайтабыз.

Штаб машинасы бакчада, кичүдән километр-километр ярым арада урнаша. Йөртүче кабинадан чыкмыйчагына өлгергән алмаларны өзеп алырлык итеп, алмагач астында ук тора. Тик машина йөртүче андый мутлыкка бармый. Бакча хужасы, мыеклы поляк, һәр алманы карап-барлап йөри. Бәлки пан алмасын үзе җыеп китерер? Юк. Бу панның башына килми.

Операция алдыннан безгә «дус ил халкына карата яхшы мөнәсәбәттә булырга» дип, үгет – нәсыйхәт бирелде. Штаб машинасын йөртүче, законга буйсынучы житлеккән ир, хужа белән низагга керергә теләми, аның мөлкәтенә кул сузмый. Өстәвенә ул коточкыч вакыйга турында да ишеткән. Шундый ук бакчада поляклар алмагачтан безнең солдатны сөйрәп төшергәннәр һәм, борыныннан иягенә кадәр иреннәрен түгәрәкләп кисеп алып, тере килеш частена җибәргәннәр. Ул шундый куркыныч ыржайган кыяфәттә үз экипажына кайткан. Бу рәхимсезлектән тетрәнгән танкистлар, имеш, панны эзләп тапканнар һәм аны шул алмагач янына алып килеп, атканнар. Тик җинаят чылбыры моның белән генә төгәлләнмәде. Явызлык һәрчак явызлык тудыра.

Хәзер инде полк командирының сәяси мәсьәләләр буенча урынбасары, ягъни замполит, сабак күрсәтергә, приказны бозучыларга җәза бирергә карар иткән, машина командирын экипаж каршында атып үтергән. Маршта танк... замполит машинасын куып житеп, замполитны да, берочтан машина командирын җәзалауда катнашкан ординарецны да таптап-изеп узган...

Яки тагын бер вакыйга... Ул Сандомир плацдармында булды. Һава сугышында зарарланган истребитель чәкәннәре өлгереп житмәгән кукуруз кырына төшә. Санитар һәм полк командиры машиналары килеп житкәндә очучыда яшәү әсәре күренми инде. Кешеләр баш киёмнәрен салып, төзәтәлмәслек хәл хәсрәтенә чумалар. Әле ярты сәгать элек кенә тормыш бөркелеп торган, өметләр һәм хыяллар белән янган очучының аксыл-сары башы хәзер җансыз, янтаеп, кырыйга салынып төшкән. Аңа инде мөхәббәт тә, бүләкләр дә, олылау да кирәкми. Аны үпкәләтеп тә, куандырып та булмый. Якты истәлеген хәтердә саклайсыгына кала.

Җажига урынына килгән очу часте командирын да, мөгаен, шундый уйлар дүлкынландыргандыр. Җиңеннән тартып, поляк аны уйларынан бүлә:

– Пан полковник, пан полковник! Кукуруз өчен миңа кем түли?

Полковник хәсрәтенең бар ярсуы тиешле булмаган гамәлгә, бер йодрыкка, сыеп бетә:

– Силосың белән кадалып кит шунда! Тапкансың вақыт...

Ышанам: милекче үз мөлкәтен саклап, әлләниләргә сәләтле...

... Кичке аш төгәлләнде. Тиз караңгы төште. Котелоларны чайкап аласы бар, тик бер дә урыннан кузгаласы килми. Мин арткы көпчәккә сөялеп утыра бирдем.

Август кичендә урнаша башлаган тынлыкны немец бомбардировщикларының таныш гөрелтесе бүлдә. Очкычлар, кичүне читләп, без урнашкан жир өстеннән каядыр безнең тылга юнәлдә.

– Станцияләрне бомбага тотарга киттеләр, – дип тыныч кына фаразлый Сидоров. – Биш... унбер... оһо! – Утыздан артык! Төнгә каршы нишлиләр болар?

– Димәк, төнлә эшлиләр, – диде белгән кыяфәт белән Божокин. – Шундый мазәкне ишеткәнең бармы? Карчыктан: «Әби, синең улың эшләмиме әллә?» – дип сораганнар. Карчыкның жавабы: «Эшли» – «Ничек эшләмәсәнди?» – «Көндез пычак кайрый, ә төнлә эшкә йөри».

Кинәт Сәидов кычкырып:

– Кире борылалар! Безгә таба борылалар!

– Хәзер ничек эшләүләрен күрсәтәчәкләр! – диде Божокин һәм, жилкәсенә үзенең ППСын асып, тиз генә караңгыга кереп югалды.

Бронетранспортер штаб машинасы янындарак, аны ышыклап тора иде. Аңа эшкә керешергә вакыт житте.

– Зәки! – дип кычкырдым мин. – Син кайда?

Тик командир-пулеметчының эзе дә юк иде инде!

Шулчак машинага штаб башлыгы майор Вербицкий сикереп менде һәм, эре калибрлы пулемет кареткасын тиешле секторга кертәп, озын чиратлар белән якындагы бомбардировщикка ата башлады. Кичү янындагы зенит җайланмалары да телгә килде.

Караңгылана барган күктә бомбардировщиклар төркеменә таба безнең бронетранспортердан рубин төсендәге пунктирлар сузылды. Ләкин алар бер очкычның артына, аннан соң килүче очкычның алдына туры килде һәм аларны зарарламады. Оча торган очкычка оста зенитчылар да сирәк тидерә. Штаб башлыгы турында нәрсә әйтергә кала? Майор бер тартманы бик тиз генә, әмма уңышсыз атып бетерде. Мин аңа икенче лентаны куярга булыштым. Шулвакыт алда килүче бомбардировщик, әйләнеп узып, парашютларга эленгән фонарьлар ташлады һәм өстәрәк очучы очкычлар шундук безгә күрәнмәс булды. Күрәнмәгән цельгә ату – файдасыз шөгыл, шуңа күрә майор, пәйда булгандагы кебек үк, сиздермичә генә юкка чыкты.

Бомбардировщиклар беренче чиратта үзләренә тыныч кына эшләргә комачаулаган зенитка нокталарын юк итүне өстенрәк күрдә һәм, вак бомбалар яңгыры белән, тиз арада кичү янындагы зенитчыларны юк итте, башкалары безнең белән исәп-хисап итүне үз өсләренә алды. Әмма беренче бомбалар пан бакчасына туры килде һәм аның йорты яна башлады. Ихтимал, бомбардировщикны бу эшкә бакча яшеллегендә посып утырган немец корректировщигы юнәлткән.

Яктыра төште. Хәзер инде бомбардировщиклар беринди каршылык күрми, әйләнеп оча, күзләре төшкән объектларны аулай иделәр. Янган йорт ялкыны яктысында күрәнен торган машинаны ашыгыч рәвештә башка жиргә күчерергә, яшерергә кирәк иде.

Панның үз-үзен тотышын күзәтү көлке дә, гөнаһ та иде. Кара Сәидовның соңыннан елмаеп сөйләве буенча, башта пан, янган йорт тирәли йөгереп йөреп, ярсый-ярсый «Езус Мария, коткар һәм саклай күр!» дип, гыйбадәт кылган. Тик Мария яна торган йортны саклап кала алмаган. Шуннан соң пан Мариянеме, әллә бомбардировщикны зенитка уты белән җәлеп иткән майор белән безнеме «пся крев» дип ачулана башлаган. Ниһаять, берни дә эшли алмагач, моңарчы тырышып саклаган алмаларын өзеп ашарга тотынган.

Миндә пан да, аның янган өе белән бакчасы кайгысы да юк иде. Зенитка цельләренә әйләнү буенча атуны тәэмин итү өчен белә торып бронетранспортерны ачык кырда урнаштырдым. Карау люгы каршына маскировка максатында көлтәләр куелды. Атуда мәгънә калмагач, бронетранспортерны хәвәфсезрәк урынга күчерергә кирәк иде. Тик «алсу дуңгыз баласы» кайларда йөри икән? Ул бер кайда дә күрәнми. Машинада мондый командир – балласт миңа пычагыма да кирәкми!

Хәзер һәр секунд кадрлар иде (бомбардировщиклар кыска вакыт аралыгында түгәрәк ясап оча). Бронетранспортердан чыгып, көлтәләр алып ыргыттым да машинаны яктылыктан ераккарак, агач астына китереп куйдым. Двигательне сүндердем, беренче һәм соңгы тапкыр машинадан читкә чыгып йөгәрдем. Бомбардировщиклар актив эшкәрткән зонадан читкә киттем. Кичү, аның янында тупланган техника, теге ярга чыгарга өлгергән пехота – барысы да бомбага тотылуы зонага элгә иде.

Дошманның аэродромы якындарак урнашкан. Очкычлар бомбаларын ташлап бетергәч, яңадан бомба алырга китте, озакламый кире кайтты һәм оста гына түгәрәкләнеп тезеләп, үз эшләрен дәвам итте – өзеклек сизмәдек. Кичке сәгать тугыздан иртәнгә дүрткә кадәр, ягъни җиде сәгать буена алар безне кырда куянар куган кебек куып йөрттеләр!

Сүз дә юк, без шәп сугышчылар!

Пулемет белән, аннан соң машина белән мәшгуль булып, мин башкалардан шактый артка калдым. Тик яшь аякларым сынатмады.

Сугышта кыйммәтләр бик тиз үзгәрә икән! Әле кайчангына бөтен жирне тишек-ярыклар белән тутыруларына сукрана - каргый идем? Хәзер коточкыч сызгырып-гүләп коелган бомбалар шартлаганда, шул тишек-ярыкларга сикереп котылып, холайга, бу төбәкнең яклаучысы булган Езус Мариягә, шулкадәр күп окоплар казыганы өчен пехота сугышчыларына мең рәхмәтле идем.

Шартлаулар башлануга мин тиз генә башка ярыйка атылам. Чираттагысына керүем генә була – минем өскә тагын берәрсе сикерә, дөресрәгә, муеныма атлана. Башка вакыт булса: «Әй, дус кеше, кая барасың? Шакып керергә кирәк!» – дияр идем. Хәзер исә дәшү-нитү юк, хәтта сөөнергә кала – ярчыклардан ышыклый бит!

Шартлаулар тынды, чыгарга кирәк. Тик өстәгеләр озак азаплана. Нәрсә булды? Башымны күтәреп карасам – чалбар урынына итәк күрәм!

Төнге хурлык һәм мәхсәрәләнү ачысын таң атканда пәйда булган истребителебез йомшартты. Йөзләрчә күзләр, йөрәкләр катып калып, өмет белән шул очкычка төбәлде: «Әйдә, жаным, бир кирәкләрен!» Авиаполк, әлбәттә, төнлә кичүдә нинди мәхшәр булуы хакында хәбәрдар иде. Анда безнең алар ярдәменә мохтаж икәнлегезне беләләр, коткару өчен начар очучыларын жибәрмәгәннәрдер.

Карчыгабыз соңгы бомбардировщикны Висла аръягында куып житте, аны шундук яндырды да тылга китеп барды. Бомбардировщик очучысына кабинада ук атылырга кирәк иде. Төн буга иза чиккән пехота, һичшиксез, аны парашютка асылынып төшкәндә үк атып-тишкәләп бетерәчәк, жиргә исән-имин төшәп житсә дә, чүпрәк курчакны туздырган кебек, өзгәләп ташлаячак иде. Елганы кичкәч, без ул төшкән тирәдән уздык. Канәгать кыяфәттәгә пехотачыларның парашют сәләмәләрен тотып барганын күрдек. Аларның кирәгә чыга – куляулык аяк чолгавы итеп файдаланып була.

Бу төндә унлап кешене югалттык, безнең полкның сугыш кирәк-яраклары төягән ике йөк машинасы янды, бер танк сафтан чыгарылды. Башка частьларның югалтулары хакында рядовойга мәгълүм түгел.

«...Кичү, кичү. Сулда – яр, уңда – яр», – дип көрсенә Александр Трифонович. – Кичүчеләр өчен сугышта каһәр төшкән урын, дошман авиациясе өчен яраткан ау урыны ул.

Атакалаучы «мессерлар» үкерүе, аларның ут ачулары һәм аларга атулар; чиксез күп техника гүләве; кыска, дециметрлы кузгалышлар, холай сакласын, колоннада

арага «ятлар» кермәсен дип сагаюлар, командирларның сүгенеп үзара аңлашулары ... Эмма һәркем алга ашыга, һәлакәтле жирдән тизрәк китеп өлгерү ягын карый. Кыскасы, һәртөрле кичү вакытындагы гадәти хәл.

Моңарчы уңай сыйфатлары безгә мәгълүм булмаган йөртүче-механик Михаил Михайловның кылган гамәленә тукталасым килмәсә, мин бу операциянең кайбер детальләре хакында сөйләп тормас идем.

...«Иэска»лар өчен понтонга төшү урыны текәрәк булып чыкты. Маневрга сәләтле «утыз дүртенче»ләр өчен монда кыенлык юк иде. Безнең машиналарда йөртүченең карау-күрү манзарасы чикләнгән. Шуңа күрә, чират житкәч, машина командиры Вениамин Луканин, юл күрсәтеп торырга дип, паромга төште.

– Йә, Миша, кабыз, – диде ул.

Михайлов – тәҗрибәле йөртүче. Аллага тапшырып, ыргылмыйча-нитмичә, танк әкрән генә понтонга керә башлады; ул нигәдер уңга-сулга тайпылганда Луканин тубыктан суда басып торды. Михайлов моны шул вакытта ук күрмәде. Луканин һәм ярдагылар кычкырганнан соңгына абайлап алды да, арткы йөрешкә күчеп, бар куәткә газ бирде. Танк коры жиргә чыгып житеп, зур тизлектә текә урыннан узып, юлындагы өр-яңа «студебеккер»ны таптап узды.

«Әлгәчәк безгә, түзеп кенә тор!» – дип уйлап куйды Луканин. Бәхеткә, берәү дә зыян күрмәде, жинел котылдылар. Плацдармда йөк машинасы һәм авыр танк – үзара тиң кыйммәткә ия булган мөлкәт түгел. Моңа аңлаган командирлар хәтта Михайловка, дустанә жикләсенә кагып, «Молодец!» диделәр.

Биредә саперларның ниндидер явыз ниятен яки ялгышларын эзлисә юк. Сал бөтен кирәк-яраклары белән 30 тоннадан артмаган «утыз дүртенче»ләргә исәпләнгән иде, ә безнең частьтагы танкларның авырлыгы, тулысынча ягулык салынган хәлдә һәм сугыш комплектын керттеп 50 тоннадан артып китте. Коткарылган танк бәясен алдарак күрербез.

Шулай итеп, безнең полк Висланың көнбатыш ярында тора. Тик полкның сугышчан куәте көчле булган көннәр түгел иде бу. Ул чакта полкта нибары сугышка сәләтле өч танк калды, алар белән гвардия өлкән лейтенанты Ляхов житәкчелек итте. Әлегә танклар бөтен 3-нче гвардия танк армиясе тарихында якты эз калдырды, шуңа күрә бу хакта жентекләбрәк сөйләү урынлы булып .дип исәплим.

Елганы кичкәннән соң, маневрлы төркем итеп оештырылган бу өчлек, 69-нчы бригадага кергән күршеләрнең ун «утыз дүртенче»се белән, Сташув шәһәре юнәлешендә плацдарм яулап, аны киңәйтә төште. Көчле каршылыкка очраганнан соң, уңга борылып, төньяк тарафка юнәлде.

Каршылык тагын да көчәя төшкәч, «иэска»лар Лук

хуторында яшерен позицияләрдә урнаштылар. Маскировкаландылар. Чокырлар казып торырга вакыт та, жир эшләр белән шөгьльләнү теләге дә юк иде.

Хутор корылмалары артында маскировкаканы төмамлау белән бригада командиры (безнең танклар аның карамагына бирелде) «уыз дүртенче»ләрнең Лукава авылына һөжүмгә булышу өчен бер «изска»ны вакытлыча бирүне таләп итте.

Кемне бирергә? Өлкән лейтенант күңеленнән генә вариантларны сайлый башлады. Аның машинасын бу максатта файдаланып булмый. Ул – рота командиры, сугышка башлап керергә түгел, аның белән идарә итәргә тиеш. Бер үк вакытта танкның йөрү өлеше чиктән тыш тузган, чылбыры еш салына. Луканин танкның ягулык аппаратына һава керә, двигателне сүндерсән, аны тиз генә кабызырмын димә. Шунысы да бар: оста артиллеристны засададан атуда файдалану отышлырак, атака вакытында ату әлләни нәтижә бирми – ягъни аны һөжүмгә жибәрүнең мәгънәсе аз.

Димәк, Архипкин танкы кала. Дзибулька янында лейтенант Тарасов яраланганнан соң танк белән Архипкин житәчелек итте. Аның йөртүче-механигы машинаны ярата, аны чистартып-карап, кадерләп тотта иде, шуңа да танк һәрчак төзек хәлдә була иде. Ниһаять, аны Василий Машурин атакага алып барыр дигән нәтижәгә килделәр.

Сүлпән генә артиллерия әзерлеге уздырылып, барлы-юклы пехота булышлыгы белән, ягъни утызлап кеше катнашында «уыз дүртенче»ләр һәм Архипкинның «изска»сы атакага күтөрелде. Моңа кадәр авыл алты тапкыр кулдан-кулга күчте. Лукава артыннан стратегик мәһим объект – Остравец–Сандомир тимер юлы. Шуна дошман аны, безнекеләрне авылдан бәреп чыгарып, көчле каршылык күрсәтеп, саклады.

Дошманның һөжүмне һәм контрһөжүмнәре уйсулык буйлап барды. Шуңа күрә Ляхов ротасы танклары күчешләр юнәлешенә перпендикуляр позицияләрдә, кечерәк калкулыкта урнашты.

Алга таба бәрелеш турында үз хатирәләрем буенча түгел, исән калган катнашучыларның истәлекләре һәм шул вакыттагы «Во славу Родины» армия газетасы материаллары буенча бәян итәм.

«Лукавага якынлашкан саен безнекеләрнең һәм немец пехотачыларының мәетләре күбәйдә, – дип сөйләде соңрак Василий Машурин. – Мәетләр өстеннән бару авыр хисләр уята. Танкны бер яктан икенче якка «йөртә». Тайгак. Тундырма өстеннән барган кебек. Кайсы яктан сугышкан булсалар да, кешеләр бит. Авыл янында маневр ясап, аларны урап узу мөмкин түгел – танкның ян ягын куркыныч астына куярга теләмәдек. Бик уңайсыз

хәлдә, авыр хисләр белән үле гәүдәләр өстеннән барырга туры килде».

Штурм төркеме, авылны биләп, аның каршы ягына чыкты. Авыл яшеллеккә күмелеп утыра. Ярдәмгә бара торган пехота авылга керде дә, бакчалар арасына кереп югалды. Танкистлар аны яңадан күрмәде.

Позицияләргә урнашуга, фронт сызыгы буйлап дияргә була, тимер юлда немецларның һәм безнең зарланган, чылбырлары салынган танклар, үзйөрешле артиллерия жайланмалары төялгән состав килеп чыкты. Ара 600 метрдан да артык түгел. Барлык туплардан авылга, безнең позицияләргә ут ачты. Үз бронесоставлары уты белән рухланган дошман пехотасы (власовчылар) «Ура!» тавышлары белән алга ыргылды, безнекеләр, түзә алмыйча, чигенде. Пехотадан башка танклар үз позицияләрен яклай алмый. Бу аксиома. Пехота артыннан танклар да чигенә башлады. Маневрга сәләтләрәк «уыз дүртенче»ләр, тиз арада авылдагы яшеллек куелыгына чумып, күздән югалдылар.

Мишури́н командирдан:

– «Уыз дүртенче»ләр кайда? – дип сорады.

– Караңгы төште, – диде Архипкин, беркадәр югалып калып. – Беркем дә күренми. Бәлки без аларны әйләнеп узганбыздыр? Куркаклар димәсләр микән?

Сугышта куркаклык күрсәткән өчен кырыс жәза бирелә иде. Фронтта дошманга караганда особистлардан күбрәк курка иделәр. Танкистлар арасында бер жыр таралган иде, ул жырда түбәндәге юллар бар:

И вот вызывают в особый отдел:

«Почему с машиной вместе не сгорел?»

«Очень извиняюсь, – я им говорю, –

В следующей атаке обязательно сгорю».

Куркаклыкта гаепләнүдән шикләнү Архипкин экипажын икенче чиккә – саксызлыкка китерә. Туктарга булалар. Бу тукталу кыйммәткә төшә.

Танкны шунда ук саламы йолкынган солы чүмөлөсө рөвешендө маскировкакалылар. Автоматчылар (танк десанты) танк астына чокыр казып урнашалар. Күзөтү мөмкинлеге һәм ату секторы киңлеге ярыйсы гына, канәгатләнөрлек була.

«Утыз дүртенче»ләр белән элемтөгә кереп, аларның позицияләре турында белешү мөмкин булмый. Төннең калган өлөшө хәвеф-хәтәрсез уза.

Яктыра башлагач, экипаж үз танкларының безнең оборона сызыгыннан 350-400 метрлап алда авылдан 800 метрлап кына арада булуын күрөп ала. Көн яктысында аларның маскировкасы беркатлылык була: бөтен кырда бер чүмөлә генә күрөнөп тора, ул барыннан да элек күзөтүчеләрнең игътибарын яшерелгән танкка юнәлтә.

– Андрей, артка, линиягә чигенергә кирәк, – ди борчуга төшкән Машурин. – Ялан жир бу. Безгә атсалар – тидерәчәкләр!

Архипкин, хәлне тиз бәяләп, команда бирә:

– Әйдә, кабыз!

Механик, урынына утырып, массаны кушуга яңа команда бирелә:

– Сабыр ит, Василий!

– Монда нәрсә көтәсең?

– Приказ тапшырдылар, укы! – Архипкин 69-нчы бригада командирыннан килгән язуну суза: «Артка – бер адым да! Сөз кузгалсагыз – беркем дә урынында кала алмаячак».

Кичен үз обороналары сызыгына килеп урнашкан булсалар икән, ә таң атканда кулайрак позициягә китсәләр, әгәр... Тик узганның шарт шәкеле булмый шул. Званиеесе буенча өстен кеше белгән мәгълүматны аның кул астындагы кеше белми. Әмма бу очракта астыртын максат куелуы да ихтимал: калыңрак бронялы һәм ераккарак атучы тубы булган «чит» танкны буфер берәмлек

сыйфатында «үзләренең» «утыз дүртенче» ләрдән ераграк арада тоту. «Иэска» экипажы өчен югарыдагының приказы асылы аңлаешлы иде. Тик сугышта приказлар тикшерелми: үлемгәчә торырга дип калалар.

Сөгәт тугызларга август кояшы кыздыра башлый. Командир танк шлемын салып, тышка колак сала. Миналар улавы гына түгел, танк тупларыннан броня тишкөч болванкалар атылгандагы пошкырулар да ишетелә. Димәк, аларга төбөп аталар. Кайдан атулары ачыкланды гына – болванка башня бору механизмын зарарлый. Танк авыш урында торганлыктан башня ихтыярсөз рөвештә сулга борылып төшә. Идарә ителмәслек башня белән сугыш кырында нишлисөң? Мишень буласың? Машурин, двигательне кабызып, артка йөрөшкә күчөрә. Әмма соң инде!

Һичшиксөз, болванканы цельгә жибөргөн төзөүчө барысын да күрөп торган: танкка тидерүне дә, тупның борылуын да, артиллерист белән коручының һөләкәткө дучар танктан чыгуларын да, танкны сугыш кырынан чыгарырга тырышуны да. Тик мондый табышны кулдан ычкындырырга ярыймы соң?! Туп расчөтө алга таба да профессиональ һәм төгөл эш итә: чираттагы снаряд – уң, бишенче снаряд сул чылбырны өзә. Авырлыктан котылган двигатель жиңөл һәм иркен эшли башлый.

Булды. Бетте!

Машурин, гадәтенчә, двигатель эшлөвен акрынайтырга, аннары аны сүндерергә ашыга. Борылып караса – башняда беркем дә калмаган. Яшен тизлегендә башнядан атылып чыга. Вакуытында өлгерә. Ул жиргә орынганда алтынчы снаряд тиеп, танк яна башлый.

«Пантера»ның тиз атучы тубы минут эчендө алты тапкыр ата ала. Шулай итеп, озак бөян итөрлек эпизодка бер минут та житә. Фашист бер генә мөмкинлекне дә кулдан ычкындырмый. Дошман бик яхшы өйрәнү узган...

Жирдө Машуринга беренче булып барып ирешкөн нәрсә – ярдәм сорап кычкыру. Автоматчылар отделениесе командиры кычкырган икән. Аны, яшенә карап (илле яшьләрдә булгандыр), хөрмәтлөп, Степан Иванович дип йөртә иделәр. Ял вакуытларында экипаж өгзәларының чөчен алган өчен дә аны шулай олылылар иде.

Сугыш кырынан чыгарга тырышканда аның өстенө танк менгән. Танк узгач та аягы танк чылбыры астында калган, чөнки өзөлгөн чылбыр да жир өстеннән сүзылган. Яшь, елгыр автоматчылар, кәлтә кебек, тиз генә тирә-якка шуышкан, ә Степан Иванович өлгермөгән. Яше аркасындамы, өлкәнрәк булуы сөбөпле жаваплылык хисе зур булуданмы – беренче булып котыла алмаган.

Йөртүчө тирә-якка күз сала – берөү дә күрөнми. Экипаж да, автоматчылар да бөләнө шөйлөми калганнар.

Жаның кадерле булса да, иптәшеңне сугыш кырында ташлап калдырмыйлар бит инде! Машурин, уйлап-нитеп тормый, аны коткарырга ашыкты: Степан Иванович өстенә ул менде бит! Мина ярчыкларыннан котылып, исән калганда да, аны шул хәлдә ташлап китсә, вөжданы тыныч яшәргә ирек бирмәячәк.

Машурин сөрелгән жиргә батырылган аякны тартып чыгармакчы булган иде – бәлагә тарыган Степан Иванович тагын да ныграк итеп үкерде. 1400 килограммлы чылбырны тартып алу кемнең хәленнән килсен? Миномет утына да карамый, Машурин куллары белән автоматчының аягы тирәли жирне казый башлады. Шулчак ярдәмгә Андрей Архипкин да килде, алар икәүләп Степан Ивановичның аягын тартып алды һәм автоматчыны үзбезнекеләр ягына сөйрәп китте.. Юлда ике мәртәбә аның арт ягын ярчыклар яралады. Пехотага дигән ярчыклар –нинди могжиза!– танкистларга тимәде.

Полк штабында бәхетсез экипажны комендант взводы автоматчылары белән замполит майор Наренко каршы алды:

– Сез Иосиф Сталин исемен⁵ түбәнсеттегез, --дип кычкырды ул. – Безнең танклар – дөньяда иң яхшылар! Ни өчен немец танкы сезне яндырды, э сез анын танкын тугел?

Аңлатырга дип авыз ачканнарны ул ярты сүздән бүлдә һәм экипаж әгъзаларына мыскыллы сүзләр яудырды. Замполит жәзаның кырысын бирә иде.

– Чокырга ташлагыз үзләрән! – дип боерды ул автоматчыларга. – Үзләрә казысыннар чокырны! Алардан күзне алмаска! Эрәмтамаклар, куркаклар!

Экипаж үзенә 1,5x1,5x1,5 метрлы чокыр казиды һәм бөтен составы белән шул чокырга төшөп утырды. .

Хәзер Ляхов һәм Луканин экипажларына әйләнеп кайтыйк.

Башта алар позиция сайлау һәм машиналарны яшеру белән мәшгуль булды Лукава авылына кадәр 3000 метр чамасы ара бар. Һөжүм итүчеләргә кадәр ераклык 1500 метрдан артмый. Ляхов танклары экипажлары безнен штурм отрядының кичке һөжүме унай булуын курде. ЛэкинЛукава яшеллеге аша һәм караңгы төшкәнгә күрә алга таба ни буласын күрмәде.

Таң атуга лейтенант Ляхов күзәтү секторында кичтән күзгә чалынмаган чүмәләне күреп ала. Каян килгән ул? Фаразларга гына кала.

Сәгать тугызлар тирәсендә Лукавада танклар хәрәкәте күзәтелә. Немецлар үз «пантера»ларын безнең машиналарга ату өчен уңайлы позицияләргә чыгаралар.

Алар белән нәтижәсез атыша башлау үзенәң кайда булуыңны алдан ук сиздерүгә китерәчәк иде. Лейтенант Архипкин танкын атканда да засадагылар үзләрән белдермәделәр: сугыш законнары рәхимсез.

Икенче иртәдә куәтле артиллерия әзерлеге – безнең позицияләргә эшкәртү башланды. Атыш һәм шартлаулар тоташ гүлүгә өверелде. Авыз ачып сугышырга туры килә – колак ярыларына һава басымы кысып керә. Август аендагы коры жирдән тузан болытлары күтәрелә, ул, төтен белән кушылып, күкне каплай. Шул болыт арасында аз гына кояш күренә. Немец төгәллегә белән ут яңгыры ява. Безнең позицияләргә «эшкәрткәч», артиллерия утны башка урыннарга яки тылга күчәрә.

Сәгатьтән артык дөвам иткән артиллерия әзерлегеннән соң дошман контрһөжүмгә күтәрелде. Тузан пәрдәсе арасыннан көчле «Ура!» тавышы ишетелгәч, безнең пехота, каушап, чигенә башлады. Лейтенант, взвод командиры ахыры, итекләрен иңбашына асып (аякларына кияргә өлгермәгәнме?), бар көченә элдерә. Күзләре тонган, безне күрми дә.

Без аны тотып алырга теләдек: «Кая барасың? Хәзер безнекеләр күтәреләчәк. «Ура»ны ишетәсенме?»

«Син – жүләр! Болар – власовчылар!»

Иптапчылар⁶, уңык күршеләребез, һөжүм итүчеләр өстенә 3-4 әр снаряд жибәрделәр дә – башка сугыш кирәк-яраклары юк иде, пушкаларның йозакларын алып, аркан-каешларны кисеп, кем атка атланып, кем жәяүләп,үкчәләрен ялтыраттылар.

Без дә яшерен позицияләрдән ике пулеметтан да ут ачтык. Тик 227-нче фәрман исебездә иде – урыныбыздан кузгалмадык. Шуннысы да бар – без бит теләсә кайсы вакытта пехотадан аерылып китә алабыз.

Шулчак полк командиры «виллис»ында полк командирының сугыш кирәк-яраклары белән тәэмин итү буенча урынбасары Морозов килеп житә, Житомирга кадәр диярлек чигенү маршрутын сузып:

– Кичекмәстән моннан китегез! – дип кычкыра һәм юк та була.

Нишләргә? Без – тәртипле халык. Приказга берсүзсез буйсындык. Без полк разведкасы башлыгы белән Вислага чигенәбез. Берздан юлыбызда заградотрядның яшел кырпулы фуражкасын кигән офицер пәйда була.

Фронтта андыйлар сирәк очрый.

– Без армия штабына барабыз, - диде капитан офицер сүз башлаганчы ук. – Мин полк разведкасы башлыгы.

– Хәзер анда сезгә ни калган! Хәлнең нинди булуы мөгълүм.

5. ИС-122 танкы – 122 мм лы туплы Иосиф Сталин.

6. *Истребитель-танкка каршы ата торган артиллерия полкы.*

Капитан аңлатмакчы була, тик Яшел фуражка аны ярты сүздә бүлө:

– Оборонага урнашыгыз! Менә шул! Эгәр аңламасагыз – аңлатырлар!

Һәм шундый ук фуражка кигән берәү, атарга эзерләнеп, пулеметлар артына яткан сугышчыларга ишарәли. Безне, качучыларны, атарга эзерләнгәннәр...

Безгә нәрсә? Без бит тәртипле халык... Плацдармда, инде ничәнче кат көрәккә ябышабыз! Машина өчен апарель казый башлыйбыз...

Менә шунда инде мин Рур металлы белән таныштым. Соңрак, әйтергә уңайсыз урыннан дөгә бөртөгә зурлыгындагы шрапнель ярчыкларын чокып алганда, санинструктор Пылев: «Анаңны корт чаккыры, тапкансың кай жиреңне куярга! Үзең дә карый алмыйсың, кешегә дә күрсәтеп булмый», – дип сукранды.

Бөртекләрнең сул кулым тирәсе турысында тире астында калганын бүген дә Сандомир плацдармы хатирәсе итеп йөртәм.

Ярдәм һавадан килде: плацдарм өстендә безнең штурмовиклар – «очучы танклар» моторлары гөрелтесе ишетелде. Алар яхшы гына эшләп алдылар, тик югалтусыз булмады – атакадан чыкканда бер очкыч барыбызның күз алдында кисәкләргә таркалды, зениткалар уты шул дәрәжәдә еш, көчле иде. Аның экипажы парашютлар файдаланырга да өлгөрмәде. Икенче штурмовикка да эләкте, ул ямьсез үкереп кайтыр юлга, Висла аръягына юнәлде. Тик кайтып житә алдымы икән? Кайтып житә калса да, ул килчәктә безгә ярдәм итә алмый иде инде. Кызганыч, штурмовиклар тагын бергә кимеде. Хәзер бөтен өмет – аларда һәм танкларда.

Безнең кадерле «иэска»ларыбыз хәзер кайда икән? Исәннәрме, юкмы? Танклар утлы өермә артында калганнан бирле алар турында берни билгесез. Исән булсалар да, чыга алырлармы?

Беренче үт өермәсе ничектер аларга әлләни зыян китермәде. Лейтенант Луканин танкы ышыкланган сарайга үт капты. Позицияне алыштырырга туры килде. Үт өермәсе икенче сызыкка күчерелгәч, яшерен урыннардан чыгып, тирә-якка күз салдылар. Ату секторында, солы басыында Архипкинның яндырылган танкы тырпаеп тора. Аларга тагулы 76 миллиметрлы туплар позицияләре дә бушап калды. Тагын да сулдарак, хутордан берничә километр арырак, кичә атакага барган «утыз дүртенче»ләр урнашкан иде. Түзә алдылармы икән? Түзәргә тиешләр, алар бит – танклар.

– Пехота үкчәсен ялтыратты, – диде автоматчылар отделениесе командиры. Аның бу сүзләрендә кычкырып әйтергә базмаган сорауы шәйләнә иде: «Безгә дә аларга иярергәдер?»

– Безнең автоматчыларыбыз – безнең белән, – дип жавап бирде өлкән лейтенант. – Сугышачакбыз!

– Артиллеристлар да качты, – диде лейтенант Луканин. – Ротный, нишлибез?

Хәзер барысы да командирның ихтыярына һәм карарына бәйле иде: хәрәкәт итү дә, сугышчы горурлыгы да, аның кул астындагыларның гомере дә. Үлгәннән соң дан – яхшымы, яки яманмы...

Петр Тимофеевич Ляхов өчен бу беренче сугышчан операция түгел иде. 57-нче полкка килгәнче ул күп бөрелешләрдә, шул исәптән Прохоровка янындагы атаклы танклар сугышында да катнашкан. Танкта ул яна – бите шуңа шадраланып калган. Кыскасы, күрәсен күргән егет, немецларга нәфрәте чиктән ашкан. Дошманнан гына түгел, үзенең турыдан-туры командирларыннан да курыкмый.

Өлкән лейтенантның бу сыйфаты үз урынын һәм кадерен белү югары профессионал осталык белән дә тулыландырыла иде. Званиеләре һәм вазифалары буенча үзгәннән югарырак затларга карата чөнечкеле сүзләрен кызганмый, чөнки алар бу званиеләргә һәм вазифаларга лаеклы түгел дип саный иде.

Полк командирының строй бүлегә буенча урынбасары подполковник Гопскийга карата да ул шундый ук мөнәсәбәттә. Ляхов кул астындагы сугышчылар бу хакта яхшы хәбәрлар булып, бервакыт, әле Висланы кичкәнче үк, подполковникны кызык иттеләр. Очып килүче ми на тавышы чыгарып (мондый шуклыкка күпләр маһир иде), алар «ят!» дип команда бирделәр. Бөтен взвод бер күчкә өелде. Уен эшмени? Гәүдәләре белән каплап командирны коткаралар бит! Ә ул бичара, көч-хәл белән тын алып, астан кычкыра: «Егетләр! Житәр! Чыгарыгыз!»

Көчле артиллерия атышлары вакытында подполковникны танкта сьендырудан баш тарткан командирлар аз булгандыр. Ә менә Ляхов баш тартты. Алай гына да түгел, Гопский шакыгач, өлкән лейтенант башын борып карады да, барысының күз алдында подполковникны өч хәрәфкә жибәреп, демонстратив рәвештә шап итеп люкны япты.

Ляхов үзе дә командирларыннан рәхим – шәфкать өмет итә алмый иде; хәер, ул андый миһербанлылыкны эзләп тә йөрмәде. Үзенең кул астындагы сугышчыларга карата намуслы, принципиаль булып, югарыдагы башлыкларга да шундый ук өлгедән чыгып карады, хаклы рәвештә, фронттан да арырак жибәрмәсләр дип, беркемнән дә һәм бернәрсәдән дә курыкмауны өстен күрде.

Ляхов ротасы алдына болай да кыен бурычлар куелган иде. Бүлөкләгәндә кимсетерләрме? Бүлөк өчен түгел,

Ватан өчен сугышабыз, дип исәпли иде ул.

Боларның барысын да баштан кичереп, Ляхов сүздә дә, эш-гамәлләрендә дә бәйсез булды. Полкта үз фикере булган бик аз офицерларның берсе буларак, полк командиры хаксыз булганда, аның карары белән ризалашмыйча, хакыйкәтне күзгә бәреп әйтә иде. Миңа полк командиры Богунов күңеленән өлкән лейтенантны күрәлмәй, хәтта аңардан куркадыр сыман тоела иде, чөнки ул Ляхов кебек тел-таш тидерерлек репутациягә ия була алмады.

Петр Ляховның берәр гаебе, хәтта кечкенә генә кимчелеге булса да, Богунов, мөгаен, рәхәтләнеп аның тетмәсен тетәр иде.

Барысын да төптән уйлап-фикерләп, Ляхов катгый карарга килде.

– Танклар хәзергә исән-имин, – диде ул. – Сугыш комплектлары тулы.

Отышлы позиция билибез. Иңкүлекне әйләнеп уза башласалар – ян якларын безнең ут астына куячаклар. Турыдан-туры калкулыкка күтәрелсәләр – янә өстенлек безнең якта. Аннан соң, хәзер яшеренгән жирләрдән чыгуыбызның мәгънәсе юк. Үзәбезне күрсәтәчәкбез генә. Хәер, хәзер соң да инде... Ахыргача урыныбызда торачакбыз!

Шулай хәл ителде. Үлөргә икән, тик музыка белән! III рота командиры гвардия өлкән лейтенанты Ляховның сугышчылар арасында абруе зур иде.

Аның карарына каршы килеп булмый.

Элек күпчелек барысы белән бергә чигенү турында уйласа, хәзер, кабул ителгән карар котылуны күздә тотмаса да, нигәдер кешеләр тынычланып калдылар. Сугышчыларда ышаныч, ныклык, ахыргача үз бурычларын үтәү хисе туды һәм көчәйде. Хәзер барлык игътибар Лукава авылында тупланган танкларга юнәлдерелде.

Кузгалдылар. Менә алар. Заказ буенча тезелгән кебек йусулык буйлап баралар. Алар ничәү соң?!

Иван Семенов, ул чакта безнең танклар артындагы калкулыкта позиция биләгән часть пехотачысы, әлеге вакыйгалардан соң 40 ел узгач, Красноярск якларындагы бер авылдан безгә юллаган хатында «йөзгә якын» дип язып жибәрде, хатка сугыш кыры картасы да теркәлгән иде.

Курыкканга куш күренә, диләр. Бар булган бронясы өстендәге гимнастеркадан, коралы – винтовкадан, иң яхшы дигәндә танкка каршы ата торган мылтыктан торган пехотачы турында начар уйлау ярамас.

Йөз булмаса да, алдагы көндә яндырылган танкның йөртүче-механигы, соңрак отставкадагы гвардия полковнигы Василий Машурин 36 танк дигән иде. Әмма аерым бер сан һәрвакытта да немец гаскәрләрендәгә нин-

дидер частьның штаттагы комплектын чагылдырмый. Бу тиз арада Румыниядән килгән частьтан, Опатувта төзәтелгән танклар белән тулыландырылып оештырылган берләшмә иде. Фюрерның «русларны Вислага себереп төшерергә» дигән приказын үтәүгә сәләтле дөһшәтле көч.

Моңарчы дошман танкларын рәсемнәрдән карап өйрәнгән экипажлар өчен хәзер шул танкларны үз күзләре белән күрү мөмкинлеге туды. Барлык төр машиналар белән болай танышу мөмкинлеге сирәк бирелә. Ике совет танкыннан торган фронт буйлап хәрәкәт иткән корыч армадада фашистлар броняланган техникасының тулы жыелмасы тупланган иде. Арада немецлар ярты Европаны буйсындырган иске үрнәкләр дә бар. Алар «иэска»лар өчен үлем куркынычы тудырылык түгел иделәр.

«Сезгә монда Франция түгел! Дюнкерк кабатланыр дип өметләнмәгез!» – дип уйлады өлкән лейтенант зәһәрләнеп.

Сандомир жирендә тузан болыты күтәрәп, киң чылбырлы дөһшәтле «тигр»лар, «пантера»лар һәм «фердинанд» үзйөрешле артиллерия жайланмалары хәрәкәт итте. Алар безнең авыр «иэска»ларны да тишәп, «эчәкләрен агызырга» сәләтле – авыз ачып торсаң, күп сорамаслар!

Берничә таныш булмаган күлөгә күзгә ташланды. «Болары нинди жанварлар тагын? Аларны нәрсәгә кушып ашыйлар? Ярар. Хәзер карап карарбыз!»

Ляховның «бронятишкечләр белән атарга!» дип команда бирәсе юк. Кем белән очрашканны күрәләр, ни өчен монда торганны да яхшы беләләр. Ә менә башлап кайсы цельләргә аерып алуны билгеләү артык булмас. Шуңа күрә Ляхов Луканинга:

– Алдагы «тигр»ларга һәм «пантера»ларга атыгыз. Колонна ахырында килүчеләрне үз өстемә алам. Ыбырчыбыр уртада чәбәләнсен! – диде.

Машина командирлары яхшы ату өчен уңайлы позиция сайлап сугышта уңышка ирешү өчен жирлек тудыра ала. Һөжүмнәр вакытында, сугыш кырында маневрлар ясаганда экипажның гомере йөртүче-механикка бәйле. Э хэзерге минуттан эстафета артиллеристларга күчте.

Луканин машинасында туп командиры – полкның иң яхшы артиллеристы абруен казанган Сергей Арефьев, коручы – Полтава егете Андрей Гуртовенко.

Рота командиры экипажында туп командиры – алай ук абруйлы булмаса да, яхшы артиллерист буларак танылган Василий Копылов, коручы – Андрей Хохлов. Хэзер бар нәрсә шушы дүрт егеттән тора иде. Һәм алар бик нык тырышты.

Кисәкле мизгелне көтеп алып, Василий Копылов беренче атуда ук «пантера»ны яндырды. Шул ук секундта диярлек атып, Сергей алдагы «тигр»ның чылбырын өзде, икенче снаряд белән аны яндырды. Атулардан соң тирә-якта тузан өрмәсе күтәрелде, күрү мөмкинлеге азайды. Дошманны ачыграк күрү өчен Луканин танктан чыкты. Сергей «пантера»ны прицелга алды да, атып жибәрде. Ул «пантера»га тидерде, тик агудан һәм көпшә тормозы газларыннан командирга да зыян килде. Газ агымы колак барабаны ярысына китереп бәрде, чигәне пешерде. Тик, мәгълүм булганча, башны югалту куркынычы булганда чөч турында кайгыртмыйсың...

Шул арада Копылов тагын бер «пантера»ны сафтан чыгарды, яндырды.

Немецлар каушап калды. Засаданы алар дүрт машиналары янганда гына күреп алдылар. Сазлыклы иңкүлектә дошман турыдан-туры штурмга бара алмады, чөнки әйләнеп узганда ян-якларны куркыныч астына куярга туры киләчәк иде. Алар каршы якның санын-исәбен белми иделәр, чөнки Луканин машинасы ике тапкыр позициясен алмаштырды. Немецлар, ата-ата, Лукава артына китеп бардылар.

– Әһә! Ошамадымы? – дип кычкырды Ляхов. – Мәнә шулай итәбез без сезне, трам-тарарам!

Дошман утыннан сарай яна башлады, һәм Луканин танкына кичә Архипкин экипажы эзерлөгән яңа позициягә күчәргә туры килде. Әлегә кешеләргә дә, машиналарга да зыян килмәде.

Тынлыкның вакытлыча гына булуына беркем дә шикләнмәде. Көчләр чагыштырмасында гаять зур өстенлек булганда (бу атуларның күплегеннән һәм ешлыгыннан да күренә иде) дошман, әлбәттә, реванш алырга тырышчак. Уйлап фикерләү һәм карарга килү процессы бара. Бер яктан караганда, шундый

күөтле төркем, ниндидер засададан куркып, Лукава яшеллегендә качып ятмаячак; аларны фюрер приказы (Гитлерның Сандомир плацдармын руслардан чистарту операциясенә житәкчелек итү өчен шәхсән үзе килүе мәгълүм) алга этәрә; икенче яктан, шул ук юл белән барудан башка чара юк.

Немецлар яңадан һөжүмгә күтәрелде. Бу юлы алар башкачарак эш итте: берәүләре ут ачып ышыклады, икенчеләре куркынычлы урыннан үтеп чыгарга омылды.

Барып чыкмады, үтә алмадылар. Көн ахырына сугыш кырында 11 немец танкының жимерекләре тырпаеп калды. Ляхов экипажы ике «тигр»ны, ике «пантера»ны, ике үзйөрешле артиллерия жайланмасын (САУ) юк итте. Луканин экипажының казанышлары бер САУга кимрәк иде, тик аларга сафтан чыгарылган яңа «жанвар» – «король тигры» өстәлде; немецлар аны беренче тапкыр Сандомир плацдармында куландылар.

Мәнә ул – кичүдә Михайлов тарафыннан коткарылган танкның бәясе!

Егетләр шаккатыргыч шәп эшләделәр! «Тигр»ларның һәм «пантера»ларның Висла буендагы «туплавык»ка йөрү теләкләрен юкка чыгардылар!

Тик моннан соң да немецлар тынычланып калмадылар. Иртән алар янә һөжүмгә ташланды.

Ләкин бу инде башка иртә, бөтенләй башка көн иде.

Рухландырып торучы көчле артиллерия эзерлеге дә юк, дошманны Вислага себереп төшерергә тәвәккәллек итү дә юк. Яңа һөжүм нәтижәсендә тагын алты сугыш берәмлеге янган һәм жимерелгән металл өеменә әверелде. Кыскасы, сугыш кырында 57-нче гвардиячеләре жиңүчеләр булып калдылар! Ике «иэска» ике көн барган бәрелешләрдә 17 танк һәм САУны юк иттеләр! Ниндиләрен әле?! Уңайлы позициядә булу шундый нәтижә бирде!

Башка участокларда да контрһөжүм барып чыкмады. Сандомир плацдармы сакланды. Көчләрдә тигезлек урнашты.

Бәрелешләрдән соң, инде барысы да тынып калгач, штаб башлыгы, полк командирының сәяси эшләр буенча урынбасары, ягъни полк замполиты һәм армия газетасы хәбәрчесе килде. Бинокльдән сугыш кырын карадылар, кабат-кабат дошманның юк ителгән бронетехникасын санадылар. Ике экипажның батырлыгына, осталыгына таң калып, мактадылар. Шулчак Ляхов Архипкин экипажын яклап сүз әйтте һәм аны мәсхәрәле тоткынлыктан коткарды.

Алмашка резервистлар билгеләп, машиналарның командирларын үзләре белән алдылар. Штабта сораштылар, экипажларның барлык әгъзаларына да бүлөкләү

көгазылэре тутырдылар.

Формировкада туп командирлары гвардия сержантлары Копылов һәм Арефьев – Сугышчан Кызыл Байрак орденнары, коручылар Гуртовенко һәм Хохлов II дәрәжә Ватан сугышы орденнары белән бүләкләнде. Йөртүчеләр механиклар Василий Слюсаренкога һәм Михаил Михайловка да бүләкләр бирелде.

Машиналарның командирлары Советлар Союзы Герое исеменә тәкъдим ителде. Богунов бу тәкъдимне... хәтта кешеләр күз алдында имзалады. Соңыннан, бигеле булганча, армия штабына барып, ул тәкъдимнәрен шыпырт кына кире алган. «Мин Герой булмаганда, полкка Геройлар булмаячак!» – дип әйткән, имеш. Командирлар Ляхов белән Луканинга Герой исеми түгел, хәтта медаль да бирелмәде...

Аяныч: астыртынлык һәм хөсетлек тормышта даими очрап тора...

Дуслык булмаган жирдә

Безнең армияне, димәк, безнең полкны да формировкага чыгаралар.

Бездә танклар юк инде (исән калганнын СПАМ⁷ га тапшырдылар), автотранспорт белән дә шул ук хәл. Шуңа күрә минем бортка, шәһәр транспортындагы ыгы-зыгылы вакыт кебек, барысы да төялә: саперлар-разведчиклар, полк хезмәтләре башлыклары, исән калган танкист-офицерлар. Барысы да бөхетле елмая: алда – ял атналары, бөлки, ял айлары. Кәефләр күтәрәнке.

– Ур-ра, егетләр, яшибез!

Күңелне биләгән шатлык тышка чыгарга омтыла:

– Әйдә, бас бар күәтенә!

– Аңларга тиешсәң, күсәк, оҗмахка алып барасыңмы, әллә башка урынгамы?

– Бронетранспортер – фронт юллары короле!

Әх, исән-имин йөрүк дисәк, мине кыздырмакка иде! Мин болай да кабынган инде. Мин дә шуларның берсе түгелмени? Минем дә бөтен жаным-тәнем рәхәтләнә, миңа машинамы кабызу кыен түгел, һәм мин, бөтен дөнъямны онытып, газ бирәм. Туксан тирәсендәге тизлек белән яшеллек артындагы кискен борылышка килеп чыгам һәм... полкның алтын фондын, аз дигәндә минем артта утыручыларны, чак кына сугышларда һәлак булганнар артынан озатмыйча калам...

Борылыш артындагы юл техника белән тулган. Гидротормозлар эшләми – немецларның контрһөҗүме белән хәтердә калган Висла буена ашыккан көнне мина ярчыгы шлангны өзгән иде. Бер секунд һәм...

Тик кеше дигәнәң шундыйрак зат инде, хәлиткеч мизгелдә аның миңа соңгы модель ЭВМнарда да тизрәк эшли. Мөмкин булган вариантларны баштан кичереп, машинаны панның ишегалдына таба сузылган бакчадагы тар аралыкка юнәлтәм. Карданга басым ясаучы механик тормоз рычагын чагыштырғысыз зур көч белән тартам һәм панның капкасына дециметрлык арада туктап калам. Тәмам хәлдән таям...

Йөзләре агарынган офицерларның мактау сүзләренә дә исем китми, аларны исән-имин калдыруыма куанам. Начар идарә ителә торган техниканы шул дәрәжәдә куган ахмакны мактарга түгел, аңа жәза бирергә кирәк иде...

Кечерәк кенә Мосты Велки шәһәрчеге. Шунда урнашырга тиешбез. Без килгәнче бу урыннарда җирле бандерачылар хужаларча эш иткән. Совет комендатурасы төннәрен билкәнәп үткәргә мәҗбүр булган һәм урамга чыгарга да курыккан. Безнең полкны юкка гына бирегә күчәргә, әлбәттә. Хәер, без алай күп төгел – йөз иллеләп кеше. Тик без калтырап төшмәдек. Шуңа гына житмәгән тагын – ниндидер бандит төркемнәреннән дә куркып тор имеш!

Беренче төннәргә берсендә безнең патрульдәге автоматчылар сорауларга жавап бирмәгән бер кешене атып үтергән. Аны таныган хатын-кызлар (яки апа-сенеңләре?) «ул телсез» дип ышандырырга тырышкан. Шулай булсын да ди. Сүзләренә ышандылар да ди. Алайса, комендант сәгатеннән соң ул кеше урамда нишләп йөргән?

Тиздән капитан Водопьянов үзе урнашкан йортта хужаның улын атып үтергән. Ул нигәдер төнлә капитан бүлмәсенә кергән булган. Аның бандерачылар житәкчесе булуы ачыкланды.

Озакламый без бандерачыларга шәһәрдә кем хужа икәнлеген, нинди хакимият булуын аңлаттык...

7. Махсус күчмә армия остаханәләре.

Шәһәрдә – шулай. Авылларда хәл катлаулырак. Безнең белән янәшәдә – аларны кем сакласын? – армия медсанбаты урнашты. Медсанбаттан ике шәфкать туташы сөт алырга дип авылга киткән иде, әйләнәп кайтмады. Шуңа күрә ялгыз, коралсыз авылларга йөрү тыелды.

Тирә-яклардагы бандерачылар төмам азды. Бервакыт урманда төнлә тимер юл составын туктатып, берничә сәгать эчендә дистәләрчә вагоннан сугыш кирәк-яракларын ташып бетерделәр. Иртән без облава ясадык, тик бернәрсә дә тапмадык, сүндерелгән учак урыннарына гына юлыктык.

Кыскасы, «ял иткәндә» без һәрвакыт Тула өлкәсендә түгел, Львов өлкәсендә булуыбызны белеп яшәдек.

Әлеге облавага жентекләбрәк тукталам.

Без бандерачыларны тапмадык. Облавага барганда безгә хәрби хезмәттән читләшүчеләрне жыеп алырга да кушылган иде. Безнең кешеләр, хезмәткә яраклы барлык ирләрне үзләре белән алып, комендатурага китерделәр. Комендатурада аларны жирле хакимиятләр ярдәмендә төркөмнәргә аерып, хезмәткә яраклыларын хәрби комиссариатларга жиберделәр.

Халык тулысынча поляк телен дә белгәнгә күрә (өлкәне Союзга 1939 елда гына кушалар), мөгаен, аларны Польшада яңа оештырылып килүче Азатлык армиясенә төркөгәннәрдәр.

Ул армия Рязаньда оештырылды. Укуту-өйрәнү полкында сирәк кенә бирелгән буш көннәрдә без, тротуарда йөрәнгәләп, бөтен илдән китерелгән, фамилияләре «ский»га төгәлләнгән безнең егетләренң ни рәвешле бу армия үзәген хасил итүләрен елмаеп күзәтә идек. Квадрат фуражка-конфедератка һәм инглиз постауыннан тегелгән яшел шинель кигән гаскәриләр «пан за пана ховайсь!» командасына икешәр-икешәр булып, сафка басалар, маршта кулларын бер яссылыкта алга-артка болгыйлар.

Ул чакта бу армия частьларында ун процент та чын поляк булмагандыр әле⁸.

Шундый миңгерәүләрне эләктереп, без бу житешсезлекне бетерергә – Польша армиясен поляк телле яңа килүчеләр белән тулаландырырга тиеш идек.

Алгарак китеп әйттик: әлеге армия 1-нче Белоруссия фронты гаскәрләре составында Польшаны азат итүдә, хәтта Германия территориясендәгә сугышларда катнашты. Ничек сугышкандыр, анысын белмим. Күрмәдем. Тик кырык ел узгач: «Ляхлар Берлинны алганда аларга берәз руслар ярдәм иткән» дигән сүзләренә ишеткәнем булды.

8. *Сугыш ахырына Польша гаскәрендә 20 меңләп Совет армиясе генераллары һәм офицерлары, 13 меңнән артык кеше кече комсостав һәм техник гаскәрләрнең рядовой белгечләре исәпләнә (История Второй Мировой войны, т.10, 55б.).*

Укучым «Четыре танкиста и собака» дигән мавыктыргыч телевизион фильمنى карагандыр, әлбәттә. Сериал барышында безнең дөһшәтле «утыз дүртенче» тимер арба сыйфатында файдаланыла. Фәкать шулай гына. Бу бит күнел ачтыра торган фильм диярләр. Шулай, тик менә...

Облавага әйләнәп кайтыйк. Төн авышкач, без – полк командиры «виллис»ы һәм автоматчылар төялгән минем бронетранспортер көтү йөргән урман аланына чыктык. Безне күргәч, өч егет, көтүдән аерылып, урманга таба йөгәрде. Бездә әү эте инстинкты кабынды Болында бронетранспортер әкрән бара. Качучыларга пулеметтан атып булмый – полк командирының алдан баручы «виллис»ы комачаулый, качкыннарны чак кына күздән ычкындирмадык. Шулай да «виллис» аларны урманга житкәнчә куып тотты.

– Нигә йөгәрдегез?

– Сездән курыктык.

– Ә монда нишлисез?

– Көтү көтәбез.

Монысы инде дөрөслеккә туры килеп бетми иде. Көтүдә элеккечә үк көтүчә малай кала бирде. Анда, ул малайдан тыш, әзмәвердәй 25-28 яшьлек егетләренң шул эш белән мәшгуль булулары шик уята иде.

Полк командиры:

– Аяк киёмнәрегезне салгызыз! – дип боерды.

Аякларының баш бармак тырнаклары ничек киселгән күргәч:

– Поляк офицерлары, – дип, нәтижә ясады.

Һәм аларга урманга таба атларга боерды, ә ординарец белән автоматчыларга ым какты:

– Боларның эшен бетерегез!

...Ярты гасыр чамасы Катыйн тирәсендә 20 мең поляк офицерын кем аттыруы турындагы мәсьәлә тирәсендә бәхәс барды. 1944 елда бу вәхшилекне тикшерү өчен безнең яктан Дәүләт комиссиясе оештырылды. Составына поляк язучысы Ванда Василевская да кергән әлеге комиссия «немецлар эше» дип нәтижә чыгарды.

Немецлар ягы моны инкаръ итте һәм барлык жаваплылыкны КГБга аударды⁹.

Вақытлар узгач, урман буендагы бу вакыйганы искә төшереп, мин әле шул чакта ук безнең командирларга сугышка кадәргә Польша армиясе командирларына кагылышы күрсәтмә бирелгән, дип исәплим.

Кыскасы, без тулылану көткән жирдә яшәгән халык безгә карата дустанә мөнәсәбәттә булмады. Без хәтта

9. *Кулъязма Жиңүнәң 50 еллыгына әзерләнәп, 1990 нчы еллар уртасында язылды. Ул чакта поляк офицерларын аттыру Россия (аңарчы – Советлар Союзы) хөкүмәте тарафыннан рәсми рәвештә танылмаган иде.*

беркадәр рәнжи идек: аларны фашистлардан азат итәсең, ә алар безнең аркага пычак кадый. Миңа жирле халык немецларны да, безне дә бердәй күралмый кебек тоела иде. Безнең аларны азат итүебез башларына да килми иде, күрәсең. Алар бәлки безнең пропагандага караганда, Лондонда эмиграциядәге Польша хөкүмәте үгетләвенә ныграк ышанганнардыр. Хәер, безнең үгетләр тыныч халык арасында алып барылганмы-юкмы – монысы тәгаен мәғлүм түгел. Ә Лондон пропагандасы, әлбәттә, аларның һәрберенә барып ирешкән, радио аша булмаса, имеш-мимешләр аркылы. Безне баш күтәргән Варшавага ярдәм итмәүдә гаепләделәр. Совет кешеләре аларның барысын да колхозларга куып кертәчәкләр, дип куркыттылар. Моңардан алар аеруча нык курыкты. Шундыйрак бер мәзәк тә йөрде: безнең солдат поляк белән сөйләшә. «Менә күпер төзибез». – «Шулай, пане, шулай». – «Йөрешербез». – «Шулай, пане, шулай». – «Колхозга керербез». – «Ничек, ничек?»

Эш колхозларда гына түгел, географиядә дә. Тарих язмышларын шулай корган, француз Мәскәүгә алар аша бара. Немец Советларга каршы алар аша китә. Французны кире куганда да, немецны куганда да сугыш янә алар жире аша уза. Солдат, кайсы армия сугышчысы булса да, юлбашчылар (мәсәлән, фюрер) котыртуы буенча яисә үз азгынлыгы аркасында, яисә исәпле гомерен күздән кичереп, талый, көчли, үтерә. Элеккеге Союз чикләрендәге халыклар безне азат итүчеләр итеп, күзләре рәхмәт яшьләре белән тулып каршы алсалар да, үзләрен совет рухлы итеп тоярга өлгермәгән көнбатыш төбәкләрдәге халыклар өчен без чираттагы чакырылмаган килмешәкләр идек.

...Юк, безне онытып бетермәгәннәр әле. Сентябрь ахырларында Чиләбе безгә танклар жибәрде. Тулы комплект – егерме бер берәмлек. Шулар ук ИС-122 базасында, тик берәз камилләштерелгән танклар. Иң зур аңалык – башняларга 12 миллиметрлы ДШК зенит пулеметлары урнаштырылган. Хәзер инде без, бронетранспортерчылар, һава юлбасарлары каршында ялгызаклар түгел. Маршта да, ачык һөжүм вакытында да!

Танклар экипажлар белән комплектланган килеш килде. Тик командование экипажларны полк составына алырга ашыкмый. Танкларга каршы барган сугышларда барлык экипажлар да кырылып бетмәде, исән калганнар арасында үзләрен танытып өлгергәннәре дә бар. Сайлау бара.

Львов – Сандомир операцияләрендә исән калганнар конкурсыз уза. Алар полкта кала – андыйларны югалтмыйлар.

Андайларның кайберләре, Богунов белән уртак тел таба алмыйча, үзләре теләп, армия резервына китте. Полктан, мәсәлән, танклары Сандомир плацдармында

барган сугышта ике көн эчендә 17 немец танкын һәм СА-Уны сафтан чыгарган өлкән лейтенант Ляхов аерылды. Тагын бер рота командиры – өлкән лейтенант Долгополов та китеп барды.

Башняларына «Гвардеец» дип язылган, Ульяновск танк училищесы укытучылары, курсантлары һәм ирекле ялланыучылар акчасына төзелгән ун танк экипажы тулысы белән полкка кертелде. Азат экипажларны резервка жибәрделәр.

Соңгылары, аеруча офицерлар, артык теләмичә генә киттеләр.

Сугышның тиздән жиңү белән тәмамланачагына алар шикләнми иделәр. Ә монда аларны әле генә алган белемнән кулланудан, танылу, бүләкләнү һәм чиннары күтәрелү мөмкинлегеннән мәхрүм ителәр.

Аларга шулай тоелды.

Чынлыкта исә бүләкләнүләргә һәм чиннар күтәрелүгә, бигрәк тә жиңүгә кадәр, ай-һай, ерак иде шулар әле. Полкка кабул ителгәннәрен күпләре, жиңү көненә кадәр ике ай ярым вакыт калгач, Лаубан янындагы канкойгыч дөһшәтле бәрелешләрдә башларын салды. Алар арасында – рота командирларының берсе, безнең данлы полкка элгү «бөхетә елмайган» капитан Немченко иде.

Укучы хәтерлидер, Богунов Сандомир плацдармы оборонасының чын батырлары – өлкән лейтенант Ляховка һәм лейтенант Луканинга Советлар Союзы Герое исемен бирүгә тәкъдим кәгазен яшерен генә юкка чыгарган иде. Полк командиры ихтыярына каршы рәвештә полкта барыбер Герой пәйда булды. Герой исемен фин сугышында ук алган өлкән лейтенант Андрей Зинин полкка Ульяновск училищесынан жибәрелгән роталарның берсенең командиры сыйфатында килде. Аны полкка кабул итүдән баш тартуға формаль сәбәп юк иде һәм Богуновка моңа күндөн башка чара калмады.

Богуновның Геройны үз арабызга алырга теләмәве юктан гына түгел иде: ихтимал, ул нәрсәндер сизенгән иде. Эш шунда иде: сугышта Богуновка ату жирәбәсе нәкъ менә Зининга чыкты.

Түбәндәрәк, заговорда катнашучылардан берсенең ризалыгы белән, «нигә?» дигән сорауга җавап бирергә тырышырмын. Хәзергә 1944 нең октябренә әйләнеп кайтыйк.

Шулай итеп, танклар килде. Экипажлар тупланды (ягъни комплектланды), бу эш хәтта конкурс нигезендә башкарылды. Тик мәшәкатьләр моның белән генә бетмәде. Десантчыларны, ярдәмче транспорт, ремонт, артиллерия, сугыш кирәк-яраклары белән тәэмин итү хезмәтләрен тулыландырасы бар иде. Алардан башка берни дә эшләп булмый.

Тулыландыруны көтеп, тылда хәл алабыз.

Моның өчен зур вөждан газабы кичерәбез дип әйтеп булмый. Без әле тынлык, тынычлык һәм ял ләззәтөн туйганчы татырга өлгермәдек.

Танк роталары көн саен жырлый-жырлай елга арыгына – машиналар янына, укырга-өйрәнергә яки парк хезмәтенә йөри. Табигать һәм көн – соклангыч. Яңа килгәннәрнең дә, ветераннарның да – барысының да күңеле күтәрәнке. Укыту полкында йоклар алдыннан ирексезләп жырлаткандай түгел, сугышчылар, күңелләре тулып, яшьлек бөхетенә куанып, жырлайлар. Башлап жырлаучы – полк командирының строй буенча урынбасары гвардия подполковнигы Гопский. Күпләргә яхшы таныш, шаян халык жыры башкарыла:

*Как по речке, речке
Плыли две дощечки...*

Тик менә кушымтага подполковник башка, оятсыз төсмер өсти:

*Шило-мыло, х.. вам в рыло,
Плыли две дощечки...*

Безнең полк командирның хәрби дәрәжәсе майор. Танк гаскәрләре майоры. Гопский – подполковник, кавалерист. Гражданнар сугышы чорында аны кайсыдыр часть алып, полк улы итеп үстергән. Полк мәктәбен узган, тик үзен өлкәннәр артык иркәләп узындыргангамы, фәннәр белән шөгылләнәп артык мәшәкәтләнмәгән. Аның каравы бер: сулышта матур итеп рапорт бирергә өйрәнгән:

– Иптәш гвардия майоры! 57-нче Кызыл байраклы Кутузов һәм Богдан Хмельницкий орденлы аерым гвардия Полтава авыр танклар полкы парк хезмәтенә бару өчен тезелде!

Оста итеп честь бирә, үкчәләрен бер-берсенә бәрәп куя. Бәлки андый нәрсә сугышка кадәр кавалерия полкында югары бәяләнгәндер. Ләкин сугышта, бигрәк тә танкистлар арасында аның чины өчен бу сыйфатлары гына житеп бетми иде. Ул танклар, аларны куллану тактикасы өлкәсендә берни дә аңламый һәм белми иде.

Мәгълүм ки, безнең командарм Рыбалко, генерал буларак, танк йөртә белә. Югары дәрәжәсенә, вазифасына карамастан, танк йөртәргә тырышып, күңел биреп өйрәнгән.

Гопский исә нәрсәгәдер моңа өйрәнергә омтылмады. Ярый, бронетехника белән барып чыкмады ди. Ә профессиональ хәрбинен карталар белән эш итә белмәвен ничек аңларга һәм аңларга? Миңа бервакыт аның белән төнгә разведкада булырга туры килде. Баштагы урыннан ике чакрымлык арада адашып, чак кына дошман тырнагына эләкми калдык. Аңа капитан Чигринецка житәргә кая инде!..

Ике сугыш арасындагы егерме ел эчендә ул ни генә эшләп йөргән икән? «Бер-ике, када-кис»не генә өйрәнәп ятканмы?

Званиең булса да, армиядә абруйсыз эш яман. Моңы подполковник аңлай иде бугай. Шуңа күрә, үзен беркатлы, эчендәгесе тышында булган кеше итеп күрсәтеп, ягъни иң жинел юл белән, кем әйтмешли, кавалерист талпынуы белән, танкистларның күңелен яуларга тырыша иде. Алай да барып чыкмады кебек...

Минемчә, вакыт уздыру өчен яхшы мазәкче, оста буюче, танк роталары строе каршында әдәпсез жырларны башлап жырлаучы булу да житә. Тик үзеңнең төп эшеңне белмәсән, син ихтирамга лаек кеше булырсыңмы икән?

...ГАЗ-АА, дошманның экипажлар алдында хәрәкәт итүче объекты сыйфатында, өйрәнү жайланмасы буларак файдаланыла. Аның буенча, бигрәк тә артиллеристлар, объектның хәрәкәт тизлеген билгеләргә өйрәнәләр, прицелга алалар һәм аталар (өйрәнү атышы). Хәзер бу жайланма (летучка) туктап тора, тәнәфес игълан ителде. Жиргә, түгәрәкләнәп, егермеләп кеше утырган – танкистлар, автоматчылар, транспортерчылар. Тәмәке тарталар. Жирән чәчле старшина Шишковны тыңлайлар, ул түгәрәк уртасында урын алган. Шишков – Чита тирәсеннән килгән йөртүче, гажәеп хикәяче, импровизация остасы. Мәзәкләр сөйли. Үзе көлми дә, аның тирәсендәгеләр эчләрен тотып, шаркылдап көләшәләр. Бу юлы Шишков хәтердән «14-нче дивизиянең оҗмахка баруы турында хикәят» бәян итә.

«Хикәят»тә кызлыгын югалтмыйча вафат булган теләнче Маланьяны ниндидер провинциаль поп Христос көләше дип белдерә һәм, заманча әйтсәк, аны оҗмахка юнәлтә. Апостол Павел исә кызны оҗмахка кертми.

*На тебе, боже, что другим негоже?
Мария-Магдалена, по-твоему, что же,
Недостойна преподобного званья?
Катись-ка отсель, Маланья!*

Рухланып, канатланып укый юньсез. Аудиторияне авызына каратып тота, мондый осталык һәм уңыш полк пропагандистының яки замполитның төшенә дә керми.. Сүз уткән сугыш хәлләре турында бара.

Чиркәү кануннары буенча, миналарга элгәп һәлак булган дивизия оҗмахка үткөрелә.

*...А всех сзади, на кухне походной
Ехал плут из плутов,
Обозный кашевар Петруха Котов.
Накануне проигравшись до последнего гроша,
Уныло пел он, добрая душа,
О том, как «На тихом бреге Иртыш-ша
Сид-дел Ермак, объятый думой».*

Соңгы юлларны ул укымый, ярыйсы гына матур тавыш белән жырлый. Бу вакытта башыннан пилоткасын сала, начар күрүче рәвешенә кереп, күзләрен йома, пилоткасын сузып, түгәрәк буйлап йеретә.

Кемдер мазәкне ошатып, кемдер образга керүне житди бәяләп, пилоткага акча ыргыта башлый. Хәрби фабула тыңлаучыларның күңелләренә яқын, игътибар белән дәвам итәләр, вакыйгалар ағышы белән кызыксыналар.

Менә пешекче Петруха Котов оҗмах алдындагы юл буенда елап утыручы Маланьяны күрәп ала, елавының сәбәпләрен сорый һәм:

– М-да, кыз чагың юкка узган, – дип нәтижә ясей.

Так тебе и надо, дуре стоеросовой,

С твоею непорочностью бросовой.

Әрсез Котовның фикере тыңлаучылар күңеленә хуш килә. «Хикәят»нең тәэсирле ахыры сөйләүчегә баш әйләндерерлек уңыш китерә:

– Ну, неча пуцать понапрасно слезу.

Полезай ко мне, я тебя в рай провезу.

Утешил кашевар несчастную старуху:

– *Сойдешь за полковую потаскуху!*

Жирән баш шунда гына күзләрен ача, сынаулы караш белән пилоткага бага: житәрме икән? кемдер безгә түләнә торган бу злотыларны алып, пан янына бара, кичке ашка берәр шешә горилка алып кайта...

Бар кешенә дә андый таланты юк шул. Старшинага карап, башкаларда да аппетит уяна. Формировкада «симерүче» сугышчыларга наркомның «йөз грамм» каралмаган. Нишләргә? Тик солдат жаен таба. Әгәр аның классик «товар – акча – товар» схемасы буенча эш йөртү мөмкинлеге булмаса – схемадагы урта буын (акча) төшереп калдырыла. Солдатта үтемле товар булмый димени?

Шулай, бервакыт ноябрь кичләренә берсендә, жирле шинкарь янына аңа таныш өлкән сержант килә. Өстендә эле генә складтан алынган яхшы кыска тун. Шомарган сәүдәгәрсыман, тунның ныклығын, тиренен йомшаклығын күрсәтә-күрсәтә, мактый:

– Бандерачы, мин юмарт чакта алып кал!

– Киң күңелле пан моның өчен күпме сорый соң?

– Ни кадәр күбрәк булса, шул кадәр яхшы!

Яшерелгән жирдән бер чирек «коньяк», зур гына кисәк дунгыз мае якты дөнъяга чыга һәм бу нигъмәтләр тиз генә солдат капчыгында урын ала. Гимнастеркадан гына калган өлкән сержант, карак кебек ялт-йолт каранып, китеп бара.

Бер сәгатләр вакыт узгач, пан йортына, тәкәллефләнәп-нитеп тормый, хәрбиләр төркеме килеп керә. Алда – өлкән сержант, куллары артка каерылган,

каешы юк. Аның артында – старшина һәм автоматлар аскан ике солдат.

– Казна милкен шушы комсызга бирдеңме?

– Әйе, иптәш старшина.

– Брянск бүресе сиңа иптәш! – Старшина шинкарьга борыла һәм тавышына металл чыңлавы чыгарып, панга ябырыла:

– Жыен! Бүген кыска тун. Иртәгә – кул пулеметы. Синең кебекләр белән бездә башкача сөйләшү кабул ителгән! Тизрәк кыймылда!

Шинкарь күрә – уен эш түгел, тыз-быз килеп, кыска тунны, тагын бер чирек самогонны китереп тә куя... Ялына башлый:

– Ой, пан офицер, мине шайтан котырткан. Улым, харап итмә! Менә, калганын ал. Хач белән ант итәм – башка берни дә калмады. Харап итә генә күрмә!

Старшина шинкарь ягына, чирек самогонга кырыс караш ташлый:

– Калганы дисеңме? Алай булуы яхшы. Хәрби мөлкәтне алдап кулга төшерүләргә юл куймас өчен бу агуны конфисковать итәм. Әгәр дә тагын кабатланса? Кара аны, бездә мондый эшләргә кырыс жәза бирелә! Озатып тормасаң да ярый!

Урамга чыккач, өлкән сержант кыска тунны кия, биленә каешын буа да, сорап куя:

– Бәлки, тагын бер әйләнәп килергәдер? Сез ничек уйлыйсыз? Моннан тунга зыян килмәс.

– Кая инде тагын? Бүгенгә моңысы да житәр.

– Иртәгә соң булачак. Иртәгә бу әкәмәт хакында барысы да беләчәк. Ну?..

– Ярар алайса, жиде бәлагә бер жавап! Тагын бер әйләник!

Шул төндә кыска тун өч тапкыр кулдан-кулга күчә. Ахырда полкка кайта.

Кулга төшерелгән самогон бөтен ротаны диярлек сыйларга житә. Тик өлкән сержант Кудла уңышлы операциядән сабак алмаган булып чыкты. Ул, душ ишләре белән эчеп, лаякыл исергән килеш жырлай-жырлай, күршәдәге медсанбатка шәфкать туташлары янына барырга була. Кочаклашып, алар өчәүләшәп медсанбат янына жырлап киләләр:

На закате, у медсанбата

Ходит парень молодой.

По...ать хочет сестрицу,

Но мешает часовой.

И кто его знает, зачем он мешает...

Жырдагы түгел, чын часовой бәйдән ычкынган танкистларны тотып кала алмый: үзәбезнекеләргә атып булмый бит инде?! Тавышка госпиталь башлыгы чыга, исерек төркем белән аңлашырга тырышып карый.

– Ах син, тыл күсесе! Хатыннар арасында жылы урын тапкансың!

Кудла револьверын тартып чыгара да атып жибәрә. Ике тапкыр ата...

Хәрби трибунал аңа сигез елга иректән мэхрүм итү таләбен куя. Полк командирының техника буенча урынбасары, утырышчы буларак чыгыш ясаган капитан Кицько хөкем срогын ике елга кадәр киметүгә ирешә, чөнки медикның ярасы куркыныч булмый.

Шулай итеп, әллә ничә сугыш операциясен узган туп командиры Кудла, исерек хәлдә атышлы жәнжал чыгару аркасында штрафбатка элгә.

Тик яту – барлык әхлаксызлыкның нигезе. Уку-өйрәнү күнегүләреннән соң без бушыйбыз, эш бетә. Авылларга барып йөрергә ярамый – тирә-якта дошман. Нигәдер бернинди концерт та, кино карау да оештырылмады. Хәер, командование Мәскәүгә үк барып тормаса да, якин-тирәдәгә шәһәрләрдә эч пошуну басып кайта.

Яңарак булган хәл сәбәпле полк командиры солдат-офицерларны жыйды.

– Ул хатыннар янында сезгә ни калган? Ландов жырлый. Годунов сызгыра. Шишков – сүз остасы. Менә сезгә буш вакытта күнел ачу шул.

Авыз ачып берәү дә каршы әйтмәсә дә, мөгаен, күпләр: «Сиңа рәхәт, үзең белән поход хатынын йөртәсең. Ә башкаларга нишләргә?» дип уйлыйлардыр.

Кудла үз жинаятен безнең полк командирының яшәү рәвешә тәэсирендә кылгандыр дип әйтәсем килми, әмма исереклектән томаналанган башына ул аның шундый ук, Богунов шикелле үк кеше, аның теләк-ихтыяжлары да шундый ук, кебегрәк фикер килергә мөмкин бит. Сугышта аңа шундый ук, бәлки күбрәк тә, куркыныч яный. Чөнки Богунов Кудланы чын-чынлап үлемгә жибәрә ала, ә Кудланың Богуновны жибәрергә мөмкинлеге юк.

Тагын бер нәрсәне әйтим: безгә дошман, бездән аермалы буларак, үзара тигез мөнәсәбәттә түгел дип, тәкратлап тордылар. Ләкин Львов янындагы беренче операция вакытында ук барлык фрицларның да бер казаннан ашаулары мәгълүм булды. Ә безнең полкта өч казаннан ашаттылар: солдатлар һәм сержантлар өчен – бер, офицерларга икенче казан һәм полк командиры өчен өченче.

Моңа кадәр яшьлегем һәм беркатлылыгым белән мин өлкәннәрдән ишеткәннәремне саф хакыйкәт дип кабул итә идем. Полкта Богунов тарафыннан кертелгән икеле стандарт мине ят фикергә этәрде: ни өчен аңа барысы да мөмкин, ә башкаларга ярамый?

Унсигезгә житкәндә әлегә белем белән шыплап тулмаган башыма шундыерак уйлар килгәләде. Турысын әйткәндә, мине күпкә гадирәк мәсәләләр борчый иде.

Мәсәлән, аркадан түбән өлешемне баскан сызлавык-чуаннардан ничек котылырга?

Сугыш техникасы килгәннән соң бронетранспортерлар зенит ышыклагычлары сыйфатында файдаланылды: полктан бер километрлык арада минем бронетранспортер көньяк тарафта, Коротинныкы төньякта урнаштырылды. Полк, роталарга бүленеп, урманда, буржуйка мичләре булган зур палаткаларда яшәде. Командование, ара-тирә каядыр югалып торып, рәхәтләнеп ял итте. Без генә машиналарда катып-туңып утырдык. Мин бронетранспортерчыларны, экипажда исә үземне һәм Иван Федотовны күздә тотам. Хәзер минем командирым Федотов иде.

Мин беркайчан да үземнең Зәкигә карата тискәрә мөнәсәбәттә булуымны яшермәдем. Әмма аны экипаждан минем зар-шикаятьләрем аркасында чыгармадылар. Шулай булса да хәзер аның янымда булмавыннан мин канәгать идем. Психологик яктан без үзара ярашмас, аның эгоцентризмы һәм ялкаулыгы аркасында без хәтта биредә, формировакада да исән калмаган булыр идек.

Зәкине менә ни өчен чыгардылар: ялның беренче атналарында, без әле казармаларда яшәгәндә, саперлар танклар өчен ату урыны эзерләргә киттеләр. Без шәһәрдә калдык. Мин машина белән мәшгуль булдым, Зәки гадәтенчә каядыр китеп югалды. Ризык төяп, кичке ашка кайтып житте. Бер шешә горилка, дунгыз мае, америка консервалары. Туйганчы, төмләп ашадык. Минем, «Кайдан алдың?» дигән соравыма Зәки, елмаеп:

– Сиңа нәрсәгә кирәк кайдан алуым. Мишка Белозеров (пешекче, безнең якташ) бирде.

Чыннан да, бу ризыкларның каен килүен белү алай ук мөһим түгел. Ашадык та, йокларга яттык.

Якшәмбе көнне, шәһәрдә матур киёмдә ыспайланып күренеп кайтасы килеп, саперлар взводы командиры лейтенант Рогулин Фәтхуллинга:

– Минем капчыкны алып бир әле! – диде.

Зәки юри генә сәндәрәгә үрелеп, капчыкны эзләгән булды, тик бернәрсә дә тапмады.

– Анда капчык юк, иптәш лейтенант!

– Ничек инде юк? Мин бит аны сиңең жаваплылыгыңа тапшырдым!

– Чәлдәргәннәр, иптәш лейтенант!

«Табигать бүләкләре» менә кайдан килгән икән! Минем дә катнашым булганга, дөшмәдем. Лейтенант Рогулин Фәтхуллинны яхшы белә иде, фронтта аның күп гамәлләрен кичерде, тик монысын күтәрә алмады¹⁰.

10. Милли ұзақ гажәеп күтәрелеш кичергәндә, татар турындагы теләсә нинди ихтирамсыз сүз милләтне

Бөтен фронтта уздырылган көчле артиллерия эзерлегеннән соң безнең 3-нче гвардия танк армиясе алга мағълүм плацдарм – Хмельник, Радомск, Бреслау шәһәрләренә таба ыргылды. Өченче көндә Пилицаны кичтек, дүртенче көндә Нида янына килеп життек. Тукталып тормыйча тәүлеккә сугышлар белән 35-45 километр уздык. Стратегик яктан әһәмиятле урыннарны һәм объектларны кулга төшерү өчен кечерәк һәм хәрәкәтчән штурм төркемнәре оештырылды.

Жиденче көнне 3-нче гвардия танк армиясе Польша-Германия чиге аша чыкты, тугызынчы көндә көнбатыш юнәлештән көньякка, Оппельн, ягни Силезия ягына борылды.

16 февральгә 1-нче Украина фронты гаскәрләре Висладан Нейссегә кадәр 600 километр ара узды. Жимерелгән тимер юллар торгызылмаган иде, автотранспорт йөкләр ташу бурычын тулысынча үти алмады. Язгы пычрак башланды, кыр аэродромнары сазлыкка әйләнде, авиация жүрдәге гаскәрләргә ярдәм итә алмады. Ул көннәрдә 1-нче Украина фронты көнбатышка хәрәкәт итүче бердәнбер фронт иде, шуңа күрә дошманның резервларын үзенә магнит кебек тартып торды. Фронтның операция башланыр алдыннан булган 3648 танкы һәм САУларының нибары 1280е калды¹¹.

Генерал-полковник Рыбалконың 3-нче гвардия танк армиясе белән бер үк вакытта сугышка кертелгән һәм аның уң канатында хәрәкәт иткән 4-нче танк армиясе 16 февральгә үк фронт резервына чыгарылды. Ә 3-нче гвардия танк армиясе гаскәрләре биредә, Силезиядә, дошманның көчле 8-нче танк дивизиясе белән бәрелеште. Ике көннән немецлар бирегә тагын бер моторлаштырылган дивизия һәм бер пехота дивизиясе китерделәр¹².

Лаубан тирәсендә алар Рыбалко армиясен көнчыгыштан әйләнеп узды. Алдагы өч көн Рыбалко танкистлары өчен бик авыр булды. Киеренкелек чиктән тыш артып, Ставкада борчу тудырды.

Сталин Коневтан:

– Анда сезнең 3-нче танк армиясендә эшләр ничек бара? – дип сорады¹³.

23 февраль тирәсендә генә кризис тәмамланды.

11. Конев И.С. Сорок пятый. – М.: Военное издательство, 1966. - 67, 70, 71б.

12. Шунда ук.

13. Шунда ук

Хуш, уңай землянка!

Солдат язмышы безне каты салкынга куып чыгарды. Карсыз кышкы көндә, үтәли жилдә аз гына салкын да сөякләргә үтеп керә. Качарга урын юк. Төяү платформа-сы янындагы торган сарайга кереп булмый – анда офицерлар кереп тулган.

Перронда соңгы яңалыкларны тикшерәләр. Без ял итеп, көч жыеп ятканда оператив немецлар көнбатышта союзникларны кысып, 40-нчы елдагы кебек үк, чак кына аларны диңгезгә себереп төшермәгәннәр.

– Сталин урынында мин бик ашыкмас идем. Фрицлар бераз аларның кирәкләрен бирсеннәр иде. Чын сугышның ничек булуын күрсәтсеннәр иде.

– Үзләре энә ничек тырышты – ашыктылар: ике, юк, өч ел буге.

– Ничек инде, егетләр! Ничек инде ярдәм итмәскә? Союзниклар бит. Бәлки сугыш тизрәк бетәр иде.

– Союзниклар дисең инде? Алар фрицка безне туйганчы тукмарга ирек бирделәр. Ләззәтләнеп, көлеп карап тордылар. Курыкканга күрә генә сугышка керделәр – жиңү даны һәм жимеш бер Иванга гына булачак бит!

– Кайнар этәч чукуыгач, шундук безнең жилкә артына постылар.

Без бөөк сәясәтчеләр түгел, әмма икенче фронтны ачуның тоткарлануы безгә ошамады. Яшьлеккә хас килешмәүчәнлек белән без андый икейөзлелекне кабул итмәдек, качып-посып безнеке кебек үк бронетранспортерларны икенче сугышчы якка да саткан Америка эш-куарларын сүктек. Эзер товарлар сатуның кулай булуын, чын асылын без, аңгыра бала-чага, каян гына аңлап бетерик инде?

Ниһаять, платформаларга төянделәр. Күрше тимер юлда, капма-каршы платформада күзебез таныш әржәләргә төшә. Илдә эшләнгәннәргә охшамаганнар – зур әржәләр, төрле төсләрдәге язулар белән чуарланганнар. Аларны бернәрсә белән дә бутап булмый – безнең «браунинглар» өчен патроннар. Командир белән бер-беребезгә караштык: «Алабызмы?» – «Алабыз!»

Санаулы секундларда биш ящикны бер платформадан икенчесенә күчердек. Безнең үрнәккә ияреп, Короткин бронетранспортеры да үз-үзен тәэмин итте.

Безнең полкның патроннар запасы Висла кичүендә янган иде. Яңасын алырга өлгермәдек. Хәер, моның сәбәбе сугыш кирәк-яракалары белән тәэмин итү хезмәтенә бәйле иде. Төп сугышчан берәмлекләргә комплектлар китертү белән мәшгуль булып, кытлыклы импорт комплектларга аның кулы житмәде. Өлгермәделәр. Чөнки һөжүмгә алдан каралганнан сигез тәүлеккә иртәрәк кузгалабыз.

Менә шуннан соң безгә, рядовойларга, зур сәясәт кагылмый дип әйтеп карагыз инде...

Бушаттылар. Башлангыч позицияләргә урнаштык. Безнең яктан артиллерия әзерлеге башланды. Бу әзерлектә фронтның барлык артиллериясе катнашты. Туп тавышларын тыңлаганда илнең куәте белән горурланган да, кәеф бозылган чаклар да булды.

Тора-бара снаряд шартлаган, ярылган тавышларга, пуля сызгыруына күнәгәсең. Тик ялдан килеп, алгы сызыкка кайткач, үз-үзеңне кулда тоту кыенлаша: ара-тирә куркып куясың. Бу йомшаклыкны күршеңнән яшерергә тырышасың, гафу үтенгәндәй елмаясың яки шаярткан буласың. Күршең дә үзен уңайсыз хис итә. Күпмедер вакыттан соң бу уза.

Дошманның беренче оборона сызыгын өзде. Бөтен гаскәрләр белән бергә безнең армия дә ул белән ачылган капкадан көнбатышка ыргылды.

Ниһаять, кар яуды. Берәз жылытты. Хәл беркадәр яхшырса да, әлләни ис китәрлек түгел. Авиация һөжүмгә баручыларга ярдәм итә алмый. Дошман нык каршылык күрсәтә. Күз алдында сержант Вербинскийның аякларын снаряд өзде: бер аягы бөтенләй өзелде, икенчесе тиредә генә асылынып тора. Кан эчендәгә сөякләр агарып күренә, ак карга ал кан тама, жәелә...

Югалтуларның күп булуы аркасында кешеләрне еш алыштыру, аерым-аерым ял итү, алгы сызыкта позицияләрнең таралып урнашуы сәбәпле полкта һәркемне дә белеп бетереп булмый. Әмма сержант Вербинскийны мин яхшы белә идем.

Ул ягулык-майлау материаллары склады мәдире иде. Аннары, аның белән бәйлә бер вакыйга да истә калды.

Вербинский иртән мин полкка килгәч күргән беренче сержант иде. Өйрәнү частендә өлкәнрәк званиедәгә кеше белән очрашканда безне Уставта каралганча строй адымына күчәргә һәм аны тиешенчә сәламләргә мәжбүр итәләр иде. Вербинский каршында мин нәкъ шулай эшләдем дә. Ул мондый сәламләүгә житди карады. Соңрак бу гамәлем турында башкаларга көлеп сөйләде.

Эш шунда иде — авыр танклар полкында һәр экипажда ике офицер — командир һәм йөртүче-механик хезмәт итте. Монда исә сержант каршында түгел, һәр офицер алдында да честь бирмиләр.

— Әйдә, строй адымы белән атла! — дия торган иде Вербинский, һәр очрашуда шаяртып.

Менә хәзер, хәленең өметсезлеген аңлап һәм түзмәслек авыртудан газәпләнип, сержант кычкырып ята һәм һәркемгә үтенечле карашы белән:

— Туганнар, минем эшне бетереgez! Кызганыгыз! — дип ялвара.

Аның яшәрлек түгеллеге күренеп тора. Тик кемнең

кулы күтәрелсен? Аның үлем белән тартышуына карау авыр иде. Яраларын бәйләдек тә, күзләренә карамаска тырышып, санитарларга озаттык. Ходай безне, мондый гөнаһлыларны, кичерә күр...

Мосто Велки янындагы сазлыклы чокырдан чыкканда, арт санымны чуаннар басты, утыра алмадым. Утыргыч кырына терәлеп, гәүдәмнең бөтен авырлыгын идарә рычагларын тоткан кулларыма, табаннарыма салдым. Вербинскийны һәм башка яралыларны авыр хәлдә күргәч, үз-үземә сукрандым:

— Ниндидер чуан аркасында селәгәеңне агызасың. Чәнчелеп китсеннәр!

Тешләремне кысып, утырдым. Шуннан соң, ышана-сызмы, авыртуга игътибар итми башладым.

Һөжүмгә бару — күңелле эш. Тик солдат өчен ул нинди гаскәрдә сугышса да, бик авыр. Мораль-психик сәбәпләрне генә күздә тотуым түгел, алары оборона вакытында да житәрлек. Физик авырлык турында әйтүем. Кыскасы, сугыш ул шашка уены түгел, ә барыннан да элек зур хезмәт.

Пехота өчен сугыш — кораллар һәм башка кирәк-яраклар күтәрәп, еш кына кайнар ашсыз (кухня артта кала, гаскәрләр арасында югала яки снаряд тиеп юкка чыга һ.б.), тиешле ялсыз ерак араларда маршлар узу; минималь шартлар турында әйтсә дә юк. Маршта солдат аягүрә йоклы, берәрсенә яки берәр нәрсәгә барып төртелсә генә уяна. Тиешле урынга барып житкәч, тизрәк окоп казый.

Артиллерист өчен дә һөжүм күңел ачып йөрү түгел. Кыен урыннарда, туп атларга тагылса да, механика-лаштырылган ярдәм булганда да ул үз тубын этә-төртә, казып-өстерәп чыгара. Тиешле урынга килеп житкәч, тупны казып урнаштыра, маскировкалык, тупка хезмәт күрсәтүчеләр өчен ярык-чокырлар әзерләнә. Позиция ничә мәртәбә алмаштырылса — бу гамәлләр дә шулкадәр кабатлана. Кайбер чакларда бер көн эчендә берничә тапкыр шулай була.

Бронетранспортерчыларга да һөжүм вакытында жиңел түгел. Львов—Висла операциясе чорында сафтан чыккан бронемашиналар урынына яңаларын бирмәделәр. Элек биш экипаж башкарган барлык эшләрне хәзер Коротин белән икәү генә башкарабыз.

Безгә янә капитан Чигринец килеп кушылды. Сан-домир плацдармындагы алгы сызыкка кара төндә алган ярасы төзәлдә. Аның инбашына үз пехотасының взвод командиры пулясы тигән иде.

— Кем килә?

— Үзебезнекеләр.

Таныш булмаган тавыш. Взвод командиры атып жибәрә, аннары гафу үтенә. Әмма капитан элеккечә үк гайрәтле иде.

Полктан аерылгач, иң элек яңа гына азат ителгән Хмельник шәһәрәнә юнәлдек. Капитан анда үз мәсәлэләрән хәл итте, ләкин шәһәр минем хәтергә шикәр заводы белән кереп калды. 70-шәр килограммлы берничә капны машинабызга салдык. Шул арада командирым Ваня немецлардан калган складта берничә байка юрган табып алды – сазлыктагы салкында интегүебезгә соңарган реакция иде бу. Кире кайтканда безнең танк колоннасын очратабыз, котелоклар белән аларга шикәр таратабыз: егетләр, рәхәтләнәп сыйланыгыз!

Хәзер Чигринецка сул яктагы күршесен күрәп кайтырга кирәк иде. Сулга борылдык...

Полкта радиоэлементә булмадымыни? – дип сорарсыз. Бар иде. Танк роталары һәм армия штабы арасында мөмкин булганча радиоэлементәдән файдалына иделәр. Әмма безнең капитан барысын да шәхсән үзе күрәп ышанырга теләде.

Моның да сәбәбе бар иде.

Оборонаны өзгәннән соң, алдына-артына карамый, безнең армия оператив киңлеккә ыргылды. Хәзер тирә-якка игътибар белән карарга кирәк. Дошман танклар чөе белән параллель чигенде. Еш кына без тизрәк бара идек. Пилица һәм Нида ярларына безнең армия частылары немецлардан иртәрәк чыкты. Безнекеләрнең флангларындагы урманнарда чигенүчеләрнең таралган отрядлары яшеренде, алар сугышчан төркемнәргә тупландылар. Чигринец хәлне белә иде, көтелмәгән бәрелешкә кереп китмәскә тырышты.

Сул флангтан кайтып кына кердек — безне яңа бурыч көтә иде инде. Беренче рота танкы күпер (Пилица аша салынган идеме — хәтерләмим) астына төшеп киткән. Чигринец калып торды, ә мин, төн житкәндә, саперлар белән бергә бәлагә таручыларны коткарырга киттем.

Параллель хәрәкәт итүче дошман белән куышу мине хәлдән тайдырды. Икенче тәүлек йоклаганым юк. Ризыксыз һәм сусыз озаграк та торып була, ә йокламыйча күпкә кыенрак.

Бу көннәрдә башкаларга жиңелрәк булгандыр дип әйтмим, тик алар, автоматларын кочаклап, артымда черем итәләр. Миңа андый ял да эләкми. Шуңа үземә бик үк ышанып та бетмим:

– Иван, минут саен мине селкетеп-чеметкәләп ал! Югысә барыгызны да харап итәм!

Тик ул да тимердән корылмаган. Иван һәрвакыт минем янымда, хәер, аңа рычаглар тартасы юк. Бәлки куркыныч булмаган урыннарда тыныч кына барганда минутлап йоклап та алгандыр.

Кайчак берничә секундка гына күз йомарга тырышам. Йөз метрлап куркыныч булмаган юл күрәп китсә — изрәп китәм. Билгеләнгән урынга барып житкәч, нин-

дидер таймер эшкә жигелә — мин уянам.

Бервакыт күземне ачуга үземнән унсигез метрлап арада «студебеккер»лар колоннасын күрәп алдым. Алдагысы, сикәлтәләрне читләтеп, минем яктан бара.

Иң беренче башка килгән уй – килеп бәрелүдән котылырга! Кисәк кенә сулга борам – ә анда тагын берсе, һәм юлның уртасына чыгам. Беренче «студебеккер»ның йөртүчесе, күзләрен акайтып, көзгедәгечә минем маневрларны кабатлый башлады: мин сулга – ул уңга; мин уңга – ул сулга һ.б. Кыскасы, уртада маңгайга-маңгай очраштык та, уянып життек. Юлга чыктык, матур сүзләп әйтештек тә... тыныч кына аерылыштык. Канга батып сугышып булмый бит?! Болай да кан чыкты инде. Федотов, турельгә бәреләп, маңгаен жәрәхәтләде. Сүгенде, тик мине гаепләмәде. Үз гаебен дә аңлады – авызын ачып, йоклап киткән. Яңагың ярган Губочкин, авыртудан бигрәк куркудан кычкырды. Ярый әле, кешеләргә зур зыян килмәде.

Бәрелгәндә мин шундый итеп акселераторга басканмын, хәтта дроссель тагылмасы борылып чыкты. Бу чүп кенә! Аны яңадан эләктереп-ныгытып куйдым.

Радиатор тишелгән. Монда инде мин чарасыз. Тик монысы да бәла түгел әле.

Картердан май ага башлады. Яхшылабрак караган идем – арткы балка ярылган. Аңлашылды, СПАМга барырга туры киләчәк.

Барасы жиргә ике километр калгач, йоклап киткәнмен. Шулай да әкрән генә саперларны кайтарып житкердем, машинамын бушаттым. Бәхетсезлеккә тартырган «туганкай»га күз салдым. Танк күпер астында, йөзтүбән капланган. Әйләндереп салынган ташбака кебек ята. Экипаж исән-сау. Полк тягачы йөртүче-механигы Иван Котов янына килдем. Без аның белән Львов операциясеннән бирле таныш.

– Ничек болай килеп чыкты соң? – дип сорадым Иваннан.

– Күпер түшәмәсен күрәсеңме? Агачтан бит! Субайларга урнаштырылган бүрәнәләр өстеннән барган танклар үтеп чыкты. Моңысы чак кына читкәрәк тайпылган иде – аска очты.

Элләни зыян күрмәгән, вак-төяк кенә – яшәчәк.

Таң атканда СПАМга килеп життек. Туктыйбыз. Аның территориясенә кергәндә – шлагбаум. Мине машина борчий. Чыгып, радиатор астын карадым — ага, каһәр! Гажәп түгел — шул рәвешле «үбешкәннән соң»... Ләкин запас бактан сыеклык килү хисабына су күләме дә, системадагы температура да саклана. Безнең капот астында андый бак бар.

Киерелдем. Шулкач кемдер арттан авыр кулын иңбашыма куйды. Борылдым. Автоматчының (менә кем шлагбаумны саклый икән!) түгәрәк йөзәндә бик тә таныш күзләр ялтырый...

– Сашко, сәлам!

Берничә секунд, шаккатып, шлагбаум постовоена карап торам. Менә сиңа мө!

– Сәлам, Николай!

«Тау белән тау очрашмаса да, кеше белән кеше очраша» дигәннәре шулдыр.

Авылдан – алай гына да түгел! – туган жидееллык мәктәптәгә сыйныфташым! Өстәвенә 20 нче полк мәктәбендә дә бергә укыдык, мин – 2-нче, ул 4-нче батальонда, Александров үзе!

1943 елның октябрәндә армияга алынып, шул ук көнне Колаңгы станциясеннән бергә качкан Николай үзе.

...Поездның бер тәүлектән соң гына киләчәге мәгълүм булгач, ничектер башыбызга өйгә таю уе килде. Сохарилар тутырылган биштәрләребезне танышыбызга калдырдык та аякларыбызны эшкә жиктек. Шулкадәр елгыр булганбыз — Турминскийда безне авылдан зурлап чакыру пунктына илткән арбаны куып життек!

Дилбегә тоткан Александр, минем туганнан туган абыем, яралангач, өйгә кайтты. Ул безне военкоматка китерде дә, район үзәгендә төн кунып, иртән кайтырга чыккан. Без бит бик тиз бардык!

Александр Алексеевич, безне күреп, аптыраудан бигрәк, куркуга калды. Үзе өчен дә, безнең өчен дә. «Нәрсә, дезертирланып, качып киттегезмени?» – дип сорады. Ул моңың нәрсә белән бетәчәген яхшы белә, безнең кисәк кенә ниятләнгән гамәлебезне ничек бәяләү башыбызга да килмәде. Абый сүзеннән соң өстебезгә салкын су койгандай булды. Дезертирларның кем булуларын без белә идек, чөнки хәрби хезмәткә чакырылганчы, агач мылтыклар асып, урманнарда аларны аулап

йөри идек. Авылга житкәндә абый безне арбадан куып төшергәч («дезертирлар»га булыша дип уйламасыннар өчен), үзебезнең хәлне тәмам төшендек, борыннарыбыз салынды.

Николай өенә ничек кергәндер, белмим, мин үзебезгә бәрәңге бакчасы аша кайтып, арт капкадан кердем. Яшеренеп кайтуымны күреп, ишегалды себереп йөргән этием Александрдан да ким тетрәнмәде.

...Безне икенче тапкыр «сугышка» озату тантанасыз гына узды. Әниләребез безнең белән Писмән-тауга күтәрелде, хушлашканда чукындырып, үгет-нәсихәт биреп, исән-имин кайтуыбызны теләп калдылар. Без исә Колаңгыга кадәр калган 45 километрны үлчәргә кузгалдык.

Нишләп тәүлек эчендә 90 километр ара узарга кирәк булды икән? Шул ике сәгать эчендә туган туфракта булудан нәрсә алырга өметләнгәнбез? – әле дә аңлап бетермим.

...Чит-ят жирдә шулай очрашу – гадәти вакыйга гына түгел. Николай Александров – якын кеше, тик хәзер икебезгә дә хисләргә бирелеп торырга вакыт юк. Миңа бигрәк тә. Берничә сүз алыштык та, аерылыштык. Йокысыз узган ике төн, авариядән тетрәнү – барысы да бу кыска очрашу турындагы хатирәне истән чыгарды. Күп еллар узгач аны Николай хәтергә төшерде.

Тагын берничә минуттан мин бронетранспортерны ремонтчылар каршына китереп бастырдым, аларга бар ватык-төзексезлекләр турында әйттем.

Ремонтчылар – гажәп оста егетләр. Радиаторны тиз төзәттеләр, хәер, аның герметиклыгын тикшереп торырга вакыт булмады. Ә менә арткы балканы салдырып алырга туры килде. Ул чуеннан коелган, салкын чуенны бик аз кеше генә эретеп ябыштыра белә. Учак ягып, балканы жылыттык та, ябыштырдык. Тик, ашыгып сальникны салдырмаганбыз – аны яндырдык. Минем билемнән алынган трофей күн каешым бу хәлдән чыгарга ярдәм итте. ТОЗовкада^{*14} хәзергә каешсыз да йөрергә дә мөмкин.

Монда мин туйганчы йокладым. Шуннан соң өзлексез хәрәкәт иткән үзебезнекеләрне эзләп табып, полк командиры хозурына килеп бастык. Шартлы рәвештә (утырып торыр чакмыни?) 10 тәүлеккә кулга алынып, янә сафка бастык.

Без булмаганда Чигринец Коротин бронетранспортерын иярләгән. Безгә хәзергә башка эш таптылар. Армиянең сугышчан юлында төзек хәлдәге спирт заводына юлыктык. Эзер продукциясе дә бар. Без Иван

14. ТОЗовка – уттан саклаучы танк костюмы. Янудан саклай дип исәпләсәләр дә, сакламады.

белән шул объектны сакларга тиеш идек.

Сугыш хәрәкәтләре зонасында кем аңа кул сузар икән? Поляклармы? Әлбәттә, безнең гаскәриләр, безнең братва.

Менә шул братва, ачыгавыз аучыны агач башына менгереп качырган ач бүреләр көтүесыман, түземле генә завод тирәсендә йөри. «Ярый, ашыйсың килсә, агачтан төшәрсен! Яки катып-туңгач, үзең мәтәлерсен. Без үзезнекең кулдан ычкындырмабыз!»

Автоматчылар төркеме белән житәкчелек иткән офицер, мондый камалудан тәмам гажиз булып, хәвефле объектны безгә калдырды. Безгә инструкция биргәндә, камаучылар ишетерлек итеп:

– Беркемне дә үткәрмәскә! Башыгыз белән җавап бирәсез. Тәртип бозучылар булса – икеләнмичә атыгыз! – диде.

Мин машинаны, подвалга бары бронетранспортер аша гына эләгерлек итеп, ишеккә терәп диярлек куйдым. Образлы итеп әйткәндә, подвалга безнең мәтләр аша гына кереп була һәм бу сүзләр хакыйкәткә туры килә иде.

Борт аша подвалга карадым. Ватык ишекләр артында ярлары бетонланган спирт бассейны күренә. Шундый тирән – бассейнда йөзәргә дә, батарга да мөмкин! Мондагы спи-и-ирт! Рыбалканың бөтен армиясен аяктан егарга житә. Җиңгәч моның кирәге чыгып куяр иде, тик хәзер спирт эчеп егыла торган чак түгел.

Бу бассейнда йөзәргә теләүчеләр минут саен арта барды.

Иван эшлекле кыяфәттә кече пулемет кареткасын сул бортка күчерде. Камалучылар кебек без һөжүмне кире кайтарырга эзерләндек.

Һөжүм үзен озак көттермәде, автоматчылар белән офицер (алар армиянең разведка батальоныннан иделәр бугай) күздән югалуга ук башланды. Офицер – бер эш, сугышның тугандай якин рядовой хезмәтчәннәре – бусы башка. Бәлки юл куярлар?..

– Егетләр, валлаһи! Котелок белән генә алам да, юк була! Ант итәм!

– Сез нәрсә инде, егетләр? Сезгә чит мөлкәт кадерлемени?

– Якташ, син безгә дусмы, әллә аяк чолгавымы?

Түзеп кенә тор, башлана! Үгетләп, ялагайланып, солдат теләктәшлегенә өндәп, төркем, адымлап кына, машинага яқыная.

Башка вакытта бурыч дип тормас идек тә, тик хәзер алай итәргә ярамый. Без әле белдерелгән арест срогын утырып бетермәгән. Яңарак кына булган хәлнең икенче көнәндә кабат штрафланасы килми. Шуңа да үзезгә йөкләнгән авыр, әмма изге үк булмаган бурычны намус

белән үтәргә булдык.

– Якын килмә! Артка! Атачакмын! – дип илерә Федотов.

Вакытлыча чигенәләр. Киңәш-табыш итәләр. Шулай да аның үзезнекеңләргә атмауына ышанып булмый. Хәер, кем белә? Әгәр дә ул тегеләр, җәза бирүчеләр арасынан килгән булса?..

Бер минуттан кабат якынлашалар. Иван кыска чират белән һавага ата. Чигенәләр. Арадан берәү, тәвәккәл баш, Казан житен комбинатының ясалма мехыннан тегелгән колакчын бүреген җиргә бәрә, кулларын күтәрә, батыраеп машина янына килә:

– Я, хәшәрәт, ат, әйдә!

Штаб кабахәтләренең әкәмәте бу! Тиешле срогыбызны чокырда уздыру яхшырак булыр иде. Штабчылар үзләре сакласыннар! Полкта комендант взводы бар. Ә безгә хәзер нишләргә, үзезнекеңләргә атаргамы?!

Борт янында кул сугышы башлана. Бер егет шулай да ике борт аша да үтеп чыгып, котелок белән нәфесләнгән сыеклыкны чумырып ала һәм иелә-бөгелә, табышын кадерләп саклап, машина астыннан китеп бара.

Эһе, үрнәк күрсәтелде! Хәзер башкалар да шулай итәргә теләләр. Тик без аңлаштык инде: якын арада сугышып, штурм ясарга һәм кул сугышына юл куярга ярамый. Җен ачуы чыккан Иван (пехотачылар сугып, аның борынын җимерделәр) алга таба әледән-әле гашеткага баса, баш өстендә көпшәне түбәнрәк төшерә. Шулай гына хәвефле бассейнны саклап калып була.

– Бу җимне шайтаныма дипме шул хәлдә калдырганнар? – дип сөйләшәбез Иван белән. – Нигә шартлатмаганнар, яндырмаганнар? Зәңгәр ялкыннар чыгарып янсын иде шунда!

Немецларга килгәндә, аңлашыла: өлгермәгәннәр. Яки белә торып калдырганнар – безнекеңләре эчертеп исертергә дә, жылы килеш рәхәтләнеп кырырга. Без андый очраklar булуы турында белә идек. Шунысы да сәер: цистерналардан агызуын-агызганнар, тик ул, каһәр төшкән, нигә канализациягә агып китмәгән?

– Бу зур сәясәт, – ди Иван йөзен җыерып. – Күрәсезме, янәсе, дустанә дәүләтнең мөлкәтен без ихтирам итәбез! Миннән торса, мин монда зәңгәр учак кабызыр идем...

Кич җиткәндә безгә алмашка танк җибәрделәр. Без рәхәтләнеп аңа үз постыбызны калдырдык, чөнки спиртни солдаттан саклауның җиңел хезмәт булмавына бик яхшы төшендек!

Түбә итәм: без үзез без дүрт канистра спирт тутырып киттек.

Вөҗдан газабын әлләни озак кичерергә туры килмәде, мин тиз тынычландым: антифриз агып беткән, радиаторда тишек бар. Миңа кыш буге системага

спирт өстәп йөрөргә туры килде.

Бер чиста канистраны сугыш комплекты ящиклары артына яшердем. Башка канистралар гомуми куллану-га тотылды. Ләкин безнең юмартлыгыбыз бар кешегә дә файда китермәде: комендант взводы геройлары дунгыз кебек эчеп, исерешеп беттеләр, шулардан берәү, киреләнеп, полк байрагы янына постка басудан баш тартты. Тиле, тапкан шаярыр нәрсә!

Тикшерә башладылар: кем спирт алып килгән дә, кем эчертеп исерткән? Димәк, без Иван белән гаепле булып чыгабыз. Чыннан да гадилек караклыктан да яманрак икән!

Безнең ирегебез реаль куркыныч астында калды. Тик трибуналга башканы (фамилиясе хәтердә сакланмаган) бирделәр. Полк командованиесе мәгълүм мәзәктәге колхоз жылышы кебек эш итте: «Машинаны кем ваткан?

Тимерче. Гражданнар, кемне утыртабыз? Мичкәчене. Авылда тимерче берәү генә, ә мичкәчеләр икәү...»

Гөнаһ миндә булса да, дәрәсән әйткәндә, мин артык үкенмим: миңа ул кызганыч түгел. Спиртлы эчемлекләр эчү эзәрлекләнгән елларда да мин коллектив алдында, курыкмыйча, спиртлы эчемлек үзе явызлык түгел ул, дип әйтә идем. Эчәргә мөмкин. Тик кайда, кем белән, кайчан һәм никадәр эчәргә икәнлеген яхшы белергә кирәк.

Түләү вакыты

Армия Бреслауга таба хәрәкәтен дәвам итте. Ул шулкадәр ашкынулы, тиз барды ки, хәтта Варта елгасы янында, безне немецлар дип уйлап, танклар төркеменә үзөбезнең үк «катюша»лар ата башлады.

Бәхеткә, безнең бронетранспортер аргы ярда иде инде.

Миңа немец «ванюша»лары уты астында калырга туры килде. Көчле тәэсир итә. Әмма «катюша»лар уты тетрәндерерлек. Бу кызыкыйның астында жир йөри, ми-налар секундтан да кечерәк ара белән ява, ярыла, «катюша» залпына элгүче берничек тә исән кала алмый...

Дошман оборонасының инде дүрт полосасы аша чыктык, өченче елганы кичтек. Икенче эшелонда баручы полк өчен әлегә житди бәрелешләр булмады. Менә шул сагайта да инде. Германиянең элеккеге чикләренә килеп житәбез. Дошман ярып сакланырга тиеш, ә монда ниндидер бушлык, нибары вак-төяк элгешүләр генә. Мондый тынлыкка ияләнмәгәнбез, күңел дә тыныч түгел. Экипажларда төрле чыш-пыш, имеш-мимешләр йөри: «Дәрәс якка бармыйбыз. Безне, алдап, тозакка кертәләр».

Ниһаять, вакытлыча полкны туктаттылар. Шулай

урынлырак булыр. Тирә-якны яхшырак карарга кирәк. Танкларның кыйммәтле моторресурсларын уйлап кына сарыф итәргә кирәк.

Польшада, немец бауэры фермасында бөтенесен дә ашарга гадәтләнгән якташым Ибраһимов бер дунгыз суйды. Мин аңа яндыргыч лампа биреп тордым. Ул һәм Ломакин түшкәне эшкәртеп, чиста жәймәгә төрделәр дә радиатор каршындагы каток-барабанга куйдылар. Анда ул экипажга хәрәкәт итәргә комачауламады.

Алдагы тукталышта пан бәрәңгесеннән һәм «безнең дунгыздан» затлы кичке аш әзерләргә керештеләр. Поляк аңа хас булмаган дустанә мөнәсәбәт күрсәтте. Моның сәбәбе дә бар иде: Германиягә алып кителгән кызы кайткан. Өйдә шатлык хөкем сөрә. Житлеккән кыяфәтле-сынлы кыз (минем беренче мәртәбә чалбар кигән хатын-кыз күрүем иде) безнекеләргә кичке аш әзерләшәргә теләп булыша.

Интернациональ рәвештә әзерләнгән торган ризык менә-менә пешеп житә дигәндә «По коням!» командасы яңгырады.

Тьфү, бер дә тиешле вакытта түгел! Сирәк элгә торган ризыкны ашап ләззәтләнәбез дип, селәгәйләр ага башлаган иде. Хәзер нишләргә? Инде әзерләнәп-пешеп килгән нигъмәтне ташлап китәргәме? Безгә әле кайчан кайнар аш тәтер, бер Алла белә. Өйдә, ашны өстәлгә чыгар! Солдат ашказаны күгәргән кадакны да эшкәртәргә тиеш!

Тиз генә, ашык-пошык, ашны ярты котелок чама-сы ашарга өлгердем. Әмма ярты сәгать уздымы-юкмы — моның өчен бик үкендем. Борып-борып эчем авырта башлады. Тешне кысып, түзем. Менә-менә колонна туктар, дип өметләндем.

Гадәттә шулай була торган иде: кесә фонарьлары яктысында алдан баручы борылышны ачыклаганда, берәр бөкегә, я башка каршылыкка юлыкканда тукталып торалар. Ә хәзер соңгы чиктә кирәк булганда, үч иткәндәй, туктамыйча баралар да баралар!

Чәнчеләп киткере! Нигә мин бу агуны буфердан алып ташламадым? Ни генә диеп аны этләргә ыргытма-дым икән? Уфф, бүтән түзә алмыйм! Хәзер туктатыйм!

– Туктап кына кара! – диләр егетләр теш арасыннан гына. – Таптамасалар, юл кырыена бәрәп төшерәчкәләр! Бу сиңа Алла жәзасы. Киләчәктә комсызланмасың!..

Туктарга ярамаганын үзем дә беләм. Тик чыдарлыгым, чарам калмады. Машина барган көйгә чалбарны чишәм, бер генә секундка туктатам һәм... кире сикереп кереп, рычагларга ябышам!

– Молодец! – дип бәяли Божокин. – Рекордлы вакыт күрсәттең!

Тормышта комедия еш кына фажиға белән чиратла-

ша.

Ап-ак карлы кояшлы иртэдэ без немец чиген кичеп чыктык. Безгэ утырып баручы майор Наренконың искичек вакыйга – балкып чыккан кояш тээсирендэ кәефе гаять күтәренке иде.

– Табигать безгэ булыша, – диде ул шат күнел белән. – Яхшы фал бу!

Мин гажәпләнәп аңа карадым: «Замполит төрле ырымнырга ышана микәнни?» Безнең каршыга юл кырыеннан тоташ агым булып туган илләренә кайтучы поляклар, төрле милләт кешеләре очрый. Кинәт алар арасында без күрәлмәгән зәңгәрсу-яшыкелт төстәге шинель кигән өч кеше күзгә чалына. Өсләрендә гади шинельләр түгел, затлы мех якалылары.

– Тукта! – дип команда бирде Наренко. – Калмыклар!

Туктадык. Аларның монголларныкы кебек чырайлары хәзер мин дә аермачык күрдәм.

– Сез кемнәр? – дип сорады майор кырыс кына.

Тегеләр нәрсәдер аңлата башладылар, кесәләреннән ниндидер кәгазьләр чыгардылар. Мин сул як борт кырыенда утырам – армаданың тукталмас хәрәкәтә гөрелтесе аркасында аларның замполитка нәрсә әйтүләрен юньләп аңлый алмадым. Ординарец, машинадан сикереп төшеп, аларны тенти башлады. Әйберләре күп түгел. Ниндидер пластмасса тартма, аның эчендә дару тәймәләре һәм ... презервативлар булуы истә калган.

Бәлки бу затлы шинельләр туган илгә кайту тээсирендә немец түрәләреннән салдырып алынгандыр? Белмим. Бу минем уйлавымча гына.

Ләкин аларның язмышын, мөгаен, шинель түгел, бәлки вак-төяк – презервативлар – хәл итте.

– Ах син, хәшәрәт, – дип ысылдады Божокин, ачык тартмада аларны күргәч тәмам түземлегә төкәнәп. – Димәк, фрицлар арасында начар яшәмәгәнсез! Кызлар белән күнел ачу өчен бар да бар монда!

– Барыгыз! – диде Наренко, юлдан читкә ымлап.

– Әх, иптәшләр, нишлисез сез, – диде арадан берсе (ихтимал, өлкәнрәге), хәзер нәрсә булачагына төшенәп.

– Ватанны саткан хыянәтчеләргә ут ач! – дип боерды замполит.

Шәфкате килеп, газапланмасыннар өчен, Иван пулеметыннан озын чират бирде. Кырда беркем дә таптарга өлгөрмәгән, жемелдәгән ап-ак кар өстенә ал кан жәелде...

Инде өченче сугыш операциясендә катнашып, мин үлемне аз күрмәдем. Тик менә бу хәл жанны газалады. Берара барыбыз да сүзсез, дәшми бардык.

Ниһаять, Наренко сүзгә килеп:

– Биредә безгә каршы калмык дивизиясе сугышты, – диде.

Янә тынлык урнашты. Башны төрле уйлар бимазала-

ды:

«Әгәр дә алар Ватанны сатсалар, ни өчен әсирләр алган алдынгы частлар аларга тимәгән? Без бит икенче эшелон булып барабыз.

Замполитка алар нинди кәгазьләр суздылар икән? Бәлки ул кәгазьләр безнекеләр тарафыннан бирелгән саклану грамоталары булгандыр? Бәлки каһәр суккан тартма аларга немец командирыннан салдырылган шинель белән бергә күчкәндер? Һәм шунысы да бар: нигә без аның өчен «иптәшләр»? Югыйсә, үләр алдыннан алар безне гаепләмәделәр дә, каһәрләмәделәр дә, киресенчә, безнең хаталануыбызга буйсынулы кызгану хисләре генә белдерделәр».

Ләкин майорга бу сорауларны бирергә базмадым. Аның үзенең дә иртәнге күтәренке кәефенең эзе дә калмаган иде.

Без барыбыз да хыянәтчеләрне һәм сатлыкжаннарны күрәлмадык. Ләкин ихтыяри рәвештә безнең тылга таба атлаган коралсыз кешеләргә аттыру без аңлый торган әхлак кысаларына сыймады. Ләкин майор – замполит. Үзенең ни кылганын беләдер. Аңа хөкемдар – бер Алла үзе!

Велюнь – юлыбыздагы беренче немец шәһәре. Чирәп белән ябылган түбәле чиста ике катлы кечерәк йортлар. Урамнарда – пөхтә итеп кыркылган агачлар. Тәрәзәләргә челтәрләр эленгән. Фрицлар культуралы яшәгәннәр... Яшәгәннәр димен, чөнки хәзер инде яшәмиләр. Халкы тулысынча диярлек көнбатышка качып киткән. Котлары очып, куркып.

Алдынгы частлар сугыша-сугыша моннан төнлә узганнар. Юлыбыз – шәһәр үзегә аша, туктамыйча барабыз. Тик менә монысы нәрсә икән?

Үзәк мәйдандагы магистрат бинасы каршында – зәңгәрсу-яшыкелт курган. Кеше гәүдәләреннән өелгән курган: нигезе киң, өскә таба тарая бара, очы магистрат бинасының түбәсе белән тигезләшә. Бу коточкыч корылманы кем өйгән икән?

Күренеп тора, аттыручылар, кем генә булсалар да, йөзләргә мәетне югарыга сөйрәп, өсте-өстенә өеп мәшәкатләnmәгәннәр. Димәк, бер сафны аттыргач, икенчесен шул мәетләр өстенә тездергәннәр, анысын үтерткәч – өченчесен һәм алга таба... Аксак Тимер курганы хасил булганчы шулай дәвам иткәннәр. Ә кешеләр үзләре, үз аяклары белән югарыга күтәрелгәннәр булып чыга түгелме? Берәүләр бу Голгофага күтәрелгәндә, башкалар күндәм генә янәшәдә яисә хәтта сафта үз чиратларын көтеп торганнар микән? Коточкыч күренеш.

Кемнәр алар? Немецлармы? Ай-һай. Калмыклар-власовчылармы? Белмим. Варис-оныкларыбызга, үз күзләрем белән күргән кеше буларак, күргәннәрем ха-

кында шаһитлек кенә итәм.

Германия территориясендәге беренче тукталышыбыз купшы-затлы булды. Ике катлы пөхтә коттежда кундык, мамык мендәрлөргә ятып йокладык. Башкалардан күреп, иртән каткан чолгауларымны чолгап маташмадым, аякларымны тыгыз пәрдәләрдән ертып алынган чиста кисәкләргә төрдөм. Иртәрәк чыктым – моторны кабызасы бар, кыш бит әле. Сарай эченә күз салган идем – анда үле карчык ята.

Яныма килгән Фидридан:

– Кем эше бу? – дип сорадым.

– Божокинныкы, – диде Фидря, бик үк сөйләшәсе килмичә. – Без сәгать уникадән икегә кадәр сакта тордык. Төнге караңгыда кинәт кемнәңдер посып кына өйгә якынлашуын күреп алдык. Аның карчык кеше булуын беребез дә белмәдек шул. Көндөз килергә курыккандыр, мөгаен. Төнлә, туңып, калтырана башлагач, өенә кайтырга булгандыр...

Кунакчыл коттеждан авыр хисләр белән киттек. Чыгып барганда тәэминат хезмәте лейтенанты килеп керде, матур гына радиоалгычны кисәү агачы белән бәреп ватты, тәрәзә челтәренә ут төртте.

– Ә нигә яндырырга кирәк? – дип сорадым лейтенанттан, рәхәтләнеп төн куну тәэсиреннән чыга алмыйча.

– Син, егеткәй, немец булмаган жирдән килгәнсеңдер. Ә ул безнең авылны тулысынча яндырды!

– Шуннан нәрсә? – дидем, үз кырыгымны кырык санап. – Артыбыздан никадәр безнекеләр килә, алар хәзер кайда кунарлар инде?

– Эренбург мөкаләсен укысаң, күп нәрсәгә төшенерсең. Укы син аны!

Укып торырга вакытым юк. Тик аның асылын хәтерлим – Наренко аны калмыклар белән очрашканчы ук бәян итте. Мәгънәсе – фашистлар безнең территориядә

күп ерткычлыктар эшләде. Хәзер түләү вакыты житте: тешкә – теш коярга, күзгә – күз, канга – кан!

Болар хәзер артыгы белән эшләнә. Без поход колоннасына тезелеп кузгалганда тирә-яктагы барлык йортлар да яналар иде инде. Интендант бар көченә тырышты. Хәзер Илья Эренбург үз өндәмәсенең нәтижәләрен күрсә, бик тә канәгать калыр иде. Аның мөкаләсе канлы һәм утлы яңгыраш тапты...

Безнең шик-шөбһәләребезгә җавап – армия һөҗүм юнәлешен үзгәртә. Бреслау көтеп торыр, аның белән башкалар шөгильләнер. Танк армиясен көньякка боралар. Польшадагы кебек үк, дошманның тирән тыллары буйлап ашкынулы маневр белән Краков янына, Домбров – Силезия районын азат итәргә барачакбыз.

Намслау – без көньякка борылгач, немецларның юлыбызда очраган беренче шәһәре. Тагын рәхәтлектә, ниндидер сәүдәгәр йортында төн кунабыз. Янәшәдә генә – универмаг. Хужалары качып киткәннәр, әлбәттә. Гаҗәп, карчык калган бит. Уйлап карасаң, аңа нигә китәргә? Карт инде. Аның хужабикә булмавы да күренеп тора, ул – хезмәтче. Безнеңчә әйтсәк, хезмәт иясе. Без әле йокыдан да тормаган, ул инде кофе кайнаткан, аны чынаякка салып, ятакка ук китергән: «Камрад, ауфштейн!»

Монысы нинди әкәмәт тагын! Без аксөяклеккә өйрәтелмәгән!

Сикереп тордым, кашыным да (мендәрдәге тавык кандалалары ашап рәхәтләнгәннәр), юындым. Аннары суррогат кофе эчеп куйдым, данке шен! Һәм двигательне кабызырга, жылытырга чыгып киттем. Кул юарга кире кергәч, стенадагы Евразия картасына күзем төште. Язулары немецча, ә менә СССР чикләре нәкъ безнең совет карталарындагыча билгеләнгән.

Бәлки сезгә көлке тоелыр, әмма элегрәк безнең пропаганда барысын да, хәтта илебез чикләрен дә, күпертеп зурайтып күрсәтә дип уйлый идем. Юк, алай түгел икән! Туган илем иркен дә, зур да икән!

Кибеткә кердем. Ул чүпрәк-чапрак, вак-төяк белән тулган! Ацетат ефәк кисәге алдым. Бронетранспортер утыргычыннан америкалыларның ат кылы япмасын алып ташладым да, немец суррогатын жәйдем.

Универмагта кыйммәтләрәк әйберләр дә булгандыр, әмма алар мине кызыксындырмады.

Үзем өчен чын кыйммәткә ия әйберне мин чардакта табып алдым. Анда өр-яңа велосипед эленеп тора иде! Аны алып төштем дә озакка сузмый йөрергә өйрәнә дә башладым. Велосипедны калкулыкка алып менәм дә, утырып, түбәнгә очам. Төшкәндә рульне тотам, төшеп житкәндә педальләренә әйләндереп алырга да өлгерәм. «По машинам!» командасы бирелгәнче күп тапкырлар шулай эшләдем.

Велосипедны бик тә үзем белән аласым килде-килүен, тик аны кая куясың? Зур әйбер бит, комачаулар. Минем машинада бер артык нәрсә дә булырга тиеш түгел дигән кагыйдәмә дә каршы килә. Башкаларга рөхсәт итмәсәм дә, үзем белән трофей өстерәп йөриммени? Юк инде, бу матур уенчыкны калдырам мин!

Полкка дүрт Т-34 танкы бирделәр. Икесе полк командиры карамагында калдырылды. Полкның калган ике танкыннан һәм ике бронетранспортерыннан штурм отряды оештырдылар.

Шундый бурыч куелды: Оппельн шәһәре юнәлешендә үтеп чыгарга, мөмкинлеккә карап, Одерның аръягында плацдарм яуларга. Дошманның вак төркемнәре белән бәрелешләрдә артык тоткарланмаса, аның зур көчләре белән очрашканда хәлдән чыгып эш итәргә.

Хәзер мәгълүм булганча, фронт командующие боерыгы белән фронтның төрле участокларында берничә шундый отряд оештырылган. Дошман ашыгыч рәвештә, хәтта Көнбатыш фронттагы частыларын алып, безгә каршы резервлар жибәргән. Ул резервлардан алда хәрәкәт итеп, юлларын кисеп, аларны элек үк Польша-Германия чигендә төзелгән оборона сызыгына жибәрмәскә кирәк иде.

Оператив киңлеккә чыгып, Рыбалко танкистлары Львов операциясендә дә аерым һәм кыю рәвештә эш иттеләр. Ләкин безгә шундый кечкенә төркем белән тирән рейдка беренче тапкыр барырга туры килде. Без төп көчләрдән 40-50 километрга аерылдык. Ул-бу була калса, үз көчезгә генә исәп тотарга туры киләчәк иде. Дошманның өстенлекле көчләре белән бәрелешкән очракта, үзезнекеләргә хәбәр итәргә өлгереп тә, алар безне коткарырга килеп житкәнче бездән төтен исә генә калачак...

Ату тавышлары да, миналар, бомбалар шартлаулары да ишетелми. Тынлык. Йөрәк кысыла. Күңелдә борчу һәм сагаю.

Әһә, шулай да безнекеләр монда булып киткәннәр икән. Менә безнең кайсыдыр частынең олавы. Зур олау. Бер километрлап арага сузылган. Аның койрыгында – ватылмаган-жимерелмәгән, әмма жансыз немец бронетранспортеры.

Гомуми паникага бирелеп, олау тар-мар китерелгән. Атлар кырылып беткән, арбалар бер-берсә өстенә менгән, йөкләр юл буйлап чәчелгән, сибелгән. Бер исән кеше дә күрәнми. Олаучылар үз-үзләрен сакларга тырышканнар: мәетләр юл кырыенда патрон әржәләре артында ята, карабиннарын кулларына кысып жан биргәннәр – әмма болай гына сакланудан мәгънә юк шул инде.

Шулай да бер исән калган кеше таптык. Ул безгә нинди фажига булуы турында сөйләде.

Төнлә, сиздермичә генә урманнан чыгып, олауның койрыгына немец бронетранспортеры килеп кушылган. Аңа беркем дә игътибар итмәгән. Ул көннәрдә безнең гаскәрләр өстәп йолдыз ясалган трофей немец бронетранспортерларын файдаланалар иде. Аларның төрле жирләрдән үтү мөмкинлекләре зур, куәтле машиналар, туплар өчен таягач булып та хезмәт итә алалар, алдау операцияләре өчен дә ярап куялар...

Таңда, үзләре өчен җайлы урынга урнашып, немецлар олауны аттырганнар, үзләре юкка чыкканнар.

Тар-мар китерелгән олау янында без гамьсезлек чиренә каршы яхшы дөва чарасы алдык...

Ят жирдә алга таба барабыз. «Утыз дүртенче»ләрнең дизельләре үкерә, безнең бронетранспортерның «геркулес»лары йомшак кына гөрелди. Танклар, тизлекләрен киметеп, юлга перпендикуляр юнәлештә борылалар һәм урман эченә кереп китәләр.

Алардан:

– Артка калмаса! – дигән команда ишетелә.

Әйтергә генә җиңел! Хәер, мондагы карны бездәге белән чагыштырып булмый. Әмма беренче дистә метрларда ук минем бронетранспортер да, Коротин бронетранспортеры да карга кереп батты. Танклар да туктый. Безне ташлап китмәсләр ич инде! Аларга да безнең ярдәм кирәк.

– Нигә озак азапланасыз анда! Трослар бирегез!

Эләктерәләр. Җен икәннәр, куаклар аша, турыдан гына тарттыралар. Кызганып тормыйлар, танк ныклығына исәп тотып сөйриләр. Тоеп торам, куакларга эләктереп, тормоз гидрошлангларын өздерделәр. А-а-х, сезне...

Тик вак-төяк өчен елап утыра торган чак түгел. Ычкындырабыз. Һәм нәкъ вакытында. Чөнки алдагы танкның пулеметы телгә килде. Ят сүзләргә ишетеп, урманда шәүләләр йөгәрешә башлаган. Тилеләр, тычкан кебек шыпырт кына утыра алалар да иде бит. Нигә күз алдында буталырга? Күрәсең, ул фольксштурмчылар дары исен житәрлек дәрәжәдә иснәмәгәннәрдәр.

Бронетранспортерлардагы пулеметлар эшкә кереште. Пехотаның дозоры таралды. Кемнәрнедер «утыз дүртенче»ләр куып житте, аларны чылбырлары белән таптап-изеп узды, күпләргә пулеметлардан атып, юк иттеләр. Берәүне әсирлеккә алдылар. Торак пунктка бәрәп кердек.

Өлкән лейтенант һәм отряд тәржемәчесе әсирдән сорау ала башлады, автоматчылар шул арада посёлок буйлап таралды. Безнең хәлдә сак булу артык түгел. Тик егетләр азык-төлек кибетенә юлыктылар һәм озакладылар...

Әсир сөйләвенчә, русларны әлегә биредә көтмәгәннәр, моннан ике километрлык ераклыкта, Одерның аръягында урнашкан зенит батареяларында да көтмәскә тиешләр.

Кичекмәстән һөжүм итәргә карар кылынды. Тик поселок буйлап автоматчыларны жыеп-туплап бетергәнче, тоткарланган соңгы кешене көтеп алганчы вакыт уза бирде. Һөжүм башланды.

«Утыз дүртенче»ләр иң зур тизлектә барды. Ачык урын, урмандагыга караганда кар аз. Шулай да бронетранспортерлар әкренрәк хәрәкәт итте, арттарак калды.

Одер биредә, югары агымында бик үк киң түгел. Аргы ярда ярым шәрә немецларның чабышуын коралланмаган күз белән дә күреп була – аларның мунча керү, кер юу көне икән!

Танклар гөрелтесе, урманда атышу, ниһаять дозор постының (булмыйча калмагандыр) хәбәр итүе – барысы да немецлар өчен «аларм!» тудырды. Әх, авыз ачып калдык шул, озаклады!

Безгә эре калибрлы зениткалар ут яудыра башлады! Аларның зур башлангыч тизлекле снарядлары безнең «иэска»ларның түр бронясын да тишәргә сәләтле. Маневрлар ясап, туплардан ата-ата танклар артка чигенде. Без Коротин белән, өченче хәлиткеч снаряд килеп тигәнче, таш бина артына кереп калырга өлгердек. Снаряд шартлаулары астында танклар да имин генә яшерену урыннарына барып житте. Бәхетебезгә, шартлаулар ешлыгына караганда, барлык расчётлар да сугышчан постларга басарга өлгермәгәннәр.

Оборона өчен яраклы позициягә урнаштык та, радио аша хәлебез турында полкка хәбәр итеп, үзебезнекеләрне көтә башладык. Танклар бик үк уңышлы булмаса да атыш башладылар.

Уңышсызлыklar өчен күңелдән үзебезне битәрләдек. Немцларны жылы килеш каптыру өчен ниндидер ун минутлап кына вакыт житмәде. Ә вакыт та, мөмкинлек тә бар иде!

Күпкә соңрак, чираттагы формировка вакытында, без армия газетасында мондый юлларны укыдык: безнең армиянең 53-нче бригадасындагы танк взводы командиры лейтенант Василий Новиков, Просно елгасының уңъяк ярында плацдарм яулаган, Советлар Союзы Герое исеменә лаек булган. Ә без исә Одерда – Германия йөрәге каршындагы соңгы су киртәсе буенда идек...

Тирән тылда маневр ясап, полк Силезиядә авыр сугыш-бәрелешләргә керде. Дошманның көчле артиллерия уты безгә тын алырга да ирек бирми. Сәнәгый район бит, димәк, сугыш кирәк-яракларын шушында ук житештерәләр, шуңа да снарядларны исәпләп-кызганып тормыйлар.

Ә безгә снарядлар житешми.. Тыл артта калды. Тээминат артерияләре дошман тылы эченнән уза, аларны өзәргә дә мөмкиннәр.

Шул көннәрдәгә сугыш хәрәкәтләре картасына күз

салсак, образлы әйткәндә, безнең армиянең капчык төбөндә сугышуын күрербез: көньякта, көнбатыш һәм көнчыгышта – ныкы оборона тотучы дошман. Төньяк юнәлеш ачык, аннан без яңа гына килдек. Бөтен эш шунда – төньяктагы дошманга капчыкның авызын бәйләргә юл куярлармы?

Әлбәттә, мин бу хакта белмәдем. Әмма безнең командир булып саналган лейтенант Рогулин, кем әйтмешли, үзенә бертөрле димме, куркынычны күрсәтә торган лакмус кәгазе иде. Бу көннәрдә ул ничектер әлләнинди соры төскә керде, үзен сакал-мыек басты, кипте-суырылды: бичара, аю чиреннән газапланды. Димәк, эшләр яман иде...

Бервакыт артиллерия утыннан сакланып, кызыл кирпичтән салынган кирха диварлары артына яшерендек. «Студебеккер»га утырып, старшина Нарбутовский килеп житте. Кирха алдында борылганда аның машинасы миңага эләкте. Көчле шартлау яңгырады. Дулкын алдагы күперне йолкып, ун метрга алып ыргытты. Нарбутовскийны ишеге-ние белән кабинадан бәреп чыгарды. Аның янына йөгереп килдек. Ул исән-имин, бер сүз дә әйтә алмый катып калган. Кинәт 1939 елдан бирле гимнастеркасын салмаган, дөньяның ачысын-төчесен житәрлек татыган әлеге солдат, без бала-чага алдында оялып-нитеп тормый, сабый кебек үкереп елый башлады. Без аның өчен куандык кына: димәк, шок узды.

Нарбутовский өлкән лейтенант Зинин ротасына снарядлар илтергә тиеш иде, әмма дошманның артиллерия уты көчле булганга рота белән тоташтыручы транспорт юлы өзәлгән иде. Хәзер бу мәсьәлә үзеннән-үзе көн тәртибеннән төште...

Сугыш кирәк-яраклары белән тээмин итү хезмәте башлыгы лейтенант Пузырев (безнең якташ, соңгы елларда Түбән Кама шәһәрәндә яшәде) рядовой Колесниченконы күндерәргә тырыша. Бу хохолның бармагы үзенә таба кәкрә, ул ничектер һәрвакыт жаваплы заданиеләрдән читләшәп кала иде, шуңа күрә шофер-туганнары аны яратмады. Аның турында: алгы сызыкка күмәч белән дә кызыктырып кертә алмассың, тылга дисәң – ике көпчәк белән дә китеп баракак, дияләр иде. Ул хәзер дә ничек кенә булса да котылырга маташты:

– Анда берничек тә үтеп булмый, иптәш лейтенант! Юлны хәзерләнеп, атып тикшереп куйганнар(пристреляли). Төн житкөнне көтәргә кирәк.

– Сугыш бара, анаңны! Анда снарядлар бетә! Уйлап сөйлә!

– Уйлау зыян эш түгел, анысы. Тик мин анда үтә алмаячакмын. Менә күрерсез: тагын бер машина югалтасыз. Снарядлар да һавага очачак!

Шунда аның башына ниндидер уй килде. Миңа төртеп күрсәтеп, ул :

– Бирегез аның бронетранспортерың, мин үтөчөкмен! Өстемә кайнар су койгандай булды. Ул моңа юл куел-маячагын белә иде.

Мин кемгәдер машина ышанып тапшыраммы инде?

Бу бер хәйлә, куркынычлы заданиедән котылу өчен сылтау гына иде. Аннан соң жиде миллиметрлы броня ничек итеп танк снарядларыннан саклый алсын ди?

– Ә нәрсә? Бу идея! – диде Пузырев. Аның йөзө яктырып китте, ул башлыктар янына юнәлде.

Снарядларны мин алып бардым. Миңа дүрт сапер, лейтенант Рыжков, полк артиллеристы һәм капитан Чигринцев иярде. Үзенең дуамал холкы аркасындамы? Чигринцевка бару мәжбүри түгел иде. Тик ул теләсә кайсы жирдә кирәкле кешеләрнең берсе.

Позицияләргә барып житәргә ике километрлап калгач, капитан туктарга боерды.

– Әнә, янәшәсенә снарядлар төшә торган йортны күрәсәңме? Аның артында – Зинин позицияләре. Ачык калкулыкны күрәсәңме? Шуң калкулыктан үтәргә кирәк. Синең бурычың – әлеге участоктан иң зур тизлектә узу. Тизлекне арттыр да, Аллага тапшыр!

Мин тырыштым. Артиллеристларның башларын әйләндердем! Әлеге урынның моңа кадәр ут астында булуына карамастан, алар да тырышты – уңда да, сулда да озак вакытлар мине снаряд шартлаулары озата барды. Ниһаят, алгы уң көпчөк янына снаряд тошерә алдылар.

Мотор сүнде, машина кинәт тып туктады. Мондый хәлгә әзер сугышчылар аннан атылып чыктылар да, төрле якка сибелделәр. Артиллеристлар утны качучылар өстенә күчерде. Зарарланган машина хәзер беркая да китә алмас, дип уйлаганнардыр инде, күрәсәң.

Мин дә сикереп чыктым, машина астына кереп киттем. Вак ярчыктар элгүдән резина яргаланган; тормоз шланглары озелгән; эре ярчык, тышлыкны тишеп кереп, алгы күпер койрыгындагы тешләр арасында кысылып калган. Менә минем «геркулес» ни өчен кисәк кенә туктаган икән. Ярый! Монда үлем куркынычын күрмим.

Тырпаеп торган ярчыкны бәреп чыгардым, карданны бүлү тартмасыннан, алгы күпердән ычкындырдым – машина хәрәкәтләнәлек хәлгә килде!

Карданны снаряд ящиклары өстенә ыргыттым, двигательне кабыздым — эшли! Йә, миңа тагын бер тидереп карагыз!

Юл бу урыннан тау астына борылган. Шуннан зур тизлектә, шартлаулар астында, бер генә күпер белән, кирпеч йорт артына кереб олгердем. Танк артиллеристлары снарядларга ябырылды. Э мин Иванга ябыштым:

– Син, трам-тара-рам, нигә мине сугыш кырында ташлап киттең?!

– Мин машинаның эше бетте инде дип уйлаган идем...

– Уйлаган идең?! Әнә, кара, ул йөри әле!

Ыгы-зыгы килеп, нәрсәндер ачыклап торырга вакыт юк иде. Корбаннарын тәгаен кулларыннан ычкындыруга ачуланып, немецлар хәзер без ышыкланган йортка атып юаналар иде. Алар ягындагы дивар инде жиимерелгән, безне бер генә дивар саклай. Снарядлар килеп житкәч, безнең танкларның туплары кыюрак ата башлады.

Бездән ике йөзләп метр арада Чигринцев пулемет оясы күрүп алды.

Ул Иван Поздняков алдына шундый бурыч куйды: әйләнеп узып, әсирне яки аның кәгазьләрен кулга төшерергә. Ә без, Иванны ышыклап, дошманны үзезгә жәлеп итәбез.

Капитан командасы буенча мин почмактан чыктым. Чигринцев – эре калибрлы пулеметтан, Федотов гадәти пулеметтан дошманның пулемет оясына һәм янәшәдәге аз санлы пехотасына ут яудырды. Алар лентаны атып бетергәнче Поздняков цель янына йөгәрде. Без тынып торып, коралларыбызны корырга йорт артына киткәндә ул карга ятып сыенды.

Пулеметларыбыз максатка иреште – немец юк ителде. Ут ышыклавы астында Поздняков тиргә батып, исән-имин кайтып житте һәм капитанга пулеметчының

Слева направо: Василий Ливанов, Александр Малов, Константин Ванюшин, сидит Иван Поздняков.

пластмасса контейнерын тапшырды. Иванның арабызда искиткеч оста лазутчик булып танылуы юкка гына түгел иде¹⁵.

Контейнерны ачкач, Чигринец куанычын яшермичә:

– Герой, бушка гына йөгөрмәгәнсең! Рэхмэт сина! Яңа часть бу. Ике көн элек ул монда юк иде әле! – диде.

Без түбәндә армия разведкасы батальонының безнеке кебек үк ике М-3 А-1 янган машиналар торуын күргән идек. Машинаны тозекләндеру очен мин Чигринецтан алардан запчасть алу очен бер-ике кеше жибяруен утендем Караңгы төшкәч, ике Иван, Федотов һәм Ломакин, берәр пар граната алып, иртән миңа Чигринец күрсәтмә биргән урынга киттеләр. Иваннарға инструментлар һәм инструкция бирелде. Алар бернинди мажарасыз-нисез безнең өчен кыйммәтле табыш белән кайттылар. Бер сәгатъ эчендә алып кайтылган әйберләрне бронетранспортерга куйдым, хәзер машинабыз элеккечә үк ике күперле булды. Тик тормоз гына юк. Ярый, хәзергә шулай да ярап торыр: Берлин урамнарында йөрмибез бит әле. Шул ук төндә, Зинин ротасыннан ике яралыны алып, артиллериянең сукур уты астында югалтуларсыз кире чыктык.

Гыйнвар ахырында немецларны Югары Силезиядән куганнан соң безне (һәм бөтен армияне) Бреслау янына кайтарырга булдылар.

Кайту юлында башка частьлар тарафыннан алынган Оппельн шәһәре аша узабыз. Хәер, шәһәрнең бер өлеше немецлар кулында әле. Пычрак, кара төстөгә диярлек кар капланган типик сәнәгый шәһәр. Искитәрлеге юк, моңсу күренә.

Безнең өчен дә күнел күтәрерлек сәбәп юк: Силезиядән чигенүче гаскәрләр басымына каршы торганда зур югалтулар кичердек. Күп кенә көрәштәшләрөбезне ят жирдә калдырдык... Тик тормыш үз юлы белән бара, тереләр тере хакында уйлый.

Километрларга сузылган колонна туктады. Алда нәрсәдер тоткарлый. Колонна яныннан ашыга-ашыга кирәк-яраклар тутырылган рюкзаклар, капчыклар аскан, кул арбалары тарткан качаклар агымы уза. Йөзләрендә – газап, арганлык, өметсезлек. Башлыча хатын-кызлар. Араларында бик чибәрләр бар, ул чибәрлекне йөзләрендәгә кайгы һәм бәхетсезлек сөрәме дә яшерә алмый.

Бер офицер, тәмам чарасыз калып, түземлеге төкәнеп, бу немкаларның берсе белән танышырга теләде. Тик кайда? Машина астында түгел бит инде!

¹⁵ Австриядә 1946 елда һәлак булды. Спирт кулга төшерергә дип медицина часте складына керергә азапланганда. Часовой аны атып үтергән. Иван ул вакытта ук саңгырау иде инде.

Ул немканы читкә алып чыкты. Гөнаһ шомлыгына каршы, ачык жир, якын-тирәдә берәр куак та юк!

Әгәр дә лейтенант аны кабинага алып керсә, хәтта кузовка алып менсә дә, бу гөнаһ турында колоннадагы ун, күп дигәндә унбиш кеше һәм немкалар гына белер иде.

Хәзер ак карда ерагаючы ике гәүдәне йөзләрчә ачыгавыз күзәтә.

Алар колоннадан бик үк читкә киткәнче явыз теллеләр киңәш-фатихаларын бирә:

– Һэй, лейтенант! Үзең генә булдыра алырсыңмы? Бәлки мине ярдәмгә алырсың?

– Кара аны, рус коралының данын хур итмә!

– Малай ясыи күр, алар хәзер бәһадә!

– Солярка ал үзең белән. Ауру булуы момкин!

Кемгә аеруча уңайсыз һәм оят булгандыр: сүзләрне аңламаган, әмма юлдашларының карашларын тойган немкагамы, әллә мыскыллаулар ишеткән офицергамы? Билгесез.

Солдат турында: төтен белән жылына, без белән кырына, штык артына басып хажәтен үти, диләр. Бу логика буенча, лейтенантка ниятенә ирешү өчен ким дигәндә сапер көрәге кирәк иде. Тик бу вакытта ул да юк бит. Артына борылса – бөтен колонна аларга карап тора, нәрсә булачагын жентекләп күзәтә. Алар тагын кузгала.

Бу түлөүсез эротик тамаша ни белән төгәлләнгәндер, белмим. Хәзер ни өчен колоннаның бер урында озак торганлыгы аңлашыла: алда – Одер кичүе.

Без Силезия – Домбровски районын азат итеп йөргәндә Одерның аръягындагы плацдармны фронтның башка гаскәрләре яулаган иде. Без елганы кичәбез.

Күк болытлы, бомбага тотмыйлар. Шулай ук кичү вакытында, ут астында кичкәндәгә кебек, таныш ыгы-зыгы күзәтелә. Шулай гадәтләнелгәнгәме?

Кичү өстендә, ул-бу була калса дип, куе төтен пәрдәсе эленгән. Елгага керү урыннары түбәнлектә урнашкан, меңнәрчә көпчәк һәм чылбырлар туфракны изеп бетерергә өлгергәннәр. Һәркем көнбатыш ярга ыргыла, үз частьларынан артта калган сугыш берәмлекләренә, чит колоннага элөгү ихтималы яный, командирлар сүгенәләр, эш йодрык белән аңлатуларга барып житә.

Безнең полк техникасы арага кеше керә алмаслык итеп хәрәкәт итә. Дециметрлы кузгалулар белән понтонлы кичүгә якынлашабыз.

Күп кенә танкларыбыз күптән инде үзләренә моторесурларын сарыф итеп бетергәннәр, алардан чыккан төтеннән һәм сөрәннән моңа гадәтләнмәгән берәрсе аңын югалтыр иде. Алдан баручы танктан чыккан газ күзләренә өчеттерә, противогаз киярлек! Түзәргә тиешмен, язмышым шундый.

Кожанка кигән берәү үзенең «катюша»ларын арага кертергә тырыша. Танклар арасына кертергә базмый – жиңелчә генә борылсалар да алар аның машиналарын баткаклык яки елгага бәреп төшерергә мөмкиннәр. Соңгы танк артыннан бронетранспортер күренүгә ул, төвәккәлләргә вақыт житте, дип уйлады, күрәсең.

Минем чигәмә пистолет терәде:

– Кузгалсаң, шушында ук атам! – диде дә, үзенекеләргә команда бирде – Барыгыз!

Икенче яктан, күпердән, миңа подполковник Богунов кычкыра: «Әйдә, артта калма!» Икенче яктан – «катюша»чы: «Кузгалып кына кара!» — ди.

Берсен дә тыңламыйча булмый. Тик соңгысының янавы реальрәк. Нишләргә? Подполковник коткарды: килеп житте дә, арттан тегенең терсәкләрәннән эләктереп алды, ә мин шул арада алга ыргылдым.

Бреслауны безнекеләр алмаганнар. Без аны башта көнчыгыштан, аннары ерак арада төньяктан әйләнеп уздык. Кайдадыр Волау районында туктадык. Анда безгә хәл алырга ике көн бирделәр.

Хәзер инде сәяси әңгәмәләрдә безне жирле халыкка карата кешелекле мөнәсәбәттә булырга, совет кешесенең намуслылыгын һәм дәрәжәсен сакларга, уылыкны югалтмаса өндәделәр.

Иң элек мин тормоз системасын төзәттем, машинамы карап-тикшереп чыктым. Бар эштә дә полкның иң өлкән «студебеккерчысы» Дмитрий Малахов булышты. Ул миңа аталарча карый, мине кызгана иде.

Казанлы янкормада немец карчыгы су кайнатты, без Иван белән айлык һөжүм вақытында беренче тапкыр юындык. Мескеннәрнен мунчалары юк иде бугай. Ярый инде, бусына да рәхмәт!

Шул ук утарның зур ишегалдында безнең янәшәдә генә пехота урнашты. Пехотачылар өчен танкистлар – фронт элитасы: жәяү йөрмиләр, броня артына ышыкланып сугышалар. Мөнәсәбәт тә башка.

Машина янына өлкән яшьләрдәге пехотачы килә – әйтерсең, сүз иң изге байлык турында бара – кыюсызгына үзенең «максим»ы өчен май сорый. Сөйләшеп киттек.

Бу кеше безнең авылдан сигез километрлап кына ераклыктагы Аксу дигән чуваш авылыннан булып чыкты. Дөнъя чыннан да тар икән!

– Син кем малае? – дип сорады пулеметчы, беркадәр кыюланып. – Ә-ә, аксак Михаил улымени? Ничек инде белмәскә, беләм! Зур Тәбердедә бервакыт аңардан тана сатып алган идем. Намуслы ир, Алла аңа саулык бирсен!

Чит-ят жирдә якташ – туган кебек үк. Андый кеше өчен берни дә жәл түгел. Тик, гөнаһ шомлыгына каршы, бездә бернәрсә дә юк иде. Буш кул белән аерылыштык.

Фронттан хатлар язадым. Беренчедән, вақыт юк. Икенчедән, исән-имин дип язарсың да, бер сәгатътән соң якты дөнъяда булмассың. Андый хаттан ни файда да, ни мәгънә? Дезинформация генә булып чыга?..

Ә ул бу очрашу турында язган булган. Ләкин шуннан соң беренче бәрелештә үк һәлак булган, каядыр Лаубан тирәсендә жирләнде. Күп еллар узгач, инде армиядән кайткач, мин аның гаиләсе белән очраштым.

Аның арыган, тузанга баткан кыяфәтен хәтерлим, пехотачы өчен сугышта бу гадәти күренеш. Ул, бичара, май сорады! Күндәм генә, әйтерсең лә хәер теләнә!

Авырлыкларны берәз йомшартып, гаиләсенә аның турында белгәннәремне, ягъни югарыда язылганнарныгына өйләдем. Тик аның гаиләсе өчен шулкадәрлесе дә кадерле иде...

Рәхәтлек тә, яхшы әйбер дә күп булмый шул. Ял иттек тә – кузгалдык.

8 февраль иртәсендә, 50 минутлык артиллерия эзерлегеннән соң, без янә һөжүмгә күтәрелдек. Тик бу гыйнвардагы артиллерия эзерлеге түгел инде. Бик үк дәһшәтле дә булмады, нәтижәсе дә шуның хәтле генә – дошманның оборонасы начар өйрәнелгән булып чыкты. Артиллерия эзерлегеннән соң без һөжүм башладык, әлләни зыян күрмәгән дошман контрһөжүм белән җавап бирде.

Бу инде халык тыгыз утырган, таш корылмалары күп булган Германия. Таш корылмалар артында – бу операциядә беренче тапкыр танкка каршы яңа корал, ягъни фаустпатроннар кулланган рәхимсез дошман.

Без дә инде элеккеләр түгел. Яңа частылар белән тулыландырылган дошман көннән-көн көчәя бара. Кальтвассер авылы янында засадага очрап, безнең полк сизелерлек югалтулар кичерде. Бу хәтердә уелып калды. Марш-маневр вақытында ике рота бер көнгә урманда яшеренде. Караңгы төшәр алдыннан роталарда майор Наренко булып, командирларга бурычны аңлатты:

– Пехота авыл кырыенда. Ут ачып, ярдәм итүебезне сорый. Һәр көпшәдән авылга берничә тапкыр ярчыклы снарядлар белән атыгыз!

Шулай итеп, очраклы пехотачылар сүзе белән, разведка уздырмыйча, хәлне алдан өйрәнмичә, замполит командасы буенча танклар ут позициясенә чыга башладылар. Экипажлар машиналарда үз урыннарын алды, ә машиналарның командирлары, алдан барып, йөртүчеләргә юл күрсәтте.

Атарга эзер булган танклар урман кырыена чыгуга засададан танкка каршы туплардан өермәдәй ут ачтылар.

Беренче атудан ук 2-нче рота командиры капитан Немченко кисәкләргә өзгәләнде. Аның танкы яна башлады. Шавевичның һәм Раюшкинның танклары зарарлан-

ды. Туп командирыннан кала рота командиры экипажы сафтан чыгарылды, йөртүчө-механик Алексей Малычев авыр яраланды, лейтенант Раюшкин яраланды.

Зинин ротасының да югалтулары зур иде. Ул сугышчыларның фамилиялөрөн хәтерләмим, гафу үтенәм.

Әлбәттә, безнең танкларның туплары да каршылык күрсәтте, тик нәтижәсә генә әлләни сизелерлек булмады. Сукырларча аттылар. Дошман, төз атып, тигез дәрәжәдә сугышу мөмкинлегеннән мөхрүм итте. Аяныч, сугыш беркемнең дә кимчелекләрен, бигрәк тә аның законнары белән санлашмауны гафу итми...

Ремонтчылар һәм санитарлар машинасы килеп житте. Яраларны ямый башладылар. Шаевич машинасын сугыш кырыннан танк командиры үзе алып чыкты. Ротаның механик-регулирующий Виктор Виноградов соңрак үзе, аңа утырып, берничә тапкыр атакага барды. Танкның өч терәк тәгәрәткече өзәлгән иде. Ремонтчылар тәгәрәткечләрне алып килде, тик арада туктаткыч болтлар күренмәде.

Машина командиры Макаркингә:

– Автоматчылар ал да, аларны Немченко машинасынан алып кил. Кара аны, авызыңны ачып йөрмө! – диде.

Соңгысын әйтмәсә дә була иде, качышлы уйнамыйбыз бит.

Автоматчылар күбрәк булган саен ышанычлырак. Тик куркынычсызрак микән? Кеше күбрәк булса, дошман да тизрәк күреп алачак.

Шуңа күрә Макаркин:

– Берәү дә житәр, – диде.

Барлык иминлек таләпләрен үтәп, Анатолий Алексеев белән киттеләр. Танк әле һаман төтәсләп тора, ачык люктан янган ит исе килә, яхшы таныш кече лейтенант Можеговның һәм коручы сержант Блохинның гәүдәләре яна.

Теләсә кайсы йөртүчө-механик өчен инструмент шәхси коралы кебек үк кадерле. Шуңа күрә янган танк ящигыннан бик тә кирәкле көчәйткечне алганда Макаркин, күчеленнән генә Можеговтан үзбелдеклелегә өчен гафу үтенде:

– Кире урынына кайтарымын, ачуланма инде, зинһар.

Безнең «тигр»ларны кыручы машиналарыбыз шул рәвешле эшләнгән ки, янып китсә йөртүчө-механик котылып исән калуга калганнарда азрак өметләнә. «Утыз дүртенче»ләрдә йөртүчө-механик өчен аерым люк каралган, безнекеләрдә – ике кеше өчен бер люк. Танктан чыгар өчен ике шөрәпне борырга һәм утыргыч аркасын артка аударырга, корпусның маңгай өлешеннән башняга, люк янына күчәргә, шуннан соң машина командиры ко-

мачауламаса (контузия алмаса, яраланмаса, үтерелмәсә) люкка сикерергә һәм чыгарга кирәк.

Чыгып котылу өчен коручы да — әмма туп командирыннан соң — башка люк аша шундый ук хәрәкәт-гамәлләр башкарырга тиеш.

Тик шартларның тагын да катлаулырак булуы ихтималы турында сөйләп торырга кирәк микән? Чөнки снаряд броняны тишкәндә экипаж әгъзалары бик сирәк кенә исән-имин кала.

Сугыш вакытында миңа, танкка атканда анын эчендә булырга туры килмәде. Тик ишеткәнем бар: һәр ату тиюдән башняның эчке ягында очкын чыга икән. Тышкы яктан элэккән металлның авырлыгы һәм тизлегә зуррак булган саен мондый энергия заряды да көчләрәк була, шуңа да эчтәгеләр контузия алырга, хәтта яраланырга мөмкин. Ә рота командиры утырган танк башнясына очкын гына түгел, снаряд тишеп кергән...

Полк командиры килде. Иртән һәлак булганнарны жирләдек. Гади солдатларны шунда ук жир куенына салдык, ә Немченко гәүдәсен фельдмаршал Кутузов йөрәгә жирләнгән Бунслауга алып киттеләр. Вакыйганың тантаналы төсен Богуновның мәеттән мех куртканы (Англия королевасы бүләген) салдырып алу турындагы боевыгы бозды. Андый курткалар полкта нибары бишәү иде – полк командирында һәм танк роталары командирларында. Әлеге боевык Немченконы соңгы юлга озатырга килгән роталар командирларына бер дә ошамады.

Полкның күп кенә офицерлары Богуновның күптәннән, әле илебез жирләрендә сугышкан вакыттан, полкка килгән көннәннән үк чүпрәк-чапрак, вак-төяк жыючы икәннән беләләр иде. Кировоградны азат иткәннән соң, мәсәлән, ул эш белән бронетанк гаскәрләре идарәсенә жибәрелгән капитан Кицькодан Мәскәүгә, үзенең туганнарына пианино кертеп чыгуын үтенде. Кицько баш тартты. Запчастьлар алырга баручы капитан Водопьянов ризалашты. Алар машина йөртүчө Ваня Ширяев белән «ЗИС-5»гә төяп пианино гына түгел, чүп-чар тутырылган ике зур чемоданны да үзләре белән алды. 5-нче гвардия армиясенең бронетанк частьлары командиры Чупрыгиннан Богунов (бәрелешләр вакытында еш кына бергә булдылар) үзенең денщикын, ике өлкән лейтенантны – безнең полктан Макаровны һәм генерал улы Чупрыгинны командировкага жибәрергә рөхсәт алды.

– Мәскәүдән денщик, чемоданнар тотып, Куйбышевка, Богунов гаиләсе янына китте, – диде соңыннан Водопьянов.

Ә пианиноны офицерлар ачлы-туклы Мәскәүдә сатып эчкәннәр.

Польшадан башлап, Богунов трофейларны чемоданнарда жыю белән генә чикләнмичә, махсус трофей авто-

бус йөртте. Чит-ят жирдә шул максат өчен автоматчылар ротасы командириннан, үз адъютантыннан, өлкән лейтенант Поповтан һәм почтальоннан торган рәсми булмаган отряд оештырылды.

Транспортчылар булып узган бер вакыйга турында аеруча чирканып сөйләделәр. Бервакыт төнге учак янына Попов килеп утыра. Ул, таяк белән күмерләрне буташтырып, алтын балдаклы сындырылган бармаклары яндыра.

Күпләргә алтын сәгатьләр белән бәйле вакыйга да мәгълүм иде. Зинин ротасы автоматчысы Германиядә хужалары качып киткән кибертә күл сәгәте белән тулы тартма табып ала – 24 данә сәгать. Солдат сугышта андый байлыкларны сөйрәп йөрми. Үзенә берсен калдыра да, калганнарын көрәштәшләренә тарата. Бу турыда белеп алып, Богунов сәгать ияләренең һәрберсен үзенә чакыртып һәм:

– Хәзер үк бир! Сиңа сәгать тиеш түгел! – дип боера. Зининнан гына алырга батырчылык итми.

Мәетләрне жирлэгәннән соң үзләре генә калып, роталар командирлары Богуновның Сандомир плацдармы каһарманнары Ляхов һәм Луканинга карата кылган эшләрен хәтергә төшереп утыралар. Аның бернинди оялу-уңайсызланусыз подполковник дәрәжәсен үзләштерүен дә искә алалар. Башкомандующий приказында, имеш, хата киткән булган— Львовны азат итүдә батырлык күрсәткән гаскәрләр исемлегендә подполковник Богунов часте да күрсәтелә. Аңа берәү дә звание бирмәсә дә, шул ук көнне ул погоннарына тагын берәр йолдыз өсти. Котылгысыз тәнкыйткә, чыш-пышларга, тиз нокта куя:

– Башкомандующий ялгышмый! – дип белдерә.

Әйтерсең, Совинформбюро сводкаларын маршал Сталин үзе язган...

Армия штабында чираттагы званиене бирү хокукы булган затлар Богуновның бу гамәленә күз йомуны артыграк күрдә. Кем аның куркыныч яшерелгән белдерүенең дәрәжәсен шик астына куйсын? һәм узган дата белән рәсмиләштерәләр дә.

ППЖ (поход-кыр хатыны), аерым кухня тотуы, офицерларның өйләренә жиберергә ниятлэгән посылкалары урлануы турында да искә төшерделәр.

Полк өчен Богунов берничек тә командир-ата була алмады. Аның соңгы гамәле – үз полкындагы ротаның үле командирын талау — түземлекнең соңгы чиге булды. Мөрхүмнәрне искә алу рюмкасыннан кызып алган, әле һаман да Немченко белән хушлашу тәэсирен кичергән роталар командирлары соңгы чарага барырга кара кылалар. Ачыктан-ачык әйтәләр:

– Бу – мародерлык, талау, аңа үлем жәзасы бирелә!

Тик моны кем гамәлгә ашырыр? Четерекле мәсьәлә жирәбә салып хәл ителә. Жирәбә 3-нче рота командир Советлар Союзы Герое гвардия өлкән лейтенанты Андрей Зинин өлешенә чыга.

Полкта барысы унлап танк калды. Ай буге дөвам иткән бөрелеш-сугышларда кешеләр дә хәлдән тайды. Куркынычны тою сизгерлеге тупасланды.

Бу пунктның исеме ниндидер «...дорф»ка тәмамлана иде. Мин шунда саперларны алып килдем. Алар, бронепоездлар дошманга өстәмә көчләр китермәсен өчен, тимер юл рельсларын шартлатырга тиешләр иде. Саперлар үз эшләрен башкардылар.

Танкларны көткәндә безнең пехота снайперының ничек эшләвен күзәтеп тордым. Ау урыны итеп ул ташныгытмалар арасындагы 5-7 метрлык аралыкны сайлап алды. Дошман пехотасы шул аралыктан үтеп чыгарга тырыша иде. Читтән карап-күзәтеп торучыга барысы да гадәти: снайпер ата – кеше юк. Тагын бер ата – янә бер мәет. Ул минем күз алдында гына да алты кешене юк итте.

Икенче яктан, немецларның үзсүзлегеге, кирелеге, үлемнән дә курыкмыйча ниятләрен үтәргә тырышуы гаҗәпләндерә иде. Бу нәрсә, кабул ителгән карарны үтәүдәге макталган төгәллекме? Әллә фольксштурмчыларның тәҗрибәсезлегеме?

Әмма каршы яктан да начар атмыйлар. Автоматчы Ленков өч катлы йорттагы арка аша йөгереп узганда атып, аның күкрәген тиштеләр. Ул якут үзе дә тиеннең күзенә тидерә алуы белән мактанган иде. Полк командир аны үз янында гына тотарга тырышты. Менә ул хәзер, полк санитаркасын көтеп, канга батып, бронетранспортер төбендә ята. Ләкин санитаркага аннан башкаларны алып китәргә туры килде.

...Якынлашучы танклар гөрелтесе ишетелде. Аларның юлы Т-рәвешле юллар киселешкән жирдән уза. Взвод командиры Фабричный нигәдер гәүдәсен башнядан чыгарып басып тора иде. Танк борылышка җиткәндә каршы йорт чарлагыннан ут ачтылар. Фабричный шундук башня эченә авып төште. Танк туктады. Фабричныйны йорт артына минем бронетранспортер янына сөйрәп китерделәр. Автомат чираты маңгаена туры килгән, миләре танкошлемга тулган. Мөрхәмәтлелек күрсәтеп, аны бәлки атарга булган, әмма берәү дә моны эшләргә базмады. Ул шулай, вакыт-вакыт гырылдап, ята бирде.

Танк десанты булган автоматчылар йортны камап алдылар, атучыны чарлактан өстерәп төшерделәр. Танкистлар аңардан коточкыч каты үч алдылар — аңа дизель ягулыгы сиптеләр дә, ут төртеп, урам буйлап жиберделәр. Тик ул озак йөгәрә алмады – егылды. Шуннан соң бар танклар аны таптап-изеп узды.

Бу юлы нигәдер 2-нче рота командирлары гел бәлагә юлыкты. Капитан Немченко һәлак булганнан соң командир итеп «сәнгати сызгыручы» өлкән лейтенант Годуновны билгеләделәр. Елганы кичкәндә (Бобермы? Квейсмы? – онытылган) күпер ишелеп төште. Йөртүче-механик маневрларын дөрөсләп барган Годуновның кулы күпердән төшөп киткән танк чылбыры астында калды.

Танк, аңлашылганча, хәзер кузгала алмый, чылбырны тарттырмыйча кулны азат итеп булмый. Бәлага тартыган, моны яхшы аңлап, тешен кысып эшләмәстәйне таләп итте:

– Кулымны кисегез!

Уңайлы булсын өчен аякларын аерып басып, үз командирын балта белән туракларга жыенган кешенең күзләренә багар идем! Икенче яктан, бәлагә тарткан кешенең хәлен аңлап була: имгәнгән кулы белән күпер жимерекләре арасында ничек ятсын ул!

Булдыра алганча тиз генә, егыылган танкны ике танк белән тарттырып чыгардылар, кулны азат ителәр. Чираттагы формировка вакытында, жиңен каеш астына кыстырып, Годунов полкта булып китте. Аңа сугышларда лаек булган орденын тапшырдылар, үзән, бик жылы итеп, «гражданка»га озаттылар. Хәзер Годунов – икътисад фәннәре докторы, Минск халык хужалыгы институты профессоры, күп кенә фәнни хезмәтләр авторы.

Февраль уртасыннан эшләр начаррак барды. Чигринец безгә каршы ике яңа танк дивизиясе һәм бер пехота дивизиясе жиңбәрделәр дип санады. Командарм безнең «иэска»ларны, «пантера»лар басымына каршы тору өчен, әле бер участокка, әле икенче участокка куа иде – көнчыгыштан безнең частьларны бүлгән танклар чөен кимерү өчен,

Эмма көчләр элеккечә түгел иде инде. Алар көн саен кими баралар. Нойдорф тирәсендә чираттагы һөжүм вакытында тагын бер танкны югалттык. Дөрөсрәге, танк исән, тик менә снайпер атуы нәтижәсендәме, әллә «пантера» болванкасы «тилерепме» – туп көпшәсе жимерелде һәм сугышчан берәмлек сафтан чыкты.

Бу көннәрдә Чигринец бертуктаусыз фронт буйлап йөри – фронт бик нык тарайды. Мине тәмам хәлдән тайдырганнан соң ул Коротин бронетранспортерына күчеп утыра һәм бер участоктан икенчесенә куа. Дошманның өстенлекле көчләре төрле яклап кысалар, эмма Кальтвассер башка кабатланырга тиеш түгел!

Дошман ачык жирдә урнашса да, безгә сизелерлек зыян китерә. Чираттагы һөжүм вакытында танклар немецлар оборонасы сызыгына якынлашуга ике танк мишаларга элөгеп шартлады. Коручы Степанов һәм автоматчы Блохин һәлак булдылар.

...80 нче елларда полк ветераннары очрашуында бернидән дә шикләнмәгән Дмитрий Макаркин түбәндәгеләрне сөйләде:

– Ул көннәрдә туктаусыз бәрелешләрдән арыган, югалтулардан кәефе кырылган капитан Зинин үз-үзен кулга алу сәләтен бөтенләй жуйган иде. Хәтеремдә, һөжүм алдыннан полк командиры каршында ук люктан гәүдәләрен чыгарган танкистларның баш очыннан пиштолеттан ата-ата:

– Башняга керегез, анагызны! Башняга керегез! – дип сүгенде.

Фабричнийның язмышын исендә тотып, аларның башларын сакларга теләгәнме? Әллә, ихтимал, шаһитларны танкка куып керткәнме? Моңысы да, тегесе дә булырга мөмкин...

Мин подполковник Богуновның яралану вакытын һәм урынын чагыштырып карадым да шундый нәтижәгә килдем: Зинин шул конне Богуновка карата роталар командирлары чыгарган хөкем карарын гамәлгә ашырган. Ул полк командирының муенын гына яралаган, тегесе тиздән савыккан. Тик госпитальгә хәлен белергә килүчеләрдән генә, аптырап:

– Нигә миңа пуля арттан эләкте икән? Аңламадым... Нигә? – дип сораган.

Ярасы авыр булмагач, Богунов берничә көннән полкка кайтты.

Аңлашыла торган сәбәпләр аркасында 45 ел буге диярлек капитан Водопьянов бухакта берни дә әйтмәгән. Һәм, ниһаять, минем туктаусыз дөгъва-төпчөнүлөрмәннән соң Богунов ярасының сере турында миңа язып жиңбәрде.

Тик моннан соң да Богунов акылга килмәде. Мәгълүм булганча, бөкерене кабер генә төзәтә. Ул сугыш беткәнче үзе булып калды. Шул ук Водопьянов язганча, капитан Латышев алгы сызыкта мародерлык белән шөгьильләнгән, ә тылда немецларның фатирларын ачып кереп, андагы кыйммәтле әйберләргә тартып алып, Богуновка тапшыра торган булган. Тегесе дә бурычлы булып калмаган: полктагы иң оста танкистның да Латышевның күкрәген бизәгән орденнар санынча сугышчан бүләкләре булмаган. Нәтижәдә Богунов Куйбышевка бары бер автобус кына таланган байлыклар жиңбөрү белән чикләнмәгән. Шулай, кемгәдер сугыш, кемгәдер газиз ана!..

Ләкин һәрвакытта да аңа судан коры чыгарга язмаган икән. Бервакыт, совет комендатурасы жиң сызганып эшләгән территориядә, без маневр ясаганда, аның таланган байлык төялгән автобусын конфискацияләгәннәр. Янаулар да, үгетләүләр дә ярдәм итмәгән.

Моңы исәпкә алып, шулай ук серле рәвештә юкка чыккан пианиноны да хәтерәннән чыгармыйча, Богу-

нов иң кыйммәтле әйберләргә үзе белән йөрткәндер дип уйлыйм. Ихтимал, ул затлы нәрсәләр теге ике чемоданда саклангандыр. Ниһаять, аны полк белән житәкчелек итүдән читләштергәч, ул үзенең фронттагы сөяркәсе Нина белән, шул чемоданнарны кулыннан төшөрмичә, Союз чиген үтеп чыккан.

Сугыш тәмамланды, ул беркайчан да кешеләр язмышы турында борчылып азапланмады, бары— үзе табышының сакланышы турында гына кайгырты. Шулай да аңа ахыргача күз-колак була алмаган. Брестта кыска гына вакытка китеп торганда ук Нина ике кыйммәтле чемодан белән эзсез юкка чыккан. Күрәсен, үзенең «теләк-кыр» хезмәте күрсәтүен югары бәяләгәндер...

Бәрелеш кичә үк башланган иде. Шөһәрчек яна. Шуңа күрә төнлә дә урамнар яхшы күренә һәм атышлар тукталмый. Мин машинаны кыска-кыска ыргылышлар белән бер ышык жирдән икенчесенә куям. Машина командиры һәм саперлар хәзергә уңышлы гына дошманның фаустпатрончылары һәм автоматчылары белән атышалар.

Мин бронетранспортерны бер йорт артына кертәп куйдым. Шул йортның подвалыннан Божокин һәм Фидря бер әсирне сөйрәп чыгардылар. Әсирнең коты очкан, бертуктаусыз чыжылдый торган тартыклар кушып сөйләшә – чынлап та поляк булдымы, әллә поляк булып күренергә тырышамы, аңлашылып бетми. Хәзер исә славян булып күренү отышлырак! Тик бу вакытта безне милләт мәсьәләсе бик үк кызыксындырмый иде.

Егетләр аны берәз селкеп-жилпеп алдылар. Теле ачылып китте.

Юк, Польша территориясендә сигез ай буге сугышыбыз файдасыз узмаган: аның чыжылдап сөйләвеннән без хәзергә хәл өчен аеруча мөһим мәгълүмат алдык. Без аны үтермәсәк, панцермина күрсәтәм дип, вәгъдә

Крайний слева – заряжающий Дмитрий Макаркин, крайний справа – заряжающий Николай Волков. 1940-е годы.

бирде. Танкларга каршы кулланыла торган миналар турындагы мәгълүмат безнең өчен аның гомереннән күпкә мөһим иде. Шулай итеп, бронетранспортер уты ышыгында, ул, Ломакин һәм Золотарев иң тәҗрибәле минерларбелән бергә шул миналарны күрсәтергә дип китте. Бу безнең өчен әһәмиятле мәгълүмат!

Немецлар миналарны бик оста урнаштырганнар, аларны ничек итеп әйләнеп үтү беребезнең дә башына килмәс иде, шуңа күрә югалтуларга дучар булачагыбызга шик калмады. Хәзер инде эш башка! Без ут белән аларны ышыкладык, Ломакин һәм Золотарев миналардан арындыруга керештеләр.

Тиздән «иэска»лар гөрелтесе ишетелде. Тик Сережа Золотарев һаман әле соңгы мина белән мәшгуль иде. Менә алдагы танк борылыштан чыкты да, туп-туры аның өстенә китте. Менә икенче танк та борылышта тизлеген арттыра төште. Тагын берәз һәм ...

Сергей сикереп торды, танк алдында кулларын бутап бәлане булдырмаска омылды. Танк тизлеген киметте, әмма бара бирде. Ике метр, метр кала...

– Сережа, кырыйга сикер! Саклан! Кая анда кырыйга сикерү! Аның урынында, баеп, үзенең бандерачылар төбәгенә кайту турында хыялланган хәйләкәр Рибка яки формировкалар (фронт түгел!) каһарманы лейтенант Рогулин булса, алар үзләрен озаклап үгетләтеп тормаслар иде. Аларга үз гомерләре шулкадәр кадерле, алар хәвефле операцияләрдән читләшеп кала беләләр иде. Тик бу юлы монда – Золотарев бит! Бу минутта ул үзенең янаган бәла хакында түгел, сугышчан берәмлеккә янаган хәвеф-хәтер турында уйлый иде. Шул берәмлекне саклап калу өчен ул төн буге ут астында эшләде. Менә хәзер, безгә мәгълүм бердәнбер мина гына зарарсызландырылмый калганда, Сергей бары тик эше, үтәлеп бетмәгән бурычы турында гына уйлады.

Люк каршында кулларын болгый-болгый ул механик йөртүчегә нәрсәдер кычкырды. Әкрән генә артка чигенеп, учы белән хәтта алгы броняга орынды – әйтерсең лә шундый әзмәверне шул рәвешчә туктатып була. Әмма йөртүче -механик, танкны соңгы чиктә туктата алса да, нигәдер рычагларга басмады.

Әх, Сергей, юл буендагы чокырга сикерсән, бәлки танкка берни дә булмас иде: шартлау дулкыны тар юнәлеш буенча иң зур каршылык ягына бәрә. Ләкин ул шул мизгелдә бер генә нәрсәне – танкны туктатырга, аңа һәлакәтле сантиметрларны узарга комачуалык итәргә теләде! Туктата алмады. Туктату өчен барысын да эшләсә дә.

... Сергей бронетранспортер төбәндә ята һәм йоклый гынадыр кебек тоела. Тәнендә кан тамчысы да, тырналу эзе дә күренми – аның үпкәләре шартлаган. Йөзе

тыныч, аз гына монсу, танк йөртүчегә шелтә белән карый кебек: «Их син, нигә миңа колак салмадың, мине тыңламадың? Хәзер менә тәгәрәткечне һәм трактларын алмаштыр инде!»

...Ул зәңгәр күзле, егерме ике яшьлек егет булып хәтерездә калды. Саперлар ышкыланган такталардан табут ясадылар. Күз яшьләрсез генә егетне туң жир куенына салдык:

– Хуш, Сережа! Син эчкерсез һәм яхшы иптәш, фидарь солдат идең!

Жирләдек. Мәңгегә чит-ят жирдә калдырдык. Хәтерлим, өенә дә язмадык: хат кайгысы түгел иде...

Лаубан – каты чикләвек

Нәйсе буендагы зур булмаган шәһәрчек. 45 нең мартында сугышлар шәһәрлек янында һәм аның эчендә барды:

– Димәк, сугышның соңгы этабында, – дип тагаенләде бер укымышлы ханым.

Әйе, хронология, анысы шулай. Ә асылда? Мәгълүм булганча, һәр эш процессның үзеннән һәм әзерлек-тәмамлау операцияләреннән тора. Тәмамлау операциясе темасына тар-мар ителгән дошманнан территорияне чистарту, хәрби әсирләр белән алмашыну, һәлак булганнарны жирләү һәм трофей мөлкәтне жыю керә.

Теге укымышлы ханым әйткән сүзләр белән ризалашсам, минем көрәштәшләрем кабердә әйләнеп ятарлар иде...

Сугышларның рәхимсезлек һәм кан кою дәрәжәсе буенча Сталинград немецлар өчен нинди булса, безнең өчен Лаубан шундый булды... Тик колач-масштаблары гына кечерәк. Безгә исә чолганыштан чыгу насып булды. Лаубанга кадәр һәм аннан соң шулкадәр рәхимсезлек булуын хәтерләмим. Чөнки дошман хәзер үз йортын саклый, ә үз йорты янында, кем әйтмешли, һәр эт усал һәм батыр. Шигрин күн кебек, дошман территориясе кысыла, фронт озынлыгы кими барган саен һәр квадрат километрга күбрәк солдат туры килде. Дошман кулында — яңа гади, жиңел һәм бик нәтижәле корал – танкларга каршы ата торган «фаустпатрон». Башлыча кирпеч корылмалардан торган территориядә һәр пехотачы аны бик жайлы куллана, мондый шартларда безнең танкларга үз куәтләрен файдалану катлаулырак була башлады. Немецлар үз гаскәрләрендә дезертирлык һәм приказны үтәмәгән өчен халык һәм сугышчылар алдында жәза чаралары куллануны гамәлгә кертә башлады.

25-30 еллар элек мемуарлар язган полководецлар мәгълүм сәбәпләр аркасында кайбер нәрсәләр хакында дәшми кала иделәр. Сүз власовчылар турында бара. Нәкъ менә алар Лаубанда яңа каршылык факторы оештырды.

Безнең миллионнарча солдатлар һәм офицерлар немец лагерларында тотылды. Миллионнар газачикте, һәлак булдылар, әмма яллаучыларга каршы тора алды. Ләкин шулай да дистәләрсә мең кеше Власов РОАсында¹⁶ хезмәт итәргә ризалашты.

Вакыты житкәнче, хәрби-сәясәти сәбәпләрдән чыгып, аларны эшкә жикмәделәр. Безнең тылда диверсияләр оештыру өчен файдаландылар. 44-нче елда гитлерчылар немец ашын РОАга эшләп түләү вакыты житте, дигән карарга килде. Ә 45 нчедә инде барлык власовчылар сугышка кертелде. Алар үзләрен немецлар да, безнекеләр дә кызганмаячагын аңлап, афәткә дучар булганнарга хас явызлык белән сугышты, ерткычланды.

Хәзер кайбер авторлар, соңарып булса да, популяр басмалар сәхифәләрендә аларның хыянәтен акларга омтыла. Тик алар белән соңгы сулышына кадәр сугышкан Бөек Ватан сугышы ветераннары исән чакта моны беркем дә эшли алмас дип ышанабыз.

Март төне. Бронетранспортер моторы тыныч кына гөрелдәп утыра. Сәер тынлык. Ракеталар да күренми, атышлар да ишетелми. Оттердорфтан (шикелле)сузылган юл буйлап Лаубанга үтеп чыгабыз.

– Тукта, – ди Чигринец. – Тозакка эләкмик.

Тын калып, колак салабыз. Шәһәрдә дошман булуын сиздерүче билгеләр күренми. Фронт яны шәһәрчеге, һәм анда гаскәрләр юк? Алай булу мөмкин түгел!

Дәшмибез. Тыңлыйбыз. Менә тауда ялгыз мотор тавышы ишетелә башлый. Тавыш якынлаша һәм көчәя бара. Астан караганда күк фонында «Додж 3/4»¹⁷ шәүләсе аермачык күренә. Кузовында – пулемет.

Үзезнекеләр. Ниндидер күрше частының разведкасы. Туктый. Без барырга базмаган шәһәргә таба карап, берничә провокацион чират бирә. Бу безнең өчен кулай: «додж» үзен күрсәтте, ә безне әлегә сизмәделәр.

16. РОА — Рус азатлык армиясе

17. Тартучы ике күперле һәм кыска рамлы (шуңа күрә ^{3/4}) америка автомашинасы. Үтү сәләте югары, шактый куәтле, артиллерия таягачы сыйфатында файдаланылды.

Шәһәрчек дәшми. Дошман шундый арада жавап бирмәскә булдымы, әллә ул чынлап та анда юкмы? Соңгысы шикле.

Менә шуны ачыклау иде безнең максат. Тагын монысын да белергә кирәк: шунысын да ачыкларга кирәк: нинди төр гаскәрләр урнашкан һәм, мөмкин булса, көчләре никадәр? Иң мөһиме – дошман кайда урнашкан?

Жавапка ут ачмадылар, шуңа «додж» кире китеп барды. Үзләренекеләргә кайткач, алар нәрсә хәбәр итә алырлар икән?

– Алга! – дип команда бирә капитан. – Тавыш астында төвәккәләп карыйк. Булдыра алганча ку! Шәһәр кырында ут ачып каршыласалар – алга таба үт һәм беренче ышык урын очрауга кереп кач! Ә сез, – диде ул калганнарға, – гранаталарны әзерләгез!

Шәһәрчек кырыенда күзәтчә-сакчылар күренми. Анда барып керүгә машинаны таш бина артына урнаштырам. Капитан, Богданов, Фидря һәм Поздняков төнге караңгылыкка кереп югалалар. Калганнар, ни була калса шуңа әзерләнәп, тынлыкка колак салалар. Шыпырдап, радиатордагы термостат суына, ачыккан ашказанындагы кебек андагы су богырдый. Тынлык. Пышылдап кына сөйләшәбез. Вақыт, ялыктырып, әкрен уза. Егерме минут, егерме биш...

Кинәт егетләр киткән яктан бугаз ерып кычкыру, атышлар ишетелә. Аннан соң русча сөйләшәләр һәм янә тынлык урнаша. Биш-алты минуттан соң разведчиклар киткәндәге кебек үк тавыш-тынсыз кайтып житәләр. Бер, ике... дүртү. Аллага шөкер, барысы да кайткан.

– Әйдә! – дип кычкыра капитан. – Таябыз тизрәк! Танклар да, күп кенә эзләрен дә күрдәк. Андагы жәяүле сугышчылар – власовчылар!

Безгә шулар гына житмәгән иде!

Сугышта барысы да бик тиз үзгәрә! Әле кичә генә

шәһәрдә тып-тын иде, ә бүген сугыш гөрселди, йортлар яна, үйөрешле артиллерия жайланмалары һәм танклар, алар эчендә – безнең егетләр.

Безнең армия өчен кара көннәр килеп житте бугай. 7-нче танк корпусы частьларын урам сугышларына тартып керттеп, дошманның яңа танк дивизиясе безне алардан аерды. Бу хакта безгә Чигринец әйтте.

Полкта да бар да ал гөл түгел. Командир яраланды, штаб башлыгы Барышев үтерелде. Шуңа күрә Чигринец вакытлыча аның вазифаларын башкара, алдагы операциядә ул безнең белән булмаячак.

Полкка тыштан камалышны өзәргә һәм үзөбезнекеләрне коткарырга боерык бирелде. һөжүм алдыннан артиллерия әзерлеге уздырырга һәм пехота белән ныгытырга вәгъдә иттеләр.

Таң атканда ниндидер тупчык 30-40 секундлык интервал белән берничә снаряд атты – бөтен артиллерия әзерлеге шул иде. Шартлы урында броняга 15 жәяүле сугышчыны утырттык та, һөжүмгә күтәрелдек.

Юк, бармый шул. Эшләр бармый. Танклар һөжүмгә кузгалган гына иде – эре юеш кар ява башлады. Россиягә шундый кардан соң сьерчыклар килә, шуңа күрә карны шатланып каршылылар. Биредә исә, бигрәк тө хәзер бу кар безнең өчен авыр йөк булды, нык комачаулады.

Кар дошман өчен дә кар инде ул, диярләр. Бу шулай да, шулай түгел дә. Дошман безнең һөжүмнән ниятләнгән юнәлешә хакында белә һәм игътибары алдан ук шунда юнәлгән. Реаль цель пәйда булуга аңа тупны төзәп куясы гына кала, бу инде вакытны оту һәм зур өстенлеккә ирешү дигән сүз. Шул ук вакытта жил аңа арттан исә, безгә каршыга исә – монысы начар.

Танкист болай да күрә карау, ягъни күрүе чамалы, ә монда юеш кар карау ярыкларын гына түгел, тупларның төзөгечләренә дә сыланып, томалый. һөжүм барышында – күз алдына китерүдә кыен! – башняны артка борыр-

Лауба өчен көрәш.

га, ә төзәүчегә, башнядан чыгып, төзәгечне чистартырга туры килде. Ләкин шундый шартларда да лейтенант Золотарев экипажы, цельгә туп көпшәсе аша төзәп, бронетранспортерны сафтан чыгара алды, ә өлкән лейтенант Зинин экипажы, маскировкаланган «пантера»ны эзләп табып, юк итте.

Берникадәр вакыт дошманның яна торган танкы игътибарыбызны жәлеп итте. Шул яктан башка бронялы машиналар пәйда булуын көттек. Тик бу хәвәф-хәтәрле хата булып чыкты. Шуннан файдаланып капма-каршы яктагы күпкатлы йорт артыннан берьюлы өч танк кузгалды һәм безнекеләргә каршы ут ачты. Ике болванка, броняга бәрелеп, читкә очты, ә өченчәсе өлкән лейтенант Шаевич танкының маңгай бронясын тиште. Күе төтен эченнән башнядан танк һәм туп командирлары атылып чыкты. Шаевич, брезент каплап, эчтәге ялкыны басарга тырышып карады, тик кая инде ул! Ягулык яна, ут тиздән снарядларны ялмап алачак!

– Бу – үлемгә дару, – дип кычкырдылар аңа пехотачылар һәм автоматчылар. – Үзеңне коткар!

Чыннан да шулай килеп чыкты: машина командирсыз жиргә сикерүгә снарядлар ярыла башлады.

Йөртүче-механик, гвардия лейтенанты Горбаткога мәңгелек дан! Коручы, безнең якташыбыз, татарстанлы Саша (Искәндәрме, Әнвәрме, Сәгыйтьме – төгәл генә белмим) Камалов рухына Аллах оҗмах ишекләрен ачсын! Аларга яна торган танктан чыгу насып булмады. Аларның шулай кинәт, газапланмыйча дөньядан китүен уйлап, күңелне юатасы гына кала...

Оборонага бастык. Минем транспортер, курыккандай, танкларга сыена. Әлбәттә, алардан беркадәр арада торабыз. Сугышта үз урыныбызны белүдән бигрәк танкларга дигән болванканы «эләктерү»дән курку. Хәер, безнең дә дошман танкларына каршы көрәшерлек чарабыз бар – бер пар немец фаустпатроннарын үзебез белән йөртәбез. Шулай да «тигр» яисә «пантера» белән күзгә-күз очрашудан хоҗай сакласын – кабан бөжәкне сыткан кебек изеп китәчәкләр. Әйтергә дә түгел, куркыта...

Безгә берьюлы аткан «пантера»лар истә. Янып үлүчеләр дә хәтердә. «Иэска» янганда, каушаудан файдаланып, «пантера»лар позицияләрен алыштырды. Ярый, ярый, без аларга да барып житәрбез әле...

Ашарга китерделәр. Иртәнге ашмы, кичкесеме – билгесез. Бронетранспортер янына туктаган кухня тирәсенә автоматчылар, барлык сугышчылар өчен дә котелоклар тотып, экипажлар «делегатлары» ағыла башлады.

Кинәт – тревога! Котелокларын ыргытып, барысы да сугышчан постлары янына йөгәрделәр. Нәрсә анда – контрһөжүмгә кузгалдылармы? Юк икән. Шулай дияргә яраса, ялган тревога булып чыкты. Армия командующие

килгән. Золотарев танкы янында Рыбалко «виллис»ы тора. Аның янына лейтенант доклад белән ашыга, ләкин генерал кул ишарәсе белән генә рәсми докладны кире какты, кыска гына: «Вольно!» – диде. Машинадан төште, күреште.

– Нәрсә, улларым, килеп каптык берәз, шулаймы? – диде ул әлеге сүзләре белән операцияне планлаштырганда жибәргән хатасын танып. Соңрак, мәгълүм булганча, ул шул хатаны күңеленнән кичереп, тирән борчылган. Тик ул чакта солдат-офицерларның берсе дә моны аңламаган, бу сүзләргә башкачарак мәгънә биргәннәр.

– Күңелләрегезне төшермәгез, без юкка чыга торганнардан түгел! – диде генерал, күз карашын янып бетеп баручы «иэска»дан күчереп; аннан соң ихлас сорап куйды. – Нәрсә, ул ничек, ерткычланамы?

Шулчак килеп житкән рота командирсыз Зинин һәм машиналар командирсыз Рыбалконы барысы да үз урынында булуына, һәркемнең иптәшләренә ташлап калдырырга ярамавын яхшы аңлавына, барлык көчне «тигр-пантера» келәшчәсен өзүгә туплау кирәклегенә ышандырырга ашыкты.

Рыбалко үзенең 12 тапкыр зурайта торган биноклен алды, күзәттә дә аны лейтенант Золотаревка сузды!

– Ике катлы йортны күрәсәңме? Уңгарак күз сал. Бу – маскировкаланган танк. Үзегезнең ата белүегезне күрсәтегез әле!

Цельгә кадәр ара – 1500-1600 метр. «Иэска» тубы туры төзәп 2000 метрга кадәр тидерә. Цель хәзергә хәрәкәтсез. Командарм каршында йөзне кызартырга ярамый. Старшина Барбатун жентекләп-тырышып тупны төзәде һәм беренче снаряд белән үк дошман танкын яндырды. Армия командующие канәгать калды:

– Хезмәтең өчен рәхмәт белдерәм! Үз исәбегезгә языгыз. Кирәк була калса, раслармын. Ышанырлар, мөгаен ...

Командующий китеп барды. Шаевич Золотарев янына килеп, сүзсез генә аның кулын кысты, атуының уңышлы булуы белән котлады.

Менә безнең командарм нинди! Аның урынын башка берәү булса, мондый позицион рәвеш алган бәрелешләр вакытында кайдадыр блиндажда утырыр иде. Ә ул иң кайнар ноктага атылып килеп житте, безнең белән аралашты, рухландырды, тырышлыгыбызның, бар көчезнең нәтижәсе уңышлы булачагына ышаныч бирде. Ул безнең күңелләргә жылылык, ныклык өстәп китте.

Сәяси әңгәмәләр вакытында 3-нче танк армиясе «картлачлары» хатирәләреннән без Рыбалконың үз сугышчыларын авыр чакта беркайчан да ташлап калдырмавы ха-

кында белдек. 43 елда Харьков янында безнең берничә армия чолганышта кала. Башка командующийлар соңгы минутта, үзләренекеләрне ташлап калдырып, самолетка утырып качалар; икенчеләр алар уйлаганча, файдасыз һәм мәгънәсез булып тоелган каршылык күрсәтүне туктатырга боералар, ә Власов ул чакта исәп буенча икенче армияне немецлар кулына тапшыра.

Немец командованиеесе 3-нче танк армиясендә русларның бөтенләй калмавы хақында бөтен дөньяга шаулый. Әмма Рыбалко барыбер бу армияне, дөрөсрәге, аның калдыгын чолганыштан алып чыга. Хәлдән тайдырылган, кырылып бетә язган, ләкин байрагын кулыннан төшермәгән, кечерәк кенә төркем булып калган техникасыз армияне.

Харьков янындагы уңышсызлыктан ярысган Сталин 3-нче танк армиясен таратырга уйлый¹⁸. Рыбалко, армиянең хәрби советы әгъзасы генерал Мельников белән бергә Сталинның кабул итүенә ирешә.

– Армияне таратып, иптәш Сталин, без немец пропагандасына булышлык итмәбез микән? – дип, сүзен дипломатларча башлый Мельников, өстәлгә Геббельс листовкасын чыгарып салып. – Армия ул сугышларда үзен югалтмады бит.

Сталин уйга кала. Хәрби совет әгъзасы халыклар юлбашчысы күңеленә кайсы кылына кагылырга икән белә.

– Яхшы, – ди, ниһаять, Сталин аңа хас салмаклык белән. – 3-нче танк армиясен тупларбыз.

... Менә хәзерге авыр минутта да Рыбалко безнең белән сугышның барлык хәвеф-хәтерен, авырлыкларын бүлешә. Ә солдат моны бөяли белә, онытмый.

Алгарак узып әйтим: сугыштан соң Дунай буендагы Кремс шәһәре стадионында аның белән хушлашканда без еладык – бу аны яратучы улларның командир-атабыз белән хушлашуы иде...

Көннең калган өлешендә Лаубан ягына, армиянең бездән бүленгән частьлары ягына узарга омылдык. Полкның таудагы сул флангы хәрәкәтен исәпкә алмаганда, әлләни зур уңышка ирешмәдек. Разведчиклар кайтып, безгә параллель рәвештә дошманның зур колоннасы таудан Лаубанга таба бара дип, хәбәр иттеләр. Бу хакта мәгълүм булгач, лейтенант Золотарев танкы чокырдан тауга күтәрелеп, тубын атарлык итеп: кенә чыгарып, урнашты. Дошман ягыннан туп көпшәсе жирдә яткан бүрәнә рәвешендә генә күренерлек иде бугай. Танк та, хәтта башнясы да чокырда калды. Танкка тылдан яки һавадан гына зыян китереп була иде. Тылда, тау астындагы юлда,

18. Мельников С.И. *Маршал Рыбалко*. – Киев: Изд. по-литлитературы, 1980.

без торабыз, ә күк йөзе, Аллага шөкер, әлегә чиста. Шул идеаль дәрәжәдәге имин-яшерен позициядән экипаж дошман колоннасына 28 снаряд жиһәрде. Соңрак сугыш кырында сафтан чыгарылган ике танк, ике бронетранспортер, өч автомашина һәм броневеомобиль саналды. Бәлки дошманның югалтулары зуррак та булгандыр: немецлар сугыш кыры өстенә төтен пәрдәсе элөп, зарарланган техниканың бер өлешен тарттырып чыгардылар.

Куелган бурычны (шәһәргә үтеп керү) полк шул көнне үк үти алмады. Ләкин Лаубанга баручы дошманга зыян китерү – үзөбезнекеләргә ярдәм итү түгелмени? Күңелне һәм вөжданны тынычландыру өчен полктагылар шулай уйлады. Ләкин моның дошманнар камалышында соңгы көчләрен биреп сугышучылар өчен аз юаныч булуын һәркем аңлай иде.

Тиздән Лаубанга барган механикалаштырылган колонна юлыннан чиксез озын булып яңа часть – жәяүле гаскәр сузылды.

Әх, Золотарев экипажының аны кыйпылчыклы снарядлар атып кыру теләге бик зур иде! Ләкин соңгы снарядкача атылып беткән, пулеметлар гына калды. Ләкин алардан ату өчен ерак ара. Машина командиры, йөрәген кысып, сугыш кирәк-яраклары белән тулыландырылу өчен юл кырыена төшәргә боерды. Артка чигенә генә башлаганнар иде – танк чылбыры өзелде. Аны төзәтергә туры килде, аннан соң гына тау итәгенә – Федор Оспишевның сугыш кирәк-яраклары төялгән «студебеккер»ы янына төшеп життеләр. Мул итеп майланган снарядларны бушатып, аларны дизель ягулыгы белән юып башняга төягәндә караңгы төште. Пехота Лаубанга узды, аның бер өлеше, караңгылыктан файдаланып, «безнең» тауга килеп, безнең өстәге тау сыртында казып урнашты.

Төнлә, аңлашыладыр, без йокламадык. Рычаглар артында йокымсырый башлауга кинәт радиотранслятордан шаян жыр агыла, аннары диктор көр һәм шат тавыш белән сөйлә башлай: «Әй, якташлар, тыңлагыз! Нигә шулкадәр тырышасыз! Немецны кыйнарга ашкынасызмы? Ә жиңү сезгә нәрсә бирер соң? Жиңүнең татлы жимешләреннән файдаланырга исәп тотасызмы, беркатлы мужиклар? Бу – беркатлы кешенең зәңгәр хыялы...

Сез Россиянең америкалыларга никадәр бурычка батканын беләсезме?

Миллиардларча долларлар! Андый акчаларны алар жиңгә очырмыйлар...

Бу иттарткычта исән калсагыз да, калган барлык гомегез буге америкалыларга бил бөгәчәк сез...

Мужиклар, акылыгызга килегез! Коралыгызны ташлагыз! Немецлар ягына чыгыгыз! Шулай итеп кенә сез гомерлек коллыктан котылып калырсыз!»

Бу «якташларга» ничек тыңлавыбызны, күндәмлегебезне күрсәтәсе иде дә, чарабыз юк. Пулеметлардан тауга ату – бушка патроннар сарыф итү дигән сүз, чөнки алар траншеяда утыра. Безнең танклар снарядлары тиешле бурычны үтәү өчен саклый. Шул ук вакытта дошманның махсус рәвештә безнең игътибарны юлдан читкә жибәргә маташуы күренеп тора. Танк тубын алар ягына борса – алар траншеяларга кереп кача, ә башкалары, икенче яктан чыгып, шул ук сафсатарларын сөйләүне, үгетләүне дәвам итәләр.

Кыскасы, аларның көпшәләре дә, безнекеләр дә эшкә жигелмәсә дә, ул төндә керфек тә какмадык.

Таң алдыннан безгә берничә «утыз дүртенче» рәвешендә өстәмә көч килде. Алдагы көнне хәлне бәяләп, күрәсен, командарм юмартланды.

Таң атуга без, куәтләрәк төркем булып, дошман тарафыннан кулда тотылган юлны чистартырга кузгалдык. Ләкин биредә танклар төркеменен үтеп чыгу көчен файдалану мөмкин түгел иде: сулда – тау, уңда – сазлыклы уйсулык, сугышчан тәртиптә жәелеп-киңәеп булмый. Безгә бирелгән «утыз дүртенче»ләр, маневрга сәләтләрәк булганлыктан, алдан бардылар, безнең «иэска»лар – алар артыннан.

Кискен борылыштан чыгуга, засададан «пантера» атып жибәрде. Икенче снаряд тиюдән «утыз дүртенче» яна башлады. «Утыз дүртенче»нең икенчесе аны әйләнеп узарга тырышты – аңа да аттылар һәм ул беренче танк язмышына дучар булды. Юл буылып калды. Арттарак килүче «иэска» өстенә бер-бер артлы снарядлар ява башлады. Запас ягулык багыннан түбәндәрәк урыннан снаряд броня кисәген куптарып алды. Чигенеп, борылыш артына постылар.

Башка юлдан киттек. Аланга чыккач, сугышчан тәртиптә жәелдек тә, һөжүмгә күтәрелдек. Ике флангтагы урманнан фаустпатроннар белән танкларга ата башладылар. Ләкин ара ерак булганга хәтәр снарядлар танкларга кадәр барып житә алмады.

Урман артында, «уңга тайпылышлы» сугышчан тәртиптә жәелеп, «якташлар» утырган тау каршына чыктык. Аларны кырып һәм пыран-заран китереп, Лаубанга илтүче юлга хужа булган немец танклары флангы өстенә килдек. Сакланусыз ян-якларын «алырга», ягъни безгә «йөз белән» борылырга мәжбүр булып, алар хәрәкәткә килделәр һәм үз позицияләрен белдерделәр. Тупларның еракка атуыннан сәләтеннән файдаланып, безнең танклар берьюлы немец танкларына ябырылдылар һәм, ике «пантера»ны юк итеп, ниһаять, юлны чистарттылар.

Ә хәзер алга, үзәбезнекеләр янына, шәһәр үзәгенә таба!

Зинин ротасының ике танкы, елга буйлап узып, тар урамнардан киң урамга (мөгаен, үзәк урамга) керде. Шул

урамда уңга борылгач, тимер юл полотносы каршына килеп чыкты. Полотно астыннан урам уза. Күчү урыны янында юан агач ауган. Дошманны каршылау өчен идеаль урын: тоткарлык алдында ул, һичшиксез, тизлеген киметәчәк, аннан соң тоткарлыкны әйләнеп уза башлап, бортын куркыныч астына куячак – менә шунда аңа атарга кирәк.

Боларның барысы да аңлашыла. Ләкин сугыш-сугыш инде ул – лейтенант Золотарев танкы полотно астына чумды. Шәһәр урамы тигезлегенә күтәрелә генә башлаган иде – коручы үкереп жибәрде: «Артка! «Пантера!» Йөртүче-механик шунда ук аңлап алды. Әзерләнеп көткән дошманга «иэска»ның корпусы һәм башнясы арасына болванка жибәрү өчен шул мизгел дә житте. Танк чигенде, тимер юл янындагы өем артына яшеренде.

Болванка йөртүче-механикның перискобын кисеп төшерде, ягулык салынган бакның броняланган капкачын сыдырып узды. Ярар, егылып үләрлек түгел әле бу.

Рота командиры исә рациядән боера: «Алга!» Аның белән элементгә кереп, хәлне аңлаталар, күчү урынына һәм урам буйлап берничә снаряд жибәрүне сорыйлар.

Рота командиры танкыннан атканнан соң «пантера»ның двигателне кабызуы һәм чылбырлар кузгалуы тавышы ишетелде. Аның күпер астына килуен көттеләр, тик ул чигенеп, йортлар артына яшеренде.

Шуннан соң, рота командиры машинасы ышыгында, Золотарев «иэска»сы кузгалды. «Пантера» эзләре алга таба сузылды, аннары сулга борылды. Әгәр дә ул сугышка керергә теләсә, әнә теге кирха артыннан килеп чыгарга тиеш. Бер йорт яныннан уздылар, икенчесе тирәсенә барып життеләр... Танктан болванка көттеләр, ләкин, көтмәгәндә икенче йорт артыннан «иэска» өстенә фаустпатроннар ява башлады!

Әйтелгәнчә, фаустпатроннар – танкларга каршы сугышу өчен яңа корал. Әгәр мондый патрон туры почмак буенча тисә – 200 миллиметр калыңлыкка кадәрге броняны да тишә. Бәхеткә, Золотарев танкына бер генә фаустпатрон да туры почмак буенча тимәде. Сугыштан соң жиде тию урыны табылды! Шартлау дулкыны машина командирын контузияләде, куптарылган броня кисәге маңгайны ярды. Соңрак коручы Макаркин сөйләгәнчә, машинада авыр спирт исе тарала – радиаторга су кушылган спирт салынган булган. Вэзгыять турында рота командирына хәбәр итәләр дә, янә тимер юл буендагы өем артына чигенәләр. Радиаторны алыштырырга кирәклегә ачыклана.

«Иэска»ны сафтан чыгаргач, күпер артындагылар, мөгаен, жиңел сулап куйганнардыр. «Пантера»ның гөрелди башлавы һәм элеккеге отышлы позициясенә кайтуы ишетелде.

Ю-у-у-к, урам сугышлары безнең авыр хәрәкәтле танклар өчен түгел икән...

Яраланган машина командиры һәм машина белән мәшгуль экипаж безнең СУ-76-ның «иэска» кайткан якка юнәлүен башта күрми калды. Туп калканы артындагы майданчык ачык булганга күрә танкистлар СУ-76ны (үзйөрешле артиллерия жайланмасын), шаяртып, «ачык арт сан» («голозадка») дип атадылар. Менә шул СУ-76-дагыларга кул болгый, сызгыра, кычкыра башлады, искәрергә, туктатырга тырыштылар – тик моның файдасы булмады. Елмашып, яннан гына китеп бардылар. Күпер астына керүгә самоходкага ут капты. Расчеттагы кемдер шунда ук һәлак булды, кемдер яраланып, янып үлдә, сикереп чыгарга өлгергәнә фашистларга әсирлеккә эләкте. Эх, егет бәхетсезлеккә дучар булды, ярчыклар тиеп үлсә, яхшырак буласы икән...

Самоходкага ярдәм итәр өчен безнең полктан лейтенант Братенков танкы бирелгән иде. Алда янучы машинаны күрәп, Братенков туктап калды: беренчедән, ут-төтен эчендә берни дә күрәнми; икенчедән, менә менә анда да снарядлар ярыла башлаячак иде. Братенков башнядан сикереп төште: тирә-якта нәрсә булганын яхшылап карарга кирәк иде.

Комбинезонлы берәү:

– Син безнең самоходкаларга шулай ярдәм итәсеңмени? – дип кычкырды һәм Братенковның колагына китереп бирде.

Мондый мөгаләмәгә гадәтләнмәгән киң жылкәле Анатолий Братенков, озак уйлап тормый, кизәнәп, рәнжетүченең яңагына тондырды. Чандыр гәүдәле, комбинезонлы кеше Анатолий янында аягында басып кала алмады.

Мәгълүм булганча, король өчен яраннары тырыша. Тирә-яктагыларның пистолетларына үрелүләреннән лейтенант ниндидер Зур затка сугуын аңлады.

– Син, юньсез, кемгә кул күтәргәнәңне беләсеңме? – дип ысылдады рәнжетүче даирәсеннән берәү. – Бригада командиры, Советлар Союзы Герое¹⁹ гвардия полковнигы Головачевка! Хәзер без сине...

– Кирәкми, – диде, акрын гына торып басып, Головачев. – Менә нәрсә, лейтенанат: син күпер артындагы бу йортларны алырсың. Һәм бүләккә тәкъдим ителерсең. Ала алмасаң – атып үтерелерсең! Башла!

Соңгы вәгъдәнең гамәлгә ашырылачагына Братенков шикләнмәде. Герой үзенә буйсынган кешеләр алдында мыскыллануын юу өчен генә булса да моны эшләрчәк. Бу тамашаны күрәп торган экипаж да Геройның сүзләренә ышанды. Йортларның ничек безнең кулга төшүен шәрехләп тормыйм. Братенков сугыштан исән-имин чыкты – димәк, эш эшләнде.

Без шәһәргә төшкән калкулыкка ниндидер тәвәккәл очучы «кукурузник»ны төшереп утыртты. Лейтенантлар, гадәттә, сугышта самолетларга утырып, сәйран кылып йөрмиләр. Димәк, кайсыдыр югары башлык килгән.

Самолеттан тиз генә ике кеше аерылды һәм безнең якка юнәлде. Килүчеләрне ниндидер башлыклар каршылады һәм каядыр алып китте.

Ялгызы утырып калган самолетка бер-бер артлы ике мина жиберделәр. Өченчесе эләкте – самолет яна башлады.

Бу төнне дә йокысыз уздырдык. Караңгы төшүгә күпер артында тавыш көчәйткечне эшкә жиктеләр. Башта барыбыз өчен дә кадерле һәм күтәрәнке рухлы «катюша» жыры яңгырады. Шуннан соң, игътибарны жәлеп иткәч, безне әсирлеккә бирелергә өнди башладылар.

– Егетләр, ахмакланмагыз! Безнең танклар кабат сезнең тылдагы юлны кулга төшерде. Чигенер урыныгыз юк. Чыгармаячакбыз. Бирелегез! Алайса сезнең белән дә менә шундый ук хәл булачак!

Алар теге әсиргә елеккән самоходчикны нишләткәннәрдер, нинди жәза биргәннәрдер – бер Алла белә. Әмма төнге шәһәр өстендә динамик көчәйткән йөрәк өзгеч тавыштан кан катып калып, чөчләр үрә торырлык иде...

Иртәнгә яшен тизлеге белән берьюлы ике хәбәр таралды. Беренчесе, әйтергә мөмкин, күңелгә якыны – армия штабы башлыгы генерал Бахметьев каһәр суккан шәһәрне калдырырга кушылган приказ алып килгән.

19. Икенче Герой Йолдызы аңа соңрак, Лаубан өчен барган сугышта күрсәткән батырлыгы өчен, үлгәннән соң бирелде.

Китәбез... Икенчесе – радиокабахәт дәрәсән әйткән: төнлә таудан «тигр»лар төште. Ә таудагы окопларда – тагын власовчылар. Чигенү өчен юл ябык.

«Шәһәрне калдырырга!» Бу – приказ һәм ул безнең теләгебезгә туры килә. Приказы үтәргә кирәк. Чолганышта калган группировкадан «тигр»ларга безнең полк танкларының гына көчә житә. Шуңа күрә безнең өч «иэска»быз чигенүче колонна алдында бара, ә калган икесе – арьегардта – бөтен колоннаны ышыклайлар.

Шулай итеп, тау астындагы таныш юл буйлап «алга – көнбатышка, чигенгәндә – көнчыгышка». Нигәдер балалар әкиятә искә килә: «Хәзер өйгә очыгыз» – «Тау астында соры бүре безне өйгә жибәрми» («Так летите же домой»). Бүре түгел, ерткыч, күпкә куркынычрак. Төнлә жәяүләп, бронетранспортердан башка гына – ара ерак түгел һәм болай күзгә бик чалынмыйлар да – безнең разведчиклар юлдан бардылар. Шәһәрдән ике километрлап ераклыкта таш корылма артында танк күрәп алгач, юлларын дәвам итәргә базмадылар.

Анда шундый «тигряга», – дип сөйләде Богданов, әйтәрсен лә сары балчык белән сыланган. Жәяүлеләр күп түгел, бишләп кеше.

Хәзер уңдагы тауга менеп булмый, ә сулда – үзәнлектәге болынны каплаган вак куаклык, сазлык. Безнең танклар өчен маневрлар ясарлык иркенлек-киңлек юк. Тагын тар юлдан тезеләп барырга туры киләчәк дип уйлайсы да килми. Засадагы берәр немец танкы туктатыр да безнең ун танкның башына житәр.

Менә ни өчен рота командиры, тәвәккәлләп, өч танкның берсен уйсулык буйлап сул флангга жибәргән. Күрәсен, туфракның туң булуына исәп тоткандыр. Тик монда нинди салкыннар булыр икән? Туңдырса да, эрегәндер инде – март ае бит. Танк югалды. Бернинди файдасыз һәм мәгънәсез әрәм булды. Аны сазлыктан сөйрәп алырга вакыт юк, тизрәк моннан ычкынырга кирәк.

Махсус өем өстенә юлдан берәз читтәрәк, сазлык эченәрәк кертәп салынган кирпеч сарайга километр ярым чамасы калгач, «иэска»лар туктады. Командирлар киңәшә башладылар.

Алда – дошманның «иэска»лар белән бертөрле класска караган авыр танкы. «Пантера»лардагы кебек үк аның 88 миллиметрлы тубы бар, ул туп безнекеләрдән тизрәк ата, әмма куәте кимрәк. Аның, корылып, хәзер үк атарга эзер булуы, төзәгеченең безнең алдагы танк башына астына төбәлүе шиксез. Безнең беренче танкның ничек баруына карап, фашист аның хәрәкәтендәге тайпылышларны исәпкә алачак һәм ялгышмыйча тидерерлек арага жибәрәчәк. Хәер, башка чарабыз юк, иртәме-соңмы, без аның өчен кулай ераклыкка килеп житәргә

тиешбез. Броняны тишү мәжбүри түгел, чылбырны өздәргә дә житә – шул чакта колонна туктап калачак һәм аны таудан яки ике очыннан аттырырга мөмкин.

Безнең тупларның еракка ату өстенлегеннән файдаланырга булдык. Ә немец тубының тизрәк ату сәләтенә каршы берьюлы ике тупны файдалану кулай булачак. Моның өчен Братенков танкы тауга ышыкланып һөжүм итәчәк, ә Зинин танкы, цельгә ут ачканда бер-берсенә комачауламас өчен сулданрак барачак, дигән карарга киленде. Иң мөһиме – кыска тукталышларда төзәп атарга.

«Тигр», үзенең кирпеч төсендәге корпусының яртысын чыгарып, сарай артында тора. Аның стенага параллель урнаштырылган тубы, Братенков машинасына төбәп, беренче снарядын жибәрде. Бәхеткә, ул дәрәс булмаган почмак ясап тиеш, усал пошкырып, читкә очты. Әмма Зинин танкыннан атылган снаряд та «тигр»га күзгә күренерлек зыян китермәде. Шулай да, үзенең «майбах»ын кабызып, «тигр» кирпеч сарай артына керде. Хәзер ул, «иэска» сарай тигезлегенә килеп житкәч, аның сул ягына атарга әзерләнде.

Ләкин «иэска»лар сарай янына тиз генә барырга ашыкмадылар. Ара калдырып басып, ут ачтылар, сарайның ике стенасын да жиңгергә керештеләр. Берәздән жиңгерелгән стена артында «тигр» борты күренде.

Тик аңа бәхет елмаймады. Стенаның якын булуы алдан ук башнысын тиешенчә борырга мөмкинлек бирмәде, һәм Братенков артиллеристы дошманнан өлгеррәк булып чыкты – яшеренгән урыннан чыкканда «тигр»ның бензин багын ялкын чолгап алды...

Сарай артында бер генә танк булган икән.

Икенчесе, беренчесен ышыклау өчен арырак, юлның кискен борылышы артында урнашкан. Үз ишенең безнекеләр ничек юк иткәнән күрәп, ул сугышка кереп тормый, үзенең янына, тауга менеп качты.

Чигенүчеләр колоннасын уздырып, «иэска»лар танклар янаган участокны сакларга калды. Безнең ике бронетранспортер ышыгында баручы полкның штаб машинасы, алар артыннан ияргән танклар юлның азат ителгән өлешеннән үтәргә ашыкты.

Ләкин бу котылу түгел иде әле. Юл тау астыннан сузыла, урыны-урыны белән тау итәген кисеп уза, монда өстә утыручылардан безне тау саклай иде. Шуннан соң юл ачык иңкүлектә, өлгән полотно буйлап дәвам итте. Югарыдан үч төбәндәге кебек күренгән полотно утка тотылган иде.

Мин штаб полуторкасы артыннан ара калдырып, улбу була калса, ыргылып, икенче урынга кереп яшеренү мөмкинлеген сакларга тырышып бардым.

Штаб машинасы ачык урынга чыгу белән аңа югарыдан ут ачтылар. Машинада йөртүчедән башка беркем дә юк иде. Штаб офицерлары танк башняларына, башкалар бронетранспортерларга утырып барды.

Штаб машинасы ялкынланып янып калды, без аның янып бетүен көтеп тора алмый идек...

Минем ялкынга атылып барып керәсем килмәде, нишләргә соң? Ә керергә кирәк. Алга таба – нәкъ әкияттөгечә. Әкрэн генә, як-ягыңа каранып барсаң, чираттагы ату синең башыңа житәчәк. Немецлар тупларын янадан кордылар инде. Тиз барсаң бәлки исән дә калырсың, ләкин ут-төтен арасында берни күренми! Аллага тапшырдык, ул саклар әле безне...

Куып килеп, янучы машинаны узу өмете белән, күзләрне йомып диярлек зур тизлектә ялкынга кердем һәм ... бронетранспортерымны уңга болгап ыргытуны тойдым. Сәгатькә 80 километр чамасындагы тизлеккә өстәлгән авырлык-тонналар юл буендагы агачны төптән үк өзде; икенче агачны да иеп уздык, өченчесенә терәлеп туктадык. Минем пассажирларым борчак кебек коелдылар, юлның сул як кырыенда, куаклыкка сыену урыны эзләп сибелделәр. Полк артиллеристы өлкән лейтенант Рыжов, Уставта тыелуга карамастан биредә дә флот фуражкасыннан аерылмаган офицер, шул баш киemen юлда төшереп калдырып, куаклыкка атылды – баш фуражкадан кадерлерәк!

Беренче снарядлар коры шартлау тавышлары чыгарып, ярылды, соңрак таудан атулар яңгырады. Житмеш еллап вакыт узды, бу мәхшәр бүген дә күз алдымда тора.

– Егетләр, мине үтерделәр! – дип кычкырды Омелин, шешенке битле солдат, юл аркылы йөгөрүен дәвам итеп. – Минне монда калдырмагыз! Егетл-ә-әр!..

Ә бер минуттан ул чыннан да жан бирде...

Мин сугышчан машинаны харап иттем. Машинадан чыктым да, броня артына качарга да уйламыйча, чираттагы атуны көтеп, басып тордым. Андый чакларда була торган курку хисен дә, рекордлы тизлек, әкәмәт биеклек аша сикерү, күтәрәлмаслык авырлык күтәрү мөмкинлегенә бирүче энергия кабынуын да сизмәдем. Юл читендә яралыларның әрнеп кычкырулары да үземнең хәвефкә дучар булуым да – миңа барысы да барыбер иде. Мин үлдем.

Шулай да чираттагы ату булырга тиеш иде. Нигәдер сузалар. Нәрсә булды икән? Нәрсә булуын мин һавада безнең «очучы танклар» – Ил-2 штурмовиклары пәйда булгач кына аңладым. Алла безнең аһ-зарларыбызны ишеттеме, гыйбадәт-ялваруларыбыз аңа барып ирештеме, әллә маршал Конев генерал Рыбалконың үтенечен канәгатьләндердеме – бу алай ук мөһим дә түгел иде, әмма алар, мөгжизалы коткаручыларыбыз безгә күктән килделәр.

Штурмовиклар тавышы астында Коротин бронетранспортеры килеп житте. Коротин төште дә, хәлгә кереп, ихластан:

– Ничек болай булды соң? – дип сорады.

– Алгы көпчәк белән әллә полк сейфы, әллә язу машинасы өстенә менгәнмен. Ут-төтен эчендә шайтаным да күренми...

Иван трос белән машинаны тактырды да ике мотор куәте белән бронетранспортерны юлга тартып чыгардык. Яралыларны төядек тә бергә каһәр суккан урыннан киттек. Шуннан соң безнең «иэска»лар ышыгына Лаубаннан чыгарылганнар иярде...²⁰

Оттендорфта тукталуыбыз булды, мин, рычаглар артында авып, йоклап та киткәнмен. Күпме йоклаганымны хәтерләмим. Ун минуттан да артмагандыр кебек тоелса да, мине тревога буенча уятканда караңгы иде инде.

Корал тотарлык барлык кешене – сафтан чыгарылган танклар экипажларын, комендант взводы штабчыларын, хәтта ординарецларны һәм элементчеләрне – барысын да жыйдылар. Бурыч – артиллерия техникасының яңа коралын, ягъни 100 миллиметрлы тупларны сугышып кире кайтарып алу. Төнлә безнең артиллеристларның позицияләренә дошман автоматчылары үтеп кергән, туплар янындагыларның бер өлешен кырганнар, бер өлеше качкан.

Без ул артиллеристлар белән таныш идек инде. Лаубанга барганда, терәк пункт янында жиргә казып урнаштырылган туплар күреп алдык. Танклардан аларга каршы ут ачтык. Карыйбыз – бер кеше йөгәрә. Атуны туктаттык, немец бирелергә йөгәрәдер дип уйлыйбыз. Үзезбезнекеләр булып чыкты. Аты-юлы белән сүгенештек тә, татуландык. Шул чакта безне төшке аш белән сыйладылар – вакытында килеп житкәнбез.

Хәзер менә ике бронетранспортерга утырып, аларның позицияләренә юнәлдек. Тупларны кайтарып алдык. Барып житүгә тагын тревога: кайтырга һәм сазлыкка баткан танкны яндырырга, югыйсә аның экипажы трибуналга тапшырылачак. Операциягә танк экипажы һәм разведчиклар белән бергә Иван Коротин китте. Кайткач, ул бу эшнең никадәр кыенлык белән башкарылуы хакында сөйләде.

Ашыккан-кабалаңганда шулай була бит – әллә кул астында булмаган, әллә онытылган – үзләре белән бернинди шартлаткыч та алмаганнар. Сугыш комплектына ут төртү житәр, дип уйлаганнар. Төн караңгылыгында исән-имин генә танк янына барып житкәннәр, башня-

20. Бу Лаубандагы сугышлар турында эшлэнгэн телефильмнын авторы поляк Ярослав Людовски 2020 елнын маенда мина электрон почта аша булэк итеп жибәрде.

га кeргeннeр, бeрничe гильзаның дарысын ачканнар, бау кисeгeн соляркага манып алганнар да, ут тeрткeннeр. Эмма кирeк бит – ут башня буйлап люкка кaдeр кyтeрeлгeн дe сyнгeн!

Югарыда мин сугыш вакытында түгел, ә маршта булган чакта тәмәкe белән саксыз эш итү аркасында полк танкына ут кабуы һәм аның шартлавы хакында сөйләгән идем инде. Ә биредә танкка тырыша-тырыша ут төртөләр, ә ул, каһәр, янмый! Ут төртүчеләр куркынычсыз арага китеп посалар да, озакка сузылган минут бue көтөләр: бауның эчтөгe очы пыскып, хәзeр шартлар дип уйлылар. Юк, фaйдасыз. Янмый, теләсәң нишлә!

Башка чара калмагач, шул ук эшне кабатларга туры килә. Бу юлы киндер сүсеннән ишелгән бауны, бронетранспортердан алынган бензинга манып, ышанычлырак булсын өчен бензинны башня эченә дe сибөләр. Моның өчен Чиләбe танк төзүчеләре безне кичерсеннәр – шулай кирeк булды шул...

Бу якларда, бездөгегә караганда, яз иртәрәк килә.

Без Коротин белән моннан файдаланабыз. Итекләрне салып ташлыйбыз, ялангач жылкә-күкрәкләребезне ягымлы март кояшы астына куябыз. Безнең аста – жылы чирәп, чирәп астында – баронның өч катлы замогы. Баронга рәхмәт, ул өйдә юк, каядыр качып киткән. Хәзeр монда хужалар – без. Безнең кунак булуны барон яратмас иде: хужалык сараена техника кертеп куйдык, үзeбeз шунда, терлеккә дип әзeрлeнгeн саламда йоклыбыз.

Ял итү рәхәт! Инде ничәнчe көн түбәдә йокымсырап, ялкауланып, ләззәт кичерәбeз. Атышлар да, тревогалар да, аптыратып бетерүчe башлыклар да юк. Тынлык, оҗмах!

Немец листовкаларын укыйбыз. Аларны төннәрeн безнең өстән Берлиннан камалыштагы Бреслауга барып йөрүчe транспорт самолетларыннан ташлылар. Бреслау шәһәр-крепосте без Лаубанда сугышкан көннәрдә үк камалган иде, шуннан бирле бирелми, нык тора.

Ике еллап элек андый листовкаларны укыган өчен особистлар безгә жәзa бирерләр иде, хәтта иректән мөхрүм итеп. Хәзeр аларны курыкмыйча, көлешә-көлешә укыйбыз – хәзeр беркем дe игътибар итми. Һәр иртәдә листовкаларны якын-тирәдән полкка төшке аш әзeрлeргә житәрлек кaдeр жыеп алырга мөмкин. Безне, Берлин янына килеп житкән сугышчыларны, бeрничe белән дe, хәтта талантлы язылган агитация чарасы белән дe какшатып – сындырып булмый. Бездә сугышчан рух бик көчлe – Гибралтарга кaдeр барачакбыз, боерсыннар гына!

Вакыт-вакыт ашыкмый гына безгә чит-ят тормыш турында сөйләшәбeз: күрәсeң, бу барон начар яшәмәгән. Тәрәзөләр астында, ишегалды уртасында – кечкeнә бас-

сейн. Аның тирәли утыртылган куаклар инде бөреләнә. Бассейннан су агып чыга. Парк хезмәтeннән соң без бассейнда эрзац-сабын белән кулларны юабыз. Бу эрзац-сабын дигәннәре башлыча балчыктан һәм эрe бөртeклe комнан тора: менә бит, шайтаннар, юк нәрсәдән ниндидер әйбeр эшли белә. Шул бассейнда һәр иртә юынабыз. Бу рәхәтлекнең кaдeрeн бeлeр өчeн бeрничe көн юынмыйча йөрергә кирeк...

Сарай янында – токимлы сыерлар асрый торган (то-тылган) кечерәк кенә ферма. Совет кызлары замокта гына түгел, фермада да эшләгәннәр, иртәләрен баронга яңа савылган сөт китереп торганнар. Хәзeр инде, аңлашылганча, сөт безгә элөгә.

Безнең арийлар нәселeннән булмаган кызларга карата барон нинди мөнәсәбәттә булды икән? Моңысы безгә караңгы. Ләкин шунысы ачык мөгълүм: кызлар безнең офицерлар игътибарыннан мөхрүм булмады. Аларның шатлыклары йөзләрeнә чыккан: азатлык та, яз да бeрьюлы килдe.

Замокта кызлар күп түгел – биш-алты кеше. Офицерлар күп. Экипажларда һәр икенчe – офицер. Офицерларның да ял итәсe һәм яз ләззәтeн татыйсылары килә. Кемдeр рота командирларының ризалыгы белән, кемдeр үз иркенeндә, чиратлап, өч километр ераклыктагы Лигницка немкалар янына йөриләр.

Алар немкалар янында сандугач булып сайраганнардыр дип уйламыйм – телнe дe белмиләр, вакыт та исәплe. Сугыш законнары буенча, тарихның төрлe чорларында жиңүчеләр жиңелүчe як хатын-кызларының мөхәббәтeн ялварып-сорап та, яулап та тормаганнар ... Ләкин безнең офицерлар нечкә күңеллe бит: жирлe халыкның азык-төлeк кытлыгынан интегүләрeн бeлeп, шәһәргә, үзләрeнeң, кулда булган ашамлык-ризыкларын да алып баралар иде; дөресрәгe, алар гадәттә мөхәббәтләрeн, сатып ала иделәр.

Хәер, кагыйдәләрдән чыгармалар да булды.

Бездә үткeн һәм чая Мәскәү eгeтe өлкән сержант Зуйков бар иде. Полк радистларыннан берсe. Шаян зат һәм әкәмәт бeр оригинал.

Радистлар бездән аерым һәм иркенрәк яшәдeләр, казарма гадәтләрeннән дe иза чикмәдeләр. Бeрвакыт шул Зуйков, немка янына барып, түлeү хисабына аның мөхәббәт кылуга ризалыгын ала. Ләкин акча да бирми, азык-төлeк белән дe түлeми, аңа кәгазь язып бирә дe, комендант янына барырга куша. Комендант шул кәгазь буенча барысы өчeн дe түләр, дип ышандыра. Нәрсә булып бeткән, дип сорарсыз. Немка комендант янына бара бит!

Комендант кәгазьнe алып укый да, шаркылдап көлe. Анда: «Мин бу немканы Германиядән алачак репарацияләр исәбeнә файдаландым. Василий Теркин», – дип язылган була.

Болай читкә йөрүләр сер түгел иде. Офицер-сержант составындагы катнаш экипажларда бу мөмкин дә түгел: бар да уртак, барысы белән дә үзара бүлешәләр. Ләкин шәһәргә сержантларны жибәрми иделәр. Шуңадыр күрәсен, бервакыт сержантлар офицерларны кызык итәргә уйлылар.

Зинин ротасында танкларга билгеләнгән автоматчылар арасынан 17 яше тулып узган бер егетне сайлап алалар. Буге да әлләни түгел, салкын кырау суккан үсемлек кебек, тыл шулпасы да тәнәнә ит кундырмаган – жаны гына кай жирендә көн күргәндер, холай белсен. Аны, рота командиры янына барып, шәһәргә, немка янына барырга рөхсәт сорарга күндерәләр. «Ротныйның чырае гына кырыс, ул миһербанлы кеше. Үз ротасы солдатларын, бигрәк тә яшыләрне, кире бормый. Ул бит Советлар Союзы Герое, шуңа күрә барысын да булдыра, аңа барысына да юл куялар. Тик син кыю бул, Уставта кушылганча мөрәжәгать ит!» – диләр аңа.

Яш булгач егет беркатлы булганмы, әллә, кем әйтмешли, житеп бетмәгәнме – рота командиры янына киткән бит!

Алдан өйрәтеп куелганча:

– Иптәш гвардия капитаны! – дигән ул, кычкырып, – Шәһәргә барып килергә рөхсәт итегез, бик тә немка кочагында буласым килә!

Беркатлылык, гажәеп оятсызлык тәэсиреннән Зинин башта телсез калган. Ләкин тирәдәгеләрнең житди һәм ялагай чырайларын күздән кичергәч, моның шундый уен икәнән аңлап алып, елмаюлы гына:

– Ул немканы нишләтмәкче иден? Әйт, биредә барысы да үзезбезнекеләр. Йөрәк житми, әйеме? Яр-ар. Димәк, безнең чебеш үзен әтәч итеп тоя башлаган? Энергияңне кая куярга белмисеңне? – ди капитан. Аннары тавышы корыч чыңлавы төсмерен ала: – Яле, танк тирәли ун тапкыр йөгереп әйлән, марш!

– Ә сез, архарчы бөркетләр, – ди ул, көч-хәл белән шаркылдап көлүдән тыелып торган танкистларга, – бүгеннән сезнең дә шәһәрдә эзегез булмаячак! Һе, күгәрченкәйләрем, сугышып күрсәтәсез икән! Тиздән һөжүмгә кузгалачакбыз, ә сез ротага әлләни авыру ташымакчы буласызмы? Аннары госпитальләрдә аунарга уйлысызмы? Ә кем сугышыр? Пушкинмы? Моннан соң минем рөхсәттән башка шәһәргә барган һәркемгә катгый жәза биреләчәк! Булды, митинг ябыла!

Вак-төяк шуклыкларга командир күз йомса – монысы бер хэл. Рәсми рөхсәт сораулары – бөтенлэй башка...

Ватан безнең жиңүне ашықтырды. Туйганчы йокларга да өлгермәдек – Киров заводыннан яна ИС-2 комплекты килде. Тыл техника һәм корал мәсьәләсендә саранланып-кысмырланып тормады. Аның тарафыннан «Эш хәзер сездән тора» дигән киная иде бу.

Танкистлар машиналарны кечерәк елга аша төбеннән чыгу өчен эшләнгән яна жайланмаларны өйрәнделәр, аларны үзләштерделәр. Трансмиссияларне су үткәрми торган тасмалар белән тарттырып бәйләделәр, солидол сыладылар, һава үткәргеч торбалар беркетергә тырыштылар. Тик бу кустарщина күпләрдә ышаныч уятмады. Уртача танклар өчен яраклы булса да, безнекеләргә ярамады...

Роталарда сугышчан осталыкны камилләштерү белән дә күп шөгильләнделәр. Һәм менә яна приказ: «Химик әзерлеккә барырга! Көн дәвамында һәркемгә газ камерасы аша узарга!»

Шәхси корал буларак, противогаз һәркемдә дә бар иде. Тик моңарчы, Аллага шөкер, аның берәүгә дә кирәге чыкмады. Сугыш барганда комачауламасын өчен танкистлар аны сугыш комплектлары арасына тыгып куялар, автоматчылар исә противогазны башня тоткаларына элеп куялар, беренче снарядлар һәм фаустпатроннар, төшү белән, аларны теткәләп ташлый. Күңеленнән һәркем противогазны артык йөк, строй әзерлеге кебек үк кирәкмәс нәрсә дип саный иде.

Иң беренче башка килгән уй – ниһаять, эшлексез начхим эшләп ашарга ниятләде. Сугышта ул да үзенен «эшләвен» күрсәтергә тели.

Сугыш-бәрелешләрдә бер генә дә файдасы булмаган начхим лейтенант Васильев танкист офицерларның, ягъни сугышның чын хезмәтчәннәренең көлү-шаярулары өчен мишень булды. Шулай ук кулына корал алмаган штаб офицеры лейтенант Ключковның ичмасам «Сугышчан хезмәтләре өчен» медале бар. Шуңа күрә усал телләләр «Киң күкрәгендә аның ялгыз тәңкә ялтырый» («А на груди его широкой висит полтинник одинокий») дип әйтергә ярата иде. Күкрәкләре орденнар белән тулы танкистлар бу медальгә түбәнсетеп, мыскыллабрак карадылар, чөнки мондый медаль белән штаб машинисткасы Валя да бүләкләнгән иде. Үткен телләләр: аңа медаль «женски хезмәтләре өчен» («за половые потуги») бирелгән, дип шаярттылар.

Начхимның исә бу медале дә юк.

Ул, бер бүлмә табып һәм аны томалап, бөтен кешене дә газ камерасы аша узарга мәжбүр итте. 15-20 кешене кертеп, бүлмәдә противогаз кигән килеш 30 минут буе бастырып тотты.

Башыбызны берәз эшләткөч, без бу нәрсә юк-бардан

гына эшләнми, ниндидер Васильевның капризы-кирелегенә генә бәйлә түгелдер дигән фикергә килдек. Элек, чигенгәндә, күперләрне, заводларны, туннельләрне миналыйлар, шартлаталар, махсус уйлап табылган машина белән тимер юлларны жимерәләр иде. Ә хәзер, сугыш тәмамлануга барганда алардан теләсә нәрсә көтәргә була, кинәт газ кулланырга ниятләсәләр? Гади корал белән генә безне туктату да, бездән саклану да мөмкин түгеллеге аермачык ләбаса.

Элеккеге вакытлар булса, без, бәлки, Васильевның бу тәжрибәләреннән читләшер дә идек. Хәзер исә, булачак вакыйгаларны күздән кичереп, аларга житди карадык.

Бүләкләр тапшыру өчен командарм барлык частларга да килде микән, белмим. Әмма безгә ул шәхсән үзе килде. Замок тирәсендәге балчык карьерында полкны карьерга тезделәр. Бүләкләр тапшырганда командарм кулларыбызны кысты, алга таба да уңышлар теләде. Генерал-полковникның кул кысуына мин дә лаек булдым.

Бер эпизод истә калган. Хачидзегә «Батырлык өчен» медален тапшырганда Рыбалко аның күкрәгендә шундый ук ике медаль булуын күреп алды. Янындагы Богуновка шелтәле караш ташлады. Командармның күзләрендә гажәпләнү дә, берәз үпкә дә чагылып китте: «Нәрсә, бүләкләр арсеналында башка төрлеләре юкмыни?»

Һәм кабат коручыга карады. Рыбалконың шулай текәлеп каравын тегесе үзенчә аңлады, бармагы белән үз күкрәгенә төртеп һәм башлыкларны ашардай булып, көчле грузин акценты белән: «Пакришкин!» – диде.

Командарм моны атаклы очучы-истребительнең өч Алтын Йолдызына ишарә дип кабул итте һәм, Хачидзенең жилкәсеннән кагып:

– Ярый, улым, алда – Берлин, андый бүләк белән генә чикләнмәссең әле! – диде.

Богуновның бүләкләргә тәкъдим итүгә саран булуы, притчага әверелеп, телдән-телгә йөрде. Ләкин бөтен нәрсә аңа бәйле булганга кимсетелгәннәр вақыты килеп житкәнче дәшми калуны артыграк күрде. Аны яратмадылар да. Соңрак, Вельтрусуда, солдатлар һәм офицерлар күпләп метил спирты белән агулангач, Богуновның гаделсезлеге хакында ачыктан-ачык сөйли башладылар.

Минем өчен өченче формиривка, моңа хәтле булып үткән формиривкалардан аермалы буларак, озакка сүзылмады – бер айдан да азрак булды. 12 апрельгә каршы төндә без Лигниц тирәсеннән китеп, соңгы хәлиткеч һөжүм алдыннан урманда тупландык.

Алга, Рейхстагга!

Безнең өчен, ягъни рыбалкочылар өчен, бу лозунгның мәгънәсе һәм эмоциональ төсмере вақытына карап берничә тапкыр үзгәреш кичерде.

Элгәрерәк этапларда, әйттик, Курск янындагы сугышларда бу лозунг универсаль-абстракт мәгънәдә, ягъни жиңүгә өндәү буларак кулланыла иде. Висла ярлары буенда, безнең һөжүм башланыр алдыннан, ул аз тәгаенле, әмма ихтималлы мәгънәгә ия булды. Чөнки Берлинга иң якин урнашкан һәм бу лозунгны гамәлгә ашыруга юнәлтелгән 1-нче Белоруссия фронты гаскәрләренең моның өчен мөмкинлекләре зуррак иде.

1-нче Белоруссия фронты гаскәрләре Зеелов янында тоткарланган, ә 1-нче Украина фронты гаскәрләре төньякка борылганнан соң бездә, рыбалкочыларда, аны гамәлгә ашыруга реаль өмет кабынды. Лозунг инде өнди, ияртә, рухландыра иде һәм, башкача әйткәндә, сизелерлек матди көчкә әверелде.

Соңрак исә, күңелсез тәәсир калдырып, тоныклана төште. Уйлап карагыз: без Берлинның тышкы оборона сызыгын беренче булып өзеп, рейхның коры жир гаскәрләре штабы Цоссенны яуладык. Беренче булып Тельтов-каналны кичтек, урам сугышлары башладык, канкойгыч сугышлар аша үзәккә үтеп кердек. Безнең армия (69-нчы механикалаштырылган бригада һәм 91-нче танк бригадасы) Берлинның үзәк районнарына бәрәп кереп, рейхстагга илтүче төп магистральгә чыккач, Ставканың соңарып килгән чикләү сызыгын сылтау итеп, без үзәбез яулаган позицияләрне

1-нче Белоруссия фронты частъяларына бирергә мәжбүриттеләр²¹. Рыбалкочылар Ландвер-каналга (аның артында – Үзәк) чыгуга, аларны көнбатышка бордылар²².

21. Конев И.С. Сорок пятый. – М.: Воениздат, 1966. – 191, 206 б.

22. Шунда ук.

Ул вақытта Ставка маршал Жуков житәкчелегендәге 1-нче Белоруссия фронты гаскәрләренә Берлинны, шул исәптән рейхстагны алуда төп рольне билгеләде.

Берлинны алу хакында бик күп язылган. Полководецларны һәм хәрби тарихчыларны кабатлап торуның кирәге юк. Мәсьәләнең фәнни-тарихи ягы белән кызыксынучыларны аларның хезмәтләренә юнәлтәп, үз хатирәләремне бәян итүгә керешәм.

Урманда башлангыч позицияләргә урнаштык. Һөжүм башлауны көткәндә нервылар киеренкелегеннән бушану өчен – инде ничәнче тапкыр! – материал өлешнең торышын тикшерәбез; танкистлар танк чылбырларының тартылышын көйлиләр (имеш!), автоматчылар белән бергә запаска трансмиссиягә ягулык салынган 200 литрлы мичкәләр кертәләр. Элеккеге операцияләр тәжрибәсеннән беләбез – һөжүм вақытында бу артык булмый.

Артиллерия әзерлеге барышында кыска вақытлы митинг булды. Чыгыш ясаучылар нотыкларының төп асылы ул чактагы канатлы «Берлин өстенә жиңү байрагы кадыйк!» лозунгысыннан гыйбарәт иде.

Ул вақытта Берлин 1-нче Белоруссия фронты гаскәрләренең нәкъ каршында, ә без 150-200 километрлап көньяктарак идек. Безнең алда Эльбага кадәр көнбатышка узу, дошман гаскәрләрен икегә аеру һәм союзникларга Берлинга юлны ябу максаты куелды. Бу хакта митингта мәгълүм булды.

Безгә (полкташларым исемнән әйтәм, әмма имамым камил, ул чакта барлык сугышчылар да шул фикердә иде) союзникларның Берлинны алу теләге бер дә ошамалы. Кеше кулы белән ут көрәргә гадәтләнгәннәр, трам-тарарам!

Алай көчле һәм батыр булгач, ни өчен аны кырыгыңчы елда ук алмаганнар, Дюнкерк янында үз техникаларын ташлап калдырып, утрауларга тайганнар? Ни өчен АКШ Германия белән сугыш хәлендә булганда, ягъни кырык икедә, алмаганнар? Ни өчен кырык өченче елда Икенче фронт ачуны сузганнар? Ни өчен кырык дүрттә, ягъни, ниһаять, континентка аяк баскач, алмаганнар? Нигә? Безнең көч бетеп, сугышчы якларга үз шартларын тагу вақыты житкәнне көткәннәр. Ниһаять, 45 нең гыйнварында тырышып карый алалар иде – Арденнан Берлинга кадәр юл Берлин белән Висла арасыннан кыскарарак бит! Ю-у-у-к, ул вақытларда шәһәрне аласылары килмәгән, чөнки бик күп егетләренең башлары салыначак иде. Ә менә усал немец йодрыгын һәм тешен күрсәткәч, кире якка йөгәрделәр, большевикларга ялвардылар: «Ярдәм итегез!» Хәзер исә хәйләкәр томми

Һәм янкилар өлгереп житкән Жиңү жимешен өзеп алыр-га телиләр. Юк инде, яхшы әфәндедәр, сенкью! Миллионнарча һәлак булган ватандашларыбыз истәлеген мәсхәрәләүгә юл куйганчы без һәлак булуны артыграк күрәбез!

16 апрельдә хәлиткеч һөжүмгә шундый кәеф-уйлар белән күтәрелдек.

Башта барысы да укучыга инде таныш булган сценарий буенча барды: фронтның билгеләнгән участогына төбәлгән артиллерия әзерлеге; каршылык күрсәтүнен мөһим үзәкләренә бомбардировщиклар һәм штурмовиклар авиациясе явына әзерлек.

Алга таба беркадәр башкачарак булды: һөжүм башланыр алдыннан безнең штурмовиклар, фронт өстеннән очып узып, куе төтен пәрдәсе элделәр. Моңың белән дошман һөжүм итүчеләр өстенә һавадан ябырылу мөмкинлегеннән мәхрүм ителде.

Бу юлы инженерлык гаскәрләренең төгәл һәм оператив эш итүе сөнечле гажәпләндерде. Артиллерия әзерлеге башланып ике сәгать узгач, Нейссе аркылы 30 тонналы, тагын ике сәгәттән 60 тонналы понтон күпер салынды. Нәтижәдә безнең «иэска»лар да тиз арада елганың көнбатыш ярына чыктылар.

Гадәттәгечә, артиллерия утыннан соң гомумгаскәри армияләр һөжүмгә күтәрелде. Ләкин элеккечә булмады – алар Нейссе аркылында ук дошманның ярсулы каршылыгына юлыктылар. Моңа гажәпләнәсе юк – мөһим участок. Дошман ничек булса да, безне шул сызыкта туктатырга тырышты: маршал Конев язуынча, ул, резервтан алып, монда ун дивизия кертте²³. Һәр көн безгә каршы 60-70 танк хәрәкәт итте. Әмма гомумгаскәри частьларга безнең 3-нче һәм 4-нче гвардия танк армияләренең алдынгы частьлары ярдәмгә килде. Беренче көнне без оборона төп полосасының беренче сызыгын уздык. Икенче көнне тагын бер сызыгын. Ике танк армиясе дә, юлдагы терәк пунктлар белән бәрелешләргә кермәскә тырышып, алга, чираттагы сызыкка ыргылды.

Һөжүмнең икенче көндә үк безнең армия Шпрее елгасын кичте. Кичү урынын эзләп табып, «уыз дүртенче»ләр бер метрлык тирәнлектә елга төбеннән узды. Бу танкларны бүген дә мактыйлар һәм юкка гына түгел.

Безнең «иэска»лар понтон күпер аша чыкты.

Нейссе һәм Шпрее елгалары арасындагы гаскәрләр саны Курск сугышында ике яктан да катнашкан гаскәрләр санынча иде, дип яза маршал Конев истәлекләрендә²⁴.

23. Конев И.С. Сорок пятый. – 107, 108 б.

24. Шунда ук.

Шуңа күрә Шпреега житәрәк гаять көчле сугышлар-бәрелешләр булды. Бик күп жимерелгән, яндырылган, һаман да төтәсләп торган дошман техникасы һәм безнең техника моңа шаһит. Без сугышлар белән узган урыннарда урманнар яна иде...

Тиз генә елганы кичкән «уыз дүртенче»ләр дошманга аргы ярда ныгып урнашырга ирек бирмәде. Алга таба, ике флангта да күпсанлы дошман гаскәрләре булуга карамастан безнең танкистлар, командование ихтыярын һәм боерыгын үтәп, тирә-якка карап та тормый, Эльба тарафына ашкынды.

Һөжүмнең өченче көндә безне төньякка – Берлинга таба бордылар!

Хәзер безнең таран угы Гольсен, Барут һәм Тельтов аша турыдан-туры фашистлар Германиясенең йөрәгенә юнәлтелгән. Һөжүм, көчләр төкәнгәнче, көндәз дә, төнлә дә туктамый. Юлда каршылык үзәкләрен сытып-изеп, сугышлар белән Берлинга таба тәүлегенә 30-35 километр узабыз.

Һөжүмнең беренче көннәре турында гомуми сүзләр белән язам, чөнки әлегә полкжитди сугышларга кермичә генә хәрәкәт итте. Өченче көнне, алдынгы частьлар терәк пунктларны (каршылык үзәкләрен дип укы) урап узып, Шпрее аркылында алга ыргылганда, полкка шәһәрне (Калау дип хәтерлим) немец гаскәрләреннән чистартырга боердылар.

Шәһәр кырыенда ук фаустпатрончылар безнең танклар алдында баручы «уыз дүртенче»не яндырдылар. Автоматчылар йортлар артына кереп киттеләр дә, бер яшүсмер белән бетәшкән картны сөйрәп чыгардылар. Башкаларга сабак булсын дип, капитан Зинин аларны юл буендагы агачка асарга боерды.

Бу хакта язу жиңел түгел, моны күрү укшыта, эшләү чиркандыра. Ләкин мин шаян-күнелле опереттаны искә алырга җыенмадым, шуңа күрә икъярар итәргә тиешмен: приказ үтәлде. Җирәндергеч, әмма берникадәр дәрәжәдә профилактик күренеш: чит эшкә тыгылма! Сугыш – бала-чага уены түгел...

Тиздән автоматчылар тагын берничә кешене тотып китерделәр. Болары хәрби формадан, ләкин лаякыл исерек, телләре көчкә әйләнә. Аларны этап буенча тылга озаттылар.

Автоматчылар турында берничә җылы сүз әйтәргә кирәктер. Начар күрүче танкистларга, әгәр аларның үз десантчылары булмаса, никадәр авырга туры килер иде! Автоматчылар барысын да күрәләр, күргән нәрсәләре турында шундук әйтәләр, фаустчылардан саклыйлар! Менә Петр Баландин йөгереп килеп житә:

– Алда – маскировкаланган танк, – ди, аның кайда булуын да күрсәтә.

Подполковник Богунов туп командирын сугышчан посттан төшерә дә, аның урынына утыра һәм яшеренгән «пантера»ны шәхсән үзе атып яндыра. Шәп килеп чыга бит! Беренчедән, командир үз абруен күтәрә; икенчедән, юк ителгән танк өчен бүлөк кесәдә дияргә була...

Башка частьлар белән бергәләп эш итү нәтижәсендә Калау бер көн эчендә немец гаскәрләреннән чистартылды.

Һөжүмнең бишенче көнөндә булса кирәк, 6 нчы танк корпусы частьлары белән бергә Барут шәһәрен алдык, бик тә ныгытылган Цоссенга, асылда Берлинның тышкы оборона сызыгына килеп життек. Цоссен – Берлин алды, анда рейхның коры жир гаскәрләре штабы, аларның мие үзәге, шул мөһим объектка тиешле ныгытмалар да урнаштырылган. Оборона киңлеге 15 километрга житә. Моннан башка, Чигринец әйтүе буенча, немецлар бу сызыкны саклау өчен үзләрендәге барлык мөмкинлекләренә – комплектланган танк һәм пехота дивизияләрен, уку-өйрәтү танк батальонын, эшчеләр һәм төзелеш полкларын файдаланганнар. Боларга өстәп, төрле өемнәр, киртәләр корылган, кырлар миналанган. Бу урыннарда каналлар, сазлыктар булуы да танкистларга авырлыклар тудырды. Фронт командованиесе, килеп туган хәлне яхшы аңлап, ярдәмгә Лучинский житәкчелегендәге Балтыйк буен азат итүне төгәлләгән 28-нче армияне жибәрде.

Уртак көч һәм тырышлык белән бу оборонаны да өзде, ясалма һәм табигый тоткарлыктар аша узып, Цоссен янына үтеп чыктык. Барыбыз да сизерлек югалтулар кичердек. Үзем белгән кешеләрдән Берлин бусагаларында һәлак булган полк штабы башлыгы ярдәмчәсе майор Барышевны күрсәтеп китәм.

...Мин машинаман аерылмадым. Елгырегетләребез Поздняков, Божокин, Фидря коры жир гаскәрләре Генераль штабы бинасының жир астындагы катларында булып, күтәрә алган кадәр конъяк, шоколад, ит консервлары, консервланган голланд сырлары алып чыкты.

Халык азык-төлек кытлыгыннан жәфаланганда рейхның Генераль штабы генераллары һәм офицерлары балда-майда йөзгәннәр!

Берлин янында Малов исемендәге торақ пункты бар икән. Бу минем өчен ачыш иде. Тирә-ягымдагыларга аны бабам нигезләмәгән, үзем дә бу яктарда беренче тапкыр булуны аңлатырга ашыктым. Анда нәрсәләр булуын һәм булачагын бер Алла белә, җавап бирергә туры килмәсен! Ю-у-у-к, егетләр, бу миңа кагылмый, якты жир йөзөндә Маловлар азыми?

Киң күңеллек күрсәтеп, мине гафу ителәр.

Маловны читләтеп узып, Берлинның божра юлына чыктык. Полк көнчыгышта һәм төньяк-көнчыгышта

оборонага урнашты. Максат – фашист гаскәрләрен Франкфурт-Губен казаныннан чыгармау һәм аларны үзләренекеләр янына Берлинга да, көнбатышта союзниклар янына да үткәртмәү.

Без союзникларны Зинин ротасының Кенигс – Вустерхаузен радиомачталары арасында урнашкан позицияләреннән торып күзәттек. Биредә андый мачталар күп иде.

Моңарчы миңа һавада берьюлы шулкадәр очкычлар күрергә туры килмәгән иде. Баш өстеннән шактый зур биеклектә 500әр (!) Америка авыр бомбардировщиклары очып узды. Утызлап километрга сузылган, әлеге коточкыч көтү, түбәнәйми генә, Берлин өстендә бомба люкларын ачып, координатлар буенча үлем йөгә коя. Бурыч үтөлә! Бер сәгатътән Берлин кварталларының – оборона бункерлары, заводлары, торақлары, хастаханәләре, госпитальләре тузаны, сөрәме һәм көле безгә кадәр килеп житә.

– Сугышалар, имеш! – диләр бу күренешне күзәткән танкистлар. – Бу сугыш түгел, бу – үтереш, кыру! Анда ниһәтле хатын-кыз, балалар һәлак булачак!

Безнең очучылар билгеләнгән урын өстенә килеп житкәч, гомерләрен куркыныч астына куеп, түбәнәяләр һәм бомбаларны объектларга төбәп кенә ташлылар – без шуңа күнеккән. Бомбалар тиешле төгәлектә төшәрме – монысы башка мәсьәлә. Ә болар, карап-аерып тормыйча, күрәләтә барысын да кырлар – үзләренә җайлыгына булсын.

Соңгы чиктә, бик кирәк чакта, без үзезбездә ерткычланабыз, тик союзниклар кебек, белә торып, алдан ниятләп кыру-юк итү – мондый нәрсә безнең уставларда һәм өйрәтмәләрдә каралмаган.

Танк армияләре оператив киңлеккә, иркенлеккә чыгып, фронтның төп көчләреннән 35-40 километрлап ара-

га аерылганда аларның тылы күпмедер вакытка ялангач кала. Тылда тар-мар ителгән частьларның калдыклары, таркатылган төркөмнәр, еш кына контрһөжүмнәргә күтәрелүче һәм үзләренекеләр янына чыгарга омтыла торган тулы частьлар һәм берләшмәләр булуы ихтимал. Фараз гына түгел, чынбарлыкта да шулай булгалады. Танк частьлары артыннан алар, янә безнекеләр – икенче эшелон булып баручылар яки Көнчыгыш фронт частьлары килә. Шул рәвешле катлам артыннан катлам кабатлана, күп катламлы хәрәкәт хасил була.

Шик юк, командующийлар, мондый хәл турында беләләр, ләкин мәгълүмат беркадәр соңара, чөнки торган урыныннан куптарылган дошман терекөмеш кебек хәрәкәтчән. Безгә, гади сугышчыларга моңа төшенү бик кыен, шуңа күрә көтелмәгән һәм сәер хәлләр, вакыйгалар еш була иде.

Менә полк Кенигс Вустерхаузеннан берәз төньяк-көнбатыштарак шоссе юллары киселешенә чыкты. Өлкән лейтенант Шаевич ротасы Берлин-Бреслау автострадасы буендагы урманда позициягә урнашты. Әле танкларны маскировкаларга өлгермәгәннәр иде – урманнан зур тизлектә жиңел машина килеп чыкты һәм чак кына бер автоматчыны таптамыйча автострада буйлап китте! Беркадәр вакыттан соң борылып, кирегә автострададан узды юлдан тошөп, кире урманга керде, авыл юлы буйлап китте. Маскировкалау белән мәшгуль булган танкистлар бу хәлгә аптырап калдылар. Ату түгел, кычкырырга да өлгермәделәр.

Караңгы төшә башлаудан файдаланып, машина өченче тапкыр ычкынырга маташканда, номер барып чыкмады. Куп кулланылган маневрлар гадәттә начар төгәлләнә. Мотор тавышын ишетеп, безнекеләр әзерләнделәр һәм башсыз кыюлык ияләрен туктату өчен автоматтан ут ачу да җитә калды.

Машина туктады. Бер кеше исән калган икән, ул, «Хальт!» дип кычкыруларга да игътибар итмичә, урманга таба йөгәрә башлады. Хәер, ерак китә алмады, аны башка экипаж автоматчылары туктатты. Машинада өч немец офицеры мәете табылды.

– Син нигә безне уңайсыз хәлгә куйдың, – диде Маркин Чегәнгә. – Нигә чит кешегә өрмәдең?

Чегән – экипаж Лигниц янында формировака торганда кулга өйрәтелгән эт. Сизгер жанвар. Ул часовойларга яхшы булышчы иде. Төннәрен бер генә чит-ят кеше дә танкка якин килә алмый – шундук тревога куптара. Этнең бу гажәеп саклау сыйфатларын күрөп, чит әйберләргә мөкибән китүче Богунов аны үзенә алды. Озаклап аңлатып тормады, «Сезгә тиеш түгел!» – диде. Озак вакытлар үз танкында бәйдә йөртте, күрәсен, яхшы ашаткандыр – шөхси кухнясы бар иде бит. Ләкин

нигәдер эт командирны үз итмәде, беренче жай чыгуга ук үз экипажына кайтты. Богунов аңа башка дөгъва белдермәде. Көчле атышлар вакытында чегән «үзенә» танкын беркайчан да ташлап качмый иде, тик хәзер менә оятка калды. Нишлисең, андый хәлләрдә этләр генә түгел, кешеләр дә ялгыша...

Шул ук позициядә, юл кырыенда, башка экипаж автоматчысы Николай Драный таптана. Аның янына жиңел машина килеп туктый. Руль артында – өлкән лейтенант, янында генерал, артта капитан утыра.

– Солдат, әйт әле, немецлар кайда? – дип сорый генерал.

Чиста күңелле, әле цивилизация тарафыннан бозылып бетмәгән Сахалин егете, генералны сәләмләп:

– Әнә, юл өеме артында. Монда – без, каршы якта – алар, – дип җавап бирә.

Утырып килүчеләр бер сүз дә дәшми, машина алга, аквидук астына юнәлә. Тиздән тагын бер жиңел машина күренә. Ул да туктый. Хәзер инде автоматчыдан түгел, шундагы офицерларның берсеннән сорыйлар:

– Биредән генерал утырган машина узмадымы?

– Әйе, узды, – ди офицер. – Алар ике километрлап китеп, алдагы борылышта борылдылар.

Бу машина артыннан моңарчы өем артында посып торган «пантера» кузгалгач кына ирекле регулировщиклар власовчылар утырган ике машинаны фронт сызыгы аша чыгаруларын аңлап алалар!

Чын генерал булдымы (Власов гаскәрләрендә аңардан башка тагын генераллар булдымы икән?), әллә ялган генералмы – әмма безнең егетләргә алар бик оста алдаганнар.

Аңга килеп, машина ягына ут ачалар, тик бу файдасыз була инде. Гажәпләнерлек түгел – автобанда берничә секунд эчендә тизлекне йөз километрдан да

арттырырга мөмкин. Өстәвенә машинаны аның артынан кузгалган танк саклый, бронясы белән. Ә танкка ата алмадылар, чөнки юл буенда торган безнең танкларга күпер терәкләре комачаулады.

Шул ук Николай Драный белән автоматчы Михаил Носачук тиздән өч власовчыны әсирлеккә алдылар. Каршыларына полк командирының техника буенча урын-басары подполковник Эленгаупт очрый.

– Бу адәм актыкларын кая алып барасыз? Алар кемгә кирәк? – дип сорый ул, һәм, пистолетын чыгарып, уйлап-нитеп тә тормый, берсен атып үтерә. – Ә болары сезгә, һәрберегезгә берәр!

Егетләр Лаубанда власовчыларның әсирлеккә элэккән самоходка сугышчысын ничек итеп жезалауларын, аның жан өшеткеч тавышын радиодан тапшыруларын исләренә төшерәләр һәм, соңрак үзләре әйтүенчә, әлләни вөждан газабы кичермичә генә власовчылар белән эшне бетерәләр.

Бүгөн, абстракт гуманизм позицияләреннән чыгып, аларны хөкем итәргә кирәкми, дип уйлыйм.

Безнең танклар тарафыннан көндез үк кулга төшерелгән автостада, ничек кенә сәер булмасын, төнлә дә бушап тормады. Немец гаскәрләре белән идарә итү акый башладымы, әллә аларга везгыять турында житәрлек мәгълүмат бирмәделәрме, өметсезлеккә бирелгән кыю немец сугышчылары качарга теләделәрме – автобан буйлап төн бие гаскәрләр хәрәкәт итте. Башта велосипедларга утырган ниндидер часть белән очраштык. Аны кичтән үк кырып салдык һәм туздырып ташладык. Соңрак атлы колонна күренде. Аның язмышы да шулай төгәлләнде. Төн уртасында часовойлар, күзәтүчесез ваемсыз баручы колоннага ут ачып, ротаны кабат аякка бастырдылар.

Ут астында калган колоннадан бу юлы «Нихт шис-

сен!» (Атмаска!) дип кычкырдылар.

Беркадәр немецча белгән Шаевич аларга бирелергә боерды. Колоннада мыгырданып-сөйләшеп алдылар, мөгаен, киңәшләштеләр һәм бирелергә риза булдылар.

– Коралларыгызны ташлагыз, егерме адым артка атлагыз! – дип боерды Шаевич.

Автостададан асфальтка корал ташлаган тавышлар ишетелде. Кул гранаталары алып, автоматчылар һәм экипажның кайбер әгъзалары белән Шаевич колонна янына килде. Шулчак, сафны бозып, немецлар безнекеләрнең кечкенә бер төркемен уратып ала башладылар.

– Артка, стройга басарга! – дип кычкырды рота командиры.

Законны үтәргә күнектерелгән немецлар приказга буйсынды. Алар үзләре үк әсирлеккә бирелергә теләүләрен әйттеләр. Коралларын жыеп, хәрәкәт маршрутын күрсәтеп, танкистлар аларны конвойсыз гына безнең тылга жибәрделәр.

Күп мажаралардан соң да автостадагы хәрәкәт таңга хәтле туктамады.

Юлүткәргеч күперендә безнекеләр юк иде. Әйтелгәнчә, өем артында немецлар казып урнашты. Шуңадырмы иртүк тулы автобус күпердән Берлинга үтәргә тырышты. Автобуста хәрбиләр түгел, гади халык булуын танкистлар белми иде. Ярчыклы снаряд «Бюссинг»ны күпер уртасында куып житте. Ыңгырашулардан, хатын-кызларның ачы тавышларынан, елашуларынан гади халыкка ату ачыкланды. Хәзер инде автоматчылар, күпергә күтәрелеп, яралыларга булыша башлады. Авыр яралыларны күпер астына алып төштеләр. Шаевич әлеге хәл турында югарыга хәбәр итте, санитарка жибөрүләрен сорады. Башкаларның яраларын танктагы аптечкалардагы, индивидуаль пакетларда-

Рейхстаг. 1945 год.

гы дэвалау материаллары белән бәйләп, аларны иректә жибәрделәр. Полктагы мотоцикл йөртүче Карташевның үзе ошаткан, жиңелчә генә яраланган хатын-кызны өйгә, тылга алып китүен хәтерлим...

Бу гвардия капитаны Чигринец белән бергә булган соңгы чыгыш иде.

Берлин янында ук каршыбызга килүче 1-нче Белоруссия фронты гаскәрләре частьлары белән янәшә нокталарны капшарга-барларга тиеш идек. Хәзергә исә безнең полкка немецларның чолганышта калган Франкфурт-Губен группировкасына каршы оборонага урнашу бурычы куелды.

Барлык куркынычсызлык чараларын күреп, Брузендорф янына килдек, аның урамнарына кердек. Һөнәри гадәтем буенча юлны күздән кичергәндә мин резина чылбырларның кара эзләренә игътибар иттем. Бронетранспортер! Аның асфальтта ярылып яткан, тапталмаган эзләре машинаның моннан яңарак кына китүе турында сөйли иде. Ярымпышылдап, нишләргә икәнлегә хакында сөйләшә башладык.

Кинәт хатын-кыз тавышы ишетелде:

– Иптәшләр! Кадерле иптәшләр! Чыгарыгыз безне моннан!

Шунда ук – кычкыру, елашу, ишеккә сугу. Тавышлар агач ишекләренә йозак эленгән кирпеч сарайдан килә.

Егетләр йозакны бәреп төшерделәр, сарайдан безнең кызлар атылып килеп чыкты. Матур кызлар, күп! Шатлык-куанычларыннан алар безгә рәхмәт әйтә, безне коча-үбә башладылар.

Кызларның берсе миңа йон гимнастерка китереп тотырды. Иске үрнәктәге якалы диагональ гимнастерка – күренеп тора, кайсыдыр командир өстеннән салдырып алынган. Командирның язмышы нинди булган, гимнастерка ничек итеп кызлар кулына килеп эләккән, аны ни өчен кыйммәтле һәм кадерле истәлек итеп саклаганнар, ни өчен гимнастерканы нәкъ менә миңа бүлөк иттеләр – ул чакта боларны ачыкларга вакыт юк иде. Алай да сугыштан соңгы авыр елларда шул кызлар ядкәре итеп мин аны киеп йөрдәм, соңрак Казан финанс-икътисад институтының сугышчан дан музеена тапшырдым.

Күрәсең, артыгын ишетмәсеннәр, күрмәсеннәр һәм белмәсеннәр өчен кызларны сарайга бикләгәннәр. Ләкин элек безнең территориядә кылган гамәлләрен кабатларга – кызларны үтерергә жөрәт итмәгәннәр. Күрмәсәләр дә, кызлар күпне ишеткәннәр. Кайсы юнәлештә танклар гөрелтесен ишетүләрен күрсәттеләр. Бу мәгълүмат хәзер барысыннан да мөһим иде.

Хәрби бурычымны башкарганда мин сирәк жәяү йөрдәм. Тик хәзер, кызлар игътибарын жәлеп иткәч, машинадан чыктым да, разведчиклар артыннан үлән-

куаклары яшелләп башлаган чокырга юнәлдәм. Урмандагы иң якин танк болай да яхшы күренә иде. Ләкин Чигринец бинокльдән күзәтүен дәвам итте һәм... каршы яктагы снайперның корбаны булды. Пуля аның касыгына эләкте, капитанның аяклары йөрми башлады. Сидоров белән аны машинага алып кердек. Ярасын бәйләдек. Аны штабка илтергә кирәк иде, ләкин шунда көтелмәгән хәл булды.

– Әһә, сез шулаймы! Күрербез! – Фидря идәннән фаустпатрон алды һәм аны, сәнәк кебек итеп иңбашына салып, ашыкмыйча гына урман кырыеннан туп-туры немец танкы янына юнәлде.

– Борыл, тиле, үтерәләр бит! – дип кычкырдылар.

Капитанда бу минутларда аның кайгысы юк иде, ә Фидря Чигринецтан башка беркемне дә ишетергә теләмәде. Безне һаман күзәтеп торган кызлар белән очрашу аңа мондый кыюлык бирдеме, әллә хәзер дә бронетранспортерда булган коньякмы (хәтерләсәгез, аны Цоссен подвалларыннан алып чыккан иделәр), ул танкка таба атлый бирде:

– Әй, төкерәм мин аңа! Ни булса булыр!

Чигринец ыңгыраша, берничә тапкыр аңын югалта. Аңына килгәч, тизрәк санчастька алып китәргә куша...

Кемдер якындагы йортка кереп түшәк алып чыга, аны капитан астына куя. Тик бу акылсыз Фидря белән нишләргә!

Сугышта яраланган иптәшеңне ташлап калдырудан да зуррак гөнаһ юк. Шулай да әлегә Фидря исән иде һәм бу беркадәр вөжданыбызны тынычландырды. Тиздән берничә сугышчы белән безнең янга килеп җиткән пехота лейтенантына егет турында кайгыртырга кушып, капитанны үзезбезнекеләр янына алып киттек.

Беренче карашка гына зур күләмдәге гаскәрләр даими хәрәкәт иткәндә чит территориядә калдырылган кеше эзсез югала кебек тоела. Штабларда частьларның урнашкан жирләре, номерлары билгеле, теләгәндә һәм бик тырышканда кичәгә күршеләренә дә эзләп табып була. Без дә эзләп таптык һәм алар менә нәрсәләр турында сөйләделәр.

Кызылармияченең үз-үзен сәер тотуына гажәпләнәп, немецлар озак кына берни эшләми торганнар. Фидря иңбашыннан фаустпатронны алып, төзәгеч кысасын урнаштыра башлагач, күрәсең, шул ук снайпер аны беренче атудан ук егып салган. Тик ул яраланып кына калган. Пехотачылар аны алып чыгып, медсанбатка озатканнар. Шундый «каһарманлык» тәфсилләп аңлатуга мохтаж түгелдер.

Санитарлар машинасы яралыларны госпитальгә алып киткән һәм аның кайчан кайтачагын бер Алла гына белә. Ләкин Чигринец полкта күренекле шәхес иде.

Штаб башлыгы ярдәмчесен мәгълүм булмаган вакытка тиешле медицина ярдәме күрсәтмичә калдыруга берничек тә юл куярга ярамый.

– Үзегез алып барыгыз, тизрәк булыр, – диде штаб башлыгы. Маршрутны, армия медсанбаты адресын кулга тоттырды. Ул чакта медсанбат Барутта урнашканлыгын хәтерлим.

Ашыкканда штаб башлыгына немец танкларын кайда күрүебез турында әйтергә онытканбыз; Чигринец исә аңын югалткан иде.

Штаб башлыгы да нәрсәгәдер бик борчылган иде, бронетранспортерда утырган кешеләргә күрсәтмә бирергә онытты. Тегеләре исә үзләре сорамады. Шулай итеп, без шул ук составта (Фидрядан башка) көтмәгәндә дистәләрчә километрдагы тылга кайтып киттек.

Башта яралы капитанны мөмкин кадәр тизрәк алып барып җиткерү турында гына уйлаган идек. Барып җитеп, медсанбат урнашкан йорт ишегалдында никадәр ыңгырашып, газaplанып ятучылар җыелганын күргәч, капитанга мөмкин кадәр тизрәк ярдәм күрсәтсеннәр иде, дип уйладык.

Мәскәүле Поздняковның елгырлыгы ярдәм итте. Иван капчыгына ике шешә коньяк, консервлар, шоколад салды да, йортка кереп китте, әмма тиздән санитарны ияртеп, носилкалар күтәреп, кайтып та җитте. Капитанга хәзер үк операция ясап чаклар диде, һәм без Чигринец белән чын күңелдән хушлаштык. Мәңгегә хушлашканбыз икән...

Җитмешенче һәм хәтта сиксәнненче елларда, полкташлар очрашулары гадәткә кергәч, без аны эзләдек, тик эзләүнең нәтижәсе булмады. Әгәр дә ул армия хезмәтендә калган булса, генерал дәрәжәсенә ирешер иде. Ләкин генераллар арасында да, гомумән армиядә дә фамилиясе табылмады.

Кыскасы, аның эзен югалттык. Без барыбыз да бу күңелен беркайчан да төшерми торган, эшлекле офицерны бик ярата идек.

Өстебездән әлегә йөкне төшергәч, үзебезне тулысынча иреккә итеп хис иттек һәм, кем әйтмешли, берәз йоклап алырга, ял итәргә ниәтләдек. Бу фикерне яралыны озатышкан санинструктор Пылев әйтте. Без аның белән килештек.

Асылда, частьтан безне монда җибәргәндә беркем дә кайчан кайтып җитәргә тиешлегебезне әйтмәде. Поздняков елгырлык һәм инициатива күрсәтмәсә, яралыларны кабул итү тәртибенә буйсынып, көтеп утырсак, госпитальдә никадәр вакытка тоткарланыр идек икән, билгесез, Штабтагыларның вакытны үз белдегебез белән сарыф итүебез турындагы шелтәләре нигезсез булыр иде.

Кайтыр юлыбызда никадәр торак пунктлары! Аларда

әлегә комендатуралар оештырылмаган, фронтовикларга куркасы да, борчыласы да юк. Ә нигә очрактан файдаланып калмаска?

Бу мәсьәләдә Пылевның беркадәр тәҗрибәсе булуы сизелә.

Кызыгу шундый көчле иде, без беренче торак пунктта ук туктадык.

Фронт яны полосасында электр энергиясе булмаганлы, кич җитү белән бөтен тирә-як караңгылыкка күмелә. Кафелар, ресторанныр, башка кәеф-сафа кору урыннары эшләми. Димәк, безне дулкынландырган мәсьәләне күмәкләп хәл итү кирәклегә юкка чыга. Кайчандыр рейхның Генераль штабы офицерларына дип әзерләнгән нигъмәтләр белән тамак ялгагач, кайберәүләребез өй борынча китте. Ләкин бар җирдә дә бик, берәү дә ишек шакуга җавап бирми, ишек ачмый. Бер Пылев кына борынын салындармады: җаен табарбыз!

Тынып калган поселокта ишек кагу, нәрсәдер таләп иткән тавышлар – бу инде талау, юлбасарлык! Ни өчен мин монда?! Кемгә иярдем?!

Мин сигнал бирдем. Барысы да йөгереп килеп җитте: нәрсә булды?

Әлегә берни дә булмады. Бронетранспортер – санитарлар машинасы түгел, сугыш машинасы! Капитан булмагач, машина өчен мин җавап бирәм. Өйгә, ягъни полкка, алгы сызыкка кайтырга вакыт. Моның белән килешмәсәләр дә, кызлар эзләүне таләп итәргә дә базмадылар...

Безнең армиянең күп кенә частьлары ул чакта инде Берлинда урам сугышлары алып бара иде, ә безнең полк, башка частьлар белән бергә, чолганыштан чыгу омтылышына каршы тора. Соңрак ачыкланганча, чолганышта калучылар 120 мең кешедән дә ким булмаган икән. Аларның басымы коточкыч көчле, ачу-ярсулы иде. Ул көнне САУ-154 сугышчылары һәм безнең «иэска»лар үз участокларында берничә немец танкын сафтан чыгарганнар. Уң флангта торган бронетранспортерчылар, дүртле пулеметлардан ут яудырып, йөзләрчә гитлерчыны юк иткәннәр.

Әмма бездә дә югалтулар күп булды. Җиде бронетранспортерның өчесе яндырылды. Хәер, Шаевич ротасы танклары сафта калды. Танк башнясына эләккән снаряд эре калибрлы зенит пулеметын куптарып алды. Рота командирының башы яраланды. Танк белән лейтенант Семенов җитәкчелек итә башлады. Ләкин озакка түгел: танк тубынан чыгарылган снарядның зур кыйпылчыгы, тәҗрибәле десантчы ыргыткан пычак сыман, аның бугазын кисте. Коручы Макаркинның җилкәсеннән плоскогубцы белән ярчыкны тартып алып, ярага йод салдылар.

Семеновка ярдәм кирәкми иде инде. Шавевичны сан-частька озаттылар, нушын жуйган Макаркин танкта калды. Полкта башка югалтулар да булды.

Берлинны безнең белән очрашуга яхшылап әзерләгәннәр. Урамнар киселешендә тимер-бетон калфаклар урнаштырылган; торак йортларның тәрәзәләре кирпич белән томаланган, махсус бункерлар һәм хәтта йортлар түбәләренә пулеметлар һәм кечкенә туплар куелган – барысы да безнең гаскәрләр һөжүмен кире кагу өчен каршылык үзәкләренә әверелдерелгән.

Эйтик, безнең гаскәрләрнең тыелгысыз һөжүменнән һәм Геббельс пропагандасыннан курыккан шәһәр халкы әлеге корылмаларны соңгы атналарда гына бик ашыгып төзөгән, ди.

Ә жиде катлы йорт биеклегендәге, стеналарының калынлыгы урыны белән 3,5 метрга житкән тимер-бетон бункерларны исә тревога белән генә куптарып, янгын вакытындагы кебек бер айда гына түгел, өч айда да төзеп өлгертү мөмкин эш түгел... Димәк, бу төзелешләр күпкә алдан планлаштырылган һәм алдан әзерләнеп куелган. Әйе, рәсми пропаганда бар куәтенә, руслар беркайчан да Берлинда булмаслар дип тәкарарласа да, күп кенә йортлар стеналарына, хәтта соңгы көннәрдә дә «Берлин бляйбт дойч!» (Берлин немец шәһәре булып кала) дип язылган. Юк инде, «бляйбт дойч» түгел, монда без инде...

Шәһәрдәге һәр йорт оборонаның терәк пунктына, крепостька әйләнгән. Фаустпатроннарның куәте күпләргә мәгълүм һәм, дәрәсән әйткәндә, алар урам сугышларында нәтижәле кулланылды. Һәр солдат почмактан, подвал тәрәзәсеннән, жир асты корылмаларыннан (метродан), канализация коеларыннан торып атып, нинди генә бронялы булса да, теләсә кайсы танкны яндыра ала иде. Шуңа күрә урам сугышлары

алып бару өчен пехотачылардан, үзйөрешле артиллерия жайланмаларыннан, минометчылардан торган штурмлау төркемнәре оештырылды. Бик кирәк булганда ярдәмгә легендар «катуша»лар чакырылды. Андый төркемнәргә десантчылары белән бергә безнең танклар да кертелде.

Хәзер инде танк роталарының бергәләп саклаган яки яулаган позицияләре, участоклары юк иде. Һәр танк, экипажы белән, штурм төркеменә бирелде, башка төркемнәргә ике танк тапшырылды. Бронетранспортер да шундый төркемнәрнең берсенә кертелде һәм башка төркемнәргә жәлеп ителмәде. Шуңа күрә миномет Берлинда полкны күзәтүләрем бер штурм төркеме хәрәкәтләренә генә кагылды. Урам сугышларына полк соңгы көннәрдә генә кушылып киткәнгә күрә андый төркемнәр күпсанлы түгел иде. Берлинга көньяктан кереп, полк урам сугышларына Шмаргендорф тирәсендә кереште кебек хәтерлим.

Ул көннәрдәге вакыйгалардан нәрсәләр истә калган?

Менә мин бронетранспортерны өченче рейхның кайсыдыр ведомствосына караган жир асты гаражына кертәм. Шунда ук затлы «мерседес-бенц»лар, «опель»ләр, броняланган «хорьх»лар тора. Эре калибрлы пулеметларның берсен генә булса да ату секторы белән тәэмин итәрлек итеп, машинаны гараждан чыгу юлына урнаштырам. Тарайтылган люкярыгыннан урамның бер өлеше, кул гранаталары, фаустпатроннар һәм снарядлар шартлавы күренә. Бомбага тотмыйлар. Авиация хәзер безгә ярдәм итә алмый – үзәбезнекеләргә зыян китерү куркынычы зур, чөнки ике якның да позицияләре бик хәрәкәтчән. Без дә бер көн эчендә инде икенче позицияне билибез.

Каршы яктан йорт подвалыннан фаустниклар ата. Шунда ике снаряд жибәргәч, безнең «иэска» үзенең

позициясен үзгәртә. Снарядлар артыннан подвалга ярдәмче пехотаның кул гранаталары оча – пехота йорт янына килергә өлгерә. Иртәдән үк урамнар чатында безнең штурм төркеменә бирелгән СУ-85 төтәсләп утыра – аңа фаустпатрон элэккән, хәзер тәгәрәткечләренең резина бандажлары янып бетеп килә. Аның артына сыенып, безнең автоматчылар йөгереп уза. Аларны ышыклау өчен берничә чират бирәбез дә, шулай ук чираттагы яшерен урынга юнәлбез.

Шулай, йорт артыннан – йорт, кат артыннан – кат. Эмма барыбер – алга!

Шәһәрне саклап калу мөмкин булмаслыгы ачык булса да, немецлар ярсып каршылык күрсәтәләр, Берлинны би­рү турында уйламыйлыр да. Шундый каты бәрелеш­сугышларда бер, ике, өч көн уза...

1 Майга каршы төн. Чагыштырмача тынлыкта кинәт шәһәр өстендәге күкне тулысынча куге кызыл төстәге яктылык каплый. Аптырап, башларыбызны артка кiereп, күккә карыйбыз: нәрсә бу? Фюрер кулланырга вәгъдә иткән хикмәтле коралмы әллә? Нәрсә икәннен сорашып белешкәннән соң сүгенәбез, төкеренәбез. Бу бит эз калдырып очучы пуляларның һәм зениткаларыбыз снарядларының яктысы! Нинди көч-гайрәт! Шундый зур шәһәр өстен бу хәтле дәрәжәдә яктырту өчен биредә ничә көпшә эшкә жигелде икән?

Барлык яктыртучы пунктирлар камалыштагы Берлин үзәгеннән күтәрелгән ниндидер ялгыз самолетка таба сузыла. Әллә ахыр чиктә фюрер качарга маташа микән? Фашист самолеты, пунктирлар һәм шартлаулардан хасил булган утлар өермәсеннән имин чыгып, күрерлек арадан күздән югала. Тик без һаман гажәпләнәбез, самолетның шундый ут өермәсеннән котылуы да, утның тыгызлыгы да шаккатыра. Башка мондый уй да килә: гаскәрләр зенит чаралары белән генә

дә шул дәрәжәдә бай иллюминация тудырырга сәләтле икән, шәһәрнең үзәк районнарында яшеренгән фашист ерткычы чыгып ычкына алмаячак!

.. 2 май таңы. Тынлык. Полк разведкасы башлыгы пәйда була. Шатлыктан йөзе балкый:

– Берлин бирелде! Рейхстагны карарга барабыз! – ди ул.

Мондый приказга буйсынмау кыен! Барабыз. Хәрабәләр, бары тик хәрабәләр. Бер генә йорт та сакланмаган тулы бер кварталлар. Бу безнең гаскәрләр эше генә түгелдер, мөгаен, безнең гаскәрләрдән бигрәк союзниклар авиациясе эше нәтижәседер. Ерактан гына булса да аларның ничек эшләвен без күзәткән идек инде. Менә хәзер нәтижәләрен күрәбез. Бу җимерекләрдән арыну өчен немецларга ничә дистә ел кирәк булыр икән?

Хәтердә мизгел эчендә булып узган бер күренеш уелып калган: безнең кинохроника операторы бүген кичәге вакыйганы төшерә. Аның командасы буенча йорт подвалыннан, кулларын күтәреп, немец автоматчылары һәм фаустпатрончылары чыга. Тик ул кадрларның тарихи хрониканың алтын фондына керүе бик тә икеле – бирелүчеләрнең авызлары колакларына җиткән, алар беркатлы хроникер-фальсификаторның мәгънәсез эшеннән көлөләр...

Менә үзәк. Канал артында, мөйдан аркылы, нәкъ ми­нем каршында – рейхстаг диварлары һәм янган гөмбәзе ныгытмалары. Шпрееның бетонланган ярларыннан уңдарак шыксыз бина диварлары күтәрелә, аның подваллары тирәсендә ыгы-зыгы. Безнекеләр һәм коралсызландырылган немец солдатлары да подваллардан галет, консервалар, шоколад, коньяк күтәреп чыгалар – күрәсен, элеккеге рейхның берәр бай ведомствосына караган азык-төлек складлары кайчандыр шунда урнашкан булгандыр. Богданов, Божокин һәм машина командирлары Федотов та әлеге ведомствога юнәләр. Ан­дыйны алар тиз абайлый.

Мөйданда безнең солдатлар бик күп. Алар арасында яралары бәйләнгән немец сугышчылары да йөрәп тора; шешә муенын таш култыксага бәрәп ваталар да, шундук эчәләр, беркая да ашыкмыйлар. Аларга беркем дә тими, комендант приказы белән корал ташлаган башкала гарнизоны кебек үк аларның инде сугышлары төгәлләнгән...

Пулеметлар янында Иван Ломакинны калдырам да, күпергә кереп, елга аша, аннары мөйдан аша чыгам.

Рейхстаг диварлары инде россиялеләр язучулары белән чуарланып беткән. Мин дә аның янына киләм. Имза куям. Дөресрәге, имзаламыйм, мәктәп укучысы кебек, тырыша-тырыша, фамилиямне язам – укыгыз һәм безнекеләрне белеп торыгыз! Бүгенге төшенчәләр белән

уйласак, малай-шалай гына идем бит эле.

Эгэр дэ житди һәм гадел фикер йөртсәк, миллионнарча башка фронтовикларның рейхстагга имза куярга хаклары миңа караганда күбрәк. Безнең полкта да андыйлар аз түгел иде.

Шуларның берсе – гвардия старшинасы Дмитрий Абрамов. Үз эшенең тиңдәшсез остасы, тыйнак, намуслы кеше. Бөтен сугышны беренче көнөнән соңгы көнөнә кадәр танк йөртүче-механигы буларак узган. Алдау, хәйләне белми, сугыш дәвамында фронттан формировакалар һәм тулыландырулар вакытында гына аерылып торган. Заводка танк алырга жибәрелгәч, аның урынында башка берәү булса, булдыклы солдат Швейктан да уздырып, аның данын танытып, айлар буе бер пункттан икенчесенә күчеп йөрү жаен табар иде.

Шундый хәл булды. Тәкъдирдә язылгандырмы, Львов жирендә безнең полк дошманны көнбатышка Абрамов 41 дө көнчыгышка чигенгән урыннан куа иде. Марш вакытында ул командасыз-нисез танкны бер чокыр янында туктата да, куаклыкка таба атлый; башта йомышларга бара икән дип уйлыйлар. Ләкин башнядан башын чыгарган командир бөтенләй башка хәл күрә. Абрамов, туганы кабере янындагы кебек, башыннан танк шлемын салып, сүзсез генә 41-нче елда сафтан чыгарылган БТ-7 янына басып тора, тутыккан броня читләрен сыйпый һәм, шаһитлардан да тартынмыйча, күптәнге танышын күргәндәй, танк белән сөйләшә: «Ярый, туганкай, ярый! Синең өчен без үч алдык. Исән-имин булсаң, тулысыңча исәп-хисапны өзәрбез!»

Шуннан соң озакламый Сандомир плацдармындагы сугышлар өчен Дмитрий Абрамов Сугышчан Кызыл Байрак ордены белән бүләкләнде – ул әйткән сүзен жилгә очырырга яратмый иде.

Гвардия старшинасы Дмитрий Абрамов Берлинны

алганда да исән иде эле. Аны штурмлауда катнашты, автограф куюга мең тапкыр хокуклы иде. Ләкин ... сугышта гаделлек эзләүнең мантыйгы юк! Безнең өчен бар явызлыкны үз эченә алган зур бина подъездына мин, фронтовикларның иң яш буыны вәкиле, имзамны куйдым. Бу буынга сугышның чирек өлеше туры килде.

...Мин машинага әйләнеп кайтканда аның эче спиртли эчемлекләр, трофей азык-төлек белән тулган иде. Барысын да күпләп ташыганнар, шайтаннар. Яңа штаб башлыгы ярдәмчесе белән дуслашырга өлгермәгән идек эле, шуңа күрә ул Берлинның алынуын безнең белән бәйрәм итмәс, ахыры. Барысын ук булмаса да, нигъмәтләрнең күбесен, һичшиксез, штабка алып китәр. Шулай да, мая туплый белгән һәм алдан күрүчән Божокин берничә ящик шампан шөрабын һәм коньякны якындагы йортка, ниндидер чех хатыны янына илттеп куярга өлгергән. Ул хатынны каян тапкандыр. Хәер моннысы инде мәгънәсез сорау, Божокин бит ул! Яңа башлыклар рөхсәте белән табышны шул хатын янында мин кайтканчы саклап утырган.

Кыскасы, без хәзер чын мәгънәсендә тарихи вакыйгага лаек булган табын кордык. Һич оялмыйча әйтәм: 1945 елның 2 маенда мин, гомеремдә беренче мәртәбә, үз-үземне белмәслек дәрәжәдә исердем.

Славян туганнарга булышык

1-нче Украина фронты гаскәрләре уң флангта аларга Ватан йөкләгән бурычны намус белән үтәп чыктылар.

Эльбада союзниклар белән очрашканнан соң анда сугыш тәмамланды.

Сул флангта, Чехословакиядә, аларга генерал-фельдмаршал Шернер командалыгында гомуми исәбе 1 миллион кешедән арткан тулы канлы 50 дивизия каршы торды. Бу дивизияләр Кызыл Армия алдында капитуляция ясарга жыенмадылар.

Үз позицияләрен 1-нче Белоруссия фронты гаскәрләренә биреп, Рыбалко армиясе частлары Эльба буенда Риза шәһәре районында тупланды. Шуннан алар коньякка һөжүмгә күчәргә тиеш иде.

Ләкин вакыйгалар ашыктырды: 5 майда прагалылар немец басып алучыларына каршы баш күтәрделәр, Прага гарнизонын коралсызландырып, шәһәрнең мөһим стратегик пунктларын кулга төшерделәр. Ләкин тиз арада немецлар килде һәм баш күтәрүчеләрне кысрыклай башлады. Чехия милли Советы, ярдәм сорап, Кызыл Армиягә һәм союзникларга мөрәжәгать итте. Шуңа күрә 1-нче Украина фронты гаскәрләре Эльбаның көнбатыш ярыннан билгеләнгән вакыттан элегрәк һөжүмгә күчте һәм баш күтәрүчеләргә ярдәмгә ашыкты. Алдынгы частларга Дрезден һәм башка терәк пунктлар өчен су-

гышка кермәскә, ашыгыч рәвештә көньякка хәрәкәт итәргә боерык бирелде.

Йокысыз һәм ялсыз алга барабыз. Алга! Тизрәк алга! Минем өчен инде көн дә, төн дә юк. Тамак ялгау, ягулык салу һәм – хәрәкәт. Колонна туктаса – мин йоклыйм. Башыма төртсәләр – мин кузгалам. Алда 50 метрлык буш юл булса – туктамыйча гына черем итәм. Берлиннан соңгы биш тәүлектә мин рәттән ике сәгать тә йокламадым.

Кеше йокламыйча никадәр түзә ала? Сезнең үзүзегезгә шундый сорау биргәннең бармы? Мәгаен, бу критерийлар һәркем өчен аерым буладыр. Мин, мәсәлән, өч тәүлектән соң берни дә аңламый башлыйм.

Хәлдән тайдырган бу ыргылыш турында хәтердә бары тик өзек-өзек вакыйгалар гына сакланган. Әле Судет тауларына житкәнче үк капитан Зинин ротасының бер танкы сазлыклы жирдә сафтан чыгарылган иде. Минем саперлар тау итәген дә жиимерекләрдән арындырдылар, аерым участокларны миналардан чистарттылар. Һөжүм барышында бер тәүлек эчендә полк кайсыдыр концлагерьдан хәрби әсирләрне азат итте. Аз гына хәтерлим: минем янга килеп рәхмәт әйттеләр, йөземә карап, таныш булу-булмавымны ачыкладылар. Әмма бу мизгелдә тормышта мине бары йокы гына кызыксындыруны күрәп, хәлгә кереп, нигәдер гаепле кыяфәт белән башкалар янына китеп бардылар.

Бер урында елганы тар юллы тимер юл күпере аша кичтек – автомобиль күпере шартлатылган иде. Исән калган өлеше дә, танклар авырлыгына түзә алырлык булмаганга, шунда ук күкрәп утырган йөзьяшәр наратлар белән ныгыттылар. Гвардиячеләргә анда яхшы ук тир түгәргә туры килде!

«Иэска»лар елганы кичкәндә яңа бүрәнәләр өстеннән чыктылар, күпмедер араны тимер юлдан бардылар, текә яр астыннан борылган тар юлга чыктылар. Бу урын табигий һәм тактика яктан да куркынычлы ачык жирдә иде. Борчылу нигезсез булмаган.

Рудный үткелендә юлыбызны шартлатылган туннель өзде.

Разведчиклар таң атканчы әйләнгеч юлны таба алмадылар. Тауларда, ылыс исе аңкыган һавада тин туйганчы йокладым, шуңа күрә алга таба ниләр булганын яхшы хәтерлим.

Колонна койрыгыннан юл буйлап хәбәр таралды: «Сугыш бетте!»

Аеруча уяу командирлар:

– Юк-бар имеш-мимешләрне туктатырга! – дип кычкырдылар.

Ләкин жиңү хәбәре дулкын булып безгә кабат-кабат килеп иреште. Аны кычкырып та, янап та туктатып булмый иде. Кемнәрдер хәбәрнең дәрәс булу-булмавына ачыклык кертү өчен артка, штаб машинасы янына йөгәрдә. Шатланып, канатланып кайттылар: Берлинда берсүзсез капитуляция турындагы актка кул куелган!

Шуннан соң тамаша башланды! Өстебезгә Судет таулары ишелмәсә генә ярар иде! Барысы да ата иде. Барлык төр көпшәләрдән. Минем Иван броня тишкеч-яндыргычлы бер тартманы атып бетерде. Башнясын упкын ягына борып, алда торган танк тагын берне гөрселдәтте. 122 миллиметрлы көпшәдән ыргылган тормоз газы бронетранспортерның карау пыяласын бәрәп чыгарды. Тәмам шаштылар.

Тик кызып китеп, алданырга иртә иде әле. Берлин капитуляцияләде. Ә шартлатылган үткел артында безне дөһшәтле көч белән очрашу көтә: миллионлы төркем – уен эш түгел!

Таң аткач, шундый нәрсә күрдек: сулда – таулар, уңда – упкын. Борылып урын юк.

Сугышчан тәртиптә тезеләп булмый. Бу тозакта полкның сугышу куәте шулчаклы гына. Нишләргә? Тауларда туннельне чистартканны көтеп утырыргамы? Бу эшкә әлләничә көн китчәк. Ә аста, кул сузымы арада, безне канга батырылган Прага көтә!

Юл бер генә кала: аста боргаланып яткан юлга, туннельне читләтеп, турыдан, текә ярдан бару. Безгә, йөртүче-механикларга, теләсә кем түгел, полк командирының техника буенча урынбасары гвардия подполковнигы Эленгаупт үзе шулай диде.

Без төшәсе урынны мин дә карарга бардым. Котым очты. Кыш көне моннан төшәргә тәҗрибәле тау чаңгычысы да жөрһәт итмәс! Юк, моны акылдан язучы дисәң дә була! Безнең зирәк һәм сак зампотех чыннан да шушы юлны сайлады микән? Полк командиры белән танкларны саклау өчен куркусыз көрәшкән (сугышта түгел, маршта, әлбәттә) шул ук Эленгаупт? Бөрвакыт үзенең кул астындагылар күз алдында ул хәтта Богунов белән сугышты. Богунов, зампотехка каршы килеп, уйлап-нитеп тормыйча, танкистларга күрәләтә черек күпердән чыгарга боерган иде.

Тик карар кабул ителгән иде инде. Куркыныч һәм хәвәф-хәтәрле тәҗрибә өчен зампотех полкның иң яхшы йөртүче-механигы Дмитрий Абрамовны сайлап алды. Дима шушы урыннан төшү мөмкинлеген исбатларга тиеш иде.

Башня тубын артка каратып борганнан соң, машина әйләнеп каплана калса, йөртүче-механиктан башкалар зыян күрмәсен өчен, экипаж танктан чыгарылды.

– Йә, Ходай, фатихаңны бир! – диде Абрамов. Шая-

рып кына чуқынды да, мәжбүри елмаеп, башняга чумды. Барлык ачыгавызлар зур кызыксыну белән алда нәрсә булачагын күзәтте. Без танкның әйләнәп капланып, сыртына салынган ташбака хәләндә калачагына шикләнми идек.

Мотор үкерде – танк, туп көпшәсен ялтыратып, текә ярдан түбәнгә очты һәм йөзьяшәр наратка барып бәрелде. Нарат бер мизгелгә танк авырлығына түзде, әмма тотып кала алмады. Шартлап, дөбер-шатыр килеп, очы белән башка баһадир агачларның ботакларын бөктә, теләмичә генә авыр әзмәверне кәүсәсе буйлап төшерергә ризалашкандай, ботаклары белән тоткарлау мөмкинлегә калдырмыйча, әкрән генә ауды. Зур авырлығы белән басып-кысып кына калмый, киң чылбырларын да хәрәкәتكә китергәнгә юлына туры килгән агачлар аны туктата алмады. Шулай итеп, наратлар ярдәме белән, танк юлның түбәндәге борылмасына төшөп житте дә, туктады. 32 тешен күрсәтеп елмаеп, башняда сальтомортале башкарган Дима күренде.

Юк, безнең Эленгаупт акылдан язмаган! Ул барысын да төгәл исәпләгән, шайтан! Абрамов үрнәге буенча, житди бәлагә тарымыйча, башка танклар да төшөп житте. «Студебеккер» чыгыры ярдәме белән Коротин һәм минем бронетранспортерларыбыз да аска төшөп утырды.

Армиянең үзәнлеккә башка юлдан кергән алдынгы частьлары монда жиң сызганып эшләгәннәр. Прагага илтүче юл буйлап яндырылган, әле төтәсләп торган техника таралган. Аяныч, анда дошман техникасы гына түгел, безнеке дә бар. Дошман ташлап калдырган олаулар, азык-төлек, сугыш кирәк-яраклары, хәрби мөлкәт төялгән зур машиналардан торган автоколонналар, автоцистерналар. Барысы да исән-имин, төзек, тик сугышчылар гына юк – кешеләр таралышып-качып беткәннәр.

Прагага килеп житкәндә, саперлар катып калган бер колоннада кабинада руль артында йоклаучы йөрүчүне күреп алдылар. Иван Ломакин аны төртеп уятты да, галәмәт зур автоцистерна (танк полкында ягулык беркайчан да артык мал булмый!) кабинасына күчәреп утыртып, безнең колоннага кушылырга боерды. Баш күтәргән прагалыларны бастырырга ашкынган немец шәһәргә әсир сыйфатында, азат итүчеләр колоннасы составында килеп керде.

Алтын Праганың чите. Куанычлары эчләренә сыймаган Прага кешеләре, дәррәү килеп: «Наздар, руде армия, наздар!» дип кычкыралар. Безне, Берлиннан бирле юырмаган сугышчыларны кочаклыйлар, үбәләр! Чөчәкләр бирәләр, чүлмәкләргә салып, су китерәләр, юындыралар, балалар белән кайнашкан кебек, каяндыр табылган сөлгеләр белән битләребезне сөртәләр, сыра белән сый-

лылар. Кыскасы, һәркем булдыра алганча безгә үзенең ихлас мөнәсәбәтен, мәхәббәтен сиздерергә, алай гына да түгел, күрсәтергә тырышты.

Шулай, дуслар, коткарылган халыкның күңеленнән ташып чыккан рәхмәте, бәхете, мәхәббәте нурларында гомер эчендә бер мәртәбә булса да коену өчен үткелдә техник ны һәм гомерне хәвәф чигенә куеп, төвәккәлләргә кирәк булган! Прагалыларның бу конне курсәткән ихлас рәхмәтен тою хисе бүген дә жанымны жылыта, иманым камил, соңгы көннәремә кадәр бу хис мине ташламас.

Бәйрәм итүче халыкның рәхмәт хатлары ябыштырылган машиналарыбыз өстендә байрак жылфердәтеп, полк тантаналы рәвештә башкала үзегенә юнәлдә. Аннан юлыбыз көнчыгыш аэродромга таба дәвам итте. Аэродромда безне берничә көнгә калдырдылар.

Прагадан көнбатыштарак генерал-фельдмаршал Шернерның әле корал ташламаган гаскәрләре белән сугышлар дәвам итте. Полк разведкасының яңа башлыгы, андагы хәл белән кызыксынып, Иван Коротин бронетранспортерында, шунда юнәлдә.

Минем өчен Бөек Ватан сугышы 9 майда тәмамланды.

Бу көн күренекле вакыйгаларга бай булды. Төшке аштан соң аэродромга америкалы хәрбине утырткан ике урынлы авиетка килеп төште. Ул хәрби дә баш күтәргән прагалыларга ярдәм итәргә приказ бирелгән ниндидер часть полковнигы икән. Америкалы соңга калды. Ләкин аның кәефе күтәренке иде.

Безнең танклар белән кызыксынды. Корпусны сыйпап карады, туп көпшәсенә шапылдатып суккалап алды, башняга кереп чыкты, тел шартлатты һәм башын чайкады. Аларда, америкалыларда, андый хикмәтле машина юк иде! Без союзниклардан берни дә яшерергә жыенмадык – рәхим итеп, карагыз, сокланыгыз, тиешенчә бәяләгез. Сугыш инде булган эш, безгә корал башка кирәк булмагач, һичьюгы америкалы союзникларыбызга – шулкадәр дустанә һәм ачык күңелле егетләргә каршы куллану өчен кирәк булмагач. Һәрберебез, бигрәк тә сугыштан соңгы беренче көннәрдә, шулай уйлады...

Икенче көнне полк Прагага президент Бенеш килү хөрмәтенә аэродромда почетлы каравылга тезелде.

Үзләрен тәртипкә китерергә өлгергән танкистлар сафлары алдыннан президент һәм аны озатып йөрүче затлар узды. Алар тузып-искереп беткән гимнастеркалар кигән һәм алдагы ярты гасырга Европа тарихын билгеләгән егетләргә кызыксынып күздән кичерде. Без дә затлы костюмнары кигән, таныш булмаган әлегә затларга, без азат иткән илнең булачак идарәчеләренә, кызыксынып карадык.

Без үз сүзебезне әйттек. Хәзер чират – аларныкы.

Әлегә кырыс чырайлы кешеләр үзләренең кул астын-

дагы халык алдында без үзөбөзүнөң бөөк Ватаныбыз алдындагы бурычыбызны үтөгөн кебек үк үз бурычларын ахыргача үти алырлармы? Тарих күрсөтөр...

Тарих тәгәрмәче

Чехословакиядән безне Австриягә – Дунай буендагы Кремс шәһәрөнә күчәрделәр. Бу август аенда булды бугай, чөнки плантацияләрдә йөзем өлгереп килә иде инде.

3-нче гвардия танк армиясе, командующий белән хушлашыр өчен, беренче һәм соңгы тапкыр сугыштан чыккан составта биредә, Кремста жыелды. Командующийны Мәскәүгә алалар икән. Мәскәүдә аны маршал дәрәжәсенә күтәрделәр, СССР Бронетанк гаскәрләре командующие урынбасары, бездан командующие итеп билгеләделәр.

Хәзергә исә генерал-полковник Рыбалко үзәктәге стадионда тиз арада әмәлләнгән трибунадан безнең алда нотык тотты.

– Гвардиячеләр! Без сезнең белән данлы һәм фажигале юл үттек. Аерылышабыз, улларым! Сезнең командирларыгыз йөзөндә һәрберегез белән хушлашам...

Командармның безгә «улларым!» дип мөрәжәгатъ итүе һич тә популистлык ниятләрен чагылдырмады. Әйе, һич тә! Аның бердәнбер улы, безнең яшьтәшебез, башка армия составында сугышты. 43 нчедә лейтенант Рыбалко танкта янып үлдә. Хәзер инде һәр исән сугышчы командармга үз улы кебек газиз булды. Бәлки командарм Рыбалко улын үз армиясендә, үзе янында, чагыштырмача куркынычсызрак урында да калдыра алгандыр, ләкин ул андый адымга бара алмады...

– Күңелемнән бүгенге көнгә кадәр яшәргә насыйп булмаганнар белән дә хушлашам, – дип дөвам итте командарм. – Сезгә озак һәм бәхетле яшәргә язсын. Сез

Герой Советского Союза капитан Андрей Зинин (слева) и лейтенант Линков. 1940-е годы.

моңа үзегезнең хәрби хезмәтегез белән лаек. Хушыгыз, улларым, һәм, әгәр дә ... кичерегез...

Ул һәр командирны күкрәгенә кысты.

Аерылышуны мәктәп укучысы да авыр кичерә.

Ә монда без – мин, мәсәлән, ел буге, башкалар төрлечә – үлемгә һәм үлемсезлеккә бергә барган кеше белән хушлашабыз...

Оркестр «Прощание славянки»ны уйнап жиберде. Мәңгегә аерылышуыбызны аңлау хисе, дулкынландыргыч музыка белән көчәйтәлеп, күпләрнең күзләреннән саран солдат яшьләре бәрәп чыгарды. Минем дә тамагыма төер тыгылды...

...Яшьләр чыгуе- анысы булды булуын. Ә көндәлек тормышта, аңлашыладыр, без фәрештә дә апостол да булмадык.

– Разведрота! Тезелергә!

Бу рота армиянең өч авыр танклар полкы разведка төркемнәре кушылудан яңарак кына барлыкка килде. Рота командиры итеп безнең 57- нче полкның элеккеге танк взводы командиры гвардия өлкән лейтенанты Митинны билгеләделәр. Ул безнең «кияү» – Казан дәүләт педагогия институтын тәмамлаган кызга өйләнгән иде.

Алдагы көнне гвардия өлкән лейтенанты рота офицерлары белән туган көнен бәйрәм иткән. Хәзер ул таушалган, холыксызланган, кыяфәте дә усал, иртәнге аш алдыннан ротаны тезде дә, кырыс һәм тантаналы тавыш белән:

– Разведчиклар! – дип сүз башлады.

Без сагайдык: махмырдан шөрәпләрне кысарга уйладымы әллә? Рота командиры бер дигән спортчы, гимнаст иде. «Спорт әзерлегеннән башка разведчик була алмый» дип санагангамы, аны разведка ротасына билгеләгәннәр. Үз тормыш кагыйдәсен гәмәлгә ашыруны ул безне спорт күнекмәләренә жәлеп итүдән башлады. Ротаның көн тәртибенә турникта, борысларда, штанга күтәрәп күнегүләр башкаруны кертте, гараж түбәсеннән сикерергә мәжбүр итте. Ротаны иртәнге ашқа турник аша уздырды – анда һәркем ким дигәндә алты тапкыр күтәрелергә тиеш иде. Бөтен буш вакытыбызны тренировкаларга биреп, хәзергә без бу сынауларны уңышлы уза тордык.

Вологдадан килгән Дербеневтан кала барыбыз да күнегүләрне жиренә житкереп үти идек.

Беренче күнегүләр вакытында ук рота командиры турник матчасында изаланган Дербеневка күрсәтеп:

– Эленеп торган казылыкны күрәсезме? Сокланыгыз! – диде.

Күрәсең, егет зәгыйфьрәк булгандыр. Аны писарь итеп куйдылар. Ротаны хурлыкка калдырмасын өчен аңа ашханәгә стройда түгел, аерым барырга рөхсәт иттеләр.

– Дербенев! – дип кычкырды ротный. Тик стройчылардан жавап бирүче булмады.

– Э, әйе, – диде өлкөн лейтенант, кинөт исенө төшереп. – Дербенев разведчик түгел, жебегән. Разведчиклар – сез ул! Эх, разведчиклар, – диде ул үкенечле, кызганыч тавыш белән. Аның карашындагы тантана һәм пафос югала барды. Аннары, көтмөгәндә, бар ачуын безгә күчерде:

– Әгәр рота командирына иртән баш төзәтергә берни дә юк икән, шайтаныма разведчиклар булып йөрисез?

Рота сүзсез генә бу мыскыллауны йотып жибәрде.

Иртәнге аштан соң миңем янга рота старшинасы Кручинин килде:

– Зампотех синең бронетранспортерың төзәтелгән диде. Аны полкка китерергә кушты. Син аны КПП янына китер, ә полк территориясенә кермә!

СПАМ (армиянең махсус күчмә остаханәләре) Дунай янындагы док территориясендә, биш километрлык арада иде. Бронетанк гаскәрләре уставында таләп ителгәнчә, мин, йөртүче-механик, машинада булдым. Баштарак, иске гадәт буенча, аның эчендә йокладым. Аннары якындарак урнашкан өлкөн яшьтәге австрияле йортына күчтем. Беренче бөтендөнъя сугышы чорында ул элеккеге Россия территориясендә сугышкан, березгына русча да белә. Русча сөйләгәндә сүзләренәң яртысы Одесса такмакларынан тора иде:

Девушка, девушка, как тебя звать?

Какая же ты красивая, мать твою мать!

Ул елларда, яшь чагында, бу сүзләр танышу өчен житә калгандыр бәлки.

Хәзер исә аның житкән чибәр кызы янына полкның начхимы бөтерелеп йөри. Начхимның немец сүзләренә байлыгы тагын да ярлырак.

М-да, бу фронтта да һәркемгә тиешлесе бүлеп бирелде...

... Ни өчен мин ул иртәдә разведка ротасына эләктем? Барысы да гади булды – пак алырга килгән идем. Бер атнага гына булса да регламентланган армия тормышыннан аерылып торырман да, ял итәрмен дип уйлаган идем ул чакта.

«Бронетранспортер төзәтелгән». Мин моны зампотех әйтмәсә дә беләм, әмма полкка кайтырга ашкынмадым. Ләкин приказ бирелгән.

Миңем төзәтелгән «геркулес»ым кабат гөрелти башлады. Яхшы эшли, әлләни тавышы да чыкмый. Ремонтчылар белән сабуллашасы гына калды.

– Урыныгыз буш торса иде, бичара крохоборлар, – дидем дә газга бастым...

Төзәтүләрен көткән арада мин карт янына китү белән алар миңем бронетранспортерны талаганнар. «Бардачок»ны ватып ачып, трофей парабеллумны, матур итеп эшләнгән дингезче хәнжәрен, әржәлдән утыз килограммлап фото-

тасмалар алганнар.

КПП капкасы янында миңе Женя Кручинин белән Иван Поздняков көтеп торалар.

Сезне алар белән таныштырыйм.

Старшина турында күп сүз әйтеп булмый. Безгә ул танк ротасыннан килде. Сугышчан бүләкләр алырга өлгермәде, чөнки полкка соңгы тулыландыру вакытында килеп кушылды.

Аның каравы Поздняков – полкта билгеле шәхес. Тернопольдән башлап, без аның белән барлык сугышчан операцияләргә уздык. Мәскәү кешесе, әрсез. Күп күңелсез хәлләрдән, авырлыктардан исән-имин чыккан кыю, төвәккәл разведчик. Соңгы жәяүле разведка чак кына аның өчен фаҗигале тәмамланмый калган.

Иптәше белән алар засадага элгә. Иптәшен шундук үтерәләр. Аннары, «рота фана»га (гвардия значогына) нәфрәтле булганы өчен генә дә аның күкрәгенә «шмайссер»дан ярты диск атып бетерәләр. Ваняга бу хәвәфтән исән-имин чыгарга насып була.

– Әйдәле, ә-әнә теге таулар янына, – диде старшина. – Анда шәраб базлары янында һәрвакыт шәраб сатучы хужа була торган иде.

«Әһә, – дип уйлап куйдым мин, – старшина бу жирләрдә яңа кеше түгел. Офицерларның кичәге мәҗлесен ул тәэмин итмәдеме икән?»

Полктан алты-жиде километр ераклыктагы зур авыл яныннан уздык. Таулардагы йөзем бакчалары, андагы базлар – шул авыл халкыныкы. Авылдан биш километрлап киткәч, юлның ике ягында урнашкан базлар янына күтәреләбез.

– Шула-ай, – дип сузды Поздняков, – сайлап алырга монда мөмкинлекләр житәрлек.

Кырыдан өченче баз аның күңеленә хуш килде.

– Монда килегез! Догәлзәребезне укып, башлайбыз, – диде ул һәм, кулына монтаж белән шланг алып, баз тирәсенә юнәлде. Асылмалы йозакны бәрәп төшерде дә зур мичкәләр янында эчемлекләренәң төмен татый-тикшерә башлады. Тик шәрабларның берсе дә Иванның таләпчән зәвыгын канәгатьләндермәде.

– Шәраб яшь әле, өлгерә торсын. Икенче килүбезгә кадәр.

Күршәдәге ишек янына китте, андагы йозакны да бәрәп төшерде. Шунда өлгергән, сосла кебек куерган шәрабка юлыкты:

– Менә монысы нәкъ үзе!

Кручинин аның янына канистр тотып килмәкче иде, Поздняковның күзләре усал ялтырады:

– Шушы суырткыч аша саумакчы буласыңмы? – диде, нечкә шлангны селкеп. – Әйдә, мичкәне этеп чыгарыйк. Өчәүләп аны машинага менгерә алмабызмыни?

Ул арада, рычаглар артында утырганда, подваллар янына мотоцикл күтәрелүен күреп алдым. Рувльдә – безнеке шикелле форма кигән капитан. Армия үрнөгендә эшләнгән коляскада австрияле утыра. Мин ирекседән сагайдым. Башыма сискәндергеч уй килде: комендатура! Капитан коляскадан канистр ала башлагач, эчкә жылы керде. Димәк, ул да шәрабка килгән.

Аңа ияргән австриялебашка базны, күрәсең, үзенекендер, ачарга ниятләде. Әмма ачык ишекне абайлап алды да, капитанны шунда, әле генә Поздняков чыккан урынга алып кереп китте.

Алты йөз литрлы мичкә ишеккә сыймады.

– Уртадагы яңакны бәреп төшер! – дип команда бирде Поздняков.

Ишек ике капкачлы иде, капкачлар үзәк яңакта кушыла. Югалтырлык нәрсә юк иде инде, мин ишек яңагын бәреп төшердем; бронетранспортерны алды белән – авыл ягына, арткы өлешен подвал ишеге ягына каратып куйдым. Урыннан алынган яңакны бортка сөядек тө өстеннән мичкәне тәгәрәтә башладык. Инде морадьбызга ирешәбез дигәндә генә черегән колга сынды, мичкә кабат жиргә төшөп китте. Аңлашылды: үзәбез генә бу эшне башкарып чыга алмаячакбыз.

– Капитан! – дип кычкырды рядовой Поздняков. – Мичкәне тәгәрәтергә булыш!

Ләкин капитан, австрияле белән исәп-хисапны өзөп, без жинаять эшләнгән урыннан тизрәк таю ягын карады. Шәраб сатучы да аның белән утырып китте. Без килеп каптык бугай...

Мичкә белән тәмам жәфаландык. Авылдан безгә таба өч яшь велосипедчы күтәрелүе күренде. Нәрсә булганын ялгышмыйча аерырлык арага житкәч, алар кире борылдылар да тау астына төшөп киттеләр.

Без дә килеп туган хәлне аңладык. Бу безгә көч бирде һәм, ниһаять, каһәр суккан мичкәне тәгәрәтеп менгереп, борт аша машинага салдык. Егетләр пулеметлардан чехолларны алдылар, ә мин тауга түбән барасы булганга урыннан ук өченче тизлек белән кузгалып киттем.

Бронетранспортер велосипедтан тизрәк бара. Мин авылга житкәнче үк велосипедчыларны куып життем, аларны читләтеп узып, кинәт уңга борылдым, велосипедтагылар юл кырына очты. Ләкин моның мәгънәсе калмады: кирха минарасыннан чаң кагалар иде. Бәхеткә, авылда безне беркем дә туктатырга уйламады – югыһса, бәла буласын көт тө дигән сүз иде бу.

Котырган тизлектә полк КППсына килеп життем. Баранов кизү тора. Ул Поздняков белән мине Туланың Тесна лагерларындагы формировка заманыннан бирле белә.

– Безнең кайтуны бер сәгатькә иртәрәк итеп теркә, – диде аңа. – Кич житкәч, канистр тотып, шәраб алырга кил.

– Нинди сорау булырга мөмкин! – диде Баранов һәм безне полкка үткәреп жиберде.

Сугышта куркыныч янаган чакларда без тиз, нәтижәле эш итәргә өйрәндек. Машинаны юу, аны түмәрләргә кую, мичкәне карау чокырына төшерү, аңа брезент каплау өчен 15 минут вакыт житте. Тагын ун минуттан паркка полк командирының техника буенча урынбасары гвардия подполковнигы Эленгаупт килде. Ашыкмый гына сугыш машиналары алдыннан узды, очраклы гына кебек минем бронетранспортер каршында туктап калды.

– Полкка күптән килдеңме? – дип сорады ул, минем күзләремә сынаулы караш ташлап.

– Бүген, иптәш подполковник, – дидем мин, аның карашын күтәреп һәм күземне дә йоммыйча. – Инде бер сәгатьтән арткандыр.

Аңлашыла. Штабка комендатурадан шалтыратканнар. Ләкин безнең жинаятьне фаш итәрдәй туры дәлиләр юк. Бортлардагы тану билгеләре брезент белән капланган. Капитан мотоцикльда Вена ягына китеп барды – артыннан жыллар исте! Шәраб сатучы австрияле безне таний. Тик аның үзенең дә гаебе юк түгел. Шулай булгач...

Подполковник нәрсәдәндер шикләнсә дә, сиздермәде, тикшереп-төпченеп тө тормады: полкташларын фаш итү аңа берни дә бирми бит?

Рота командиры канәгать калды. Австрия ресторанында да сирәк бирелә торган рубин төсендәге сыгайтылмаган шәрабны тәмләп кенә, ләззәт кичереп эчәчә, күңеле булып:

– Йөзем шәрабларының рәтен белә, шайтан, – диде.

Мактау сүзләре, билгеле инде, Поздняковка карый иде.

Ләкин Ивановның язмышы начар төгәлләнде. Әле Чехословакиядә үк, Вельтруссыда булса кирәк, безнекеләр метил спирты тутырылган тимер юл цистерналарын кулга төшерделәр. Полкта уника кеше аны эчеп үлде. Берничә кеше сукурайды, ә Иван бу агудан чуракланды.

Яңа, 1946 ел алдыннан Кремста ул армия медсанбаты складынан спирт алырга маташкан. Әмма часовыйның тавышын ишетмәгән, һәм автоматчы Жеребцов аны атып үтергән...

Аяныч, сугышны узган һәркем – «башыбозык». Ул башкисәр булмаска да мөмкин. Бу төшенчәнең тулы мәгънәсе, аңлашылганча – «башы бозылган кеше», ягъни аның психикасы кузгалган. Гөнаһсыз вариантта да бу австриялеләрнең йөзем бакчаларына иркен барып йөрүбездә дә чагыла иде, чөнки яулап алынган һәм азат ителгән барнәрсәне үзәбезнеке дип санадык. Безнекеләрнең миналарга элгеп шартлау очраклары да

булды. Ул миналар сугыш мирасы булдымы, әллә плантация хужалары тарафыннан махсус куелдымы – анысын холай белә. Без исә икенче вариантка күбрәк ышана, шуңа күрә вәждан газабыннан азат идек, ни дисәң дә сугышта сугыштагыча була инде!

...Сугыш беткән иде инде. Жирле комендатура хезмәткәрләре нәрсә ярый да, нәрсә ярамый икәнлеген безгә гел тукуп тордылар. Кая инде!

.. Биредә кафелар һәм ресторанныр күп. Шуларның берсендә утыра торгач, безнең «утыз дүртенче» танкистларының башларына киткән. Бу хәл аңлашыла: табиғый шәраб жиңел, рәхәт эчелә, ләкин ул әкрәһәйтәлгән хәрәкәтле мина, аның куәте эчкәч үк түгел, тора-тора сизелә. Безнекеләр аны стаканлап эчә. Сатучыларның: шәрабны вак йотымнар белән эчәргә кирәк дип, жайлап кына әйтүләренә танкистлар мыскыллы гына:

– Галимнәренә өйрәтеп торыгыз тагын! Без чиста спиртны да су кушмыйча гына эчәбез! – дип жаваплылар.

Бераздан шәраб үзенекен эшли – жәзасын бирә: танкистлар исерешеп бетә. Тәртип бозып, жәнжал куптарып йөргәндә аларны комендатура тотып ала, тик берсе качарга өлгәрә. Бригадага кайткач, озын-озак уйлап тормый, ул Т-34не куелган жиреннән алып чыга һәм танкка утырып, комендатура янына килә. Тубын төзи дә, команда бирә:

– Тыл күселәре, танкистларны жибәрегез! Югыйсә, барыгызны да шайтан анасы тарафына олактырам!

Жибәрәләр бит! Безнең брат белән мондый очрактар, мөгаен, күп булгандыр. Фронтвик элеккечә үк сугыш законнары буенча яши бирә. Сугыш вакытында күз йомылган нәрсәләр хәзер тыныч халык, хакимиятләр игътибарын жәлеп итүче объект рәвешен ала, халыкара сәясәт өлкәсенә күчәлә, совет оккупация төркеме командованиесенә башын авырттырган проблемага әверелә.

Безнең белән Рыбалко булганда, ул безне кыерсытырга ирек бирмәде, «шук-шаяннар» дисциплинар жәза белән котылды. Ләкин хәзерге командарм безнең белән түгел иде...

Кояшлы матур көн. Без, сугыштан исән-имин чыгучылар, күңелнең, рухның бәхәтле, рәхәт халәтен кичерәбез. Баш өстебездәгә зәңгәр күккә, жирнең гажәеп матур яшеллегенә карап куанабыз. Ниһаять, яшь һәм сәламәт булуыбызга шатланып бетә алмыйбыз. Алла тарафыннан яратылган табигать бүләкләре, шунда ук юл буенда үсүче кузылар, бакчалар, сакланган йөзем жимешләре белән сыйланып, ләззәтләнәп, без хәтта кайдадыр Рязань жирендә яки Кубаньда, Идел буенда

калган авылларыбызны сагынып ямансуламый да идек.

Күпкә соңрак, элек жәза буларак кулланылган, хәзер исә нормага әверелгән «бер көннән – кашка, ике көннән – кухняга» нарядлары белән биздергән хезмәт хакимлегенә килеп эләккәч, үзөбезнең иң матур елларибызны чит жирдә, чәнечкеле чыбык артында файдасыз һәм мөгънәсез уздыруыбызны аңлай башладык һәм вакыт-вакыт тирән төшенкелеккә бирелә идек...

Күңелсезләнергә урын бар иде шул. Хәрби хезмәткә чакырылудан, сугыштан котылып калган яшьтәшләребез, без солдат хезмәтен тарткан арада, урта я югары белем алдылар. Аннары, белемнәре буенча тиешле пост биләп, чүпрәдәгә кебек хезмәт баскычларынан күтәрелделәр, иң әйбәт яшьтәш кызларыбызны хатынлыкка эләктерделәр. Үз гаепләре белән түгел, башка сәбәпләр аркасында бервакыт тормыш бәйрәменә соңарып, бәхәт кошы артынан йөгәргәндә фронтвиклар буыны аларны куып житә алмады, бу гомерлеккә шулай булып калды.

Әйе, соңрак, бишенче, алтынчы, кайберәүләр жиденче солдат елын үз башларынан кичереп, тол аналарның ачылык, жимереклек, сугышның гаиләгә, туған йортка китергән башка хәсрәтләре турында ачынып язган яшьле хатларын укыганнан соң аларга ярдәм итүдән мәрхүм егетләр каравыл торганда атыла, казармалардагы бәдрәфләрдә асылына башлылар.

Ә хәзергә без риясыз, бәхәтле идек. Алдагы көнне мин тәржемәче югослав белән Дунай аръягындагы коньяк заводына чыгып кердем. Йөртүче-механик хезмәт хаки моңа мөмкинлек бирә иде. Дуслар белән тиешенчә генә эчеп (артыгы кирәкми), Дунай аръягындагы Альп тауларының кояшта жемелдәгән түбәләренә карап хозурланабыз, мин шуннан алып кайткан яңалык турында сөйләшеп утырабыз. Яңалык шуннан гыйбарәт – бу көннәрдә шул таулар өстендә безнең истребитель һәлакәткә дучар булган.

– Ә ул анда нишләп йөргән? Зона безнеке түгел, америкалыларныкы бит...

– Нәрсә булсын, гадәти дежур очыш. Бәлки, тауларны күрәсе килгәндер. Әнә нинди мәнәбәтләр бит! Үзләренә тартып торалар.

– Аяныч хәл. Егет кызганыч – сугыш бетте бит инде...

Дунай буйлары өчен моның соңгы бүләгебез булмавын без белми идек әле.

– Тезелергә чыгарга!

Тезелдек. Полк урнашкан жирдән чыгып, роталар булып барабыз. Безне кая алып баралар? Хәер, армиядә андый сорауга һәрвакытта да җавап биреп тормыйлар. Дунай өстендәге киң калкулык ягына юнәлбез. Жырлап барабыз. Юк, укыту полкында йокы алдыннан мәжбүр иткәндәге кебек түгел, үзезнең инициатива белән, яшәү шатлыгынан жырлыйбыз:

Взвейтесь, соколы, орлами, полно горе горевать!
То ли дело под шатрами в поле лагере стоять!

Совет заманындагы түгел, борынгырак жыр. Безгә аны Польшада формировакы вакытында полк командиры подполковник Богунов үзе өйрәттә. Озын-сузынky түгел, моңлы, матур жыр. Чын күнелдән бирелеп, матур жырлыйбыз, башлап жырлаучы иң югары регистрларны ала. Их, белгән булсак...

Карегә тезелдек. Тиздән аның эченә берничә жиңел машина һәм өсте ябылган кара машина килеп туктады.

Жиңел машинадан затлы пальто кигән ир-ат һәм яшь хатын-кыз чыкты.

Фургоннан автоматлар аскан ике сугышчы сикереп төште, алар безнең формадагы егеткә төшәргә булыштылар һәм аны читкәрәк, кареның ачык ягына таба алып киттеләр.

Радиокөчәйткечтән команда яңгырады:

Смирно! Гарнизон буенча приказны тыңла!

Офицер формасындагы ниндидер юрист эчпощыргыч тавыш белән безнең, кичәгә азат итүче батыр сугышчыларның, бүген тәмам бәйдән ычкынуы турында преамбула укый башлады. Ягъни нейтраль дәүләт территориясендә кайбер хәрбиләр тәртипсезлекләр эшли. Совет армиясенә, безнең бөөк державаның дәрәжәсен хур итә башлаганнар; килчәктә катгый рәвештә моңа юл куелырга тиеш түгел.

Алга таба болай: гвардия минометлары расчеты командиры старшина фәлән (аның расчөт әгъзаларының фамилияләрен хәзер инде хәтерләмим) һәм өлкән сержантлар фәләннәр фәлән числода спиртлы эчөмлек юнәтү максатында үз ирекләре белән частьтан киткәннәр. Австрия подданные шәраб алып килергә дип өөннән чыккач, гвардия старшинасы һәм аның юлдашлары бергәләп хужаның кызын көчлөгәннәр.

Старшинага карата жәзаны авырайтучы түбөндәге шартлар карала: кыз балигъ булмаган, өстөвенә старшина аңа һәм үзенә компаньоннарына венерик чир йоктырган...

3-нче гвардия танк армиясенә хәрби трибуналы уздырган тикшерү нәтижәсендә ачыкланды: старшина фәлән, өлкән сержантлар фәләннәр алар гаепләнә торган жинаять гамәлләрендә гаепле дип танылдылар.

Күрсөтелгәннөрдән чыгып, хәрби трибунал хөкөм карары чыгарды:

- старшина фәләнне югары жәза чарасына – атарга;
- өлкән сержантлар фәләннәрне – һәрберсен унар елга ирекләреннән мөхрүм итәргә.

Башымнан «Куркыталар. Безнең братны иярләргә булганнар. Ниндидер немка, ярый, австриячка булсын, аермасы юк – хатын-кыз өчен легендар «катюша» командирын корбан итмәсләр бит инде!» дигән уй чагылып узды.

Ләкин без күзәткән күренеш инсценировкага охшамаган иде. Хөкөм карарын укыганда автоматчылар, коралларын төбөп, бичараның күкрәк турында тоттылар. Уку төгәлләнгәч, аңа түгәрәк ясап борылырга һәм алгарак атларга бөөердылар. Без шунда гына ул атлаган жирдә алдан ук чокыр казылып куелганын күрөп алдык.

Хөкөм ителгән кеше, тиздән жаны очарга тиешле Австриянең зәңгәр күгөн күздән кичереп, ашыкмыйча

гына борылды һәм күндәм төстө алга атлады. Аңа кабат түгәрәк ясап борылырга боердылар. Ул монысын да эшләде.

Атарлар микәнни? Без һаман әле моңа ышанмадык. Мөгаен, ул да ышанмагандыр, шуңа күрә үзен тыныч, әйтер идем, бөтен армия сафлары алдында үзен лаеклы тотты. Ул СССР Югары Советы Президиумы рәисе Михаил Иванович Калининның үзенә апелляция жибәргән бит.

Соңгы секундларда, ике генә адымнан ике автомат көпшәсенә карап торды, мөгаен, чын гаделлеккә ышангандыр – өмет иң соңыннан үлө бит...

Кисәк кенә «Пли!» командасы яңгырады, һәм ике автомат чираты аны чокырга егып төшерде. Палачларның берсе чокыр янына килде дә, миһербанлылык күрсәтеп, легендар «катюша»чыны үтерүне ахырына житкерде...

Чокыр кырына кызы белән австриялене китерделәр. Шуннан соң аларны машинага утыртып, тиз генә жәза урыныннан алып киттеләр.

Күзөбез белән күргәннән тетрәнеп, сүзсез генә кайтабыз. Безнең һәркайсыбыз үлемне күп күрде, тик мондыйны!..

– Балигъ булмаган! Ничек кенә әле! Шундый бия – бөтен взводка житерлек...

Без кара кайгыга баткан идек, сафтан кемдер әйткән шушы репликаны тикшерү өчен генә дә авыр уйларыбыздан аерыла алмадык. Хәер, монда нәрсә тикшерәсең ди? Бик тә аңлашыла: старшина тарих тәгәрмәче астына элэккән. Ә безгә карата шөрөпләрне кыса башлаячаклар.

Барыбыз да бу хөкем карарын гадел түгел дип санадык.

Бер атнадан Бөтенсоюз старостасыннан – халыкта М.И. Калининны шулай атылар иде – ярлыкау килде. Без моны гадел карар дип исәпләдек.

Ничек кенә булмасын, старшинаның Ватан алдында күрсәткән хезмәтләре күп иде! Сугышчан орденнары да күп, хәрби трибунал эгъзаларының барысыннан чүпләсәң дә алар старшинаныкы кадәр үк жыелмас иде...

Мөртәт

Рыбалканың танк армиясен, дөрөсрәге, аның унөч өлкәнрәк яшыкә караган сугышчыларының демобилизацияләгәннән соң калган өлешен Германиягә кайтардылар. Австриядә соңгы тапкыр стационар шартларда иртәнге аштан соң безнең полк та гадәтәнчә поход колоннасына тезелә башлады.

Колонна башында – полк командирының «виллис»ы. Аның артында – штаб машинасы, комендант взводы, техник тәэминат ротасы машиналары. Алардан

соң – бортларга автоматчылар утырган танк роталары. Колоннаның иң ахырында без – разведка ротасы.

Кешеләр юл буйлап машиналар янына тезелгәннәр. Андый очракларда, роталардагы хәл турында нотык булганчы, соңгы тапкыр сугышчылар составы тикшерелә. Безнең ротада да шулай. Үз кул астындагыларның докладларын рота командиры кабул итә.

– Бронемашиналар взводы тулы составта тезелде һәм маршрут буенча барырга эзер!

– Мотоциклчылар взводы маршрут буенча бару өчен тезелде!

Алга таба – туктау. Жәяүле разведчиклар сафында нәрсә турындадыр чыш-пыш киләләр, киңәшләшәләр. Ниһаять, рота командиры янына гвардия кече лейтенанты Величковский чыга:

– Иптәш гвардия өлкән лейтенанты! Бездә сугышчы Ермилов юк.

Рота командиры шундук ярсып китә:

– Монысы нинди әкәмәт тагын, Величковский? Мин хәзер полк командирына доклад бирергә тиеш. Эзләп табыгыз!

Инде эзләп караганнар. Ермилов кичке тикшерүдә булган, иртәнаны берүдә күрмәгән. Кече лейтенантның коточкыч фаразны әйтергә батырчылыгы житте: качкан!

Тыныч вакытта сугышчының юкка чыгуы – ачка янчыгы югалу түгел. Житмәсә, чит-ят илдә, өстәвенә бер илдән икенче (шулай ук чит) илгә күчәр алдыннан биш минут калгач. Бу житди ЧП. Аңардан халыкара гауга китереп чыгарырга да мөмкиннәр. Командир нинди рангта булса да, моның өчен аның башыннан сыйпамыйлар – барысына да элөгә! Рота командирының полк командиры янына Голгофага барган кебек баруы аңлашыла.

Докладны тыңлагач, полк командирының йөзе куге кызыл төскә керә, кызып китеп, ул рота командирын аты-юлы белән сүгеп ташлый. Икесенә дә жиңелрәк булып китә: өлкәне, «пар чыгарып», инфаркттан котыла, кечесе өчен иң куркынычы артта кала. Чөнки иң кырыс жәза да йомшаграк һәм әкрәнрәк итеп әйтелә.

Бераз тынычлангач, полковник күңелне күтәрми торган карар чыгара:

– Ул түбән жанны бауга тагып китермичә полк урыныннан кузгалмаячак. Табыгыз! Үзегезнең чыннан да разведчиклар булуыгызны исбатлагыз. Барысы өчен сезгә – өч сәгать. Үтәгез!

Өлкән лейтенант жиренә житкереп борыла, пөхтә итеп тиешле хәрәкәт ясап, чыгып китә, ләкин аның үзүзенә ышанычы югалуы күренә. Күңеле алгысый. «Өч сәгать! Моңы үтәү өчен эзләү төркеме, я идарәсе тотарга кирәк...»

Разведка ротасы офицерлары киңәшкә жыела: качкынны кайдан эзләргә? Бәхеткә, Величковский, Ермиловның турыдан-туры командиры, сафлар алдында әйткәнәнән күбрәк белә. Аның белән сөйләшеп алгач, рота командирының үз-үзенә ышанычы кире кайта, ул гажәеп эшлекле кешегә әверелә һәм, старшина Щербаковның мотоциклын иярләп, алар өчәүләп зур тизлек белән полктан чыгып китәләр.

Бер ел элек, Чехословакиядән килгәч, полкны Австриядәге элеккеге концлагерьда урнаштырганнар иде. Баракларны шәпләп дезинфекцияләделәр, артык һәм зарарлы әйберләргә яндырдылар. Сугыштан соңгы беренче кышта без шунда яшәргә тиеш идек.

Солдатка хас дәрт белән без көнкүрешбезне жайларга, аны уңайлы итәргә керештек. Тотындык. Рулоннан тиешле зурлыктагы кисәкләр кисеп алып, пыяласыз тәрәзә рамнарына кадакладык. Кышын көчле жыл булганда тәрәзәләр, шартлаган граната тавышлары чыгарып, шапылдыды иде. Моннан да хәтәррәк нәрсәләргә гадәтләнгәнә, без, әлбәттә, берни дә ишетми йоклый идек.

«Буржуйка» мичләр куйдык. Һәр ротадан чират белән берәр взвод билгеләп, ягулыкны полк үзе хәстәрләде. Агач кисү делаянказы Штокерау шәһәре артында, без килеп урнашкан Корнейбургтан 35 километрлап ераклыкта иде.

Техникага хезмәт күрсәтү белән бәйле составны урман эшләренә алмадылар. Безнең ротада бу эш белән гвардия кече лейтенанты Величковский взводы шөгыйләнә иде. Урман әзерләүчеләр урманда, казарма төртипләренән азат булып, мөстәкыйль тормышта яшәделәр.

Немец телендә ярыйсы ук иркен сөйләшкән Ермилов урман кисү урыныннан ерак кына түгел поселокта яшәгән яшь австрияле хатын-кыз белән таныша. Буш сәгатъләрендә еш кына аның янына барып йөри. Ермилов һәрвакыт лагерьга кайтканга күрә, Величковский аны үгет-нәсыйхәт белән йөдәтми, очрашуларга йөрүдән тыймый.

Шуны күздә тотып, кече лейтенант, качкынны әлеге хатын-кыз янына киткәндер, дип уйлый. Ул аның йортын белми, әмма исемен ишеткәнә бар – Эмма исемле. Шундый мәгълүмат була торып, немец теленә күнегеп ияләшеп беткән өч ир-ат өчен кечерәк кенә поселокта аны эзләп табу әлләни кыен булмый.

Өйдә Эмма гына була. Ермилов та, әти-әнисе дә юк, алары дөнья куйган икән инде.

Күз алдыгызга китерәсезме: барысы да сугыш аркасында хәлсезләнделәргән, таланган илгә кайта, ә ул, Ермилов, сугыш бөтенләй диярлек кагылмаган Австриядә,

төзек-иркен виоласы булган гүзәл Эмма янында кала. Тормыш түгел – оҗмах бу!

Кырыс кыяфәттәге өч хәрбине күргәч, Эмма башта каушып, йөзенә курку галәмәтләре чыга. Аннары тиз арада үзен кулга алып, тыныч кына сорауларга җавап бирә: «Юк. Күрәнмәде. Белмим».

Эмманың ике катлы җыйнак коттедждының барлык почмакларын, аралыкларын карап-актарып чыгу кыен булмый. Тик Ермилов та, аның эзләре дә табылмый.

Ләкин Эмманың үз-үзен тотышында шик уяткан нәрсәдер чагылып китә. Бер үк вакытта безнең разведчикларның да Ермиловның юкка чыгуы хакындагы башка төрле уе-фаразы булмый. Ирекседән, бер башлаган версияне ахырына ачыкларга кирәк була. Шуңа күрә дә өчесе дә дөгрәү кызга килеп ябышалар, әмма ул барысын да инкар итә.

Ә вакыт бара. Нишләргә?

Өлкән лейтенант колоннага сузылган полк, хәрәкәтсез калып кетә торган полкны күз алдына китерә. Арыган кешеләр һаман бер урында таптаналар. Полк командиры, ачуланып, алтын сәгатенә карап ала һәм карар кыла: җитәр, тәкәллефләнә тору тәмам!

Турникта «кояш» булып әйләнгәндә 70 килограммлы гәүдәсен нык тоткан кулы белән кызның нечкә беләзегеннән шундый итеп эләктереп ала, тегесенә авыртудан йөзә чалшай. Һәм кырыс тавыш белән өсти:

– Булды! Полициягә барабыз!..

Җирле халык үз полициясеннән оккупантларга караганда күбрәк курка иде. Совет сугышчысы, мәсәлән, Эммага нәрсә эшли ала? Иң начары – көчли. Ә үзләренә полициясе әлләниләр эшләргә, немец төгәлләге белән якты дөньядан озатырга да мөмкин! Безнекеләр моны аңлай, Эмма яхшы белә. Шуңа да ул жанланып китә: «Полиция идарәсенә барырга кирәкми... Әйе, ул монда булган иде. Килешендек: өйләнәшәбез. Мин аны Венадан арырак яшәүче туганым янына җибәрдем, моннан 70 километрда», – ди.

Безнекеләрнең эченә жылы керә: хәзер алар дезертирны бауга тагып алып кайтачаклар!

Величковский урынына Эмма утыра (кече лейтенант юл уңаенда очраган машиналар белән дә бара ала!), һәм мотоцикл кирегә – Корнейбург аша, Вена аша, Эмманың апасы яшәгән якка юл ала. Монда юллар бер дигән, хәрәкәт тә хәзерге кебек көчле булмый, һәм Ижевски мотоциклары араны бер сәгаттә уза. Австриядә авыл җире өчен гадәти булган йорт подъездыннан килгән звоночка хатын-кыз җавап бирә. Таныш тавышны ишетеп, апасы бернинди шик-шөбһәсез ишекне ача, һәм Эмма, елап, аны иңсәсенә каплана.

Ермиловны ятакта табып алалар. Өлкән лейтенант

узган вакыт эчендә жыелган бар ачуын кисәк кенә оде-алны тартып алуға өстәп, күрше коттеджада да ишете-лерлек итеп акырып жибәрә:

– Тор, сукин сын! Киен! Тиз генә!

Ермилов күзләрен ача, мизгел эчендә барысын да аңлап алып, кровать янындагы урындыкка эленгән чу-ар костюмга үрелә.

– Формаңны ки, анаңны! Совет армиясе сугышчысы формасын!

Ләкин формадан инде жыллар искән. Тиз арада бөтен йортны актартып чыккан Щербаков мичтә бишпочмаклы йолдыз төшерелгән металл сәдәфләр генә табып ала. Шулай итеп, күгәрченкәйне полкка затлы Австрия ко-стюмы кигереп алып кайталар.

Полк чыннан да безнең өч егет киткән вакыттагы урынында тора.

– Бу карачкыны тиешле солдат киemenә киендерегез, – ди рота командиры үз юлы белән кайткан Величков-скийга һәм кырыс кына өсти: – Каравыл куй, аңардан күзегезне дә алмагыз! Тагын бер ычкындырсаң – баш-сыз калырсың!

Тыныч күңел белән полк командирына Ермиловның табылуын житкерергә китә. Тегесе канәгать була, әмма моны күрсәтмәскә тырыша. Алтын сәгатенә карый да, андый ЧПлар көн саен уңышлы хәл ителгәндәй, эчпо-шыргыч тавыш белән:

– Вакытка сыешып бетмәдең син, Митин. Тик эш эшләнде. Кузгалабыз. Сез, разведчиклар, ахырдан бара-сыз, – диде.

Асылда, бу кинаяле мактау сүзләре иде.

Ике тәүлектән соң полк үзәннәр, таулар аша Лю-терштадт Виттенбергга килеп житте. Күп кило-метрлы таулардан төшкәндә аварияләр булды, кешеләрне югалтырга да туры килде, чөнки тәҗрибәле йөртүчеләр составыннан күпләр Австриядә чакта ук демобилизацияләнде.

Ермилов уяу күзәтү астында минем бронетранспор-терда утырып барды. Ротада аңа карата мөнәсәбәт анык кына бертөрле түгел иде: үзебезнеке дә, алай ук түгел дә кебек. Куак астына кереп чыгарга теләде –автоматлы кичәге иптәш тә шунда бара. Кыскасы, чиратлап сакла-ган разведчиклар өчен, аның өчен жаваплылык авыр йөк булды. Шуңа күрә Германиядә «особистлар» аны үзләренә алып киткәч, барысы да жиңел сулап куйды: Аллага шөкер, исән-имин килеш кулларына тапшырды-лар!

Ләкин моның өчен разведчиклар күп тапкырлар үкенәчәкләр иде әле...

Виттенбергта безне тыныч вакытта ук төзелгән хәрби шөһәрчектә урнаштырдылар. Элек анда исеме

билгеле генерал-полковник Гудерианның танк дивизи-ясе торган. Әйтергә кирәк, Гудериан – үз вакытында Ка-зан танк училищесында булгалаган кеше.

Гаскәри часть ихтыяжлары өчен жиһазландырылган яхшы сыйфатлы дүрт катлы казармалар, көнкүреш электр механизмнары куелган, подвалында яшелчә са-клау урыны да булган ашханә-кухня, тезелү һәм спорт әзерлеге өчен иркен плац. Хәтта ачык йөзү бассейны да бар. Тик безгә кадәр биредә булып киткәннәр бассейнны кирәге беткән май насосы фильтрлары, төрле чүп-чар белән тутырганнар. Шуңа да безгә кадрәгеләр эше бул-гандыр, немецлар дип уйламыйм.

Безгә барысыннан да бигрәк сугыш техникасына хезмәт күрсәтү һәм аны саклау шартлары ошады: ях-шы завод цехындагы кебек остаханәсе, гармун кебек жыелучы ишекләре, карау өчен чокырлары, керү юлы янында техника юу урыннары булган бокслар.

Аерым эшләгән котельный. Ләкин мунча һәм клуб юк. Биредә мунча тоту бөтенләй каралмаган, ә ру-хи ихтыяжларын хужалар шөһәр учреждениеләрендә канәгатьләндергәннәр булса кирәк. Ләкин безне ан-дый жирләргә алып бармадылар – кем әйтмешли, без-не көнбатыш мәданиятенә череткеч йогынтысыннан сакладылар.

Хәзер укучим сугыш утын кичүчеләрнең тискәре гамәлләрен мәрхәмәтләрәк бәяләсен өчен, түбәндәгеләрне бәян итәргә тиешмен.

Беренче демобилизациядән соң сафта унтугыз-егер-ме дүрт яшьлек егетләр калдырылды. Алар инде өч-биш ел солдат шулпасы эчеп, тагын күпме хезмәт итәргә кирәклегенә билгесез булуын беләләр иде. Аларның алтынга тиң көннәре, уңышлы еллары бетмәс-төкәнмәс каравылларда, парк хезмәтендә, нарядларда узды. Ка-ра наданнар гына иң яхшы елларының, яшьлекләренә шулай мәгънәсез, нәтижәсез узуын аңламады. Ә моны аңлаучыларның, үзләренә бәхәтсез язмышларын кыз-ганып, ачы күз яшьләре белән елыйсылары килә иде.

Спиртлы эчемлекләргә тартылу, тәртип бозу, хөкемгә тартырылык гамәлләр кылу, үз-үзләренә кул салу нәкъ менә шуннан килгәндер, күрәсең.

Безне шөһәргә чыгармадылар, күңел ачулар юк. Үзбелдеклелек белән частытан чыгып кайтулар норма-га әверелә башлады. Һәркемнең диярлек «үз» жыләк-жимеш бакчасы, яшелчә кишәрлеге бар. Койма аръя-гында кайберәүләрнең хәтта даими мәгъшукалары да барлыкка килде.

Австриядә үк командование тарафыннан оештырыл-ган дисциплинар жәзалар да, күп хезмәтләр күрсәткән, әмма немкаларга һәвәс «катыша»чыны сугышчылар алдында аттыру да ярдәм итмәде. Халык самоволка-

га йөрүен дэвам итте, чөнки безнең тормыш тоткыннар тормышыннан аз аерыла иде. Союзда оккупация гаскәрләрендә хөкем ителгәннәрне срогыннан элек, кайберләрен хэтта илгә кайтуга ук азат итәләр икән, дигән имеш-мимешләр таралды. Бу утка май сибүгә тиң иде, әлбәттә.

Ниһаять, командование башына шундый уй килде: камчы белән барып чыкмаса – прәнек белән эш итәргә. Безгә рухи азыкның валчыкларын гына булса да бирергә – илебездә төшерелгән кинофильмнарны күрсәтергә булдылар. Тик кайда? Клуб юк. Шәһәргә чыгарга ярый. Казарманың иркен чарлыгында күрсәтергә карар кылды. Ләкин анда капчыкларга тугырылган тонна-тонна цемент ята.

Бик үк әйбәт килеп чыкмады: кеше бирегә газиз мәдәниятенә бер йотымы өчен килә, ләкин цемент тузаны йотарга мәжбүр. Цементны подвалга төшерергә боердылар. Әмма анда металл солдат кроватьлары саклана иде. Аларны чарлакка ташыттылар – кроватьлар тузан чыгармый.

Бер атнадан ачыкланды – подвал дымлы икән, цемент анда бозыла. Аны кире коры чардакка менгерергә булдылар. Нишлисең, мөлкәт бит! Ә кроватьларны – подвалга төшерергә, дымлылыктан металл алай ук тиз зыян күрми.

Рус әсирлегеннән кайтырга өлгергән котельный коچهгары, безнең мәгънәсез ыгы-зыгы килүебезне күзәтеп, тирән мәгънә белән:

– Сездә, Советлар Союзында, ни өчен эшсезлек булмавын мин хәзер аңлыйм, – диде.

Кыскасы, рухи азык мәсьәләсендә әлләни майтара алмадылар.

Гомумән алганда, уңайлыклы булган шәһәрчекне тиз үзләштердек. Разведка ротасы башкалардан аермалы буларак спорт шәһәрчеген нәтижәле файдаланды, яхшы гына күрсәткеләргә дә иреште. Югары шәһәрчектә дивизион ярыш уздырылган составка мин дә кергән рота гимнастлары беренче урынны яулады. Безгә кыйммәтле бүләкләр – кесә сәгатъләре бирелде, моның белән мин бик горурландым. Ләкин бүләк арзанлы немец штамповкасы булып чыкты, өйгә кайткач, сәгатьне икетуган абыема бүләк иттем.

Шәхси коралдан атуда да разведчиклар призывы урын алды. Кыскасы, 78-нче полк разведка ротасының даны кадрлар белән тулыландырылган бөтен дивизиядә шулай башлады.

Ләкин төннәрнең берендә (чак кына «гажәп матур төндә» дип язмадым) шөһрәт казанган рота подъезды янына капланган кара машина килеп туктады, Папанов әйтмешли, «шау-шусыз һәм тузан куптармыйча гына»

өлкән сержант Юрчакны һәм рядовой Садыйковны алып китте. Ике төннән соң – сержант Кузовлевны һәм тагын бер разведчикны. Иртәнгә тагын өч кешегә кимегән идек. Кыскача әйткәндә, «кара козгын» төн саен диярлек безнең подъездга «кунарга» гадәтләнде.

Ватанга хыянәт иткән өчен һәрвакыт кырыс жәза бирелде. Үзенең тормышын саклап калу өчен хәзер Ермилов үз жинаяте орбитасына торган саен яңа кешеләрне тартып кертә барды.

Ермилов кыңгыр эшләргә жибәргән «урман әзерләүчеләр»нең тыныч халыкны талавы һәм жәбәрләве хакында күпләр белә иде. Әйттик, син андый эшләр белән шөгыйльәнмиң дә куып китерелгән дуңгыз баласын яки бозауны суеп, чистартып-тазартып бирсәң, бу үзе үк шул жинаятьләрдә катнашу түгелмени? Хәзер һәркемнең язмышы хәрби тикшерүчеләрнең жинаятьләрдә катнашуны ничек бәяләүләренә бәйле иде.

Мәсьәләгә катгый якин килгәндә, мине дә жаваплылыкка тарту мөмкин иде. Беренчедән, эшнең чиста булмавын сизенә идем. Агач кисүчеләргә «студебеккер» белән азык-төлек алып барганда (кешеләр житмәгәнлектән һәркайсыбыз берничә роль башкарды) аларның кунакчылыгынан файдаландым, бу кадәр ит табыннарына һәрвакыт кайдан килә икән, дип гажәпләнә идем. Миңа серле елмая белән:

– Лейтенантның «Джувльбарс»ы ташый. Монда, беләсең килсә, кыр кәжәләре күп, – дип аңлаттылар. «Кәжә ите» бик тә дуңгыз итен хәтерләтә иде, ләкин мин артыгын сораудан тыелып калдым.

Икенчедән, фронтташ дустым, шулай ук бронетранспортер йөртүче-механигы Иван Коротин белән без дә гөнаһсыз түгел идек. Әмма тыныч халыкны талауда – Аллам сакласын! – без катнашмадык. Киресенчә, беркөнне кич белән Вена шоссесында бер бичараны үзезнең солдаттан аерып-йолып калдык. Солдат аның велосипедын тартып алырга азаплана иде.

Безнең гөнаһ беркадәр башкачарак иде. Корнейбургта шәһәр кырында урнашкан «П» хәрәфе рәвешендәге азык-төлек һәм фураж склады безнең даими саклау объекты булды. Ачык якта – капка һәм 1 нче пост. Капка-каршы, капланган якта – каравыл бүлмәсе. Көндөз капка киерелеп ачылган хәлдә тора – гарнизон частларына азык-төлек жибәрелә. Кич житкәч, складлар бикләнгән һәм каравыл башлыгы карамагына тапшырыла. Шул минуттан 1-нче пост, каравыл башлыгы рөхсәтеннән башка, склад мәдирен генә түгел, ГСОВИ²⁵ командующиеның үзен дә ябык пространствога кертми.

25. Германиядәге совет оккупация гаскәрләре төркеме

Башка роталарда ничек булганын белмим, ләкин без оялып-нитеп тормый бу хәлдән файдаландык.

Территория эчендә, каравыл бүлмәсе янында ук диярлек, тоткалар урынына божралар куелган ике ишекке капка бар. Складны каравылга тапшырганда божралар аша асылмалы йозакның дугасы һәм пломбир чыбыгы уздырылып, капка бикләнгән. Капканың ишекларын берәз тартсаң, өстә шушып керерлек өчпочмаклы ярык хасил була. Анда үтеп кергән кеше, эчтән тәрәзгә ачып, иптәшенә коньяк, шоколад, тушенка һәм консерваланган голланд сырлары суза.

Без күп алмый идек. Армия термосына сыярлык кадәр генә.

Иртән мәдир килә. Ул, әлбәттә, әйберләр югалуына төшенә. Жинаять дәлилларын кулга төшерү өчен ул берничә тапкыр керү юлына көл яки цемент сибеп карады. Бервакыт ул, үзе белән автоматлы солдат алып килеп, сиздермичә генә аны эчтә калдыра. Тегесенен тавышын-тынын чыгармый, кыштырдамыйча гына утырырга акылы житә, югыйсә, часовой аны законлы нигездә атып үтерә ала. Ә иртән... «Ишек-тәрәзгәләр исән. Пломба урынында. Каравылга сораулар бармы? Юк? Тиздән очрашканга кадәр!»

Без алып чыга торган азык-төлек – безнең трофейлар. Без, 57-нче аерым полк разведчиклары, мондый продуктлар сакланган складларны 45 елның апрелендә Цоссенда вермахтның коры жир гаскәрләре Генераль штабы бункерларында кулга төшергән идек. Ул чакта аларны житәрлек итеп, ләкин сугышка кергәндә иркен хәрәкәт итәргә комачауламаслык күләмдә жыйдык (сүз уңаеннан әйтеп үтим: бәлкәм, комсызланып, үземә һәм башкаларга сугыш машинасын трофейлар белән тутырырга юл куймавым аркасында сугышта исән калганмындыр).

Шул заманнан бирле бу мөлкәт безнең белән армия складында күченеп йөрде. Ләкин хәзер аны без түгел, башкалар куллана иде. Шуңа күрә бу продуктлардан бик аз кисәкләрне алып чыкканда оятыбыз баш калкытырга теләмәде.

Табыш америкалылар авиабомбаларыннан хасил булган күпсанлы чокырларның берсендә сакланды. Америкалылар нефть продуктлары тутырылган меңнәрчә тонналы сыешлыкларны бомбага тотарга тырыштылар. Табышның кайсы чокырда булуын без генә белә идек.

Без Иван белән дәммибез. Ләкин каравыл башлыгына белдермичә генә андый адымга барып булмый. Ә башлыктар көн саен алышына. Димәк, безнең серебез турында ротада берничә кеше белә булып чыга. Хәзер безнең башта гел бер уй: «Бу хакта Ермилов белә иде

микән?» Аның белән бер генә тапкыр да каравылда булмадык анысы. Тик әле бу гарантия түгел – башкалардан ишетүе ихтимал. Белә икән – тагын бер сорау туа: сатармы, әллә тыелып торырмы? Без аның белән ызгышырга да, шәхси нәфрәт уятырга да өлгермәдек. Ул жәяүле разведчиклар взводында булганга артык аралашмадык та. Аннан соң ул кыш буе урман әзерләү эшендә булды.

Ермилов турында нәрсәләр белә идек? Озын буйлы, төз гәүдәле. Кызларга чибәр тоелыр иде. Мәскәүле, 1923 елда туган, 42 дө әсирлеккә эләккән, 45 нең апрелендә аны үзбездә азат иткән. Ватанга каршы зур гөнаһлар кылмагандыр бәлкәм. Югыйсә ГУЛАГка элгәр иде. Сәламәт һәм хәлле булганга яше буенча хезмәт итәргә тиеш иде әле – аны бушанган частька теркәделәр, әзер тәржемәче бит! Кадрларны аерып, частьларны кушканда Ермилов безгә килеп эләкте.

... Отбой. Рота йоклый алмый. Соңгы яңалык турында сөйләшәп ятабыз. Узган төндә офицерлар кунакханәсеннән гвардия кече лейтенанты Величковскийны алып киткәннәр. Алдагысы кем?

Кемдер һәркайсыбызга да ят булмаган фикерне кычырып әйтә:

– Нигә ул кабахәтне юлда качарга маташканда атып кына үтермәдек икән?

Величковский тикшерү органнары алып киткән соңгы кеше булды. Барлы-юклы декада эчендә разведка ротасы уника кешесен югалтты. Бу аңа дивизия эчендә тагын да зуррак, әмма яман дан, ягъни яманат китерде.

Үзен әсирлектән чыгарып, тигез хокуклы сугышчы буларак солдатлар гаиләсенә кабул иткән кешеләрне Ермилов шул рәвешле рәхмәтләде.

Аның алдагы язмышы хакында белмим. Дөресен әйткәндә, белергә дә теләмим. Аңа ни генә булса да – ул аны үз гамәле белән тизләтте.

Аның турында мин менә ни өчен исемә төшердем. Караңгы, болгавыр елларда яһүд милләтендәге кешеләрнең (ул халык – ижтимагый халәтнең һәм аның перспективаларының сизгер барометры) илдән күпләп-күпләп китүләрен күзәтеп, сагаеп һәм борчылып, авыр уйларга бирелдем: ул мөртәт шул вакытта ук барысын да алдан күрә алдымы икән? Шуңа да илебезнең моңарчы күрелмәгән бөеклеге елларында чит-ят жирне якынарак күргәнме?

Сатлыкжан – һәр чорда да сатлыкжан инде ул. Югары әхлаклы һәм күренекле шәхесләргә генә хас сыйфатларны жиңел тормыш эзләүче мөртәтләргә күчереп язасы да юк...

«Югалган буын»га реквием

Бөек Жиңүнең 70 еллыгы – мөгаен, исән калган сугыш ветераннары шактый күп булган чакта билгеләнеп үтелгән соңгы юбилейдыр. Сугышта катнашкан иң яшь кеше дә бүген 90-нан узган. Алар күптән инде илдәге ир-атларның уртача гомер озынлыгы бусагасын узып киткән. Дөрөс, бу буынның башка камырдан әвәләнүенә, башкача чыныгу узуына игътибар итәргә кирәктер. Тик алар да инде хәзер, Жиңүнең 75 еллыгын бәйрәм иткәндә, бөртекләп санарлык кына калды.

... Немец-фашист илбасарлары белән көрәшкә безнең республиканың 700 меңнән артык уллары һәм кызлары мобилизацияләнде. Аларның язмышлары фажигале. Азлары гына – нибары 50 проценты – яу кырларынан кайтты. 350 меңнән артык сугышчы һәм командир һәлак булды, яралардан үлде. Әле кайчан гына республикада 5 меңләп ветеран – сугыштан кайтучылар исәпләнә иде. Мин, белә торып, төпле саннарны китерим, чөнки ай саен купмедер ветеран арабыздан китә.

1988 елның жәендә мин Полтаваны азат итүнең 45 еллыгына багышланган тантаналарга чакырылган идем. Полтавалыларның киң күңел белән каршылауы, кунакландырулары; шулай ук бер ханымның

барыбызга да мәгълүм жырны башкаруы хәтеремдә уелып калды.

Ул елларда П.С. Рыбалконың танк армиясе ветераннарының шунда очрашулары Казанда да, Мәскәүдә дә оештырылды. Алар халыкның, хәер, хакимиятләрнең дә әдәпле-салкын битарафлыгы шартларында узды. Фашистлар оккупациясе «рәхәтлекләрен» кичергән Полтавада исә без чын мәгънәсендә ясалма булмаган, ихлас шатлыклы һәм эчкерсез итеп үткәрелгән бәйрәмгә тап булдук. Безне кабул иткән завод эшчеләре тарафыннан безнең хөрмәткә оештырылган концертта әле олыгаеп житмәгән ханым башкаруыдагы жыр бүген дә колагымда яңгырый: «Какой красивой были бы мы парой, мой милый, если б не было войны...» Жырлый, ә үзенең күзләреннән яшь ага. Күренеп тора: бу уен түгел, ихтимал, каһәр суккан сугыш аркасында гаилә кора алмыйча калган чибәр ханымның шәхси хәсрәте, йөрәге жәрәхәтедер...

Ә андый ханымнар никадәр? Сугыш аркасында ниһәтле гаилә корылмый калды?

Статистикага мөрәжәгать итик.

Алда булып узган өч сугыш нәтижәсендә Бөек Ватан сугышы башланганчы да женесләр нисбәте идеаль түгел иде. 1940 елда СССР буенча, гомуми алганда, 50 хатынкызга 47,9 ир-ат, 1950 елда инде 43,9 ир-ат туры килә иде. Абсолют саннар буенча бу күрсәткеч төрле яшьләрдәге 21,7 миллион хатын-кызга пар төзерлек ир-ат булмавын чагылдыра. Илнең 1939 елгы халык саны алу вакытында теркәлгән 10-49 яшьләрдәге кешедән 1959 елдагы халык саны алуға кадәр чорда 37,6 миллион кеше гүр иясе булган. Бу – барлык халыкның репрессияләр, сугыш, оккупация, тылдагы каторга хезмәте, эмиграция нәтижәсендәге югалтулары.

Яшьләр буенча ир-атлар арасындагы югалтуларны күзалларга тырышыйк. 1920–1922 елларда туып, сугыш башланганда вакытлы хәрби хезмәттә булган егетләр тулысынча кырылып беткән дигән фикер бар. Ихтимал, ул

На встрече ветеранов 57-го танкового полка. 1990-е годы

хакыйкаткә якындыр. Яу кырында шәһит киткәннәрдән тыш, югары хакимият хаталары аркасында әсирлеккә дучар булганнар концлагерьларда, кайберләре соңрак ГУ-ЛАГ системасында һәлак булган.

Әлбәттә, Гитлер хәрби машинасының беренче һөжүменә дучар булган ир-атларны халык саны алу мәгълүматларыннан аерып чыгару мөмкин түгел. Әмма читләтеп кайбер нәрсәләргә ачыкларга була.

Мәгълүм булганча, табигать законнары буенча малайлар кызларга караганда күбрәк туа. 19 яшькә кадәр яшь төркемнәренә гомуми исәбәндә малайлар өстенлеге саклана (3 процент). Соңрак, хезмәт эшчәнлегә башлану, армия хезмәте белән бәйләү рәвештә, нисбәт хатын-кызлар файдасына үзгәрә. 1939 елгы халык санын алу мәгълүматлары 25-29 яшьлекләр төркемендә алар өстенлеге, сугыштан башка, 3,9 процент тәшкил итүен күрсәтә. Бу санны истә калдырыйк.

1959 елгы халык санын алу буенча 1920-1924 елларда туган хатын-кызларның өстенлеге 55,96 процент тәшкил итә. Бу күрсәткеч өлкәнрәк яшьләрдәге төркемнәр күрсәткечләреннән азрак. Шуны да исәпкә алырга кирәк: монда 1923-1924 елларда туган, соңрак мобилизацияләнгән һәм фронтка киткән егетләр дә бар.

1905-1919 елларда туган ир-атлар арасында югалтулар бик зур. Сугыш башлану алдыннан вакытлы хезмәтне төгәлләүчеләргә армиягә сугышның беренче айларында ук чакыралар, фронтлардагы оборонада 1941-1942 елларда хасил булган ачык аралыкларга жиһәрәләр. 1959 елда бу төркемдә 100 ир-атка 160,3-160,6 хатын-кыз туры килә.

Сугыштан соң уздырылган беренче халык саны алу мәгълүматлары буенча барлык ир-атлар төркемнәре арасында иң зур югалтуларга 1900-1904 елларда туганнар дучар булуы ачыкланды. 1941 елда аларга 37-40 яшь булган. Сугышның гади хезмәтчәннәре өчен бу яшь зурлыгын хәвефле дими ни дисен. Нәтижә мондый: 100 ир-атка – 199,3 хатын-кыз туры килә.

1924-1926 елларда туган егетләр башкалардан соңрак мобилизацияләнгән. Аларны, ягъни хәрби хезмәткә чакырылу яшенә житмәгәннәргә укытырга, өйрәтергә туры килә. Әлеге егетләр фронтка 1943 – 1944 елларда китә. Бу яшь төркемендә хатын-кызларның чагыштырмача исәбе ир-атлардан 44,6 процентка күбрәк.

Югарыда хәтергә кертелгән 3,99 процентны алып һәм башка исәп-хисап гамәлләре башкарып, мин «велосипед уйлап тапкан идем» – заманында рәсми танылган югалтулар күрсәткече кабатланды, ягъни 20 миллионлап кеше. Бу – якынча сан; аяныч, тагын да төгәлрәк статистика мәгълүматлары әлегә юк²⁶.

26. *Соңрак бу саннар узгәрелде*

Союзниклар – башка мәсьәлә; аларның югалтулары соңгы берәмлеккә кадәр мәгълүм. Бөекбритания Икенче бөтендөнья сугышында 1126802 кешесен югалткан, шул исәптән 306552 кеше үтерелгән һәм яралардан үлгән. АКШның югалтулары (үлүчеләр һәм хәбәрсез югалучылар) – 280552 кеше.

Үткәннәребезгә авырттырыбрак тибү максатында безнең «демократлар» тарафыннан дөньяга чыгарыла торган сенсацияле саннарны һич шөбһәсез хак һәм дөрес дип бәяләү мөмкин түгел. Ләкин рәсми рәвештә танылган саннар да Ватаныбызның дәрәжәсен һәм бәйсезлеген саклап калу өчен түләнгән коточкыч бәһә. Аның үзләренә уллык бурычларын намус белән үтәгән яклаучыларына һәм саклаучыларына мәңгелек дан!

* * *

Сугышта гарипләнгәннәргә язмышы фаҗигале.

Статистика буенча бер үтерелгән кешегә якынча өч яралы туры килә. Әгәр рәсми танылган югалтуларның яртысы сугышта һәлак булганнар дип исәпләнсә дә, ул чакта да әле безнең гарипләнгән сугышчыларыбыз санын бер ил, мәсәлән, Польша кебек, халкы саны белән чагыштырып булып иде.

Билгеле, бөтен гарипләр дә Маресьев кебек түгел. Күпчелеге элеккегә эшенә сәләтән кайтара алмады, күбесенә сугышка кадәр үк сайлаган профессиясе турындагы уйлары хыял булып кына калды.

Никадәр сынган язмышлар!

Күпме хатын-кыз ире яисә сөйгән яры гарипләнү аркасында бәхетсезлеккә дучар ителде. Сугыш беткәннән соңгы беренче елларда күпчелек яраланып кайтучылары да шатланып каршыладылар – «өйдә ир-ат исе генә килсен!» Тик күп очракта тормыш прозасы өскә чыкты. Һәм гаилә тормышы жимерелү нәтижәсендә күпме сугыш ветераннары, эчүгә сабышып, койма буйларында тормыш белән сабуллаштылар!

Кыскасы, бу югалган буын иде. Бу атаманы Беренче бөтендөнья сугышында исән калган солдатлар язмышы турында сөйләгәндә әле Эрих Мария Ремарк әйләнешкә керткән иде. Бездә югалган буын язмышы хакында артыгын сөйләргә ярамады. Ләкин моңа карап әлеге күренеш яшәүдән туктамады. Аны Ватанның яшь саклаучылары үрнәгәндә, кечкенәрәк булу сәбәплә сугышка кадәр үз бирикеләренә менәргә өлгермәгәннәр мисалында карап үтү урынлы булып.

1924–1927 елларда туып, сугыштан исән калганнарның күбесе фаҗигале язмышлы. Ике ел алдарак армиягә чакырылып, алар әле сугыштан соң да Совет Конституциясендә солдат хезмәтенә билгеләнгәнне өч сәгәт итеп үтиләр.

Сугыштан соң корал тотып калган солдат һәм сержантларга 18–21 яшь була. Бу белем алу, белгечлек, һөнәр үзләштерү чоры. Ө вакытында алган белем һәм белгечлек, килешәсездер, тормыштагы уңышларның, димәк, гаилә бөтенлегенең дә нигезендә.

Әйе, сугыштан соң фронтовикларга вузга кергәндә өстенлекләр бирелде. Тик аларны бөтен кеше дә файдалана алмады, урта белемнәре дә юк, чөнки алда әйтелгән яшәтгә үсмерләр мәктәп эскәмиясеннән сугышка чакырылды. Ярты Европаны үтеп, күпне күреп кайтканнан соң алар, демобилизацияләнгәч, 6–7 елдан соң, яңадан парта артына утырырга тиеш булды. Тик мондый бәхет бик күпләргә тәтемаде.

Эш мораль-әхлак проблемаларына гына түгел (15 яшьлекләр белән бер парта артында утыру), гадәти матди-көнкүреш мәсьәләләренә дә килеп терәлде. Демобилизацияләнгән солдат фәкыйрь гаиләсенә кайта, ә авыл жирлегендә исә өстәвенә, бомбага һәм оккупациягә эләкмәгән булса да, жиимерелгән хужалык. Гаиләнең эшкә сәләтле өлкәнрәк ир-егетләре, кагыйдә буларак, я сугышта һәлак булганнар, я гарипләнгәннәр. Ө чакырылу яшенә кадәргеләр шулкадәр алжыганнар, инде эшли дә алмас дәрәжәгә житкәннәр. Армия хезмәтенән кайткан кешегә гаиләне яшәтү өчен бөтен мәшәкатләрне үз өстенә алырга туры килә.

Искә төшерәм: 1947 нең декабрдә карточка системасы гамәлдән чыгарылды, ә без күздә тоткан яшә төркеме 1950–1951 елларда кайтты. Шуңа күрә исән калу катлаулы булса да, демобилизацияләнгән шәһәр халкы авылныкыларга караганда өстенлекле шартларга туры килде. Көндөз эшләп, кичке мәктәпләрдә укуын давам

итә алды. Мондый укуның «тәмен» ишетеп кенә белмим. 8 сәгатьлек эш көненнән соң – тамак ялгарга һәм мәктәпкә юлга бер сәгать. Биш дәрес булса, өйгә төнге унберләрдә кайтып керәсең. Өйгә бирелгән эшләргә ике генә сәгать бүлсәң дә (ә укуда шундый зур өзеклектән соң бу гына житми), төнге берләрдә көчкә урынга авасың. Кичке уеннар, биюләрне, кызларны оныт! Синең өчен бер генә мәхәббәт бар – белем алу.

Өгәр гаилә шартлары үзең өчен шундый «сөрген режимы» сайларга мөмкинлек биргән икән, өч елдан соң «укучылар» өлгергәнлек аттестатына үрмәләп барып житәләр һәм, Сергей Образцов әйткәнчә, «средненькое» образование – урта белем алып чыгалар.

Авыл кешесенең төп эш вакыты – жәй. Кыш көне буш вакыт күп кебек – укы, ялкауланма! Игътибар белән уйласаң, проблемалар вакыттан күбрәк. Һәр авылда да мәктәп юк, анда бөтен фәннәр буенча да укучылар житми. Авылдагы яшәү рәвеше (жимеш, яшелчә бакчалары, терлек карау) укучыларга ике смена эшләргә мөмкинлек бирми. Республика консультация пункты читтән торып укучы авыл яшьләре өчен үз филиалын укучылар саны 60 тан да ким булмаган очракта гына ача ала иде. Гамәлдә шулкадәр укучыны бары район үзәкләрендә генә, аларның да барысында да түгел, жыю мөмкинлеге бар иде.

1952 елның көзенә мин, район комсомол комитеты секретаре һәм кызыксынучы зат буларак, укурга теләк белдергән 60 кешенең ризалыгын алдым. Ләкин алар арасында район үзәгендә яшәми торганнары да (гөнаһлымын, тәүбә кылам!) бар иде. Ул елларда сыңар куллы Алексей Марфин 8 чакрымдагы Ульяноводан

В гостях у ветерана А.М. Малова ученики гимназии №122. 2018 год.

килеп йөри алса да, бер аяклы Михаил Малышевка 5 чакрымдагы Плэтэнгә бару-кайтулары катлаулырак иде. Шулай да Подберезьеда филиал эшли башлады. Дөрөс, укытучыларның коры энтузиазмына таянып. Ул чакта халыкның фронтовикларга хөрмәте зур иде!

Сугыш нәтижәсендә балалар туу азаю сәбәпле илленче еллар башында беренче сыйныфка килүчеләр житмәде. Район советы сессиясендә башлангыч сыйныф укытучыларының «экономияләнгән» хезмәт хакын кичке мәктәп укытучылары хезмәтенә түләргә күчерү турында карар «чыгартырга» мөмкин булды. Шулай итеп мин тугызынчы сыйныфка Подберезьега йөри башладым. Тормыш хәленә карап, аны Чистайда тәмамладым. Унынчы сыйныфны Казанда башладым, Алабугада төгәлләдем. Республиканың төрле якларында ике сыйныф һәм дүрт мәктәп булып чыкты...

Демобилизацияләнгән фронтовикка, аеруча авылда яшәүчегә, гомумән, белем алу (яулап алырга туры килде!) жиңел булмады. Без, авылда бер сыйныфта укыганнардан, сугыштан кайтучылар дүрттәү идек. Барысының да укырга теләге бар иде, тик өчесе урта белем ала алмады.

1946 ел башына Татарстан АССР халкының 69,8 проценты авылда яши, димәк, без сүз алып бара торган яшәтәге ир-егетләрнең дә күпчелеге шундый ук хәлдә иде. Алты-җиде еллык солдат хезмәте чынлыкта аларны Конституциядә билгеләнгән белем алу хокукынан мәхрүм итте.

Мин күп кенә сәләтле, талантлы егетләрне белә идем. Алар озакка сузылган хәрби хезмәтләре аркасында табигать биргән мөмкинлекләрен гамәлгә ашыра алмады, үзләренә дә, гаиләләренә дә лаеклы яшәеш тәмин итә алмады. Үзләре яшендәге кызлардан, мобилизациядән калган яшәтәшләреннән калышып (үз гаепләре белән түгел), артык уңышларга да ирешмәделәр, калган тормышлары дәверенә рухи үсешләре туктап калуга дучар ителделәр.

Сугыштан соң узган 75 ел биеклегеннән караганда, ирексездән шундый нәтижәгә киләсең: бу югалтулар һәм мәхрүмлеләр беркайчан да, беркем тарафыннан да тиешенчә бәяләнмәде һәм югарыда язылган хәлләрне исәпкә алып, компенсацияләнмәде.

Бәхетсез, югалган буын...

Ватанны саклау бездә иң элек сугышлар белән тәңгәлләшә. Шуңа да юбилей көннәрендә фронтовиклар турында, гадәттә, атаклар һәм жиңүләр белән бәйләп рәвештә, сирәк кенә – жиңелүләр һәм югалтулар белән бәйләп. Искә алалар. Тик бу очракта ничектер сугышның бары дүрт елга сузылуын онытып жиңбәрәләр. Ә аннан соңгы 40-55 елда фронтовик (сүз профессиональ

хәрбиләр турында бармый, әлбәттә) чын мәгънәсендә илнең икътисади һәм хәрби куәтен булдыру өчен үз-үзен аямый эшли.

Искә төшерәм: беренче 13 яшь төркеменә кергән фронтовиклар цехларга һәм кырларга жиңү елының жәендә кайттылар. Калганнар – 1950 ел ахырына. Һәм 80-чы еллар уртасы – 90 еллар башына кадәр хезмәт куйдылар. Икътисади актив халык һәм дә хакимиятне кулда тотучылар бүген шуны онытып жиңбәрә: илнең алар файдалана, алар идәрә итә торган милли байлыгы абсолют күпчелек очракта фронтовиклар һәм сугыштан соңгы хезмәтчәннәр буыны тарафыннан булдырылды.

Статистикага караганда, илнең төп житештерү фондлары сугыштан соңгы кырык ел эчендә 18,2 тапкыр арткан. Ә инде 1950 елдан 1990 елга кадәр санаганда – 15,8 тапкыр.

Державаның көнбатыш илләрен тешләрен кысып Россия белән хисаплашырга мәжбүр иткән ракета-атомтөш куәте дә шушы буын хезмәте белән ирешелгән.

Бүген тышкы валюта керемнәренә иң зур өлешен бирүче нефть чыгару һәм газ чыгару комплекслары да алар тарафыннан төзелгән.

Бу – Ватанны кораллы басып алудан яклап калып, күрелмәгән югалтулар бәрабәренә үзен һәм килчәк буыннарны аның намусына һәм территорияль бөтенлегенә тыкшындан саклауга ирешкән буынның икенче бөек батырлыгы.

Вакыт туктап тормый. Тормыш мәйданыннан каһарман, данлыклы һәм фаҗигале югалган буын китеп бара. Аның Ватан язмышына керткән өлешенә лаек хөрмәтне ул әле янәшәдә чакта, әле исән булган чакта күрсәтеп калыгыз...

Яратырга кирәк исәннәренә дә!

* * *

Үсмер чак, кагыйдә буларак, кеше тормышының риясыз һәм бәхетле бер өлеше. Минем бу өлешемә гөлчәкчәкләр сибелмәгән иде.

Яшьлек, үсмер чак кебек үк, уку-өйрәнүләр, дөваланулар, газәпланулар һәм югалтулар белән узды.

Мин озак яшәдем. Күп хәлләр баштан кичте. Күпне күрдем.

Күңелдән үткәрим дип узганнарда борылып карасам – өзлексез көрәш: исән калу өчен, белем алу өчен, хаклык өчен, тормышта үзеңә лаеклы урын табу өчен. Бер яхшы нәрсә дә юк кебек. Ләкин иң якты хатирәләр булып нәкъ менә авыр хәлләр, үсмер чакта, яшьлектә кичергән еллар калка. Көтелмәгән нәтижәме? Һич тә түгел. Закончалык. Чөнки тормыш – ул көрәш.

Мин түгел, Амадей Иоганн Вольфганг Гете айткән. Аны бераз үзгәртеп, сезгә житкерәм:

*Прожив на свете девяносто лет,
Постиг вершину мудростей земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой.*

Мөстәкыйль тормыш башлаучыга уйланыр урын житәрлек бу юлларда.

Өстәмә бүлекләр

1943 елның ноябрәндә Киев шәһәре немец-фашист илбасарларыннан азат ителде. Украина башкаласын азат итүнең ярты гасырлык юбилеена бары ике атна калганда, әлеге сугышчан операциядә турыдан-туры катнашкан, ул вакытта генерал-полковник П.С.Рыбалконың 3-нче гвардия танк армиясенең зенит батареясы командиры, гвардия өлкән лейтенанты, бераз соңрак отставкадагы подполковник Сергей Иванович Хохловның гомере өзелә.

Түбәндә бәян ителәчәк хикәят нәкъ менә аның истәлекләренә нигезләнә.

Лютежск плацдармында чын-чынлап һәр карыш жир өчен көндөз дә, төнлә дә алышлар тынмады.

Еллар узды. Ә хәтердә атыш һәм атаклар түгел, ул вакытта ничектер бөтенләй әһәмиятсез булып тоелган вакыйгалар яңара. Менә аларның берсе.

Һөжүм вакытына хас булганча, безнең тыл артта калды. Тээмин итү бик начар.

Тышта елның иң юмарт вакыты – көз булуга карамастан без ачлы-туклы яшибез дияргә була.

Саперлар Днепр аша күпер салып кына куя, «юнкерс»лар ялт итеп килә дә чыга. Бомбага тоталар. Безгә тагын ашарга берни китерүче юк. Алган плацдармдагы бәрәңге басуларын сугышчылар бер генә тапкыр актарып чыкмады инде. Безгә чөгәндер ашы биргән буряк күптән кырылып беткән. Кем кайда нәрсә таба, шуның белән тукланабыз.

Ашарга ризык житмәгән кырыс шартларда полкның өлкән повары старшина Злобин көтелмәгәндә безгә искичек көндөзгә аш әзерләде.

Беренчегә итле шулпалы борщ, икенчегә шрапнель, ягъни арпа ярмасыннан пешерелгән ботка, сыер ите белән. Барысы да күзгә күренеп жанландылар, күңелләре күтәрелде, старшина Злобинга бик күп мактау сүзләре яуды. Ә старшина Сероштан хәтта аның кулын кысты, жылкәсеннән какты һәм дөртләнәп:

– Так держать, гвардии старшина! – диде.

Тик Злобин белә иде: алга таба да мондый мул ризык булачагы бик шикле.

... Лукава авылы тирәсендәге понтон кичүләрен саклый торган зенит батареясы карамагындагы жирдә бик үк яшь булмаган украин кешесе күренә. Аны тотып алганнар да батарея командиры хозурына китергәннәр.

– Кем буласың? – дип усал итеп сорады аңардан гвардия өлкән лейтенанты Гвишиани. Ул безгә билгеле булмаган грузин йолалары буенча яшенә-картына карамый һәм мәсенә «син» дип дөшә иде.

– Я, син монда нишлисең безнең баевой пазицияләрдә?

– Сыерымны эзлим, товарыш командир. Әнә, ул минем әнә теге чокыр буенда гына йөри иде. Авылда калдырырга ярамый – фашистлар суеп ашарлар дип курыктым. Оныкларым сөтсез калыр дип.

Бөтен батарея кебек үк шул ук казаннан туенучы өлкән лейтенантның хәзер күңеленә корт керде.

– Бездән нәрсә кирәк соң, батонэ? – диде ул, ярсуын тыеп. – Үзең күрәсең бит: биредә баевой пазицияләр. Монда чужый элементларга йөрергә ярамый.

– Мин нинди чужый булыым инде? – диде карт, үртәлеп. Минем ике улым Чэrvоний армиядә. Бу хакта бөтен Лукава белә. Пазицияләрдә миңа Чуаркайны эзләргә рөхсәт итсәгез иде. Может, сезнең солдатларыгыз алгандыр, сөт эчәргәме шунда. Чит кешеләр йөрмөгәч, сезнекеләрдән башка аны берәү дә алып китмәгән инде.

Хәл батарея өчен бик үк хәвәфсез булмаган яктан ачыклана башлады. Өлкән лейтенант үз сугышчыларының әлеге жәнжаллы вакыйгага катнашы булу мөмкинлеген (сыер ите белән шрапнель каян килгән?) кире какмый.

Тик аларны рәнжетергә юл куярга да җыенмый.

Бераз уйлаганнан соң, Гвишиани мәсьәләне болай хәл итте: карасын, батарея карамагында сыер булмаганга үзе күреп ышансын.

Батарея пазицияләрендә сыер чынлап та юк иде. Ләкин кырыйдагы кыр кухнясын күреп, карт шунда таба китте. Жирдә мөгезләр һәм тояклар ята иде.

– Минем сыерныкылар бит! – дип ыңгырашты карт.

– Ә-ә, батонэ, – дип каршы төште батарея командиры, – мөгез һәм тояклар һәр сыерда була. Без – регуляр Кызыл Армия. Батареяга ике көн саен бер сыер җибәрелә, – дип оялмыйча да ялганлады өлкән лейтенант. – Тиресе юк бит. Синең сыер икәннен каян беләсең? Ә ул синең сыерың нинди төстә?

– Чуар.

– Чуар икәнлеге аңлашыла. Карамы яки жирән чуармы?

– Әгәр хайванны минем егетләр суйган булса, – дип үзалдына уйлый Гвишиани, – дәлилләргә ышанычлырак урынга яшерергә акыллары җитәргә тиеш ләбаса. Юкса – жәнжал!

Эмма карт гади карт кына булып чыкмый. Тирэ-якта йөри торгач, ул тире күмелгән урынны таба, яңа казылган йомшак жирне куллары белән жиңел генә актарып, сай чокырдан үзе айткән төстөгә сыер тиресен тартып чыгара.

– Шул үзе! Минем Чуаркаем! Хәзер оныкларымны ни белән сөендерермен инде мин? – дип такмаклай карт.

«Ачыгавызлар!» Өлкән лейтенантның күзләре усалланды. Яңакларында төрләр йөри башлады. Кызу һәм котырынкы иде ул мондый минутларда...

– Старшина! Батареяны тезегез!

Ачыклау озака сузылмады. Шул билгеле булды: ия-сез сыерны чокыр тирәсендәгә яшерен урында старшина Злобин табып ала һәм суярга күрсәтмә бирә.

– Старшина Злобин, стройдан чык! – дип боера батарея командиры. Тегесе алга таба өч адым ясый, әйләнеп, стройга карап баса.

– Карагыз эле бу геройга, – дип башлай сүзен ачулы Гвишиани. – Бу сыер фашист ирексезлэгән жирдә кызылармияче балаларын туендыра иде. Үзөбезнекеләр килде, ул тартып чыгарды – старшина ягына ымлау – һәм казанга! Нәрсә булып чыга инде бу? Фашистлар килә – талый. Үзөбезнекеләр килә – шулай ук талыймы? Ә? Без азат итәргә дип килдек, ә кызылармияче гаиләсен рәнжәтергә түгел. Ул безне хур итте – тагын Злобин ягына ымлай – тыныч халык каршында!

Старшина Сероштан, погоннарын йолкыгыз аның!

Анысы төгәл адымнар белән гаепле янына килде, «Ачуланма, дус, хезмәт!» дигән сыман Злобинның күзенә карады. Погоннары йолкымады, ә ычкындырды, тиешле кешесенә тапшырды да стройга кайтты.

«Менә сиңа «так держать!» Чокырга утыртып куяр, бүтәнчә булмас», – дип сагышланып уйлады Злобин.

Эмма эш кискенрәк төс алды.

– Сал каешыңны! – дип боерды батарея командиры. – Кызыл Армиянең дәрәжәсен төшергән өчен, тыныч халыкны талаган өчен Злобин ату хөкеменә лаек. Старшина Сероштан! Ике автоматчыны!

Злобин бөтен жаны белән үз гаебен тойды. Тик аның күләме өлкән лейтенант айткәнчә үк зур түгел бит инде. Сыерның иясе юк. Аның кызылармияче гаиләсенекә икәнлеген каян белсен инде ул?

– Итекләреңне дә сал! – дип тагын да кызыбрак кычкырды Гвишиани. – Батареяда болай да итекләр житми!

Злобин Жир-анакайга утырды да, беркемгә дә карамыйча, күндәм генә итекләрен тартырга кереште...

Шул вакыт батарея командиры исәп тоткан хәл килеп чыкты да инде. Бәхетсез сыерның хужасы, соңгы минутка кадәр әлеге күренешне хуплап күзәтеп торган карт, Гвишиани соңгы сүзләрен айткәндә тезләренә егылды

һәм, тузанлы итекләреннән тотып, аңа ялвара башлады:

– Алай итмә, улыкаем! Әрәм итмә егетне! Әйдә, ярар, шыр сөяк иде инде ул, шайтанга олаксын! Хөкемеңне юкка чыгар, иптәш командир!

Гвишиани бик озака сузылган авыр паузадан соң сыер хужасын терсәкләреннән тотып торгызды.

– Сиңәчә булсын, агай! Бу юлга кичерәбез. Эмма шундыерак жәза бирәбез.

Һәм стройга таба борылып, шундый карарны белдерде:

– Ун тәүлек арест! Үзәң бер ярымга бер ярымлык чокыр казыйсың һәм шунда кереп утырасың. Кушканны кабатла! Батарея, вольно! Таралыгыз!

Авыр кичерешләрдән хәлсезләнеп калган картны терсәгеннән алып, акыллы дипломат Гвишиани аңа төшендерде:

– Бүтән беркая да зарланырга кирәкми, батонэ. Сугыш законнары аяусыз. Мин сине тыңладым, кичердем, ә кемдер кичермәскә дә мөмкин. – Ә күргән зыяның бунча – без болай итәрбез: сиңа имзаланган һәм мөһер сугылган кәгазь язып бирербез. Ә минем егетләреңне гафу ит – сугыш.

Зыян күрүчегә чыннан да часть командиры кул куйган мөһер белән расланган белешмә кәгазе бирделәр. Анда аның сыеры Кызыл Армия ихтыяжларына реквизицияләнүе хакында әйтелгән иде. Совет хакимияте югалтуны кайтарып бирергә йөкләмә ала.

Зенитчылар корбан сыер хужасы белән тыныч кына аерылыштылар. Озакламый Рыбалконың бөтен армиясе ск Лютежскидән Букрин плацдармына күчеп китте, әлеге очрак озака онытылды.

Тик бу тарихның көтелмәгән дәвамы да булды.

Киевны азат итүнең кырык еллыгына 3-нче гвардия танк армиясе ветераннарын тантаналарга чакырдылар. Ветераннарны ачык йөз һәм ипи-тоз белән каршы алдылар, сугыш булган урыннар буйлап йөрттеләр, әлеге зенит батареясының элеккеге позицияләренә дә алып бардылар. Лукава крестьяннары анда кунаклар өчен табын корды. Сугыштан исән кайткан Гвишиани, жирле журналист катнашында, булып узган, хәзер инде кызыклы эпизод булып кына тоелган әлеге вакыйганың төзәтелгән сәнгатьчә вариантын сөйләргә тотынды.

Шулчак өстәл артыннан борынгылыктан искереп беткән сукуйрак карт күтәрелде һәм әйтеп салды:

– Ул бит, грамолянэ, минем белән булды! Минем сыерым белән!

Нәрсә башланды?! Көлеш, үртәү, күңелле шау-шу. Кемдер күңелләре күтәрелеп киткән кунакларны тыярга тырышты, ә табында рәислек итүче хужа картка мәрәжәгать итте:

– Карале, бабакай, кунаклар арасында моны эшлөүче үзе юкмы соң?

Берәрсен танымыйсыңмы?

Карт яшьле күзләрен сөртте, йөзләренә игътибар белән текәлеп, кунакларны карап чыкты.

Гвишиани каршында тукталды да, Гогольнең Вийы кебек аңа бармагы белән төртеп күрсәтеп, шатланып кычкырып жибәрде:

– О, це ж вин, гад!

Яңадан көлеш, «Прокурорга тарт аны, бабай!»

Гвишианига уңайсыз булып китте – әлеге вакыйга өчен түгел, ә аны сөйлөгәндә уенчак-көлке өчен.

Ләкин алга таба хәл бөтенләй көтелмәгәнчә булды: карт Гвишианига башын иде, аны чигәсеннән үпте һәм тантаналы төстә:

– Спасибо тоби, сынку! – дип белдерде.

– Ни өчен рәхмәт, батонэ?

– Син миңа язып биргән теге кәгазь өчен. Аның белән миңа бик яхшы сыер бирделәр. Корбан ителгән Чуаркайдан күпкә сөтләрәкне.

– Аны сиңа кем бирде соң, батонэ?

– Кырык алтыда рус солдатлары безнең аша Венгриядәнме, әллә Германиядәнүкме, сыер көтүләрә кудылар. Мин алар янына шул кәгазь белән бардым. Көтү куучыларның башлыгы урынындагы сержант миңа:

– Кайсын телесең – шунысын сайлап ал! – диде. Мин сайлап алдым...

Фронт янындагы корбан Чуаркай кыйссасы менә шулай уңышлы төгәлләнде.

Аекның уенда нәрсә...

«Татнефть»нең 60 еллыгы алдыннан TV дә реклама һәр көнне булчак юбилей хакында тукуп торды. Шунисы ачык: түгәрәк яисә хәтта ярымтүгәрәк булмаса да, тантананы бик зурлап уздыру күздә тотыла иде. Ни өчен соң аны шулай билгеләп үтәргә булганнар?

Сәбәбе гади: совет индустриясенә әлеге гигантын оештыруда катнашучыларның бик азы гына 75 еллыкка кадәр яшәр. Ә алар, илгә 3 миллиард тонна кара алтын бирүчеләр, андый тантанага лаек.

Соңгы көнгә кадәр көттем һәм юрадым: чакырыллармы – чакырмаслармы? Әлмәттә шулай да иң соңгы кеше түгел идем: алты ел диярлек партия-хөкүмәт газетасы вәкиле, образлы итеп әйткәндә, патша күзләре булдым.

Чакырмадылар...

Уйладым-уйладым да, болай итәргә булдым: чакырмаулары да гажәп түгел. Яхшы белгән һәм аралашкан кешеләрем тиражга чыкты. Кайсыберәүләр инде юк,

кем әйтмешли, тегеләре ерактарак... Ә бүгенгеләр белән Әлмәттә булгаласам да, аралашмыйм. Кем хәтерләсен дә кем чакырсын?

Кинәт башка суктым – ә реклама? Бу чакыру түгелмени?

Редакциягә йөгердем, үтенеп, командировка алдым, соңгы автобуска утырырга өлгердем. Барып житкәндә караңгы төшә иде инде, горисполкомга барып кердем. Дөрәс, хезмәткәрләр юк иде, аның каравы берничә дежурный бар.

Кем булуымны әйттем.

Ачык йөз белән каршыладылар. Минем шикелле килгән кунаклар урнашкан пионер лагерынан дежур машина чакырттылар. Машина шәһәргә килеп житкән арада хәтта кайнар кичке аш белән сыйладылар. Ә пионер лагерында бюрократик тоткарлыксыз гына кунарга урнаштырдылар.

Таныйм нефтьчеләрне!

Аларны житезлекләре, тормышчан мәсьәләләрне хәл итүдә төгәллекләре, жыйнаклык һәм риясызлыклары өчен яратам һәм хөрмәт итәм. Хәзергеләрнең дә әлеге сыйфатларга ия булуына чын күңелдән сөенәм.

Хикәятем бөтенләй алар хакында булмаса да, нефтьчеләрнең бүгенге гамәлләре турында берничә сүз әйтми кала алмыйм.

Минем балаларым Казанда туып үсте. Шуңа күрә башкала тирәсендәге күп кенә пионер лагерлары миңа таныш. Хәтердә унар балага исәпләнгән юынгыч-таслы, уңайлыклары урманда булган агач бараклар саклана.

Ә биредә – бүлмәләре 2–4 кешелек, заманча сантехника һәм электрика белән жиһазландырылган зур коттеджлар. Яхшылап уйлап планлаштырылган территория, асфальтланган һәм ялтырап торган юл-сукмаклар һәм тротуарлар. Сезонлы пионер лагеры гына түгел, елның теләсә кайсы вакытында яшәрлек курорт комплексы!

Шулай да, уйланылган темага кайтык әле.

Кичке ашка чакырдылар – бәйрәмгә, тантанага. Әмма...

Президентның килүен яктырта торган алдан ук тикшерелгән журналистлар корпусына мине кабул итмәделәр. Озын өстәл артында утыручылар арасында үзбездә егетләр дә аз түгел иде, тик беркем дә үз яныннан урын күрсәтеп, күчеп утырмады. Ымлап, Кремль жаваплы итеп билгеләгән хатынга күрсәтеләр. Аның янына килдем, кемлегемне әйттем; үз кеше булуымны, өлкә партия газетасының үз хәбәрчесе булып эшләгәнемне исбатладым, ышаныгыз, президентны («сезнең» дип чак әйтми калдым) тешләмәм, дидем.

Файдасыз.

– Кабул итә алмыйм. Хакым юк, – дип тәкларлады башлык хатын.

Үзенеке дип кабул итү мине президент шәхесе хозурына уздыруны аңлата иде, ул шуннан курыкты да.

– Сайлап алынган кешеләрнең миндә исемлеге бар. Алар арасында сез юк! Һәм ул рәхсәт итмәс.

Башлык хатын эчкә уздырып торучы секьюрити ягына ым какты.

Янадан «һөжүмгә киттем». Документлар, үткән тормышым, сакал үз эшен эшләде кебек тоелды.

Тик ханым каты торды. Гади сакчының рәхсәте аңа берни түгел. Ахыр чиктә барысы өчен дә ул жавап тотал!

Кимсетелгән һәм ачуым килгән көйгә шулай ук президент төркеменнән булмаган язу эшендәге халык янына күрше өстәл артына лап итеп килеп утырдым. Күңелем төшүдән шактый күләмле бокалны күтәреп куйдым.

Спиртлы эчемлек үзенеке итте. Миндә үпкә кайнады.

... Я, затсыз түгелме әлеге хатын? Ул да, аның күл астындагы язучы төркеме дә Әлмәт турында, аның кешеләре турында нәрсә беләләр соң?

«Татнефть» дип аталган империя минем күз алдында оешты. Аның хәзерге икътисади куәтен булдырган кешеләр каһарманлыгының нурлы каймасы минем турыдан-туры катнашымда язылды, минем тарафтан данланды!

Ә менә хәзер, әлеге тантаналы юбилейда, буровойны скважинадан аера белмәүчеләрне миннән артыграк күргәннәр. Алар өчен биредә мөмкинчәләр тудырган батырлар дәүләт бүләкләре тагылган бетерешкән гәүдәләрдән артык түгел – хәтта Геройның Алтын Йолдызын таккан булса да!

Аяныч. Үкенечле. Искитмәле!

Тагын бер рюмканы жибәрдем. Кабымлык каптым. Аралашу ихтыяжы туды. Янәшә утырган егетне беренче күрүем иде, һәм ул мине кызыксындырмады. Менә күрше «купе»дан (залның кеше биеклегендәге бүлгә белән аерылган бер өлешен шартлы рәвештә шулай атыйм) ул елларда язу эшендәге халыкның бөтен рангтагыларының кумиры, легендар шәхес Валерий Игревский чыкты. 30 яшендә Союздагы иң зур бораулау тресты управляющие, соңрак – СССР Геология министрлыгында министр урынбасары. Йөзгә-йөз очраштык.

Менә кем белән әңгәмә корырга иде!

– Таныйсызмы? (Мин инде сакал йөртә идем.)?

– Инде! Хәзергә хәтеремә зарланмыйм әле!

Салмыш күзләр белән кочаклашып күрештек, эшнәләрчә бер-беребезне каккаладык, аек килеш алай эшләмәгән булыр идек бәлки.

Валерий Иванович уларын мактады. Мәскәүдәге хәзерге тормышы яңалыклары белән уртаклашты. Һәм ашыгып, кичектергесез йомышлары буенча каядыр китеп тә барды...

Өстәл артындагы элекке урыныма кайтасым килмәде. Аралашу кытлыгы мине безнең өстәлнең икенче башында тын һәм тыйнак кына утыручы кара америкалыга тартты.

Менә хәзер мин үз максатыма якында гына. Ә бөтен әйтелгәннәр бары әкиятнең башы, әкиятә алда.

... Кыюлык һәм өченче рюмкадан соң гына килә торган турылык белән диңгез арьягы кунагы янына барып утырдым һәм шулай дип белдердем:

– Исәнме, союзничек! Ә мин Икенче бөтендөнья сугышында сезнең бронетранспортерда сугыштым! Безнең халыклар дуслыгы өчен күтәрик!

Читкә какмады.

Аңа 40–45 яшьләр булгандыр, әлеге сугыш хакында ул бәлки берни дә белмәгәндер. Белсә дә, Төньяк Америка массакуләм мәгълүмат чаралары аркылы белгәндер. Шулай да бу Россиячә киң, ят күңел ачуларда кайчандыр аның бөек иле белән ниндидер уртак нәрсәсе булган кеше табылу һәм биредә барган вакыйгаларга бернинди катнашы булмаган сәбәп белән аңа игътибар итүләре аның күңелен күтәреп жибәрде.

Тостны хуплады. Тик аның эчмичә иреннәрен генә тидереп куюын мин күздән югалтмадым. Миңа бу ошамады.

– Дуслык өчен бездә алай эчмиләр! – дидем мин.

– Эчмәячәк ул, – дип, кунакны яклады сөйкемле генә тәржемәче кыз. – Ул биредә эш белән!

– Мин аларның егетләрен ягымлы һәм аралашучан кешеләр буларак белә идем, – дип дәвам иттем мин. – Бервакыт Венадагы бер кафедра яхшы гына утырдык. Аннары Австрия юллары буйлап хәтта узыш та оештырдык әле: мин – бронетранспортерда, ә алар – «студебеккер»да. Ә бу хәтта өстәл артында да сөйләшәргә теләми. Вакланды хәзер америкалылар! Әйтелгәнне төгәл житкерегез!

Тәржемәчене тыңлаганнан соң кунак «һм-һм» дип куйды да башлаган рюмкасын эчеп бетерде.

Тик минем сүземне әйтеп бетерәсе килү теләге басылмаган иде әле.

– Аерым-аерым сез – шәп егетләр. Тик ни өчен сезнең хөкүмәтегез шулкадәр пычрак? Ни өчен шундый хәйләле..., уйлап чыгарылган, мәкерле сәясәт алып бара? – дип төгәлләдем мин, тәржемәченең гаепле карашын искәрәп.

Тәржемәне башыннан үткәреп, ул гажәпләнеп кашларын күтәрде.

– Ийес, ийес! – дип жөпләдем мин тәржемә ителгәнне, үземнең инглизчәмнең ярты запасын файдаланып. – Әле 17 яшьлек үсмер чагымда ук мин

сезнең житәкчеләрегезнең икейөзлелеген аңладым. Союзниклар буларак биргән техникалары өчен рәхмәт! Ләкин мин сугышкан шундый ук бәтээрларны сезнең эшмәкәрләрегез немецларга да сатты. Сугышта аларны үз күзләрем белән күрдем. Яхшы союзниклар, анагызыны...

Сүгенәсе килде, тик вакытында тыелып калдым – хатын-кыз аша аралашабыз бит.

Әңгәмәдәшнең йөзөнә чын-чынлап таң калу, хәтта ниндидер аптырау билгеләре чыкты, тик ул бер сүз дә әйтмәде. Ә мин, үз хатирәләремнән ярысып китеп, аңа, аның иленә карата ярты гасырлык үпкәләремне белдерүемне дәвам иттем.

– Икенче фронт белән нәрсә кыландыгыз? Нигә аны өч ел буе суздыгыз?

Көттегезме: кем — кемне? Тагын хәйләле сәясәт! Ә сугышның чишелеше инде билгеле булгач, дошманны сезнең, пардон, күкәй порошогыннан башка да порошок хәленә китерәчәгебез ачыклангач, ниһаять, карарга килделәр, союзники хреновы... Ә бүген, дөньядагы мәгълүмати зарарлы йогынтыдан, буыннар алмашудан файдаланып, яшьләренң аңын бозасыз, Нормандиягә төшү сугышның чишелешен хәл итте дип, бөтен планетага кычкырасыз. Шунысы кызганыч, яшь буын әлеге Раштуа әкиятенә ышана... Фәкать немецлар һәм без, совет кешеләре генә сезнең, америкалыларның, нинди сугышчы икән беләбез... Хәзерге буын моны белми. Менә сез, мәсәлән, Нормандиягә ничек сугышуы хакында нәрсә беләсез?

– Алар Европаны фашистлардан азат ителәр. Хәер, мин тарихчы түгел...

– Менә, менә. Ә чынлыкта болай булды. 1-нче Украина фронты гаскәрләре һөжүме нәтижәсендә немецлар сайланган дивизияләрен Нормандиядән көнчыгышка таба күчermәгән булсалар, сезнең янки һәм томмиларыгыз төшәр иде материкка!. Әлеге һөжүмдә мин дә катнаштым. Без үзезнең союзниклык бурычыбызны намус белән үтәдек – кайберәүләр кебек түгел... Ә Европаны азат итүгә килгәндә, дөшмәсәгез яхшырак булыр иде!

– Әмма сез безнең гаскәрләренң көче һәм жинүгә керткән өлеше хакында югары фикердә түгел, – дип беренче тапкыр каршы төште миңа әңгәмәдәшем. – Шуңа карамастан АКШ Кораллы көчләре һәммәсе тарафыннан дөньяда иң көчлесе дип таныла.

– Русларда шундый әйтем бар: «Молодец против овец. А против молодца – сам овца». – Мин тәржемәчегә карадым – тәржемә итәрлекме? – Ул башын селкеде. – Карашымны аңа күчердем. – Бу сезнекеләр турында әйтелгән.

– Сезнең белән килешмәскә рәхсәт итегез...

– Кызганыч! Бүген Совет армиясе юк. Хәзер сезнекеләр – иң көчлеләр.

Тик 44 ел десантына кире кайтыйк. Вакыт-вакыт, әйе, алар бик уңышлы, тәүлеккә 25–30 километрлап, хәрәкәт ителәр. Тик батыр сугышкан өчен түгел, ә фронт ачык булганга күрә.

Немецларның россиялеләр алдында гаебе бик зур иде, шунлыктан Көнчыгыш фронтны аларга соңгы чиккәчә тотарга кирәк иде.

Менә русларның һөжүм көче кимеде, алар хәлжыярга туктадылар. Шул чакта немецлар сезнең батырларга йөз белән борылдылар да чын сугышның ни икән күрсәттеләр! һәм бу – искәрегез – совет гаскәрләренә каршы күп айларга сузылган авыр сугышлардан соң. Ягъни берәз таушалган көчләр белән. Тик шундый хәлдә дә алар сезнең Европаны азат итүчеләрегезгә икенче Дюнкеркны күрсәтә яздылар. Сөз Дюнкеркның нәрсә икән беләсезме?

– Бельгиянең төньягындагы шәһәр.

– Дюнкерк – инглиз-француз союзниклар гаскәрләренң хурлыгы.

Кырыгынчы елда, немецлар кыса башлагач, союзниклар, бөтен техника һәм кирәк-яраklarын ташлап калдырып, Ла-Манш аша утрауларга кичеп чыгарга ашыктылар.

Менә шулай: 44 нең декабрдә сезнең «Европаны азат итүчеләрегезгә» икенче Дюнкерк янады. һәм Черчилль мыеклы Джодан елап сорады: «ярдәм итегез!» һәм без – мин күкрәгемә бармак белән төрттем, алар өчен коткару һөжүмдә дә катнашуымны ассызыклап, – кабатлым – союзниклык бурычына тугрылык саклап, тагын ярдәмгә килдек: 12 гыйнварда, билгеләнгәннән ун тәүлек элегрәк, зур масштаблы һөжүм жәелдереп жибәрдек. Немецларны сезнең азат итүчеләрегезнең ыштаннарыннан тартып алдык.

– Беренче тапкыр ишетәм, –дип мыгырданды кунак. – Кызыклы тарих.

Әгәр ... табын әкиятчеге булмаса.

– Бездә Сталинның Черчилль һәм сезнең Рузвельт белән Икенче бөтендөнья сугышы елларында язышкан хатлары буенча ике томлык басылып чыкты. Укыгыз! – дип киңәш бирдем мин әңгәмәдәшемнең репликасына үртәлеп. – Анда бары документлар гына. Уйдырмалардан һәм аңлатмалардан башка гына...

Документаль чыганакка таянуым аны аптырашта калдырды. Уйланып калды. АКШның дөньядагы буй житмәс көч-күәте хакындагы ун еллар буе тукуылып, катып калган фикер ярылып китәргә эзер иде. Миңа башланып киткән процеска ярдәм итәргә кирәк иде.

– Тагын әкиятчек тыңларга телисезме? – дидем мин.
– Кызыксыз түгел.

– Бар игътибарым сездә.

– Мин союзниклык бурычына тугры булып калуыбызга ике мисал китердем.

Өченчесе – Япония. Германияне тар-мар итеп 3 ай узгач, сугышка керергә вәгъдә биргән идек – августта башладык та. Ә сез Икенче фронт ачкандагы кебек өч елдан соң түгел... Ләкин Совет армиясе ярдәменә мохтажлык бетү белән сез, союзниклар, шунда ук килешүләрне боза, елгырлана, хәйләкәрләнә һәм һәр адымда хыянәт итә башладыгыз. Безнең ризалыктан башка гына Бизонияне, аннан Тризонияне, ягъни Көнбатыш Германияне төзедегез. Оккупациянең Британия зонасында коралсызландырылмаган берничә немец дивизиясе тоттыгыз. Көнбатыш Германиядән репарация алуға каршылык күрсәттегез. «ФАУ» конструкторларын, башка белгечләрне безнең спецслужбалардан яшердегез, АКШка алып чыктыгыз. Кайчак хәтта сезгә «кирәкле» хәрби жинаятьчеләрне дә. Берлинда безнең офицерларны урлап киттегез, башка бик күп провокацияләр ясадыгыз. Кыскасы – хыянәтчеләргә әйләндегез; сезнең белән дуслашырга – ю-юк, яра-мый-й... икәнлекне күрсәттегез.

– Ә президент Путин башкача уйлый, – дип куйды, ниһаять, озак дәшми

торган кунак.

– Безнең бүгенге президент «с богатым не судись, а с сильным не дерись» дигән рус халык әйтемен белә. Ә чынлыкта анын нәрсә уйлаганы миңа да, Сезгә дә билгесез.

– Шулай да Сиз АКШ армиясен иң куәтле армия дип саныйсыз булып чыгамыз?

– Безнең мөнәсәбәтләр тарихыннан мисал китереп җавап бирәм. 47 елда (мин анда 49нчы елның ахырына кадәр хезмәт иттем) Совет оккупацион гаскәрләре командованиесе сугыш чорында узара яхшы ярашып хәрәкәт итәргә өйрәнгән мотопехота, танклар һәм авиация катнашында киң күләмле өйрәнүләр уздырды. Сугышларда чыныккан, жиңелмәс һәм легендар армия көнбатышка таба юнәлдә һәм... «Тризония» демаркация сызыгынан бер километр калгач көнчыгышка үз казармаларына борылды...

Немец матбугаты ул чакта: «батыр томми һәм янкилар, барлык мөлкәтләрен ташлап, минут эчендә үз дислокациясе урыныннан 150 километрга барып чыккан», – дип мәкерсез генә язмады. Менә шулай шул...

Бүген, кызганыч! – дөнъяда ул армия юк – шуңа сезнең батырларыгыз оятсызлана да инде. Ә ул армия булганда, АКШ һәм СССР, аллага шөкер, сугышмадылар, сез безнең мәнфәгатьләр катнашкан бержирдә дә

чиста жиңүгә ирешмәдегез: Кореяда да, Вьетнамда да. Һәм яңа мисал – Якин Көнчыгыш, Гыйрак. Бай тәмин ителгән армиянең куәте гаскәрләренең ныклы рухи көчә һәм каһарманлыгынан башка үзеннән –үзе жиңә алмый.

– Сезне тыңласаң, АКШ армиясендә сугышчан рух һәм сугышчыларның батырлыгы җитми?. Кызыксынып тыңлыйм: Сезнең фикерләрегез нәрсәгә нигезләнә?

– Реаль сугыш эпизодларын реаль күзәтүләремә. Ә сезнең карашыгыз, киресенчә – жиңелмәс Джеймс Бонд турындагы Голливуд фильмнарына. Минем бу исәптән үз теориям: хәлле кеше кыю мөҗизаларга сирәк бара, өстәвенә әгәр ул акыллы да булса. Әгәр гади генә түләп котылу мөмкинлеге булса, нигә дип аңа үзен куркыныч астына куярга? Ул әлләнинди кораллар төзү өчен миллиардлар тотарга мөмкин, аңа кагылмасыннар гына ...

... Дошман объектын юк итү өчен совет очучысы, кагыйдә буларак, цельгә төбәп бомба ташлый. Аның нәрсә икәннән беләсезме?

– Я, нәрсә инде ул?

– Әнә шул батырлык, каһарманлык инде ул. Кыюлык. Хәрби объект, кагыйдә буларак, яхшы саклана. Һәм очучы, пикировать итеп, зениткалар уты аша, юк итәм дип, цельгә ашкына. Еш кына һәлак та була. Утеп чыга алса – алыштан чыга, гимнастеркасы – манма. Көч һәм нервларның шундый киеренкелеге аркасында.

Ә хәзер байларның ничек сугышуы хакында.

45 нең апреле ахырында безнең полк Берлиннан 30 километрлап көньяк-көнбатыштарак Кенигс-Вустерхаузен районында торды. Шәһәр безнең тарафтан уратып-камап алынган һәм бетүгә дучар ителгән. Ләкин безнең өстән зур өер булып – 500 ләп берәмлек! – сезнең «очып баручы крепостьларыгыз» очып узды. Мондый хәлне мин беренче тапкыр күрдем! Менә бу көч! Баштарак мине, малай кешене, соклану хисе биләп алды. Тик...

Зениткалар тота алмас биеклектә картада билгеләнгән квадратка житкәч, алар бомба люкларын ачып, үлем китерә торган йөкләрен аста нәрсә булуы хакында – торақ йортлармы, лазарет һәм балалар приютларымы – уйлап та тормый шәһәр кварталларына ташыйлар. Безнекеләргә алай эшләргә хәрби уставлар да, солдат намусы да, тәрбия дә рөхсәт итми. Бу бит сугыш түгел – үтереш! Сиз моңа нәрсә әйтерсез?

Кунак җавап бирмәде. Ашыкмый гына рюмкасына эчемлек салды.

– Рус ...

– ...совет, – дип төзәттем мин.

– ... совет сугышчыларының кыюлыгы өчен!

Эчеп куйдык. Кунак беренче тапкыр миңа игътибарлы карашын юнәлтте.

Трикотаж теннискадан. Хэтта пиджаксыз, галстуксыз. Эмма сакалы бар. Кыяфәте белән – мужикның да мужигы. Тик ул әңгәмәдәшен башкача бөяли иде, күрәсең. Инде салмыш бәйләнчек итеп түгел, бәлки үзе белән аралашырга лаеклы шәхес итеп карый иде миңа.

Тынып калдык.

Мин кабымлык кабам һәм ризык эшкәртәм, ә ул – миннән алган мәгълүматны.

– Гафу итегез, ә Сез биредә, – ул күзләре белән затлы кунаклар залын әйләнеп чыкты да, ничек тә кулайрак сүзләр эзләп, төртелеп калды, – нинди мандат буенча?

– Америка кунакларының күңелен ачучы мандаты буенча, – дип шаярттым мин.

– Ә житдирәк әйткәндә?

– Мин биредә үз кеше. «Татнефть» өчен бораулау эшләрен һәм хезмәтне

оештыру буенча тәкъдимнамәләр эшләдем. Вахта-экспедиция методы белән Көнбатыш Себердә эшләрчеләр өчен. Ә бу очракта – рәсми рәвештә, журналист буларак.

АКШта журналистика жәнжаллы һәм пычрак эшчәнлеккә санала. Ә тәкъдимнамәләр эшләү исә башка нәрсә...

Уйлап торганнан соң, кунак, мине лаеклы дип табып, күрәсең, үзенең визиткасын сузды. Анда күрсәтелгән фирма исеме дә, ниндидер Нуньес дигән фамилия дә миңа бернәрсә дә аңлатмый иде. Аны тәкәллефсез генә кесәмә салдым да эшемә керештем:

– Шәхсән сез, Нуньес, миңа ошыйсыз. Тик нигә соң әле сез, америкалылар, үзегезнең яшәү рәвешен бөтен дөньяга көчлөп такмакчы буласыз? Югославиядә, я булмаса Иракта нинди идарә итүнең ни рәвешле булуында сезнең ни эшегез бар? Чит эшләргә тыгылырга сездән кем сорады яки кем вәкаләт бирде? Азиянең Көнъяк-Көнчыгышында аз кыйнадылармы сезне? Россиянең йомшак корсагы астында ник кармаланасыз? Кавказда нәрсә югалттыгыз? Ни өчен Россиягә бөтен көчләренә өстерәсез? Бөтен дөньяда хакимлек урнаштырырга жыенасызмы? Тарих андый омтылыш мисалларын белә. Аларның ничек төгәлләнүе дә билгеле. Ә сезгә һаман житми...

Сезнең тыкшынулардан һәркайда бары кан, жиимереклек, бәхетсезлек. Жәза бирелергә тиешле явызлык империясе сез инде ул! Сезнең ерткычларча сәясәтегез өчен америкалыларны сөймим!

Шулкадәр кызып киттем, хәтта тәржемәче дә мине акылга килергә өндәде:

– Сез моны ник аңа әйтәсез? Аның монда ни гаебе бар?

– Белеп торсын! Үз иленә кайтып сөйләсен! Түкми-чәчми һәм йомшартмый гына минем фикеремне житкерегез! Эшләгез инде үз эшегезне!

Кунакның рус телен белүенә шикләнәм – бигрәк тә камил белүенә. Ләкин тәржемәче белән әрепләшүбездән ул аның иленә карата фикеремне аңлады. Ә инде тәржемәче аның башына миннән гаеплүүләр Монбланы өйгәч, болай дип танырга мәжбүр булды:

– Мин, гомумән, испан нәселеннән чыккан америкалы. Һәм Америка гражданы таныклыгын күптән түгел генә кабул иттем...

Мин аның теңкәсенә тидем, йөдәтеп бетердем.

Һәм күңелемә, озак еллар буге ышанычсыз союзникларга карата булган үпкәләреннән бушанган күңелемә, жиңел, рәхәт булып калды...

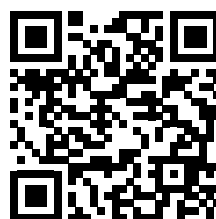
* * *

Бернигә дә карамый, без шактый дустанә аерылыштык.

– Без тагын күрешербез әле, дип өметләнәм, – диде ул хушлашканда.

Ә иртә белән майданда зур тантана башланды. Унарча мең кеше бәйрәм итте – Сабан туена охшаган бәйрәм, әйтергә яраса – скважина туге. Испан тамырлы америкалы, әлбәттә, алар арасында булгандыр. Һәм без, бик теләсәк тә, бу шаулап кайнаган тере казанда бер-беребезне таба алыр идек микән. Күрешү өмете турында ул әдәп саклап кына әйтте булса кирәк. Мин дә моңа әлләни өметләнмәдем. Нәрсәгә? Аек баштан минем аңа әйтер сүзем дә юк иде кебек. Күңелдә дистә еллар буге жыелганнарны исә мин алдагы көнне әйтеп салдым, исерек баштан...

Русская версия книги А. Малова
«Юность моя опаленная»:

ДОБРОЕ СЛОВО О ПАХАРЯХ ВОИНЫ

Глава 2

О необходимости сбора воспоминаний фронтовиков, являющихся ценнейшим источником неприкрашенной правды о войне, составители спохватились, как упоминалось, слишком поздно. Сегодня фронтовикам старшего поколения, принявшим на себя первые удары врага, было бы поди за сто лет. Многие из правды о трагических событиях 41-го, о которых они могли рассказать, увы, ушло с ними в мир иной. Поэтому материалов о них в этой главе почти нет.

А публикуемые ниже собраны и пересказаны журналистами многотиражных газет всего десяток лет назад. В них ведется речь об еще трудившихся на вертолетном, авиационном, моторостроительном заводах, на предприятиях объединения «Татнефть». Следовательно, о фронтовиках среднего звена, о более поздних периодах войны. Как правило, это публикации к праздничным датам; цель их ограниченная: ознакомить коллектив предприятия с ратным прошлым своего сотрудника. И на том спасибо! Без этого плода журналистов многотиражек мы сегодня не имели бы сведений и об этом звене ветеранов.

Зарисовки и очерки, извлеченные со страниц многотиражек и переработанные составителями, публикуются с согласия редакций.

А. Малов

Мастер ночных боевых операций

Л. Иванова

Талов
Александр
Михайлович

Пару слов для справки. За годы войны Казанский вертолетный завод выпустил 11 334 самолета У-2. 9 746 самолетов действовали в составе 16-й дивизии на фронтах Великой Отечественной войны, как правило, в качестве ночных бомбардировщиков. Фронтая ночная бомбардировочная авиация имела на вооружении в основном самолеты У-2, которые поставлял наш завод. Каждый второй вылет на бомбардировку был совершен на наших самолетах.

Вся бомбардировочная авиация ВВС Красной Армии за годы войны совершила 1 270 000 самолето-вылетов, сбросив свыше 500 тысяч тонн бомб. В том числе фронтая ночная бомбардировочная авиация совершила 600 тысяч самолето-вылетов, сбросив 100 тысяч тонн бомб. Вылеты к партизанам, перевозка грузов, вывоз раненых и многие другие задачи решали легкокрылые фанерные самолеты. Более 500 летчиков, штурманов, летавших на У-2, стали Героями Советского Союза, а командир эскадрильи 10-го гвардейского авиаполка В.С. Ефремов «Золотую Звезду» Героя получил дважды.

Наш прославленный летчик Александр Михайлович Талов отлетал всю войну на самолетах У-2. Побывал во многих переделках, но всегда выходил из них благополучно, победителем. Выручал любимый У-2.

Летал в тыл врага к партизанам. Туда вез людей, оружие, а обратно – раненых на Большую землю. Скажем, силен оборонительный участок немцев, а сесть к партизанам надо обязательно. Набирал высоту и летел к передовой. А там – на малый газ и пикировал через линию фронта. Когда немцы приходили в себя, он уже успевал пересечь линию огня. А далее по газам – и на малой высоте на место посадки.

Сначала летать ночью было как-то неприятно. А куда деваться, это же специфика работы ночных бомбардировщиков. Со временем привык и это воспринималось уже как обычная работа. Сколько вывез больных от партизан! Спас жизнь не одному десятку человек. Некоторые благодарят его за это и сегодня.

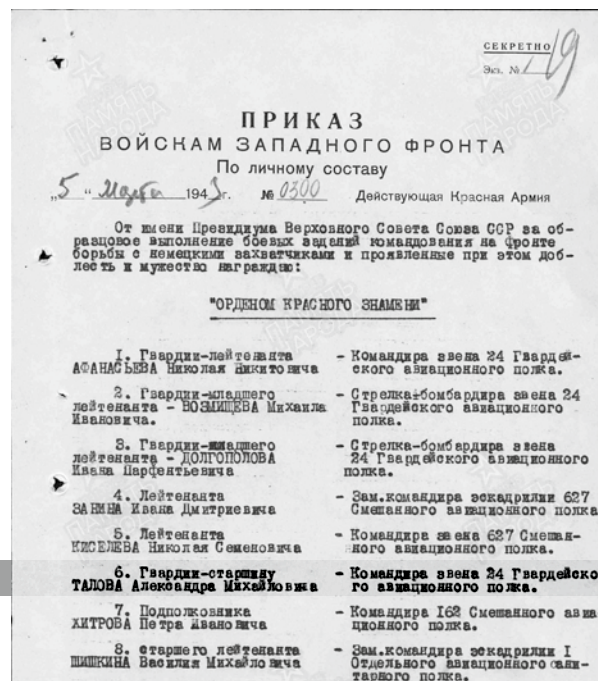
Перед началом битвы на Курской дуге летал на разведку передовой линии противника. Летал в тыл врага, бомбил штабы и огневые точки, перевозил людей и оружие, а обратно вез больных на Большую землю. За результативное участие в битве на Курской дуге Александр Талов в августе 1943 года был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Не стало меньше работы, и когда немцы стали отступать. И в эти дни приходилось работать очень напряженно. За короткую августовскую ночь приходилось успевать совершить по несколько боевых вылетов – бомбить и обстреливать отступающие колонны врага.

Ночные бомбардировщики, как им и полагается, в основном работают по ночам. Не давать немцу спокойно отдыхать, держать врага в постоянном напряжении, изматывать психологически – такова задача «ночников». Эту задачу Александр Михайлович выполнял мастерски.

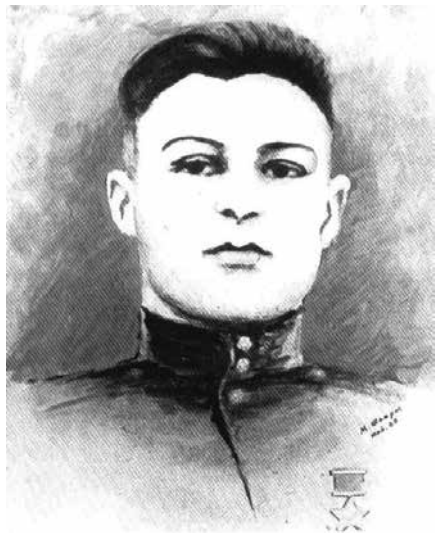
За мужество и героизм, проявленные при выполнении боевых заданий командования, в 1945 году Талов награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

После войны фронтовик уезжал на север, некоторое время трудился там как пилот гражданской авиации. Вернувшись в Казань, устроился на вертолетный завод руководителем полетов. Мастерски справляется со своими служебными обязанностями.

Из рукопашного – живым, но без зубов

В. Климов

**Сажинов
Виктор
Александрович**

В январе 1943 года восемнадцатилетний Виктор Сажинов добровольцем ушел на фронт мстить фашистам за погибшего на войне старшего брата и умершую от тяжелых невзгод военного времени мать. Отец, Александр Григорьевич, уже воевал на фронте.

Боевой путь гвардии рядового Сажинова начался под Курском. Был он разведчиком роты управления 53-й гвардейской танковой бригады 1-го Украинского фронта. Первое боевое крещение паренек принял на подступах к Днепру. Затем он участвовал в освобождении ряда городов: Фастова, Житомира, Львова. Особо отличился Виктор в боях за освобождение Польши.

Через много боев целым и невредимым прошел разведчик танковой бригады рядовой Виктор Сажинов. Подыскивал броды, захватывал и удерживал плацдармы, приводил «языков». Однажды, переправившись через реку, он ворвался во вражескую траншею первым. Как обычно в такие минуты, он ничего не замечал вокруг кроме ненавистных немецких касок и темных от грязи и пота лиц под ними. Прыгнув во вражеское укрытие, увидел прямо перед собой испуганное лицо растерявшегося немца. Ударом приклада разведчик уничтожил фашиста. Но справа и слева к нему устремились еще двое. В рукопашных схватках ему приходилось бывать не раз. Поэтому Сажинов не растерялся. Владея приемами такого боя, он быстро расправился с этими немцами. Но... обернулся и тут же получил удар прикладом в лицо. Не удержавшись на ногах, упал. Сверху на него метнулась огромная черная тень, готовая раздавить своей тяжестью. Сработал инстинкт. Выбросив вперед ноги, Виктор сильным толч-

ком перекинул немца через себя. А в следующее мгновение сам обрушился на врага. Бой подходил к концу, когда на реке загремели взрывы. Это саперы рвали лед, готовили переправу. Танки головного отряда подошли к самому берегу, грозно урчали на холостом ходу. Но вот в небо метнулась красная ракета, и машины ринулись к очищенному ото льда броду. Бурлила и клокотала вода реки Ниды, отгоняя от танков и транспортеров осколки льда. Вскоре головной отряд был на противоположном берегу.

Наступление продолжалось...

Возле окопов, в которых всего полчаса назад укрывались немцы, остановились три бронетранспортера. Из первого навстречу разведчикам вышел командир разведгруппы лейтенант Никонов.

– Молодцы, ребята, здорово поработали, спасибо! – сказал он, обнимая разведчиков. Сержант Колесниченко, вытянувшись перед командиром, четко отрапортовал:

– Товарищ лейтенант, задание выполнено. Уничтожено тридцать фашистов, среди наших раненых и убитых нет! – Взглядом пробежавшись по лицам бойцов, лейтенант нахмурился:

– Как же нет, а где Сажинов?

– Вон идет, – раздался чей-то бодрый голос, – да не один...

От окопов, утопая в сугробе, шел Виктор. Перед ним с поднятыми руками – два немецких солдата. Когда они приблизились, то при свете луны увидели на груди разведчика темные пятна: из разбитого рта текла кровь.

– Какой-то фриц прикладом все передние зубы выбил, – устало прошамкал Сажинов.

Закутавшись в тулупы, уставшие, сонные солдаты балагурили. Под прицел остряков попал и Виктор. Зачинщиком был первый юморист роты, чубатый парень из Ростова Толя Курицын.

– Отлично Витя сегодня постарался, да вот только зубы потерял в самом конце войны. Чем теперь фрицам глотку рвать будешь? – не унимался парень.

– Я когти отращу, – парировал храбрый солдат.

Когда до небольшого польского села осталось около пяти километров, головной отряд остановился. По словам «языков» около него в лесу располагалась крупная немецкая часть. Необходимо было узнать ее назначение. На выполнение этой серьезной операции снова пошел Виктор Сажинов.

Девять долгих напряженных часов ждали в отряде возвращения разведчика. Только к вечеру, с наступлением темноты бойцы увидели две приближающиеся фигуры.

– Никак «языка» ведет, – сказал кто-то.

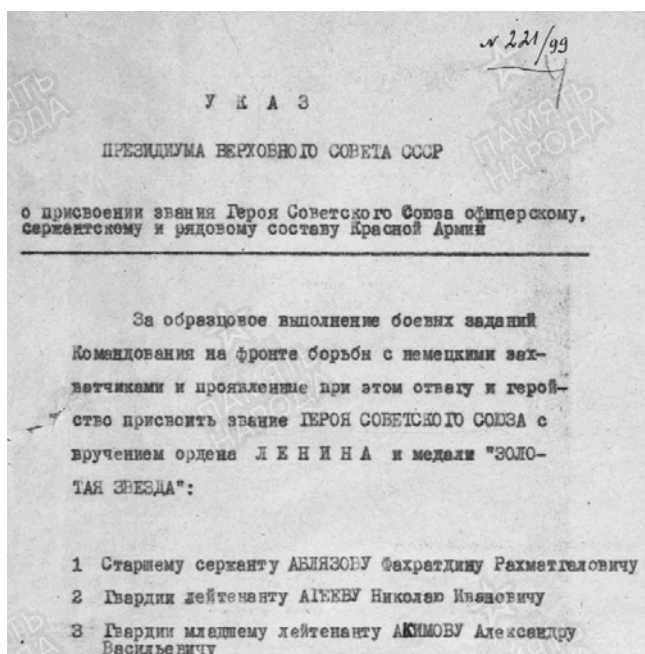
«Языком» оказался лейтенант-эсэсовец. От него уз-

нали, что его часть должна ударом с фланга отрезать головной отряд от основных сил танковой бригады и разбить наступающий батальон. Благодаря этим сведениям удалось перехитрить врага. Много раз Виктор ходил в разведку. 16 января 1945 года он с группой разведчиков принимал участие в трехчасовом уличном бою на окраине города Радом, в ходе которого истребил около 70 гитлеровцев! Вражеские заслоны были разбиты. Вслед за разведчиками в Радом ворвались танки, самоходные орудия, бронетранспортеры. Город был взят. Всего в боях за Родину Виктор уничтожил 383 солдата и офицера противника.

За эти подвиги гвардии рядовой Виктор Сажинов Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года был удостоен звания Героя Советского Союза. Высокую награду, к сожалению, он получить не успел. 23 апреля в боях на подступах к Берлину (город Гейсхенен) Сажинов погиб, спасая жизнь командира. До счастливого дня Победы Сажинов не дожил всего 16 дней.

Казанским следопытам удалось найти место последнего боя Виктора и его могилу. В 1949 году останки героя были перезахоронены на мемориальном кладбище в Трептов-парке в Берлине на аллее Пушкина (место захоронения №1970).

Виктор Сажинов навечно зачислен в списки одного из танковых полков. Его имя увековечено в мемориальном комплексе «Парк Победы» в Казани.

291 Гвардии красноармеец САЖИНОВ Виктору Александровичу

Большой жизнелюб

Л. Иванова

Капелюшник
Михаил
Израилевич

Отец был портным

О своих родителях Михаил Израилевич рассказывает с гордостью и большой любовью.

– Родился в простой рабочей семье, где не было особого достатка, – говорит он. – Отец был портным. А мама работала продавщицей в продуктовом магазине. На личном примере они учили нас, своих детей, трудолюбию, честности, самостоятельности. Именно эти качества в дальнейшем помогли мне многого достичь в жизни...

Война...

Когда началась война, Михаил учился в Витебском медицинском институте. Но планам, увы, сбыться было не суждено. С первых дней войны город стали бомбить немцы. Началась эвакуация. Семья Михаила Израилевича, собрав свои пожитки, тоже отправилась в путь.

– По дороге эшелон, ехавший на восток, несколько раз подвергался бомбежке, – вспоминает ветеран. – Из-за разрушенного железнодорожного полотна поезд остановился. Дальше пришлось идти пешком. От разрыва снарядов и взрыва бомб, казалось, останавливалось сердце, а уши были словно забиты ватой. Наконец, уставшие и обессиленные, мы увидели товарный поезд, который доставил нас в одну из татарстанских станций...

Здесь семья М. Капелюшника и обрела пристанище. Родители сразу устроились на работу, а Михаила призывали в армию.

Автомат спас жизнь

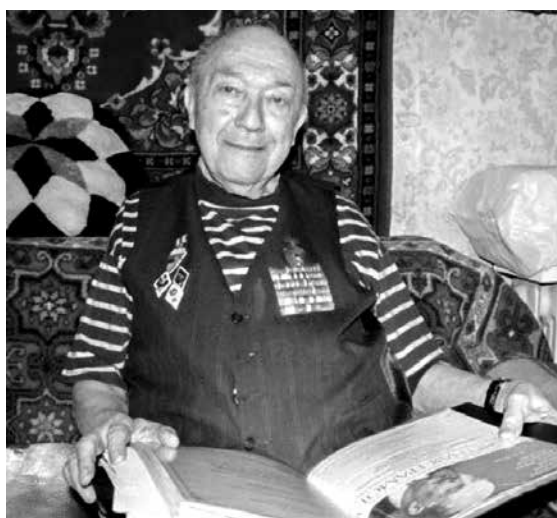
Летом 1942 года под Воронежем он получил свое первое боевое крещение. Честно говоря, оно было и последним. При защите стратегически важного объекта города Михаил был тяжело ранен и контужен. Взрывной волной от разорвавшегося снаряда его отбросило и засыпало землей. Медсестры, собирая по полю боя раненых, заметили торчащий из земли автомат Шпагина. Редкое по тем временам оружие. Раскопав его, увидели раненого солдата. Можно сказать, автомат и спас Михаилу жизнь.

Мечты, ставшие жизнью

После длительного лечения в госпитале паренек вернулся домой. «Главное – не дать себе раскиснуть», – говорил сам себе Михаил. Несмотря на физическое недомогание после ранения, он стал строить планы на будущее.

Вначале устроился работать на завод, вечерами учился в авиационном институте. Получив профессию конструктора, продолжил учебу в Московском заочном юридическом институте. Позднее, возглавив конструкторский отдел ОМА, он успешно окончил еще и Всесоюзный институт повышения квалификации руководящих инженерно-технических работников.

За 47 лет работы на предприятии Михаил Израилевич подал много интересных идей по улучшению конструкции двигателей, непосредственно участвовал в освоении новых изделий, способствовал увеличению их надежности и ресурса. Активно занимался рационализаторской деятельностью, принесшей предприятию многотысячную экономию. Не менее увлеченно он занимался просветительской работой. Являлся руководителем технической секции районного общества «Знание», читал лекции на многих предприятиях города, в том числе и в цехах родного объединения.

М.И. Капелюшник. 2000-е годы.

Нравится помогать людям

Капелюшник – человек высокой эрудиции и широко образованный. Неслучайно люди часто к нему обращаются за советом. Михаил Израилевич всегда рад им помочь. Решая серьезные проблемы, он нередко обращается в различные инстанции, учреждения, публикует свои статьи в крупных газетных и журнальных изданиях. Благодаря его компетентности, настойчивости и принципиальности поднимаемые им вопросы, как правило, позитивно разрешались.

Не умеет Михаил Израилевич жить спокойно, всегда старается быть полезным людям, интересоваться всем, что происходит вокруг. Он по-прежнему поддерживает контакт с коллективом родного завода, с комитетами ветеранов войны: Казанским, Киевским (121-й стрелковой дивизией), Черниговским (1-й гвардейской армией). На его письма-обращения отвечает Администрация Президента России, министры правительства страны, члены Государственной думы, руководители Татарстана. А недавно в США была опубликована статья М. Капелюшника о его друге – фронтовике, живущем в Филадельфии. «Роман Свиридовский был награжден двумя медалями «За отвагу», и об этом должны знать его соотечественники», – с гордостью говорит о своем боевом товарище ветеран.

Кто говорит, что на войне не страшно...

Л. Иванова

**Тюклов
Борис
Михайлович**

«Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне» – написала известная поэтесса Юлия Друнина, которая только однажды видела рукопашный бой. Борис Михайлович Тюклов участвовал в таких боях не раз.

– Когда фашистская Германия напала на нашу страну, – начал рассказывать ветеран о событиях тех лет, – я только окончил школу. Тут же мне прислали повестку на учебу в артиллерийское училище. А в 1943-м нас, молодых курсантов в звании младшего лейтенанта, послали на фронт.

Вначале Борис Тюклов воевал на Воронежском фронте в противотанковом артиллерийском полку командиром огневого взвода. Главной задачей Советской Армии на этом направлении было тогда удержать оборонительные позиции. Знаменитая битва под Курском, которая длилась 50 дней и ночей, сыгравшая огромную роль как переломное событие в войне, стала первым боевым крещением для Бориса Михайловича.

– Это было страшное, кровавое зрелище, – вспоминает те далекие события бывший командир разведки. – На открытой местности, на которой развернулся бой, собралось огромное количество военной техники: танков, орудий, минометов. И когда противник двинулся в атаку под грохот канонады, наступил настоящий ад.

В начале августа начался второй этап Курской битвы: советские войска пошли в контрнаступление. Вначале были освобождены Орел и Белгород, а затем и Харьков. Всего в ходе битвы было разгромлено тридцать отборных дивизий противника. Немецко-фашистские войска

потеряли, как рапортовали командующие сразу после сражения, 500 000 человек, 1 500 танков, 3 000 орудий и 3 700 самолетов. За мужество и героизм свыше 100 000 участников битвы были награждены орденами и медалями. Борис Михайлович получил свою первую боевую награду – орден Отечественной войны 1-й степени.

Далее Красная Армия стала наступать дальше. Полк, в котором воевал Тюклов, был направлен на освобождение Белоруссии. Борис Михайлович не раз получал ранения, лечился в госпиталях. Но снова и снова возвращался в строй.

Вспоминал фронтовик и апрель 1945 года, когда шли бои под крепостью Кенигсберг. Здесь для его штурма была сосредоточена половина из имевшихся в составе 3-го Белорусского фронта артиллерийских дивизий, отдельных артиллерийских и истребительно-противотанковых артиллерийских бригад, все гвардейские минометные бригады.

– На подступах к городу, – рассказывает Б. Тюклов, – взвод, которым я командовал, направили в разведку изучить расположение всех немецких «точек»: батарей, танков, дзотов, окопов. Пробрались мы незаметно, и все, что увидели в тылу врага, занесли на карту. На обратном пути заметили группу немецких солдат, одного из них – старшего – взяли в плен. На третий день началось наступление, которое завершилось капитуляцией гарнизона крепости.

За мужество и храбрость, проявленные в боях против немецко-фашистских захватчиков, Борис Михайлович получил к концу войны еще два ордена Отечественной войны, а также медаль Жукова и медаль «За победу над Германией».

9 мая ветеран встретил в Восточной Пруссии. Можно себе представить, как ликовали наши солдаты, узнав о таком долгожданном, радостном событии. Радовался и Борис Тюклов, ведь впереди его ждали мирные будни, счастливое будущее с большими планами и светлыми надеждами.

«Я помню по именам весь батальон»

Л. Иванова

Когда писались эти строки, Надежде Павловне Королевой в августе исполнилось 92 года. Она и сама не верила, что несмотря на горькие жизненные невзгоды, тяжелые физические недуги, до сих пор живет.

Надежда Павловна не унывала – не дают ей окружающие люди почувствовать себя одинокой. Как можно забыть человека, который в годы войны спасал раненых от смерти? Участвовала она в боях под Сталинградом,

ГЛАВА 2. ДОБРОЕ СЛОВО О ПАХАРЯХ ВОЙНЫ

в освобождении от немецко-фашистских захватчиков Молдавии, Венгрии, Австрии. Имеет много боевых наград: орден Отечественной войны 2-й степени, медали «За боевые заслуги», «За освобождение Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией».

Несмотря на почтенный возраст, память у Надежды Павловны, я бы сказала, отменная. Помнит не только даты и события тех давних лет, но имена и фамилии своих однополчан. О своей судьбе женщина с легендарным прошлым рассказывала, словно это было вчера.

Родилась она в Свяжске, восьми лет осталась без мамы, жила с отцом-инвалидом 2-й группы. Была, можно сказать, за главную хозяйку в доме. Окончив семилетку, в 1938 году поступила в сельскохозяйственный техникум. Через два года учебное заведение перевели в другой город.

– Оставить отца одного в Свяжске я не могла, поэтому вынуждена была бросить учебу и поступить работать в школу для слепых, – вспоминает свою юность ветеран. – Через полгода нас направили в Апастовский район рыть окопы, противотанковые рвы. К осени 41-го года нас, школьных работников, снова вернули в Свяжск. Только приехали, на школу пришла разнарядка: тридцать девушек срочно обучить на медицинских курсах. Через полгода я стала дипломированной медсестрой.

Вначале медработников послали в Саратов, где в здании речного техникума формировались дополнительные батальоны. Все лето шла стажировка.

А 9 сентября 1942 года старший сержант Королева со своим медико-санитарным батальоном №579, входящим в состав 120-й дивизии, отправилась на линию фронта, под Сталинград.

– Шли пешком, так было безопаснее, – продолжает рассказывать Надежда Павловна. – Кругом стреляли, бомбили, взрывали. Сопровождали нас тринадцать санитарных машин, перевозивших медицинское оборудование, столы, кровати со специальными спинками. Оперировать раненых солдат приходилось в разных условиях. На полевом стане раскладывали палатки. Летом, конечно, было легче, не надо было заботиться о тепле. А зимой устраивались в специальных утепленных палатках, иногда в небольших сарайчиках. Печки нам заменяли металлические бочки.

От тяжелораненых не отходили ни на минуту. Целыми сутками оперировали, перебинтовывали, переливали кровь, делали уколы, приходилось пилить руки, ноги, чтобы не началась гангрена. Все это сопровождалось душераздирающими криками, стонами, кругом кровь, рваные раны. Зрелище не для слабых. Но об этом тогда

никто не думал, речь шла только о спасении людей. В батальоне был свой распорядок. Девять дней раненые находились в палатках, потом направлялись в госпиталь.

Работала Королева в паре с хирургом Ниночкой. В медицинском батальоне всех называли по именам.

– Были у нас Верочки, Сонечки, Катеньки, Зиночки, Наденьки. Весь свой батальон я помню по именам, – тепло вспоминает однополчан наша героиня. – Подчинялись мы непосредственно капитанам Екатерине Максимовой и Евдокии Шелест; была у нас врач-терапевт Валентина Иванова, служившая в госпитальном взводе.

Мужественно переносили женщины все военные невзгоды. Практически все они были девчонками. Наде Королевой в 42-м году исполнилось только двадцать лет.

Вспомнила Надежда Павловна и как их кормили на фронте. «На убой! – сказала она. – В суп каждый день клали огромные куски мяса. На второе – так же. Раненых тоже кормили наваристыми супами, бульонами. Им, потерявшим много крови, это было как раз необходимо».

– Когда объявили о победе наших войск над Германией, – продолжает вспоминать ветеран, – многих отпустили домой, в отпуск. По дороге, в поезде, я познакомилась с будущим мужем Петром Мефодьевичем. Он служил в той же дивизии и ехал к себе домой в Смоленск. В 46-м году мы с ним поженились. Через три года я устроилась работать на КМПО контролером. Жилье нам дали в бараке. Прожили там 25 лет, пока завод не выделил нам трехкомнатную квартиру.

Сложную, трудную жизнь прожила Надежда Павловна. Родила четверых сыновей. Первый, к сожалению, умер почти сразу после родов. Но судьба им благоволила, на свет появились еще трое. Правда, когда в 1962 году умер муж, поднимать детишек было очень нелегко. Наверное, все же судьба ее постоянно испытывала на прочность. Двадцать лет назад ушел в мир иной еще один сын. Остались двое. Время как река, течение которой постоянно обновляется. На радость бабушке выросли внуки, подрастают правнуки...

Без претензий на славу

Л. Иванова

**Львова
Антонина
Александровна**

Фронтные дороги рядовой Львовой начались буднично. На железнодорожном вокзале в Кукморе народу – тьма, потому пять суток сидели в бараке на своих вещах и довольствии. Состав с Дальнего Востока довез их до Серпухова.

Солдатам в учебке было непросто. Холодно, мокрые портянки сушили ночью под матрасами. Бывало, ночью часа в два раздавалась команда «Подъем!» и полусонные девчонки шли за километр на узкоколейку разгружать дрова для учебной части. Кормили по пайку 3-й категории. Жили впроголодь. Все время хотелось есть... Антонина по натуре тихая, а тут ее как прорвало. Стала уговаривать девчонок скорее проситься на фронт: хоть как-то изменить ситуацию.

Направление получили в дорожную часть, которую еще только предстояло создать. Автомобилей подходящих не было, подбирали в основном трофейные; с кадрами – водителями – тоже проблемы. Предстоя-

ло расчищать фронтные дороги, готовить их к наступлениям наших войск. Особенно трудно пришлось на Воронежском фронте. После сражений на Орловско-Курском направлении дорог целых не осталось, огромные пространства были словно перепажаны. Часть, в которой служила Антонина, дислоцировалась в Ельце более полугода. Во время бомбежек прятались за толстыми стенами местной церкви.

Вспоминается Антонине Александровне одно боевое задание. Исчезла телефонная связь. На окраине города, прямо на чьем-то огороде установили будку, проложили связь-временку и поручили бойцу ждать сигнал. Получив сигнал, она должна была любыми путями сообщить об этом в часть. Девушка справилась с заданием, хотя и пришлось ей нелегко.

Солдатская доля трудная. Голову мыли чаще всего холодной водой. Однажды двенадцать человек из части в товарнике были командированы под Винницу. В районе станции Казачьей немецкая авиация задалась целью заморозить передвижение поездов. Стоило продвинуться составу считанные метры, откуда ни возьмись налетали бомбардировщики, приходилось выгружаться и срочно бежать в поле. Из-за этого основная часть прибыла в Винницу на неделю позже высланного заранее передового отряда.

Память выхватывает из прошлого облик разрушенных авиацией немецких городов, наших танковых колонн, грохочущих по военным дорогам. На Эльбе стояли в городе Гримме, оттуда направились в населенный пункт в округе Дрездена. Война близилась к концу, но каждый день мог стать последним. Из любого окна оставшихся домов могла вылететь граната, прогреметь одиночный выстрел. Курки приходилось держать взведенными.

В августе 1945 года служба для Тони и ее однополчан завершилась. Добравшись до родной деревни, три дня отсыпалась и не могла надыхаться чистым родным воздухом. На четвертый рано утром раздался стук в окно: колхозная бригадирша звала девушку на работу.

Из архива А.А. Львовой. 1940-е годы.

Из архива А.А. Львовой. 1940-е годы.

Тетя в сердцах ответила за Антонину: «Где ж это видано, девчонка три года дома не была, а ее сразу же в колхоз тянут, словно совсем работать некому!».

Работы Тоня не боялась, но, повидав за время войны мир, стремилась в город. Поступить в Арское медучилище не удалось по стечению обстоятельств, но санитаркой в больницу устроилась. Потом на тамошней кухне научилась печь хлеб. Работала на почте в Рыбной Слободе.

А в семье проблем только прибавлялась. Тяжело заболела мама, брат вернулся из плена – на работу не берут. А жить как-то надо...

Пыталась устроиться в Казани, но нужной справки с места жительства сельский совет не дает. Подрабатывала грузчицей на хлебозаводе. Пятьдесят километров шла домой пешком, дошла, военная жизнь научила и не таким еще испытаниям. Обиды на весь мир, что не ценят ее службу на войне, не было. Даже то, что дети вытаскивали из сундука и затеряли где-то красноармейскую книжку, тоже не восприняла как трагедию. Документ по запросу восстановили.

И тогда Антонина все-таки прорвалась в Казань. Тридцать пять лет проработала на вертолетном заводе – на револьверном станке. Спокойно, терпеливо, квалифицированно, с самоотдачей, как и подобает бывшему солдату. Она в душе так и осталась бойцом, рядовой Львовой.

Отзвук Сталинграда из писем

Р. Гараев, Э. Сафронова

Сотни тысяч бойцов Красной Армии отдали здесь свои жизни за счастливое будущее своей Родины. Среди них было много наших земляков.

О Сафронове, погибшем под Сталинградом, вспоминает его дочь Энгельсина Михайловна.

– Отец был членом ВКП(б) с 1919 года, до войны работал в Госмузее ТАССР заместителем директора по научно-исследовательской работе. 24 июня 39-летний Михаил Алексеевич был мобилизован в Красную Армию. Служил политруком. Воевал под Москвой. Через два месяца после ухода его на войну в больнице умерла его жена, моя мама. Отца отпустили с фронта на три дня, но по дороге автомашина попала под бомбежку. Отец чудом остался жив и приехал только к ночи, после похорон.

От отца сохранились несколько писем... Я их бережно храню. Письма написаны карандашом и уже очень ветхие. Поэтому я их никому не даю. Одни написаны тете – Стрелковой Ольге Сергеевне, другие – родителям.

Они жили в Горьковской области. В письмах отец беспокоится о нас, о нашем будущем. Одно письмо за три дня до его гибели. Итак, по порядку.

Когда маму похоронили, он вернулся в свою часть под Москву, где шли очень тяжелые бои. Отец здесь командовал ротой. Вот строки из его письма:

«...Находимся в окопе полной воды»... (А у него были больные почки.) «Дорогая Леля! Если в Казани получили мое последнее письмо, то ты уже знаешь о моей болезни – нефрит. Я пока вышел из строя, хватило меня лишь на месяц боевой жизни. Правда, по пережитому этот месяц стоит долгих лет. Но все же я не ожидал такого исхода. Долго не верил в серьезность своей болезни. Неделю назад еще, задыхаясь и еле волоча ноги, я продолжал выполнять свои обязанности на передовой линии обороны. Надеялся еще, что мое недомогание пройдет само по себе. К счастью, линия фронта на нашем участке оставалась неизменной. Случись подвижка, особенно в нашу сторону, мне несдобровать бы. Окопы немцев всего в нескольких сотнях метров через овраг (200-250 м). 10 октября иссякли мои последние силы, и с невозможной болью под сильным обстрелом на четвереньках пробрался в ближайшую деревню в полковой медпункт...»

Он лечился в госпитале до начала января и был направлен в запасную часть, где до мая занимался боевой подготовкой маршевых рот. Летом направлен в 120-ю стрелковую дивизию в качестве командира стрелкового взвода. Это дивизия формировалась в Казани. На улице Хади Такташа есть интересное здание старой школы №43, где и находился штаб формируемой дивизии. Сегодня об этом со стен бывшей школы извещает мемориальная доска...

Этой дивизии, в рядах которой сражались наши земляки, выпала трудная судьба – участвовать в обороне Сталинграда в самое критическое время.

26 августа Государственный комитет обороны направил генерала Жукова в качестве заместителя Верховного Главнокомандующего курировать Сталинградское направление. Г.К. Жуков пишет, что в тот вечер в присутствии членов ГКО, Верховный заявил: «В связи с тяжелой обстановкой в Сталинграде (бои уже шли в городе и вот-вот враг мог опрокинуть наши войска в Волгу) мы приказали срочно перебросить 1-ю гвардейскую армию в район Лозное, и со 2 сентября нанести ею и другими частями Сталинградского фронта контрудар по прорвавшейся к Волге группировке противника, соединиться с 62-й армией, в которую с 12 сентября командующим будет назначен Чуйков. Одновременно в состав Сталинградского фронта перебрасываются 66-я армия генерала Малиновского и 24-я армия генерала Козлова».

В состав 66-й армии и входила 120-я стрелковая дивизия (в будущем 69-я Сталинградская гвардейская). Дивизия в Сталинградском сражении принимала активное участие с 30 августа 1942 по 2 февраля 1943 года. Командиром до 20 ноября 1942 года был генерал-майор Н.В. Рякин, после него полковник К.К. Джахуа. Дивизия вступила в бой сразу после десятидневного маршброска.

Энгельсина Михайловна вспоминает о последнем письме отца:

«Мои дорогие, – писал он, – привет вам со Сталинградского фронта! Девять дней мы шли маршем, делая по 40-50 километров в день. Прямо с марша (...кстати, стояла жара под 40 градусов) 1 сентября вступили в бой, пошли в наступление. Дела горячие у нас, скрывать от вас не буду. Командую ротой бронбойщиков, истребителей танков. Чем закончится на этот раз бой, моя боевая жизнь, гадать не буду. Ибо дело это бесполезное. Бесполезно горевать и волноваться. Я спокоен. Готов ко всему, как и большинство окружающих меня. Несчастье может случиться ежеминутно с каждым. Все мы уверены – Сталинград врагу не отдадим! Между прочим, я воюю в том районе, где был в экспедиции от университета в 30-м году. Районный город на Волге, в котором я тогда жил, от нас всего в 14 километрах. К нему фашисты рвались всеми силами, но допущены не были. Наоборот, сейчас мы деремся на полях, которые не так давно, несколько дней тому назад, оскверняли ноги фашистской сволочи. К сожалению, воздух и сейчас еще оскверняют их стервятниками.

Я желаю вам всего доброго и прежде всего здоровья и надеюсь. Целую крепко-крепко. Ваш Михаил. 4 сентября 1942 года.

P.S. Письмо не мог отправить раньше, а сегодня меня слегка ранило в правую лопатку. Перевязали. Остаюсь в

строю. Ваш Михаил. 14 сентября 1942 года».

После похорон мамы, ровно через год приходит известие о смерти отца. Всегда получали солдатские треугольники, вдруг приходит письмо в конверте. Открыли конверт с бабушкой, и я начала читать. Мне тогда уже было десять лет, а братишке три года. Читаю: «Ваш отец, Сафронов Михаил Алексеевич, героически погиб 16 сентября...» Бабушка взяла письмо и, сказав: «это что-то не то», ушла на кухню... Только через несколько дней, когда к бабушке пришла ее младшая дочь (моя тетя), по их приглушенному разговору и плачу я поняла, что произошло. Смерти отца не осознала еще до конца, ибо придя в школу, я гордо заявила учителю, что мой отец тоже геройски погиб.

Повзрослев, начала собирать сведения, которые рассказали бы о последних днях моего отца.

Узнала, что он воевал под Сталинградом в составе 638-го полка 120-й стрелковой дивизии 66-й армии. Моя тетя встретила с писателем, журналистом, который также в эти дни воевал в составе 120-й дивизии и написал о тех днях книгу «Ерзовка». Автор ее, Павел Кузьмич Евгеньев, в те дни был редактором дивизионной газеты «Вперед, к победе». Подшивки этой газеты хранятся в нашем Госмузее. Да и сам Евгеньев наш земляк. Он мне подарил эту книгу. Я дочитала до событий октября 1942 года и не стала дальше читать...

Спустя уже немало лет, решила дочитать. И, о боже мой, нахожу рассказ, где фигурирует мой отец!

Командир полка вызывает бойца Анохина. «На что же я понадобился начальству, не как иначе, командиром дивизии хотят назначить», – шутит боец. Я тоже иду с ним (автор книги). Комполка назначил Анохина заряжающим в оружейный расчет и поздравил с награждением медалью «За отвагу».

Выяснилось, что Анохин был подносчиком патронов у того самого пулеметчика, с которым, не отходя от пулемета,

держали высоту. О нем писали еще в первые дни боев и не раз вспоминали. Пулеметчик Галеев сражался и погиб как герой. Даже раненый продолжал косить врага. С ним был еще один боец, но кто, узнать не могли. Это, оказывается, был Анохин – шутник и балагур.

Откуда же стало известно, что с Галеевым был Анохин? Спросил об этом командира полка, и тут он показал письмо, полученное из медсанбата. Писал раненый лейтенант Сафонов. Письмо было мной дословно переписано в блокнот и вот его текст.

«Товарищ майор. Лежу на койке, а мысли у меня на фронте, у Ерзовки. Знаю, что там дела горячие. Хотелось быть с вами вместе. Досадно, что мало пришлось воевать против фашистской нечисти. Места мне все-таки знакомые. Был там в мирное время в командировке, вернее, в экспедиции от университета...» (Как видите, совпадает с последним письмом Сафронова.) «Мы со студентами геофака облазили там все балки, в том числе и речку Пичугу. Можете понять, что я почувствовал, когда после десяти походных дней оказались в Ерзовке и прямо с ходу вступили в бой? Надо было бить фашистскую нечисть беспощадно, и мы его били. Много положили в первый же день и село заняли, только жаль, не смогли удержать его. Враг силен, однако наши бойцы дрались как львы. Меня беспокоит, известно ли Вам, как воевал и погиб пулеметчик Шараф Галеев, сын татарского народа. Был он веселым и живым и часто говорил, что дивизию не подкачаем, а как же? Она же наша!

Видал, как он шел в первый раз один с пулеметом – напарника ранило в самом начале боя. Меня в том бою тоже ранило. После перевязки я вернулся в батальон уже вечером, когда полк отошел на исходные позиции. Галеев был контужен. Вечер отлежался и ночью снова пошел с нами в атаку. На этот раз с ним был другой напарник. Фамилия Анохин, кажется, боец хозяйственного взвода полковой батареи. Может я поступил самовольно, забрав его из батальона, но сами ведь знаете, какие несли мы потери, как важно было их восполнить. Анохин оказался не робкого десятка, был рядом с Галеевым на той высоте. Они целый день отражали немецкие контратаки. Не знаю, что случилось с Анохиным после того, как погиб Галеев. А погиб тот у своего пулемета, сражаясь до последней капли крови за свой народ. Его имя не может быть забыто. Герои не умирают, они бессмертны!

Ну, желаю всего доброго! А мне, видать, уже не вернуться в строй. В бою перебило ногу. Вы напишите мне.

Ваш Сафонов».

(После Евгеньев признался, что фамилии они изменяли, чтобы враг не воспользовался этими данными, был приказ сверху.)

Когда это письмо прочитал Анохину, он долго сидел молча и, наконец, сказал: «Вот ведь какие бывают люди!

Этот лейтенант когда меня забирал, он ведь действительно был ранен и шел из полкового медсанбата в батальон. Теперь же и в госпитале о нас не забывает. Спасибо ему».

На войне, наверное, не было выше награды, чем эти слова рядового. А Галеев был посмертно награжден орденом Красной Звезды.

В центре села Ерзовка Городищенского района Волгоградской области у школы стоит скромный железобетонный обелиск. Это братская могила погибшим бойцам шести дивизий: 299-й, 99-й, 84-й, 116-й, 226-й и 120-й.

Их было так много, что на обелиске нет фамилий людей, только номера дивизий. Уточним потери только 120-й дивизии: здесь, под Ерзовкой, отстаивая Сталинград, пали смертью храбрых более пяти тысяч ее бойцов.

Надпись на камне: «Земной поклон воину-освободителю. В веках не померкнет Слава вашего ратного подвига».

За могилой образцово ухаживают учащиеся Ерзовской средней школы. Вокруг могилы весной буйно цветет сирень...

Из последнего призыва войны

М. Салимзянова

**Маматов
Ильгиз
Фатхраманович**

*А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
А. Ахматова, 1944 год*

Постановление «О призыве на военную службу призывников 1927 года рождения» Государственный

комитет обороны принял 25 октября 1944 года, а призыв проводился в ноябре. Мобилизованы были мальчишки, которым исполнилось семнадцать лет. Впервые руководство страны решило отступить от закона о всеобщей воинской обязанности в условиях тяжелейших людских потерь и призвать осенью 1943-го на военную службу свыше 700 тысяч юношей 1926 года рождения.

В постановлении были определены четыре категории населения, которые освобождались от очередного призыва. Это рабочие, имеющие квалификацию 3-го разряда и выше, учащиеся ряда ремесленных училищ и школ наркоматов. Раз. Студенты всех высших учебных заведений и учащиеся всех техникумов. Два. Не подлежали очередному призыву учащиеся 10-х классов средней школы и 9-10-х классов специальных школ Наркомата просвещения. Три. Четвертую составляли юноши местных национальностей Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Туркменской, Таджикской, Узбекской, Казахской и Киргизской союзных республик; Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской автономных социалистических республик, Адыгейской и Черкесской автономных областей.

Было призвано 1 миллион 156 тысяч 727 человек. Из их числа 60 тысяч человек направили на укомплектование войск НКВД, остальных – в запасные, учебные части, специальные училища и школы с шестимесячным сроком обучения. Часть несовершеннолетних солдат, прошедших ускоренным темпом курс молодого бойца, была отправлена на фронт. Из них 280 тысяч навсегда осталась на полях сражений в европейских странах. Среди участников Великой Отечественной войны последнего военного призыва пятнадцать человек получили высокое звание Героя Советского Союза [1].

У большинства же призывников 1927 года рождения судьба была иная. Они не воевали, находились рядом с фронтом, охраняли военные объекты, железнодорожные и шоссейные мосты, сопровождали на фронт эшелоны с техникой, снаряжением и продовольствием. Для многих молодых солдат война еще долго продолжалась и после Победы. Они с оружием в руках участвовали в ликвидации бандитских националистических группировок на Западной Украине, в Белоруссии, республиках Прибалтики, разминировали бывшие оккупированные территории, проводили траление в акватории Черного и Балтийского морей, конвоировали немецких военнопленных, несли пограничную и караульную службу. И после войны они находились в постоянной боевой готовности, месяцами не снимая шинелей; отслужили в Советской Армии больше трех положенных по Конституции сроков. Срочная служба для них была продлена до

7-9 лет. Следующий массовый очередной призыв на военную службу был проведен только в 1949-м.

Один из юношей последнего военного призыва наш земляк Ильгиз Маматов стал участником боев в Маньчжурии.

Когда началась Великая Отечественная, Ильгизу было 15 лет. Жили они тогда в Казани. Он и его младший брат росли очень подвижными и шустрыми. Когда не учились, бегали на улице, как многие пацаны того времени, бывало, и хулиганили. Ездили на трамваях, цепляясь за поручни или за задние решетки. Одним словом, мама, устав переживать за них, заявила отцу, работавшему в органах внутренних дел: «Надо уезжать из большого города в сельскую местность, где жизнь спокойнее, а не то дождемся, что дети станут инвалидами или вообще их лишимся!» Отец внял доводам жены и договорился о переводе в Бавлы, куда семья и переехала в 1934 году.

В июне 1941 года Ильгиз с мальчишками с утра ушел в лес по ягоды. «Около двух часов мы возвращались домой, – вспоминает Ильгиз Фатхрахманович, – увидели толпы народа, идущие в сторону центра. Там начался митинг, а мы спрятались под трибуной. Сообщили, что Германия напала на нашу страну. Мы не очень расстроились. По учебной карте знали: Германия маленькая страна, а наша – огромная, и были уверены, что легко справимся».

17 сентября на фронт забрали отца, и братья остались в доме за мужчин. Пошли работать в колхоз. Молодым, шустрым работа поначалу была не в тягость. Оба ездили на подводах – возили в силосные ямы траву, которую взрослые косили. Вскоре младший брат вернулся в школу, а для старшего учеба в школе закончилась навсегда.

Работы было много. Пилили березовые жерди, из которых изготавливали черенки для саперных лопат, топоров и мотыг, которые потом отправляли на железнодорожную станцию и складировали. Потом многих одноклассников отправили в Московскую область на торфоразработки, а низкорослый Ильгиз устроился инспектором в Нархозучет, где должен был провести инвентаризацию сельхозтехники района. Юный инспектор провел ее за три месяца, объездив все колхозы Бавлинского района. Его работой в Нархозучете остались довольны.

В 1943-м вернулся с фронта отец – его комиссовали по болезни: у него вообще не осталось зубов. Ему предложили пост начальника милиции в Первомайском (ныне Черемшанском) районе, семья переехала туда.

Именно там, в октябре 1943 года юношу призвали в армию и отправили на Дальний Восток на Маньчжурскую границу в 505-й стрелковый полк 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта.

«До 1 августа 1945 года наше подразделение занималось земляными работами, – вспоминает Ильгиз Маматов, – рыли траншеи, командные и наблюдательные пункты, блиндажи. 1 августа подняли по тревоге и отправили пешком на границу с Северной Кореей. Около недели жили в тайге в палатках и ждали команды. 9 августа в час ночи созвали на митинг, сообщили, что началась война с Японией. Когда зачитывали приказ, над нашими головами уже летели советские бомбардировщики в сторону японских военных объектов в Маньчжурии. К окончанию митинга там уже полыхало зарево пожаров. А мы стали ждать команду на наступление».

Вскоре появился автобатальон и подразделение Маматова на машинах этой колонны начало движение вдоль границы Северной Кореи. Через двое суток они направились вглубь страны. Командир с первого дня объявления войны назначил Маматова (самого маленького ростом!) знаменосцем. «Возьми себе в помощь двух бойцов, – приказал ему командир, – и береги боевое Красное знамя полка!» Солдат сберег знамя и сдал его в штаб, когда закончилась война.

Полк передвигался по территории Северной Кореи через все крупные портовые города. Во многих японцев уже не было, по крайней мере, живых. Морская пехота сделала свое дело: кругом валялись трупы вражеских солдат, которых не успели схоронить. «Морпехи» гнали японцев в горы, а задачей стрелкового полка Маматова было уничтожение их в горах из засад. Оставшихся в живых брали в плен. Боевые действия продолжались до 20 августа, пока император Японии не объявил капитуляцию.

«Мы направлялись в сторону портового города Гэнзан, – вспоминает Ильгиз Маматов, – когда узнали о капитуляции. Навстречу нам шли колонны военнопленных японцев. Меня поразили дисциплина и организованность людей, уже не являющихся воинами. Как и мы, они были построены в колонны по четыре человека в ряд. Командиры ехали на лошадях. С ними был переводчик. Их командир доложил нашему, какой это полк, где, в какой местности они оставили свое оружие. Причем это оружие было всегда сложено очень аккуратно и разложено по типам. И рядом обязательно оставался охранник».

Так закончилась война для старшего сержанта Маматова, а его гимнастерку украсила медаль «За победу над Японией». Но не закончилась военная служба. Однажды в курилке командир сказал ему: «Ильгиз, а не хотел бы ты поехать учиться в военное училище – из тебя бы получился хороший офицер».

Маматов давно мечтал об этом, только думал, что с его неполным средним образованием это невозможно.

Об этом он и сказал командиру. Но, оказывается, во Владивостоке было пехотное училище, в котором участники войны, не имеющие среднего образования, могли доучиваться. Маматов тут же написал рапорт, и через два дня пришла телефонограмма с приказом срочно прибыть в распоряжение училища. Друзья отговаривали его от училища. «Мы уже завтра будем дома, – говорили они, – а ты еще 25 лет будешь служить!» Но Ильгиз не сомневался ни секунды, да и потом ни разу не пожалел, что выбрал военную судьбу.

Тем более, что практически вся служба прошла в родной Казани, в Приволжском военном округе. Служил в так называемой Кремлевской 96-й стрелковой дивизии; военным комиссаром в Аксубаевском районе; был и начальником штаба гражданской обороны.

А последние годы, будучи в отставке, полковник Маматов стал членом Совета ветеранов войны и военной службы Республики Татарстан. Он – председатель комиссии по социально-бытовым вопросам. В общем, не сидит, скучая, дома.

В боях жестоких уже после Победы

Л. Иванова

Несмотря на почтенный возраст и пережитые за годы войны испытания, ветеран чувствует себя еще довольно бодро. Живой взгляд, желание иногда подшутить над собой, мгновенная реакция на происходящее вокруг убеждают, что Габдулхай Шайхутдинович сдаваться в плен старости еще не собирается.

Родился он в татарской деревне Большая Атня. Детство, как у многих ребятишек, родившихся в те годы, было нелегким. Особенно тяжело стало Шайхутдиновым, когда в 1942-м году получили с фронта похоронку на отца. Габдулхай, как старший из трех братьев, стал в семье главным кормильцем, младшие братья помогали ухаживать за больной мамой. Стал работать в колхозе конюхом. А через два года, осенью, его мобилизовали в армию.

– Вызвали нас двадцать пять человек в райцентр, – вспоминает он. – Выбрали троих, что поплечистее, и направили служить в специальные войска. Вначале повезли в Арск, где комплектовали воинскую часть. А недели через три эшеленом отправили к Западной Украине.

Привезли новобранцев в деревню, одели в солдатскую форму, снабдили полным военным снаряжением. Выдали по винтовке, обойме патронов, гранат, индивидуальные санитарные пакеты. Стрелять и бросать гранаты Габдулхай научился еще в своем райвоенкомате, когда готовился служить, так что здесь уже чувствовал себя настоящим бойцом.

– Интересно и непривычно было видеть ребят одинаково одетыми, – вспоминает ветеран свои первые впечатления о службе в армии. – Казались себе близнецами-братьями! Расположили наш взвод в тридцать человек в большой хате. Помню, заходишь в казарму, кругом полати вместо нар, сверху плащ-палатки вместо одеял.

Служил Габдулхай в 169-м стрелковом полку. Днем проходили тактические, боевые учения, разучивали строевые песни, а ночью по очереди охраняли свою часть от бандеровских банд.

– А татарские песни пели? – спрашиваю.

– А как же! – улыбается ветеран. – Бывало, кто-нибудь из строя крикнет: «Давай нашу народную, татарскую, чтоб душа развернулась!» И строем до самой кухни поем, маршируя, аппетит развиваем! Татарская песня всегда нам о доме напоминала, о своих родных и близких, что остались в селе.

Кормили сытно, давали «курсантский паек». Через три месяца службы худых деревенских мальчишек было не узнать, стали крепкими настоящими бойцами, способными защитить Родину.

– Однажды взвод разбудил пронзительный вой боевой тревоги, – вспоминает Шайхутдинов. – Бандеровцы пытались захватить одного из часовых. Мы врассыпную бросились в окопы, вырытые вокруг солдатской казармы, начали отстреливаться. Слава Аллаху, все обошлось. Вражеские лазутчики испугались массовой атаки, убежали в лес.

После этого случая командир взвода объявил, что будем сами наступать на врага. К каждому отделению батальона придали по опытному бойцу, и мы целым полком, рассредоточенным по всей ближайшей территории, двинулись вперед. Лес прочесали, но бандеровцев так и не обнаружили, видно ушли дальше.

В Волынской области Украины, где служил Габдулхай Шайхутдинович, до 1947 года шла, можно сказать, партизанская война. Только в роли партизан здесь выступали украинские националисты, которыми руководил Степан Бандера. Приходилось не только охранять свои военные объекты, но и проводить против них настоящие боевые операции: ходить на оперативные задания, устраивать засады, выполнять секретные операции по уничтожению банд. Обычно они скрывались в лесах, грабили мирных жителей, убивали представителей советской власти, пускали под откос поезда.

Борьба с бандеровскими группировками была жестокой и непримиримой. Много советских и польских солдат полегло в этих краях от террора бандеровских банд... Об этом напоминают тысячи могил на Украине.

Там же остались захороненными и однополчане Габдулхай Шайхутдиновича.

Нечасто наш герой вспоминает свои военные операции, наверное, не очень-то хочется ворошить тяжелое прошлое. А вот по праздникам в кругу своих сверстников, участников войны, вспомнить павших товарищей – святое дело. Орден Отечественной войны 2-й степени, медали Жукова и «За победу Германией» Габдулхай Шайхутдинович хранит как самую дорогую реликвию. Они должны со временем достаться его детям и внукам как память о ратном труде отца и деда.

Отважно защищал Родину

Р. Гараев

Земляк из деревни Татарские Тансары Агрызского района Миннихмат Мухамадьянович Хафизов до Великой Отечественной войны имел дружную и трудолюбивую семью, в ней родились два сына-крепыша и милая доченька. Миннихмат добросовестно трудился в колхозе имени Калинина и пользовался уважением у односельчан. Дата 22 июня 1941 года зачеркнула мирную жизнь советских людей большой страны СССР, в каждую семью пришла тревога. Началась мобилизация на фронт: в 1942 году в ряды Красной Армии был призван и Миннихмат Мухамадьянович.

Из воспоминаний Миннихмата Хафизова о войне.

«С середины сентября 42-го года, после небольшой переподготовки начались мои боевые будни в составе 23-й стрелковой дивизии Сталинградского фронта. Определили в минометную роту под вторым номером. При переходах, как наиболее физически выносливому в расчете, приходилось нести на плечах двадцати двух килограммовую опорную плиту. В одном из тяжелых боев 23 декабря был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. За участие в кровопролитных сражениях и вклад в разгроме фашистов под Сталинградом получил свою первую медаль «За оборону Сталинграда». После госпиталя в конце февраля 1943 года вернулся в родной 213-й гвардейский стрелковый полк 71-й гвардейской стрелковой дивизии.

Из Сталинграда дивизию перевели на Воронежский фронт. 5 августа в бою за деревню Мощеное метким огнем своего миномета в ходе атаки я уничтожил двенадцать фашистов и разбил две повозки противника с боеприпасами, за что был награжден медалью «За отвагу». 17 и 18 декабря 1943 года в боях за деревню Юрово нам было поручено доставлять мины во 2-ю минометную роту. Враг ураганным пулеметно-минометным огнем буквально не давал поднять головы. Тогда командир роты

обязал обеспечить боеприпасами солдат-минометчиков. Мы справились с этим. Рота бесперебойно получила боеприпасы и обеспечила взятие высоты Безымьянная, за что удостоилась медалей «За боевые заслуги».

С 27-го марта 1944 года я уже гвардии ефрейтор, наводчик миномета.

За меткую стрельбу в боях у деревни Глуховка получил вторую медаль «За отвагу».

На фронте случается разное. Наша 357-я дивизия с 1 августа 1944 года оказалась в окружении. Выходить из него пришлось тяжело. При прорыве быстрой и правильной наводкой уничтожил два пулеметных расчета и рассеял группу пехоты противника, обеспечил возможность выхода из окружения. Это было отмечено лично командиром дивизии генерал-майором А.Г. Кудрявцевым: был награжден высшей солдатской наградой – орденом Славы 3-й степени. Следующим орденом Славы 3-й степени (в части не знали про первый) я был награжден уже в звании гвардии сержанта 13 апреля 1945 года за освобождение населенного пункта Поерштитен в Восточной Пруссии будучи уже членом ВКП(б). Несмотря на сильный обстрел противника, здесь я первым со своим отделением ворвался в населенный пункт и гранатой лично взорвал пулеметную точку, а огнем автомата уничтожил четырех немецких солдат.

После ранения 23 декабря 1944 года и госпиталя воевал в составе 449-го стрелкового Ковенского ордена Суворова полка 144-й Краснознаменной стрелковой дивизии. А далее, после Восточной Пруссии, мне со своим соединением пришлось пересечь всю страну, и моя война закончилась в сентябре 1945 года в Манчжурии.

Там воевал уже в звании старшего сержанта помощником командира стрелкового взвода.

12 августа 1945 года в бою за город Мулин в Манчжурии, ворвавшись на окраину со своим стрелковым взводом, броском гранаты подавил пулеметные точки противника и уничтожил двух японских солдат. За это был представлен к третьему ордену Славы. К сожалению, по халатности писаря, фамилию написали неправильно, и наградной лист вернулся к командиру полка. Был конец войны, у всех радость, демобилизация, возвращение домой. Но отцы-командиры не забыли про мои отличия и вместо ордена Славы наградили орденом Красной Звезды. Так я не стал полным кавалером орденов Славы...

После войны до самой пенсии Миннихмат Хафизов возглавлял лучшую бригаду колхоза в Татарских Тансарах. Дети с 10 лет в летние каникулы помогали колхозникам убирать зерно, участвовали в заготовке кормов. Тогда для сельских детей это было нормой.

Это было в июле 1963 года. Мой отец – учитель химии Динмухамат Нуреевич, и мать – учительница истории Рафика Габдулхаевна, вносили свой посильный труд в заготовке кормов для общественного скота. Скирдовали сено. Во время обеда (кормили в поле) к нам подошел наш бригадир Миннихмат абый. Моему отцу он приходился двоюродным дядей. Фронтвики разговорились, и Миннихмат абый тут за обедом признался, что сожалеет вот о чем: назови он тогда фамилию по документам «Хафизов», а не по деду «Мухамедьянов», ходить бы ему полным кавалером орденов Славы! Но, историю не повернешь вспять...

Род Хафизовых, да и не только они, помнят и чтят фронтовые и трудовые заслуги Миннихмата Мухамедьяновича. Его младший сын, Ильсур, хороший семьянин и уважаемый труженик, живет в деревне Татарские Тансары. Второй сын Шамси, заслуженный юрист Удмуртии, живет в Ижевске, уже на заслуженном отдыхе. От своих четырех наследников у Миннихмата Хафизова много-много внуков, внучек, правнуков и правнучек. В Агрызском районе гордятся своим земляком и всегда вспоминают добрым словом, с почтением как о достойном сыне-воине своей великой многонациональной Родины – Советского Союза.

Отстоял страну, подался на новостройку

Н. Киселев

**Темиргалеев
Курбан
Темиргалеевич**

Война началась далеко от дома, где рос мой дед, но дала о себе знать в первые же дни. Уходили на фронт мужчины. Тепло напутствовали их кильдибякинцы, желали им скорой победы и возвращения домой. Притихло село. Не слышно стало голосистых девчат, смолкли звонкие гармошки. Все, кто мог работать, трудились на полях, чтобы как можно больше дать фронту хлеба, мяса, шерсти... Курбан Темиргалеев пока пахал, сеял, убирал хлеб.

Через год и ему пришел черед идти на войну. В июле 1942 года направили в Чувашию, где в полковой школе его поднатаскали по солдатской науке, стал сержантом. Одна за другой уходили на фронт маршевые роты, а мой дед теперь сам учил молодых солдат искусству пулеметчика. Лишь после третьего рапорта он получил разрешение начальника школы об отправке на фронт.

Зима 1943 года, 2-й Белорусский фронт. Артиллерийская дуэль, начавшаяся с утра, разгоралась. Куда ни глянь, всюду рвутся снаряды, поднимая фонтаны земли. Фашисты били по нашему переднему краю, засыпая снегом и землей солдат в окопах. Вслед за артобстрелом двинулись густые цепи вражеской пехоты, на ходу стреляя из автоматов.

Бойцы ждали. Курбан Темиргалеев ясно различал бегущих фашистов. Руки дрожали от нетерпения, хотелось скорее нажать на гашетку пулемета. Наконец команда «Огонь!» Атакующие цепи стали редеть. Пулемет трясся мелкой дрожью. Гитлеровцы залегли, но тут же снова поднялись. Бойцы взвода их опять встретили дружным огнем. Оставляя на поле боя убитых, атакующие

откатились назад. Но вскоре вновь из траншеи высыпали серо-зеленые фигуры и двинулись вперед. На этот раз шли осторожнее, часто падали в снег, поднимались и снова падали, но так и не прошли.

За проявленную смелость и решительность в этих боях сержант Темиргалеев был награжден медалью «За боевые заслуги».

...Густой туман скрыл правый берег Днепра. Немцы вели слепой огонь по левобережью из орудий. А штурмовая группа 115-го укрепленного района, которой первой предстояло достичь правого берега и закрепиться, без шума и суеты спустила на воду лодки, плоты и понтоны. Укрыв пулемет плащ-палаткой, дедушка зорко всматривался в приближающийся берег. Не успели достигнуть берега. Вспыхнули ракеты, и гитлеровцы обнаружили десантников. Нельзя было терять ни минуты. Еще до пришвартования солдаты прыгали в воду и устремлялись на берег. Автоматчики и пулеметчики первыми залегли на берегу, ведя огонь по противнику. Но атака на левом фланге наступления группы захлебнулась. Бойцы залегли. Фланговый огонь пулеметного расчета Темиргалеева вывел из строя две огневые точки противника. И тогда цепь атакующих снова рванулась вперед. Завязался страшный рукопашный бой.

Тяжело ранили командира роты. Под сильным огнем Курбан доставил командира в санитарный пункт на левом берегу и вернулся на правый, ввязался в бой, который длился двое суток. За участие в этом бою был удостоен ордена Славы 3-й степени.

Летом 1944-го шли упорные бои за овладение городом Люблином. На высотах, прикрывающих подступы к городу, гитлеровцы построили мощные укрепления. Сильный минометный и пулеметный огонь сдерживал продвижение роты.

Дзот, что находился в центре наступления взвода, не позволял бойцам поднять головы. Прихватив гранаты и автоматы, два бойца, одним из которых был Темиргалеев, поползли к дзоту. И вот огнедышащий ствол пулемета рядом, можно метать гранаты. Укрывшись в воронке от бомбы, бойцы одновременно бросают гранаты, а сами ничком падают на дно. Раздается взрыв. Через секунду смельчаки бросаются к дзоту и из автоматов добивают фашистов. За этот подвиг сержант Курбан Темиргалеев был награжден орденом Славы 2-й степени.

И снова бои. В одном из них в конце апреля 1945 года при форсировании реки Нейсе и прорыве обороны в районе Будерозе вновь отличился наш земляк. В наградном листе отмечается, что он «в числе первых вплавь форсировал Нейсе, пробрался вместе с разведгруппой в первую линию траншей противника и в ближнем бою

уничтожил взвод пехоты противника. Взял в плен два десятка солдат и офицеров, что способствовало успешному продвижению наших подразделений и овладению опорным пунктом противника».

За подвиг, проявленный в бою в районе Будерозе, Темиргалеев был отмечен орденом Славы 1-й степени.

Закончилась война. Бывший разведчик 504-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, полный кавалер орденов солдатской Славы Курбан Темиргалеевич Темиргалеев вернулся на родину, в село Кильдебяк Сабинского района Татарстана, но оставался там недолго. На юго-востоке республики началось освоение гигантского нефтяного месторождения. Разве мог бывший солдат остаться в стороне от больших дел? Поехал туда и, как оказалось, на всю оставшуюся жизнь. Построил в Альметьевске много замечательных объектов: гордость города памятник «Вечный огонь», спорткомплекс «Юбилейный» и многое другое. Стал почетным гражданином города, заслуженным строителем Республики Татарстан. Одна из улиц Альметьевска ныне носит его имя.

Умело воевал, ныне успешно готовит в школе воинов

Н. Степанов

**Новиков
Михаил
Алексеевич**

Беседую с капитаном в отставке Михаилом Алексеевичем Новиковым. До застенчивости скромный, но целеустремленный, глубоко любящий школу и детей учитель. В прошлом – фронтовик, удостоенный четырех боевых орденов, позже – ордена Октябрьской Революции и многих медалей.

Родился он 25 февраля 1924 года в селе Кутема Первомайского (ныне Черемшанского) района. Здесь закончил

школу-семилетку. Завершить образование пришлось уже в Черемшанской средней школе, до которой приходилось ежедневно «топать» по 25 километров.

Во время школьных каникул Миша Новиков вместе с другими подростками работал в колхозе, помогая старшим на сенокосе и уборке урожая.

Мальчишки Кутемы, как и других селений, в это тревожное время собирались группами и играли в «войну». А старики, посматривая на них, с тревогой в сердце говорили: «Дети в войну стали играть – нехорошее предзнаменование...».

С получением аттестата зрелости, Михаил, как один из лучших выпускников-комсомольцев, направляется райкомом комсомола и РОНО учителем начальной школы в деревню Казанку. Но поработал здесь недолго.

13 января 1942 года он вместе с Батыршиным, Биктагировым и Скворцовым на лошадях отправился в Казань, на призывной пункт. Ехали несколько дней. При снежных заносах, 40-градусных морозах.

Призывная комиссия новобранца Новикова определила в полковую школу 280-го артиллерийского полка, находившуюся в деревне Ямашурма Высокогорского района.

23 февраля Михаил принимает воинскую присягу, получает обмундирование и в составе 146-й стрелковой дивизии едет на запад, в город Венев, только что освобожденный частями Красной Армии от фашистов. В первой батарее 280-го артиллерийского полка назначается на должность командира отделения разведки (корректировщиков).

146-я стрелковая дивизия, сформированная на территории Татарской АССР из партийно-комсомольского состава и населения Поволжья, под командованием генерала Ю.В. Новосельского в апреле влилась в состав 50-й армии Западного фронта и вступила в бой в районе Фомино-2 и Зайцевой Горы.

Во время атаки неожиданно заговорила незамеченная ранее огневая точка противника – станковый пулемет. Наша пехота вынуждена была прижаться к земле. Сержант Новиков засек его место и доложил командиру батареи. С первого выстрела ее орудия, выдвинутого на прямую наводку, огневая точка была уничтожена. Пехота поднялась и овладела деревней Фомино-2.

При освобождении города Мосальск под сильным оружейно-пулеметным огнем пехотинцам опять пришлось уткнуться в землю. Корректировщик Новиков с наблюдательного пункта заметил, что пулемет строчит из дзота врага. Оперативно доложил об этом артиллеристам. Расчет сержанта Заюрова выкатил орудие на прямую наводку, Новиков скорректировал цель, и после второго снаряда пулемет замолчал. Удачная корректировка разведчика была отме-

чена орденом Красного Знамени.

Умение Новикова зорко усмотреть, быстро засекают огневые точки противника во время боев помогли нашим пехотинцам и при штурме станции Спас – Деминск. Командование оценило этот и другие его подвиги и сделало представление к ордену Славы 3-й степени.

Во время Псковско-Островской операции старшина Михаил Новиков назначается командиром взвода управления при батарее лейтенанта Кобылкина. Взвод ликвидировал две огневые точки, снял охрану моста через реку Великая, уничтожил вражескую комендатуру, сделал проход для действий основных сил полка. В результате были спасены от разрушения автодорожный и железнодорожный мосты, кварталы города. За эту операцию Михаил Алексеевич был награжден орденом Славы 2-й степени.

3 августа 1944 года в бою под городом Тарту (Эстония) он был ранен. После госпиталя направлен на курсы младших лейтенантов.

Долгожданный День Победы встретил на территории Германии – в городе Лигница. Демобилизовавшись, в 1945 году вернулся в родные края и приступил к любимой учительской работе. Долгие годы работал военным руководителем в учебных заведениях района. И как активный фронтовик в честь 40-летия Победы награжден орденом Отечественной войны.

На уроках начальной военной подготовки в Горкинской, Тимяшевской школах Лениногорского района Михаил Алексеевич рассказывал о важнейших событиях Великой Отечественной, о подвигах защитников страны. Устраивал встречи с героями Советского Союза и Социалистического Труда, проводил «уроки мужества». Лично водил «красных следопытов» по военным дорогам, вовлекал в пионерскую игру «Зарница», привлекал их к посадке деревьев в лесничестве, к уборке улиц поселка. Во время уборки урожая «высаживал» трудовой десант старшеклассников на колхозные поля. Создал в школе музей боевой славы. Организовывал туристские поездки учеников по городам-героям (Москва, Ленинград, Киев, Минск, Брест) и в Хатынь. В летние каникулы Михаил Алексеевич проводил вместе со своими питомцами в военно-спортивном лагере школы.

Такая забота помогла его воспитанникам хорошо подготовиться к жизни, труду и службе в армии. В Афганистане его ученики Ф. Магдеев и Р. Валеев за смелые и мужественные действия были награждены медалями «За боевые заслуги»; в Чечне этой медали удостоены Ю. Кошкин и П. Будилин. Отлично зарекомендовали себя во время службы в пограничных войсках его воспитанники А. Зубов, У. Мифтахов, Ф. Зиятдинов, Р. Сираев, Д. Саламатин и другие. Вернувшись после службы, они стали передовиками производства. Гордится Миха-

ил Алексеевич успехами своих учеников. Один из них – Николай Николаев – стал руководителем крупной нефтяной компании, другой – Исхак Садриев – два десятилетия лет возглавлял администрацию Лениногорского муниципального района.

За образцовую постановку военно-патриотического воспитания учащихся и молодежи села Новиков награжден орденом Октябрьской Революции.

Михаил Алексеевич гордится и своими четырьмя детьми, семерыми внуками и шестью правнуками. Все трудолюбивы, хорошо воспитаны, по-доброму относятся к людям и друг к другу. Сердечно любят они отца, деда, прадеда-героя.

Воевал и работал на совесть

Л. Глебова

В третью военную зиму в декабре Николай Тюнягин оказался в военкомате. Страшила мысль: как теперь проживут без него мать, младшие три сестры, братишка, племянница и бабушка? С 12 лет, после смерти отца, Николай был главным их кормильцем и защитником. Брался за любую работу в Печищах, пас коров, в навигацию занимался работать на судах, к началу войны поступил в ремесленное в Казани и потом на завод №387. Теперь вот им придется надеяться только на себя...

До нового 1944 года оставались считанные дни.

Тюнягин попал на Ленинградский фронт. Хотя битва за Ленинград формально завершилась не ранее 10 августа 1944 года, когда последние части стран-сателлитов Германии покинули Ленинградскую область. Фактически она закончилась уже 30 января, когда исчезла угроза немецкого вторжения в Ленинград. К 1 марта Красная Армия изгнала немецких захватчиков из южных районов Ленинградской области, а к 10 августа – финские войска из ее северных районов.

Уходя, вермахт уничтожал все, что могло бы пригодиться наступающей Красной Армии, и насильно эвакуировал мирное население. Например, Новгород был превращен в пустыню, несожженными в нем остались около сорока домов.

– Тогда немец был уже бессилён, – вспоминает Николай Петрович, – и бежал, мы едва за ним поспевали. Все сжигал за собой. Злой был немец. Еще бы, стоять на подступах к Ленинграду и уйти ни с чем! Мы преследовали врага кто на лыжах, кто пешком. Через Новгород дошли с боями до города Остров под Псковом. Там меня ранили – сквозное в грудь. Сначала эвакуогоспиталь, потом попал в больницу имени Софьи Перовской в Ленинграде, там лечился два месяца.

После возвращения в строй вместо винтовки ему, уже обстрелянному, дали автомат. Стоял он вторым номером и у пулемета Дегтярева. Самые тяжелые бои, вспоминает, были в районе двух узловых станций.

В военном билете Тюнягина написано, что с мая по август 1944 года он служил в пехотной части разведчиком. Сам Николай Петрович предпочитает об этом не распространяться. Его дочь Ирина Николаевна вспоминает, как однажды, в канун 9 мая, семьей сидели на кухне, скромно отмечали праздник. От воспоминаний у отца вдруг к глазам подступили слезы, он встал и резко вышел на балкон. Потом объяснил: «Еще не хватало расплакаться тут перед вами...» Но по его отрывочным рассказам домашние знали, война – это тяжелая, опасная, грязная, рутинная работа, с постоянным риском для жизни, с вечным недосыпанием, недоеданием, постоянной антисанитарией. Наступление пехоты на заболоченной лесистой местности превращалось в прогрызание дыр в оборонительных линиях немцев. Из-за сложных условий местности трудно было обеспечить своевременный подвоз боеприпасов, горячей пищи, эвакуацию раненых.

В августе 1944 года Тюнягина ранило второй раз, теперь уже очень серьезно. Госпитальным медикам пришлось выдолбить половину его подвздошной кости. Попал в нестроевые, направили в отдельную 465-ю техническую роту. Размещалась она в самом Ленинграде, ремонтировала всякую технику, на то она и была техническая. Много полезных уроков преподала эта рота Николаю Петровичу.

И вот в 1947 году он демобилизовался и вернулся домой. Поступил работать на завод. Сначала слесарил, потом ему предложили перейти в станочники. Как раз в то время пришли немецкие зубострогальные станки. Надо было изготавливать шестеренки. Тюнягин с этим справился. Вскоре подоспели также немецкие машины для шлифовки коленвалов. Ценность невероятная! Николай Петрович переквалифицировался в шлифовщики.

В 1951 году, наконец, женился на девушке, за которой ухаживал три года. Она, учительница, заставила его окончить вечернюю школу.

А когда дочке исполнилось пять лет, окончил высшую школу профдвижения, которая в те время славилась. Из транспортного цеха не ушел, работал здесь экономистом по труду и заработной плате, затем семнадцать лет руководил коллективом. Проработал мастером до восьмидесяти лет!

Сопровождал союзнические караваны

В. Ваганов

**Ваганов
Владимир
Иванович**

Он родился в 1929 году в Горьковской области. После шести классов в 1941 году поступил в школу юнг, а в августе 1944 года был направлен на Соловки, в морскую школу. После ее окончания был назначен рулевым корабля во 2-ом гвардейском Печенгском Краснознаменном дивизионе малых охотников за подводными лодками Северного флота, которые сопровождали американские и английские транспортные корабли.

– Попал я на катер МО-4, – вспоминает Владимир Иванович Ваганов, – командовал им Герой Советского Союза капитан-лейтенант Дацкий. Вторым моим командиром был Василий Стойко, мы с ним служили на подобных катерах три года, звал меня Ваганенок. Сразу после выпуска мне пришлось командовать на катере отделением, опыт школы юнг пригодился. Баренцево море никогда не бывает спокойным, а я по 16 часов находился

В.И. Ваганов с товарищем. 2000-е годы.

на мостике. Однажды в шторм на мачте менял лампочку в кlotиковом фонаре, так меня волной смыло за борт, хорошо, что ребята быстро вытащили.

Жили так. Кока у нас не было, еду готовили сами, стирали тоже сами. Спали на пробковом матрасе, он же служил одеялом и подушкой. Приходя в порт, оттаивали сначала сами, а потом сходили на берег – не отдыхать, а откалывать намерзший лед с катера. Летом на севере круглые сутки солнце, но прохладно, временами налетают снежные заряды.

К 1945 году совершился перелом в войне не только на суше, но и на море. Для прикрытия караванов флот союзников теперь мог выделять каждый раз до сорока боевых кораблей и до двух авиационных дивизий. Конвои в пути меньше теряли транспорта, а места выгрузки надежно прикрывались нашей истребительной авиацией. И все-таки из нашего дивизиона осталось всего три корабля.

После войны служил на Северном флоте, на кораблях малых охотников. В декабре 1952 года демобилизовался. В 1960 году поступил на Казанский вертолетный завод, в цех №36 слесарем.

Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью Ушакова, юбилейными медалями Советского Союза, памятными медалями «300 лет Российскому флоту», «Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов», знаками «Ветеран школы Юнг ВМФ», «Ветеран КСФ», «Юный участник Великой Отечественной войны 1941-1945 годов».

25 февраля 1989 года ушел на заслуженный отдых.

В.И. Ваганов на встрече со школьниками. 2000-е годы.

Мы были сильные духом...

Л. Иванова

В 41-м году Нине Михайловне Антоновой едва исполнилось семнадцать. Она только-только окончила медицинское училище, и сразу же от Кировского военкомата ее направили медсестрой в госпиталь. Казалось, первая военная зима тянулась долго и мучительно. Наступила весна, но надежд на скорую победу не было. Едва растаял лед на реке, Нину Михайловну направили санитаркой в передвижной плавучий госпиталь. Это был большой теплоход под названием «Гончаров», перевозивший раненых солдат из Москвы в Казань.

Осторожно снимали бойцов с грузовиков на носилки и переносили на теплоход. Тяжело было и физически, и морально. Кровь, страдания, боль, смерть – все это ежедневно было перед глазами...

В 1943-м их санитарную часть перебросили под Сталинград. Вот где пришлось испытать настоящий крошечный ад! Теплоход несколько раз попадал под бомбежку и минометный обстрел, казалось, еще мгновение, и все разом взлетят на воздух... Но все, как говорится, обошлось. Битва под Сталинградом закончилась большой победой и всеобщей радостью. Но ненадолго, война продолжалась. Необходимо было изгнать врага с территории нашей страны, освободить от фашистского ига другие страны. Так Нина Антонова со всей своей частью дошла до Прибалтики, до Кенигсберга, где работала санитаркой в армейском полевом госпитале.

Война для Нины Михайловны окончательно завершилась только в конце 45-го года на Дальнем Востоке.

«Мы выжили и победили, потому что были сильны духом, защищали родную землю», – с гордостью говорит она о всех, кто проливал кровь в войну. У Нины Михайловны много наград за Великую Отечественную. Но главной для нее наградой было остаться в живых. Скольких людей Нина Михайловна спасла за годы войны, скольким людям помогала выздороветь в мирное время?! Спасибо вам, Нина Михайловна, за все!

СЛОВО О ПАРТИЗАНАХ И ПОДПОЛЬЩИКАХ

Глава 3

У фронтовиков о партизанах бытовало такое представление: «они неплохо помогали воюющей Красной Армии».

Нет, ребята, недооценивали мы их действия!

По данным П. Пономаренко, опубликованным еще в 1943 году, «за два года... партизаны истребили более 300 тысяч оккупантов, из них 30 генералов, 6 336 офицеров и 1 520 летчиков. Произведено не менее 3 тысяч крушений вражеских эшелонов, уничтожено 3 263 железнодорожных и шоссейных моста. Уничтожено 1 191 танк и бронемашина, 476 самолетов, 378 орудий, 895 баз и складов с вооружением и боеприпасами».

Перечень потерь захватчиков от партизан пополнялся и позднее. Если даже допустить некоторое преувеличение, собственное сводкам в дни войны, результаты действий партизан впечатляют.

А по уточненным данным они составляли десять процентов всех потерь вермахта на восточном фронте!

Н. Огарков в публикации 1978 года в Советской Военной Энциклопедии (М., т. 6, С. 230-234) сообщает, что за годы войны в вооруженных силах перебивало 34,5 миллиона человек. Партизан же было около миллиона.

Посчитайте и осмыслите сами: они втрое эффективнее воевали, чем вся Красная Армия. Вот вам и «неплохо помогали»!

Немало парней и девушек Татарстана было в составе беспощадных мстителей оккупантам. Публикуем воспоминания и пересказы о некоторых из них.

А. Малов

Результативный мститель

Р. Гараев

Он родился в 1915 году в деревне Малаховцы Барановичского района Брестской области, в семье белорусского крестьянина. Во время Первой мировой войны семья эвакуировалась в Казань, где Ваня окончил школу и до 1936 года проработал водителем трамвая. Там же он вступил в комсомол. Большую школу прошел комсомолец в рядах Красной Армии.

Окончил курсы младших лейтенантов. Участвовал в освободительном походе Красной Армии в Западную Белоруссию в 1939 году и на советско-финской войне 1939-1940 годов. В ходе этой «зимней» войны получил ранение.

**Кабушкин
Иван Константинович**

Великую Отечественную младший лейтенант Кабушкин встретил на западной границе СССР. На седьмой день попал в плен и в колонне военнопленных проследовал в оккупированный немецко-фашистскими войсками Минск. Вскоре оттуда смог убежать, стал собирать боевых друзей, чтобы вместе бить врага.

С осени 1941 года участвовал в антифашистском движении в оккупированном Минске. Действовал под кличкой «Жан» («Бабушкин», «Сашка», «Назаров»). Был членом Военного совета партизанского движения – подпольной организации бывших советских военнослужащих, созданной ими осенью 1941 года в Минске, помощником начальника разведки 203-го партизанского отряда. На него было возложено руководство отделом по выявлению и уничтожению предателей и фашистских агентов. Лично уничтожил двадцать агентов абвера, СД и полиции. За короткий срок зарекомендовал себя отличным подпольщиком, став начальником оперативной группы.

Смелый разведчик был грозой оккупантов. У Кабушкина ни разу не дрогнула рука, когда он сталкивался с врагом лицом к лицу. Он добывал для минских партизан оружие, боеприпасы, медикаменты, проводил большую работу по разложению минской полиции, вражеских националистических формирований. При его непосредственном участии было освобождено множество военнопленных из концентрационных лагерей.

С октября 1941 года на дорогах Минск – Логойск, Минск – Столбцы Жаном было уничтожено пять легковых машин, две грузовые, одна бензоцистерна. При этом уничтожено девять человек командного состава, семь – рядового. Помогал военнопленным бежать из лагерей, переправлял их в партизанские отряды. Доставлял в отряды медикаменты, радио, питание, теплую одежду.

В мае 1942 года после гибели руководителей Минского подпольного городского комитета Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии И.П. Казинца и С.И. Зайца, Жан направляется в Минск для восстановления подпольной организации. Одновременно занимается организацией выпуска нелегальной газеты «Звезда», оборудованием подпольной типографии, выпуском и расклейкой листовок.

В сентябре-октябре 1942 года во время массовых арестов подпольщиков Минска Кабушкин организовал выпуск специальной листовки «К населению Белоруссии», призвав патриотов вызволить арестованных, отомстить за кровь и муки подпольщиков.

Гестапо сбилось с ног, разыскивая с осени 1941 года «Жана», «Александра», «Назарова», «Бабушкина». Под этими кличками действовал в Минске И.К. Кабушкин. Осенью 1942 года гитлеровцы наносят еще один удар по подполью. Арестованы все члены Минского подпольного горкома компартии. За Жаном начинается настоящая охота. Гестапо обещало выдать крупную денежную награду тому, кто выдаст героя.

Отважный подпольщик долго был неуловим.

В феврале 1943 года трагическая случайность оборвала работу, а затем и жизнь Ивана Кабушкина. Однажды он отправил в лес свою новую связную и ждал ее возвращения. В одном из партизанских отрядов нашелся командир, который бездумно, открытым текстом написал Жану записку с просьбой достать пистолет. Даже для человека, абсолютно не знающего конспирации, очевидна была глупость такого поступка. Когда связная возвращалась домой, в дороге ее обыскали полиция и, обнаружив записку, передали задержанную в застенки СД. Там ее пытали электрическим током, и она, не выдержав пыток, выдала Жана.

4 февраля 1943 года его схватили на квартире, где была назначена встреча со связной. Уже на первых допросах стало ясно, что за ним охотились гестаповцы с осени 1941 года. Его держали в подвале СД в особом каменном мешке, в полной изоляции.

Жан был подвергнут изощренным пыткам раскаленным железом и электротоком. После пыток гестаповцы оставили его на полмесяца без воды и пищи. Много раз избивали до потери сознания, морили голодом, не давали воды. Но ничего не могло сломить железной воли и непоколебимого духа бойца минского подполья. Жан не только не выдал ни одного человека, но и не открыл врагам даже своего настоящего имени. После его ареста не пострадал ни один подпольщик, связанный с ним. Об этом говорит и публикуемое здесь его письмо к знакомой.

«Родные! Итак, луч опять осветил мою «келью». Я рад, что вы живы. Да, настроение несколько ухудшилось, в один день сели все мои, я – десятый. Ведь все мои родные, пойми! Если Миля опять будет там [в бригаде «Старика»], пусть, пусть она передаст им: умру, а подлецом не буду! Ну, в отношении меня полное затишье. Я полагаю так, что нового они не добились, все попытки не увенчались успехом, и решили, видимо, 1 мая вывесить меня как «подарок» для народа. Ну пойми, как иначе? Ведь ни одного человека они не получили, а против меня материал с 41 года, и довольно-таки солидный. А как мне поступить? Ведь я решил твердо всю свою жизнь посвятить борьбе с врагами всего прогрессивного человечества, за народ, за Родину!..

Все делаю и сделаю, чтобы никто не пострадал. Ну, ты что-то молчишь в отношении Родины, дай знать о ней... Тревоги [воздушных налетов] слышу, и для меня это большой и приятный концерт... Крепко всех целую».

Легендарный подпольщик Жан был казнен 4 июля 1943 года в минской тюрьме.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года в канун 20-летия Победы советского народа над фашистской Германией за исключительный героизм и самопожертвование во имя Родины Кабушкину Ивану Константиновичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Его именем названы улица и переулок в Заводском районе города-героя Минска, школа №12 в городе Барановичи. В поселке Мирный Барановичского района Брестской области открыт памятник. Ему посвящен стенд в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны (город-герой Минск).

Белорусский писатель Иван Григорьевич Новиков посвятил Ивану Кабушкину («Жану») и его боевым

товарищам первую книгу трилогии «Минский фронт», а режиссер Виталий Четвериков снял в 1970-х годах на киностудии «Беларусьфильм» шестисерийный телевизионный сериал «Руины стреляют». Татарский советский писатель Шамиль Ракипов написал о нем документальную повесть «Откуда ты, Жан?» (издана на татарском языке в 1969 году, на русском – в 1974-м).

На здании 1-го трамвайного депо в Казани, где он работал до войны, установлена мемориальная доска. Трамвайный вагон Х №24, на котором до войны работал герой, установлен как памятник у здания Управления ККП ПОГЭТ (а к столетию казанского трамвая в 1999 году – восстановлен как ходовой).

Дважды ранен, трижды славен

А. Иванов

Деревня Большой Шурняк Елабужского уезда Вятской губернии (ныне Елабужский район Республики Татарстан) знаменита тем, что в ней родился полный кавалер орденов Славы Петр Иванович Захаров.

После окончания семилетки здесь работал трактористом-комбайнером в колхозе. В 1939 году был призван в Красную Армию Елабужским райвоенкоматом, служил в артиллерии. Зимой 1939-1940 года в составе гау-

**Захаров
Петр Иванович**

бичного артиллерийского полка участвовал в советско-финской войне. Эту войну нередко называют «зимней войной», а потому понятно, что наряду со значительным количеством убитых и раненых с советской стороны (26 марта 1940 года на сессии Верховного Совета СССР было официально объявлено о 48 475 погибших и 158 863 раненых), было много обмороженных. Одним из тех, кто

получил обморожение, был Петр Захаров. После госпиталя он служил в составе 110-го имени Клим Ворошилова артиллерийского полка, расположенного в городе Новая Вилейка (Литва). Здесь Захаров встретил начало Великой Отечественной войны.

В первые дни войны полк с боями отступал на восток в составе 11-й армии. Младший сержант Захаров участвовал в оборонительных боях на Северо-Западном фронте, попал в окружение, был контужен. Попал к партизанам. С весны 1942-го воевал в составе 5-го партизанского отряда имени Козьмы Минина на территории Белоруссии, под Витебском. К весне 1943 года на счету партизана Захарова было семь пущенных под откос вражеских эшелонов, десятки успешных нападений на вражеские гарнизоны. 9 февраля 1944 года в боях у населенного пункта Городок Витебской области расчет сержанта Захарова поддержал огнем стрелковую роту, проводившую разведку боем. С началом атаки артиллеристы первыми выстрелами подавили две вражеские пулеметные точки. Всего в этом бою орудие Захарова уничтожило три огневые точки и около десятка солдат противника. Действовать расчету пришлось под артиллерийским и минометным огнем. Захаров был ранен, но продолжал выполнять боевую задачу.

Приказом командира 334-й стрелковой дивизии от 22 февраля 1944 года сержант Петр Захаров награжден орденом Славы 3-й степени.

В последующих боях за Витебск Захаров был тяжело ранен. После лечения в госпитале в свою часть он уже не попал: был направлен в 610-й истребительный противотанковый артполк 39-й армии. Здесь он стал старшим разведчиком артиллерийской батареи и с этой частью прошел до окончания войны. Особо отличился в боях в Восточной Пруссии. 13 января 1945 года в бою близ населенного пункта Пилькаллен (тогда Восточная Пруссия, ныне – поселок Добровольск Краснознаменского района Калининградской области) Захаров, ведя наблюдение за противником, обнаружил и передал на свою батарею координаты вражеского орудия и пяти пулеметов. Огнем батареи цели были подавлены. Приказом по войскам 39-й армии от 10 марта 1945 года Петр Захаров еще раз удостоен ордена Славы 3-й степени повторно, поскольку в новой части не знали о прежнем. 6-7 апреля 1945 года в боях у населенного пункта Рабмекен, что на шесть километров северо-западнее Кенигсберга, находясь на передовом наблюдательном пункте, обнаружил два пулемета, пушку и наблюдательный пункт противника, которые огнем батареи были уничтожены. 7 апреля 1945 года в бою Захаров был ранен, но поля боя не покинул и продолжал выполнять боевую задачу.

Приказом от 27 апреля 1945 года сержант Захаров награжден орденом Славы 2-й степени. День Победы он встретил в армейском госпитале, а после выздоровления вернулся в свой полк. В июне 1945 года его истребительно-противотанковая артиллерия полка (ИПТАП) вместе с другими частями 39-й армии была переброшена на восток, на территорию Монгольской Народной Республики и вошла в состав Забайкальского фронта. Здесь артиллерист Захаров участвовал в переходе через хребет Большой Хинган и разгроме японской Квантунской армии. В 1946 году Захаров был демобилизован.

После войны жил в Магнитогорске, работал электромонтером, затем шофером грузовой линейной автомашины магнитогорских электрических сетей «Челябэнерго». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1970 года в порядке исправления прежней ошибки Захаров Петр Иванович перенагражден орденом Славы 1-й степени (№2628).

Так он стал полным кавалером ордена Славы. В 1977 году ушел на пенсию. Скончался 24 декабря 1981 года.

9 мая 2006 года в Елабуге на площади Памяти к уже имеющейся Аллее Героев прибавился еще один памятник-бюст – кавалеру орденов Славы трех степеней Петру Захарову. Остается добавить, что полный кавалер орденов Славы приравнивается к Герою Советского Союза.

За Родину с благородной яростью

Д. Гараев

**Гараев
Динмухамет
Нуриевич**

В Красную Армию я был призван 28 мая 1941 года Арским военкоматом ТАССР с третьего государственного экзамена педагогического училища. Был зачислен разведчиком-наблюдателем 8-й батареи 3-го дивизиона 546-го полка корпусной артиллерии 63-го стрелкового корпуса 21-й армии.

Эта армия была сформирована в основном из солдат Поволжья, а один корпус был полностью казанским. К этому времени высшее руководство страны прекрасно знало о надвигающейся войне, но новобранцам об этом знать было не положено. Нас посадили в эшелон и отправили якобы для учений в скором времени в самое пекло – в Белоруссию. Везли тайно, даже двери вагонов были задраены снаружи. И даже 22 июня, когда в Орле услышали речь наркома иностранных дел В. Молотова о начале войны, продолжали хранить секрет...

Оглядываясь назад, скажу: больше чем уверен – это была измена! Почему нас продолжали везти в закрытых вагонах?!

К ночи 23 июня наш эшелон и еще несколько других остановились в Гомеле.

И буквально через десять минут эшелоны разбомбили: вдруг завывла сирена и началась бомбежка! Обезумевшие от страха новобранцы начали лавками разбивать двери, чтобы выбраться наружу. Тогда я впервые увидел оторванные головы, руки, ноги... Нашему эшелону повезло – почти все уцелели. В других погибло около половины.

А 25-го июня наша часть приняла первый бой с немецкими парашютистами.

К первой декаде июля мы с боями отступали до

Днепра, где, наконец, прибыла наша боевая техника: 152 мм дальнобойные орудия. Дальность стрельбы до 30 км, при заряде пороха в 24 кг. Снаряд весит 48 кг. Если дать 10-12 раз беглый огонь, ствол расширяется и уже не пригоден для стрельбы.

Мое место на переднем крае, я должен корректировать огонь (попадания снаряда в цель). Участвовал в сражениях у городов Жлобин, Бобруйск, Рогачев, станций Хальч и Салтановка.

Очень тяжелые бои шли у города Жлобин, который несколько раз переходил то к немцам, то к нашим. 21-я армия наравне с другими армиями Западного фронта, находясь в направлении главного удара группы Центр немецких войск, изматывала врага.

Помню, в начале августа 1941 года над линией фронта появились наши краснозвездные бомбардировщики и беспощадно разбомбили наши позиции. Наверное, это была провокация немцев. В конце дня появился наш истребитель, но, решив, что это немец, все начали по нему стрелять. Наши старые самолеты в основном были из фанеры, и истребитель загорелся. Летчик выпрыгнул с парашютом, однако снизу все стреляли, и он приземлился мертвым. Одна из пуль прошла его комсомольский билет.

После 9 августа 1941 года пошли перебои и неразбериха с боепитанием. То привезут снаряды 76 мм, то 120 мм, нет для тягачей солярки, керосина. Оказывается, мы попали в окружение. Штаб 21-й армии находился в Гомеле, они улетели на самолете. А мы орудия взорвали, а что не смогли, закопали их затворную часть. Пешком наш 3-й дивизион пробирался на восток, к линии фронта.

15 августа 1941 года просыпаемся в лесу, а командиров наших нет, остался с нами только младший лейтенант. Командиры бросили нас. Ушли одни. К этому времени нас оставалось человек семьдесят. Младший лейтенант взял командование на себя и повел нас на восток. Мы сохранили свое оружие, я кроме винтовки и патронташа еще нес стереотрубу (12 кг).

16 августа с короткими стычками с преследующими немцами мы подошли к Днепру, где ширина 70-80 метров, но течение быстрое. Под большим дубом на берегу зарыли красноармейские и комсомольские билеты. Разделись и, взяв только оружие (лично я еще стереотрубу), поплыли на тот берег. Многие тогда утонули, на тот берег выбрались 42 человека. В лесу нашли брошенный обоз, мы снова оделись в красноармейскую форму. Вечером 18 августа при переходе шоссе на дороге нас обнаружили немцы и обстреляли. Я был ранен в область икры левой ноги. Хоть рана и была сквозная, она

кровоточила и мешала идти. Младший лейтенант разбил нас на мелкие группы по десять человек и приказал самостоятельно пробиваться из окружения.

19 августа при переходе через речушку недалеко от Гомеля наша группа попала в засаду полевой жандармерии. Толком не смогли даже оказать сопротивление, и оставшиеся в живых шесть человек оказались в плену.

Сначала нас привели в пересыльный лагерь на станции Юшкова, к вечеру доставили в лагерь для военнопленных в Могилеве. Не кормят, все голодные, обглодана даже кора деревьев, что росли на территории лагеря. Там же встретили наших командиров – командира дивизиона и командиров батарей в солдатских гимнастерках. Лагерь был огорожен несколькими рядами колючей проволоки, снаружи ходили часовые. Ток по проволоке по ночам еще не пускали.

Местное население подходило к лагерю и по возможности кидало караваи хлеба. Обезумевшие от голода пленные буквально дрались меж собой за щепотку хлеба. К нам подошел пленный солдат средних лет и сказал, что он из Могилева, что его жена должна подойти к ограде и бросить хлеб в его сторону. Нас набралось 15 человек, которые были еще в силе. Начали ждать у колючей проволоки. 21 августа в обед жена того пленного на самом деле подошла и, улучив момент, бросила каравай в нашу сторону. Все мы накинулись на него, образовалась куча-мала, хлеб, можно сказать, нам не достался, но, оказывается, внутри были ножницы по металлу. Стали ждать ночи. В районе 12 часов ночи подползли к проволоке и начали ее осторожно резать. Переползли на ту сторону, и пленный из Могилева повел нас на север. Через некоторое время позади мы слышали выстрелы, собачий лай. После нас еще 40-50 пленных тоже пытались бежать, но охрана заметила и открыла огонь.

Мы бежали всю ночь, сколько хватило сил, и под утро оказались в овраге. Солдат из Могилева сказал, что он принесет еды, и что надо ждать его здесь. Ближе к вечеру он появился с четырьмя караваем и большим шматком сала. Сказал, что здесь у него семья, жена, дети, соскучился по ним и отдохнет неделю дома. Потом тоже будет пробиваться к фронту. Он ушел, еще шесть украинцев из нашей группы последовали его примеру. Оставшиеся девять человек, вооружившись найденным оружием (в местах боев его было предостаточно, много было в лесах брошенных обозов), начали двигаться на восток, к линии фронта. Шли обычно ночью, обходя селения. Однако, дней через десять еда закончилась, пришлось свернуть в селение. Подошли к крайнему дому, заходим, дома старик и старуха. Спросили есть ли немцы в деревне? Ответили нет. Просим накормить.

Старик вытаскивает из шкафа большой каравай, сажает нас за стол и говорит старухе, иди, мол, в погреб, принеси простокваши. Мы сидели, мирно ели хлеб и не заметили, как старуха привела немцев. Снова мы попали в плен в Дубровинском районе Смоленской области. Деревня находилась буквально на границе с Оршанским районом Витебской области (от Смоленска 100-120 км, от Орши 30-40 км). Оказывается, мы зашли в дом переселенцев – бывших кулаков. Больше в Белоруссии такого предательства я не встречал.

Увезли в Оршу, попали в пересыльный лагерь. Утром нас построили в колонну по десять человек и каждому ряду начали раздавать по две буханки хлеба. Я был крайний, мне дали одну буханку, а вторую пленный с белой повязкой на рукаве забрал себе. Я пытался возмутиться и тут же получил по голове дубинкой. Меня почти в бессознательном состоянии пленные из нашего ряда вели под руку до станции Коханова, между Оршой и Толочиной. Я обязан им жизнью (стоило упасть – пристреливали).

Кохановский лагерь военнопленных был недавно организован, находился в центре села, на месте картофельного поля. Ограждение – один ряд колючей проволоки. Из первого лагеря мы бежали вместе с учителем истории из Орла, призванного по мобилизации. Вот с ним решили, что надо срочно бежать. Бежать на север, где нет больших шоссежных дорог. В 11 часов ночи проползли до колючей проволоки, сделали под нее лаз (картофельное поле, земля мягкая) и начали проползать. В нашей группе было девять человек, тоже бежали всю ночь на север. Ночью пересекли шоссежную дорогу Минск – Москва, железную дорогу. В следующие дни вооружились найденным оружием. Построив шалаши, начали жить в лесу в 35 км на северо-востоке от Орши. Собирали оружие, нападали на отдельные легковые машины, добывали сведения о расположении немецких частей. С этой целью устраивали засады на дорогах.

23 февраля 1942 года решили навестить агентурную разведку, которая жила в деревне в 5 км от Орши. Она должна была доставить данные разведки и помимо этого купить нам соль.

Когда на лыжах проходили деревню в 5 км от базы, заметили, что немцев в деревне нет, топится баня в огороде. На обратном пути ребята устали и решили выспаться в этой теплой бане. Окно ее смотрело в сторону деревни, и, то ли кто-то чиркнул спичкой, то ли закурил, но разбудили нас немецкие приклады. Оказывается, после нашего приезда в деревню приехал полицейский – жениться, а с ним еще немцы, которые и заметили в бане огонек. Избили нас до полусмерти. Утром повезли в

волостную управу, где допросили и повели за околицу расстреливать. Заставили на снегу выкопать большую яму, все мы уже простились друг с другом. Вдруг из управы прибежал немецкий солдат, и нас снова повели в управу. Снова очень сильно избили и на санях доставили в Борисовский концлагерь. Две недели я был без сознания, а когда очнулся, увидел рядом с собой одноклассника из Агрыза Халика Мазитова, который выходил меня. Когда я начал ходить, мы с Халиком начали подходить к воротам, откуда немцы забирали на работу. Бежать из лагеря было невозможно. Раньше здесь было танковое училище. Кирпичные стены в два метра высотой сверху имеют ограждение из колючей проволоки, по которому пропущен ток.

С Халиком два раза ездили на работу в аэродром чистить взлетную полосу от снега. Но и оттуда бежать было невозможно. Повезло только через месяц – девять пленных, в том числе и я, смогли сбежать и присоединиться к партизанам.

В партизанском движении участвовал в составе отряда Кирилова, бригады «Бати», партизанской бригады имени Героя Советского Союза Константина Заслонова, в отряде имени Чапаева. С 6 апреля 1942-го по июль 1944-го действовал на территории Витебской области Белоруссии, на должностях рядового разведчика, командира взвода и командира роты.

Партизаны нашей бригады нападали на немецкие гарнизоны, громили волостные управы, пускали под откос железнодорожные эшелоны, взрывали железнодорожные и шоссейные мосты, нарушали связь, устраивали засады на колонны автомашин с живой силой, минировали шоссейные дороги, проводили рельсовую войну.

Однажды приняли бой на правой стороне шоссейной дороги Орша – Витебск возле озера Ордышева. В нем участвовали партизаны двух бригад – бригады «Бати», которой командовал Василий Бойко, и бригады Константина Заслонова. Каратели узнали наше местонахождение и, собрав силы, в конце июля 1942-го бросили их против нас при поддержке танков и артиллерии.

Бой длился целый день. Но немцы так и не смогли прорваться в наш лагерь. Пехота не прошла через болота, а танки подорвались на наших минах. Фашисты потеряли в этом бою три танка и более двухсот солдат и офицеров, о чем в 1942 году писали в газете «Правда».

А в июне 1943-го в канун битвы на Курской дуге между станциями Орша и Богусhevск только за одну ночь взорвали железнодорожное полотно протяженностью более тридцати километров, что на десять дней прекратило движение поездов по этой дороге.

Яновский бой

К 25-летию Великой Октябрьской революции отряд «Истребитель» получил задание разгромить волостную управу местечка Янова Богусhevского района. Гарнизон Янова насчитывал более 100 немцев и полицейских, а нас было всего 17 человек (в сентябре многие отряды ушли за линию фронта).

Командовал отрядом старший лейтенант Саша Соловьев, бывший летчик-штурман. Когда готовились к бою, Саша почему-то пел песню, слова которой до сих пор помню: «Пришлют ли мне с того света бочонок крепкого вина...» Мне кажется, он чувствовал свою смерть...

Почему с таким малочисленным отрядом мы рискнули выступить против сильно укрепленного, в пять-шесть раз превосходящего гарнизона? Потому что и наш отряд «Истребитель» должен был уйти за линию фронта, и это был последний аккорд ударов по врагу.

С вечера 6 ноября мы подошли к местечку Янова и стали наблюдать. Тщательно разведали подходы к казарме, определили время смены постов. Повалил крупный снег. Мы подкрались к часовым и без шума сняли посты. Подойдя вплотную к двухэтажной казарме, забросали гранатами и открыли шквальный огонь по казарме зажигательными пулями. Казарма загорелась, немцы и полицейские начали прыгать со второго этажа в подштанниках, гарнизон мы в основном перебили. Лишь человек десять-пятнадцать смогли спуститься в подземный ход, проникли в дзоты и открыли бешеный огонь из пулеметов. Пришлось их выкуривать дымом. В этом бою перебили весь гарнизон вчистую.

Хотя бой длился два часа, подмога немецкому гарнизону подойти не смогла, так как наши самолеты начали бомбить узловую станцию Орша и, на наше счастье, некоторые из них по ошибке побросали бомбы недалеко от Янова. Решив, что наступают части регулярной Красной Армии, немецкая подмога вынуждена была повернуть обратно.

Уничтожив последних немцев, прорвавшихся в дзоты, мы начали собирать трофеи. Досталось много оружия, боеприпасов, продуктов, одежды. Погрузили все это добро на трофейный грузовик и отправились в партизанскую столицу – деревню Куповать.

Константин Сергеевич Заслонов, наш комбриг, остался очень доволен нашей операцией. Объявил нам благодарность от имени командования бригады.

К сожалению, в этом бою мы потеряли нашего любимого командира отряда Сашу Соловьева. Он погиб при выкуривании немцев из дзотов. Вечная память тебе, наш любимый командир!

Мы еще не знали, что очень скоро потеряем и нашего любимого комбрига.

Последний бой комбрига

На разведку отправились трое: я, командир отделения бригадной разведки Михаил Алатырцев и Николай Парфенов. В деревне Рындева от агентурной разведки узнали, что по направлению к деревне Куповатъ движется полк Савченко, усиленный немцами. В деревне Стецево внезапно наткнулись на предателей из РОА (прим. – Русской освободительной армии, набиралась из пленных). Они были одеты в форму танкистов Красной Армии. Произошел короткий, но интенсивный бой, однако мы смогли уйти от преследования. Вернулись в расположение бригады и доложили «Дяде Косте», что идут немцы.

14 ноября рано утром он снова послал нас в разведку для уточнения силы и направления движения врага. Отъехав десять километров от деревни Куповатъ, нам удалось взять «языка» из полка РОА. Быстренько доставили его в штаб бригады. От него узнали, что полк наступает на Куповатъ силами трех батальонов (в каждом около 500 штыков). Один батальон наступает на Куповатъ со стороны деревни Утрилова, другой со стороны деревни Кузьмина, а третий батальон где-то через болото. Константин Сергеевич сказал, что Куповатъ – партизанская столица и ее немцам не отдадим. Одному взводу приказал занять оборону на опушке леса по направлению деревни Утрилова и задержать врага. На опушке со стороны деревни Кузьмина была организована засада из тринадцати партизан отделения разведки. Оборону на этом направлении возглавлял сам комиссар бригады Людвиг Селицкий. В составе засады были: командир отделения бригадной разведки ваш покорный слуга (Митя), партизаны Алатырцев, Парфенов, Кравченко, Цараев, Чернов, Митрофанов, Гордиенко, Баранов, Козыревский и др.

В 10 утра батальон со стороны деревни Кузьмина

вплотную подошел к нашей засаде. Похоже, засады не ждали и, собравшись, начали совещаться. Думаю, хотели послать по лесной дороге головную разведку в сторону Куповати. В этот момент наш комиссар бригады Селицкий скомандовал: «По изменникам Родины – огонь!». Заработали пулеметы, автоматы, начали рваться гранаты. Враг не ожидал такого, первые ряды были скошены как косой. Оставшиеся в живых немцы и изменники стали кричать, звать на помощь, бросились отходить под горку.

Из деревни Кузьмина по нам открыли шквальный огонь из орудий и минометов. У нас были подготовлены запасные позиции и, часто их меняя, мы продолжали громить врага.

В 11 дня бой начался под Утриловым и на стороне Куповати. Есть подозрение, что кто-то провел через болота немецкий батальон к самой деревни Куповати, хотя эти болота считались непроходимыми. Засада проглядела немцев. «Дядя Костя» внезапно столкнулся с немцами, оказавшимися уже у огородов. Пулеметной очередью его тяжело ранило. Женя Коржень, его ординарец, затащил комбрига в дом. В дальнейшем командование от одного партизана к другому переходило несколько раз (в связи с гибелью руководителей). На Куповатъ были брошены силы, в двадцать раз превосходившие наши. В бригаде в это время у нас было 70-75 человек, основные силы были отправлены на Большую землю.

На нашем направлении враг пять раз поднимался в атаку и пять раз был отброшен. Узость лесной дороги, пристрелянность местности и господство позиции, а также бесстрашие, героизм партизан позволили остановить вражеский батальон, разгромить его и выдержать натиск превосходящих сил в течение пятичасового боя. Бойцы отделения отделались только несколькими ранениями.

**Заслонов
Константин
Сергеевич**

Около 16 часов выстрелы у деревни Куповати начали затихать. Комиссар Селицкий приказал нам отходить на заранее условленное место – поляну в Куповатском лесу. Там мы увидели ребят, которые дрались в Куповати, и узнали о гибели командира бригады. Погиб и старший радист, единственный, кто кроме командира бригады знал шифр радиосвязи. Так, к нашему несчастью добавилась еще и потеря связи с Большой землей.

Жестокий бой длился почти пять часов. Мы потеряли многих товарищей. Как только немцы покинули деревню (Куповать находится в лесу, а немцы не любили в нем ночевать), мирные жители села собрали погибших и похоронили всех в одной могиле.

Поскольку даже за мертвого «Дядю Костю» было обещано вознаграждение в 25 тысяч рейхсмарок, немцы искали его среди мертвых. Когда они начали входить в дом, где лежал наш умирающий комбриг, ординарец Женя Коржень бросил под ноги врага противотанковую гранату, приняв смерть вместе со своим командиром. Видимо, после этого Заслонова было уже не узнать. Немцы подожгли дом, однако в каменном подвале прятался хозяин дома, который перенес тела Жени и «Дяди Кости» в подвал. Ночью, когда немцы ушли, их тела были похоронены в саду со всеми погибшими партизанами.

После Куповатского боя немцы три дня подбирали свои трупы. Конечно, потери партизан тоже были очень большими.

После боя остатки бригады под командованием комиссара Селицкого ушли в другой район для пополнения. С того времени до июня 1943 года бригадой имени Героя Советского Союза Константина Заслонова командовал Людвиг Иванович Селицкий. Позже она разделилась на две бригады – 1-ю Заслоновскую и 2-ю Заслоновскую.

В декабре 1947 года в соответствии с решением исполкома Оршанского горсовета останки К.С. Заслонова и Е.В. Корженя были перезахоронены в Орше. Захоронены в сквере станции Орша – Центральная. На могиле установлена мраморная плита с надписью: «Герой Советского Союза командир Оршанской партизанской бригады Заслонов Константин Сергеевич (1910 – 1942 гг.) и адъютант командира бригады Коржень Евгений Васильевич (1924 – 1942 гг.)».

Бой за Бочейково

Основной удар по гарнизону Бочейково наносила партизанская бригада «Алексея» (командир А.Ф. Данукалов) и 2-я партизанская бригада имени К.С. Заслонова (командир В.П. Комлев). 17 октября 1943 года бригада «Алексея» вышла на южные и юго-за-

падные подступы Бочейково и в полночь 20 октября совместно с отрядами 2-й бригады имени К.С. Заслонова начала штурм. После полуторачасового боя, прорвав укрепления, партизаны ворвались на улицы Бочейково. Гитлеровцы, переправившись на правый берег реки Ульянка, закрепились в дзотах и приспособленных к обороне каменных зданиях и продолжали ожесточенное сопротивление. Введя в бой свежие силы, комбриг Данукалов развернул их фронтом на юг и начал наступление вдоль дороги Бочейково – Чашники на гарнизон деревни Демидовичи. Заслоновцы развернули часть своих сил фронтом на запад и атаковали гарнизон деревни Слободка на шоссе Бочейково – Камень.

Утром 21 октября гарнизоны были разгромлены. В ночном бою с тремя гарнизонами (Бочейково, Слободка, Демидовичи) было убито и ранено 89, взято в плен 46 гитлеровцев. Потери партизан – шесть убитых и двадцать один раненых.

Бои за Бочейково продолжались почти четверо суток. Три раза деревня переходила из рук в руки. 25 октября, израсходовав почти все боеприпасы, партизаны отошли в сторону Бешенкович, продолжая наносить удары по врагу из засад. Не располагая достаточными силами и средствами для захвата гарнизонов, партизаны делали все возможное, чтобы сковать силы врага: на всех вероятных путях подхода было выкопано множество противотанковых рвов, уничтожены деревянные мосты, сделаны лесные завалы, установлены партизанские заслоны и засады.

В ходе боев с 24 на 25 октября были разгромлены гарнизоны противника в деревнях Заболотье, Студенка, Городец, Лозовики, Дуброва, Придворье, Почаевичи, Красница, Смоляны, Демидовичи и конный отряд гарнизона Боровка. По неполным данным, только в боях за Лепель, Чашники, Бочейково, Смолянцы, Дуброво,

Завтра была война

Ю. Попов

Демидовичи, Варки, Слободу противник потерял свыше 600 солдат убитыми, ранеными и пленными. При этом уничтожено шесть танков, одна 76 мм пушка; захвачено 37 автомашин, 600 велосипедов, разрушено 139 дзотов и других укреплений гарнизонов противника, льнозавод, шесть складов с продовольствием, 7,5 тонн горючего. Партизаны захватили 13 минометов, 39 пулеметов, 278 винтовок. Потери партизан в этих боях составили около 300 человек убитыми и ранеными. В этом бою я был тяжело ранен в голову и отправлен в полевой госпиталь.

Несмотря на то, что основная задача – разгром гарнизонов и удержание райцентров Лепель, Чашники и деревни Бочейково – не была выполнена, операция имела большое военно-политическое значение. Партизаны этой зоны значительно активизировали свою боевую деятельность. Приобрели опыт совместных наступательных действий в составе нескольких отрядов и бригад по разгрому укрепленных гарнизонов ночью, а также опыт совершения маршей на большие расстояния, установки заслонов на путях возможного продвижения врага и т.д.

В Лепельской операции партизаны продемонстрировали образцы мужества и отваги. Своими действиями они сорвали карательную экспедицию в Лепельском и Чашникском районах, не только удержали, но и значительно расширили партизанскую зону, находившуюся в непосредственной близости к линии фронта. Полностью разгромили двенадцать укрепленных гарнизонов, нанесли значительный урон противнику в живой силе, вооружении и материально-технических средствах.

Опыт, приобретенный в Лепельской операции, выработанная партизанская стратегия и тактика были затем использованы в трудные дни обороны Ушачской партизанской зоны весной 1944 года.

Морально-психологические и политические результаты партизанской войны по своей важности и значению были не меньше успехов регулярных войск. Советское подполье на оккупированных землях знаменовало собой не только присутствие Советского государства и Коммунистической партии, но и подтверждало их руководящую роль в организации отпора захватчикам. Активизация боевых действий партизан и подпольщиков, успехи Красной Армии на фронтах войны укрепляли моральный дух населения, его уверенность в неизбежном поражении оккупантов. С другой стороны, все это разлагающе действовало на фашистов и их пособников.

Попов
Юрий Семенович

1941-й стал первым годом взрослой жизни. После окончания семилетки я поступил на Уфимский нефтеперерабатывающий завод. Воскресенье 22 июня навсегда врезалось в память.

В те годы в СССР была еще шестидневная рабочая неделя и в единственный свой выходной горожане активно отдыхали. Народные гуляния, катания на теплоходах по реке Белой, выступления гимнастов, велопробеги. Кто бы мог подумать, что на наших западных границах уже несколько часов идет война, гибнут люди! Безмятежная радость мирной жизни закончилась внезапно, когда днем по радио выступил заместитель председателя Совнаркома СССР В.М. Молотов: «Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну...»

Молодые люди призывного возраста сразу стали осаждать военкоматы. Пошел с ними и я. Но тех, кто еще не отпраздновал свое восемнадцатилетие, отправили домой. «Ваше время еще не настало. Потребуется – вызовем!» – отрезал военком.

В начале 1942 года переехал из Уфы в Туймазы, где отец работал механиком в подсобном хозяйстве эвакуированного из Рыбинска моторостроительного завода. Устроился на работу туда же и я.

Вдумчивое отношение к порученному делу, общительность и доброе отношение к людям, видимо, были оценены, и вскоре я был избран секретарем комсомольской организации в коллективе.

Как-то приехал по делам в райком комсомола и увидел необычное оживление. Оказалось, идет набор до-

бровольцев в партизанские отряды. Я тоже подал заявление, прошел отбор и получил путевку в спецшколу. Правда, о том, что сначала направят на длительную учебу, а не сразу в партизанский отряд, узнал только в Москве.

Боялся, что пока буду ходить на эти курсы, война закончится. Тогда мне это казалось вполне реальным: под Москвой-то немцев уже разбили! Эти мысли со всей юношеской прямоотой изложил первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлову, который лично беседовал с каждым из кандидатов. Тот с сомнением покачал головой, но просьбу не затягивать с отправкой в действующее партизанское соединение все же удовлетворил.

Определили меня в распоряжение Ленинградского штаба партизанского движения, в Валдайскую оперативную группу Северо-Западного фронта. В Валдае будущие партизаны прошли краткий курс молодого бойца. Их обучили обращаться с оружием, тактике нападения и обороны, азам подрывного дела.

Северная Сицилия

Летом 1942 года возле деревни Хлебоедово Поддорского района Ленинградской области партизаны перешли линию фронта. Отряд влился во 2-ю бригаду и в первый же день вступил в бой. Немцы бросили против народных мстителей подразделения регулярной армии с танками и авиацией. Но врагам так и не удалось окружить и уничтожить бригаду. Партизаны же своими действиями наносили оккупантам заметный урон: взрывали военные эшелоны, разрушали мосты, повреждали линии связи противника, нападали на колонны немецких солдат.

В январе 1943 года, прикрывая группу разведчиков, получил ранение в ногу и был вывезен на Большую землю. Но до полного излечения оставаться в госпитале не мог – в марте, еще прихрамывая, прибыл к месту фор-

мирования 11-й партизанской бригады, которая должна была действовать в полосе Волховского фронта. Назначили командиром спецгруппы, укомплектованной как опытными партизанами, уже успевшими повоевать в тылу врага, так и новичками, только что окончившими московскую школу подрывников.

В мае 1943-го, после тщательной подготовки, состоялась переброска в немецкий тыл. Успешно вышли в заданный район и закрепились на острове среди болот. Его мы назвали «Сицилией».

Бригада в тылу врага вела активную диверсионную деятельность. Ей поставили задачу: уничтожать коммуникации немцев между первым и вторым эшелонами обороны, разрушая мосты и нанося удары по густой сети железных дорог.

Летом 1943 года по приказу начальника Волховской оперативной группы приступили к широкомасштабной рельсовой войне. Предстояло одновременно разрушить железнодорожные участки значительной протяженности, чтобы надолго парализовать их работу. Только в середине июля мы уничтожили восемь километров рельсов на перегоне Чолово – Тарковичи. Целых две недели немцы не могли восстановить движение поездов!

Ответ гитлеровцев не заставил себя долго ждать. Немецкие генералы постарались очистить Ленинградскую область от партизан. Для этого даже с фронта сняли части знаменитой эсэсовской дивизии «Мертвая голова».

В августе столкновения с немцами стали ежедневными, бои приняли затяжной характер. Видя, что кольцо окружения постепенно сжимается, партизаны перешли железную дорогу Ленинград – Витебск и, оторвавшись от карателей, перебравшись на другой берег реки Оредеж.

В одном из боев в тылу врага наша группа уничтожила крупную колонну грузовых и легковых машин с эскортом мотоциклистов. Однако внутри искорежен-

На встрече ветеранов. 2000-е годы.

Раиса – дочь Родины*В. Музыкаченко*

ных автомобилей мы не заглянули. А зря! Позже агентурная разведка донесла: в результате нашего нападения погибли 45 гитлеровцев и генерал-лейтенант, командовавший целым укрепрайоном!

«Если бы ты тогда взял его портфель – стал бы Героем», – сказали мне в штабе партизанской бригады. Но история, как известно, не знает сослагательного наклонения...

Осенью 1943 года партизаны соединились с частями наступающей Красной Армии и начали вместе гнать немцев с родной земли.

Демобилизовался в 1947 году после окончания танкового училища. Сначала работал токарем в Туймазинском совхозе, затем поступил на нефтеперекачивающую станцию (НПС) «Субханкулово» нефтепровода Туймазы – Уфа Башкирского товарно-транспортного управления.

Рубеж 40-50-х – начало бурного развития нефтепроводного транспорта в Татарии. Но кадров не хватало. И в 1953 году приказом руководства Татарского нефтепроводного управления (ТНУ) меня назначили начальником Шугуровской НПС. Пробовал отказаться: меня, простого токаря, – начальником?!

– Не просто токаря, а выпускника танкового училища, – возразили мне. – Там насосы с приводом от танковых дизелей. Справишься.

Насос на станции в Шугурах работал не больше двух часов в сутки – оборудование было чрезвычайно изношенным. Новому начальнику станции пришлось воссоздавать НПС практически заново. Менять схему охлаждения двигателей, переоснащать всю насосную.

Через несколько месяцев позвонил главный инженер ТНУ З.Л. Конторович: «Юрий Семенович, хватит тебе сидеть в Шугурах. Принимай от нефтяников Миннибаевскую станцию, срочно вводи ее в работу».

После НПС «Миннибаево» пришлось поработать на станциях «Карабаш», «Ковали» и «Ярославль». В 1970 году назначили начальником Краснокамского районного нефтепроводного управления. В 1991 году вышел на пенсию, но остался в строю – в качестве члена Совета ветеранов ОАО «Северо-Западные МН».

С 1985 года в Республиканском комитете ветеранов войны и военной службы представлял «землячество» партизан и подпольщиков из Республики Татарстан. Недавно эстафету передал молодому поколению в лице майора в отставке Гараева Рафиля Динмухаметовича, сына командира роты отряда имени В. Чапаева партизанской бригады имени Героя Советского Союза К. Заслонова¹.

**Рылова
Раиса Николаевна**

В 1943 году связная партизанского отряда «Чайка», действовавшего под Минском, Раиса Рылова была арестована гестапо по доносу предателя. Ее долго пытали, добываясь сведений о месторасположении отряда, но она говорила в лицо своим палачам, что не торгует Родиной. Тогда фашисты пригрозили, что расстреляют ее троих маленьких детей. «Что для тебя дороже – родина или жизнь твоих детей?» – орал следователь. Она выбрала... Родину.

Героиня эта родилась 14 февраля 1913 года. Входила в ветеранскую организацию партизан и подпольщиков Республики Татарстан. Была награждена медалью «За боевые заслуги», орденами Отечественной войны 2-й степени, французским золотым орденом «Комбатан» и юбилейными медалями. Жила в Казани на улице Эсперанто, дом 52.

До войны Рая училась в Казанском химико-технологическом институте. В нее, красивую синеглазую девушку, влюблялся чуть ли не весь курс. А она отдала предпочтение офицеру Красной Армии Николаю Рылову. С ним прожила она в любви и согласии несколько прекрасных лет, в течение которых успела не только закончить институт, но и подарить своему любимому четверых детей – двух сыновей и двух дочек!

Великую Отечественную войну семья Рыловых встретила на западной границе СССР, где служил к этому времени Николай. Через час после начала бомбежки она прощалась с мужем, который уходил в бой. А в полдень 22 июня Рая с тремя детьми (старшего сына Левушку еще в мае увезла в Казань мама) грузилась на попутную машину, следующую на восток. Из дома уходили налегке, ведь Николай сказал, что война будет

1. Написано в 2015 году.

недолгой. А она уже катилась по советской земле. Рвались снаряды и бомбы. Одна машина сгорела, беженцев подобрал другой грузовик, но вскоре разбомбили и его. Тогда они пошли пешком. Грудную Оксану она несла на руках, старшие – Гена и Тамара – цеплялись за подол. Так они шли целый месяц, упрямо, одной дорогой – на восток, в Казань, к маме. Днем прятались по лесам и оврагам, а ночью шли и шли. Но немецкая техника двигалась быстрее: фронт был уже под Смоленском. А тут еще дети выбились из сил, а однажды утром вообще не смогли встать:

– Мамочка, мы больше не можем идти...

Раиса прижала к себе голодных, измученных ребят-ишек. Что делать? К счастью, они дошли до деревни Борисовщина, где нашлись добрые люди, которые приютили многих беделог. Раиса с зарей уходила в поле, копала вместе с другими картошку. Так и жили. Но однажды в деревню нагрянули эсэсовцы. Погрузив всех беженцев в «черный воронок», привезли в Минск, где хотели сначала расстрелять, но потом изменили приказ и отправили всех в концлагерь Смолевичи. Каждое утро под конвоем их выводили на торфяное поле, где они работали по колено в воде до позднего вечера. За день непосильного труда полагалось 150 грамм хлеба и миска баланды. Детям же, которые жили в бараках без стекол, и того не доставалось. Первой заболела младшая дочка, затем остальные. Жгучая ненависть переполняла сердце Раисы. Враг топчет родную землю, убивает, сжигает, грабит. А она, имея диплом инженера-химика, ничем не может помочь своей Родине, да еще и работает на врага. Переполненная такими чувствами, она стала искать партизан. Рискую жизнью, доверилась переводчице Надежде Троян, которая оказалась советской разведчицей, а позже участвовала в покушении на гауляйтера Коха. Троян поверила немногословной синеглазой женщине: такие глаза не обманут. Ей удалось вызволить семью Рыловой из лагеря, детишек отправили в больницу. Так Раиса стала связной партизанского отряда «Чайка».

Будто из-под земли она доставала медикаменты для бойцов, ходила с нищенской сумой по деревням, облепленная своими ребятами, добывая важные сведения для партизан, которые били врага в глубоком тылу. За мужество и храбрость, проявленные при выполнении заданий, связная «Чайки» была награждена медалью «За боевые заслуги».

Арестовали Раису 22 декабря 1943 года по приказу минского гестапо, которое напало на след подпольщиков. Не выдержав пыток, один из них сообщил имя связной. Почти два месяца шли допросы и пытки. Немцы добивались, чтобы она выдала местное подполье и

указала место дислокации отряда. Но партизанка молчала. И тогда гестаповцы стали играть на ее материнских чувствах.

– Пожалей своих детей, ведь мы же их расстреляем, – визгливым голосом кричал следователь. – Хотя бы ради них признайся.

Женщина, синяя от побоев, подняла на гестаповца лучистые синие глаза. Она смотрела в упор до тех пор, пока немец не отвел взгляд. «Ничего я вам не скажу, – шептали ее искусанные губы. – Ради детей, ради их будущего!..»

Рылова была последней, кого арестовали фашисты по этому делу: она не выдала никого, подписав тем самым смертный приговор и себе, и детям.

Но судьба распорядилась иначе. После двухмесячного пребывания в камере смертников, Раиса была отправлена на каторжные работы: сначала в Германию, а затем во Францию – в концлагерь «Эрровиль», располагавшийся в Эльзасе.

По сути, это был лагерь смерти, в котором немцы заставляли работать в шахтах. Но и здесь, в фашистской неволе, мужественная партизанка осталась верна и Родине, и себе. Связавшись с такими же бывшими подпольщиками, она участвовала в подготовке дерзкого побега, который увенчался успехом благодаря активной помощи патриотов из французского Сопротивления. А вскоре в лесах Вердена начинает действовать женский партизанский отряд «Родина», в котором воевала и Раиса Рылова. Она ходила в разведку, добывала у немцев продовольственные карточки, оказывала помощь раненым, несла караульную службу. А когда на побережье Франции высадились союзники, советские и французские партизаны плечом к плечу с ними громили отступающего врага и освобождали Париж.

После того, как Франция стала свободной, Рылова некоторое время работала в советском посольстве, а в конце мая 1945 года была отправлена в Советский Союз. Первым делом поехала туда, где оставила своих детей, надеясь найти хотя бы их могилки. Какова же была ее радость, когда узнала, что все трое живы и здоровы: их спасли от расправы партизаны!

Как на крыльях прилетела она в родной город. Но радость встречи с близкими смешалась с горем, когда узнала, что ее муж пал смертью храбрых в августе 1943 года, а старший сын трагически погиб, попав под машину. Но и на этом ее беды не закончились. Родина, за которую она воевала и которой отдала столько сил и здоровья, не очень-то ласково встретила свою верную дочь. Ее долго не принимали на работу. Кадровиков пугало, что она была на оккупированной территории и за границей.

Раисе приходилось сотни раз доказывать чиновникам и партийным функционерам, что в тылу врага она была партизанкой, а во Франции дралась с теми же фашистами, а не работала на... английскую разведку.

Устроиться на службу ей удалось только... в 1956 году, да и то после вмешательства ЦК КПСС. И это была первая радость за все эти послевоенные годы: ведь надо было кормить четверых детей: к тому времени Раиса вышла замуж и родила еще одного сынишку – Николая.

Раиса Николаевна прожила большую и трудную жизнь. Несмотря на все невзгоды, выпавшие на ее долю, не потеряла веры в людей и оптимизма.

Однажды в дом Рыловой пришло известие о том, что бывшая партизанка награждена французским золотым орденом «Комбатан» и пожизненной пенсией, как участник антифашистского Сопротивления. Так оценили ее подвиг в Париже.

«Я считаю, что все нынешние трудности – дело временное», – уверенно говорила она. – Главное – трезво смотреть на жизнь и верить в нашу Родину и ее светлое будущее. За него мы и воевали».

Диверсант из нашей глубинки

Р. Загирова

**Загирова
Рита Галеевна**

Накануне

Родилась Чачка Загирова 21 июля 1923 года в деревне Анаково Сармановского района. В 1940 году с отличием окончила в Чистополе Вторую татарскую среднюю школу. Ее жизнь мало чем отличалась от жизни ее сверстников, она мечтала после окончания школы поехать в Москву, чтобы стать летчицей, но ее подвело зрение. Тогда

Чачка поступает в Московский авиационный институт имени Орджоникидзе. Училась строить крылатые машины, но началась война, которая резко поменяла все ее планы. Она, как и многие ее подруги, продолжала учиться в вузе и одновременно оканчивала курсы медсестер при РОКК (*прим. – Российском обществе Красного Креста*). В начале войны несколько раз обращалась в военкомат, но на фронт ее не взяли, так как не было еще восемнадцати лет (в первые дни войны на возраст обращали внимание), и она еще не окончила школу медсестер, не было военной специальности.

В начале июля Чачка поступила на авиационный завод, стала работать клепальщицей в сборочном цехе, здесь и получила горькое известие: отец пропал без вести. Без отрыва от производства она закончила школу медсестер. Институт начал эвакуироваться на восток в Алма-Ату, завод тоже эвакуировали, но бронью она не воспользовалась, осталась в Москве и ушла на фронт сражаться с врагом.

В битве за Москву

Враг стремительно наступал на Москву. 11 октября его войска при поддержке авиации и танков вступили на территорию Московской области. 18-го был захвачен Можайск. Создалась критическая обстановка. Срочно провели мобилизацию всех сил для прикрытия важнейших оперативных направлений. Началась суровая битва за Москву.

Чачка Мингалеевна вспоминает:

«Это было 14 октября. Я обратилась в комитет ВЛКСМ нашего института с просьбой послать меня на фронт. Сказала, что в такое время, когда немцы под Москвой, я не могу ее покинуть, что мой отец погиб на фронте, и я должна заменить его (*прим. – Загиров Миннигалий Сагдиевич – комиссар одного из подразделений 63-го стрелкового корпуса, погиб в середине августа 1941-го в боях на территории Белоруссии*). Меня направили в Ленинградский райком комсомола, оттуда в ЦК ВЛКСМ. Принял один из инструкторов ЦК, выслушал меня и сказал: «Сегодня командир одной из фронтовых частей будет здесь набирать себе отчаянных ребят, приходите вечером».

Вечером 14 октября в ЦК ВЛКСМ нас принял Артур Карлович Спрогис. Вместе со мной было около двадцати юношей и девушек, все москвичи. Майор Спрогис нам всем очень понравился из-за своих наград, полученных в Испании. Он был строг, спрашивал нас о том, готовы ли мы выполнить трудное задание, связанное с большим риском для жизни. Многих даже отговаривал. Мне сказал, что придется выполнять очень опасную

работу в немецком тылу. Я сказала: «Это очень хорошо, что опасно». Спрогис: «Что же тут хорошего, ведь можете погибнуть?» Я ответила: «Когда выполняешь опасное задание, наверное, можно больше пользы принести для Победы». Ответ Спрогису понравился. На следующий день была назначена встреча у Чистых прудов, где нас должна была ждать машина.

Вскоре мы приехали в Жаворонки (дачный поселок под Москвой), там переночевали в недавно построенных домах дачного типа. Спали на полу, постелив солому.

Я попала в удивительную часть, которая состояла из одних добровольцев, очень юных, готовых идти на все во имя Победы. Военная часть 9903, которую возглавлял Артур Карлович Спрогис, была создана в июне 1941 года при Военном совете Западного фронта и вошла в историю как особая разведывательно-диверсионная часть для подготовки и засылки в тыл врага разведывательных групп и организации партизанской борьбы на оккупированной гитлеровцами территории. Московский горком комсомола направил в нее более двух тысяч добровольцев. Это был цвет молодежи, передовые представители комсомола столицы и столичной области, воспитанные на революционных и боевых традициях в духе беззаветной любви к Родине. Они готовы были выполнить любое задание командования, не щадя своих сил, в случае необходимости, и самой жизни.

А потери в октябре-ноябре были особенно тяжелые. Военный совет фронта поставил перед личным составом важную задачу: усилить разведывательную работу в тылу противника, особенно в его тактической зоне, узнавать планы врага, громить штабы, разрушать линии связи, минировать дороги, пускать под откос эшелоны с техникой, живой силой фашистов, делать все, что могло задержать продвижение врага к Москве. Под Москвой в то время активно действовали многие группы разведчиков. Порой с задания возвращались не все...

Новая жизнь началась 15 октября 1941 года. Имя «Чачка» было необычным для разведчика, и командир решил, что его нужно поменять, так как разведчик должен быть незаметен во всем. Девушка назвалась Ритой, в честь героини «Как закалялась сталь». С тех пор этот псевдоним стал ее настоящим именем. Она стала бойцом воинской части 9903.

Первое задание навсегда врезалось в память партизанки. Она вспоминает: «Отправление нашей группы было назначено на 21 октября. Ребята были вооружены обычными винтовками, девушки револьверами системы Нагана. Каждому бойцу дали по две мины (шосейные, их называли кнопчными). Кроме того, нас снабдили толлом, запалами и бикфордовым шнуром, вы-

**Загирова
Рита Галеевна**

дали черные сухари и копченую колбасу с расчетом на неделю.

Ребята были одеты в военную форму без знаков различий. Лишь наш командир Александр Боровиков был в гражданской одежде черного цвета. Девушки были в гражданской одежде, кто в чем пришел. Вечером 20 октября мы получили вещевые мешки и боевое снаряжение.

На другое утро (21 октября) на грузовиках уехали в направлении фронта, ночью с помощью войсковой разведки перешли его линию. Немцы нас обстреляли, но обошлось без потерь.

Еще один день мы шли на запад в составе сводной группы, в которой было 27 человек. Ночью она разделилась на три. В нашей группе было девять человек во главе с командиром Александром Боровиковым.

Каждая группа начала самостоятельное движение к цели. Шли с большой осторожностью всю ночь, под утро остановились на привал. Командир позвал меня и послал в разведку. По-видимому, мы сбились с пути. Нужно было узнать название ближайшей деревни, установить наиболее безопасный путь движения для группы в ночных условиях и вернуться обратно. Я сдала оружие командиру, поставила возле него свой вещмешок и ушла.

Из леса я медленно пошла в деревню через огороды, вышла в переулок. В деревне стояли немцы, примерно около батальона пехотинцев. Они вели себя здесь как хозяева: умывались (было утро), болтали и смеялись. Я до боли сжала губы, чтобы только не разрыдаться от унижения, обиды и страха. Страх вскоре прошел, но унижение и обида, что нашу землю топчут фашистские сапоги, остались со мной до конца, вплоть до освобождения Белоруссии Красной Армией.

Немцы не обратили на меня особого внимания. Я подошла к одному из домов, попросила у женщины попить, узнала название деревни. Вдоль деревни дошла до ее конца, мысленно наметив путь движения нашей группы ночью и запомнив расположение постов. В лес я вернулась той же дорогой.

Через два или три дня мы были уже на месте – за Можайском, около шоссе Москва – Минск. Пока шли к цели, все время лил дождь. Вообще, мы очень мучились в лесу от дождя и сырости, не всегда была возможность жечь костры, некоторые простудились, начали кашлять... Но никто не падал духом, бодрились.

Часть группы во главе с Боровиковым, несмотря на дождь, отправилась на подрыв моста, а другая осталась охранять оставшиеся боеприпасы. Мост был небольшой, не охранялся, и с заданием справились легко.

Ближе к рассвету установили мины на шоссе. Кто-то из ребят выкопал яму, я установила мину. Когда отошли от шоссе, услышали два взрыва: похоже, взорвались две автомашины, судя по гулу моторов – грузовики. Значит, что-то не дошло до фронта, и этому мы радовались как дети. Мин было установлено больше (три или четыре), но на шоссе началась стрельба, и мы поскорее углубились в лес.

Кроме минирования дорог, мы нарушали полевую связь. От места разрыва провод наматывали в бухту, затем его обрывали, относили в сторону, прятали или закапывали (если земля была рыхлая). Постоянно занимались сбором разведывательных данных о противнике. Каждый из разведки приносил сведения о расположении немцев, командир заносил их в свой блокнот. Выполнив задания, мы вернулись в часть, которая еще находилась в Кунцево.

В короткие минуты отдыха собирались в красном уголке в Кунцево. Танцевали, смеялись и пели песни. Рита Галеевна вспоминает:

– Красный уголок нашей казармы... Довольно большая комната полна молодежью в военной форме. Это мои однополчане. Кто-то только что вернулся с задания, кто-то собирается на него. Ближе к стене стоит рояль, играет танцевальная мелодия – собираемся танцевать. Вдруг одна из девушек крикнула: «Внимание, будем разучивать новую песню». Она начала зачитывать слова, а парень за роялем стал подбирать мелодию по нотам с клочка бумаги. Вот уже хором поем первый куплет песни:

*Слушают отряды песню фронтовую,
Сдвинуты брови, тверды сердца.
Родина послала в бурю огневую,
К бою снарядила верного бойца.*

Песня сложена про Баталова, первого уроженца Татарстана, ставшего Героем Советского Союза. Он казалец, однополчанин отца Риты Галеевны. Один из стендов в нашем музее посвящен ему.

В ходе боев под Москвой Загирова еще не раз ходила в тыл врага, что подтверждается архивной справкой министерства обороны: «...с 20 октября по 14 ноября 1941 и с 21 ноября по 8 декабря 1941 года являлась бойцом групп, выполнявших задания командования войсковой части 9903 в тылу немецко-фашистских войск».

Борьба в Белоруссии

После Московского сражения Риту Галеевну с той же группой направили в Белоруссию.

Добирались пешком два месяца. «Как одногорбые верблюды, по дюжине килограмм на себе тащили, – вспоминала она. – Как-то шесть дней просидели в болоте, куда нас загнали немцы... Разделись до белья, взяли шест и пошли по горло в воде разведывать обстановку. Оказалось, деревня недалеко. Вернулись, и по броду выбралась вся группа».

Полтора месяца была в отряде «Истребитель», который затем объединили с другими группами, создав отряд имени Фрунзе.

С лета 1942 года Загирова партизанила в Белоруссии, участвовала в «рельсовых войнах». «Мины мне нравились с часовым механизмом – более безопасные. Выкапываешь место, кладешь мину, устанавливаешь запал, пускаешь часовой механизм. Засыпаешь землей, маскируешь – готово. А были мины, у которых запал срабатывал при наезде машины».

Она вспоминает: «Зима 1943 года. Еле выбравшись из окружения, пытались оторваться: вещмешки выбросили, шестеро бойцов на санях, шестеро бегут рядом: кирзовые сапоги, шинель, на ремне патронташ, две гранаты, за плечами винтовка... Потом меняются местами. И так – трое суток». А Рита нашла силы уступить свое место пожилому обессилевшему партизану. Тогда многие отморозили ноги, некоторым пришлось ампутировать полступни. Загирова и на операции помогала, и отвозила раненых на санях к аэродрому за десять километров. Однажды привезла раненых, а самолет не прилетел. Лишь на третий день их забрали.

Вот еще один эпизод из ее жизни в партизанском отряде.

К весне 1943-го отряд численно вырос и его разделили на три. Рита вошла в отряд имени Дзержинского. Однажды отряд внезапно атаковал гарнизон, охранявший мельницу, спиртзавод и откормочный пункт в селе Покрышево Слуцкого района. Бойцы прикрытия, вы-

полнив задачу, стали отходить, а в это время немцы из Слуцка подбросили дополнительные силы. Несколько партизан, в том числе и Рита, оказались перед наступающими немцами. Зная, что силы не равны, все равно открыли огонь, чтобы спасти отряд. К счастью, ушли без потерь.

Как-то с подругой пошли купаться и услышали немецкую речь. Рита шепчет подруге: «Клава, пошли немцев ловить». Обулись, выскочили из кустов с гранатами: «Хенде хох! Верфен ваффен!» Когда немцев доставили в отряд, партизаны удивились: как трое здоровых мужиков сдались двум девчонкам? А Рита потребовала от товарищей со сборного пункта справку, что немцев они сдали, ибо обещала им жизнь.

Партизанское движение в Белоруссии началось еще в августе 1941-го. Его особенность была в том, что отряды пополнялись воинами Красной Армии, оказавшимися в окружении. Они вносили в партизанское движение воинскую выучку, дисциплину, часто становились командирами. В 1942 году в тыл врага было направлено свыше 20 партизанских отрядов и 62 диверсионные группы. С конца 1941 года начали образовываться партизанские края и зоны.

С 1941 по июль 1944 года они уничтожили и ранили около полумиллиона гитлеровских оккупантов и их пособников. Разгромили 948 штабов и гарнизонов, пустили под откос 11 128 вражеских эшелонов и 34 бронепоезда, разгромили 29 железнодорожных и дорожных станций, более 300 тысяч раз подрывали рельсы, разрушили свыше 7 300 километров телефонно-телеграфной связи, сбили и сожгли в аэропортах 305 самолетов, подбили 1 355 танков.

В перечисленных итогах боевых действий белорусских партизан есть и доля труда Риты Загировой: в подрыве рельсов, уничтожении железнодорожной станции и железнодорожного состава, воинского эшелона, в разгроме четырех немецко-полицейских гарнизонов, уничтожении двух мостов, подрыве трех автомашин с немцами и двух подвод с карателями, в разрушении 25 км телефонно-телеграфной связи.

Она участвовала во всех операциях отряда. Ее командир вспоминал: «Если роту Загировой не задействовали, она просилась в группу, выполнявшую задание, подрывником, бойцом, медсестрой...»

В Белоруссии она воевала до освобождения от фашистов в июле 1944 года. Была награждена орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «Партизану Отечественной войны» 1-й степени и «За оборону Москвы».

Эшелоны врага катились... под откос

С. Афанасьев

Войну встретил зрелым воином, ибо был призван на срочную службу в ряды Красной Армии еще в 1940 году. Направили на учебу в разведывательную школу, находившуюся в Прибалтике. После сдачи экзаменов мне присвоили воинское звание «сержант». Когда началась Великая Отечественная война, был заброшен по линии НКВД в тыл врага, в белорусские леса. Там обучал партизан подрывному делу: как находить выгодные места подхода к железнодорожному полотну, как правильно закладывать взрывчатку и маскировать ее, оставлять прикрытие на случай появления врагов и как правильно, без потерь, отходить. Приходилось на себе носить тол, гранаты, автомат.

Немцы перебрасывали все новые дивизии с запада под Москву. Партизанам была поставлена задача: срывать переброску немецких войск, задерживать движение поездов, создавать хаос в тылу врага. Партизаны пускали под откос вражеские эшелоны с солдатами и техникой. Немцы создавали карательные отряды, искали партизан.

Стали искать «Крепыша» – такой псевдоним был у меня. С заданием его найти засылали в партизанские отряды предателей. Мне об этом сообщили друзья, и я незаметно исчез из отряда. Перебрасывали туда, где нуждались в специалисте-подрывнике. Сбрасывали на парашюте в отряды Медведева, Сабурова, в места, где организовывались партизанские отряды. Я учил личный состав правильно закладывать тол, нападать на штабы, уничтожать склады противника. Всегда был в командировках в отрядах, постоянного места не было. Лазил по тылам противника, нанося ему ощутимый ущерб.

Наши войска подходили к Киеву, и немцы перебрасывали силы для укрепления своих позиций. Получил задание: помешать немцам в переброске войск. Организовали диверсионную группу и самолетом забросили ее в тыл врага. Выпрыгнули с парашютами, приземлились, сориентировались на местности и по карте нашли заданный район. В этот же вечер вышли на железную дорогу, нашли благоприятное место, заложили тол. Стали ждать груженный состав. Пропустили один, второй, идет дрезина с немецкими солдатами – это патруль, осматривает дорогу.

Смотрим, дрезина идет обратно. Мы приготовились и стали ждать состав. Прошло минут 30-40, слышим – пыхтит паровоз, тащит что-то тяжелое: на платформе танки. Пропустили паровоз, взрыв, вагоны пошли под откос, с платформ падают танки. Работа сделана, нужно

быстрее уходить, сейчас здесь будут каратели.

Углубляемся в лес, слышим лай собак, за нами бегут фашисты. Вышли на болотистую местность, пошли по зарослям камыша. Потом от местных жителей узнали, что нанесли немцам громадный ущерб. Каратели ползали целую неделю по лесам, разыскивая нашу группу. Запутав следы, мы всей группой вышли на новое место – другое направление железной дороги. С запада перебрасывалась новая дивизия под Киев. Нашли подходящее место подхода к железной дороге. На расстоянии три-пять километров от перегонной станции, где кишмя кишели немцы, заложили тол и стали ждать, когда пойдет этот состав. Под самым носом у немцев пустили под откос эшелон с живой силой. Сколько было переполоху у фашистов! На поимку группы сразу бросили карательные отряды. Нас сопровождал знающий эту местность человек, который вывел нас обратно к станции, к водонапорной башне.

Когда фашисты ушли, мы смогли вернуться на старое место базирования группы. Нашли новое удобное место подхода к железной дороге. Заложили тол и стали ждать нужный состав. Пустили под откос третий эшелон, сорвали переброску немецких войск на восток под Киев. За этот подвиг вся группа была награждена орденом Красного Знамени. В Киеве в 1944 году мне вручил этот орден председатель Верховного Совета Украины. Так закончилась моя партизанская работа.

Меня перевели в штурмовую танковую бригаду автоматчиком. Вышли на южные окраины Берлина, отрезали южную группировку немцев. За эти бои я был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Пришел приказ, и наша бригада маршем пошла на Прагу. Чехи нас встретили как братьев – хлебом и солью. Война для меня закончилась в Чехословакии.

После демобилизации приехал в Казань, где устроился работать на Авиационный завод имени Горбунова.

Юная партизанка

А. Веселова

Александра Федоровна, добрая, святящая изнутри бабушка, усадила навестивших ее школьников за стол. Затем гости расположились с ней на диване и она начала свой рассказ...

«Веселова я по покойному мужу, а девичья фамилия моя – Пьенко. Родилась на Украине 17 февраля 1927 года. Закончила 10 классов. Семья наша состояла из семи человек.

Когда началась война, мне было лишь 14 лет. Мы состояли в партизанском отряде. В нем было 200-300 человек, но каждый день прибывали новые партизаны, а кто-то уходил на задание и не возвращался. В отряде нас учили стрелять из винтовки, подрывать мосты. По сменам мы стояли на посту. Как-то зимой я дежурила в

На встрече ветеранов в школе №98 г. Казани. 1980-е годы.

ГЛАВА 3. СЛОВО О ПАРТИЗАНАХ И ПОДПОЛЬЩИКАХ

ночную смену. Помню, что моя маменька после смены отдирала замерзшие сапоги от моих ног.

Однажды, когда мы прятались в брянских лесах, фашисты напали на наш штаб, в котором на тот момент находились моя сестра Верочка, командир отряда Красняк и комиссар Гнибида. Лишь потом мы нашли их тела. Мою Верочку немцы повесили, а командира и комиссара изуродовали. Вживую им выкололи глаза, отрезали языки и уши. Было страшно смотреть на них. Их похоронили в общей яме-могиле.

Три раза я была ранена: в руку, ягодицу и живот. Раненая и замерзшая, я попала к одной женщине. Она спрятала мою винтовку, положила меня на печь и накрыла разным тряпьем. Тут в хату вломилась немцы. Когда один из них начал кричать: «Kinder?», она сказала, что на печи спит ее ребенок. Так она спасла мне жизнь! На следующий день она попросила меня уйти, потому что люди видели, как я заходила к ней, и если они расскажут фашистам, что она меня скрывала, то ей несдобровать – убьют или сожгут дом.

Когда война закончилась, я вернулась домой совсем без ничего. Помню только свои кирзовые сапоги 43-го размера.

В 1948 году мы с Иваном Васильевичем поженились. Детей у нас нет. Прожила с ним 51 год. Когда журналисты спрашивали, как же мы столько лет терпим друг друга, просто отвечали: «Не терпим, а любим и уважаем!» Муж мой тоже воевал, четыре года был на фронте. Имеет медаль «За оборону Москвы», две медали «За боевые заслуги». У меня тоже есть награды, целых семь. Когда мужа

не стало, его документы и награды забрали в музей, который находится в Казани.

В Елабуге я живу с 2007 года, переехала из Львова, где жили раньше с Иваном Васильевичем. Здесь же живет мой младший брат.

Жизнь пролетела так незаметно! И мне кажется, что я никогда не была молодой...»

На лице этой сильной женщины заблестели слезы... А ведь благодаря именно таким людям, как Александра Федоровна, над нашими головами сегодня мирное небо!

Показала нам фотографии: свои, мужа и родителей. С какой любовью она перебирала эти снимки! Для нее они дороже золота, это ее память.

Прожил жизнь честно и достойно

Р. Лаишевская

**Валеев
Масгут Юнусович**

О партизане – его дочь

Мой папа, Масгут Юнусович Валеев, родился 28 июля 1920 года в деревне Качелино Арского района ТАССР. Своим жизненным подвигом он сумел оставить светлый след в жизни...

Первый день войны он встретил на границе.

Когда их часть двигалась к фронту, ее обстреливали фашистские самолеты, приходилось совершать переходы по ночам, а днем маскироваться, отдыхать в лесу. Он был командиром отделения связи. Отделение тянуло линию связи от наблюдательного пункта к штабу, от штаба до огневых позиций, к орудиям.

Как-то в ходе артиллерийской дуэли, когда из окопа передавал по телефону координаты цели, его и еще нескольких засыпало землей и контузило. Их откопали.

Во время бомбежки, разрывов снарядов, мин телефонные провода часто рвались, связистам приходилось оперативно искать место обрыва, соединять их и восстанавливать связь. Однажды, когда был занят этим уже обычным делом, заметил приближающихся фашистов, человек десять. Связь уже была восстановлена и он сразу сообщил об этом в командный пункт. Затем бросил в фашистов одну гранату, другую. Когда дым рассеялся, увидел, что часть фашистов убита, остальные стали обстреливать его из автоматов. Помощь подоспела вовремя, двоих немцев удалось взять в плен. За проявленную находчивость и смелость папа получил благодарность командира.

Осенью, при выходе из окружения с боем, он был тяжело ранен. Его подобрала женщины из ближней деревни, но кто-то донес, и через два дня фашисты взяли в

плен его и других раненых и погнали в Шепетовский лагерь Новоград-Волынский. В лагере были невыносимые условия, многие умирали от голода и ран. Улучив момент, папа попытался бежать из плена, но его поймали, избили и бросили в яму для мертвых. Обслуживающие пленные обнаружили, что беглец подает признаки жизни, спрятали, изменили ему фамилию, так как за побег расстреливали.

Весной 1942 года ему все же удалось бежать из плена. После долгих поисков он встретил партизан отряда имени 24-й годовщины РККА из соединения легендарного Сабурова.

После тщательной проверки его приняли в отряд, где командиром был Чижов, комиссаром – Смирнов. Определили пулеметчиком и дали трофейный ручной пулемет.

Соединение Сабурова действовало на территории Украины и Белоруссии: в городах Овруч, Ельск, на территории Пинской, Житомирской и других областей. Освобождали от фашистов деревни, районные центры, громили вражеские гарнизоны, уничтожали коммуникации.

Зимой 1944-го, когда их соединение шло на помощь отрядам легендарного Ковпака, в Пинской области неожиданно столкнулись с фашистским бронепоездом. Были отбиты четыре атаки, а в пятой, когда папа прикрывал отряд своим пулеметом, его ранили в предплечье левой руки. Атака была отбита. Отца через фронт доставили в санчасть у станции «Ракетная». Руку не смогли спасти, ее ампутировали, ибо началась газовая гангрена.

Двадцатитрехлетний молодой человек стал инвалидом. После госпиталя Украинский штаб партизанского движения направил папу на киевский государственный завод в качестве заместителя начальника штаба МПВО. Тогда еще фашисты бомбили город, станцию Дарница и мост через реку Днепр. В штабе папа служил до начала августа 1945 года.

Нынче ему было бы сто лет. Ушел рано. Но прожил жизнь честно и достойно...

Герой Франции, мсье Серж... Камалов

В. Музыкаченко

**Камалов
Зия Камалович**

На одной из тихих улочек Казани жил человек, которому в годы Второй мировой войны довелось сражаться с немецко-фашистскими захватчиками в армиях двух стран – Советского Союза и французского Сопротивления. Причем в первой он был сержантом, а во второй – лейтенантом.

Впервые я познакомился с ним в 1996 году. Тогда в наш город с визитом приехал посол Французской Республики в Российской Федерации, который выразил желание лично пожать руку скромному гражданину Татарстана Зие Камаловичу Камалову. Дело в том, что незадолго до этого 75-летний казанец был награжден французским золотым крестом «Круа де комбатан» (прим. – *CROIX DU COMBATTANT* – Крест Бойца, французская боевая награда за непосредственное участие в сражениях за Францию). Тогда же ему вручили удостоверение партизана французского Сопротивления и назначили ежегодную пенсию в несколько тысяч франков.

А потом выяснилось, что это была уже не первая боевая награда «мсье лейтенанта Сержа», как его называли в отряде маки, действовавшем в окрестностях трех крупных провинций – Вьен, Лемож и Сен-Жюльен, в котором он командовал разведкой. А если к двум орденам, завоеванным бойцом Красной Армии, волею судьбы оказавшемся сначала в немецком плену, а затем в партизанах, прибавить еще три медали («Герою-партизану Второй мировой войны», «За освобождение Парижа» и «За освобождение Тулузы»), то Камалова можно смело причислить к героям Франции. Что и было сделано правительством этой страны.

Но разве не героических усилий ему стоило выстоять, не сломаться и выжить в фашистских концентрационных лагерях, куда он попал поздней осенью 41-го! Тогда 6-я армия, где он служил с первого дня Великой Отечественной сначала артиллеристом, а затем военфельдшером, попала в окружение и почти вся полегла.

Сержанту Камалову пришлось испытать всю горькую чашу судьбы военнопленного. Его несколько раз пытались расстрелять: сначала за то, что был похож на еврея, затем за то, что походил на украинца (это когда был в лагере на территории Украины). А еще были лагеря смерти в Белоруссии, Польше, Германии, Франции. Тут-то и удалось бежать группе советских военнопленных, среди которых был и наш земляк. И не миновать бы ему и его товарищам расстрела, если бы не местные жители. Они не только укрыли беглецов, но и указали им путь в ближайший отряд французских партизан. Это было 24 апреля 1944 года, и с тех пор Зия Камалович отмечал эту дату как свой второй день рождения.

В отряд маки беглецов приняли не сразу, а долго и жестко проверяли, кто чего стоит. Камалову, например, дали самое рискованное задание: взорвать охраняемый железнодорожный мост. И лишь после того как, рискуя жизнью, он провел эту операцию, его зачислили в отряд, где татарин Зия превратился во француза Сержа. Он проявил себя в разведке. В отряде, который постоянно перемещался по территории трех крупных провинций, не давая покоя «бошам» ни днем ни ночью, в разведчиках была особая нужда. И тут Серж оказался незаменим. Его дерзкие операции по уничтожению техники и живой силы врага наводили ужас на оккупантов и вызвали восторг местных жителей.

В результате за короткое время Зия Камалов стал командиром разведроты, ему присвоили звание лейтенанта французского Сопротивления. А когда немцев изгнали, друзья-партизаны предложили Сержу остаться служить в армии Де Голля и жить во Франции – как никак герой. Но лейтенант Сопротивления решил иначе: надев погоны сержанта Красной Армии, он продолжил вести свой счет к немцам теперь уже на территории Германии. И тут бывший партизан дрался храбро и мужественно, за что был награжден медалью «За победу над Германией» и представлен к медали «За отвагу».

Но получить высший знак солдатской доблести сержанту Камалову не довелось. После демобилизации его обвинили в шпионаже и осудили по печально известной 58-й статье части 16 УК СССР. И солдат Камалов опять попал в лагерь, теперь уже в родной, советский. Как «вражеского агента» его отправили в колымский каторжный лагерь «Устьюмщик», где он семь лет добывал

золото для Родины. Причем выжить Зие Камаловичу помогли только природная стойкость, татарское упрямство и французское жизнелюбие. В родную Казань ему удалось вернуться лишь после смерти Сталина. Но хотя власти и дали документ, подтверждающий, что он был необоснованно репрессирован и полностью реабилитирован, это не облегчило дальнейшую жизнь. С мечтой о высшем образовании пришлось расстаться, на работу его куда не принимали. Кое-как устроился на курсы рентгенологов. Эта профессия и стала главной в его дальнейшей судьбе.

Но пережитая несправедливость не давала покоя. К тому же, как считал солдат, ему должны были вернуть боевые награды, завоеванные во французском Сопротивлении. С этими мыслями и пришел он в канун 35-летия Победы на Черное озеро, где из него когда-то выбивали показания во внутренней тюрьме НКВД.

– Пиши расписку, что не станешь больше никогда требовать свои ордена и медали, – вкрадчивым голосом посоветовал офицер КГБ, занимавшийся его вопросом. – А не станешь писать, будет плохо...

Что делать, написал солдат.

Итак, подведем итоги. Два лагеря – немецкий и советский, два боевых ранения, пять французских орденов и медалей, несколько советских боевых и юбилейных медалей и три инфаркта – таков послужной список бывшего сержанта Красной Армии и лейтенанта французского Сопротивления Зии (Сержа) Камалова.

И все-таки он был счастлив. Тем, что еще есть друзья, которые не предадут, есть любимая жена – Зейнап Биляловна, вместе с которой 45 лет делили радости и невзгоды. Есть прекрасные дети, которые, как и он, стали медиками, есть замечательные внуки – он узнавал в них и свои черты... Да мало ли было радостей у человека, который любил жизнь такой, какая она есть!

Мы помним Вас, мсье Серж!

Зия Камалов (слева), 1940 год.

УДОСТОЕНЫ ИНЫХ НАГРАД

Глава 3

В списке представленных к званию Героя, но не удостоенных его, 184 татарстанца. Почему так много отказов? Причин могло быть много.

В первые полгода войны этого звания были удостоены единицы, хотя героических поступков было куда больше. Причина понятная: как раздавать высшую награду государства защитникам, подпустившим врага к воротам Москвы?

Другой могла быть «политическая неблагонадежность» представленного. Если он или его ближние были репрессированы, такой претендент мог и не стать Героем.

Третья. Ратный подвиг представленного просто «не тянул», по мнению оценивающих, на Героя.

Жестких критериев оценки «достоин – недостоин» не было и нет. Тут многое зависит от субъективного мнения оценивающих. А это оставляет простор для зависти, личной неприязни, мести и тому подобным вечным человеческим порокам.

А как эти милые качества действовали, например, еще при представлениях к наградам, можно прочитать на страницах данной книги. Не исключено, что они могли иметь место и при присвоении звания Героя.

А. Малов

Некоронованные Герои Советского Союза*

М. Черепанов

Мобилизованные из Татарстана солдаты и офицеры, представленные к званию Героя Советского Союза, но звания не получившие:

1. АБШАРОВ АЛЕКСЕЙ СЕМЕНОВИЧ, 1923 г.р., моб. Шереметьевским РВК, ст. сержант, командир орудия батареи 45 мм пушек 647 стрелкового полка 216 Краснознаменной дивизии 4-го Украинского фронта. Представлен 7 ноября 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

2. АЛЯЧИН КОНСТАНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ, 1921 г.р., урож. с. Савино, моб. Верхнеуслонским РВК, капитан, командир дивизиона 436 артиллерийского полка 112 стрелковой дивизии. Представлен 16 ноября 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

3. АХМЕДЗЯНОВ УСМАН САБИРОВИЧ, 1924 г.р., моб. Сталинским РВК Казани, гвардии мл. лейтенант, командир пулеметного взвода 5 отдельной гвардейской мотострелковой бригады. Представлен 26 августа 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

4. АХМЕТЗЯНОВ ГАЗИЗ АХМЕТЗЯНОВИЧ, 1909 г.р., моб. Лаишевским РВК, ст. сержант, командир отд. разведки 227 минометного полка 18 минометной бригады 15 артдивизии прорыва РГК. Представлен 24 июня 1944 г. Награжден орденом Славы 2-й степени.

5. БАГМАНОВ РАХИМ БАГМАНОВИЧ, 1907 г.р., моб. Первомайским РВК, ефрейтор, сапер 476 отдельного саперного батальона 354 стрелковой Краснознаменной дивизии. Представлен 16 сентября 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

6. БАЙКОВ ЗИЯ РАХИМОВИЧ, 1919 г.р., моб. Бауманским РВК Казани, гвардии старшина, командир пулеметного взвода 11 гвардейского стрелкового полка 4 гвардейской стрелковой дивизии. Представлен 15 декабря 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

7. БАЛАЕВ ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ, 1914 г.р., моб. Бондюжским РВК, мл. сержант, командир минометного расчета 227 стрелкового полка 369 стрелковой дивизии 70-й армии 2-го Белорусского фронта. Представлен 29 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

8. БАТАЛОВ ИСМАИЛ, 1913 г.р., моб. Юдинским РВК, гвардии ефрейтор, наводчик ПТР эскадрона 62 гвардейского кавалерийского полка 16 гвардейского стрелковой дивизии. Представлен 1 февраля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

9. БИТЕНЕВ ГЕОРГИЙ РОМАНОВИЧ, 1905 г.р., моб. из Казани, гвардии майор 133 гвардейского стрелкового полка 44 гвардейской стрелковой дивизии. Представлен 9 сентября 1944 г. Награжден орденом Ленина.

10. БУГАРЧЕВ БОРИС МАКСИМОВИЧ, 1913 г.р., моб. из Казани, капитан, командир эскадрильи 4 истребительного авиационного полка 287 истребительной авиационной дивизии. Представлен 24 мая 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

11. БУЛАНКИН ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, 1925 г.р., моб. Алькеевским РВК, гвардии сержант, командир расчета станковых пулеметов 17 гвардейского стрелкового ордена Суворова полка 5 гвардейской стрелковой дивизии 3-го Белорусского фронта. Представлен 28 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

12. БУТЕНЕВ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ, 1915 г.р., моб. из Казани, командир звена 65 корпусной авиаэскадрильи. Представлен 26 сентября 1941 г. Награжден орденом Ленина.

13. ВАЛЕЕВ ХУСАИН ВАЛЕЕВИЧ, 1907 г.р., урож. дер. Новый Кумазан Мамадышского района, моб. Мамадышским РВК, майор, командир 1 батальона 988 стрелкового полка 230 стрелковой Сталинской дивизии 5-й ударной армии. Представлен 27 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени. Умер 31 мая 1989 г., похоронен в г. Мамадыше.

14. ВЯТСКИЙ (ВЯТСКОВ) ПЕТР ИОСИФОВИЧ (ОСИПОВИЧ), 1916 г.р., урож. пос. Аксубаево, моб. Аксубаевским РВК, гвардии старшина, помощник комвзвода 29 мотострелковой бригады 4 гвардейской танковой армии. Представлен 31 января 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

15. ГАБДРАФИКОВ НУРМУХАМЕТ, 1923 г.р., урож. дер. Усман-Ташлы Еркееевского района Башкирии, моб. Чистопольским РВК, мл. сержант, командир орудия 1329 истребительно-противотанкового артиллерийского полка 2 отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской Уманьской бригады 52-й армии 2-го Украинского фронта. Представлен в июне 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

16. ГАБДРАХМАНОВ ИБРАГИМ, 1906 г.р., урож. Н. Гараево Актанышского района, моб. Актанышским РВК, ст. сержант, помощник командира стрелкового взвода 916 стрелкового полка 247 стрелковой Рославльской дивизии. Представлен 19 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени

17. ГАВРИЛОВ НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ, 1923 г.р., моб. Кзыл-Юлдузским РВК, гвардии ст. сержант, командир орудия 282 гвардейского истребительно-

* Розыски продолжаются. Список может быть дополнен.

противотанкового артиллерийского полка 3 отд. гвардейской истребительно-противотанковой артиллерийской бригады РК. Представлен 18 марта 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

18. ГАЙНУЛИН САЛИМ СУЛТАНОВИЧ, 1924 г.р., моб. Нурлатским РВК, мл. сержант, командир отделения ПТР 3 стрелкового батальона 667 стрелкового полка 218 стрелковой дивизии 3 гвардейской армии 1-го Украинского фронта. Представлен 2 августа 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

19. ГАЛИМОВ МИХАИЛ, 1915 г.р., моб. Мамадышским РВК, гвардии рядовой, разведчик 80 гвардейской отд. разведывательной роты 79 гвардейской стрелковой дивизии. Представлен 5 августа 1944 г. Награжден орденом Ленина.

20. ГАЛИУЛЛИН ИДИАТ СИБГАТУЛЛОВИЧ, 1923 г.р., урож. Казани, моб. Дзержинским РВК Казани, гвардии ст. сержант, механик-водитель 372 гвардейского самоходного артиллерийского полка. Представлен 28 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

21. ГАЛЛЯМОВ АНВАР ГАЛЛЯМОВИЧ, 1923 г.р., урож. дер. Таршна Высокогорского района, моб. Дубъязским РВК, старшина медслужбы 338 стрелкового полка 96 стрелковой дивизии 48-й армии. Представлен 13 мая 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

22. ГАЛЯМЕЕВ БИКМЕТ, 1915 г.р., моб. Пестречинским РВК, сержант, командир отделения 86 отдельного штурмового инженерно-саперного батальона 18 штурмовой инженерно-саперной бригады РК. Представлен 1 ноября 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

23. ГАЛЯУФ (ГАЛЯУТДИНОВ) МАГСУМ ГАЛЯУТДИНОВИЧ, 1926 г.р., урож. с. Татарская Айша Высокогорского района, моб. Высокогорским РВК, красноармеец, наводчик орудия 76 мм пушек 487 стрелкового полка 143 стрелковой дивизии 47-й армии 1-го Белорусского фронта. Представлен 30 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

24. ГАРАЕВ АГЛЯМ МИФТАХОВИЧ, 1923 г.р., моб. Сармановским РВК, красноармеец, стрелок 1084 стрелкового полка 310 Новгородской Краснознаменной дивизии. Представлен 3 мая 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

25. ГАРИПОВ РАВИЛЬ ЗАКИРОВИЧ, 1926 г.р., урож. Арского района, моб. Арским РВК, сержант, командир пулеметного расчета 837 стрелкового полка 238 стрелковой дивизии 40-й армии 2-го Белорусского фронта. Представлен 7 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

26. ГАТАУЛЛИН МАКСУМ ХУББАТУЛЛОВИЧ, 1924 г.р., урож. с. Исергапово Бавлинского района, моб.

Бавлинским РВК, сержант, командир отделения 136 отд. мото-понтонно-мостового батальона. Представлен 12 сентября 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени. Умер в 1991 г.

27. ГАТИН АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ, 1915 г.р., моб. Мензелинским РВК, гвардии лейтенант, командир взвода управления батареи 29 гвардейской мотострелковой бригады. Представлен 29 января 1945 г. Награжден орденом Ленина.

28. ГИБАЙДУЛИН АБСАЛЯМ ГАЛИЛОВИЧ, 1926 г.р., моб. Кукморским РВК, гвардии рядовой, наводчик станкового пулемета 17 гвардейского стрелкового полка 5 гвардейской стрелковой дивизии. Представлен 28 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

29. ГИЛЬФАНОВ МУЛЛОЯН БИКТИМировИЧ, 1923 г.р., урож. с. Бизяки Бондюжского района, моб. Набережно-Челнинским РВК, гвардии лейтенант, командир танкового взвода 37 танкового полка, 15 гвардейской механизированной бригады 3-го Украинского фронта. Представлен 29 августа 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

30. ГИМАЗУТДИНОВ САЛИХ ЗАГРУТДИНОВИЧ, 1919 г.р., моб. Сталинским РВК Казани, старшина 2-й статьи, разведчик отдельной роты разведки 83 отдельной стрелковой Новороссийской бригады морской пехоты. Представлен 31 августа 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

31. ДАНИЛОВ ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ, 1921 г.р., урож. с. Русское Бурнашево Верхнеуслонского района, моб. Зеленодольским РВК, мл. сержант, наводчик самоходной установки СУ-76 1416 самоходного артиллерийского Варшавского полка 47-й армии 1-го Белорусского фронта. Представлен 23 апреля 1945 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

32. ДЕРЮГИН Юрий Сергеевич, 1922 г.р., моб. Елабужским РВК, капитан, 2-й помощник начальника штаба 99-й тяжелой гаубичной артиллерийской Неманской бригады разрушения 5-й армии 3-го Белорусского фронта. Представлен 23 августа 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

33. ЕРМОЛАЕВ МИХАИЛ МИТРОФАНОВИЧ, 1914 г.р., урож. с. Ильтень Бута Альметьевского района, моб. Акташским РВК, мл. сержант, помощник командира взвода 262 стрелкового полка 184 стрелковой дивизии. Представлен 21 июля 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени. Умер в 1994 г. Похоронен в с. Ильтень-Бута.

34. ЗАЙНУТДИНОВ КАЛИМУЛЛА ВАЗЫХОВИЧ, 1923 г.р., моб. Теньковским РВК, ст. сержант, снайпер-стрелок 19 стрелковой бригады 11 стрелкового корпу-

са 9-й армии Северо-Кавказского фронта. Представлен 27 июня 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

35. ЗАЙЦЕВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, 1917 г.р., моб. из Казани, гвардии сержант, командир отделения разведки 4 воздушно-десантной гвардейской дивизии. Представлен 11 октября 1943 г. Награжден орденом Ленина.

36. ЗЕВАКИН СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ, 1918 г.р., моб. Арским РВК, ст. сержант, командир взвода 867 стрелкового полка 271 стрелковой дивизии 11 Прикарпатского стрелкового корпуса 18-й армии. Представлен в июне 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

37. ЗИННАТУЛЛИН АСХАТ ЗИННАТУЛЛИНОВИЧ, 1922 г.р., моб. Кзыл-Юльским РВК, капитан, командир стрелковой роты 238 стрелкового полка 186 стрелковой дивизии. Представлен 15 мая 1945 г. Награжден орденом Александра Невского.

38. ИБРАГИМОВ АБДУЛА ГАБДРАХМАНОВИЧ, 1925 г.р., моб. Дубьязским РВК, красноармеец, стрелок 785 стрелкового полка 144 стрелковой дивизии 5-й армии Дальневосточного фронта. Представлен 30 августа 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

39. ИБРАГИМОВ ИСКАК ИСМАИЛОВИЧ, 1924 г.р., моб. Мамадышским РВК, гвардии ефрейтор, орудийный номер 1622 армейского зенитно-артиллерийского полка 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. Представлен 1 мая 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

40. ИГНАТЬЕВ ПЕТР ЛУКЬЯНОВИЧ, 1903 г.р., моб. Чистопольским РВК, ст. сержант, помощник командира взвода 127 гвардейского стрелкового полка. Представлен 7 ноября 1944 г. Награжден орденом Славы 2-й степени.

41. ИЛЬИН ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ, 1909 г.р., моб. Кировским РВК Казани, красноармеец, стрелок 120 стрелкового полка 69 стрелковой дивизии. Представлен 8 сентября 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

42. ИНЖИКЕЕВ ГРИГОРИЙ ДМИТРИЕВИЧ, 1901 г.р., моб. Тельманским РВК, красноармеец, наводчик станкового пулемета 1203 стрелкового полка 354 стрелковой дивизии. Представлен 7 сентября 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

43. ИСЛЮКОВ МАРК МИХАЙЛОВИЧ, 1918 г.р., моб. Больше-Тарханским РВК, ст. сержант, командир орудия 823 артиллерийского полка 301 стрелковой дивизии. Представлен 11 мая 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

44. ИСРАФИЛОВ ХУСНИМАРДАН ШАЙМАРДАНОВИЧ, 1922 г.р., урож. дер. Шикмамаево Заинского района, моб. Челнинским РВК, мл. сержант, наводчик орудия

936 артиллерийского полка 362 стрелковой Верхнеднепровской Краснознаменной дивизии 33-й армии 1-го Белорусского фронта. Представлен 15 февраля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

45. КАЗАНЦЕВ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ, 1897 г.р., моб. из Казани, полковник, командующий артиллерией 301 стрелковой дивизии. Представлен 15 января 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

46. КОВАЛЕВ ЯКОВ ВАСИЛЬЕВИЧ, 1923 г.р., урож. пос. совхоза им. 25 Октября, моб. Лаишевским РВК, гвардии рядовой, разведчик 48 гвардейской разведроты 47 гвардейской стрелковой дивизии. Представлен 20 августа 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени. Умер 2 февраля 1990 г. в пос. совхоза им. 25 Октября.

47. КОЗЛОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ, 1916 г.р., моб. Бауманским РВК Казани, мл. лейтенант, командир стрелкового взвода 1268 стрелкового полка 385 стрелковой дивизии. Представлен 16 мая 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

48. КОЛПАКОВ ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ, 1919 г.р., моб. Бондюжским РВК, ст. лейтенант, командир стрелкового взвода 244 стрелкового полка 41 стрелковой дивизии. Представлен 9 мая 1945 г. Награжден орденом Александра Невского.

49. КОНОНОВ МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ, 1921 г.р., урож. с. Лаишевка Лаишевского района, моб. Лаишевским РВК, гвардии мл. сержант, наводчик батареи 132 гвардейского артиллерийского полка 60 гвардейской стрелковой дивизии. Представлен 29 апреля 1945 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

50. КОРОТКОВ АНДРЕЙ ИЛЬИЧ, 1909 г.р., моб. Ленинским РВК Казани, мл. сержант, наводчик орудия 39 отдельного истребительного противотанкового дивизиона 102 стрелковой дивизии. Представлен 20 октября 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

51. КОРОТКОВ КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ, 1912 г.р., моб. Сталинским РВК Казани, мл. сержант, механик-водитель 1222 самоходного артиллерийского полка. Представлен 31 января 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

52. КОРНИЛОВ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ, 1917 г.р., моб. из Казани, гвардии сержант, командир отделения автомашин амфибия 8 отдельного гвардейского мотостурмового инженерно-саперного батальона 2 гвардейской мотостурмовой инженерно-саперной бригады РГК. Представлен 28 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

53. КУБИЦКИЙ ЛЕОНИД КОНСТАНТИНОВИЧ, 1923 г.р., лейтенант, командир танка 3 танкового полка 37 механизированной бригады. Представлен в мае

1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

54. КУЗМИЧЕВ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ, 1925 г.р., урож. с. Шеланга (Старое Русское) Верхнеуслонского района, моб. Теньковским РВК, красноармеец, стрелок 712 стрелкового полка 132 Бахмаческой Краснознаменной дивизии 60-й армии 1-го Украинского (Центрального) фронта. Представлен 9 октября 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

55. КУЛАГИН ФЕДОР АНДРЕЕВИЧ, 1923 г.р., моб. Бауманским РВК Казани, гвардии сержант, командир башни танка 30 отдельной гвардейской танковой бригады. Представлен к званию 7 июля 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

56. КУРШАКОВ БОРИС СЕРГЕЕВИЧ, 1925 г.р., урож. дер. Икское Устье Бондюжского района, ст. сержант, механик-водитель танка Т-34 92 инженерно-танкового Свирского ордена Богдана Хмельницкого полка 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. Представлен 3 мая 1945 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

57. КУТУСОВ ХАМИД КУТУСОВИЧ, 1923 г.р., моб. Бауманским РВК Казани, гвардии лейтенант, командир танкового взвода 53 танкового полка 69 механизированной бригады 9 механизированного корпуса. Представлен 13 ноября 1943 г. Награжден орденом Богдана Хмельницкого 3-й степени.

58. ЛЕБЕДКОВ ГАВРИЛ НИКИФОРОВИЧ, 1918 г.р., моб. Столбищенским РВК, гвардии лейтенант, командир взвода 76 мм орудий 16 гвардейского отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 2 гвардейской стрелковой дивизии. Представлен 25 октября 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

59. ЛЕЩЕВ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ, 1925 г.р., моб. Молотовским РВК Казани, гвардии рядовой, разведчик 213 гвардейского стрелкового полка 71 гвардейской стрелковой дивизии. Представлен 2 июля 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

60. МАКАРОВ ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ, 1904 г.р., моб. Заинским РВК, гвардии мл. сержант, прицельный пулемета 77 гвардейского армейского зенитного артиллерийского полка 51-й армии 4-го Украинского фронта. Представлен 3 ноября 1943 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

61. МАКСИМОВ ПЕТР ДМИТРИЕВИЧ, 1907 г.р., моб. Бауманским РВК Казани, рядовой саперного взвода 738 стрелкового полка 134 стрелковой дивизии. Представлен 16 сентября 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

62. МАКСУДОВ ЗАКИ КАШАПОВИЧ, 1924 г.р., урож. с. Нурлат, моб. Нурлатским РВК, лейтенант,

командир взвода 1082 стрелкового полка 310 стрелковой Новгородской Краснознаменной дивизии 19-й армии. Представлен 2 мая 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

63. МАЛЕЖИНОВ АЛЕКСЕЙ КУЗЬМИЧ, 1918 г.р., моб. Заинским РВК, старшина, командир орудия 76 мм пушек 1162 стрелкового полка 352 стрелковой Оршанской Краснознаменной дивизии. Представлен 4 июля 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

64. МАЛЬКОВ ФЕДОР ЕВСТАФЬЕВИЧ, 1913 г.р., урож. с. Татарское Бурнашево Верхнеуслонского района, моб. Верхнеуслонским РВК, ст. сержант, командир отделения 466 стрелкового полка 125 Краснознаменной стрелковой дивизии. Представлен 15 февраля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

65. МАТВЕЕВ ДАВЫД МАТВЕЕВИЧ, 1923 г.р., моб. Сабинским РВК, гвардии рядовой, автоматчик 216 стрелкового полка 79 стрелковой дивизии. Представлен 5 августа 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

66. МИЛОСЛАВСКИЙ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ, 1905 г.р., моб. из Казани, сержант 1052 стрелкового полка 301 стрелковой дивизии. Представлен 30 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

67. МИЛЯЕВ ИЛШАЙ МИЛЯЕВИЧ, 1910 г.р., урож. дер. Кодряково Агрызского района, моб. Красноборским РВК, сапер 86 отдельного гвардейского саперного батальона 77 гвардейской саперной Черниговской Краснознаменной дивизии 69-й армии. Представлен 13 августа 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

68. МИФТАХОВ АМИН ХАЛЯФОВИЧ, 1923 г.р., моб. Ютазинским РВК, мл. сержант, командир башни танка Т-34 34-го танкового полка. Представлен в октябре 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

69. МУСИН СУЛЕЙМАН МУСИЧ, 1926 г.р., моб. Тюлячинским РВК, гвардии рядовой, стрелок 8 роты 288 гвардейского стрелкового полка 94 гвардейской стрелковой дивизии 5-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. Представлен 30 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

70. МУСТАФИН САИД НАГМАДЖАНОВИЧ, 1918 г.р., г. Казань, моб. Буинским РВК, капитан, командир авиаэскадрильи 367 бомбардировочного авиационного Краснознаменного полка. Представлен 25 апреля 1945 г. Награжден орденом Суворова 3-й степени.

71. НИРМАН МИХАИЛ АРОНОВИЧ, 1925 г.р., моб. Бауманским РВК Казани, гвардии рядовой, мотоциклетный водитель 18 отдельного гвардейского мотоциклетного батальона. Представлен 25 апреля 1945 г. Награжден орденом Славы 2-й степени.

72. НУРУТДИНОВ АБДУЛ ФАХРЕЕВИЧ, 1925 г.р., моб. Рыбнослободским РВК, рядовой, снайпер 1042 стрелкового полка 295 стрелковой дивизии. Представлен 30 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

73. ОРЕХОВ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ, 1922 г.р., моб. Бугульминским РВК, командир танка МК-9 танкового полка 45 механизированного корпуса 2-го Украинского фронта. Представлен 17 апреля 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

74. ОРЛОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ, 1917 г.р., урож. с. Верхний Услон, моб. Верхнеуслонским РВК, сержант, командир отделения пулеметной роты 102 стрелкового полка 41 стрелковой дивизии. Представлен в апреле 1945 г. Награжден орденом Славы 2-й степени.

75. ПАВЛОВ КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ, 1920 г.р., моб. Чистопольским РВК, гвардии ст. лейтенант, командир саперной роты 22 гвардейского отдельного саперного батальона 6 гвардейского механизированного Краснознаменного корпуса. Представлен 29 января 1945 г. Награжден орденом Кутузова 3-й степени.

76. ПАВЛОВ МИХАИЛ НЕСТЕРОВИЧ, 1925 г.р., моб. Первомайским РВК, гвардии рядовой, сабельник 55 гвардейского кавалерийского Краснознаменного полка 15 гвардейской кавалерийской Краснознаменной дивизии. Представлен 29 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

77. ПАПЕНКОВ ОЛЕГ ДМИТРИЕВИЧ, 1923 г.р., моб. Сталинским РВК Казани, рядовой, автоматчик танко-десантной роты 79 танковой бригады. Представлен 12 ноября 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

78. ПАХОМОВ АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ, 1917 г.р., урож. с. Н. Покровка Харьковской области, моб. Буинским РВК, мл. лейтенант, командир взвода автоматчиков 3 Краснознаменной бригады моряков. Представлен 3 ноября 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

79. ПЕРОВ ПЕТР ЛОГИНОВИЧ, 1919 г.р., моб. Бавлинским РВК, гвардии ст. сержант, командир отделения 191 гвардейского стрелкового полка 64 гвардейской стрелковой дивизии. Представлен 12 марта 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

80. ПЕТРУХИН АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ, 1920 г.р., моб. из Казани, старший сержант, командир взвода роты автоматчиков 498 стрелкового полка 132 стрелковой дивизии. Представлен 6 октября 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

81. ПЕТРЯНКИН АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, 1916 г.р., гвардии лейтенант, моб. Дрожжановским РВК, командир огневого взвода 26 гвардейского артиллерийского полка 17 гвардейской стрелковой дивизии

39-й армии 3-го Белорусского фронта. Представлен 10 июля 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

82. ПЕТУХОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ, 1919 г.р., моб. Мензелинским РВК, урож. с. Матвеевка, капитан, командир батареи 76 мм пушек 859 стрелкового полка 294 стрелковой Черкасской ордена Богдана Хмельницкого дивизии 52-й армии 2-го Украинского фронта. Представлен 25 апреля 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

83. ПИСАРЕВ ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, 1912 г.р., моб. Бугульминским РВК, гвардии майор, замком по политчасти 3 гвардейского воздушно-десантного полка 1 гвардейской воздушно-десантной дивизии 53-й армии Забайкальского фронта. Представлен 8 сентября 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

84. ПОЛКОВНИКОВ ТИМОФЕЙ ИВАНОВИЧ, 1918 г.р., моб. Теньковским РВК, гвардии рядовой, разведчик батареи 132 гвардейского артиллерийского полка 60 гвардейской стрелковой дивизии. Представлен 29 апреля 1945 г. Награжден орденом Славы 2-й степени.

85. ПОТАПОВ ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ, 1903 г.р., моб. из Казани, гвардии полковник, командир танковой бригады 103 танковой бригады 3 танкового корпуса. Представлен 12 августа 1944 г. Награжден орденом Кутузова 2-й степени.

86. ПОТАПОВ СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ, 1912 г.р., моб. из Казани, гвардии лейтенант, командир взвода танков Т-34 68 отдельной танковой бригады. Представлен 21 января 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

87. ПУЗАНКОВ ЯКОВ ДМИТРИЕВИЧ, 1916 г.р., урож. с. Кармалы Больше-Толкишевской волости, моб. Шереметьевским РВК, гвардии старшина, командир 45 мм орудия 156 гвардейского стрелкового полка 51 гвардейской стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта. Представлен 26 июня 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

88. ПЫЛАЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ, 1917 г.р., урож. пос. Мысовский, моб. Лаишевским РВК, гвардии сержант, командир орудия 185 гвардейского артиллерийского полка 82 гвардейской стрелковой дивизии. Представлен 13 марта 1945 г. Награжден орденом Ленина. Похоронен в пос. Мысовский.

89. РАЕВИЧ КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ, 1921 г.р., моб. Бауманским РВК Казани, гвардии лейтенант, комсорг батальона 182 гвардейского стрелкового полка 62 гвардейской стрелковой дивизии. Представлен 19 октября 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

90. РАХМАТУЛЛИН ХАБИБУЛЛА ИБРАГИМОВИЧ, 1912 г.р., урож. дер. Сосново Агрызского района, моб. Красноборским РВК, майор, командир 3-го

мотострелкового батальона 57 мотострелковой Уманьской Краснознаменной бригады 2-й танковой армии 1-го Белорусского фронта. Представлен 14 августа 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

91. РЫХТЕНКО ВАЛЕНТИН ГАВРИЛОВИЧ, 1912 г.р., урож. Азербайджана, моб. Зеленодольским ГВК, гвардии старшина, механик-водитель танка Т-34 3 танкового батальона 44 танковой бригады. Представлен 24 января 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

92. САБИРОВ АБДУЛ БИКТАГИРОВИЧ, 1923 г.р., моб. Зеленодольским РВК, гвардии ст. сержант, командир отделения разведки 814 артиллерийского полка 274 стрелковой дивизии. Представлен 3 мая 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

93. САРПОВ ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ, 1905 г.р., урож. с. Мансурово Лаишевского района, моб. Лаишевским РВК, капитан, командир дивизиона 436 артиллерийского полка 112 стрелковой Рыльско-Коростеньской Краснознаменной ордена Суворова дивизии 1-го Украинского фронта. Представлен 29 января 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

94. САТДЫКОВ КАСИМ ХАСАНОВИЧ, 1913 г.р., моб. Чистопольским РВК, ст. лейтенант, командир роты 458 стрелкового полка 78 стрелковой Запорожской дивизии 27-й армии 2-го Украинского фронта. Представлен 4 апреля 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

95. САФИН ИСЛАМ ИБРАГИМОВИЧ, 1912 г.р., урож. дер. Бурметьево Нурлатского района, моб. Октябрьским РВК, гвардии рядовой, командир пулеметного расчета 46 гвардейского стрелкового полка 16 гвардейской стрелковой дивизии. Представлен 12 апреля 1945 г. Награжден орденом Богдана Хмельницкого 3-й степени. Умер в 1992 г., похоронен в с. Бурметьево.

96. САФРОНОВ ГРИГОРИЙ ЛУКЪЯНОВИЧ, 1925 г.р., моб. из Казани, гвардии сержант, командир пулеметного расчета 22 гвардейской мотострелковой Краснознаменной бригады. Представлен 31 января 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

97. СМЕКАЛОВ АНАТОЛИЙ ТИМОФЕЕВИЧ, 1925 г.р., моб. Юдинским РВК, гвардии ст. сержант, командир орудия 238 гвардейского истребительно-противотанкового артиллерийского Сандомирского ордена Ленина Краснознаменного полка 10 отдельной гвардейской бригады РГК 5-й гвардейской армии. Представлен 31 января 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

98. СОКОЛОВ ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ, 1908 г.р., моб. из Казани, лейтенант, зам. командира авиаэскадрильи 867 истребительного авиаполка 207 истребительной авиадивизии. Представлен 9 апреля 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

99. СТЕПАНОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ, 1917 г.р., моб. из Казани, гвардии капитан, начальник инженерной службы 22 гвардейской мотострелковой бригады. Представлен 30 октября 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

100. СТЕПАНОВ СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ, 1902 г.р., моб. из Казани, ефрейтор, пулеметчик 676 стрелкового полка 15 стрелковой дивизии 29 стрелкового корпуса. Представлен 5 октября 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

101. СТЯЖКИН ЕВГЕНИЙ НИКИТОВИЧ, 1914 г.р., моб. Молотовским РВК Казани, ст. лейтенант, командир батареи 221 отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 359 стрелковой дивизии. Представлен 21 февраля 1945 г. Награжден орденом Ленина.

102. СУЛЕЙМАНОВ НУРУЛЛА САЙФУЛЛОВИЧ, 1925 г.р., моб. Бавлинским РВК, ст. сержант, командир отделения 152 стрелкового полка 94 стрелковой дивизии 36-й армии Забайкальского фронта. Представлен 27 сентября 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

103. ТАЛАПИН НИКОЛАЙ АКИМОВИЧ (ЯКИМОВИЧ), 1925 г.р., урож. дер. Колосовка Елабужского района, моб. Елабужским РВК, сержант, командир расчета станкового пулемета 252 стрелкового Ковенского полка 70 стрелковой дивизии 43-й армии 3-го Белорусского фронта. Представлен 11 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

104. ТИХОНОВ НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ, 1917 г.р., моб. Ленинским РВК Казани, гвардии старшина, командир взвода автоматчиков 3 гвардейской танковой бригады. Представлен 21 июля 1944 г. Награжден орденом Ленина.

105. ТРОФИМОВ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ, 1925 г.р., моб. Столбищенским РВК, рядовой, стрелок 938 стрелкового полка 306 стрелковой дивизии. Представлен 4 июля 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

106. ТРОШИХИН ПЕТР ИГНАТЬЕВИЧ, 1924 г.р., моб. Шугуровским РВК, гвардии сержант, стрелок отд. воздушно-десантного учебного батальона 2 гвардейской воздушно-десантной дивизии. Представлен 12 октября 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

107. ТЮГАЕВ ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ, 1924 г.р., урож. дер. Замиралово Любинского района Омской обл., моб. Акташским РВК, командир отделения 136 отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона 7 мото-понтонно-мостовой ордена Суворова бригады РГК. Представлен 28 сентября 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени. Умер 21 ноября 2003 г., похоронен в Альметьевске.

108. ФАИЗОВ ГУСМАН ШАГИМАРДАНОВИЧ, 1903 г.р., моб. Лаишевским РВК, капитан, политрук батальона 1237 стрелкового полка 373 стрелковой дивизии. Представлен 28 января 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

109. ФАЙЗРАХМАНОВ ХАРИС ФАЙЗРАХМАНОВИЧ, 1916 г.р., моб. Балтасинским РВК, лейтенант, командир взвода 170 танковой бригады 18 танкового корпуса. Представлен 23 декабря 1943 г. Награжден орденом Ленина.

110. ФИЛИППОВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ, 1925 г.р., урож. с. Мордовская Ивановка Лениногорского района, моб. Шугуровским РВК, мл. сержант, командир пулеметного расчета 744 стрелкового полка 149 Новоград-Волынской Краснознаменной дивизии 3-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта. Представлен 5 августа 1944 г. Награжден орденом Богдана Хмельницкого 3-й степени.

111. ФРОЛОВ КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ, 1923 г.р., урож. с. Песчаные Ковали Столбищенского района, моб. Столбищенским РВК, лейтенант, командир взвода батареи 45 мм пушек 476 стрелкового полка 32 стрелковой дивизии 3-го Украинского фронта. Представлен 26 марта 1944 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

112. ФУРАСЬЕВ АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ, 1924 г.р., урож. с. Сумароково Больше-Тарханского района, моб. Тетюшским РВК, ефрейтор, понтонер 5 отдельного мото-понтонного мостового батальона 61-й армии. Представлен 22 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

113. ХАЗИЕВ ЗИНУР АЗИЕВИЧ, 1918 г.р., урож. дер. Уразбахтино, моб. Мамадышским РВК, сержант, командир отделения 747 стрелкового полка 172 стрелковой дивизии 13-й армии 1-го Украинского фронта. Представлен 2 мая 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени. Умер в 1991 г., похоронен в с. Уразбахтино.

114. ХАЛЯФИЕВ ШАМСИ, 1914 г.р., моб. Ютазинским РВК, гвардии лейтенант, командир стрелковой роты 13 гвардейской механизированной бригады. Представлен 28 августа 1944 г. Награжден орденом Суворова 3-й степени.

115. ХАЛИУЛИН ХАЙРУЛА ХАЛИУЛЛОВИЧ, 1925 г.р., урож. с. Атабаево Лаишевского района, моб. Лаишевским РВК, ефрейтор, наводчик орудия 44 артиллерийского полка 33 стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта. Представлен 26 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени. Похоронен в с. Атабаево.

116. ХАСАНОВ НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ, 1918 г.р., урож. г. Шугуров, моб. Шугуровским РВК, гвардии сержант, помощник командира стрелкового взвода

211 стрелкового Басаргинского полка 73 стрелковой дивизии 3-го Украинского фронта. Представлен 3 декабря 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

117. ХРАМОВ ДМИТРИЙ ИОСИФОВИЧ, 1912 г.р., моб. Ленинским РВК Казани, сержант, командир орудия батареи 45 мм пушек 1109 стрелкового полка 330 (62) гвардейской стрелковой дивизии. Представлен 19 октября 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

118. ЧЕРНЫШЕВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ, 1913 г.р., моб. Сталинским РВК Казани, ст. лейтенант, командир батареи 998 пушечного артиллерийского полка РГК. Представлен 13 февраля 1945 г. Награжден орденом Ленина.

119. ЧЕТВЕРИКОВ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ, 1912 г.р., моб. Арским РВК, ст. сержант, командир расчета ПТР 605 стрелкового полка 132 Бахмачской Краснознаменной стрелковой дивизии 60-й армии 1-го Украинского фронта. Представлен 9 октября 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

120. ЧИРКОВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, 1898 г.р., моб. из Казани, гвардии рядовой, связист взвода управления 167 гвардейского легко-артиллерийского полка 3 гвардейской легко-артиллерийской бригады 1 гвардейской Краснознаменной артиллерийской дивизии РГК. Представлен 12 октября 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

121. ШАРАФУТДИНОВ ТАЛГАТ ИСЛАМОВИЧ, 1920 г.р., моб. Молотовским РВК Казани, гвардии капитан, командир 306 танкового батальона 53 гвардейской танковой бригады 6 гвардейского танкового корпуса. Представлен 17 ноября 1943 г. Награжден орденом Ленина.

122. ШАРИФУЛИН САЛИМ ГУБАЕВИЧ, 1925 г.р., моб. Азнакаевским РВК, рядовой, автоматчик моторизованного батальона 65 Волновахской танковой бригады 11 танкового корпуса 1-го Белорусского фронта. Представлен 22 июня 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

123. ШАФИГУЛЛИН НУРГАЛЕЙ, 1924 г.р., моб. Атнинским РВК, стрелок 317 стрелкового полка 92 стрелковой дивизии. Представлен 9 июля 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

124. ШАХИМОРДАНОВ ГАРИПША ШАХИМОРДАНОВИЧ, 1905 г.р., моб. Сабинским РВК, капитан, командир танковой роты 219 танковой бригады. Представлен 5 мая 1945 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

125. ШИЛОВ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ, 1919 г.р., моб. Рыбнослободским РВК, ст. лейтенант, командир минометной роты 70 отдельной горно-стрелковой

Краснознаменной бригады. Представлен 22 июня 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

126. ШИМАНСКИЙ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ, 1906 г.р., моб. Сталинским РВК Казани, гвардии рядовой, станковый пулеметчик 37 гвардейского стрелкового Краснознаменного полка 12 гвардейской стрелковой дивизии. Представлен 20 апреля 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

Мобилизованные из Татарстана солдаты и офицеры, представленные к званию Героя Советского Союза (посмертно), но звания не получившие:

127. АБДРАКОВ НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ, 1916 г.р., урож. Башкирии, моб. Зеленодольским (Сталинским РВК Казани), гвардии сержант, командир отделения автоматчиков 119 гвардейского стрелкового полка 40 гвардейской Енакиевской Краснознаменной дивизии 4 гвардейской армии 3-го Украинского фронта. Погиб 1 декабря 1944 г. Представлен 2 декабря 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

128. АЛЯЕВ НИКОЛАЙ МАКСИМОВИЧ, 1923 г.р., урож. Алексеевского района, моб. Красноуфимским РВК Свердловской обл., сержант, радио-телеграфист, радист-пулеметчик Т-34 441 танкового батальона 110 танковой бригады. Погиб 26 ноября 1943 г. Представлен 28 декабря 1942 г. Награжден орденом Красной Звезды.

129. АМЫШКИН ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ, 1925 г.р., урож. Казани, моб. Кварельским РВК Грузии, рядовой, стрелок 17 стрелкового полка 32 Верхне-Днепровской Краснознаменной стрелковой дивизии. Погиб 6 июля 1944 г. Представлен 19 августа 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

130. АНТОНОВ ПАВЕЛ АРТЕМЬЕВИЧ, 1925 г.р., урож. с. Гари Зеленодольского района, моб. Дубьязским РВК, гвардии рядовой, стрелок 9 воздушно-десантного гвардейского стрелкового полка 4 гвардейской воздушно-десантной стрелковой дивизии. Представлен 13 октября 1943 г. Награжден орденом Ленина. Погиб 27 января 1944 г.

131. АФНАСЬЕВ ГРИГОРИЙ СЕМЕНОВИЧ, 1925 г.р., урож. дер. Верхняя Уратьма Нижнекамского района, моб. Шереметьевским РВК, гвардии мл. сержант, разведчик-наблюдатель 29 гвардейской мотострелковой бригады 4 танковой армии 1-го Украинского фронта. Представлен в январе 1945 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Погиб 11 февраля 1945 г.

132. АХМЕТОВ УСМАН ГАЙНОВИЧ, 1907 г.р., урож. г. Серова Свердловской обл., моб. Альметьевским РВК,

гвардии лейтенант, командир танка Т-34 3 танкового батальона 58 гвардейской танковой Пражской Краснознаменной бригады. Погиб 8 марта 1945 г. Представлен 16 марта 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

133. БЕЛОВ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ, 1914 г.р., урож. с. Кубассы Чистопольского района, моб. Чистопольским РВК, участник боев у оз. Хасан в 1938 г., ст. сержант, помощник командира взвода 247 стрелкового полка 37 стрелковой дивизии 10 гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта. Погиб 26 августа 1944 г. Представлен 8 сентября 1944 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

134. БЕЛОВ ПАВЕЛ ГЕОРГИЕВИЧ, 1910 г.р., моб. Зеленодольским ГВК, капитан, замком 3-го отдельного лыжного батальона по политчасти. Погиб 28 февраля 1943 г. Представлен 13 марта 1943 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

135. БУЛАНОВ ИВАН ЕФИМОВИЧ, 1916 г.р., урож. дер. Красный Барак Билярского района, моб. Билярским РВК, капитан, командир стрелкового батальона 216 стрелкового полка 76 стрелковой дивизии 47-й армии 1-го Белорусского фронта. Погиб 9 августа 1944 г. Представлен 17 августа 1944 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

136. БУХАНОВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ, 1923 г.р., урож. с. Большая Шильна Тукаевского района, моб. Набережночелнинским РВК, гвардии ст. сержант, командир орудия танка 1-й гвардейской танковой Чертковской дважды ордена Ленина Краснознаменной орденов Суворова, Богдана Хмельницкого бригады 1-й гвардейской танковой армии. Погиб 29 апреля 1945 г. Представлен 30 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

137. ГАВРИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ, 1924 г.р., урож. с. Куралово Верхнеуслонского района, моб. Верхнеуслонским РВК, гвардии ст. лейтенант, командир 60 отд. гвардейской разведроты 1 гвардейской стрелковой дивизии. Умер от ран 11 апреля 1945 г. Представлен 14 апреля 1945 г. Награжден орденом Кутузова 3-й степени.

138. ГАЛИАХМЕТОВ ГАЛИМЗЯН, 1925 г.р., урож. Казани, моб. Молотовским РВК Казани, мл. лейтенант, командир взвода 850 стрелкового полка 277 стрелковой дивизии. Погиб 22 июня 1944 г. Представлен в августе 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени.

139. ГАЛИМОВ ФАЙЗУЛЛА ГАЛИМОВИЧ, 1915 г.р., урож. с. Тавларово Рыбнослободского района, моб. Кзыл-Юлдузским РВК, гвардии ст. лейтенант, командир роты ПТР мотострелкового пулеметного батальона 54 гвардейской танковой бригады 7 гвардейского танкового корпуса. Погиб 7 ноября 1943 г. Представлен 26 ноября 1943 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

140. ГАРИПОВ МИНГАЛИ, 1924 г.р., урож. дер. Верхняя Сунь Мамадышского района, моб. Кзыл-Юлдузским РВК, ефрейтор, стрелок 618 стрелкового полка 215 Краснознаменной Смоленской стрелковой дивизии 5-й армии 3-го Белорусского фронта. Представлен 21 августа 1944 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Погиб 19 января 1945 г.

141. ГЕРАСИМОВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ, 1911 г.р., моб. Чистопольским РВК, лейтенант, командир роты отд. особого батальона 113 стрелковой дивизии Военного Совета Московского военного округа. Умер от ран 28 декабря 1941 г. Представлен 5 января 1942 г. Награжден орденом Ленина.

142. ГОРШУНОВ ЕФИМ ИВАНОВИЧ, 1904 г.р., урож. с. Черны, моб. Лаишевским РВК, капитан, командир батальона 315 стрелкового полка 19 стрелковой дивизии 57-й армии 3-го Украинского фронта. Представлен 14 апреля 1944 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Погиб 15 апреля 1944 г.

143. ДОЛГУШИН АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ, 1923 г.р., урож. дер. Четверть Ивановской обл., моб. Чистопольским РВК, ст. сержант, командир орудия 145 отд. истребительно-противотанкового дивизиона 30 Киевско-Житомирской Краснознаменной дивизии 1 гвардейской армии. Погиб 25 сентября 1944 г. Представлен 1 октября 1944 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

144. ЕМАРКУЛОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, 1916 г.р., урож. с. Билярск Алексеевского района, моб. Алексеевским РВК, ст. лейтенант, командир авто-бронероты 36 отдельного броне-автомобильного батальона. Умер от ран 20 декабря 1942 г. Представлен 4 января 1943 г. Награжден орденом Отечественной войны 1 степени.

145. ЕМУРАНОВ ПЕТР ИВАНОВИЧ, 1922 г.р., урож. дер. Кулмакса Нижнекамского района, моб. Чистопольским РВК, лейтенант, командир противотанковой батареи 451 мотострелкового батальона 3 механизированной бригады 1-й танковой армии. Погиб 7 июля 1943 г. Представлен 12 июля 1943 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

146. ЗАВЬЯЛОВ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ, 1916 г.р., урож. пос. Нахабино Истринского района Московской обл., моб. из Казани, гвардии мл. лейтенант, командир среднего танка 16 гвардейской танковой бригады. Представлен 9 сентября 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени. Погиб 5 февраля 1945 г.

147. ЗАРИПОВ ХАФИЗ ЗАРИПОВИЧ, 1906 г.р., урож. с. Новый Баллыкуль Алькеевского района, моб. Куйбышевским РВК г. Горького, командир пулеметного расчета

10 отдельного пулеметно-артиллерийского батальона Николаевского укрепрайона 3-го Украинского фронта. Погиб 22 августа 1944 г. Представлен 28 августа 1944 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

148. ЗАРУБИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ, 1924 г.р., урож. Мамадыша, моб. Мамадышским РВК, сержант, командир отделения 171 отд. саперного батальона 160 Рогачевской дивизии 40 стрелкового корпуса 2-го Белорусского фронта. Погиб 12 октября 1944 г. Представлен 29 октября 1944 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

149. ЗОЛИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, 1925 г.р., урож. Казани, моб. Бауманским РВК Казани, лейтенант, командир роты 1109 стрелкового полка 330 стрелковой дивизии. Представлен к званию 9 мая 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени. Погиб 24 мая 1945 г.

150. ИДРИСОВ НУХ ИДРИСОВИЧ, 1918 г.р., урож. дер. Битлянгур Кукморского района, моб. Таканьшским РВК, лейтенант, командир взвода 1070 стрелкового полка 313 стрелковой дивизии. Погиб 27 июля 1944 г. (подвиг, подобный подвигу А. Матросова). Представлен 15 сентября 1944 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

151. КАБАНОВ МИХАИЛ ТИМОФЕЕВИЧ, 1923 г.р., урож. дер. Яшевка Буинского района, моб. Тетюшским РВК, гвардии сержант, командир пулеметного расчета 17 гвардейского стрелкового полка, 5 гвардейской стрелковой Городокской Краснознаменной ордена Суворова дивизии 11 гвардейской армии 3-го Белорусского фронта. Представлен 12 июля 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени. Умер от ран 2 августа 1944 г.

152. КАЗАКОВ НИКОЛАЙ ЕФИМОВИЧ, 1908 г.р., урож. с. Алексеевское, моб. Алексеевским РВК, сержант, стрелок 515 стрелкового полка 134 стрелковой дивизии. Погиб 3 августа 1944 г. Представлен 5 августа 1944 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

153. КАМИЛОВ ФАЗЫЛ КАМАЛОВИЧ, 1923 г.р., урож. с. Смаиль Ципьинского района, моб. Ципьинским РВК, гвардии красноармеец, наводчик батареи 1321 истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Погиб 14 октября 1943 г. Представлен 20 октября 1943 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

154. КИРПИЧНИКОВ АЛЕКСАНДР МАКСИМОВИЧ, 1917 г.р., урож. с. Бишбатман Зеленодольского района, моб. из Казани, сержант, командир отдельной стрелковой роты 1031 стрелкового полка 280 Краснознаменной стрелковой дивизии. Представлен 22 ноября 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени. Погиб в январе 1944 г.

155. КОВАЛЕВСКИЙ ТРОФИМ КОНДРАТЬЕВИЧ, 1908 г.р., урож. с. Веселое Днепропетровской обл., моб. Зеленодольским РВК, лейтенант, командир взвода 920 стрелкового полка 247 Рославльской стрелковой дивизии 69-й армии 1-го Белорусского фронта. Представлен 7 августа 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени. Погиб 28 декабря 1944 г.

156. КОРНИЛОВ ВИКТОР КУЗЬМИЧ, 1917 г.р., урож. с. Сосновка Новошешминского района, командир роты автоматчиков 1046 стрелкового полка 289 стрелковой дивизии 32-й армии Карельского фронта. Погиб 17 июля 1944 г. Представлен 2 сентября 1944 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

157. ЛАПАЕВ НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, 1911 г.р., урож. с. Починок Тетюшского района, моб. Больше-Тарханским РВК, лейтенант 259 отд. самоходного-артиллерийского дивизиона 136 стрелковой дивизии. Умер от ран 5 февраля 1945 г. Представлен 22 марта 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

158. МАЗИЛИН ФИЛИПП НИКОЛАЕВИЧ, 1894 г.р., урож. с. Дмитриевка Аксубаевского района, моб. Аксубаевским РВК, ст. сержант, командир расчета станкового пулемета 13 отд. пулеметно-артиллерийской батареи 161 полевого Укрепрайона. Погиб 1 марта 1944 г. Представлен 17 марта 1944 г. Награжден орденом Ленина.

159. МАКАРОВ ВИКТОР ИЛЬИЧ, 1910 г.р., урож. с. Альшеево Буинского района, моб. Ленинским РВК Казани, рядовой, стрелок-разведчик пешей разведки 1166 стрелкового полка 346 стрелковой дивизии. Представлен 3 ноября 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени. Умер от ран 24 декабря 1944 г.

160. МОИСЕЕВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ, 1919 г.р., урож. с. Борисоглебское Высогорского района, моб. Юдинским РВК, полковой инженер 337 гвардейского стрелкового полка 121 гвардейской Гомельской стрелковой дивизии 1-го Украинского фронта. Умер от ран 31 января 1944 г. Представлен 11 февраля 1944 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

161. НАГИМОВ ЗАГИД НАГИДОВИЧ, 1924 г.р., урож. дер. Юлтимирово Сармановского района, моб. Сармановским РВК, сержант, командир стрелкового отделения 1006 стрелкового полка 266 Артемовской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии. Погиб 17 апреля 1944 г. Представлен в январе 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

162. ОСИПОВ АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ, 1920 г.р., урож. с. Урганча Новошешминского района, моб. Новошешминским РВК, лейтенант, командир батареи 1-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 333 Краснознаменной Синельниковской

дивизии 37-й армии 3-го Украинского фронта. Представлен 30 ноября 1943 г. Награжден орденом Александра Невского. Погиб 23 августа 1944 г.

163. ОСТАПОВ ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, 1913 г.р., урож. Житомирской области, моб. Ленинским РВК Казани, сержант, наводчик орудия батареи 45 мм пушек 19 воздушно-десантного гвардейского стрелкового полка 10 воздушно-десантной гвардейской дивизии. Представлен 4 ноября 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени. Погиб 5 декабря 1943 г.

164. ПАНАРИН АНАТОЛИЙ АНИСИМОВИЧ, 1920 г.р., моб. Бугульминским РВК, гвардии капитан, замком батальона 17 гвардейского стрелкового ордена Суворова полка 5 гвардейской стрелковой дивизии. Умер от ран 27 апреля 1945 г. Представлен 28 апреля 1945 г. Награжден орденом Красного Знамени.

165. ПЕТРОВ ВИКТОР ИВАНОВИЧ, 1923 г.р., урож. Мензелинска, моб. Мензелинским РВК, сапер 494 стрелкового полка 174 стрелковой дивизии. Представлен 16 августа 1942 г. Награжден орденом Красного Знамени. Погиб 2 декабря 1942 г.

166. ПИМЕНОВ ИВАН КИРСАНОВИЧ, 1912 г.р., моб. из Казани, ст. лейтенант, командир батальона 856 стрелкового полка 283 стрелковой дивизии. Погиб 26 сентября 1941 г. Представлен 6 ноября 1941 г. Награжден орденом Ленина.

167. ПОДГОРНЫЙ ВЕНИАМИН ФЕДОРОВИЧ, 1924 г.р., урож. Кировской области, моб. Свердловским РВК Казани, гвардии сержант, механик-водитель Т-34 53 гвардейской танковой Краснознаменной бригады. Погиб 25 июля 1944 г. Представлен 31 июля 1944 г. Награжден орденом Ленина.

168. ПОНОМАРЕВ ЕФИМ КОНСТАНТИНОВИЧ, 1913 г.р., урож. с. Волчья Слобода Новошешминского района, моб. Новошешминским РВК, ст. лейтенант, командир роты 523 стрелкового полка 188 стрелковой дивизии 37-й армии 2-го Украинского фронта. Погиб 15 октября 1943 г. Представлен 28 октября 1943 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

169. САВИНОВ ПЕТР ИВАНОВИЧ, 1919 г.р., урож. с. Казыли Пестречинского района, моб. Рыбнослободским РВК, старший техник-лейтенант, командир танковой роты 53 танкового полка 69 механизированной бригады 9 механизированного корпуса. Представлен 14 ноября 1943 г. Награжден орденом Кутузова 3-й степени. Погиб 4 марта 1944 г.

170. САЛИМОВ АБДУЛЛА, 1917 г.р., урож. Казахстана, моб. из Казани, рядовой, пулеметчик 902 стрелкового полка 248 стрелковой дивизии 28-й армии. Погиб 19 августа 1943 г. (подвиг, подобный подвигу

А. Матросова). Представлен 1 ноября 1943 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

171. САДРУТДИНОВ ИБРАГИМ НАБИУЛЛОВИЧ, 1919 г.р., моб. Сталинским РВК Казани, гвардии сержант, командир отд. 218 гвардейского стрелкового полка 77 гвардейской стрелковой дивизии. Погиб 16 августа 1944 г. Представлен 13 сентября 1944 г. Награжден орденом Ленина.

172. САФИН РОБЕРТ САЛИХОВИЧ, 1923 г.р., урож. дер. Шемяково Апастовского района, моб. Апастовским РВК, мл. лейтенант, командир пулеметного взвода 843 стрелкового полка 238 стрелковой Карачевской стрелковой дивизии 49-й армии 2-го Белорусского фронта. Представлен 15 июля 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени. Умер от ран 15 января 1945 г.

173. СЕМЕНОВ МИХАИЛ МАТВЕЕВИЧ, 1899 г.р., урож. с. Кряш-Серда Пестречинского района, моб. Пестречинским РВК, ст. сержант, командир отделения 1176 стрелкового полка 350 стрелковой дивизии. Умер от ран 20 января 1943 г. Представлен 31 января 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

174. СЕРОВ АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ, 1922 г.р., урож. с. Билярск Алексеевского района, моб. Билярским РВК, зам. политрука, помощник командира стрелкового отделения 536 стрелкового полка 114 стрелковой дивизии 7 отдельной армии. Представлен 5 мая 1942 г. Награжден орденом Ленина. Погиб 27 июня 1944 г.

175. СИЛАНТЬЕВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ, 1911 г.р., урож. с. Салмановка Тетюшского района, моб. Больше-Тарханским РВК, капитан, командир стрелкового батальона 681 стрелкового полка 133 стрелковой дивизии. Представлен 13 апреля 1944 г. Награжден орденом Суворова 3-й степени. Умер от ран 9 сентября 1944 г.

176. СОЛДАТОВ АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ, 1917 г.р., урож. дер. Федоровка Александровского района, моб. из Казани, лейтенант, летчик, замком авиаэскадрильи 289 штурмового авиаполка 231 штурмовой авиадивизии. Представлен 3 ноября 1941 г. Награжден орденом Красного Знамени. Погиб 22 августа 1942 г.

177. ТАРАСОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ, 1903 г.р., урож. с. Рагозино Мамадышского района, моб. Мамадышским РВК, ст. сержант, командир отделения 785 стрелкового полка 144 стрелковой дивизии 5-й армии. Представлен 13 ноября 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени. Погиб в марте 1945 г.

178. ТИМОФЕЕВ ГЕННАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ, 1923 г.р., пос. Юдино, моб. Юдинским РВК, лейтенант, командир роты танков Т-34 танкового батальона 79 Сивашской бригады 19 танкового корпуса 4-го Украинского фронта. Представлен 15 мая 1944 г. Награжден

орденом Красного Знамени. Умер от болезни 21 августа 1944 г.

179. ТОРОШИН СЕРГЕЙ ИЛИДОРОВИЧ, 1913 г.р., урож. пос. Майская Горка, моб. Шереметьевским РВК, гвардии красноармеец, разведчик 213 стрелкового полка 71 стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта. Представлен 2 июля 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени. Погиб 9 августа 1944 г.

180. ФАТХУТДИНОВ ЗАГИТ ЯМАЛОВИЧ, 1924 г.р., урож. дер. Валеево, моб. Ново-Письмянским РВК, мл. лейтенант, командир взвода 31 штрафной роты 67-й армии. Погиб 15 сентября 1944 г. Представлен 17 сентября 1944 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

181. ХАБИБУЛЛИН ГРИГОРИЙ САМОЙЛОВИЧ, 1905 г.р., подполковник, командир 545 стрелкового полка 389 стрелковой дивизии 3 гвардейской армии 1-го Украинского фронта. Погиб 19 июля 1944 г., похоронен в г. Сокале Львовской обл. Чуть раньше награжден орденом Красного Знамени. Представлен 30 июля 1944 г.

182. ЧУМАКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, 1924 г.р., урож. Большой Куланги Кайбицкого района, моб. Кайбицким РВК, гвардии капитан, командир пулеметной роты отдельного гвардейского учебного стрелкового батальона 199 гвардейского стрелкового полка 67 гвардейской стрелковой дивизии. Представлен 30 июня 1944 г. Награжден орденом Красного Знамени. Умер от ран 24 марта 1945 г.

183. ШИТЬКОВ ИВАН ПАВЛОВИЧ, 1923 г.р., урож. с. Куюки Лаишевского района, моб. Лаишевским РВК, лейтенант, командир батареи 1008 Верхнеднепровского истребительно-противотанкового артиллерийского полка 69-й армии. Погиб 1 декабря 1943 г. Представлен 2 декабря 1943 г. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

184. ЩЕЦОВ НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ, 1923 г.р., моб. Сталинским РВК Казани, ефрейтор, замком 1511 истребительно-противотанкового артиллерийского полка 51-й армии. Умер от ран 9 ноября 1943 г. Представлен 10 ноября 1943 г. Награжден орденом Красного Знамени.

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПО ИНИЦИАТИВЕ РЕСПУБЛИКАНСКОГО
ПРОЕКТА «НАСТАВЛЕНИЕ, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ» НА ГРАНТОВЫЕ СРЕДСТВА
ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА «ДОБРОВОЛЕЦ РОССИИ»

Автор проекта: А. Малов
Авторы-составители: А. Малов, Р. Гараев

«Слово пахарей войны»

Выражаем благодарность Ольге Лукиной (Дютиной) за финансирование издания, группе товарищей Антона Головина – за материальную поддержку, активистам и председателю Татарстанского регионального отделения Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы» Азату Идрисову – за сохранение истории.

В книге использованы фотографии из архивов Казанского вертолетного завода, Музея Партизанской Славы МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №98» г. Казани, Союза ветеранов Республики Татарстан, личных архивов А.М. Малова, Р.Д. Гараева, К.Ф. Ераполова, М.А. Подольской, а также сайтов <http://podvignaroda.ru>, <https://pamyat-naroda.ru> и других открытых интернет-источников.

ООО «Мир без границ»
Дизайн, верстка, препресс: С. Шелестов
Корректор: М. Губина
Перевод на татарский язык: И. Халиуллин
420021, г. Казань, ул. Г. Тукая, 102
(843) 259 04 60
mirbg25@mail.ru

Подписано в печать: 30.03.2022
Формат 60×90/8 210×295, гарнитура PT Serif
Бумага ВХИ 80 гр, печать офсетная. Объем издания в усл. печ. л. 29
Тираж: 300 экз. Номер заказа _____
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идель-пресс»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2, e-mail: idelpress@mail.ru